

Свт. Димитрий Ростовский

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

X

ИЮНЬ

Святитель Димитрий, митрополит Ростовский.

XVIII в.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ

ИЗЛОЖЕННЫЯ ПО РУКОВОДСТВУ

ЧЕТЬИХЪ-МИНЕЙ св. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ИЮНЬ

«Ковчег»
Москва
2010

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Книга десятая. Июнь. — М.: «Ковчег», 2010. — 640 с., ил.

Данное издание представляет собой новый набор дореволюционного текста, напечатанного в Московской синодальной типографии в 1904–1911 гг., в современном правописании с заново подобранными иллюстрациями. Цитаты из Священного Писания приведены, за исключением некоторых, на русском языке (Синодальный перевод). Приложен список старинных мер длины и денежных единиц.

ISBN 5-98317-159-3

Подписано в печать 24.03.10. Формат 70×100$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 40 п. л. Усл. печ. л. 51,6.
Гарнитура «Newton». Тираж 3000 экз. Заказ № 1502.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Б. Ордынка, 7

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
http://www.gipp.kirov.ru
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

МИНЕИ-ЧЕТЬИ

НА

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Молитва
(из предисловия к Житиям святых)

Скажи ми безвестная и тайная премудрости Твоея́, на Тя бо уповаю, Боже, да Ты ми просветиши ум и мысль светом разума Твоего не то́кмо чести́ написанная, но и творити я, да не в грех себе учения и жития святых прочитаю, но в обновление и просвещение и в спасение души моей и в провожение в вечную жизнь.

День первый

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИУСТИНА ФИЛОСОФА

Святой мученик Христов Иустин философ родился в Сирии Палестинской, в пределах Самарии, в городе, называвшемся первоначально *Сихем*, а впоследствии[1] *Неаполис Флавия*[2]. Отец его, по имени Приск, был знатный язычник; язычником же был и сам Иустин, пока не просветился светом святой веры. Одушевленный любовью к истине, с юности имел он прилежание к книжному учению и, благодаря острому уму, успевал в науках, преподаваемых в греческих языческих школах. Усвоив себе искусство красноречия, он почувствовал стремление к философии и сначала сделался учеником одного философа-стоика[3], чтобы узнать, в чем состояло учение стоиков. Иустин горел желанием получить понятие о Боге, но, пробыв какое-то время у стоического философа, он ничего не узнал от него о Боге, так как стоик не знал Бога и учение о Нем не считал нужным. Тогда Иустин оставил этого учителя и пошел к другому философу, из так называемых перипатетиков[4], считавшемуся мудрецом. Немного дней прошло, как этот философ уже начал сго-

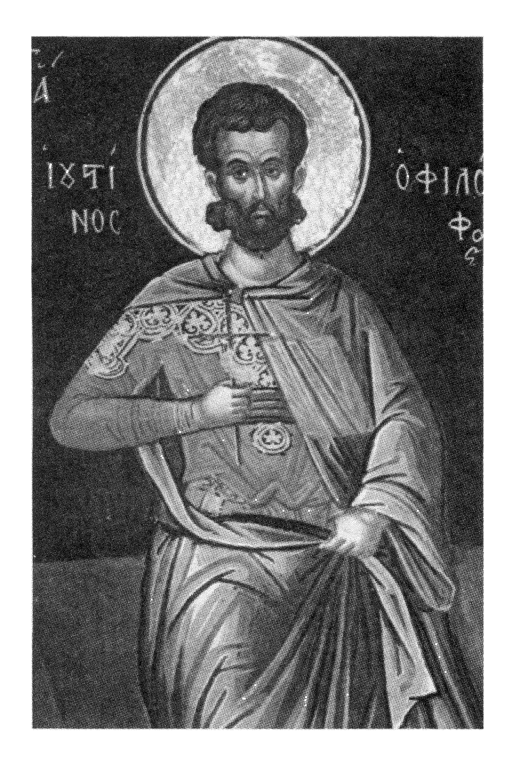
---

[1] По завоевании Палестины римлянами (I век по Рождестве Христовом).

[2] Нынешний Наблус.

[3] Основатель стоического учения — Зенон (III век до Рождества Христова); оно было по преимуществу практическим и имело целью научить господству над страстями и равнодушию при всяких обстоятельствах жизни.

[4] *Перипатетики* — последователи Аристотеля (IV век до Рождества Христова); они учили, что всякое познание берет начало из опыта.

вариваться с Иустином о плате, не желая учить его даром. Видя сребролюбие своего учителя, Иустин почувствовал к нему презрение, как к лихоимцу, и решил, что этот учитель недостоин даже называться философом, так как ему неизвестно презрение к мирскому богатству. Отвергнув, по указанным причинам, стоиков и перипатетиков, Иустин, побуждаемый неудовлетворенным стремлением к истинной философии, приводящей к познанию Бога, хотел, было, избрать своим учителем одного известного философа-пифагорейца[1]. Тот нашел, что Иустину должно прежде всего изучать астрономию, геометрию, арифметику, музыку и некоторые другие науки, как необходимые, — по его мнению, — в земной жизни. Но Иустин рассудил, что для изучения этих наук придется провести много лет, тогда как для души от них не будет никакой пользы; не слыша и от этого учителя ничего, что удовлетворило бы желание его сердца, с каждым днем все более распаляющегося любовью божественною, Иустин также оставил его. Потом он обратился к одному из платоников[2], учение которых в те времена было в великой славе и уважении; платонический философ обещал научить его познанию предметов бестелесных от подобия телесных, высшим знаниям от подобия низших и разумению Бога от разумения идей, — ибо предполагаемым концом этого платонического учения был переход от познания идей к разумению Бога. Блаженный Иустин охотно склонился на такой путь, надеясь

---

[1] Характер учения Пифагора (V век до Рождества Христова) виден из наставлений пифагорейца Иустину.

[2] *Платон* (IV век до Рождества Христова) признавал врожденными понятия о Боге, истине и добре, самостоятельность существования души и тому подобное. Его учение ближе к христианскому, чем прочие древние философские учения.

постигнуть предмет своих стремлений — божественную мудрость, дающую знание Бога и исполняющую благодатью Его. При учителе платонике пробыл он довольно времени, скоро изучил догматы и уставы Платона, и достиг совершенства и славы, как еллинский философ. Но истинного христианского богопознания достичь этим путем Иустин еще не мог, ибо греческие философы, почитая нетленного Бога под тленным образом людей, птиц, четвероногих и гадов, прославляли Его не по достоинству. Все же Иустин имел некоторое духовное утешение, упражняясь в богомыслии и поучаясь богопознанию, насколько мог постигнуть его ум, еще не просвещенный истинным учением.

Прогуливаясь однажды за городом, на уединенном месте вблизи моря и обсуждая в уме различные философские учения, Иустин увидел какого-то незнакомого ему почтенного старца, убеленного сединами. Когда он со вниманием смотрел на старца, последний сказал:

— Разве ты знаешь меня, что так внимательно на меня смотришь?

— Не знаю, — отвечал Иустин, — но мне удивительно видеть тебя в этом пустынном месте, где я не ожидал никого встретить.

— Родные мои, — сказал старец, — ушли в ту сторону; ожидая их возвращения, я вышел им навстречу, чтобы издалека увидеть их. А ты здесь что делаешь?

Иустин отвечал:

— Я люблю прогуливаться в уединении, чтобы беспрепятственно размышлять о философии.

— Какую же пользу приобретаешь ты от философии? — спросил старец.

Иустин отвечал:

— Что можно найти полезнее философии? Она — просветительница ума, вождь и наставница всякому рассуждению, руководительница жизни; кто хорошо узнает ее, тот как в зеркале видит невежество и заблуждения других; без философского учения и правильного употребления разума не может существовать премудрость. Поэтому должно каждому человеку поучаться философии, дабы знать, что приносит пользу и что нет, чего следует держаться и что отвергать.

— Но приносит ли философия счастье человеку? — спросил старец.

Иустин отвечал:

— Конечно, приносит.

— Скажи же мне, что такое философия, и в чем от нее счастье?

— Философия, — отвечал Иустин, — есть разумение всего существующего и познание истины; в обладании тем же разумением и премудростью состоит и приносимое философией счастье.

Старец спросил:

— Если истина познается с помощью правильного философского разумения, то что скажешь ты о Боге?

Иустин отвечал:

— Существо — никогда не изменяющееся, но всегда пребывающее в одном и том же состоянии, — первопричина всякого бытия, — вот как мыслю я о Боге.

Старцу понравился этот ответ, и он продолжал вопросы:

— У всего существующего есть ли один общий разум? Ведь о сведущем в каком-либо искусстве говорят, что он это искусство разумеет: землемерие ли то, мореплавание или врачевство; не то же ли бывает и по отношению к прочим вещам божественным и человеческим? Еще скажи мне: есть ли такой разум, от которого исходит познание вещей как божественных, так и человеческих?

— Поистине есть, — отвечал Иустин.

— Одно и то же ли: разуметь Бога или разуметь музыку, арифметику, астрономию, или что-либо подобное?

— Совсем нет. Иное дело, разуметь Бога, иное — знать какое-либо искусство.

— Ты хорошо отвечал, — сказал старец, — некоторые знания получаются нами или от слуха и учения, или от созерцания предмета собственными глазами. Если бы, например, кто сказал тебе, что в Индии водится такой-то зверь, не похожий ни на каких других зверей, но совершенно, по своим разнообразным свойствам, отличный от них, — не видев его своими глазами, ты не мог бы знать о нем, а не слышав сначала сам рассказа об этом звере, не мог бы рассказать о нем и другому. Вот теперь я и спрашиваю тебя: как ваши еллинские философы могут правильно разуметь о Боге и утверждать о Нем что-либо истинное, если никогда не видели Его, не слышали и, следовательно, не имеют никакого познания о Нем?

Иустин отвечал:

— Отче! Сила Божества зрится не телесными очами, как рассматриваются человеком какие-либо земные живые существа, но одним лишь умом можно постигать Бога, как говорит Платон, учению которого я следую.

Старец спросил:

— Нет ли в уме нашем некоей силы с такими свойствами и настолько могущественной, посредством которой мы могли бы скорее постигать невидимое, чем познаем телесными чувствами какую-либо вещь?

Иустин отвечал:

— Воистину есть такая сила; Платон называет ее оком ума, которое, по его учению, дано человеку с тою целью, чтобы, очищенное и просвещенное учением любомудрия, могло оно созерцать самую божественную истину, причину всех вещей, постигаемых умом. Истина же эта не имеет определенного образа, или какого-либо подобия, или возраста, или чего-либо доступного телесным очам, но есть существо выше всех существ, непостижимое, неисповедимое, соединение благости и красоты; самим же этим существом от начала насаждено в благородных душах желание познавать Его, — ибо оно любит, когда такие души Его познают и созерцают.

Старцу было приятно слышать такие слова, но все же он не был вполне доволен этим рассуждением Иустина о Боге по учению Платона, как несовершенным по отсутствию христианского исповедания и, не одобряя Платона, сказал:

— Если Платон так учит, как ты исповедуешь, то почему он сам не познал и не постиг истины Божией? Утверждая, что Бог невидим и непостижим, он видимой твари, небу, звездам, деревьям и камням, обтесанным в подобие человеческое, поклонялся как Самому Богу и, обращая в ложь истину Божию, держался кумирослужения, и учил тому других. Я не думаю, чтобы Платон и прочие еллинские философы обладали правильным разумом, могущим достигать истинного Богопознания: *осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1, 21–22). Словом, скажу так: ум человеческий, не на-

ставленный Духом Святым и не просвещенный верою, совершенно не в состоянии познавать и разуметь Бога.

Так и много подобного этому говорил старец о правом боговедении, истинном богопочитании и о прочих божественных вещах, обличая заблуждения еллинских философов. Дивясь речам старца, Иустин спросил:

— Где же и какого учителя можно найти для наставления в истине, если в Платоне и прочих философах нет истины?

Тогда старец начал повествовать ему о святых пророках, говоря:

— В древнейшие времена, гораздо ранее всех философов, были некие мужи святые, праведные и угодные Богу; исполненные Духа Святого, они предсказывали о том, что совершается ныне, и называются те мужи пророками. Они одни прежде всех познали истину и, возвещая ее людям, ни перед кем не смущались и никого не боялись; никто не мог убедить их в одном слове отступить от истины, и суетная слава не могла победить их. Обо всем, что они созерцали или слышали от Бога в бывших им откровениях, они говорили просто, истинно и безбоязненно. Писания их и ныне существуют; кто читает их с верою, тому приносят они много пользы и просвещают ум к познанию истины. Не хитрословием и не какими-либо софистическими[1] доводами или умозаключениями подтверждают свои слова эти святые пророки, но в простой беседе изрекают самую истину, ибо они сами, помимо всех софистических доводов, — вернейшие свидетели истины, как веровавшие в единого истинного Бога, Создателя всего существующего, и предвозвестившие пришествие в мир Сына Его, Господа Христа. И несомненно, что пророки заслуживают веры, так как одни предречения их уже исполнились, а другие ныне исполняются. Истину же некоторых из своих предречений они утверждали и чудесами, творя дивные дела силою, подаваемой им свыше Божией благодатью, чего ложные, не Богом поставленные, пророки никогда не могли творить, а лишь устрашали людей некими бесовскими привидениями и обманами.

Так беседовал с Иустином незнакомый ему блаженный муж и наконец сказал ему:

---

[1] Софисты отрицали возможность положительного знания вещей и брались за доказательство любой, даже ложной мысли. Отсюда софизм — правильный вывод из ложного основания.

— Прежде всего молись прилежно истинному Богу, да откроет тебе двери света, ибо только тот может созерцать и разуметь божественное, кого Бог Сам удостоит откровения; открывает же Он всякому, кто ищет Его молитвою и приближается к Нему любовью.

Так сказав, старец отошел от него и стал невидим; никогда и нигде потом Иустин уже не мог найти и увидеть этого мужа. О своих сердечных ощущениях после ухода старца сам Иустин, в беседе с славным иудеянином Трифоном, поведал так:

— Какой-то огонь разгорелся во мне, воспламеняя дух мой стремлением к Богу, и возросла во мне любовь к святым пророкам и к тем мужам, которые суть друзья Христовы. Размышляя о словах старца, я познал, что возвещенная им философия — единственно истинная, начал читать пророческие и апостольские книги и от них стал действительно философом, то есть истинным христианином.

Поведав это о себе впоследствии Трифону, блаженный Иустин предал одновременно памяти, с чего началось обращение его к Богу, когда незнакомым мужем, как бы посланным с небес, он был наставлен на правый путь.

После душеполезной беседы с боговдохновенным старцем, Иустин немедленно обратился к христианским книгам и с сердечным прилежанием начал читать Божественные Писания. Древние пророчества сивилл[1] он сопоставлял с предсказаниями святых пророков о воплощении Христа от Пречистой Девы, о Его вольных страданиях, о будущем суде и о кончине видимого мира; усматривая полное согласие в тех и других, дивился, и понемногу, под внутренним наставлением Святого Духа, приходил к более совершенному познанию Бога и Сына Божия. День ото дня усиливалось в душе его стремление к благочестию и, склоняясь к христианской вере, он осуждал в себе еллинское безумие. В то время немалым препятствием для добрых намерений души, стремящейся к христианскому благочестию, были частые и лютые гонения на христиан, а также много бесчестных, постыдных, слухом невмещаемых клевет в пороках, ложно возводимых на христиан язычниками, — будто бы христиане в своих ночных (молитвенных) собраниях, погасив светиль-

---

[1] *Сивиллы* — предсказательницы будущего у греков и римлян. В приписывавшихся им предсказаниях указываются довольно ясно различные обстоятельства земной жизни Спасителя.

ники, вместе с тем угашают и свет чистоты, взаимно оскверняясь нечистотою, и подобно зверям едят человеческое мясо. Такими и подобными гнусными нареканиями язычники и иудеи обесславливали неповинных христиан перед всеми народами. Лжи нечестивых и безумных людей верили, как бы самой истине; и все неверные ненавидели христиан, людей праведных и святых, гнушались ими, презирали и отвращались от них, как от великих беззаконников, повинных тяжким грехам, и предавали христиан на смерть после многих и разнообразных мук. Эти обстоятельства сначала препятствовали Иустину в его намерении присоединиться к христианам; но все-таки он не давал особой веры обвинениям, возводимым на христиан, зная хорошо, что часто неразумным народным судом неповинные осуждаются как виновные, чистые обесславливаются как развратники и праведные считаются грешниками. Видя же, что христиане безбоязненно дают ответы в судах, мужественно переносят муки, все видимые блага мира сего презирают как сор, добровольно отдаются на мучение за Господа своего и стремятся на смерть, как на пир, — Иустин рассуждал в себе:

— Неправда то, что говорят о христианах, будто бы они творят такие беззакония: грешник, погрязший в необузданных чувственных наслаждениях и из сластолюбия потребляющий человеческое мясо, не переносит мук, не отдает себя добровольно на раны, но избегает их; будучи же привлечен к какому-либо суду, старается всячески избавиться и не жалеет средств, чтобы откупиться от наказания, дабы потом жить безболезненно и, пользуясь телесным здоровьем, еще более предаваться своим похотям. Не таковы христиане: добровольно избирая страдание за Христа, в Которого веруют, и, предпочитая смерть жизни, разве могут они настолько любить грех?

Так рассуждая, он тщательно разузнавал о жизни христиан и вполне убедился, что они пребывают в страхе Господнем чисто и непорочно, рачительно соблюдают свое целомудрие, постом и воздержанием постоянно умерщвляют себя, часто молятся и всегда упражняются во всяких добрых делах. Убедившись во всем этом, Иустин весьма полюбил христиан, всем сердцем привязался к ним и принял святое крещение. И стал он великим поборником Христовой веры, борцом словом и писанием против еллинов и иудеев, непобедимым воином Христа, крепким и мужественным подвижником.

Стремясь к спасению душ человеческих, он обходил различные страны: учил и проповедовал о имени Христовом, обращая неверных от заблуждения их к Богу. Пришел он и в Рим[1], как философ, — в философском одеянии, вместе с учениками своими. Так как многие сходились к нему для учения, то он образовал училища и под видом внешнего любомудрия учил истинной христианской философии. Встретив там Маркиона[2], основателя ереси, он с силою противостал ему, опроверг и написал книги против ересей его, а также и против других еретических учений. Там же в Риме был некий языческий философ-циник[3] Крискент, великий враг христиан; с этим нечестивым философом истинный христианский философ святой Иустин непрестанно боролся словом и писал против него книги. Этот циник, сам живя нечисто и весьма беззаконно, ненавидел христиан за их целомудренную жизнь по Боге и завидовал доброй славе Иустина, пользовавшегося за свою боговдохновенную премудрость и чистую, непорочную жизнь почетной известностью у всех римлян. В злобе своей циник клеветал на христиан, обвиняя их во многих постыдных делах, чтобы обесславить Иустина вместе с его единоверцами в глазах народа и возбудить к ним отвращение. Слыша и видя это, святой Иустин говорил:

— Я готов пострадать за веру Христову и претерпеть смерть от неверных; и думаю, что она постигнет меня чрез этого Крискента циника, безумного, любящего гордость больше мудрости, который недостоин названия философа, ибо осмеливается утверждать то, чего достоверно не знает, будто христиане — безбожники (не имеют Бога) и делают много нечистого и беззаконного; так хулит он нас по ненависти и злобе и тем хуже простых людей, ибо последние не дерзают что-либо говорить о вещах, которых не знают.

Царствовал тогда в Риме Антонин[4], преемник Адриана. Сам

---

[1] *Рим* — главный город Римского государства, лежит в средней части Италии по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

[2] *Маркион* принадлежал к еретикам-гностикам и учил, что видимый мир сотворен не Богом, а низшими Его силами; ветхий завет он отвергал.

[3] *Циники* (основатель учения — Антисфен, IV век до Рождества Христова) доводили до крайности учение о простоте в жизни, отвергая науку, искусство и всю внешнюю культуру.

[4] Известны две апологии святого Иустина: первою, написанною не ранее 150 года и заключающею в себе шестьдесят восемь глав, он пытался доставить

Антонин не был озлоблен против христиан; однако, в силу указов прежних царей, нечестивые идолопоклонники, правившие народом, гнали и убивали христиан из великой ненависти к ним, а также из лихоимства, чтобы грабить имения их; и не столько ради исповедания имени Христова, сколько по ложным клеветническим обвинениям во многих беззакониях, верных предавали суду, допрашивали во взводимых клеветах и казнили различными видами смерти. В это время в Риме произошел такой случай: некая женщина язычница, жившая нечисто, услышав от христиан слово об истинном Боге и учение о целомудренной жизни, о воздаянии праведным и о муке грешным, умилилась душою и уверовала во Христа. Мужа своего, усердного идолопоклонника, погрязшего в плотской нечистоте, она всячески увещевала, желая наставить на воздержную жизнь и обратить к истинной вере. Когда же она увидела, что совершенно не в состоянии исправить его, то изыскивала средства расторгнуть супружеский союз с ним, чтобы не жить вместе и не оскверняться уже более нечистотою. Муж, узнав, какой христианин научил жену его христианской вере, пошел к градоначальнику жаловаться на христианина, имя которого было Птоломей. Раб Христов Птоломей был взят, долго содержался в смрадной темнице и, преданный суду, был приговорен к смерти градоначальником. Во время этого неправедного суда стоял там некий муж, по имени Лукий, и видя, что блаженный Птоломей осужден неповинно, сказал несправедливому судии:

— За какую вину, градоначальник, ты предаешь на смерть мужа, неповинного смерти? Он не прелюбодей, не насильник, не убийца, не вор, не хищник, в другом каком-либо беззаконии также не обличен. Единственная его вина та, что он исповедал себя христианином.

Грозно взглянув на говорившего, градоначальник со злобой спросил:

— И ты не из числа ли христиан?

Лукий отвечал:

христианам покровительство императора Антонина; второю (написанною приблизительно в 162 году) расположить Марка Аврелия к более кроткому обращению с христианами. В своих апологиях Иустин философ говорит «от имени несправедливо ненавидимых и гонимых христиан».

— Да, я христианин.

Тогда градоначальник и его повелел предать смерти. Присоединился к этим двум христианам и третий, друг их, во всеуслышание исповедующий себя христианином; и все трое положили души свои за Христа.

Блаженный Иустин, узнав об этом несправедливом убиении святых, исполнившись скорби, написав свиток, или апологию[1], доказывающую неповинность христиан, вручил ее царю, сыновьям его и всему сенату, безбоязненно готовый на муки и смерть за Христа. Царь со вниманием прочитал этот свиток, подивился премудрости христианского философа и не только не прогневался на него и не предал его смерти, но даже похвалил разум его. В этом свитке Иустин изобличал ложность языческих богов, ясно изобразил всемогущество Христа, доказал, что обвинения, возводимые на христиан, ложны, и что жизнь их целомудренна и праведна. Умилившись, царь повелел, чтобы христиан за исповедание имени Христова не мучили и имений их не грабили, кроме случаев преступлений, поистине достойных осуждения и казни. Святой Иустин записал это царское повеление; отпущенный царем, он с его соизволения отправился в Азию, где тогда христиане особенно подвергались гонению. В философской одежде, которую не оставлял он до кончины своей, Иустин пришел в Ефес[2], объявил и изъяснил всем повеление царя и послал его в окрестные страны и города. Настала тишина в Церкви Христовой, гонение на время прекратилось, и верным была великая радость. Пребывая в Ефесе, святой Иустин имел прения с премудрым раввином иудейским Трифоном и одержал победу, ссылаясь на

---

[1] Доблестные мужи, в пору тяжких гонений на христиан в II и III веках выступавшие пред римским правительством и обществом в качестве литературных защитников христиан и обличителей язычества, в истории Церкви известны под именем апологетов — то есть защитников, а их сочинения носят общее название апологий. В истории Христианской Церкви известны следующие апологеты; на Востоке: Аристид, Кодрат, Мелитон, епископ Сардийский, Татиан, Афиноген, Мильтиад, святой Феофил, епископ Антиохийский; на Западе: Минуций Феликс, Квинт Септимий Тертуллиан, Арнобий, Лактанций и святой Киприан, епископ Карфагенский.

[2] *Ефес* — главный город мало-азиатской провинции Асии; расположен на реке Каистре. В настоящее время на месте древнего города Ефеса находится бедная турецкая деревушка, называемая *Сейся* — Селюк.

ветхозаветное Писание; об этом прении, как и о вышеназванной апологии, есть в книге Иустина пространное слово[1]. Пробыв в Ефесе довольно времени, он снова возвратился в Италию и, по примеру апостолов, всюду в пути проповедовал Христа, обращал путем прений к святой вере иудеев и еллинов и утверждал в ней верных. Когда он пришел в Рим, восстал на него с сильнейшею ненавистью и большею злобою вышеназванный еллинский философ Крискент циник; святой Иустин часто имел с ним прения, всегда его одолевал и посрамлял пред всеми. Не будучи в состоянии противостоять Иустину и не зная, что иное делать, злобный Крискент возвел на него много ложных обвинений перед римским судом. Святого взяли и, как повинного наказанию, мучили в узах и истязали на суде; но не нашлось в нем никакой вины. Завистник же, боясь, чтобы Иустина не отпустили на свободу, тайно приготовил смертный яд, посредством которого обманным образом и лишил жизни непобедимого воина Христова.

Так скончался[2] истинный христианский философ святой Иустин, оставив по себе много писаний, весьма полезных Церкви Христовой и исполненных премудрости Святого Духа[3]. Представ подвигоположнику Христу Господу, он принял от Него венец страдальческий и был причислен к лику святых мучеников, славящих Святую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, вовеки, аминь.

---

[1] «Разговор с Трифоном иудеянином».

[2] В 165–166 годах.

[3] Кроме помянутых, древним известны были сочинения святого Иустина: «Замечания о душе», а также: «Обличение против Еллинов», «Речь против Еллинов», содержавшие в себе обличение язычества. Святым Иоанном Дамаскиным сохранена значительная часть не дошедшего до нас сочинения Иустина «О Воскресении». Известный церковный историк Евсевий утверждает, что Иустином была написана книга «Певец», «Обличение всех бывших ересей» и книга «Против Маркиона». Сам Иустин философ в первой апологии упоминает о своем сочинении против ересей. Самым замечательным произведением Иустина философа являлось сочинение — диалог против иудеев под заглавием «Разговор с Трифоном иудеянином».

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИУСТИНА
и дружины его

Когда идолопоклонники изда́ли по всем странам и городам греко-римской империи нечестивое повеление против благочестивых и преданных благому закону христиан о том, чтобы всякий, верующий во Христа, принуждался приносить жертву идолам, были взяты святые мученики Иустин, Харитон и Харита (женщина), Евелпист, Иеракс, Пеон и Валериан, приведены в Рим и представлены на суд градоначальника Рустика. Тот сказал Иустину:

— Окажи повиновение богам и царским повелениям, чтобы не подпасть осуждению.

Святой Иустин отвечал ему:

— Никто и никогда не может быть осужден, если повинуется заповедям Спасителя нашего Иисуса Христа.

— Какого учения ты держишься? — спросил градоначальник.

Иустин объяснил:

— Я прилежно изучал всякие внешние науки и достиг искусства во всяком знании, но потом присоединился к истинному христианскому учению, — хотя бы оно и не одобрялось теми, кто заблуждается в неправом мудровании.

Рустик возразил на это:

— Так ты, окаянный, любишь учения, противные нашему мудрованию?

— Да, люблю, — отвечал святой Иустин — ибо следую справедливому учению христиан.

— Что это за учение?

— Правое учение, которое мы, христиане, нерушимо соблюдаем, таково: знать единого Бога, Творца и Создателя всего видимого и невидимого, и исповедовать Господа Иисуса Христа Сына Божия, некогда предвозвещенного пророками, Который приидет судить человеческий род. Он есть Проповедник спасения и Учитель желающих утвердиться в добродетели. О бесконечном Божестве Его я, человек немощный, меньший из всех, не могу говорить с достаточной

силою, но исповедую, что это предсказано пророками: они за много веков предвозвестили сошествие на землю Того, Кого наименовал я Сыном Божиим.

Градоначальник спросил:

— Куда сходятся христиане?

Иустин отвечал:

— Всякий приходит туда, куда хочет и может. Разве ты думаешь, что мы все собираемся в одно место? Это дело несбыточное: ибо Бог христианский не пребывает в каком-либо месте, но, будучи невидимым, наполняет небо и землю; везде поклоняются Ему верные, и слава Его провозглашается повсюду.

Сказал градоначальник:

— Все-таки ответь нам, куда вы сходитесь, и где собираешь ты своих учеников.

Иустин отвечал:

— Я доселе находился близ дома некоего Мартина, при бане, называемой Тимиотини, пришел же в город Рим во второй раз, и другого места, кроме названного, не знаю; всякого, пожелавшего прийти ко мне, я присоединял к истинному учению.

— Итак ты христианин? — спросил Рустик.

— Да, я христианин, — отвечал Иустин.

Тогда градоначальник обратился к Харитону:

— И ты не христианин ли?

Отвечал святой Харитон:

— С помощью Божией, и я христианин.

Потом спросил Рустик блаженную жену Хариту, следует ли и она Христовой вере. Харита также объявила себя христианкой, по благодати Божией. Потом Рустик спросил Евелписта:

— А ты кто?

— Я царский раб, — отвечал тот, — но, как христианину, Сам Христос даровал мне свободу; Его милосердием и благодатью стал я участником той же надежды, как и те, которых ты видишь.

Затем градоначальник спросил Иеракса, не христианин ли и он. Иеракс ему отвечал:

— Поистине, и я христианин, ибо почитаю Того же Бога и поклоняюсь Ему.

— Вас сделал христианами Иустин? — спросил градоначальник.

Иеракс отвечал:

— Я и был, и буду христианином.

Бывший тут же святой Пеон сказал:

— И я христианин.

— Тебя кто научил христианству?

— От родителей принял я это доброе исповедание, — отвечал Пеон.

Потом сказал Евелпист:

— И я от родителей моих получил наставление в христианстве, внимали же словам Иустина, еще сильнее укрепился в христианской вере.

— Где же твои родители? — спросил градоначальник.

— В Каппадокии.

Потом градоначальник спросил Иеракса:

— В какой стране живут твои родители?

Иеракс ему отвечал:

— Истинный Отец наш — Христос, а матерь — вера в Него; земные родители мои преставились, я же пришел сюда из Иконии Фригийской.

Обратился градоначальник к Валериану, побуждая и его к ответу:

— Ты также христианин и к богам не усердствуешь?

Валериан отвечал:

— И я христианин, почитаю единого истинного Бога и Ему поклоняюсь, ваших же богов презираю.

Снова градоначальник обратился к Иустину:

— Послушай, ты, называющийся красноречивым и считающийся последователем истинного учения: если начиная с головы по всему телу покроешься язвами, то думаешь ли чрез это войти на небо?

Иустин отвечал:

— Если я претерплю названное тобою мучение, то надеюсь получить такое же воздаяние от Господа моего, какое уготовано сохранившим Христово учение; ибо я знаю, что всех, благочестиво поживших и как-либо пострадавших за Бога, ожидает до скончания всего мира сокровенная Божия благодать.

На это градоначальник Рустик сказал:

— Итак, ты полагаешь взойти на небо и получить некоторую награду от Бога твоего?

— Не полагаю, — возразил Иустин, — но знаю достоверно и надеюсь на это без сомнения.

Сказал Рустик:

— Однако приступим к предстоящему нам делу: соберитесь вместе, и все вместе принесите жертву богам.

На это Иустин возразил:

— Никто, рассуждающий здраво, не захочет лишиться благочестия и впасть в заблуждение и беззаконие.

Рустик сказал:

— Если вы не будете повиноваться нашим повелениям, то понесете муки без всякого помилования.

Иустин отвечал:

— Воистину желаем претерпеть муки за Господа нашего Иисуса Христа и спастись, ибо эти муки исходатайствуют нам спасение и дерзновение на страшном суде Его, на который по повелению Божию предстанет весь мир.

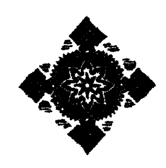
Так же говорили и все прочие святые мученики, присовокупляя:

— Исполняй скорее намерение свое; мы христиане, — идолам приносить жертву не будем.

Выслушав это, градоначальник объявил приговор:

— Не желающие принести жертву богам и покориться царскому повелению да будут наказаны жезлами и отведены на смертную казнь через обезглавление, как повелевают римские законы.

Так святые мученики, славящие Бога, были выведены на обычное место казней, приняли раны и, усеченные секирою, окончили страдания в спасительном исповедании. Потом некоторые из верных тайно взяли их честные тела и погребли на достойном месте, при содействии благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава во веки веков, аминь.

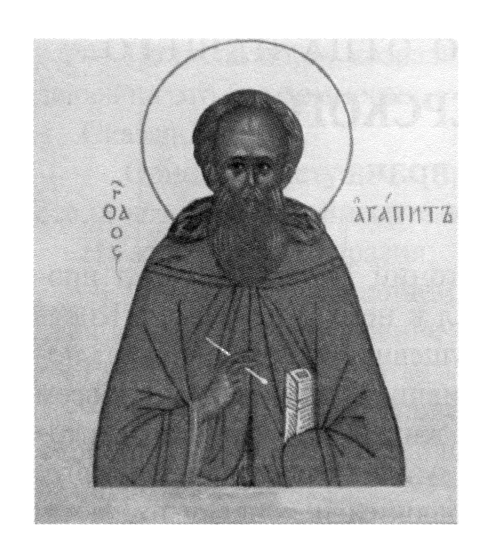
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **АГА́ПИТА ПЕЧЕРСКОГО**, безмездного врача

Когда преподобный отец наш Антоний Печерский[1] был прославлен даром исцеления, пришел к нему в пещеру из Киева блаженный Агапит, желая получить душевное исцеление через пострижение в иноческий чин; удостоившись желаемого, он всем сердцем последовал ангелоподобному житию преподобного Антония, руководясь и его наставлениями. Агапит был очевидцем того, как этот великий муж сам служил болящим и исцелял их своею молитвою, причем скрывая дарование, данное молитве его, вручал недужным под видом лекарства травы от пищи своей. Видя это, блаженный Агапит начал соревновать святому старцу в подвигах и трудился так много лет; когда расхварывался кто-либо из братии, блаженный оставлял келию свою, в которой не было ничего, что можно было бы похитить, приходил к болящему брату и служил ему: поднимал его, укладывал, выносил на своих руках и непрестанно молил Бога об исцелении недужного; если же болезнь иногда и затягивалась, то чрез это Господь желал умножить веру и усилить молитву раба Своего Агапита. Подражая подвигам преподобного Антония, блаженный Агапит сподобился быть участником и равной с ним благодати: молитвою своею он исцелял всех болящих, также подавая им травы, которые варил в пищу себе, за что, собственно, и был прозван врачом. О нем распространилась молва в Киеве, и много болящих приходило к нему, отходя здоровыми.

В то время жил в Киеве некий врач, происхождением и верою армянин, настолько искусный в своем деле, что раньше не было

---

[1] *Преподобный Антоний*, родом из Любеча (в сорока верстах от Чернигова), постриженник святой Горы Афонской. Придя в Киев, избрал местом поселения одну пещеру в лесистой горе близ Днепра. Богоугодная, подвижническая жизнь преподобного Антония собрала около него многих, желавших, под его руководством, проводить иноческую жизнь. Так возник знаменитый Киево-Печерский монастырь. Скончался преподобный Антоний девяностолетним старцем, после сорокашестилетних подвигов в пещере, в 1073 году, 7 мая. Память его — 10 июля.

равного ему. Достаточно было ему взглянуть на болящего смертным недугом, как он тотчас узнавал и объявлял день и час его кончины, и всегда безошибочно; такого больного он уже ни за что не хотел лечить. Один из болящих такого рода, первый боярин у великого князя Всеволода[1], которого армянин поверг в отчаяние, предсказав смерть чрез восемь дней, был принесен в Печерский монастырь. Но блаженный Агапит, сотворив молитву о нем, дал ему в пищу трав, которые вкушал сам, и исцелил его; и немедленно прошла о нем слава по всей земле русской. Армянин, уязвленный стрелою зависти, начал укорять блаженного и послал в Печерский монастырь одного осужденного на смерть, который должен был принять пред Агапитом яд и умереть. Блаженный, видя этого человека умирающим, дал ему с молитвою о нем той травы, которую вкушал сам, и этим избавил от смерти обреченного на смерть. С тех пор армянин особенно вооружился на блаженного и подговорил своих единоверцев подать самому Агапиту питье с примесью смертного яда; блаженный же принял и остался невредимым. ***Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения*** (2 Пет. 2, 9) по слову Своему: ***если что смертоносное выпьют, не повредит им*** (Мк. 16, 18).

Потом разболелся в Чернигове князь Владимир Всеволодович Мономах[2]. Армянин хотя и старательно врачевал его, но безуспешно, так что недуг все более и более увеличивался. Уже будучи при кончине, князь просил тогдашнего игумена Печерского Иоанна прислать к нему в Чернигов для врачевания блаженного Агапита. Игумен призвал его и известил о просьбе князя, но блаженный Агапит, которого никто еще не видел выходящим из ворот для врачевания вне монастыря, со смирением сказал:

---

[1] *Всеволод Ярославич* княжил первый раз шесть месяцев (1075–1076 гг.) и второй раз — с 1078-го по 1093 год.

[2] *Владимир Всеволодович* княжил затем в Киеве с 1114-го по 1125 год.

— Если я пойду для этого дела к князю, то и ко всем должен идти. Прошу тебя, отче, не побуждай меня выходить за монастырские ворота ради славы человеческой, избегать которой обещался я пред Богом до последнего издыхания. Если позволишь, лучше я удалюсь в иную страну и потом опять возвращусь сюда, когда минет эта нужда.

Посланный князя, убедившись, что не будет в состоянии призвать к своему господину самого блаженного Агапита, начал просить, чтобы он дал хотя трав для исцеления. По убеждениям игумена, блаженный дал посланному трав от пищи своей; их принесли к князю, последний вкусил и немедленно выздоровел, по молитвам блаженного.

Тогда князь Владимир Мономах пришел сам в Печерский монастырь, желая видеть того, чрез кого Бог возвратил ему здравие; он никогда не встречался ранее с блаженным и теперь желал почтить его, щедро одарив. Но Агапит, не желая земной славы, скрылся; тогда князь отдал игумену принесенное для угодника Божия золото. Но некоторое время спустя тот же Владимир снова послал одного из своих бояр со многими дарами к блаженному Агапиту. Посланный нашел святого Агапита в келии и положил пред ним подарки князя. Блаженный сказал ему:

— Чадо, никогда, ни от кого и ничего не брал я (за исцеление), потому что исцелял силою не своею, но Христовою; не требую этого и ныне.

Боярин отвечал:

— Отче! Пославший меня знает, что ты ничего не требуешь; но умоляю тебя прими это, чтобы утешить сына твоего, которому чрез тебя Бог даровал здравие; дар же отдай, если тебе угодно, нищим.

Старец отвечал ему:

— Если ты так говоришь, то приму с радостью. Скажи пославшему тебя, что и прочее, что у него есть, — чужое, и ничего не возьмет он с собой, когда будет расставаться с жизнью; поэтому пусть и остальное раздаст он нищим. Ибо Сам Господь, Который находится среди обездоленных, избавил его от смерти, я же сам по себе никакого успеха не имел бы; и прошу, чтобы он не ослушался этих наставлений моих, дабы не пострадать более сильно.

С такими словами блаженный Агапит взял принесенное золото и вышел с ним из келии, как бы для того, чтобы спрятать его; вынес и

бросил, сам же бежал и скрылся. Спустя немного времени боярин вышел, увидел брошенные пред воротами дары, поднял и отдал игумену Иоанну. Возвратившись к князю, он рассказал ему все, что видел у блаженного и что слышал от него; и все уразумели, что это — истинный раб Божий, ищущий награды от одного Бога, а не от людей. Князь же, не осмеливаясь ослушаться святого, начал раздавать нищим щедрую милостыню.

После многих богоугодных трудов и подвигов, впал в болезнь и сам безмездный врач, блаженный старец Агапит. Узнав об этом, вышеупомянутый врач армянин пришел посетить его и начал спорить с ним о врачебном искусстве, спрашивая, каким средством лечится недуг Агапита.

Блаженный отвечал:

— Тем, каким подает здравие Сам Господь, врач души и тела.

Армянин счел его совершенно не знающим врачевания и сказал сопровождавшим его:

— Он ничего не знает в нашем искусстве.

Потом взял его за руку и сказал:

— Говорю истину: на третий день он умрет; если изменится слово мое, то я изменю жизнь мою, и сам стану таким же монахом.

Блаженный с горячностью сказал:

— Так вот способ твоего врачевания: больше говорить о смерти, чем о помощи! Если ты искусен, дай мне жизнь; если не можешь этого, зачем унижаешь меня и осуждаешь на смерть в третий день? Меня же известил Господь, что через три месяца отойду я к Нему.

Снова сказал ему армянин:

— Вот ты уже весь изменился; такие никогда не выживают дольше трех дней.

Святой Агапит действительно был в крайнем изнеможении, так что без посторонней помощи не мог даже двинуться. Между тем к блаженному Агапиту, самому сильно болящему, принесли для исцеления некоего больного из Киева. Блаженный с Божиею помощью немедленно встал, как бы и вовсе не болел, взял обычную свою траву, которую вкушал, и показал армянину, говоря:

— Вот трава, которою я врачую: смотри и разумей.

Тот, посмотрев, сказал святому:

— Это не из наших трав, но, думаю, из Александрии.

Блаженный, посмеявшись невежеству его, дал болящему вкусить травы, помолился и немедленно сотворил его здоровым. Потом он сказал армянину:

— Сын мой, прошу тебя, вкуси этой травы со мною, если хочешь, ибо ничем иным не могу угостить тебя.

— Отче, — отвечал ему армянин, — мы в этом месяце постимся четыре дня, и теперь я держу пост.

Услышав это, блаженный спросил его:

— Кто ты, и какой веры?

Тот отвечал:

— Разве ты не слышал обо мне, что я армянин?

Тогда блаженный сказал ему:

— Как же ты осмелился войти сюда и осквернить мою келию, да еще держишь меня за грешную мою руку? Выйди от меня, иноверный[1] и нечестивый.

И тот, посрамленный, удалился.

После того блаженный Агапит прожил, как предрек ранее, три месяца и, немного поболев, отошел ко Господу. Будучи на земле врачом безмездным, он принял великую награду уже на небе, где нет болезни. Братия приготовили к погребению честное тело его и с обычным пением положили в пещере преподобного Антония[2]. По кончине святого, пришел армянин в Печерский монастырь и сказал игумену:

— Отныне я оставляю армянскую ересь и истинно верую в Господа Иисуса Христа, для Которого желаю трудиться в святом иноческом чине. Блаженный Агапит явился мне и сказал: «Ты обещался

---

[1] Армяне разделяют монофизитскую ересь, осужденную IV Вселенским собором в Халкидоне (451 г.), и отвергают все последовавшие за ним Вселенские соборы. Сущность монофизитской ереси состоит в учении, что Господь Иисус Христос, рожденный из двух природ или естеств, пребывает не в двух — ибо человеческая природа в Лице Бога-Слова так тесно соединилась с Его Божественною природою, что только мысленно может от нее отличаться. В древней Руси вообще существовал взгляд на армян, как злых еретиков: так, митрополит Киприан (1386–1406 гг.) в своих канонических ответах писал игумену Афанасию: «армянская же ересь гнуснейше паче всех ересей; ради этого не достоит православному крестьянину (то есть христианину) ни едино же общение имети с ними».

[2] Преподобный Агапит скончался не позднее 1095 года, мощи его почивают в пещере святого Антония.

принять иноческий образ; если солжешь, то погубишь и жизнь, и душу». Я верую, что явившийся мне свят, и если бы хотел он дольше жить здесь, то это даровал бы ему Бог. Я полагал, что он не переживет трех дней, а Бог прибавил ему три месяца, а если бы он желал, то жил бы и три года. Но я думаю, что сам он, как святой, захотел оставить нас, стремясь в Царство святых, и если преставил его Бог из временной жизни в этой обители, зато даровал ему жизнь вечную в обителях небесных. Поэтому желаю скорее исполнить повеление этого святого мужа.

Игумен, выслушав армянина, постриг его в иноческий образ и долго наставлял врача телес, чтобы он, последуя блаженному Агапиту, был искусен во врачевании своей души. Армянин подвизался богоугодно и, проведя остальную жизнь в том же Печерском монастыре, здесь же принял блаженную кончину, предав душу свою в руки врача душ и телес, Господа нашего Иисуса Христа, славимого с безначальным Отцом и с Пресвятым, благим и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ДИОНИСИЯ**, игумена Глушицкого, нового чудотворца

Преподобный отец наш Дионисий подвизался сперва вблизи озера, называвшегося Великим Кубенским[1] и находившегося на расстоянии четырнадцати поприщ[2] на восток от города Вологды. Впоследствии он оставил это место и в сопровождении инока, по имени Пахомия, стал обходить многие места, расположенные в

---

[1] *Преподобный Дионисий*, в миру *Димитрий*, родился в 1362 году в окрестностях города Вологды. О его родителях и жизни его до принятия иночества не сохранилось сведений. Он был пострижен Дионисием, игуменом Спасокаменной обители, находившейся на *Кубенском озере*, и в этой обители подвизался девять лет. Кубенское озеро названо «Великим», вероятно, потому, что из всех озер Вологодского края оно — самое большое.

[2] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

окрестностях названного озера, ища такого, где бы в уединении он мог отдаться служению Богу. Преподобный Дионисий и Пахомий пришли в селение, называвшееся Лучицей[1], и здесь прежде всего построили себе келию, а вскоре после этого соорудили и церковь во имя святого Николая, которую и освятили по благословению ростовского епископа Григория. После этого стали собираться к ним иноки, чтобы жить с ними и подвизаться для душевного спасения. Устроив на указанном месте монастырь, преподобный Дионисий учредил в нем общежитие и, приняв после этого сан священника[2], стал в чистоте приносить жертву Господу.

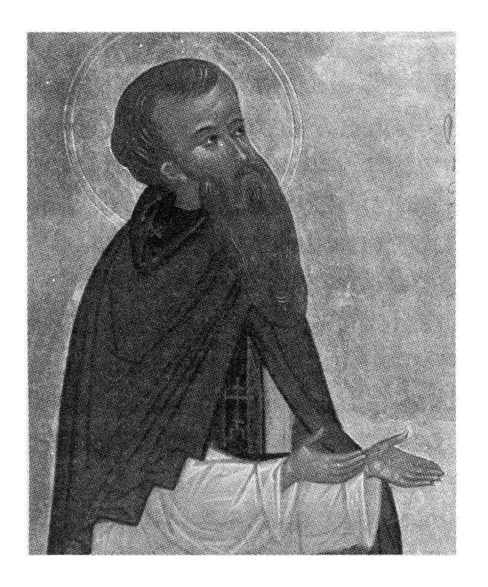
Вскоре преподобный поставил настоятелем устроенного им монастыря ученика своего, вышеназванного Пахомия, и, преподав благословение мира братии, сам удалился из монастыря на расстояние пятнадцати поприщ, на реку Глушицу, и там остановился на ночлег. В тонком сне он услышал как бы голос, раздающийся в этом пустынном месте и зовущий его. Он тотчас же пробудился, почувствовал великую радость и, сотворив молитву, водрузил на этом месте крест, который принес с собою, а потом под одним деревом, — которое и до настоящего времени растет внутри монастыря, имеет черные ягоды и называется черемухой, — соорудил себе небольшую келию. Один человек, страдавший зубною болью, съел с верою ягоду с этого дерева и тотчас же почувствовал себя здоровым. После этого преподобный Дионисий предался на этом месте строгому воздержанию, всенощному бодрствованию, посту и молитве. И спустя немного времени один за другим стали приходить к нему на это место иноки, так что число учеников его стало умножаться. Видя это, преподобный построил на этом месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного Ее Покрова[3], и устроил монастырь. Прошло несколько лет после этого, и число иноков увеличилось до того, что

---

[1] Селение *Лучица*, называемое иначе *«Святая Лука»*, находилось на берегу Кубенского озера у устьев реки Кубени. Здесь до прихода преподобного Дионисия существовал пришедший в запустение монастырь, и Дионисий его возобновил.

[2] *Преподобный Дионисий* был рукоположен в иерейский сан ростовским архиепископом Григорием и, по мнению преосвященного Филарета (Жития святых, июнь, стр. 11), еще до окончания постройки храма на Лучице.

[3] Эта церковь построена была в 1403 году. Кубенский князь Димитрий, желая оказать помощь преподобному Дионисию, прислал для ее построения своих мастеров плотников.

помещение в церкви оказалось для них малым, и они стали просить святого Дионисия, чтобы он построил для них другую церковь, большую этой. Исполняя просьбу братии, преподобный построил новую церковь[1], значительно бо́льшую первой, чудно украсил ее иконами[2], снабдил книгами и неленостно стал поучать братию, наставляя их в том, что должно было принести им душевную пользу.

Однажды, когда преподобный собрался идти в церковь к богослужению, на него напало множество бесов. Скрежеща зубами, они стали его бить, а затем, подняв пол, положили его там и говорили ему:

— Уйди из этого места, иначе ты умрешь злою смертью!

Но преподобный молитвою победил их слабую силу, и они тотчас же исчезли. Между тем братия, не видя святого, пришли в его келию и, найдя его придавленным половыми досками, подняли пол, после чего он сказал им:

— Видите, братия, какую борьбу ведут с нами враги наши, но пусть это не устрашает нас.

После этого преподобный Дионисий тайно от братии ушел из монастыря и пришел в пустынное место, находившееся в четырех поприщах[3] к югу от большой лавры[4] на берегу той же реки Глушицы и называвшееся Сосновцем. Здесь он соорудил церковь во имя Иоанна Крестителя[5], построил келии и переселил сюда из своего

---

[1] Эта церковь построена была через девять лет после первой, в 1412 году.

[2] Преподобный Дионисий сам писал иконы, так как был искусным художником. До сих пор сохранились иконы, писанные его рукою. Так, в Прилуцком монастыре показывается икона преподобного Димитрия, написанная им; в Кирилло-Белозерском монастыре в иконостасе собора есть образ преподобного Кирилла — тоже его работы и другие.

[3] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

[4] Так назван здесь *Покровский монастырь*, из которого удалился преподобный.

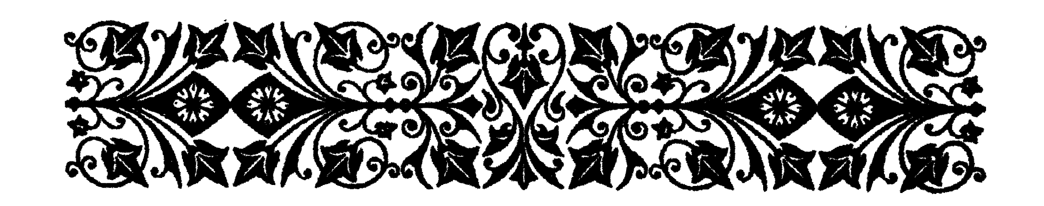
[5] Этот храм был построен в 1420 году.

монастыря некоторых из братии. Он сказал им, что здесь будет погребено тело его, и повелел им все необходимое для своего содержания получать из большой лавры. На этом последнем месте своих подвигов еще за семь лет до своей кончины преподобный сам выкопал для себя могилу, чтобы она каждый день напоминала ему о том часе, когда в нее будет положено тело его. С этого времени он еще более усилил свои богоугодные подвиги в посте, молитве и бодрствовании и много раз всю ночь простаивал на морозе, утруждая этим плоть свою. Совершив силой Христовой множество чудес и причастившись пред исходом души своей пречистого Тела и Крови, преподобный Дионисий преставился в вечный покой[1].

---

[1] Преподобный Дионисий скончался семидесяти четырех лет от роду в воскресный день 1 июня 1437 года. Московский собор, бывший в 1547 году при митрополите Макарии, причислил его к лику святых, а в XVI столетии была построена первая церковь во имя его. Мощи его почивают под спудом в Сосновецком монастыре в храме во имя святых Дионисия и Амфилохия. В монастыре хранятся две иконы, — одна Покрова, а другая Знамения Божией Матери, — обе, по преданию, написаны преподобным Дионисием.

День второй

ЖИТИЕ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
НИКИФОРА ИСПОВЕДНИКА,
патриарха Цареградского

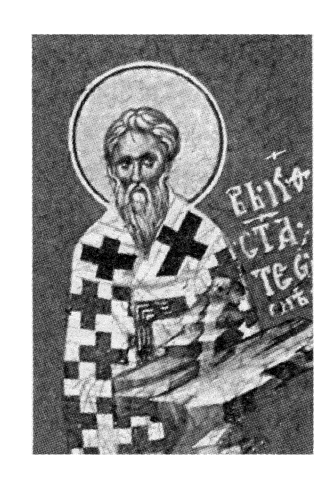
Великий поборник благочестия, святой Никифор родился в Царьграде[1] от благочестивых и богобоязненных родителей Феодора и Евдокии. Отец его сподобился исповеднического венца, потерпев раны и изгнания за почитание святых икон. В царствование Копронима[2] он занимал должность нотария[3] по тайным царским делам, и на него к злочестивому царю поступил донос, что он благочестиво почитает святые иконы, поклоняется образу Спасителя, Пречистой Богоматери и всех святых. Царь немедленно призвал к себе блаженного Феодора, подверг его допросу и, убедившись в справедливости доноса, долго принуждал его оставить иконопочитание; когда же раб Христов не оказал повиновения царской воле, то после жестоких побоев был сослан на заточение в город Молин, брошен здесь в ужасную темницу, в которой и страдал за правоверие. Спустя несколько времени, его снова призвали в Царьград и

---

[1] *Константинополь*, или *Царьград*, — столица Византийской, ныне Турецкой, империи; основана императором Константином Великим в IV веке по Рождестве Христовом на месте прежнего города Византии.

[2] *Константин V Копроним* царствовал с 741 по 775 год.

[3] *Нотарий* собственно значит скорописец. В первые века по Рождестве Христовом так назывались императорские секретари, скреплявшие акты. При Константине Великом была учреждена тайная канцелярия нотариев, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний. Секретари Константинопольского патриарха также назывались нотариями.

еще упорнее понуждали склониться к ереси, проповедуемой царем; но он остался как адамант[1] твердым в благочестии, соглашаясь скорее принять раны и смерть, чем нарушить церковные законы и предания святых отцов. По повелению беззаконного царя он снова был подвергнут различным жестоким мучениям и снова же послан в изгнание; проведя в Никее[2] узником и страдальцем шесть лет, он отошел ко Господу в вечную свободу блаженной жизни. Супруга его, честная Евдокия, была участницей всех бед и зол своего мужа, последовала за ним в изгнание, страдала в узах, не разлучаясь с ним ни телом, ни духом. По кончине мужа она возвратилась в Царьград и богоугодно проводила дни свои, как подобает христианской вдовице. В течение этого времени сын ее Никифор после изучения наук получил при царском дворе должность отца своего. Затем блаженная Евдокия сподобилась увидеть своего сына сначала в ангельском образе, а потом и святительском сане; тогда, возблагодарив Бога, она удалилась в женский монастырь, постриглась в иночество и после богоугодных подвигов преставилась ко Господу в маститой старости.

Блаженный Никифор, о котором наше слово, был святою ветвью от святого корня: от сосцов материнских воспитанный в благочестии, возращенный в добронравии и наставленный на богоугодное житие, он проводил лета юности целомудренно, в великом воздержании, и был исполнен премудрости внешней и внутренней — мирской и духовной: он изучил в совершенстве не только книги эллинских любителей мудрости, но и Божественные Писания; красноречивый оратор, украшенный всякими добродетелями, отличавшийся разумом и добронравием, он был любим и почитаем всеми. Возму-

---

[1] *Адамант* в переводе с греческого языка значит *алмаз* — камень, отличающийся своею твердостью.

[2] *Никея* в описываемое время значительный город Вифинской приморской области, ныне представляет собою бедное селение с названием Исник. Замечателен в истории христианской Церкви тем, что здесь был I (в 325 г.) Вселенский собор.

жав, Никифор в царствование Льва, сына Копронимова[1], был удостоен сана царского советника и соблюдал правоверие посреди зловерных, поклоняясь святым иконам и других приводя к тому же богомудрыми увещаниями. Когда же, по смерти Льва, в царствование его сына Константина и матери последнего Ирины[2] созван был в Никее VII Вселенский собор против иконоборной ереси[3], тогда блаженный Никифор, будучи еще мирянином, оказал существенную помощь заседавшим на соборе святым отцам, как человек мудрый и весьма сведущий в Божественном Писании; как мужу выдающейся знатности, ему было поручено говорить на соборе от имени царя. Таким образом, еще до епископства он явил себя исповедником и учителем православия, посрамляя еретиков при решении спорных вопросов, за что и ублажали и благословляли его святые отцы собора.

После этого собора, Никифор еще несколько лет оставался в мирском почетном сане царского советника. Потом, убедившись, что труд для суетного и мятежного мира не приносит пользы душе, — он видел, что во дворце начинаются раздоры между сыном и матерью, — Никифор, пренебрегая суетной славой, оставил высокий сан, удалился из города и поселился на одном дальнем и безмолвном месте при Босфоре Фракийском[4], там он начал уединенно трудиться для одного Бога, в молитвах и посте стремясь к своему спасению. По прошествии некоторого времени он построил церковь, собрал иноков, образовав монастырь; сам еще не нося иноческого чина, уже трудился он как инок, испытывая себя, может ли переносить подвиг иноческий, полной скорбей, жизни. И жил он так много лет почти до половины царствования Никифора[5].

По отшествии ко Господу святейшего патриарха Цареградского Тарасия[6], блаженный Никифор, мирянин по внешнему виду и со-

---

[1] *Лев IV Хазар* царствовал с 776 по 780 год.

[2] За малолетством ее сына, императора Константина (Порфирородного), в начале царством управляла Ирина.

[3] VII Вселенский собор 787 года, бывший в Никее, осудил иконоборство и восстановил иконопочитание.

[4] *Босфор*, или *Константинопольский пролив*, соединяющий Черное море с Мраморным, назван *Фракийским* в отличие от многих проливов, получивших то же название.

[5] *Никифор* царствовал с 802 по 811 год.

[6] Патриархом был с 784 по 806 год. Память его — 25 февраля.

вершенный инок по жизни, был избран на патриаршество и в то время впервые принял чин иноческий, а затем сначала был рукоположен во пресвитера, а потом, против своего желания и по убеждению царя Никифора, в самый пресветлый день святой Пасхи был возведен на престол архиерейский. И украшал он святую Церковь учительным словом и добродетельным житием, исправляя развращенных, утверждая правых и отгоняя еретиков как волков от словесного стада. В те годы шла война у греков с болгарами, и царь Никифор, отправившись на войну, был убит. После него царствовал сын его Ставрикий, но недолго, всего два месяца, потом умер. После Ставрикия принял царство благочестивый муж Михаил[1], прозываемый *Рангав*, который ранее имел сан киропалата[2]. Через два года его изгнал Лев Армянин[3], похитивший скипетр греческого царства. Святейший Никифор послал к этому хищнику, до венчания его на царство, епископов с исповеданием православной веры, прося нового царя подписать своею рукою, по обычаю прежних благочестивых царей, обещание содержать неизменно догматы святой веры, изложенные в том исповедании. Лукавый и лицемерный царь на словах показал себя усердным к благочестию и обещался подписать исповедание, но только не ранее венчания:

— Когда, — сказал он, — будет на меня возложен венец царский, тогда подпишу.

И поверили этой лисице. Вместо исповедания благочестивой веры льстец подписал тайно принесенную ему еретиками книгу, повинуясь более подобным себе хищным волкам, чем истинным пастырям. Потом с великою пышностью и славою царскою вошел он в соборную Софийскую церковь; когда же совершался обычный чин венчания царского и святейший патриарх возлагал венец на голову, его недостойную, открыл Бог святейшему патриарху, каков будет этот царь: ибо возлагаемый царский венец превратился в руках патриарха как бы в венец терновый и остриями болезненно колол руки архиерея, который познал, что это служит знамением предстоящего вскоре гонения и мучительства от того царя, о чем с душевным сокрушением и известил свой клир.

---

[1] *Михаил I* царствовал с 811 по 813 год.

[2] *Киропалат* — начальник дворцовой стражи.

[3] *Лев Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

На другой день по венчании, святой Никифор снова просил царя исполнить обещание и подписать исповедание правоверия, следуя примеру прежних благоверных царей, но Лев уже вступил на путь лжи и, оскверняя царскую порфиру, решительно отказался исполнить предложение святителя. Прошло несколько времени, и царь начал явно хулить святые иконы, вооружившись не против врагов, отовсюду наступавших на Грецию и опустошавших ее, но против икон Христа, Пречистой Богородицы и всех святых, и против поклоняющихся им. Собрав к себе в Царьград всех епископов и пресвитеров, за разные вины по правилам отлученных от служения у Божественного алтаря, он дал им места в царских палатах, и, питая их как откармливаемых боровов, снискивал через это расположение тех, чей *бог — чрево* (Флп. 3, 19); царь часто беседовал с ними, поучаясь иконоборной ереси, и советовался, какими бы способами восстановить хульный догмат против икон, отвергнутый VII Вселенским собором. Чтобы удобнее склонить их к единомыслию с собою, он обещал им не только возвратить прежние звания, которых они были лишены, но еще и увеличить им почести. Гордясь милостью царя, они начали усердно помогать ему, всюду тревожа преследованиями правоверных. Именем царя они собрали из всех мест бесчисленное множество книг и сообща рассматривали их; и если находили какую-нибудь книгу еретическую, написанную против икон, ту принимали охотно, как честное Евангелие, и хранили у себя, а если встречалась книга, написанная против иконоборной ереси, ту они немедленно как мерзость бросали в огонь и сожигали. Потом царь повелел всем греческим епископам собраться в Царьград на собор. Епископы отправились каждый из своего места и, прибыв в город, являлись по обычаю к святейшему патриарху Никифору. Царь же повелел немедленно захватывать таких епископов и ввергать в темницу; тех из них, которые, под страхом навлечь на себя его грозный гнев и преследования, склонялись к еретическому единомыслию с ним, он освобождал от уз и темниц и удостаивал почестей, а непоколебимо пребывавших в правоверии бесчестно угнетал узами, мучил голодом и жаждой. Весьма многие, под влиянием страха, присоединялись к единомыслию с царем, и еретическое сонмище приобрело значительную силу. Лжеучители начали дерзновенно и невозбранно распространять по всем церквам свои хульные учения,

склоняя народ не почитать святых икон, истинных же учителей православия они изгоняли из церквей, причиняли им зло, и даже самого святейшего патриарха, богогласную трубу, пытались принудить к молчанию и возбранить ему вход в соборную церковь.

Служитель Божий, святой Никифор, слыша и видя все происходившее в Церкви, непрестанно со слезами молил Бога, да сохранит Он Церковь Свою непорочною и да соблюдет стадо Свое невредимым от еретиков. Призывая к себе многих правоверных, он увещевал их, просил и наставлял: не соединяться с еретиками, избегать закваски (см.: Мф. 16, 6; Лк. 12, 1–9) и учения их, как укушения ехидны, не устрашаться лютого того времени и угроз мучителя, убивающего тело, а не душу (см.: Лк. 12, 4–10).

— Если, — учил он, — и весь народ за царем уклонится в ересь, и лишь немногие останутся верны правой вере, то все же оставшиеся пусть не смущаются своей малочисленностью, ибо Господь благоволит не множеству: Он призирает на одного боящегося и трепещущего слов Его более, чем на множество пренебрегающих страхом Божиим, по Своему слову в Евангелии: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12, 32).

Святейший патриарх созвал к себе известнейших архиереев: Емилиана Кизического, Евфимия Сардийского, Иосифа Фессалонитского, Евдоксия Амморейского, Михаила Синадского, Феофилакта Никомидийского, Петра Никейского и многих других святых отцов, в числе которых были Феодор Студит[1], Никита, игумен Мидикий-

[1] *Преподобный Феодор Студит* еще в юных летах вступил на путь иноческой жизни, подвизаясь вначале под руководством своего дяди, преподобного Платона (память его — 5 апреля), защитника иконопочитания на VII Вселенском соборе. Впоследствии преподобный Феодор сделался настоятелем Студийского монастыря в Константинополе; монастырь этот, под его управлением, достиг небывалой высоты. Преподобного Феодора дважды высылали из Константинополя за обличение императора Константина Багрянородного, незаконно разведшегося со своею супругою Мариею и увеличившего тяжесть своего преступления незаконным браком с Феодотою. По возвращении в Студийский монастырь из ссылки, когда вспыхнуло гонение на святые иконы, преподобный Феодор, не обращая внимания на угрозы иконоборцев, открыто совершал с честны́ми иноками крестные ходы. Тогда император Лев Армянин послал его в заточение, где он содержался в сырых и душных темницах, неоднократно подвергаясь жестоким побоям. При Михаиле Косноязычном святой Феодор был возвращен из заточения, но жил недолго, изнуренный заключением. Умер шестидесяти семи лет в 826 году, 11 ноября (когда и совершается его память).

ский, и другие правоверные мужи. После долгой беседы с ними о почитании святых икон, веденной на основании Божественного Писания и предания святых отцов, он отправился с вечера в соборную церковь святой Софии и начал всенощное пение, моля Бога о ниспослании мира Церкви и об избавлении ее от ереси. Царь, узнав о том, смутился и испугался, как бы патриарх не поднял мятежа против него среди народа, во множестве собравшегося в церковь на всенощное пение: он знал, что народ любит патриарха, и что все охотно будут повиноваться ему даже до готовности умереть за него. И вот на рассвете царь посылает в церковь к патриарху сказать:

— Зачем ты смущаешь народ и строишь ковы против царя, который желает общего мира и единомыслия? Зачем возбуждаешь на мятеж безумных людей, и кровью междоусобной рати хочешь наполнить царствующий град?

Святейший патриарх отвечал посланным царя:

— Ни о чем подобном тому, что вы говорите, мы и не помышляем; даже на ум нам никогда не приходило то, что о нас думает пославший вас царь. Мы собрались в дом Божий не для какого-либо враждебного царю совета, но на славословие Божие, на моление и мольбы, да умилостивится Бог и оградит миром Церковь Свою, царя и весь народ, да упразднит еретические шатания, а всех утвердит в единомысленном правоверии.

Посланные сказали;

— Нет, не так это, как ты говоришь: одно говоришь ты устами, а другое помышляешь в сердце твоем, и помышляемое хочешь привести в исполнение. А так как ты явно собираешься восстать против царя, то сам и твои единомысленники при наступлении дня идите в царскую палату, и там отвечайте самому царю на предложенный нами вопрос, чтобы и царь мог обстоятельнее узнать о ваших намерениях.

В минуту кончины святого Феодора преподобный Иларион Далматский видел сонм Ангелов, нисходящих с неба, и слышал голос: «се, душа Феодора, игумена Студийского, в торжестве восходит горѐ и ее встречают небесные силы».

Святой Феодор оставил после себя многочисленные сочинения в виде слов, оглашений, писем, канонов, стихир, эпиграмм и жизнеописаний. Наиболее полное издание сочинений преподобного Феодора на русском языке предпринято редакцией журнала «Христианское чтение» в качестве приложения к этому журналу.

Так сказав, посланные ушли. Все бывшие в церкви, видя и слыша это, поняли, чтó будет потом, — какое гонение и зло предстоит перенести служителю Божию и всей Церкви Христовой, и начали молиться еще усерднее, со многими слезами и воздыханиями. По окончании всенощного бдения, святейший Никифор вышел на средину церкви и поучал во всеуслышание:

— О собор, собранный Духом Божиим! Кто ожидал, что святая Церковь подвергнется таким бедам, какие теперь мы видим? Вместо радости испытывает она печаль и от тишины переходит к смущению. Пасущая на доброй пажити словесное стадо терпит хищение от развратившихся, и Матерь, увещевающая всех чад своих к единомыслию, раздирается на части! Та Церковь, которую Христос приобрел честною Своею кровью, которую сохранил в чистоте от всякого порока (см.: Еф. 5, 27), оградил апостолами, пророками, мучениками и святыми всех чинов и показал как рай украшенный и огражденный стенами, — какие беды терпит она ныне от людей, которые по внешности подобны нам, а на самом деле отстоят далеко от нас, сделались врагами нашими и до того дошли в своей злобе, что вместе с образом наносят бесчестия и тому, кто на нем изображен, и вместе с написанным на доске ликом Христовым отвергают и Самого Христа: ибо как честь, так и бесчестия, творимые образу, относятся к тому, кто изображен на иконе. Ныне враги правды уничтожают древнее церковное предание о почитании святых икон и узаконяют новое, противоположное прежнему, изобретенное еретиками, и тем смущают души верных. Братия и чада! Молю вас, не будем боязливы и малодушны, угрозы их да не ужасают сердец наших; будем ожидать Божией помощи. Враждующие против нас и стремящиеся истребить в Церкви правду подобны плывущим против быстрин речных: они, в конце концов, окажутся в глубине от изнеможения, ибо истина неодолима, и увенчивает почитающих ее, побеждая ратующих против нее. Кто ее держится, тот и безоружный одолеет врага; кто ее лишился, тот легко будет побежден, хотя бы и был вооруженным на брань воином. Свидетели наших слов те, о которых мы говорим: они не имеют никакого познания истины, над ними смеются даже отроки, учащие букварь, ибо они противоречат сами себе в своих суетных мудрствованиях, как бы съедая, подобно беснующимся, свою плоть. Разумеете ли, что я говорю, братия?

Все, присутствовавшие в церкви, воскликнули:

— Знаем и убеждены, святейший отче, что вера наша православная есть истинная, и за нее мы все готовы умереть.

Патриарх сказал:

— Подобает нам, братия, пребывать согласными и единодушными в исповедании православной веры, чтобы наши противники не могли ни одного от нас отторгнуть к своему злочестию: ибо благодатью Христовою нас больше, чем их.

Люди, взывая громким голосом, снова давали твердое обещание стоять за Церковь даже до смерти. После продолжительной беседы с народом в церкви, святейший патриарх, при наступлении дня, возложил на плечи омофор и с бывшими при нем епископами, игуменами и со всем клиром отправился в царские палаты. За ними пошло также много народа. Когда же патриарх с православными достиг дворцовых ворот, то все были удержаны, пропущен был один только первосвятитель. Обыкновенно греческие цари принимали благословение от патриарха и взаимно целовали правую руку в знак духовной любви. Злочестивый же Лев Армянин не приветствовал входившего патриарха, по царскому обычаю, с почтением, не попросил его благословения, даже не предложил ему сесть, но, грозно смотря на него, начал говорить с гневом:

— Что это за раскол возник среди вас, и на царскую честь мятеж и восстание? Без нашего ведома собираете соборы, смущаете народ и побуждаете его к волнению и мятежу? Собирать без нашего соизволения и совета соборы и распространять в народе, будто мы держимся зловерия, а не церковного учения, не есть ли явная вражда и начало раздоров? Если бы мы хотели искоренить правые, называемые вами древними, уставы, то своевременно было бы нас хулить, уничижать и обвинять в злочестивой ереси; теперь же, когда, из любви к правоверию, мы желаем истребить раздоры и несогласия и всех привести к единству веры, зачем вы хулите нас, враждуете и говорите, будто мы обижаем Церковь, между тем как мы печемся о ее мире и тишине? Разве ты не знаешь, что много народа в смятении отторгается от Церкви ради того, что иконы пишутся и поставляются; отторгающиеся приносят книги и показывают в них слова Божественного Писания, которыми возбраняется делать иконы и почитать их? И если на возбуждаемые ими вопросы не будет ответов,

то что воспрепятствует разделению в вере, которой уже никогда не прийти в соединение? Поэтому ради тех, кто волнуется умом и смущается недоумением, подобает вам немедленно иметь прение с этими отторгающимися (от Церкви) из-за икон. Наша власть желает и повелевает, чтобы или вы опровергли и привели их в ваше мудрование, или, побежденные в споре, сами им покорились; тогда и мы, увидев, где истина, присоединимся к лучшей стороне и утвердим ее нашей царской властью, чтобы, таким образом, стоять ей непоколебимо.

Святейший Никифор отвечал царю:

— Нет, молю твое величество, не считай нас виновными в расколах и мятежах. Даже молитвой, как оружием против царской твоей власти, мы не пользовались, ибо от Божественного Писания научились молиться за царя, а не желать ему зла (см.: 1 Тим. 2, 2). Также не обращаем мы в еретическое умствование и пагубу здравых слов и учений веры, ибо дерзающих делать подобные дела повелевает учитель правды, святой Иоанн Богослов, не принимать в доме и не приветствовать (см.: 2 Ин. 10). Достоверно известно не только нам, но и всякому, кто обладает малейшим смыслом, что мир и тишина — дело весьма доброе: и если кто бывает виновен в нарушении мира, того по справедливости все должны назвать злодеем. Тот царь добр, который умеет обращать брани в мир, и мятежи в тишину; ты же с единомысленниками твоими задумал навести брань на Церковь, пребывающую в мире, и, оставив святые законы, по которым прославляется Крест Христов и благочестие озаряет светом вселенную, предложил ввести помраченное учение пагубных людей, которого ни одна из Церквей не принимает: ибо ни Иерусалим, ни Рим, ни Александрия, ни Антиохия не отвергают икон Христа, Пресвятой Богородицы, апостолов и прочих угодников Божиих, но, напротив, благочестиво почитают их по преданию святых отцов. Который из Вселенских соборов, утвердивший Духом Святым догматы православной веры, одобрил и принял иконоборные мудрования? И ты, царь, поэтому, не восстанавливай отвергнутую ересь и не вводи в святую Церковь уже осужденного мудрования. У нас же с еретиками прения не будет, ибо какая нужда препираться о том, что уже было соборно святыми отцами опровергнуто, отвергнуто и предано анафеме?

Царь возразил на это Святейшему патриарху:

— Не Моисею ли Бог сказал: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им* (Исх. 20, 4–5). На каком же разумном основании вы пишете иконы, и ту честь, которая подобает Самому Богу, воздаете созданным вами образам и иконам? Что идолопоклонники делали в старину, то и вы теперь делаете, пренебрегая заповедью Божией, данной Моисею, а чрез него и всем людям, не только древним ветхозаветным, но и нам новоблагодатным, верным христианам.

Святейший Никифор отвечал:

— Разве ты не знаешь, зачем израильтянам, по исходе их из Египта, была дана Богом заповедь не творить кумиров и всякого подобия? Затем, что жизнь в Египте приучила израильтян к нечестию и идолопоклонническому многобожию египтян, которые боготворили то неких людей, давно уже умерших, то птиц небесных, зверей земных, гадов, рыб и разные чудовища, делали подобие их и поклонялись им, как истинному Богу. Чтобы искоренить в израильтянах идолопоклонство, которому они навыкли в Египте, Бог дал им заповедь о нетворении кумиров, ни всякого подобия, но не возбранил творить честные образы и иконы, которые служат не к уничижению, но к умножению Богопочитания. Ибо не повелением ли Того же Бога Моисей создал скинию и оковал со всех сторон золотом Ковчег завета, в котором хранились скрижали, жезл Ааронов и манна? (см.: Евр. 9, 4). Разве не повелел Бог сделать золотых херувимов и поставить их над кивотом в скинии, и по завесам скинии разве не были вытканы подобия лиц херувимских? И все это разве не почиталось израильтянами, как честное и Божественное, а пред всем этим разве не поклонялись израильтяне Богу и не приносили жертвы? Когда же они кланялись и приносили жертвы пред скиниею, кивотом и херувимами, то не скинии, не кивоту, не херувимам поклонялись и приносили жертвы, но Самому Богу, живущему на небесах; скинию же и кивот с тем, что было в нем, и подобие херувимов почитали честно, как предметы божественные, а не обоготворяемые, как и мы ныне поступаем, поклоняясь святым иконам, зажигая пред ними свечи и устроя лампады. Не доске и не краскам мы кланяемся, но самому лику Христа воплощенного Бога, изобра-

женному на иконе, и не Божество Христово пишем на иконе, — ибо Оно, как невидимое и непостижимое, неизобразимо, — но начертываем человечество Христово, некогда виденное человеческими очами и осязанное руками, и не называем иконы Христовой Богом, но изображением лица Христа, Бога. Христу Богу пред Его святою иконою мы кланяемся как Богу, а икону Христову почитаем как предмет божественный, но не обожаем ее. Подобное должно сказать и об иконе Пресвятой Богородицы, и о прочих святых, в которых почитается Самый Бог, дивный во святых Своих. Но начав о ветхозаветном, мы еще не кончили. Разве не повелел Бог Моисею вознести в пустыне медного змия, чтобы люди, укушенные змеями, приходили и взирали на него? И не был ли тот медный змий чудотворным образом, чудесно исцелявшим тех, которые терпели укушения от живых змей? Ибо тот змий имел целебную силу не сам по себе, но от Того, Кого прообразовал. Прообразовал же он Христа Спасителя нашего, Которому должно было вознестись на древо крестное, по слову, сказанному потом Самим Христом в Евангелии: *И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому* (Ин. 3, 14).

И что удивительного в том, что и ныне святые иконы бывают чудотворными, если еще в Ветхом Завете от медного змия творились чудеса? Но как этот змий творил чудеса не сам по себе, но силою Того, Кого прообразовал: так и святые иконы бывают чудотворными силою изображенного на них лица. Вспомним еще и храм Соломона: вменил ли Бог Соломону в грех то, что в созданном храме сотворил он иных, кроме сделанных Моисеем, больших золотых херувимов, и изобразил подобие их по стенам, столпам и дверям, и сотворил *медное море* (3 Цар. 7, 23 и след.) на двенадцати изваянных волах? Не только Бог не вменил этого Соломону в грех, но даже показал, что это дело благоугодно Ему, когда Сам посетил тот храм и все, что в нем, ибо написано: *облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень* (3 Цар. 8, 11).

Итак, упомянутая раньше тобою, о царь, заповедь закона Божия о нетворении всяких подобий, данная Моисею, уничтожает только языческое идолопоклонство, а не наше христианское благочестие, — почитание святых икон. Если бы Бог этою первоначальною

Своею заповедью также запрещал совершенно всякое писание и подобие честных лиц, как запрещал он изображения нечестивые, то противоречил бы Сам Себе, повелев потом Моисею, как было сказано, создать скинию и ее принадлежности, да еще вознести скованного из меди змия. Но так говорить не подобает: не противоречит Бог Самому Себе, и как верен во всех словах Своих, так свят во всех делах Своих. Он заповедал словом не творить языческих кумиров; изображать же для церковного украшения и славы Божией святые иконы — этому научил делом, Сам на это наставил Моисея, повелев изобразить подобие херувимских лиц.

Так и многое другое говорили царь и патриарх о святых иконах сначала наедине, потом были допущены внутрь и стоявшие за дверьми епископы и клирики. Вошло и много сенаторов; еще царь вызвал туда вооруженных воинов с обнаженными мечами, на устрашение тех, кто не хотел согласиться с ним. Что там было, какие рассуждения, и какое величие души и смелость обнаружили безбоязненные сердца, о том написано в житии преподобного Феодора Студита, 11 ноября, и в житии святого Никиты исповедника, 3 июня. Кончилось же все это гневом и яростью царя и изгнанием с бесчестием из царской палаты патриарха и всей дружины его. Епископы, бывшие при святейшем Никифоре, немедленно были посланы на заточение в различные места, но патриарх был до времени оставлен на своем месте, отчасти потому, что не решались окончательно сделать ему зло, отчасти из боязни, как бы народ не поднял из-за него восстание и мятежа. Клириков же и многих из монашеского чина мучили в темницах и узилищах ранами и морили голодом и жаждой, принуждая к ереси.

Святейший патриарх, видя, что царь вполне отпал от правоверия, и Церковь весьма смущена, чин же духовный подвергается гонению и страдает, написал к царице, увещевая ее подать царю необходимый совет прекратить такое гонение, писал также и к градоначальнику Евтихиану, единомысленному с царем и первому советнику его. Движимый ревностью апостольскою и пророческим духом, он к увещаниям присоединил и следующее строгое слово:

— Если не перестанете совращать с прямых путей Господних, карающая рука Господня будет на вас скоро.

Однако святой патриарх не только не мог убедить упорных, но даже подвиг их на большую ярость. Царь послал одного патриция

Фому отнять у патриарха управление соборною церковью святой Софии и не допускать, чтоб патриарх служил в ней и говорил поучение к народу, так что патриарх в своем доме был как в заточении, никуда не выходя. От печали и от многих подвигов он изнемог телесно, впал в недуг и лежал на одре болезни, ожидая кончины своей; еретическое же сборище не переставало волноваться и желало с ним прения. Послан был от царя и от единомысленников его брат царицы, именем Феофан, саном спафарий[1], к святейшему патриарху, чтобы привести его для прений с ними. Святой отвечал посланному:

— Пастырь, лишенный овец, не выходит на рать против волков, и ищущий себе здравия не борется со зверьми. Зачем вы, отняв у меня вверенных мне Христом овец, призываете меня на прение, чтобы я один боролся с еретиками, как с волками? Если вы этого желаете, то возвратите мне овец моих, отпустите из уз и темниц священников и клириков, и пусть каждый примет свое место, да будут возвращены из изгнания архиереи и да примут вновь свои престолы, а находящиеся ныне на их местах еретичествующие лжеепископы, неправильно возведенные, да будут извержены, и все правоверные, гонимые и страждущие, да получат отдых (от гонения) и первоначальную свою свободу: тогда, если будет угодно Богу и если я выздоровею, мы будем готовы соборно обличить принятую гибельную злобу еретичествующих. Собору же и беседе о вере следует быть в соборной великой церкви, где Сам Христос Бог присутствует в пречистых Тайнах, а не в царских палатах, ибо о церковном должно рассуждать в церкви, а в палатах — устроять гражданские дела.

С таким ответом Феофан возвратился к пославшим его. Те еще более озлобились на святого, и снова отправили к нему нескольких из сборища своего, чтобы призвать его уже на суд. Святой патриарх возразил им:

— Кто меня призывает на суд? Кто-либо из патриархов — Римский, Александрийский, Антиохийский или Иерусалимский? Если же их в соборе вашем нет, то к кому мне идти? Или вы меня, патриарха, призываете? Вы ли, беззаконные, будете судить меня, законного пастыря? Не пойду к явным врагам моим, которые, как лютые

---

[1] *Спафарий* — носитель царского меча.

звери, приготовились растерзать меня без вины с моей стороны. Да и как я пойду больной, когда не в состоянии даже встать с одра? Разве с одром возьмете и понесете меня?

И эти посланные возвратились без успеха. Тогда еретическое сборище, исполненное великой злобы, незаконно лишило сана ни в чем неповинного, святого и богоугодного мужа, патриарха Никифора, и предало его анафеме, само будучи в высшей степени достойно извержения и проклятия; они предали анафеме не только святого Никифора, но и предшественников его, святейших патриархов правоверных и отшедших ко Господу после блаженной кончины, Тарасия и Германа. Этим и закончилось лукавое соборище еретическое.

Поздно вечером царь послал воинов взять Никифора из патриаршего дома и вести его в заточение. Свирепые воины подступили к дому с оружием и дреколиями; производя шум и мятеж, злословя святейшего Никифора и прежде бывших патриархов Германа и Тарасия. Услышав это, патриарх прослезился и благодарил Бога, что сподобился таких злословий за Православие. Вышеупомянутый патриций Фома, которому царь вверил соборную церковь святой Софии, будучи вместе с тем и блюстителем патриаршего дома, повелел воинам прекратить шум, крепко запер входные двери патриаршего дома, пошел к царю и сказал ему:

— Государь! Нет нужды во множестве воинов, иначе народ, услышав шум, соберется и сделает какое-либо зло; пошли только двоих мужей и с ними несколько слуг, чтобы вынесли патриарха на руках, ибо он очень болен и не может идти сам.

Царь так и сделал, — приказал воинам отойти от патриаршего двора, а через час прислал двух мужей из своего дворца; и был выведен, или скорее вынесен святейший Никифор из своего дома. Желая помолиться в своей великой престольной церкви святой Софии, он вошел в нее, поддерживаемый двумя мужами, повелел зажечь свечи и кадить фимиамом, простерся на землю крестообразно и долго молился, рыдая и орошая землю слезами. Потом он встал с земли; увидев неких православных, тоже пришедших в храм и плакавших о патриархе, он благословил их, в последний раз простился с ними со словами:

— Чада, я нашел вас правоверными христианами и оставляю вас правоверными христианами.

И вышел из церкви. Воины посадили его на колесницу, и в полночь, когда все спали, отвезли на берег моря. Здесь положили его в ладью и перевезли в Хрисополь[1], в некое место, называемое *Волуе*[2], где был монастырь. Так был неповинно изгнан с престола своего великий угодник Божий святейший патриарх Никифор, после девятилетнего управления Христовой Церковью. Спустя недолгое время, он был отослан далее на остров Проконнис[3], в монастырь святого великомученика Феодора. Когда же, направляясь к этому острову, везли его на корабле мимо страны, где находился преподобный Феофан, игумен великого села, оба святые мужа прозорливыми очами увидели и приветствовали друг друга. Преподобный Феофан, будучи в келии своей, повелел ученику своему положить в кадильницу горящие угли, зажег свечи, возложил на угли фимиам и поклонился до земли, беседуя как бы с неким лицом, шедшим мимо. Ученик спросил его:

— Отче! Что ты делаешь? Кому поклонился и с кем беседуешь?

Преподобный отвечал:

— Святейший патриарх Никифор, неправедно изгнанный за правоверие, следует в заточение на корабле мимо этой страны; для того мы зажгли свечи и фимиам, чтобы воздать патриарху подобающую честь.

В то же время святейший патриарх Никифор, находясь на корабле, внезапно преклонил колена, взаимно поклонился святому старцу и, простерши руки в воздух, преподал благословение. Один из бывших со святейшим на корабле спросил его:

— Кого благословляешь, святейший отче, и пред кем преклонил колена?

Патриарх отвечал:

— Феофан исповедник, игумен великого села, приветствовал нас и почтил зажженными свечами и фимиамом, я же с своей стороны поклонился ему, ибо и он в непродолжительном времени пострадает, подобно нам.

---

[1] *Хрисополь* — в Вифинии близ Византии, ныне Скутари.

[2] По греческому оригиналу в монастырь Доброго — Ἀγαθοῦ, то есть Христа, но латинский переписчик перевода вместо Boni (Доброго) поставил Bovi — вола, отсюда и явилось в славянском переводе — Волуе.

[3] *Проконнис* — остров на Мраморном море; ныне Мармара.

Это вскоре и сбылось. Достигнув назначенного ему места изгнания, святитель Христов Никифор провел там в тесноте и частых болезнях, терпя скудость в необходимом, тринадцать лет, и перешел на вечный покой ко Господу. Преставляясь же, радостною душою произнес слова Давида: *Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы избавились* (Пс. 123, 6–8).

Сказав это, он предал душу свою в руки Господа своего[1], и рыдали по нем верные, а еретики радовались. Честное тело его было погребено в церкви святого великомученика Феодора. Потом, когда ересиархи погибли, иконоборное мучительство прекратилось и снова воссияли тишина и правоверие, честные мощи святого Никифора были перенесены 13 марта 846 года в Царьград, в царствование Михаила[2], сына Феофила, и матери его Феодоры[3], и с честью положены в соборной церкви святой Софии, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого вовеки, аминь[4].

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
ИОАННА НОВОГО

Много святых мужей, своей богоугодной, добродетельной жизнью давших нам пример для подражания; в числе их находится и настоящий угодник Божий, не меньший первых, хотя и последний по времени. Владыка Христос почтил венцами не только мучеников

[1] Скончался святой Никифор 2 июня 828 года.

[2] С 855 по 867 год.

[3] *Святая Феодора* — с 842 по 855 год.

[4] По своим сведениям и дарованиям святой Никифор был выдающимся человеком времени; он оставил после себя. А) Сочинения исторические: 1) *Краткую историю*, где обозреваются события со времени убийства Маврикия (602 г.) до времени Константина и Ирины (780 г.); 2) *Хронологию*, или летопись, царей и патриархов до 820 года. Б) Догматические: 1) Письмо к папе Льву III с исповеданием веры; 2) Спор с императором Львом Армянином в защиту святых икон; Апологию и 4) Четыре антирретика за Православие против иконоборцев. В) Канонические: 1) Тридцать семь правил; 2) Каноническое послание с шестнадцатью правилами и 3) семнадцать кратких правил.

первых веков, но и ныне, в последние времена, открывает дверь (Царствия Своего) тем, кто этого ищет, удостаивая их той же славы и дарований. Итак начнем повествование о святом Иоанне, доблестном воине Христовом, исполненном благодати Святого Духа, — кто он был, откуда родом и как сподобился лика и венца мученического.

Родиной этого мужа был Трапезонт, славный и великий город, лежащий в странах восточных, близ Ассирии и границы великой Армении. Изобилуя всем необходимым, этот город служит удобным пристанищем для кораблей, отовсюду приплывающих к нему; жители же его, имея пребывание свое при море, занимаются торговлею и мореплаванием, откуда и приобретают себе средства к существованию. Так точно и блаженный Иоанн занимался торговлей, совершая частые путешествия по морю к разным городам. Однажды пришлось ему со значительным запасом товаров войти на корабль иноземного мужа, который родом был фряг[1], верою не восточного исповедания, нравом груб, немилостив и бесчеловечен. Во время плавания святого с тем мужем, начал враг диавол завидовать непорочной жизни Иоанна: он едва переносил добродетельную жизнь блаженного, часто видя его молитву и пост, благонравие и доступность, милосердие к терпевшим нужду на корабле и к тем, кому приходилось болеть. Раб Христов утешал таких людей, подавая им необходимое от своего достатка, простирая им щедрую руку с помощью; с глазами, полными слез, говорил он в себе:

— Если окажешь милость страждущему брату, будешь и сам помилован; и если утешишь скорбящего, и сам сподобишься утешения от Бога.

Невидимый враг видел это, завидовал и пытался оказать препятствие святому на пути ко спасению. Прежде всего он умыслил отторгнуть его от благочестивой веры и вооружил на него врага види-

---

[1] *Фрягами* назывались в старину на Руси преимущественно генуэзцы, потом западные европейцы вообще.

мого, начальника корабля, державшегося другого исповедания веры, который начал досаждать правоверному рабу Христову спорами о восточном (православном) благочестии. В многочисленных словесных прениях о вере, которые были между ними во время морского пути, святой Иоанн, как человек весьма мудрый и искусный в книжном учении, всегда одолевал фряга и обличал его неправомыслие; а тот гневался на неодолимого воина Христова, раздражался, досаждал ему многими укоризнами и из чувства вражды замыслил на него зло. Когда возгорелась в нем такая вражда, корабль пристал к берегу у Белграда, близ Босфора[1]. Там злой корабельщик пошел к местному градоначальнику, родом и верою персу[2], усердному хранителю своих отеческих преданий, и взвел пред ним такую клевету на святого Иоанна:

— Начальник! Со мною на корабле прибыл сюда муж, который желает, отказавшись от христианской веры, преданной отцами, приступить к вашей вере и быть общником ваших преданий; во время морского пути он известил меня об этом и многими клятвами подтверждал, что не переменит своего намерения. Если ты позаботишься скорее привести его к единоверию с вами, то тебе будет великая похвала от твоего народа, ибо этот муж весьма искусен в слове и среди знатнейших вельмож города Трапезонта не последний.

Услышав это, нечестивый начальник исполнился радости; сев на обычном судебном месте, он повелел с почетом привести к себе блаженного Иоанна и сказал ему:

— Я много слышал о тебе, почтенный муж, — слышал, что ты возлюбил нашу веру и хочешь приступить к ней. Наша вера имеет предметом размышления честно́е и зажигает любовью к себе сердца тех, которые разумеют ее; принимающим ее с радостью, она подает

---

[1] По мнению известного историка церкви Е. Е. Голубинского указываемый здесь Белград есть нынешние Бессарабские Бельцы. Другие под Белградом разумеют Аккерман.

[2] По житию святого Иоанна, составленному пресвитером молдовлахийской церкви (с 1416 года южно-русский митрополит — † 1419), а также и по службе мученик пострадал от огнепоклонников, а по греческому мартирологу — от магометан. Но из истории не видим, чтобы эти огнепоклонники были персы или магометане: в половине XIV века, когда приблизительно скончался великомученик Иоанн, Аккерманом владели половцы, у которых, как и у татар во время Батыя, могло быть поклонение огню.

благополучную жизнь и долголетие; христианская же вера достойна осмеяния. Почтенный друг! Не медли отложить ее далее от себя и во всеуслышание пред этим всенародным собранием похули христианские предания и законы; потому и сошлись сюда все вместе, не исключая жен и детей, что слышали о твоем желании исповедать нашу светлую и преславную веру. Иди же, о чудный муж, стань вместе с нами, яснейшим голосом прославь светозарное солнце, воздай честь звезде, предшествующей солнцу, и принеси жертвы небесным светилам, озаряющим вселенную; тогда ты удостоишься многих почестей и великого сана от царя нашего, нам же будешь искренним братом и насладишься жизнью, приятной всем людям.

Пока правитель со смесью злобы и коварства говорил эти льстивые слова, святой Иоанн, возведя вверх мысленные очи, призывал на помощь Владыку, сказавшего: когда поведут вас пред царей и князей ради имени Моего, не заботьтесь наперед, что говорить, или что отвечать в тот час: ибо дастся вам слово, которому не будут в состоянии противиться все противящиеся вам (ср.: Лк. 21, 12–15). Потом, воззрев на мучителя чувственными очами и протянув безбоязненно руку, сказал в ответ:

— Мне думается, что ты явно лжешь, о начальник! Не говорил я, что хочу отречься от Христа моего; да не будет со мной этого, да не попустит Господь мой Иисус Христос когда-либо даже мысли об этом во мне; это умышление врага истины, твоего отца, сатаны. Войдя в тебя, как в свой истинный сосуд, он чрез тебя беседует со мною, надеясь привлечь меня к погибели, и принуждает меня отступить от истинного Бога, Создателя как иных всех видимых и невидимых тварей, так и самого этого солнца, которое ты чтишь как Бога, прельщенный властью тьмы, и в безумии воздаешь твари ту честь, которую подобает воздавать Самому Богу. Не прельщай же меня склониться ко лжи, а, напротив, узнав сам от меня таинство истины, отложи, прошу тебя, лежащую на душе твоей мглу нечестия и сподобись быть сыном света, воссияв ярче солнца зарею божественного крещения. И не считай Богом солнце, видимое на небе, но знай, что это — светило огненного свойства, поставленное Создателем для служения людям и сотворенное в четвертый день. А создание разве может быть Богом?

Сказав это, святой Иоанн воздел руки и возвел очи к небу, и во всеуслышание воскликнул:

— Да не отрекусь от Тебя, Христа Спасителя моего, с безначальным Твоим Отцом и с Пресвятым Духом славимого Бога! Не поклонюсь солнцу, не послужу огню, не принесу жертвы звезде, которую языческое баснословие называет Венерою, одноименно с блудной страстью!

Так говорил мученик твердым голосом и с радостным лицом. Распаляемый огнем внутреннего гнева мучитель часто менялся в лице и не мог слишком долго терпеть слов мужа, говорящего противное ему, ибо святой Иоанн среди многочисленного народа прославлял того Христа, Которого начальник хулил, исповедовал Его истинным Богом, и до конца уничижал и низлагал нечестивую веру или, вернее сказать, обольщение правителя. Тогда мучитель повелел воинам сорвать с мученика одежды, что воины исполнили тотчас же скорее слова: и стоял святой нагим, — во Христа облеченным. Потом повелел начальник положить пред мучеником множество палок и сказал ему:

— Ты обещался не басни повествовать, а отречься от твоей неполезной веры, и усердно желал присоединиться к нашей светлой вере и украситься нашими законами. Оставь же свое продолжительное злоречие и исполни, что обещал, — присоединись к преславной нашей вере и поклонись светозарному солнцу: если же этого не сделаешь, то за нашу выдающуюся своей благостью веру не только этими жезлами раздроблю твое тело, но и иными лютейшими муками, невыносимыми для человека, буду тебя мучить и, наконец, предам тебя горчайшей смерти.

Святой мученик сказал в ответ:

— О мучитель, исполненный всякой скверны! Я не баснословец, а раб и проповедник истинного, в Троице славимого, Бога, в Которого научился веровать от прародителей и родителей моих; ныне Ему Одному поклоняюсь, Ему приношу жертву хвалы, Его признаю и исповедую Создателем всего, Его ожидаю как Судию живым и мертвым; Он придет воздать каждому по делам в то время, когда повелением Его померкнет это видимое солнце, поставленное на служение людям. Поэтому не надейся слышать от меня что-либо иное, — что сначала сказал я, то и ныне говорю: доколе обладаю

умом и управляю моим рассудком, дотоле не буду почитать твари вместо Творца и не поклонюсь созданию вместо Создателя. А затем не медли, делатель неправды, явно обнаружить скрытый в тебе песий и бесчеловечный нрав, и освободи себя от забот об изобретении на меня мук, — каким угодно способом мучительства и смерти посылай меня к Владыке Богу, к Которому я сам стремлюсь. Что хочешь делать, делай скорее, чтобы слуху моему не слишком долго оглашаться твоими нечестивыми речами, о которых сказал пророк: *яд аспидов под устнами их* (слав. Пс. 139, 3), и — очам моим не смотреть долее на твое всескверное лицо. Вот обнаженная плоть моя готова к мучительству твоему. Бей жезлами, сожигай огнем, утопи в воде или рассеки мечом, и если у тебя есть иные, более лютые, муки, не ленись причинить их мне: все готов радостно принять ради любви ко Христу моему.

Эти речи мученика воспламенили гневом свирепого мучителя; он тотчас повелел растянуть блаженного на земле и немилостиво бить суковатыми палками. Слуги били страстотерпца Христова столь жестоко, что многие части раздробляемой плоти его вместе с палками поднимались в воздух, и все место, где мучили святого, обагрилось кровью. Доблестный же страдалец мужественно переносил это мучение и, возводя умные очи свои на небо, говорил:

— Благодарю Тебя, Владыко Боже, что сподобил меня кровью моею очиститься от грехов моих, в которые, по немощи человеческой, впал я после святого крещения.

Сыны погибели, слыша молитву мученика к Богу, исполнились еще большей ярости и жестоко били его до тех пор, пока не умолк его голос. При наступлении вечера правитель повелел едва дышавшего мученика связать двумя цепями, бросить в темницу и стеречь до утра для сильнейшего мучения. А так как мученик от лютых ран не мог идти сам, то его повлекли как некий труп и ввергли в узилище.

Наутро звероподобный мучитель, сев на обычном судебном месте, повелел привести святого мученика Иоанна. Страстотерпец Христов предстал со светлым лицом и радостною душою. Взглянув на мученика и увидев светлое и обрадованное лицо его, нечестивый судья весьма удивился, как после столь лютого мучения обретается в нем душа, и он веселится, — точно не потерпел никаких страданий.

— Видишь ли, Иоанн, — сказал он, — до какого бесчестия довело тебя твое непокорство? Едва не лишился ты сладкой и всем людям более всего существующего любезной жизни. Впрочем, если ты окажешь повиновение моим разумным увещаниям, то готово тебе и здравие: в течение немногих дней будет уврачевана твоя израненная плоть, ибо есть у нас весьма искусные врачи, пришедшие из Индии и Персии; если же и далее хочешь пребывать в христианстве, то знай, что еще большее зло ожидает тебя.

Святой мученик отвечал:

— Об израненной плоти моей я нимало не забочусь, о судия! Поскольку внешний наш человек тлеет, постольку обновляется внутренний, как говорит великий апостол Господень (см.: 2 Кор. 4, 16). Об одном имею я попечение: претерпеть до конца причиняемые мне от тебя муки, о укрепляющем меня Христе, Который сказал: *претерпевший же до конца спасется* (Мк. 13, 13). Если ты изобрел на меня еще какие-либо муки, причиняй их мне: ибо первые, наложенные тобою на меня, раны вменились мне в ничто.

Посрамленный этими мудрыми словами святого, безумный мучитель затрясся от гнева и, испустив рыкание, как зверь, повелел снова простереть мученика на земле и бить еще более жестоко, и долго слуги беспощадно били страстотерпца, сменяя друг друга, так что и внутренности мученика были изранены; он же, шепча устами, творил молитву к Богу. Когда изнемогли воины, бившие тело, облекавшее адамантовую[1] душу, и люди всех возрастов, собравшиеся смотреть мучения, стали кричать на скверного судию, осуждая его немилостивый и суровый нрав, тогда мучитель повелел привести дикого и свирепого коня, крепко привязать к его хвосту ноги мученика, а одному из воинов, сев на коня, гнать его по городским улицам и влачить Христова страдальца, пока конь будет в силах бежать. Так влачили святого по всему городу, и было горестно благочестивым очам видеть это. Когда же всадник, влачивший святого, достиг жилищ иудейских и скакал по улицам их, то толпы иудеев ругались над влачимым мучеником; эти злобные люди, видоизменяя лица свои, с криками бросали в него, кто что имел в руках, творя бесчинный и нелепый смех. Наконец один из иудеев вбежал в дом,

[1] *Адамант* — греч. ἀδάμας— *алмаз* — камень, отличающийся твердостью.

схватил обнаженный меч, настиг влачимого святого и отсек ему честную главу. Так доблестный воин Иисуса Христа окончил свой страдальческий подвиг, предав святую свою душу в руки Господа своего[1]. Честное тело его воин отвязал от конского хвоста и бросил на том же месте, и лежало оно с отсеченною главою без погребения и призора, и никто из христиан не решался прикоснуться к нему, боясь ярости нечестивых.

Когда настала ночь, можно было явно видеть дивное чудо над телом мученика: ярко горело множество лампад, и три светоносных мужа воспевали неизреченные священные песнопения, и творили каждение, и столп огненный утверждался над честны́ми мощами, это чудо видели многие. Один иудей, дом которого был близ того места, где лежало многострадальное тело, думал, что это священники христианские пришли поднять его и предать обычному погребению; он взял лук и стрелу, приблизился туда и, желая застрелить одного из видимых тех (мнимых) священников, положил стрелу, затем с усилием, насколько мог, натянул лук. Когда же он хотел пустить стрелу, то стрела с тетивою прильнула к пальцам его правой руки, а лук к левой руке, и он не мог ни пустить стрелы, ни освободить рук от лука и стрелы; и так страдал этот еврей, змеиное исчадие, всю ночь. На рассвете стали невидимы чудные мужи, скрылись и столп огненный, и лампады, и люди всех возрастов, сходясь на это место, видели окаянного стрелка пребывающим в том же положении, — как натянул он лук со стрелой, так и остался связанный невидимою силою Божиею, будто железными оковами. Против воли вынужден был этот иудеянин поведать подробно, как о всем виденном им над телом мученика, так и о возмездии, полученном им от Бога за дерзновенную попытку к злобному делу. После достаточного оглашения этого чуда, руки его разогнулись, и он освободился от наказания. Правитель узнав об этом, весьма устрашился и повелел христианам предать погребению тело мученика: христиане взяли его и с честью похоронили при своей церкви.

Немного дней спустя фряг, который предал святого на мучение, захотел украсть честное его тело и отнести к себе (на родину): он уже раскаялся в злобе своей. Однажды ночью, выбрав удобное время,

[1] Святой мученик скончался, вероятно, не позднее 1340 года.

он пришел с товарищами ко гробу мученика, раскопал место, открыл гроб и хотел взять честные останки. Но Христов воин в это время явился во сне пресвитеру той церкви и сказал:

— Встань и скорее иди к церкви, ибо хотят меня украсть.

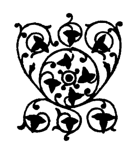
Пресвитер тотчас встал, поспешно отправился на место, нашел гроб раскопанным и открытым, тело же святого едва не было унесено. Созвав благочестивых людей, он рассказал им о происшедшем, и все прославили Бога, прославляющего святых Своих; взяв честные мощи святого мученика, внесли их в церковь и положили в алтаре близ святого престола. Там святые мощи находились более семидесяти лет, и бывали над ними часто ночью и днем различные чудесные явления: иногда показывался некий чудный свет, иногда огненный столп, иногда неизреченное благоухание исходило от гроба, проявлялись и силы целебные. Слух о том дошел до правившего в то время Молдовлахиею и поморием благочестивого и христолюбивого великого воеводы Александра, мужа, украсившего себя многими добродетелями и любившего мучеников; и весьма пожелал он иметь у себя пребогатое сокровище — честные мощи святого мученика Христова Иоанна. По совету со священнейшим архиепископом Иосифом[1], он послал в Белград нескольких вельмож своих с достаточным числом войска, и они не замедлили принести оттуда мощи мученика. Навстречу вышел великий воевода со всеми вельможами, священнейший архиепископ с духовным чином и весь народ, радостно приветствуя приход мученика со свечами, кадилами и благовонным миром. Великий воевода, припадая к раке святого, обнимал многострадальные мощи его, прикасался очами и устами к честны́м рукам мученика и, проливая радостные и обильные слезы, молил святого быть хранителем его державы. С великою честью положили честные мощи мученика в святейшей митрополии, в стольном городе молдовлахийского государства Сочаве[2]. О бывших же тогда и впоследствии исцелениях, которые подавались и подаются от мощей мученика одержимым различными недугами, оставляем, — замечает описатель, — говорить самим тем облагодетельствованным, да проповедуют о полученных от него

---

[1] Сделан митрополитом Молдовлахийским в 1401 году или 1402 году.

[2] Нынешняя, как некоторые полагают, Журжа — город Румынии, на левом берегу Дуная, против Рущука.

благодеяниях. Здесь же достаточно было сообщить, какие мучения претерпел святой Иоанн, как посрамил нечестивого градоначальника, какой поднял подвиг и получил венец от руки подвигоположника Христа. Таково было доброе приобретение святого Иоанна: мало дал, но много приобрел, оставив, как бремя, коварному мучителю тело свое, устремился не в Трапезонт, а в вышний Иерусалим, — в мученический лик как мученик, в лоно Авраамово, в селения святых, в благие пристанища, в нетленные чертоги, где предстал Трисвятой и Пребожественнейшей Троице, Которой слава, держава, честь, прославление и поклонение ныне и в бесконечные веки, аминь.

День третий

ПАМЯТЬ святого мученика ЛУКИЛЛИАНА, и с ним четырех отроков: КЛАВДИЯ, ИПАТИЯ, ПАВЛА и ДИОНИСИЯ, и святой девы ПАВЛЫ

Святой мученик Лукиллиан, пострадавший во времена Римского царя Аврелиана[1], сначала пребывал в языческом многобожии и даже был идольским жрецом, уже достигшим маститой старости, украшенным сединою и почтенным видом. Жил он недалеко от Никомидии[2], служа в капищах скверным богам. Потом благодатью Христа Бога нашего, желающего всем спастись и никому не погибнуть (ср.: 1 Тим. 2, 4), убедился он в обмане бесовском и языческом заблуждении, достиг познания истины, уверовал в единого истинного Бога, Господа нашего Иисуса Христа, отверг и презрел идолов, и обновилась в старости, как у орла, юность его (см.: Пс. 102, 5). Тогда возродился он святым крещением и всей мыслью и душой вполне предался любви ко Христу. Выяснял он и прочим язычникам суету и пагубу их нечестия, наставлял на спасение и своим учением приводил ко Христу, так что для многих был он примером обращения к

---

[1] *Аврелиан* царствовал с 270 по 275 год.

[2] *Никомидия* — город малоазийской области Вифинии на берегу Пропонтиды (Мраморного моря).

Богу. Местные иудеи, видя, что Лукиллиан перешел из идолопоклонства в христианскую веру и что многие, по примеру и учению его, оставляли кумирослужение, присоединяются к христианам и принимают святое крещение, исполнились гнева и ненависти. Люди богоубийственные и лютые, они из зависти оклеветали его и предали суду нечестивых; и был представлен раб Христов для допроса правителю Никомидии Силвану. Правитель сильно принуждал старца отречься Христа и возвратиться к идолослужению, но тот отказался повиноваться ему. Тогда правитель исполнился ярости и повелел предать Лукиллиана различным мукам: ему сокрушили челюсти, били нещадно палками, повесили вниз головой и потом, после долгого и лютого мучения, ввергли в темницу. Там святой Лукиллиан нашел четырех отроков, заключенных за Христову веру: Клавдия, Ипатия, Павла и Дионисия. Радостно беседовал он с ними о Христе Боге и укреплял их к подвигу мученическому, чтобы, помня вечное воздаяние на небесах, они не боялись временных мук, не устрашались смерти для будущей жизни и не жалели цветущей юности своей для Христа, уготовляющего им в Царствии Своем неувядающее блаженство. Все вместе они молились Богу дни и ночи и утешали себя надеждою на Христа. По прошествии довольно многих дней, святой Лукиллиан снова был подвержен мучениям уже вместе с отроками, и с ними был брошен в раскаленную печь. Но всемогущий Бог проявил над ними чудесную Свою милость, как некогда над еврейскими отроками, ввергнутыми в печь вавилонскую (см.: Дан. 3): огонь обратился в холод, пламя — в росу, и обильный дождь, пролившись свыше, окончательно охладил всю печь, и вышли святой Лукиллиан и отроки невредимыми. Язычники, ослепленные неверием и злобою, приписывали это преславное чудо Божие не Божией силе, но волшебству христиан. Тогда неправедный судия осудил святых мучеников на

смерть и отослал их в Византию[1], чтобы они там приняли казнь. Когда они достигли Византии, четыре святых отрока, Клавдий, Ипатий, Павел и Дионисий, были усечены мечом, а святой Лукиллиан повешен на кресте, по всему телу пригвожденный к нему гвоздями, и так предал дух Богу. Он был распят на кресте иудеями, как это видно из третьей песни посвященного ему канона, где об этом говорится таким образом: «Иуда предаде избавителя Христа древле богоубийцам, ты же ныне беззаконным иудеем предан был еси».

К их страдальческому венцу присоединилась и святая дева Павла. Рожденная от христианских родителей, она с юности питала в сердце горячую любовь ко Христу, соблюдала девство свое бессмертному Жениху и старалась быть достойной небесного чертога. Осиротев после смерти родителей и обладая достатком, она обходила темницы и, покупая себе у стражи золотом право входа, посещала узников, страдающих за Христа. Она служила рабам Христовым, подавая им все необходимое от имения своего, томимым голодом и жаждой приносила пищу и питье, нагим подавала одеяния, исцеляла уязвленные и гниющие струпами тела мучеников, омывая, отирая, прикладывая врачебные пластыри и обвязывая чистым полотном. Лобзая их раны, принятые за Христа, она со слезами просила их молиться о ней Христу Богу, да не лишит Он ее Своей милости. Эта избранная невеста Христова приходила и к святому Лукиллиану, заключенному в Никомидии с отроками в темнице, и наслаждалась полезными наставлениями его. Когда мучили святого и отроков, она была свидетельницей подвига их, и втайне сердца своего прилежно молилась о них Христу, да укрепит Он рабов Своих и да подаст им мужество и помощь, чтобы претерпеть им муки до конца, ради славы святого Его имени. Когда народ по окончании казней расходился, она приходила на место мучений святых, собирала по земле пролившуюся кровь их и хранила у себя, как святыню; когда вели старца и четырех отроков в Византию на смерть, она последовала за ними и служила им; когда же святые отроки были усечены, святая дева взяла

---

[1] *Византия* — мегарская колония, основанная в 658 году до Рождества Христова на европейской стороне Босфора, занимала господствующее положение на узком проливе, соединяющем Черное море с Мраморным. В 330 году Константин Великий, после победы над Ликинием, перенес сюда столицу Римской империи, и Византия стала называться Константинополем, Новым Римом.

честные тела их и с благоговением предала погребению. По кончине святого Лукиллиана и святых отроков, она возвратилась в Никомидию и продолжала поступать так же. Нечестивые узнали, что она христианка, взяли и привели на суд к тому же правителю Силвану, который, видя, что она остается непокорной после многих льстивых и грозных увещаний, повелел долго и немилостиво бить ее по обнаженному телу прутьями и палками; когда же она от многих ран изнемогла телом, но не духом, Ангел Господень явился и исцелил ее; и возвратилось к мученице телесное здравие, и она явила себя еще более смелой и мужественной в муках. Потом ее жестоко били по устам за то, что она досадила мучителю укорительными словами. Затем ее ввергли в темницу, а потом снова вывели на пытку и бросили в сильно раскаленную печь. Но она вышла из печи без вреда, ибо для нее, как и для прежних святых мучеников, сила Божия уничтожила силу огня, да не коснется невесты Христовой жгучее пламя. После же всего этого мучитель осудил ее на смерть чрез усекновение мечом и отослал в Византию, чтобы она приняла казнь там же, где скончался и святой Лукиллиан с отроками. Отведенная на то место, где Лукиллиан принял за Христа крестную смерть, мученица Христова усердно благодарила Бога, сподобляющего ее венца мученического и общения со святыми. Помолившись прилежно Господу, она радостно преклонила под меч свою девическую главу и приняла усечение. Так она перешла из дольних в горние и вошла в небесный чертог, в радость Господа своего, увенчанная от прелюбезнейшего Жениха своего, Христа, Господа нашего, двойным венцом — девства и мученичества.

ЖИТИЕ и СТРАДАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ЛУКИАНА
и дружины его

Вспоминать победы преславных мучеников над диаволом и слугами его и страдальческие деяния подвижников Христовых — значит возвещать славу Христа Бога нашего и проповедовать силу

Его, явленную в добрых подвигах мучеников, страдавших во славу пресвятого Его имени. Христос Сам был победителем во всем, по слову Своему: *мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33), и сначала Один за всех боролся с врагом. Святые мученики, после Него страждущие, будучи членами (Тела) Его (см.: 1 Кор. 12, 27), восполняют, по слову апостольскому, недостаток скорбей Христовых (см.: Кол. 1, 24) в плоти своей, и поскольку они, подвизаясь за пресвятое имя Его, умирают непобежденными, постольку в них Христос является победителем, ибо в них Он страдает как в членах тела Своего, в них являет торжество Свое над супостатом и, прославляясь, вместе с Собою прославляет и Свои члены, за Него страдавшие, то есть святых мучеников, которые настолько ближе всех к Нему по славе, насколько были подражателями Его в страданиях. Поэтому подобает и нам славить и ублажать добрых воинов Христовых, учениями которых и примером мужественных подвигов Церковь Христова сияет по всей вселенной; сами же они под алтарем, одетые в белые одежды, собственною их кровью обагренные, Христовою же убеленные, почивают в блаженстве (ср.: Откр. 6, 9).

К лику мученическому принадлежал и святой Лукиан; как только божественная благодать омыла его банею крещения, тогда же можно было в нем видеть, что он будет великим и преславным среди людей. Родители по плоти назвали его Лукием, в честь великого проконсула Лукия, от которого он вел род свой; потом, благодатью Святого Духа и по обычаю святоотеческому, имя его в крещении было переменено на лучшее. Наименованный родителями Лукием, то есть блестящим, с умножением в нем Божиих дарований приобрел он совершеннейшее имя, нарекшись Лукианом, что значит светлоявленный. Это было указанием, что в свете новой благодати он будет светом миру о Господе (см.: Мф. 5, 14). Родом он был римлянин, благородного происхождения, но еще более облагородился вторичным рождением христианским (см.: Ин. 3, 3), удостоившись усыновления вечному царю. Был он искусен в премудрости, научен греческому и римскому языку, но совершенную премудрость приобрел от учения святого апостола Петра; ибо к нему он прилепился, сделался его учеником, и им был напоен небесною премудростью. Навык он от него также нравам и трудам апостольским: после страдальческой кончины его он посетил многие места Италии, рассеивая семена слова Божия.

Лукиан уже достиг совершенства в премудрости Божией, когда пришел в Рим наставляемый Богом святой Дионисий Ареопагит[1], желая посетить святых узников, апостолов Петра и Павла, но уже не нашел их в живых. Правил в то время престолом апостольским папа Климент[2]. Дружественно и с великою честью принял он Дионисия ради святости его и ради прежней долговременной между ними духовной любви во Христе, и Дионисий пробыл у него немалое время; они утешались лицезрением друг друга, наслаждались душеполезными беседами и укрепляли друг друга не только словами, но и примерами добродетели. Однажды блаженный Климент, исполненный Духа Святого, сказал:

— О возлюбленный брат мой Дионисий! Видишь ли, как обильна жатва Господня посева в язычниках и как мало делателей в слове проповеди Божией (см.: Мф. 9, 37)? А так как ты вполне научен православной вере и достиг совершенства в добродетелях христианского закона, то, — прошу тебя, — иди в Западные страны ради имени Господа нашего Иисуса Христа, как добрый воин Его ополчись против врагов Господа нашего и побеждай их силою укрепляющего тебя Бога.

Святой Дионисий от всего сердца согласился на это, и тогда блаженный Климент начал ему искать и собирать друзей, помощников и сослужителей, благочестивых и премудрых, сияющих святой жизнью. Между ними избрал он и святого Лукиана, поставил его епископом и подружил со святым Дионисием, чтобы ему он был спутником и сподвижником в проповедании слова Божия, прочим же — отцом в Духе Святом, учителем и наставником. Устроив так, блаженный Климент приветливыми словами утверждал избранных, говоря:

— Идите, прелюбезные братия, идите, непобедимые воины Христовы, и как Господь пребывал со святыми отцами нашими апостолами и с их сподвижниками, так да пребудет и с вами, проповед-

---

[1] *Святой Дионисий Ареопагит* (член ареопага — высшего правительственного места в Афинах) обратился к христианству под влиянием проповеди апостола Павла (Деян. 17, 34) и им же рукоположен во епископа Афинского; затем в 90 году послан был в Галлию для проповеди Евангельской вместе с пресвитером Рустиком и диаконом Елевферием. Пострадал с ними в 96 году при Домициане. Память его — 3 октября.

[2] *Святой Климент* занимал кафедру с 91 по 100 год. Память его — 25 ноября.

никами Его святого имени: ибо (многое и) неисчетное число народа из язычников будет вами приобретено для Господа и введено в ограду Его.

После долгой беседы святой Климент сердечно простился с ними, благословил и отпустил их с миром; они же пошли все вместе, и проповедовали Христа сначала по всей Италии.

Когда они приближались к городу Тицину[1], блаженный Лукиан на одном месте, называемом Парма, благовествовал слово Божие народу и отвращал его от суетного идолослужения. Местные жители, неверные и чрезмерно усердные идолослужители, не вынося обиды, причиняемой богам их, и не внимая благовестию слова Божия, не замедлили схватить святого Лукиана и, причинив ему много оскорблений, ввергли его одного в народную темницу. Входя в нее, блаженный с великим веселием воспевал: ***Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей*** (Пс. 85, 11), и еще: ***Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои*** (Пс. 16, 5). Так радуясь о Господе, святой муж пребывал в темнице как под кровом крыл Божиих и, в полной надежде на защиту Христа, молился Ему так: ***Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое*** (Пс. 141, 7), ибо меня ждут имеющие быть праведниками, — да чрез меня к Тебе, Христе, Спаситель мира, обратятся те из язычников, которые предопределены к вечной жизни (см.: Рим. 8, 29). Такие и подобные моления возносил святой от всего сердца, и молитва его, пройдя небо, была услышана Господом: ибо он просил, чтобы не остаться ему на пути, лишенным сподвижников своих, с которыми он желал идти на страдания и достигнуть туда, куда был послан. Не потому об этом молился доблестный Христов воин, что боялся умереть за Господа своего, но он желал сначала умножить Господу духовный плод, и потом, собрав обильную и благополучную жатву, вместе с друзьями своими восприять венец мученический и награду за труды свои. И вскоре получил он помощь Божию: некие христиане, узнав об участи святого мужа, пришли ночью к темнице, движимые любовью ко Христу, и каким только могли способом извели Лукиана из уз и доставили ему возможность отправиться вместе со святыми друзьями его.

---

[1] *Тицин*, нынешняя *Павия*, древний город в Цизальпинской Галлии, на левом берегу Тицина, недалеко от его впадения в Пад.

Святая дружина, наставляемая Господом, пришла благополучно в славный город Италийской страны Тицин, иначе называемый Павия; отдохнув там немного от трудов, они продолжали увеличивать славу Божию, неустанно и обильно в различных местах проповедуя слово Христово, так что на них можно было видеть исполнение слов пророческих: *Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость* (Ис. 52, 7; Рим. 10, 15). Нельзя описать, сколько тысяч народа в короткое время обратили они ко Христу, возвещая всем слово спасения; и настолько споспешествовала им сила Божия, что смотревшие на них думали, что взирают на небесных граждан, ибо знамениями и чудесами сияли они посреди всех, просвещая души избранных Божиих. Потом они оставили Италию; достигнув морского берега, сели на корабль и отправились в плавание, куда Дух Святой направлял их. Радостно пристали они в гавани города Арелата[1], высадились и были с честью и дружественно приняты жителями этого города; здесь отдохнули и начали по примеру святых апостолов избирать себе страны для проповедания слова Божия. Чтобы проповедью Евангелия Христова распространить и умножить Церковь Божию всюду среди язычников даже до океана Британского, святой Маркелин с небольшим числом братии пошел в Испанию, блаженный Сатурнин — в Галлию, а святой Дионисий с блаженным Лукианом и с прочими пришли в пределы Парисские. Отсюда святой Лукиан с пресвитером Максианом и с диаконом Юлианом удалился на проповедь в Бельгию[2]. Весь проникнутый благодатью Святого Духа, он возвещал там имя Господне, побеждал силу вражью, насаждал Христову Церковь и наставлял народ к спасению не меньше примером добродетельной жизни, чем словом. Кроме того, дана была ему от Бога сила творить чудеса и врачевать всякие болезни и недуги в людях; а над бесами он получил такую власть, что те, едва услышав его повеление, тотчас оставляли мучимых ими людей.

Днем и ночью непрестанно проповедуя о Христе, Лукиан пребывал в молитвах и бдении, в ежедневном посте, в воздержании и пол-

---

[1] *Арелат*, ныне *Арль*, в описываемое время цветущий город, расположенный по обоим берегам Родана в Gallia Narbonensis.

[2] Самая северная провинция Галлии (Belgica), получившая свое название со времени Августа († 14 г. по Рождестве Христовом.).

ном умерщвлении плоти, и так изнурял себя постоянно, пока, по слову апостольскому, представил *тело* свое *в жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим. 12, 1). Обычной его пищей были небольшой кусок хлеба и зелень, питьем — вода; но сила Божия питала его и благодать Господня укрепляла его утруж,денное тело. Блаженный с таким желанием стремился к венцу мученическому, что казался уже умершим для мира.

Так носил крест свой этот истинный последователь Господа Христа. Он знал, что мучение бывает двоякое: одно тайное, другое явное; и ранее чем подъять подвиг явного мученичества и увенчаться неувядаемым венцом от Господа, изнурял себя втайне, хотя всем было известно воздержание его. Умерщвлением плоти он был изможден, терпением украшен; обладая чудным смирением, исполненный кротости, он достиг такого совершенства в добродетелях, что, живя во плоти на земле, по духу казался уже живущим с Ангелами на небе. Поэтому лицо его всегда видели светлым и приветливым, а ум — мирным, и весь образ этого старца, украшенного чудною сединою, являл земного Ангела, небесного человека.

Когда слава о Лукиане распространилась по всей Бельгии, стал приходить к нему народ, желая принять крещение, и крестился от него во имя Отца и Сына и Святого Духа, сокрушая потом идолов, которых ранее почитал. Древний же враг диавол, видя поругание от тех, которых Христос привлекал к Себе чрез Своих рабов, обратил все свои хитрости и козни на разорение святой Божией Церкви; он возбудил гнев и ненависть против христиан в Домициане[1], который после Нерона, тогда уже погибшего, воздвиг второе гонение на христиан: он научил его принуждать христиан во всей державе Римского царства приносить жертвы изваянным богам, твердых же в вере избивать после различных мучений. По всем городам и селениям своего царства Домициан разослал нечестивое повеление, чтобы все народоначальники, убеждая христиан поклоняться идолам и приносить им жертвы, неповинующихся губили различными муками. Гонители Христова имени были посланы в Галлию отыскивать воинов Христовых и главным образом пришедших сюда из Рима, слава о которых уже далеко распространилась; они хотели вместе с ними истребить и самое имя Христово. Сюда было послано три гонителя:

[1] *Домициан* царствовал с 81 по 96 год.

Латрин, Арий и Антор. Им было дано особое повеление — найти святого раба Божия Лукиана, взять его и представить на суд кесаря или даже немедленно убить мечом, если он не захочет принести жертву идолам. Гонители прошли города и селения Галлии, но нигде не было того, кого они искали. Потом дошла до них весть, что муж Божий Лукиан, проповедуя Евангелие вечного царствия, просвещает бельгийский народ. Услышав это, мучители, распаленные крайнею яростью и гневом, быстро направились в Бельгию.

О том, что приход мучителей близок, святой Лукиан узнал ранее, чем они дошли, по откровению ему Святого Духа. Он остался на месте, где поучал народ словам жизни, и с ним было великое множество людей, уже обращенных ко Христу его проповедью. В надежде вечной славы и блаженного воздаяния, он увещевал их от всего сердца, говоря:

— Возлюбленные о Христе братия и чада! Господу моему Иисусу Христу благоугодно явить мне плоды моих трудов и даровать ранее обещанную награду. О любезнейшие, пребывайте твердыми и непоколебимыми в вере Христовой. Я уже стар и утружден, радуюсь венцу мученическому, стремясь отойти от вас ко Господу; вы же пребывайте неизменно в Божией благодати, которую приняли. Страх перед мучителями да не отвратит вас от веры Христовой, да не устрашат вас угрозы, да не уловит лесть, да не отторгнут обещания каких-либо почестей и богатств, но да насладитесь вечной радости в будущей жизни, где вам уготованы неизглаголанные награды. К ним стремлюсь и я в благой надежде, и ради них не ужасаюсь ярости гонителей.

Сказав это, Лукиан возвел очи на небо и пред всеми благодарил Бога, что Он сподобляет его участи святых мучеников и не разлучает с друзьями. Он сказал:

— Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, подруживший меня с блаженным Дионисием и сподвижниками кончины его и уравнявший меня с ними в трудах; молю Тебя, удостой меня быть вместе с ними и в Царствии небесном.

Сказав это, он вышел из города Белловака[1] не потому, чтобы из страха избегал мучения, но чтобы, по заповеди Господней, повелевающей уклоняться от гонителей (см.: Мф. 10, 23), подать пример стаду своему. Шествуя с блаженными сострадальцами своими, пре-

[1] Ныне *Бове* во Франции.

свитером Максианом и диаконом Юлианом, он в продолжение всего пути не оставлял душеполезной беседы и молитвы; наконец он достиг вершины горы, на которую шел и которая находится близ реки, называемой Фара, текущей с запада на расстоянии трех поприщ[1] от города. Когда он пришел туда, то подобно городу, стоящему на вершине горы, не мог укрыться (см.: Мф. 5, 14); ибо и та самая гора, живописно возвышавшаяся над рекой, была видима издалека. Там блаженный, став твердо, как на открытом для зрелища месте, решил ожидать венца мученического.

Вышеупомянутые мучители, дойдя до города и не найдя в нем святого Лукиана, начали достовернее узнавать, куда ушел он. Им сказали, что он учит народ недалеко от города; они тотчас на борзых конях устремились туда и достигли горы, где человек Божий пребывал с народом и учениками. Сначала взяли святых служителей Божиих, Максиана и Юлиана, чтобы их муками и смертью устрашить святого Лукиана и привлечь к почитанию идолов. Взятым мученикам грозно повелевали поклониться идолам и старались внушить им страх, говоря:

— Если не принесете жертвы нашим бессмертным богам, тотчас мы казним вас мечом.

Но твердые в вере мученики безбоязненно отвечали:

— Никогда не поклонимся мы идолам, ибо они бездушны и сотворены руками человеческими: мы познали единого истинного Господа Иисуса Христа, Сына Бога живого, за веру в Которого готовы умереть.

Слыша это, злочестивые тотчас убили их мечом на глазах святого Лукиана. Так святые приняли обещанные им от Господа венцы и сопричислились к лику святых мучеников. Святой Лукиан, радуясь и славя Бога о их подвиге, пред всеми сказал:

— Радуюсь и веселюсь о Тебе, Господи Боже мой, что вижу чад моих упредивших меня в получении венца славы Твоей.

Тогда Латрин, Арий и Антор с яростью и гневом единогласно обратили к блаженному жестокое слово:

— Это ты волшебством прельщаешь народ не повиноваться повелению могущественного кесаря и римскому сенату, и не приносить благоприятных жертв бессмертным богам?

---

[1] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

Блаженный Лукиан отвечал:

— Я не волхв, а раб Иисуса Христа, научен не чародейству, а божественной премудрости, силою ее показываю людям Божиим путь истины, и поучаю их, как без препятствия могут они последовать Господу моему Иисусу Христу. Он сошел с небес на землю, чтобы кровью Своею искупить создание Свое от рабства врагу, отвратить от поклонения идолам, лучше же сказать — демонам, и даровать спасение тем, которые из тьмы зловерия приводятся в истинный свет: и справедливо, чтобы они одному Тому преклоняли выю сердец своих, Кто благоизволил претерпеть распятие и смерть за избавление всех.

Мучители возразили:

— Как ты исповедуешь Богом Того, Кого называешь не только умершим, но и распятым?

Святой Лукиан отвечал им:

— Хотя вы по неверию своему и недостойны слышать тайны небесного Царя, однако ради множества предстоящих здесь верных я поведаю нечто вкратце: Бог истинный, Сын Бога истинного, от вечности всегда пребывающий с Отцом, в конце веков, желая обновить род человеческий, погибавший вследствие преступления Адама, благоизволил родиться нетленно и несказанно от Пречистой Девы, дабы быть истинным Богом и истинным человеком, в одном лице двоякого естества Единым Христом, истинным Сыном Божеским и Человеческим. И Он, будучи бесстрастен по Божеству и всегда пребывая с Отцом, стал не только видим, но и подчинен, по естеству человеческому, страданиям за нас: ибо сделался послушливым Богу Отцу даже до смерти, смерти же крестной, ради искупления нашего (ср.: Флп. 2, 8). Если бы Сын Божий не восхотел быть Сыном Человеческим и не облекся бы в образ смертного, то ни род человеческий не получил бы прощения у Бога, ни смертные не облеклись бы в бессмертие.

Эти и многие иные слова блаженного Лукиана исполнили мучителей еще большей ярости, и они сказали:

— Ты достиг уже глубокой старости, и пора тебе оставить детское празднословие; потому и дерзаешь ты без колебания идти на смерть, потому и не ужасаешься, что тебя прельщает великая суета и отнимает рассудок излишнее многоречие. Истину говорим тебе: если

вскоре не покаешься, не оставишь своего безумия и дерзновения, и не принесешь бессмертным богам благоприятной жертвы, то немедленно старость твою без пощады предадим лютым мучениям.

Потом мучители сели и начали грозно спрашивать его:

— Скажи нам скорее свое имя и рождение.

Воин Христов отвечал им:

— Я был назван родителями моими именем Лукия, во святом же крещении, которым возродился в жизнь вечную во Христе, переименован Лукианом. Родом я римлянин; это происхождение пользуется почетом во всем мире. Но я не тем хвалюсь, что я римлянин, а тем, что есмь раб Господа моего Иисуса Христа, что и вы явно можете видеть во мне: ибо нет для меня иной жизни и славы, кроме Господа моего Иисуса Христа, и умереть за Него — приобретение (ср.: Флп. 1, 21).

Тогда мучители сказали:

— Правду мы говорили: ты волхв и соблазнитель тех, которые тебя слушают, главным же образом являешься гордецом, ибо не перестаешь говорить бесстыдно и даже не щадишь своей преклонной старости. Если же ты римлянин, то зачем безумно отступил от почитания римских богов, которым поклоняются кесарь со всем римским сенатом и весь мир?

Святой Лукиан отвечал:

— Благодатью Христа, в Которого я крестился и Которого познал как истинного Бога, отрекся я в вере моей не только диавола и идолов, но и всех дел его. Моих же слов и проповеди о Христе Господе вы не хотите ни слышать, ни держать в памяти потому, что неверие ваше ослепило вас и вашего кесаря вместе с сенатом его, от которых вы получили такое повеление, чтобы мы, люди, создание разумное, приносили жертву диаволам и преклоняли выи наши пред бесчувственными идолами, сотворенным руками человеческими.

Латрин, Арий и Антор, не вынося далее бесчестие богов своих и кесарева, возложили на святого руки свои, связали его и предали воинам, и те, растянув мученика, долго без пощады били его жестокими бичами. Терпя мучения, Христов воин не побеждался страданиями и не устрашался угроз, но пребывал твердым в вере Христовой и бодростью духа укреплял изнемогшие от старости и уязвляемые

члены. Неизменный и лицом и умом, он не переставал громким голосом исповедовать имя Христово, говоря:

— Никогда не перестану сердцем, верою и устами хвалить Христа, Сына Божия.

Мучители, еще более разъяренные, повелели лишить жизни святого мученика мечом; тогда один воин извлек меч, ударил в уготованную уже к усечению святую выю и отсек пречестную главу. Когда же святое тело лежало обезглавленным и еще двигалось, все были свидетелями, и сами убийцы, что над ним воссиял с неба великий свет, вместе же со светом был слышен голос свыше:

— Радуйся, благий раб Лукиан, не устрашившийся пролить за Меня кровь свою. Приди и прими ранее обещанный тебе венец, и водворись на небе со святыми: приди и наследуй обитель вечной славы, уготованную тебе с Ангелами.

Этот голос был не ради святого, который всегда твердо верил в обещанное ему Богом воздаяние, но ради вокруг стоящего народа, чтобы последнему еще более утвердиться в вере в Господа нашего Иисуса Христа, насаждаемой святым Лукианом в течение столь продолжительного времени. Все это происходило в день субботний, на вышеупомянутой горе, в трех поприщах[1] от города. Видя это и слыша, люди как веровавшие, так и неверовавшие были объяты великим страхом. Иные бежали оттуда, иные удивлялись с радостью, видя себя освобожденными от сетей диавольских: впрочем, не будучи в состоянии взирать на блистание явленного света, немного отступили от того места. Тогда святой Лукиан, хотя и мертвый телом, чудесно принял от Бога силу движения, поднялся как живой с земли и стал на ногах; потом, взяв в руки пречестнейшую свою главу, беспрепятственно пошел, ведомый благодатью обитавшего в нем Святого Духа и помощью Ангелов, и твердыми шагами как живой плотью начал путешествие, неся свою святую главу, как это сделал и друг его, святой Дионисий в городе паризиев. Пройдя около трех поприщ и перейдя по водам вышеназванной реки Фары, муж Божий достиг места, выбранного им себе для погребения, там возлег на землю и с миром почил о Господе.

Благочестивые люди, обращенные ко Христу проповедью мученика, пришли и помазали святое тело его ароматами, обвили чи-

---

[1] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей. Два поприща, таким образом, составляют тысяча триста восемьдесят саженей, или две версты.

стым полотном и погребли со многими почестями, не без ангельского присутствия: ибо когда честное тело предавалось погребению, можно было обонять кроме земных ароматов еще и иное некое дивное и неизреченное благовоние. Все бывшие там дивились и спрашивали друг друга:

— Что это?

Потом сказали:

— Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, что сподобил нас обонять такое благоухание, какого никогда не обоняли ноздри наши! Слава Тебе, Христе Спаситель: ибо так усладились мы этим благоуханием, что затем уже, думаем, не будем лишены никакого блага!

И пока они это говорили, дотоле им подавалось божественное благоухание. Отсюда несомненно познавалось присутствие святых Ангелов, которые от начала страдания мученика до самой смерти и погребения его были при нем неотступно. Совершив честное погребение, благочестивые погребатели поклонились до земли, с сокрушенным сердцем восклицая:

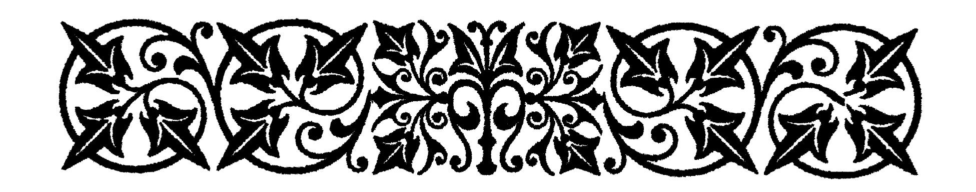
— Веруем, Иисусе Христе, что Ты — истинный Сын Божий, с Отцом и Святым Духом царствующий на небесах, как мы слышали ушами и научились веровать сердцем от святого мученика Твоего Лукиана.

Множество народа, собравшегося на погребение из окрестных городов и сел, видя это, а последние по времени из пришедших слыша от видевших, умилились сердцем, и в тот же день уверовало в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия душ около пятисот, а прежде учением святого Лукиана в той стране было обращено ко Христу до тридцати тысяч обоего пола и всякого возраста, которые, оставив идолов, исповедали Бога Отца нерожденного и Сына Его Единородного, вместе со Святым Духом, в Троице истинного и единого Бога. Потом некоторые из обращенных по усердию создали церковь над гробом мученика, во славу Божию и в честь угодника Его, святого Лукиана. Тела святых мучеников Максиана и Юлиана были погребены на горе, где они были убиты, но потом, когда число христиан увеличилось, были оттуда перенесены и положены вместе с телом блаженного Лукиана. И многие блага подавались там от Господа нашего Иисуса Христа по ходатайству святых Его мучеников. Как у них была одна вера, одна любовь, и одно исповедание в стра-

даниях, так, — веруем мы, — и в вечном блаженстве одно им сожитие и наследие вечного царства. Благодарим Создателя нашего за то, что трое свидетелей Его, исповедуя Троицу, достигли совершенства мученичеством; их мы благоговейно почитаем, зная, что от них подается слепым прозрение, хромым хождение: бесов освобождение, и многие исцеления от различных недугов творятся их святыми молитвами, благодатью же Господа нашего Иисуса Христа, Ему же с Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки, аминь.

В тот же день **перенесение мощей святого благоверного князя Димитрия**, царевича Московского и всея России чудотворца, из Углича в Москву, в 1606 году.

День четвертый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
МИТРОФАНА,
патриарха Константинопольского

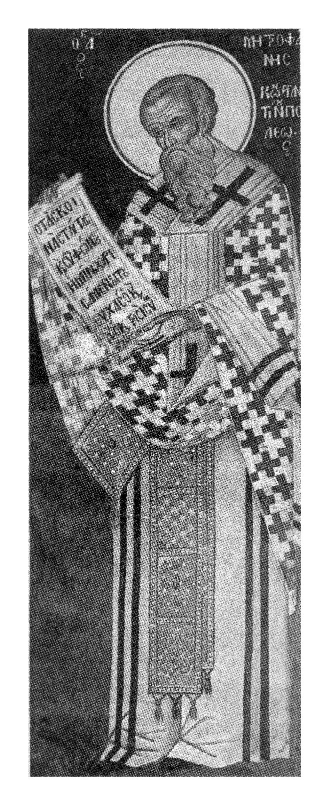
Святой отец наш Митрофан жил во времена Константина Великого — первого императора-христианина[1]. Он был сын римлянина Дометия, происходившего из царского рода. Этот Дометий, иначе называемый Дометианом, был братом Прова, некогда занимавшего престол римского императора[2]. Будучи человеком благоразумным, Дометий скоро сознал ложь идолопоклонства, отрекся от ложных языческих богов и уверовал в истинного Бога — Господа нашего Иисуса Христа. А так как Рим в то время был исполнен языческого нечестия и христиане подвергались в нем жестокому преследованию, то Дометий, покинув столицу империи, прибыл с двумя сыновьями своими, Провом и Митрофаном, в Византию. Тогда в Византии был епископом богоугодный и святой муж Тит (называемый иначе Тратом или Торатом)[3]; при нем-то и стали проживать Дометий и его сыновья, обучаемые вере Христовой и закону Господню и наставляемые в добродетельной жизни. Видя, что Дометий всем сердцем и всею душою прилепился ко Христу и полон пламенной ревности потрудиться для Господа, — епископ сопричислил его к церковному причту, рукоположив в пресвитеры. Когда, наставив Дометия, Тит скончался, то Дометий принял после него епископ-

---

[1] *Император Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год.

[2] *Пров*, или *Проб*, царствовал с 276 по 282 год.

[3] *Святой Тит* занимал Византийский епископский престол с 242 по 272 год.

ский престол[1], а по кончине блаженного епископа Дометия святительский престол принял сын его Пров[2]. После же преставления Прова, на Византийскую архиерейскую кафедру возведен был сын Дометия и брат Прова — святой Митрофан[3], о котором предстоит нам слово.

В это время император Константин Великий прибыл во Фракийскую область[4] и остановился в Византии. Увидав здесь святителя Митрофана, император из бесед с ним познал, что он великий угодник Божий, и много дивился добродетельной жизни святителя и его премудрости. Горячо полюбив его и желая наслаждаться богодухновенными его речами, он взял его с собою в Рим.

Вскоре после того император Константин пожелал перенести свою столицу из Рима в Византию. Город этот ему очень понравился, как по своей красоте, так и по выгодному местоположению своему. Он находится в юго-восточном углу Балканского полуострова на берегу Босфора, пролива, соединяющего Чермное море со Средиземным и Мраморным морями. Прекраснейшие дороги с суши и с моря вели к этому городу, и вся окружающая местность изобиловала различными земными плодами. Все это так понравилось Константину, что он решил перенести сюда столицу империи. Новую столицу император украсил прекраснейшими зданиями и наименовал ее Новым Римом.

Но, по имени своего создателя, город чаще называли Константинополем, то есть городом Константина, а как резиденция императоров, он именовался еще Царьградом. Перенесши в Византию сто-

---

[1] *Дометий* был епископом Византии с 272 по 303 год.

[2] *Пров* святительствовал с 303 по 315 год.

[3] *Святой Митрофан*, первый патриарх Константинопольский, занимал Константинопольский престол с 315 по 325 год.

[4] *Фракия* находилась в восточной оконечности Балканского полуострова и примыкала к морям Черному и Мраморному. В настоящее время — это восточная Румелия, Турецкая провинция.

лицу империи, Константин перевел сюда также из Старого Рима святителя Митрофана, нарек его своим отцом и исходатайствовал ему у собравшихся в Никее на I Вселенский собор епископов[1] титул патриарха. Митрофан был таким образом первым патриархом Константинопольским.

По причине глубокой старости и телесной немощи, сам Митрофан не был на соборе в Никее. Вместо себя он послал сюда своего хорепископа[2] Александра — мужа почтенного, святого и престарелого, подъявшего много трудов на пользу церковного мира во Фракии и Иллирии[3]. Он на соборе занимал место своего патриарха Митрофана и противостоял Арию.

После окончания Вселенского собора благочестивый император Константин Великий упросил всех святителей, бывших на соборе, отправиться вместе с ним в Константинополь, чтобы навестить там больного патриарха Митрофана, лежавшего на смертном одре. В одно из воскресений отцы вместе с царем пришли к Митрофану и долго беседовали с ним. При этом император сказал святому:

— Честнейший отче! Я вижу, что ты изнемог от старости и болезни. Итак, прошу тебя, скажи нам, кто достоин стать твоим преемником?

На эти слова святой Митрофан с радостью во взоре отвечал императору:

— Поистине твоими устами говорит ныне Святой Дух. Действительно, когда я за семь дней до настоящего времени размышлял об этом, Господь открыл мне, что, по истечении десяти дней, я удалюсь из этого мира. И когда я окончу жизнь свою, пусть после меня вступит на престол сослужитель мой Александр — поистине достойный избрания и дара Духа Святого. После же него имеет быть

---

[1] Собор происходил в 325 году и созван был для обличения ереси Ария, учившего, что Сын Божий не единосущен, а только подобосущен Отцу и есть тварное Существо, стоявшее, однако, выше прочих тварей. На этом соборе присутствовало триста восемнадцать епископов, съехавшихся из различных стран, находившихся в пределах Римской империи.

[2] *Хорепископ* — сельский епископ, бывший в подчинении у городского.

[3] *Иллирия* — провинция, обнимавшая все восточное прибережье Адриатического моря с лежащими за ним местностями. Теперь на месте этой провинции — Албания, Далмация и Босния.

наследником престола Павел, состоящий в настоящее время чтецом[1].

Затем, взглянув на блаженного Александра, патриарха Александрийского[2], он сказал ему:

— Брат! И ты оставишь после себя превосходного наследника.

И, взяв за руку архидиакона его, Афанасия, произнес:

— Вот доблестный воин Христов; он будет наследником после тебя[3], и не только твердо восстанет, вместе с моим братом Александром, против арианского нечестия, но и преуспеет в великих подвигах, так что его, вместе с мужественным Павлом, — ожидают многие страдания.

Так святой предсказал о будущем, и спустя десять дней после откровения Господня в миру скончался 4 июня, прожив со дня своего рождения всего сто семнадцать лет. Ныне же святой пребывает в бесконечной жизни, предстоя престолу Великого Архиерея, прошедшего небеса, — Христа Спаса нашего; Ему слава вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА **КОНКОРДИЯ**

В царствование императора Антонина[4] в городе Риме было воздвигнуто столь жестокое гонение против христиан, что никому, — если он не принесет жертвы богам, — ничего нельзя было ни

[1] После святого Митрофана патриархом Константинополя действительно был святой Александр (с 325 по 340 год), а после него святой Павел, занимавший патриарший престол с некоторыми перерывами с 341 по 350 год.

[2] *Святой Александр* занимал Александрийский престол с 312 по 326 год.

[3] После святого Александра патриархом Александрийским, действительно, стал *святой Афанасий*, занимавший Александрийскую кафедру с 326 по 373 год. На его долю выпало много преследований от ариан и арианствующих императоров. Несколько раз он скрывался из города, спасаясь на Западе; иногда его изгоняли из Александрии ариане. Такую же участь разделил с ним и святой Павел, патриарх Константинопольский.

[4] *Римский император Антонин*, прозван язычниками *Шем*, то есть Благочестивым, царствовал с 138 по 161 год.

купить, ни продать. Тогда в городе Риме проживал некий муж по имени Конкордий. Он происходил из благородного дома. Отец Конкордия, Гордиан, состоял в священном сане и был пресвитером. Имея сына Конкордия, Гордиан научил его разумению Священного Писания и веры Христовой. Поэтому епископом римским Пием, который претерпел мучения за Христа в царствование императора Марка Аврелия[1], Конкордий был поставлен в иподиаконы. Этот блаженный муж, вместе с отцом своим, день и ночь упражнялся в посте и молитве; сверх того они щедрою рукою подавали милостыню убогим и всем нуждающимся. Со своей стороны они просили у Господа даровать им возможность избегнуть жестокостей воздвигнутого на христиан гонения.

Однажды блаженный Конкордий сказал своему отцу:

— Господин мой! Если ты не будешь иметь ничего против моего намерения, то дай мне благословение отправиться к святому Евтихию и поселиться с ним на короткое время, пока прекратится свирепство врага нашего, императора Антонина.

— Пробудем лучше здесь, чадо, — сказал на эту просьбу Конкордия отец, — дабы и нам получить от Господа венцы мученические.

Блаженный ответил:

— Мученический венец я могу получить везде, где благоволит Христос Бог, — поэтому позволь мне исполнить мое намерение.

После этих слов отец отпустил его, и Конкордий удалился к родственнику своему Евтихию, который тогда находился в своем имении на Саларийской дороге, близ города Требула[2].

Приняв Конкордия с большою радостью, блаженный Евтихий стал воздавать благодарение Богу, и они вместе пребывали на том месте, упражняясь в посте и молитвах. Сюда приходили к ним многие, одержимые различными недугами. Они же, молясь во имя Гос-

---

[1] *Марк Аврелий* занимал римский императорский престол с 161 по 180 год.

[2] Именем *Требула* назывались три городка в Сабинской земле, расположенной в Средней Италии, на восток от Рима. Вследствие того, что в дальнейшем говорится о том, как святого Конкордия призвал к себе Тусский епарх, обитавший в Сполете, в провинции Умбрии, нужно думать, что город, обозначенный здесь под именем Требула, находился в северной части Сабинской земли, недалеко от Умбрии, — провинции, расположенной к северо-востоку от Рима.

пода Иисуса Христа, подавали им исцеления, — и чрез это слава о них распространялась среди народа на далекое расстояние. Услышал о них Тусский епарх, Торкват[1], который проживал тогда в городе Сполете[2]. Призвав к себе блаженного Конкордия, он прежде всего спросил святого об имени его.

— Я христианин, — отвечал Конкордий.

— Я спрашиваю тебя о твоем имени, — снова сказал епарх, — а не о Христе твоем.

— Я уже сказал тебе, — отвечал святой Конкордий, — что я христианин и исповедую Христа.

— Принеси жертву бессмертным богам, — сказал епарх, — и будешь нам другом, — я буду считать тебя вместо отца и попрошу императора Антонина — господина моего, чтобы он назначил тебя жрецом богов.

— Пусть твои боги останутся лучше при тебе, — сказал на это святой Конкордий.

— Послушай меня и принеси бессмертным богам жертву, — продолжал уговаривать его епарх.

— Лучше ты меня послушай, — отвечал святой Конкордий, — и принеси жертву Господу Иисусу Христу, дабы избегнуть тебе вечных мучений. Если ты этого не сделаешь, то получишь наказание в вечной жизни и восприимешь мучения в неугасаемом огне.

Тогда епарх повелел бить его палками и бросить в общую темницу.

Ночью к Конкордию пришел блаженный Евтихий со святым епископом Анфимом. Анфим был другом Торквата и упросил его отпустить к нему узника на короткое время. И вот Конкордий ночью был выпущен из темницы и прожил вместе с Анфимом немало времени. При этом Анфим посвятил Конкордия во иереи, и они, живя вместе, упражнялись в посте и молитвах.

---

[1] *Тусками* римляне называли жителей Этрурии, провинции, находящейся на западе Средней Италии, к северу от Рима. Таким образом Тусский епарх был правителем Этрурии.

[2] *Сполета*, ныне *Сполето*, город в Средней Италии, в древней Умбрии, на границе с Этрурией. Вероятно, Умбрия и Этрурия находились под властью одного правителя.

По прошествии некоторого времени, Торкват послал за Конкордием и спросил его:

— Что ты придумал относительно своей жизни?

— Моя Жизнь — Христос, Которому я ежедневно приношу жертву хваления, а ты будешь гореть в геенне, — сказал епарху Конкордий.

Тогда Торкват повелел привязать святого к позорному столбу. Но святой с радостью говорил:

— Слава Тебе, Господи Иисусе Христе!

— Принеси жертву великому Зевсу[1], — настаивал епарх.

— Я не стану приносить жертву глухому и немому камню, — отвечал блаженный Конкордий, — так как со мною Господь мой Иисус Христос, Которому служит душа моя!

После этого епарх, разгневавшись, отправил Конкордия на заключение в тесную темницу, а на руки и на шею его повелел наложить железо и запретил кому-либо входить к нему, ибо желал уморить святого голодом.

Но блаженный Конкордий, заключенный в темнице, не пал духом, но с веселием начал приносить благодарность всесильному Богу:

— *Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение*, — воспевал он.

В полночь явился ему Ангел Господень и сказал:

— Не бойся, но мужественно стой в вере, потому что я с тобою.

По прошествии трех дней епарх послал к нему ночью двух оруженосцев своих и повелел им:

— Пойдите и сообщите узнику, дабы он принес жертву нашим богам, или же, в противном случае, — ему будет отсечена голова.

Оруженосцы пришли к Конкордию с идолом бога Зевса и спросили его:

— Слышал ли ты, что приказал епарх?

— Я не знаю этого, — отвечал святой.

— Принеси жертву богу Зевсу, — продолжали оруженосцы, — в противном же случае будешь обезглавлен!

---

[1] *Зевс*, по-римски *Юпитер*, почитался главным божеством, отцом богов и людей; он являлся повелителем неба и земли, грома и молнии, ветров и дождей.

Тогда блаженный Конкордий, благодаря Бога, сказал:

— Слава Тебе, Господи Иисусе Христе. — И плюнул в лицо Зевса.

Видя это, один из воинов извлек меч и отсек святому голову и, таким образом, блаженный Конкордий, исповедуя Господа, испустил дух[1].

После того пришли в темницу два клирика и некоторые благочестивые мужи; взяв тело святого, они положили его недалеко от города Сполеты, в месте, орошенном обильно текущими источниками. Здесь, у гробницы мученика, одержимые демонами и страждущие от различных болезней стали получать исцеления, по молитвам святого Конкордия, предстоящего Господу нашему Иисусу Христу, Который со Отцом и Духом Святым царствует во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ФРОНТАСИЯ, СЕВЕРИНА, СЕВЕРИАНА и СИЛАНА

Святой Фронтасий, Северин, Севериан и Силан были отправлены первым Петрагорийским епископом Фронтоном[2] проповедовать слово Божие. Во время проповеди их схватил игемон Сквиридон и допрашивал:

— Скажите мне: откуда вы и какими именами называетесь? Ибо вы не только не принесли жертв богам, но отклонили от этого многих других и разрушили даже храмы богов. Скажите же, коею властью вы делаете так?

Они отвечали ему:

— Зачем ты допрашиваешь нас, игемон, будучи чужд божественной добродетели? Уж не стремишься ли ты уничтожить правое дело? Тогда, прежде чем приступить к исполнению намерения своего, рас-

---

[1] Это было около 175 года.

[2] *Петрагорийская епископская кафедра* иначе называлась *Перической*. Город Перичев находился в южной Галлии.

суди: кто сотворил твою душу и тело? Ведь языческие идолы — изделие человеческих рук и не могут ни себе принести пользы, ни иным помогать, тем более творить что-либо.

— Я вижу, — сказал Сквиридон, — что вы дерзки и многоречивы, наученные всякому пустословию от вашего Учителя.

— Наши слова исполнены истины, — отвечали Северин и Севериан, — ты же почитаешь идолов, которые суть камни, поставленные демонами; они — глухи, немы и пусты.

— Оставьте свои рассуждения, — прервал их Сквиридон, — и если хотите остаться в живых, принесите жертву богам.

— Наше приобретение заключается в том, — отвечал Фронтасий, — дабы жить и умереть за Христа!

После того игемон обратился к Силану, умевшему играть на гуслях, благозвучных кимвалах и лирах, и спросил его:

— А ты, юноша, почему не приносишь жертву богам?

— Я приготовился, — ответил святой Силан, — принести себя в жертву Господу моему Иисусу Христу, Который благодатью крещения омыл мир от греховной скверны.

— Каким образом омыл? — спросил игемон.

Силан отвечал:

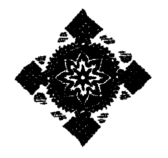
— Господь мой Иисус Христос сказал Своим ученикам: *идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28, 19), *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16, 16). Таким образом и ты, игемон, если уверуешь во Христа и крестишься — будешь спасен, если же не уверуешь — осужден будешь.

Разгневавшись, игемон приказал вывести их на место казни за город и подвергнуть жесточайшим мучениям. При этом мучители вонзили в головы мучеников железные гвозди, по подобию тернового венца Спасителя нашего, и пригвоздили их к столбу. В голове каждого было по девяти гвоздей. Но жестокая ярость мучителей не могла отвратить от Христа Его воинов. После того как игемон не мог препобедить святых означенными мучениями, он сделал относительно их последнее решение — повелел отсечь им головы. Тогда святые мученики, преклонив на землю свои колени и препоручив Богу свои души, подставили выи палачам и восприяли мучениче-

скую кончину за исповедание имени Христова. Нечестивые воины, усекнув главы мучеников, бросили их тела для поругания на землю, оставив честные останки без погребения. Но божественная сила совершила при этом следующее чудо.

Тела святых, при внезапном наитии на них Святого Духа, — ожили, и каждое, взяв в руки лежавшую поблизости свою голову, без всякой человеческой помощи встало на свои ноги и таким образом пришло к реке, называемой Ил. Вступив здесь на воды, ожившие тела мучеников шли по ним, как бы по сухой земле. Перейдя затем реку, на виду у многих, в изумлении наблюдавших чудо, они взошли на высокий холм. Тут они дошли до церкви Пречистой Богоматери Девы Марии, в которой молился святой епископ Фронтон. Святые мученики вошли внутрь церкви и, преклонив колена, сложили свои головы пред ногами епископа, а телеса свои крестообразно распростерли на земле, и они снова стали мертвыми. Тогда святой епископ Фронтон, с пресвитером Анианом и при участии многочисленного народа, с почетом и песнопениями, предал погребению в вышеозначенном храме Фронтасия, Северина и Силана. Севериана же, по просьбе некоей благоговейной женщины, он с почетом похоронил в другом месте, находившемся в ее владениях, неподалеку от святых сострадальцев его.

Святые мученики пострадали в царствование римского императора Клавдия[1], прославив своими делами и твердым исповеданием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава вовеки. Аминь.

[1] *Римский император Клавдий* царствовал с 41 по 54 год.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ЗОСИМЫ**, епископа Вавилонского

Преподобный Зосима, прозванный Киликсом (так как был родом из Киликии[1]), в юности своей возлюбил Бога. Отвергшись мира, он пришел на Синайскую гору[2], облекся здесь в иноческий чин и начал подвизаться в посте и молитвах. Однако он недолго пробыл на Синае. Стремясь к тишине и безмолвию, Зосима еще в молодых летах отошел с Синайской горы в пустыни Ливии[3] и там поселился в одном пустынном месте, называемом Аммониак. Здесь он стал жить в полном уединении, заботясь об угождении единому Богу. Однажды он увидал в пустыне той старца, одетого в колючую власяницу. Приблизившись к нему, Зосима хотел поклониться старцу и по обычаю испросить у него благословения. Но старец предупредил его, сказав:

— Зачем ты пришел сюда, Зосима? Иди отсюда, ибо тебе не должно здесь оставаться.

Думая, что старец знает его издавна, Зосима, поклонившись ему и испросив благословение, сказал:

— Молю тебя, отче, окажи мне благоволение! Скажи мне, как ты знаешь меня?

Старец ответил:

---

[1] *Киликия* — область Малой Азии, расположенная в юго-восточной части ее, на границах с Сириею и по южному берегу Средиземного моря.

[2] Гора *Синай* представляет собою собственно группу гор, состоящих из гранитных скал, прорезанных и окруженных крутыми и шероховатыми долинами. Лежит почти посредине известных рукавов Чермного (Красного) моря, образующих собою Синайский полуостров. Она состоит из трех горных хребтов. Юго-восточная вершина среднего хребта и была местом известного Синайского законодательства. С IV века по Рождестве Христовом Синайская гора стала излюбленным местом подвижников и была вся усеяна монастырями.

[3] *Ливия* — провинция в Северной Африке, к западу от Египта. Прилегающая к Средиземному морю, часть Ливии была обитаема, другая же, уходящая в глубь материка, представляла пустыню с несколькими оазисами. Это самая восточная оконечность известной пустыни Сахары, простирающейся от Египта почти до самых берегов Атлантического океана.

— Раньше двух дней тому назад явился ко мне муж, чудный видом, и сказал мне: вот, придет к тебе один инок с Синайской горы, по имени Зосима; не давай ему благословения на пребывание в этой пустыне. Я хочу поручить ему церковь Вавилонскую, что в Египте.

Сказав это, пустынник отошел от Зосимы на расстояние брошенного камня и стал на молитву, воздев руки свои к Богу. Молился он около двух часов; потом, окончив молитву, старец снова подошел к Зосиме и, отечески обняв его, облобызал его и сказал:

— Чадо мое любезное, хорошо, что ты пришел сюда. Поистине, тебя привел ко мне Бог, чтобы ты предал тело мое земле, так как я отхожу ко Господу.

Тогда Зосима спросил старца:

— Много ли лет пребываешь ты, отче, на этом месте?

И старец ответил:

— Вот уже исполнилось сорок пять лет моего пребывания здесь.

При этих словах подвижника лицо его просияло, как огонь. Обратившись снова к Зосиме, старец промолвил:

— Мир тебе, чадо, помолись о мне!

И после таких слов лег на землю и тихо отошел ко Господу Богу.

Блаженный Зосима, выкопав могилу, похоронил честное тело великого подвижника и, пробыв на месте том два дня, возвратился на гору Синай, славя Бога.

Во время вторичного пребывания его на Синае к нему пришел один разбойник и умолял его такими словами:

— Умилосердись ко мне, авва[1], сподобь меня иноческого пострижения, чтобы мне в безмолвии сокрушаться о грехах своих. Я сотворил много убийств и вот теперь раскаялся в своей преступной и многогрешной жизни, и хочу остаток дней своих провести в плаче и сердечном сокрушении о бесчисленных моих злодеяниях.

Преподобный Зосима, наставив этого человека, облек его в иноческий чин; но по прошествии некоторого времени, призвав к себе раскаявшегося разбойника, сказал ему:

---

[1] *Авва* — сирское слово, значит — *отец*. Это наименование давалось обыкновенно начальникам монастырей, а также и старшей братии. Новоначальный инок, отданный для искуса под руководство какому-нибудь опытному старцу, также обращался к нему с этим словом — *авва*.

— Чадо, поверь мне, что тебе оставаться здесь невозможно. Если узнает кто-нибудь из сановников, что ты спасаешься у нас, то он тебя схватит. Кроме того, тебя может признать кто-нибудь из обиженных тобою и донести на тебя. Поэтому послушай меня, и я отведу тебя в более отдаленный монастырь.

Инок согласился на увещание преподобного, и святой старец отвел его в киновию аввы Дорофея[1], находившуюся близ Газы[2]. Поместив его в этой обители, Зосима воротился на Синайскую гору.

Брат же тот прожил в киновии аввы Дорофея девять лет. Но потом, изучив Псалтирь и искусившись в трудах иноческих, он снова возвратился к преподобному Зосиме и сказал ему:

— Сотвори милость ко мне, отче, — дай мне назад мои мирские одежды, а иноческие возьми от меня.

Преподобный спросил его с печалью:

— Зачем, чадо?

Тогда инок сказал ему:

— В продолжение девяти лет пребывал я, отче, как ты сам знаешь, в киновии, упражняясь в посте и всяком воздержании, трудясь с кротостью, молчанием и страхом Божиим и повинуясь всем, в надежде на бесконечное милосердие Божие и на прощение бесчисленных грехов моих. И все же, несмотря на постоянные подвиги и труды мои, я

---

[1] *Преподобный Дорофей* жил и подвизался в конце VI — начале VII века. Прежде чем удалиться в пустыню для иноческих подвигов, он в молодых летах много занимался науками. Потом, сделавшись иноком, он с тою же любовью и неутомимостью предался упражнению в добродетели. Обитель, в которой он подвизался, была основана собственно Серидом, жившим в VI веке, но авва Дорофей пользовался среди современного монашества такою известностью, что эта обитель часто называлась его именем. Обитель эта представляла собою такой вид общежительного монастыря, в котором братия не только стол, но и одежду и т. п. получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей стороны весь свой труд и его плоды представляют обязательно на общую потребу монастыря. Такие обители и назывались киновиями (от греч. слов: *кинос* — общий и *виос* — жизнь).

[2] Город *Газа* расположен на восточном берегу Средиземного моря, в самой южной оконечности Палестины, недалеко от Египта; некогда он был южным пределом Хананеев. Во время могущества римлян Газа был значительный торговый город Палестины; это значение поддерживалось за нею некоторое время и позднее во времена Византийской империи. Но с течением времени этот цветущий город потерял все свое значение, и теперь только песчаные холмы и жалкие развалины служат свидетельством, что здесь существовал великий город.

всегда вижу пред собою дитя, которое говорит мне: «За что ты убил меня?» Это видение я вижу не только во сне, но и наяву: и когда стою в церкви, и когда приступаю к Божественным Тайнам, и когда вкушаю что-либо с братией на трапезе. Ни на один час я не знаю покоя: даже когда я иду, и тогда я вижу пред собою дитя, говорящее мне всегда одно и то же: «За что ты убил меня?» Вот я и решил, отче, идти туда, где я совершил свои разбои, чтобы меня схватили и предали суду. Мне необходимо умереть за безумное убиение того дитяти.

Итак, взяв у преподобного отца мирские одежды, инок тот ушел в мир. Когда он пришел в город Диосполь[1], он был схвачен, и на другой же день восприял казнь, будучи усекнут мечом. Так отошел он к Господу Богу, омыв своею кровью грехи свои.

Вскоре после этого события, преподобный Зосима, томимый непреодолимым желанием жить в тишине и безмолвии пустыни, снова задумал оставить Синайскую гору. И вот, взяв с собою ученика своего Иоанна, преподобный отправился с ним в пустыню, носившую название Порфирион[2]. Проходя по этой пустыне, они встретили двух отшельников: один из них был родом из Галатии[3] и носил имя Павла, а другой происходил из Мелетинской области[4] и назывался Феодором, иноческое же пострижение принял в монастыре аввы Евфимия Великого[5]. Тот и другой подвижник носили одежды из кожи буйвола. Преподобный Зосима поселился со своим учеником

---

[1] *Диосполь* — палестинский город, на северной дороге от Иерусалима к Иоппии (Яффе).

[2] Разумеется, по-видимому, пустыня, находившаяся около города Порфириона, что в Финикии, близ Кармильской горы (к югу от Птолемаиды). Пустыня эта и в особенности Кармильская гора были наполнены иноками.

[3] *Галатия* — небольшая гористая, но плодородная, провинция Малой Азии, лежавшая между Вифинией, Понтом и Каппадокией. Название получила от галатов — воинственных племен Гальского или Кельтического происхождения.

[4] *Мелетина* — область в северной части Малой Армении, недалеко от р. Евфрата. При императоре Траяне (98–117 гг.) здесь разрослось до размеров значительного города селение того же имени, что и область.

[5] *Преподобный Евфимий Великий* был родом также из Мелетины. Подвизался он в Палестине, где основал две обители: одну — в пределах Иерихонских, в четырнадцати верстах от Иерусалима на северо-восток, а другую — в четырех верстах от первой, на горе. Он собрал вокруг себя много славных подвижников, из которых некоторые положили начало многим обителям. Скончался на девяноста седьмом году от рождения, в 473 году. Память его — 20 января.

вблизи тех пустынников, на расстоянии около двух поприщ[1], и прожил там два года.

Но потом ученика преподобного Зосимы, Иоанна, ужалила змея: все тело его пропиталось змеиным ядом, кровь хлынула из глаз, ноздрей, ушей и изо всех кожных отверстий и пор, и Иоанн скончался.

Блаженный Зосима сильно опечалился и пошел к упомянутым выше двум пустынникам. Те, увидав его в сильной скорби, прежде чем Зосима что-нибудь сказал им, предупреждая его, промолвили:

— Что, авва Зосима, умер брат твой?

Зосима, изумившись их прозорливости, возвестил им об обстоятельствах смерти своего ученика, которые и без того были известны старцам.

Тогда оба подвижника, восстав, пошли, вместе с Зосимою, к брату Иоанну. Увидав умершего лежащим на земле, они сказали:

— Не скорби, авва Зосима, — Бог поможет тебе.

И после этих слов громко возгласили, обратившись к умершему:

— Брат Иоанн, встань, ибо тебя зовет твой авва.

Мертвый тотчас же ожил и встал с земли. Тогда старцы отыскали змию и разорвали ее надвое; потом сказали преподобному Зосиме:

— Авва, мы неложно возвещаем тебе волю Божию: иди на Синайскую гору; потому что Бог хочет поручить тебе епископство в Вавилонской церкви, что в Египте.

Услышав это, преподобный Зосима принял благословение от святых пустынников и, взяв с собою ученика своего Иоанна, снова возвратился на Синай.

По прошествии некоторого времени авва Синайской горы[2] послал блаженного Зосиму, вместе с двумя другими иноками, из-за нужд Синайских монастырей, в Александрию[3]. Александрийский

[1] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

[2] *Монастыри Синайской горы* находились под ведением одного общего начальника — аввы Синайской горы.

[3] *Александрия* была главным городом Египта и северо-африканских провинций. Основана была Александром Македонским в Нижнем (Северном) Египте, при устье Нила. После Рима Александрия считалась первым городом в мире и служила центром торговли, промышленности и особенно языческой образованности, а в первые века христианства — рассадником христианского просвещения. С V века епископ Александрии пользовался титулом патриарха и ему были подчинены все церкви Египта, Ливии и Северной Африки. Синайский полуостров, с его монастырями, также находился в ведении Александрийского патриарха. В на-

патриарх полюбил блаженных старцев и, удержав в городе, рукоположил их, одного епископом в Илиополь[1], другого епископом в Леонтополь[2], а Зосиму в Вавилон Египетский. Ибо в древности было два Вавилона: первый — знаменитейший и древнейший — находился в Халдейской земле[3], и в нем царствовали Навуходоносор и все халдейские цари, а другой — менее известный и меньший по объему и количеству жителей, находился в Египте. Этот город основали на берегу реки Нила переселенцы из древнего Вавилона, назвавшие новое место поселения своего по имени своей оставленной родины.

В этом-то Вавилоне Египетском преподобный Зосима, по изволению Божию и согласно пророчеству пустынников, принял престол архиерейский и начал пасти стадо Христово. Он добре управлял святою Церковью, образ бывая стаду словом, действием и чистотою (см.: 1 Тим. 4, 12). Довольно долго пробыл он во главе Вавилонской церкви и многих наставил на путь спасения. Когда же святой достиг глубокой старости, то, видя свою телесную немощь и ожидая близкую смерть, оставил епископский престол и снова возвратился на гору Синай, место своего прежнего жительства. Здесь, пожив немного, святой скончался во Господе[4] и в лике святых иерархов предстоит теперь пред Владыкою нашим, Господом Иисусом Христом; Ему слава вовеки. Аминь.

В тот же день **память святого священномученика Астия**, епископа Диррахийского, в Македонии, распятого на кресте в царствование Траяна, в начале II века.

В тот же день **преставление преподобного Мефодия**, игумена Песношского, в 1392 году.

стоящее время Александрия (по-турецки и арабски Искандеры) принадлежит к числу важнейших торговых пунктов при Средиземном море, с населением до двести тридцать тысяч жителей.

[1] *Илиополь* — город в Африке; находится на правом берегу Нила, на одном из его восточных рукавов, — на юге Нижнего Египта.

[2] *Леонтополь* — город в Среднем Египте.

[3] *Халдея* находилась в Месопотамии, по рекам Тигру и Евфрату.

[4] Скончался в конце VI века.

День пятый

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ДОРОФЕЯ**, епископа Тирского

В царствование нечестивого римского императора Диоклетиана[1] епископом города Тира[2] был святой Дорофей. Когда нечестивый царь воздвиг на христиан жестокое гонение, Дорофей оставил свою кафедру и скрывался по неизвестным местам. Но с воцарением императора Константина Великого[3], когда в Церкви наступило успокоение, святой Дорофей снова возвратился в Тир на свою кафедру и благополучно пас стадо словесных овец, приводя к Богу многих от идолопоклоннического заблуждения. Жизнь Дорофея продолжалась до времени императора Юлиана Отступника[4]. Вступив на престол, Юлиан первоначально преследовал христиан не открыто, повелевая единомышленным с ним областеначальникам всячески стеснять и мучить христиан. Тогда святой Дорофей, видя, что воздвигается на верующих новое гонение, снова оставил кафедру Тирской церкви, избегая, таким образом, рук мучителей: ибо Господь повелел не отдаваться явным напастям со стороны гоните-

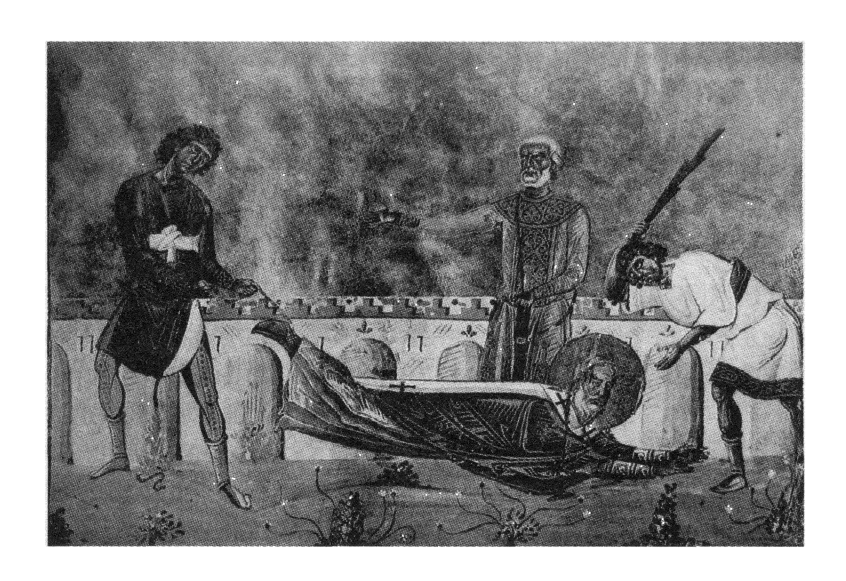
---

[1] *Диоклетиан* царствовал в восточной половине Римской империи с 284 по 305 год.

[2] *Тир* находился в Финикии и был расположен на берегу Средиземного моря.

[3] *Константин Великий* царствовал с 306 по 337 год.

[4] *Юлиан Отступник* был императором с 361 по 363 год.

лей, но избегать их; Он сказал: *Когда будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23).

Уйдя из Тира, Дорофей пришел в Малую Азию, но и здесь он не сокрылся от идолослужителей, так как Бог призывал его к венцу мученическому. Он был схвачен приспешниками беззаконного царя в городе Удском[1]. Претерпев здесь разнообразные мучения, он среди страданий предал в руки Господа блаженную душу свою, имея сто семь лет от роду[2].

В совершенстве изучив как светские, так и духовные науки, святой Дорофей оставил после себя различные, весьма важные для христиан, сочинения на греческом и латинском языках, так как он был весьма сведущ в том и другом. Между прочим он составил жития пророков и апостолов, а также другие весьма полезные сочинения и повествования[3]. И теперь, будучи сам записан в книге живота, он водворен в небесных селениях с теми святыми, повествования о жизни которых он составил во время земной жизни своей.

---

[1] *Удский* город, или *Уд*, находился в малоазийской провинции Мизии. На месте древнего Уда находится теперь город Варна.

[2] Это было около 362 года.

[3] С точностью неизвестно, какие именно сочинения написаны святым Дорофеем; полагают, что им написан «Синопсис», или собрание сказаний о житии пророков и апостолов; но не все ученые разделяют это мнение.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АНУВИЯ ИСПОВЕДНИКА
и пустынножителя Египетского

Преподобный Анувий, имевший великую веру и любовь ко Христу Богу, был родом египтянин. Во время воздвигнутого нечестивыми идолопоклонниками гонения на христиан, он дерзновенно исповедал Христа пред язычниками, за что был подвергнут мучениям. Но, по Божию усмотрению, он был освобожден из рук язычников и отправился в пустыню; подвизаясь и угождая Богу, он скитался в ней до глубокой старости. Кончина его произошла при таких обстоятельствах.

По Божию устроению в одном месте на берегу реки Нила, орошающего страну Египетскую, сошлись однажды три пустынника: авва Сур, Исаия и Павел. Расспросив друг друга о том, кто куда идет, они увидали, что все трое имели одно и то же намерение; ибо каждый из них отправлялся к авве Анувию. От того места, на котором сошлись пустынники, до монастыря Анувия путь был трехдневный и лежал по воде; при этом плыть надо было вверх, против течения. И вот пустынники сели на берегу в ожидании, не покажется ли им какой-либо плывущий туда корабль, чтобы они могли сесть на него и достигнуть местности, где проживает преподобный Анувий. А так как в течение долгого времени корабля не показывалось, то они впали в уныние и сказали сами себе:

— Помолимся Господу, дабы Он, по Своей милости, исполнил желание наше и помог бы нам преодолеть препятствия к предпринятому путешествию.

Исаия и Павел сказали при этом авве Суру:

— В особенности помолись ты, отче, ибо мы веруем, что чрез тебя Бог дарует нам просимое.

Сур повелел и им преклонить с ним колена для молитвы, а сам, крестообразно распростерся на земле и пал пред Господом ниц лицом. Когда, по совершении молитвы, старцы поднялись с земли, они заметили стоявшую около берега лодку. Обрадованные, они возблагодарили Господа и сели в нее. Двинувшись, лодка поплыла, не-

сомая ветром и управляемая невидимой силой Божией, вверх против течения. Она плыла столь быстро, что в течение одного часа переплыла такой путь, по которому нужно было бы плыть с большим трудом в течение трех дней.

Когда лодка пристала к берегу против Анувиевой обители, отцы вышли на берег. При этом Исаия произнес:

— Господи, яви нам мужа, к которому мы направляемся, вышедшим нам навстречу и поведающим каждому из нас его сердечные тайны!

Тогда отец Павел сказал им:

— Господь открыл мне, что, по прошествии трех дней, Он возьмет к себе от мира авву Анувия.

После этого они пошли от берега к монастырю и, когда немного отошли от реки, навстречу им вышел преподобный Анувий и, обратившись к ним с приветствием, сказал:

— Благословен Господь, Который сподобил меня видеть вас ныне во плоти, подобному тому, как раньше я видел вас в духе.

Радушно проводив их в свою келию, он стал рассказывать каждому из них добрые дела их, никому, кроме одного Бога, неизвестные, — а именно, кто как подвизается в полном уединении, угождая своему Владыке — Христу Господу, и кто какую имеет благодать от Господа.

После того авва Исаия сказал Анувию:

— Так как и нам, честнóй отец, Господь открыл относительно тебя, что по истечении трех дней Он возьмет тебя от этой временной жизни, то умоляем тебя, расскажи также и о твоих пустынных трудах и подвигах, которыми ты угодил Богу. Не думай, что ты впадешь в тщеславие: ведь, удаляясь от этого мира, ты оставишь потомкам образ своей богоугодной жизни, дабы нашлись подражатели тебе.

Тогда старец поведал им о себе следующее:

— Я не помню, чтобы я сделал что-либо великое и славное. Вот что только сохранил я в памяти, по благодати Бога моего: с того времени, когда я исповедовал пред мучителями, во время бывшего на христиан гонения, имя нашего Спасителя, с моих уст не сошло ложного слова. Ибо, исповедовав однажды правду, я не захотел впоследствии вымолвить чего-нибудь ложного, и однажды возлюбив

небесное, я не восхотел в остальное время любить что-либо земное. В том мне споспешествовала и милость Божия, ибо Господь даровал мне силу никогда не искать никаких земных благ. Святые Ангелы приносили необходимую для меня пищу. А Господь мой ничего не утаил от меня из того, что совершается на земле. При этом сердце мое всегда было исполнено жажды общения с Ним. Стремясь всеми помыслами к Владыке Христу, Которого возлюбила душа моя, я, дабы всегда зреть Его душевными очами своими и наслаждаться созерцанием Его, — не засыпал ни днем, ни ночью. Постоянно вижу я также Ангела Божия, присутствующего при мне и показывающего всех миродержителей века сего. Свет ума моего никогда не угасал. — Все, чего я просил у Господа, я получал немедленно. Многократно созерцал я предстоящие пред Богом лики ангельские; созерцал лики святых мучеников и исповедников, соборы иноков и всех святых, а наипаче тех, у которых не было иного занятия во время жизни на земле, как только в простоте сердца и веры всегда славить и благословлять Господа. Я видел также и сатану и ангелов его, преданных огню вечному. И снова, в противоположной от тех стороне видел праведников, наслаждающихся вечной радостью.

Это и многое другое рассказывал в течение трех дней преподобный Анувий отцам, навестившим его, рассказывал не для тщеславия, но для пользы слушавших. Ибо он говорил это с великим смирением, понуждаемый просьбами пришедших. На исходе же третьего дня он мирно и радостно предал дух свой Богу, — и как только дух его расстался с телом, мгновенно появились сонмы святых Ангелов, взяли душу святого и стали возносить ее на высоту небесную. При этом в воздухе слышались сладостнейшие ангельские песнопения. Так переселился от земли в обители небесные преподобный Анувий, исповедавший пред язычниками имя Христово и претерпевший за то мучения[1]. Ныне он прославляется пред небесными Ангелами в лике исповедников Господа нашего Иисуса Христа, Коему со Отцом и Святым Духом воссылается честь и слава вовеки. Аминь.

---

[1] Кончина преподобного Анувия последовала в IV веке.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ФЕОДОРА ПУСТЫННИКА

Преподобный отец наш Феодор был скопцом от юности своей. Он оставил мир, принял монашество и удалился в Иорданскую пустыню. Ревнуя об угождении Богу, он много потрудился здесь, за что и получил от Бога дар чудотворения. Однажды ему пришлось отправиться в Константинополь. Придя к морю, он нашел готовый к отплытию корабль и сел в него. Во время плавания случилось, что корабль сбился с пути и долго блуждал, так что все, бывшие на нем, запасы питья и пищи истощились. Моряки и все плывшие на корабле были в растерянности и сильном унынии. Тогда преподобный Феодор, подняв руки к небу, усердно помолился к Богу, спасающему от бед людей. Потом он с молитвою осенил крестным знамением морскую воду и сказал матросам:

— Благословен Бог! Зачерпните сколько вам нужно воды.

Те, почерпнув, вкусили и нашли, что морская вода превратилась из горькой в пресную, наподобие речной. После того наполнили свои сосуды пресной водой из моря и все другие и, прославив Бога, до земли поклонились старцу. Но преподобный сказал:

— Простите меня, господа мои! Не ради меня случилось это чудо всесильного Бога, но ради вас, скорбевших по причине безводия. Ибо Бог, увидав вашу скорбь и печаль смертную, умилосердился над вами и переменил соленую морскую воду в сладкую речную.

Вскоре после этого корабль по молитвам святого старца быстро дошел до пристани, к которой он направлялся. Преподобный отец Феодор совершил и много других чудес, а затем преставился к Богу[1].

[1] *Преподобный Феодор* подвизался в VI веке.

ПОВЕСТЬ О КОНЧИНЕ БЛАЖЕННОГО КОНСТАНТИНА, митрополита Киевского

Вскоре после того как великокняжеский престол киевский отнят был от блаженного Игоря[1] и захвачен Изяславом Мстиславичем[2], внуком Владимира Мономаха[3], преставился ко Господу святейший митрополит Киевский Михаил II[4]. Случилось это незадолго до убиения Игоря. На место Михаила великий князь Изяслав избрал одного, весьма книжного, инока, Климента философа[5], уже принявшего схиму. Этого инока Изяслав привел из Смоленска, и очень желал, чтобы посвящение его было совершено русскими епископами в Киеве, так как за дальностью расстояния не хотел посылать его в Царьград на благословение вселенскому патриарху (как это было прежде в обычае). Изяслав созвал собор из епископов русских и приказал им рукоположить схимонаха Климента в митрополита Киевского. Однако не все епископы согласились на это, не дерзая рукополагать без благословения патриарха константинопольского. Но были и такие епископы, которые, желая угодить князю, посвятили Климента во епископы главою святого Климента, папы Римского, принесенною святым Владимиром из Херсонеса в Киев. Об этом соборе и поставлении Климента во епископы подробнее сказано в повествовании о житии святого Нифонта 8 июня (блаженный Нифонт не соизволял этому незаконному рукоположению).

После Изяслава Мстиславича престол Киевский перешел к Георгию Владимировичу[6], сыну Мономаха. Он не пожелал иметь мит-

[1] *Игорь Олегович* управлял Киевом всего только две недели (в 1146 г.). Он причислен Церковью к лику святых. — Память его — 5 июня.

[2] *Изяслав Мстиславович* был великим князем киевским с 1146-го по 1149 год; потом вторично — с 1150-го по 1154 год.

[3] *Владимир Всеволодович Мономах* правил Киевом с 1114-го по 1125 год.

[4] Митрополит *Михаил II* занимал киевскую кафедру с 1131-го по 1146 год.

[5] *Климент* управлял Киевской митрополией с 1147-го по 1154 год.

[6] *Георгий* (или *Юрий*) Владимирович Долгорукий занимал великокняжеский киевский престол три раза: в первый раз, с 1149-го по 1150 год; во второй — в конце 1150 года и в третий — с 1154-го по 1157 год.

рополитом киевским Климента, как рукоположенного незаконно. Именно в это время, по просьбе великого князя, и прибыл из Константинополя от святейшего патриарха вселенского в Киев митрополит Константин[1], о котором и будет наше слово. Этот Константин властью, данной ему патриархом, отрешил от архиерейства и от престола митрополичьего Климента, а также отрешил от служения и всех тех, кого Климент рукоположил в тот или другой духовный сан.

Спустя несколько лет великий князь Киевский Георгий Владимирович Мономахович скончался. И начались великие несогласия среди князей русских, как относительно престола великокняжеского, так и относительно престола митрополичьего: ибо одни считали пастырем Константина, другие требовали вторичного возведения на престол митрополита Климента; в частности, сын умершего великого князя Изяслава Мстиславича, Мстислав Изяславич[2], правнук Владимира Мономаха, стоял не за Константина, а за Климента. Он говорил так:

— Я не желаю, чтобы Константин был митрополитом Киевским, потому что отца моего многие проклинали за Климента.

Вследствие этого князьям русским пришлось отрешить от престола обоих митрополитов и Климента, и Константина. Потом князья отправили в Константинополь к святейшему патриарху просьбу о том, чтобы он прислал к ним нового митрополита. Святейший патриарх, желая прекратить смуты и несогласия среди князей русских, послал в Киев нового митрополита по имени Феодора. Тогда блаженный Константин, видя несогласие среди князей и желая уйти от мятежа, оставил престол еще раньше прибытия в Киев нового митрополита. Выйдя из Киева, Константин отправился в Чернигов. Здесь он заболел смертельно. Предчувствуя свою кончину, он написал грамоту, запечатал ее и передал Антонию, епископу черниговскому; при этом Константин взял с Антония клятвенное обещание — после его смерти, сорвав печать и прочитав грамоту, исполнить все то, что написано в ней.

---

[1] *Митрополит Константин* управлял киевской митрополией с 1155-го по 1158 год.

[2] *Мстислав Изяславич* занимал киевский престол в 1158 году; затем в 1168 году.

Как только преставился блаженный Константин митрополит[1], епископ Антоний, взяв запечатанную митрополитом грамоту, отправился с нею к князю Черниговскому Святославу Ольговичу[2]. Распечатав здесь грамоту, Антоний прочитал ее в присутствии всех.

И было написано в той грамоте нечто дивное и ужасное, а именно:

— После моей смерти не предавайте погребению тело мое, но, привязав верви к ногам моим, извлеките меня из города и бросьте на съедение псам; я согрешил; из-за меня произошел мятеж; пусть будет за это на мне рука Господня; пусть я пострадаю, да отвратит Господь несогласие и раздоры от народа Своего.

Услышав это, все пришли в страх и ужас. Князь же сказал епископу:

— Поступи так, как найдешь нужным.

Епископ, не осмеливаясь пренебречь приказанием митрополита и не дерзая нарушить свою клятву, исполнил все то, что было повелено в грамоте: повлекши тело умершего из города, он бросил его в поле. И лежало тело митрополита без погребения три дня; все преисполнились великого страха и ужаса, видя столь дивное происшествие.

На третий день князь Святослав Ольгович, преисполнившись страха Божия (на него напал великий страх и ужас после того страшного происшествия), приказал похоронить с приличными почестями выкинутое тело архиерея Божия. И принесли тело его в город с великою честью, и положили его в церкви святого Спаса, в Тереме Красном, где был похоронен новый страстотерпец, блаженный Игорь, князь Киевский, убитый киевлянами.

В те дни, когда честное тело Константина было выброшено из города Чернигова, в Киеве померкло солнце и поднялась столь великая буря, что даже потрясалась земля, поднялся гром, заблистала молния, так что все киевляне пришли в великий страх и уныние. В это время гром поразил одним ударом восемь человек, — двух священников, двух диаконов и четырех мирян.

---

[1] Кончина блаженного Константина последовала в 1159 году.

[2] *Святослав Ольгович* княжил с 1137-го по 1165 год.

Князь Киевский Ростислав Мстиславич[1], внук Владимира Мономаха, находился в это время в Поварах у Вышгорода; буря разрушила шатер, бывший близ него. Преисполнившись страха и вспомнив о смерти митрополита (о ней возвестил ему через гонца князь Черниговский), он послал нарочитого в Киев, к церкви святой Софии и прочим соборам с просьбою совершить всенощное бдение во всех церквах.

— Это наказание, — говорил он, — Господь послал на нас по причине грехов наших.

Все эти страхи и ужасы были только в Киеве; в Чернигове же в эти дни солнце сияло ярко и не было никаких ужасов. По ночам над выброшенным за город телом блаженного митрополита Константина являлись три столпа огненные, ярко сиявшие и доходившие до неба.

После того, как честное тело блаженного Константина было погребено, наступило в Киеве полное спокойствие; все, дивясь происшедшему, славили Бога, Которому воссылается слава и от нас, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ:

МАРКИАНА, НИКАНДРА, ИПЕРЕХИЯ, АПОЛЛОНА, ЛЕОНИДА, АРИЯ, ГОРГИЯ, СЕЛИНИЯ, ИРИНИЯ и ПАМВОНА

Святые мученики Христовы Маркиан и Никандр с дружиною своею происходили из Египта. За веру во Христа они схвачены были по повелению правителя области, и их стали принуждать отречься от Христа и поклониться идолам, но они не согласились на это. Тогда их сперва жестоко избили, потом обожгли им свечами ребра и, наконец, повесив, строгали их железными когтями до тех пор, пока оторванные куски тела не стали падать на землю. После этого

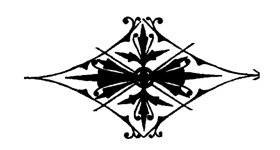
---

[1] *Ростислав Мстиславич* управлял Киевом в 1154 году (только одну неделю); потом вторично — с 1158-го по 1167 год.

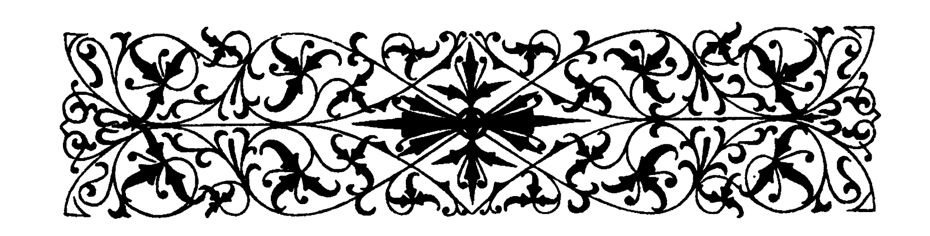
едва живыми их заключили в темницу, но в темнице явился им Ангел Господень и исцелил их. По прошествии многих дней они вышли из темницы здоровыми и снова явились на суд к правителю области. Видя эти чудеса, многие из язычников обратились к вере в истинного Бога. На суде правителя святые мученики снова были приговорены к заключению в темницу и здесь, томимые голодом и жаждою, скончались[1].

В тот же день **преставление святого благоверного князя Феодора Ярославича**, брата святого Александра Невского; скончался в Новгороде в 1233 году.

В тот же день **перенесение мощей великого князя Игоря Олеговича**, убиенного 19 сентября 1147 года.

[1] Год кончины святых мучеников точно неизвестен. Преосвященный Филарет («Жития святых», июнь, стр. 31) относит год их кончины на время царствования Максима, который в 305 году получил верховную власть над Сирией и Египтом и в своих владениях жестоко преследовал христиан. Царствовал с 305 по 312 год.

День шестой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ВИССАРИОНА

Великий во отцах наших Виссарион был рожден и воспитан в Египте; с юности он возлюбил Бога, и свет благодати Божией воссиял в сердце его. Он сохранил себя чистым от всякой греховной скверны и не замарал грязью той духовной одежды, которую принял при святом крещении.

Святой Виссарион предпринял путешествие ко святым местам в Иерусалиме; здесь видел он преподобного Герасима[1], проводившего постническую и пустынную жизнь при реке Иордане, которому служил лев. Видел он также и многих других подвижников, живших там в разных местах, впоследствии просиявших своими добродетелями; беседуя с ними, святой Виссарион получал много пользы для души своей.

Возвратившись в отечество, Виссарион приобрел себе духовного отца в лице Исидора Пелусиотского[2]; приходя к нему часто, он научался в добродетели и поощрялся к строгой жизни; наконец, раздав нищим и монастырям оставшееся после родителей все имущество свое, Виссарион отрекся от мира и принял пострижение в иночество.

Удалившись в одно пустынное место, Виссарион принял на себя обет безмолвия; изнуряя себя многочисленными трудами и умерщ-

---

[1] Память его празднуется святой Церковью 4 марта.

[2] Память его — 4 февраля.

вляя свою плоть постническими подвигами, он, будучи во плоти, уподоблялся бесплотным. Пост его был беспримерным: иногда всю неделю он ничего не вкушал, а иногда оставался без пищи и питья в продолжение сорока дней. Однажды, став на одном открытом месте посреди терния и воздев к небу руки и очи, обратив туда же и ум свой, он сорок дней и ночей пробыл на молитве, стоя неподвижно. В продолжение этих сорока дней он не двинулся с места, ничего не вкусил, ничего не сказал никому, не вздремнул, не впал в изнеможение от естественной слабости, ни о чем земном не подумал умом, но весь, подобно бесплотным, устремил духовные очи свои к Богу. За это и сподобился святой от Бога великой благодати: ему сообщен был дар чудотворения, так что он был подобен древним святым пророкам. Так он уподобился Моисею[1]: подобно тому как Моисей некогда указанным ему от Бога деревом превратил горькую воду в пустыне в сладкую, дабы напоить жаждущего Израиля (см.: Исх. 17, 6), так и преподобный Виссарион молитвой и крестным знамением усладил горечь морской воды, дабы напоить изнемогавшего от жажды своего ученика, а именно: когда святой вместе с учеником ходил по пустынному морскому берегу, ученик утрудился от сильного зноя и, почувствовав большую жажду, сказал святому:

— Отец, я очень жажду.

Преподобный, сотворив молитву и осенив море знамением крестным, сказал:

— Во имя Господа почерпни и пей.

---

[1] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского и первый священный писатель, живший за пятнадцать веков до Рождества Христова; родился в Египте и происходил из колена Левиина. Моисей чудесно вывел евреев из Египта, избавив их от тяжкого египетского рабства. На горе Синай он получил десять заповедей и сподобился видеть славу Божию. Все, полученные им от Бога заповеди и установления, равно как и первоначальную историю народа еврейского, он изложил в первых пяти книгах Библии (Пятикнижие Моисеево). — Память святого пророка Моисея празднуется Церковью 4 сентября.

Ученик почерпнул из моря воды в маленький сосуд, который носил с собою; отведав воды, ученик нашел ее очень вкусной[1] и прохладной, как бы истекшей из живого источника; достаточно напившись и прохладившись, ученик взял еще воды в сосуд на дорогу. Заметив это, старец сказал ученику:

— Для чего ты наполнил сосуд водою?

Ученик ответил:

— Прости меня, отче! Я взял воду на дорогу, чтобы снова не томиться жаждою.

Старец сказал:

— Бог, присутствующий на этом месте, присутствует везде и, как здесь, так и в другом месте, Он может дать жаждущему вкусную воду.

Имя того ученика было Дула.

Уподобился преподобный Виссарион и Иисусу Навину[2]: как тот, когда побеждая аморреев[3], удержал движение солнца (см.: Нав. 10, 12–13), так сделал и этот угодник, а именно: когда он шел с учеником к одному старцу, солнце склонялось к западу, путь же оставался еще далекий; тогда старец обратился к Богу, молясь так:

— Прошу Тебя, Господи, повели остановиться солнцу до тех пор, пока я не приду к рабу Твоему.

И произошло так: не заходило солнце до тех пор, пока не пришел преподобный к тому старцу.

Был подобен святой Виссарион и пророку Божию Илии[4]. Так, во время засухи он свел с неба на землю обильный дождь (см.: 3 Цар. 18);

[1] Как известно, вода в морях бывает обыкновенно соленой.

[2] *Иисус Навин* — вождь народа еврейского, руководивший ими после смерти Моисея.

[3] *Аморреи* — одно из языческих племен, населявших землю Ханаанскую. Аморреи, по переводу с еврейского, значит — «жители высоких мест»; им противопоставляются ферезеи — «жители низменностей». Незадолго до исхода евреев из Египта аморреи захватили восточную иорданскую область, очень плодородную. Иисус Навин сражался с аморреями и разбил пять аморрейских царей (Нав. 10, 5–11).

[4] *Илия* — знаменитейший пророк израильский, происходивший из города Феевы галаадской, живший и действовавший во дни нечестивого царя Ахава и Иезавели. Илия из числа всех пророков отличался особенною ревностью о славе Божией. История его жизни и деятельности излагается в третьей и четвертой книге Царств (3 Цар. 17–20; 4 Цар. 1–2). — Память его празднуется святой Церковью 20 июля.

это самое не однажды и не дважды, а много раз совершал преподобный.

Еще и Елисею пророку[1] уподобился святой: как тот, разделив воду плащом Илии, перешел реку Иордан (см.: 4 Цар. 2, 14–15), так и он превратил своей молитвой воду в сухой путь и ходил поверх воды: перешел большую реку Нил, как посуху, и везде, где только ему на пути встречались реки, переходил их, как посуху.

Как-то однажды, когда преподобный пребывал в ските, приведен был в храм бесноватый человек; за него совершали молитвы в церкви, дабы избавился он от духа нечистого; но не исходил из него бес, ибо он был весьма лютым. И говорили между собой клирики:

— Что нам делать с этим бесноватым?

А некоторые говорили:

— Никто не может изгнать беса этого, кроме отца Виссариона, но если мы станем просить его об этом, то он не придет в храм; поэтому сделаем так: на следующий день утром он придет в храм первым, но мы придем раньше его и на его месте посадим бесноватого; потом скажем старцу: разбуди спящего.

Клирики так и сделали.

Когда преподобный вошел в храм, то заметил человека, сидевшего на его месте. Не желая прогонять его отсюда, он стал около него. Лишь только начали читать церковное правило, клирики сказали старцу:

— Отче, разбуди спящего.

Виссарион, подойдя к человеку тому, толкнул его и сказал:

— Встань и иди отсюда.

И тотчас бес, прогоняемый словом святого, вышел из того человека; он встал и начал благодарить Бога за то, что Он избавил его от беснования; человек тот с этого времени стал совершенно здоровым.

Таким образом клирики побудили святого сотворить чудо изгнания беса, ибо преподобный отец не желал явно творить чудеса, дабы не быть прославленным людьми; будучи смиренным и считая себя грешным, он избегал похвал человеческих.

---

[1] *Елисей* — пророк израильский, преемник пророческого дара святого Илии. Житие его — 14 июня.

Случилось, что один брат в ските впал в некое прегрешение, почему священник повелел ему выйти из храма, как недостойному быть в общении с братией; преподобный Виссарион, встав, вышел вон вместе с согрешившим, сказав:

— И я грешен.

Таково было смирение святого Виссариона.

Его ученики сообщают о нем, что он в продолжение сорока лет не ложился на постель, дабы отдохнуть; он позволял себе уснуть лишь на небольшое время, причем предавался сну или стоя, или сидя. Преподобный часто увещевал учеников своих бодрствовать и всячески остерегаться вражеских искушений. Он говорил:

— Иноку следует быть как бы оком, подобно Херувимам и Серафимам; и если кто живет мирно, не имея искушений, таковому еще более нужно бодрствовать и смирять себя пред Богом, дабы как-нибудь, возгордившись, не впасть в какое-либо большее согрешение; ибо, по причине гордости, многие подвергались брани от диавола; иногда Бог ради немощи нашей не посылает нам испытаний, дабы мы не погибли совершенно.

Жизнь святого отца была подобна жизни птицы небесной, ибо никогда он ничего земного не приобретал, не имел своей келии, или какого-либо пристанища; он скитался по пустыне, переходя с места на место: ходил по горам и лесам подобно заблудившемуся путнику; нисколько не заботился он о телесных нуждах своих; не заботился он ни о пище, ни об одежде; на теле его было самое бедное одеяние, едва прикрывавшее наготу его. Несмотря на то, что днем его опалял солнечный зной, а ночью холод, он редко когда входил под кровлю; он ходил по горам, как птица, ища уединения, возводя свой ум к единому Богу и лишь только на Нем Одном останавливая мысль свою. Слезы постоянно исходили из очей его, частые вздохи слышались из глубины сердца его, ибо все дни жизни своей он проводил в слезах, всегда плача и рыдая. Достигши глубокой старости, он преставился в вечную жизнь[1] и перешел от плача к вечному радованию со всеми святыми о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

---

[1] Кончина преподобного Виссариона последовала в конце VI или начале V века.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО

ИЛАРИОНА НОВОГО

Блаженный Иларион был сыном Петра каппадокиянина[1], прислуживавшего при трапезе царской, и матери Феодосии, — людей благочестивых и богобоязненных; в юности он хорошо обучен был Священному Писанию. Когда ему исполнилось двадцать лет, он, по евангельскому слову (см.: Мф. 10, 37; Лк. 14, 26), оставил отца и мать, дом и богатство и сделался монахом в обители Исихиевой близ Византии. Потом он пришел в обитель Далматскую[2], принял здесь великий ангельский образ и сделался учеником святого Григория Декаполита[3], в то время жившего здесь; святой Иларион подвизался в послушании, молчании и великом смирении. Он имел работу в монастырском саду и трудился в этом послушании десять лет; прочитывая историю добродетельного и богоугодного жития соименного себе преподобного Илариона Великого[4], он, насколько возможно, старался уподобляться этому угоднику Божию постом, всенощной молитвой и всеми прочими иноческими подвигами: поэтому и назван он был Иларионом Новым. Очистив и просветив свою душу, как солнце, он получил от Бога власть над нечистыми духами, так что мог изгонять их.

Игумен обители той сделал его против желания священником, когда уже святой Григорий Декаполит ушел отсюда в другие места. Спустя несколько лет, когда игумен скончался, преподобный Иларион, узнав, что братия хотят сделать его игуменом, решил удалиться отсюда; с этою целью он тайно от всех ночью вышел из обители и ушел в Византию, в надежде отыскать здесь своего учителя святого Григория, но последний отплыл в Рим и, возвратившись оттуда, поселился на горе Олимпийской[5]. Иларион же пришел в один мона-

---

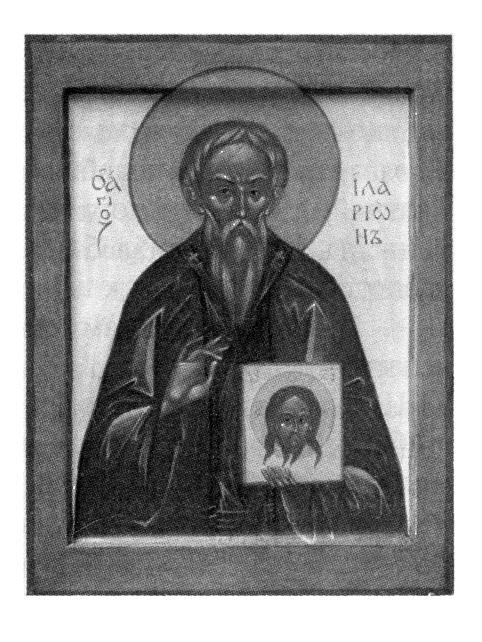
[1] *Каппадокия* — малоазийская область.

[2] *Далматская обитель* была основана собственно святым Исаакием, подвизавшимся в IV веке (см. житие его 30 мая); но название свое она получила от имени игумена Далмата — преемника Исаакия, — управлявшего обителью в продолжение пятидесяти пяти лет.

[3] Память его празднуется святой Церковью 20 ноября.

[4] Память его празднуется святой Церковью 21 октября.

[5] *Олимп* — гора в малоазийской области Мизии, на границе между Фригией и

стырь в Византии; монахи Далматской обители, узнав об этом, начали просить святейшего патриарха Никифора[1] поставить им игуменом Илариона, хотя бы и против его желания. Патриарх сообщил об этом императору: призвав к себе Илариона, царь и патриарх увещевали его принять игуменство над Далматским монастырем. Не смея противиться царской и патриаршей воле, Иларион принял власть игумена и с усердием пас вверенных ему словесных овец в продолжение восьми лет. Потом скипетр греческого царства принял звероподобный мучитель Лев Армянин[2], который начал смущать Церковь Христову иконоборческой ересью[3], принуждая многих к своему еретическому мудрованию; тех же, кто не повиновался ему, он или подвергал мучениям, или изгонял в далекие страны. По его приказанию преподобный Иларион был приведен из обители к царю, который принуждал его принять еретическое учение. Добрый воин Христов не только не повиновался еретику-императору, но даже дерзновенно обличил его, назвал безбожником и новым преступником и тем возбудил против себя лютый гнев царя. Много ран и различных мучений причинил блаженному злочестивый царь, а потом заключил его в темницу. Чрез некоторое время опять, призвав его к себе, много мучив, но ничего

Вифинией. Здесь, между прочим, находился монастырь «в Символах», славившийся строгою подвижническою жизнью своих насельников.

[1] *Никифор I* патриаршествовал с 806 по 815 год.

[2] *Лев V Армянин* царствовал с 813 по 820 год.

[3] Основателем иконоборческой ереси считается Константин, епископ наколийский, живший в VIII веке. Неразумно смешивая иконопочитание с идолопоклонством, иконоборцы жестоким и настойчивым преследованием иконопочитания хотели искоренить его из Православной Церкви. Самыми ярыми защитниками этой ереси были императоры: Лев Исаврянин (царствовал с 717 по 741 год) и Константин Копроним (с 741 по 775 год). Эта ересь была осуждена на VII Вселенском соборе, бывшем в 787 году в городе Никее.

не достигши, царь отдал его своему единомышленнику патриарху Феодоту[1], по прозванию Касситеру, который принял престол после изгнания за благочестие святейшего Никифора. Этот лжепатриарх Феодот сделал с преподобным то же, что и царь: заключил святого в мрачной темнице и много дней томил его голодом и жаждой, приказав не давать ему ни хлеба, ни воды. Монахи же, где игуменствовал преподобный, пришли к царю и молили его:

— Царь, возврати нам нашего отца; мы за это обещаемся повиноваться твоей воле.

Царь обрадовался этому обещанию и возвратил им игумена. Святой, придя в обитель, прожил здесь один год; едва успев немного отдохнуть после мучений и голода, святой снова обрек себя на мучения, ибо царь, ожидавший исполнения обещания иноков, понял, что его обманули[2], почему послал воинов в обитель и наказал монахов, а преподобного, взяв, снова заключил в темницу; потом послал его в Фанееву обитель[3] и там приказал заключить святого в самой тесной темнице. В этой темнице святой томился шесть месяцев, принимал всякие неприятности и досаждения от жестокого игумена той обители. Потом, по царскому повелению он снова был приведен в Константинополь: здесь его снова разными льстивыми увещаниями склоняли к принятию ереси иконоборческой. Но так как Христов страдалец не слушал еретиков, то царь послал его в другую обитель, называемую Кикловеевой[4]; здесь пробыл он два года и шесть месяцев, томясь в тесной темнице и испытывая разные мучения. Отсюда святой снова был приведен к царю и после сильного избиения заточен в город Протильский[5].

Злочестивый царь, погубив многих, и сам погиб люто: он был своими же воинами иссечен мечами в храме на том самом месте, где в первый раз, поругав святую Христову икону, низринул ее; так зло погубил нечестивый свою окаянную душу.

---

[1] *Феодот I Касситер* патриаршествовал с 815 по 821 год.

[2] Иноки, очевидно, дали обещание слушаться императора вообще во всех его распоряжениях; противных же вере православной распоряжений они, конечно, не могли исполнять.

[3] *Обитель Фанеева* находилась между Византиею и Понтом.

[4] Местонахождение обители неизвестно.

[5] *Протильский город*, или, вернее, *протильский лагерь*; местонахождение его неизвестно.

Михаил Травл[1], принявший царство после него, приказал освободить от уз и заточения всех правоверных. Преподобный Иларион вместе с прочими был освобожден из темницы, но он не пошел в свою обитель, так как не прекратилась еще иконоборческая ересь, и архиерейские престолы занимали еретики лжеучители и лжепастыри, но пребывал у одной верной и благочестивой женщины, которая в своем имении дала ему уединенное место, устроила келию с садом и снабжала его всем потребным.

В это время возвратился из заточения и отошел к Господу преподобный Феодор Студийский[2], также перенесший за правоверие много страданий от еретиков; его святую душу, возносимую Ангелами к небу, видел преподобный Иларион, как о том сказано и в житии Феодора. В тот день, когда преставился святой Феодор Студийский, блаженный Иларион, ходя по своему саду, занимаясь работою и воспевая псалмы Давидовы, услышал вдруг в воздухе какие-то чудные голоса и почувствовал какое-то дивное благоухание; удивившись, он остановился, смотря, откуда все это; посмотрев вверх, он увидел множество Ангелов в белых одеждах, сиявших светлыми лицами и направлявшихся с песнопениями навстречу кому-то. Видя вся это, блаженный Иларион в большом страхе пал на землю и услышал голос, говоривший:

— Это душа Феодора, игумена Студийского монастыря, который до крови пострадал за святые иконы и был весьма мужественен в страданиях, а теперь умер и торжественно восходит на небо, встречаемый небесными силами.

Сподобившись такого чудного видения, преподобный Иларион исполнился великого утешения и радости духовной; много дней он радовался душою своею и лицо его от радости сияло, как лицо Ангела.

У той женщины пробыл преподобный свыше семи лет. Когда же после Михаила Травла вступил на царство сын его Феофил[3], то он собрал всех исповедников и снова начал принуждать их, по примеру прежних злочестивых царей, к иконоборству, не повиновавшихся же ему жестоко мучил. В это время был взят и приведен к царю и пре-

---

[1] *Михаил II Травл (Косноязычный)* царствовал с 820 по 829 год.

[2] Память его празднуется святой Церковью 11 ноября.

[3] *Феофил* царствовал с 829 по 842 год.

подобный Иларион; принуждаемый к иконоборству, он не покорился царскому повелению и опять обличил его, как злочестивого законопреступника, попиравшего истинные догматы веры; за это святой получил сто семьдесят ударов по спине и заточен был на остров Афусию[1]. Значительным облегчением для святого было то, что он содержался здесь не в темнице и не в оковах, но жил в келии, хотя весьма тесной. В этой келии он прожил до самой смерти Феофила. Когда же нечестивый царь умер, царица Феодора собрала всех исповедников в столичный город, восстановила православную веру и повелела внести в храмы святые иконы; тогда был отпущен на свободу и преподобный Иларион. Он снова принял игуменство в своей Далматской обители и прославился чудесами. Прожив здесь три года и душеспасительно управив своими учениками, он отошел ко Господу[2]. Его честная и святая душа так же, как и виденная им душа Феодора, была отнесена на небо Ангелами и в лике святых исповедников предстоит ныне пред престолом славы Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога в Троице, Которому воссылается слава вовеки. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦ
АРХЕЛАИ, ФЕКЛЫ И СУСАННЫ

Девство, побеждающее мир и укрощающее плотские страсти, не было известно матери всех Еве, ибо ей было сказано Богом: *в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое* (Быт. 3, 16). Девство же свободно от этого; оно не увядает от долгих лет, но всегда цветет и украшает жизнь девствующих; девственница становится невестой Христовой и входит в небесный чертог своего Жениха.

Этим честны́м и божественным даром, — чистым девством, — была украшена блаженная Архелая, которая уневестилась Христу

---

[1] *Остров Афусия*, или *Офиусса*, находился в заливе Паса-Лимани, близ Константинополя.

[2] Кончина преподобного Илариона последовала в 845 году.

и показала себя победительницей мира. Жила она в одном месте близ города Рима, в небольшом и неизвестном монастыре, какой мог быть в те тяжелые для христиан идолопоклоннические времена.

Когда нечестивым царем Диоклетианом[1] было воздвигнуто в Риме великое гонение на христиан, святая девица Архелая, спасаясь с двумя во Христе сестрами и сподвижницами своими, Феклой и Сусанной, от преследования мучителей, оставила Рим и бежала в Кампанию[2]; все они переменили свои одежды на мужские, дабы никто не узнал, что они были девицами; тут невдалеке от города, называвшегося Нола[3], поселились святые девственницы в глухом и пустом месте, дни и ночи проводя в усердных молитвах к Богу, упражняясь в разных богоугодных делах и врачуя болезни страждущих, так как за чистую и святую жизнь они сподобились благодати чудесного исцеления болезней. Лица у них были смиренные, кроткие и вместе с тем светлые, ибо они всегда радовались сердцем своим о Господе Иисусе Христе; во взоре их сияло целомудрие и святость. Одежды на них были волосяные, простые и грубые, и вид они имели — пустыннический и постнический. Волосы на головах их были острижены, как у мужчин, так что многие считали их за мужчин, а не за женщин. Мало-помалу к ним стали собираться окрестные люди то за исцелением, то за духовным наставлением, так как они, кроме дара врачевания, имели и способность богодухновенного учения; они врачевали не только тела, но и души человеческие, и многих от языческого нечестия обратили к вере Христовой; слава о них распространилась по всей стране.

Дошла весть о святых девственницах и до начальника кампанийского, именем Леонтия, ибо для надзора за христианами воины были расположены во многих местах; об этих святых девицах они и сообщили начальнику. Последний приказал взять их и привести к нему в

[1] *Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

[2] *Кампания* находилась в древней Италии и граничила на западе с Лациумом, на севере — с Самниумом, на востоке — с Луканиею и на юге — с Тирренским морем. В этой итальянской провинции впервые начали (с VIII века) отливать колокола, почему они и называются в церковном Уставе кампанами (ранее были в употреблении била или железные доски).

[3] Город *Нола* лежал к югу от Капуи; существует и в настоящее время (теперь находится в итальянской провинции Казерта) и имеет около 15 000 жителей.

город Салерну[1], где тогда судили и мучили христиан. Святые девицы были взяты и приведены на допрос в Салерну. Поняли они, что Господь Иисус Христос — их бессмертный и нетленный Жених, — призывает их к венцу мученичества, дабы приять их в небесный чертог Свой, украшенных не только девством, но и страдальческой кровью, как бы царской багряницей. Преисполненные великим дерзновением и надеждою на Бога, они без страха явились к мучителю и свободным голосом поведали ему всю истину о себе, — кто они и откуда; не скрыли они ни своей жизни, ни веры христианской, не скрыли того, что они — девственницы обрученные Христу и обещавшие Ему сохранять себя в чистоте до самой кончины. Игемон Леонтий, взирая на них и видя, что блаженная дева Архелая старше прочих летами, более дерзновенна в разговоре, заметив также, что лицо ее было особенно благочестным, обратился к ней и сказал:

— Послушай, Архелая! По какому праву ты созываешь к себе всяких людей, добрых и злых, и учишь их поклоняться Иисусу Назарянину, Который не мог спасти Себя Самого, когда Его мучили, и тем более не может оказать помощи никому другому? Как ты осмеливаешься лечить какими-то волшебными словами и прельщать людей; как дерзнула ты, покрываясь мужскими одеждами, показывать себя мужчиной, когда ты на самом деле скверная женщина и вредная волшебница? Вероятно, ты и этих двух девиц научила волшебству; если я тебя не погублю сейчас, то ты всех неопытных женщин и мужчин обольстишь своим ложным учением.

На это святая девица отвечала:

— Силу и власть диавола я попираю силой Христовой; людей же я научила благому, — именно тому, чтоб они познали единого истинного Бога, сотворившего небо, землю, море и все, что в них: исцеление же всем болящим подаются именем Господа моего Иисуса Христа, Единородного Сына Божия, посредством меня, Его рабы; я не притворяюсь мужчиной, ибо сейчас объявила себя девицей и рабой Христовой; а эти две сестры мои во Господе с юности воспитаны в вере Христовой.

И сказал игемон:

— Всякий, кто не повинуется царскому приказанию, будет предан лютой смерти.

---

[1] Город *Салерно* находится у Тирренского моря.

Отвечала святая:

— Мы имеем Царя, — Господа нашего Иисуса Христа, ради Которого презрели мир и все, что в нем; Его приказанию повинуемся и ожидаем милосердия от Того, Кто обладает небом и землей и всем прочим.

Сказал игемон:

— Наши боги все содержат и всем владеют; имен у них много: Кронос[1], Трисмегист[2], Гермес[3], Афродита[4], Гера[5], Афина[6], Дий[7], который выше всех. Вот эти силы божии содержат и управляют всей вселенной.

Отвечала дева:

— Боги твои — слепые, и слепые поклоняются им и веруют в них.

Игемон сказал:

— Ваш Бог один и Он не в силах защитить Себя, ибо и на кресте был распят, и уксусом напоен был, и терновным венцом увенчан, и копьем прободен.

Ответила на это святая:

— Все это Бог наш потерпел ради нашего спасения, дабы все верующие в Него не погибли, но имели жизнь вечную; твои же боги не видят, не слышат, не говорят, и потому ни себе, ни другим не могут помочь.

После таких слов, игемон, разгневавшись, приказал отдать святую на съедение голодным львам, думая, что они сейчас же растерзают ее; но звери сделались кроткими, как овцы, и лежали у ног святой. Она же молилась Богу, говоря так:

— Господи Боже, Отец, Сын и Дух Святой, сохранивший доселе тело мое чистым от всякой скверны! Как ныне Ты укротил зверей и

---

[1] *Кронос* — по греческой мифологии младший сын Урана и Геи, один из титанов. Он считался покровителем посевов и жатв, почему и изображался с серпом в руке.

[2] Наименование *Трисмегиста* присваивалось Юпитеру или Зевсу.

[3] *Гермес* — бог благополучия.

[4] *Афродита* или *Венера* — богиня любви и красоты.

[5] *Гера* — покровительница браков и родов.

[6] *Афина*, или *Минерва*, — богиня мудрости.

[7] *Зевс*, или *Юпитер*, — верховный бог древнегреческой религии, считавшийся родоначальником прочих богов и виновником всего существующего.

дал мне силу победить игемона, более лютого, чем звери, так и всегда будь мне, рабе Твоей, непрестанным помощником.

Игемон, увидав, что святая осталась невредимой от зверей, исполнился еще бо́льшей ярости и приказал воинам убить зверей, а святую мученицу вместе с подругами ее, связав, заключить в темницу. Но в темнице святым мученицам явился Ангел Господень, осветивший их неописанным светом и сказавший:

— Не бойтесь, девицы Христовы! Молитвы ваши дошли к Богу и вам уже приготовлены венцы на небе.

Когда стражи увидели этот необычный свет в темнице, то в страхе и ужасе говорили:

— Действительно, Бог, Которого исповедуют эти девы, есть Бог истинный.

Утром игемон сказал слугам:

— Приведите ко мне ту волшебницу, которая вчера бесчестила разными хулениями меня и богов моих.

И тотчас святая мученица Архелая была представлена на суд и сказала:

— О игемон, не я, а злые дела твои наносят тебе хулу и бесчестие и готовят огонь неугасимый, в котором ты будешь мучиться вечно вместе с богами твоими; если же ты хочешь избавиться вечных мук, то послушай моих душеполезных слов и прими мой добрый совет: уверуй в создавшего тебя Бога Отца, и в Единородного Сына Его Господа Иисуса Христа, и в Духа Святого, от Отца исходящего; Он — Единый Бог, в Троице прославляемый и на земле и на небе!

Начальник, принимая слова эти за насмешку и безумие, возразил святой, говоря:

— Если ты послушаешь меня и уверуешь в богов моих, то будешь одарена богатством и честью и получишь не последнее место между честны́ми римскими женами; если же ты не послушаешь меня, то я отдам тебя на поругание блудникам, затем подвергну жестоким мучениям и наконец предам тебя лютой смерти; тело же твое отдам на съедение собакам, зверям и птицам.

Ответила святая:

— Я имею помощником Господа моего Иисуса Христа, Который есть хранитель как души моей, так и тела. Он сохранит меня от той

скверны, какую ты готовишь мне, как сохранил и прежде меня многих пострадавших святых дев; смерти же я не боюсь, ибо надеюсь получить жизнь вечную у Господа моего, Который сподобит меня бесконечной радости и причтет меня к святым Своим Ангелам.

После этого игемон повелел обнажить святую, строгать ее чистое девическое тело железными орудиями и бить жестоко, раны же приказал поливать приготовленным для этого горячим маслом и смолой; и было тело святой острогано и сожжено до костей. Все, бывшие там, взирая на страдания святой мученицы, чрезвычайно удивлялись и недоумевали, каким образом столь слабая девица могла перенести такие жестокие муки и остаться живой. Святая же, подняв очи свои к небу и крестообразно воздев руки, сказала:

— Владыко, призри с неба, с высоты престола Твоего святого на Твою верную рабу! Угаси горящий огонь росой Своей благодати и дай моему телу отраду в мучениях, причиняемых мне игемоном.

Едва святая произнесла эти слова, как тотчас над ее головой воссиял свет и слышен был голос, говоривший:

— Не бойся! Я с тобой.

Игемон, видя святую невредимой, от ярости скрежетал зубами.

Вблизи того места находился большой камень, который едва могли сдвинуть с места несколько человек; игемон приказал поднять его и положить на мученицу, чтобы она была раздавлена камнем тем. Когда слуги приступили к исполнению приказания игемона, Ангел Господень, невидимо присутствующий со святой девой, быстро отодвинул камень в другую сторону, так что он раздавил слуг мучителя, святая же осталась живой и хвалила Бога, воспевая:

— Благословен Ты, Господь Бог отцов наших, спасающий уповающих на Тебя!

Народ, видя это, взывал:

— Велик Бог христианский, Которого она исповедует!

Игемон же сказал:

— Что теперь делать с волшебницей этой? Все мучения она преодолевает; возьмите ее и выведите из города; вместе с ней возьмите и тех двух девиц, которые следуют за ней, и всех трех умертвите мечом.

Воины тотчас взяли святых мучениц, связали им назад руки и повели за город.

Когда все дошли до назначенного места, воины уже приготовились усечь честные главы святых мучениц; в это время они увидали Ангелов и испугались; Ангелы же святые, взирая на страдания мучениц, приготовились взять со славой мученические души. Воины, почувствовав некоторым образом присутствие Ангелов, пришли в ужас, затрепетали и как бы забыли самих себя. Но святая Архелая, совершив молитву Богу, сказала воинам:

— Исполните то, что вам приказано.

Воины ответили на это:

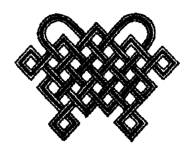
— Не смеем, госпожа, ибо страх объял нас.

Тогда девы все вместе сказали им:

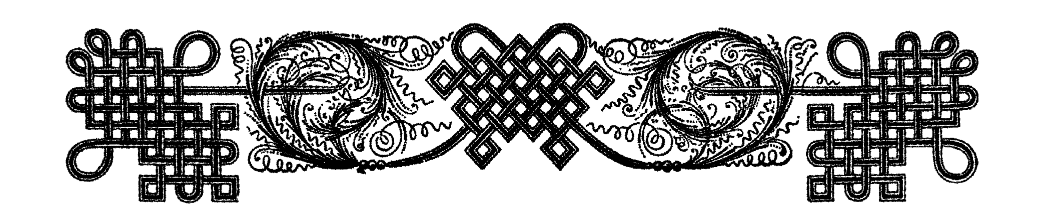
— Если не исполните приказания, то не будете иметь части с нами.

Воины, услышав это, обнажили мечи и отсекли им головы[1]. Так три святые преподобномученицы — Архелая, Фекла и Сусанна, чистые девы, совершили свой подвиг, вошли в чертог небесный и ныне с Ангелами предстоят Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Единому, в Троице славимому, Богу, Которому воссылается слава вечно. Аминь.

В тот же день **преставление преподобного Паисия Угличского**, в 1504 году.

[1] Кончина святых мучениц последовала в 293 году.

День седьмой

СТРАДАНИЕ
СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
МАРКЕЛЛА,
папы Римского, и прочих с ним

Святой Маркелл был родом римлянин; отца его звали Венедиктом. Он принял престол Римской церкви после святого мученика Маркеллина и пробыл на нем в правление нечестивых римских императоров Диоклетиана[1], Максимиана Геркула[2], другого Максимиана, по прозванию Галерия[3], и Максенция[4] в продолжение пяти лет и шести месяцев. В те дни в Риме происходили следующие события. Император Максимиан, по прозванию Геркул, был назначен Диоклетианом в соправители себе. Возвратившись в Рим из африканских провинций[5] и желая угодить императору Диоклетиану, замедлившему на Востоке, Максимиан стал строить в честь его в Риме каменные термы, или бани, доставлявшие язычникам мерзкую прохладу[6]. Разыскав среди римских полков множество воинов, веровавших во Христа, Максимиан лишил их воинского звания и назначил им такую же работу, которую дал некогда фараон израильтянам в

---

[1] *Император Диоклетиан* управлял восточной половиной Римской империи с 284 по 305 год.

[2] *Максимиан Геркул* управлял западной половиной Римской империи с 284 по 305 год.

[3] *Максимиан Галерий* управлял Востоком с 305 по 311 год.

[4] *Максенций* управлял Западом с 305 по 312 год.

[5] В ведении Максимиана находилась Африка, Испания и Италия.

[6] Следует заметить, что термы у древних римлян язычников были не только банями, но и блудилищем.

Египте[1], именно: он заставлял одних делать кирпичи, других известь, третьих копать землю и носить для устройства упомянутых терм камни. Все это он делал для устрашения христиан, находившихся в Риме, ибо знал, что многие римляне не только из простого народа, но и из числа людей благородных, исповедовали веру христианскую, хотя и не открыто.

В это время в Риме проживал некий богатый и честный христианин по имени Фрасон. Заметив, что христиане томились тяжкою работою и изнемогали от голода, Фрасон пожелал тайно помогать им своими средствами; избрав для этой цели четверых богобоязненных мужей, он через их посредство снабжал христиан пищею, одеждою и всем необходимым. Этих мужей звали: Сисиний, Кириак, Смарагд и Ларгий.

Когда блаженный папа Маркелл узнал об этом, то весьма возрадовался сердцем по поводу доставляемой христианам милостыни; призвав к себе упомянутых четверых мужей и разузнав от них все относительно Фрасоновой щедрости, Маркелл премного благодарил последнего, а Сисиния и Кириака поставил во диаконы Римской церкви.

Однажды ночью, когда оба диакона несли на своих плечах посылаемую Фрасоном для святых мучеников пищу, они были схвачены нечестивыми язычниками и приведены к трибуну Экзуперию. Лишь только они были приведены, трибун приказал заключить их в общенародную темницу, а на третий день донес о них императору Максимиану. Император же приказал их назначить на ту же самую работу, которую исполняли прочие христиане, и, таким образом, они были присоединены к тем, которые носили песок для постройки каменного здания.

Среди тех христиан находился некий муж, по имени Сатурнин; по старости лет он не мог носить определенного ему тяжелого бремени. Тогда блаженные диаконы Сисиний и Кириак начали помогать старцу и исполняли не только свою работу, но и работу других; устами же своими они непрестанно славословили и восхваляли

---

[1] С целью стеснить и ослабить израильтян фараон египетский назначил им тяжелые работы. В сравнительно короткое время (от смерти Иосифа до выхода из Египта) израильтяне выстроили епиптянам три города — Пифом, Раамзес и Илиополь (Исх. 1, 1–14).

Бога. Обо всем этом стража донесла трибуну, а последний — императору.

Тогда император приказал представить к себе Сисиния, и когда последний явился к нему, то спросил его:

— Какое имя твое?

— Я грешный, — отвечал святой, — именуюсь Сисинием; я раб рабов Господа нашего Иисуса Христа.

— Что это за песнопения, которые вы воспеваете? — спросил Максимиан.

— Если бы ты познал значение воспеваемых нами песнопений, — отвечал святой, — то ты познал бы и твоего Создателя.

На это император сказал:

— Да кто же наш Создатель, как не Геркулес[1] непобедимый!

Отвечал святой диакон Сисиний:

— Для нас мерзость — не только именовать его, но и слышать о нем.

— Избирай для себя одно из двух, — продолжал император, — принеси жертву богу Геркулесу; в противном случае я сожгу на огне плоть твою.

— Я уже давно желаю пострадать за Христа, Бога моего, — отвечал святой Сисиний, — дабы получить вожделенный венец мученичества.

Тогда император, разгневавшись, отдал его на мучение областеначальнику Лаодикию.

Последний заключил святого в Мамертинскую темницу[2], в которой мученик пробыл семнадцать дней. По истечении же этого срока областеначальник велел снова представить к себе на допрос святого диакона Сисиния.

---

[1] *Геркулес*, или *Геракл*, — национальный древнегреческий герой. По сказанию греческой мифологии Геркулес был сыном Зевса и Алкмены, жены тиринфского царя Амфитриона. Геркулесу приписывалась большая физическая сила, почему он считался богом-покровителем гимнастов и гладиаторов.

[2] *Мамертинская темница* находилась в северной части города Рима. Она предназначалась главным образом для государственных преступников, к числу которых относили и христиан. В этой темнице были заключены, по преданию, святые апостолы Петр и Павел (память их — 29 июня). Эта темница в реставрированном (восстановленном) виде сохранилась и до настоящего времени, причем то отделение темницы, где были заключены апостолы Петр и Павел, как священное место, охраняется католиками с особенным вниманием.

Из темницы узник прежде всего был приведен к начальнику тюрьмы Апрониану. Посмотрев на него, Апрониан заметил, что лицо его сияло пречудным небесным светом; при этом он услыхал и голос, говоривший:

— *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34).

Тогда Апрониан в страхе и ужасе упал к ногам святого Сисиния и сказал:

— Заклинаю тебя Христом, Которого ты исповедуешь, немедленно крестить меня и соделать меня соучастником венца твоего.

Тотчас же была принесена сюда и вода.

Тогда святой диакон Сисиний, совершив оглашение[1] над Апронианом, благословил воду; затем велел войти Апрониану обнаженным в наполненный водою сосуд и спросил его:

— Веруешь ли в Бога Отца, Всемогущего, и в Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, и в Духа Святого?

Он отвечал:

— Верую.

— Да просветит тебя, — произнес святой Сисиний, — Отец, и Сын, и Святой Дух.

Затем святой велел Апрониану выйти из воды.

После этого Сисиний привел новокрещеного Апрониана к святому папе Маркеллу. Последний помазал новопросвещенного свя-

---

[1] *Оглашение* — изустное наставление в истинах веры православной, преподававшееся в древней Церкви всем, желавшим приступить к таинству крещения. Имея право входа в храм для слушания Священного Писания и поучений и даже присутствовать при первой и второй частях литургии (проскомидии и «литургии оглашенных»), оглашенные пред наступлением третьей, самой важной, части литургии («литургии верных») должны были немедленно выходить из храма, о чем и оповещалось диаконом возгласом, и доселе сохранившемся в Православной Церкви при совершении литургии. Срок оглашения был неодинаков; многие пребывали оглашаемыми в продолжение всей жизни. В случае необходимости срок оглашения сокращался до нескольких дней или даже нескольких часов (как, например, в данном случае). — Церковный обряд оглашения и доселе совершается в Православной Церкви; он состоит в прочтении молитв над приступающим ко крещению и произнесении заклинания на диавола; при этом приступающий ко крещению отрекается сатаны, сочетавается (сочетается, соединяется) Христу и исповедует свою веру чтением Символа веры (это делается при крещении младенцев восприемниками).

тым миром и, совершив святую литургию, преподал обоим — и Сисинию, и Апрониану, — а также и всем, находившимся там христианам, пречистое Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа.

В полдень того же самого дня областеначальник Лаодикий приказал представить к себе на допрос диакона Сисиния. С ним пришел также и начальник тюрьмы, блаженный Апрониан, — новопросвещенный раб Христов. Подойдя к Лаодикию, Апрониан громко воззвал, обратившись к нему:

— Для чего диавол восставляет вас против рабов Божиих, научая вас причинять столько страданий неповинным?

Удивившись таким словам Апрониана, областеначальник сказал ему:

— Как кажется мне, и ты сделался христианином.

— Горе мне окаянному, — отвечал блаженный Апрониан, — что я погубил дни мои в нечестии, до сих пор не зная Бога истинного

— Действительно, — воскликнул областеначальник, — ты погубишь ныне дни свои!

Затем приказал отсечь ему голову, сказав:

— Если он не погибнет, то погибнут многие другие.

После этого воины повели святого Апрониана за город. Отойдя от города на расстояние двух миллиарий[1], воины усекли голову святого Апрониана на дороге Саларийской[2]; так новопросвещенный Апрониан восприял венец мученический. Святого же диакона Сисиния, а с ним и упомянутого старца Сатурнина, областеначальник приказал заключить в темницу, сказав им:

— Если вы не принесете жертв богам, то я погублю вас, предав многоразличным мукам.

---

[1] *Миллиарий* — римская миля или, точнее, римский милевой камень, потому что в конце каждого миллиария стоял в виде знака каменный столб. Миллиарий равнялся восьми стадиям (стадия равнялась восемьдесяти восьми саженям), что составит приблизительно полторы наших версты. Милевые камни были рассеяны по всей Италии; на них надписывалось обыкновенно имя строителя или императора, при котором они строились. Первый милевой камень, от которого вели свое начало все остальные камни и у которого соединялись все дороги, находился у храма Сатурна. При раскопках в Риме были найдены остатки этого камня.

[2] *Салария* — одна из самых больших дорог древнего Рима. Она шла вдоль реки Тибра до Кур, проходила через Лациум, Сабинию и так далее до Ардии. Название этой дороги объясняется тем, что сабиняне провозили по ней соль (sal) с берегов моря в свою страну.

Во время пребывания святых в темнице к ним приходили многие язычники и безбоязненно крестились у них. По прошествии сорока дней областеначальник Лаодикий узнал об этом; приказав приготовить себе место для судилища в храме богини Теллюры[1] и воссев на нем, Лаодикий приказал привести к себе старца Сатурнина и диакона Сисиния. Христовы узники были приведены к мучителю босыми в железных оковах.

— Что же, — спросил их областеначальник, — оставили вы, наконец, суетное обольщение христианское? Неужели и теперь вы не согласитесь поклониться богам, которым поклоняются наши цари?

— Мы грешные, — отвечал святой диакон Сисиний, — поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу и никогда не преклоним наших голов пред диаволом и бездушным камнем.

Тогда Лаодикий сказал:

— Пусть принесут сюда медные треножники, на которых возжигается курение богам.

Немедленно были принесены треножники с горячими угольями. Мучитель начал принуждать святых воскурить идолам фимиам.

Святой старец Сатурнин сказал мучителю:

— Да обратит Господь в прах идолов языческих.

И тотчас медные треножники, растопившись, растеклись как вода.

Два воина из числа бывших здесь, по имени Папий и Мавр, увидя это, громогласно воскликнули:

— Поистине Господь Иисус Христос, Которого почитают Сисиний и Сатурнин — есть Бог истинный.

Областеначальник Лаодикий, пылая гневом, приказал повесить святых мучеников, Сатурнина и Сисиния, на столбе и бить их без милосердия веревками и суковатыми палками. Будучи так терзаемы, святые взывали, говоря:

— Благодарим Тебя, Господи, Иисусе Христе за то, что Ты сподобил нас быть соучастниками пострадавших за Тебя рабов Твоих.

Тогда воины Папий и Мавр, видевшие страдания святых, вторично воззвали, обратившись к областеначальнику:

— Для чего диавол возбуждает вас против рабов Божиих, научая вас без милосердия мучить их, неповинных?

[1] *Теллюра*, или *Гаия*, — греко-римская богиня земли и плодородия.

Лаодикий, воспылав гневом против этих воинов, приказал бить их камнями по устам; раздробив святым уста, заключил их в темницу. В то же время он приказал своим слугам опалять свечами бока мучеников, висевших на столбе. Но они, претерпевая столь великие страдания, с радостным лицом благодарили Бога.

В тот же день мучитель издал относительно святых смертный приговор. Поэтому они были сняты со столба, выведены за город по нумантийской дороге[1] и обезглавлены.

Вышеупомянутый благочестивый муж Фрасон, взяв тела святых мучеников вместе с пресвитером Иоанном, похоронил их на своей земле при саларийской дороге.

Заключенные же в темницу воины Папий и Мавр весьма желали получить святого крещения; помолившись Господу, они вышли из темницы чрез открытые двери, никем не замеченные. Придя затем к святейшему папе Маркеллу, они приняли от него святое крещение. После крещения они снова отдались искавшим их воинам и были представлены на допрос к областеначальнику. Увидав их, областеначальник сказал:

— Теперь я узнал, что вы христиане.

— Да мы действительно христиане, — отвечал святой Папий.

— Оставьте пустое обольщение христианское, — продолжал Лаодикий, — и поклонитесь богам, которым поклоняются наши цари!

— Пусть поклоняются им все потерявшие свои души, если они желают погибнуть навеки, — отвечал Лаодикию святой Мавр.

Областеначальник же Лаодикий сказал на это:

— Если вы не принесете сейчас жертв бессмертным богам нашим, то потеряете свои души. Послушайте меня и исполните то, что я говорю, если желаете остаться живыми.

— Приноси им жертву, — ответил святой Папий, — если хочешь мучиться вечно!

После этого областеначальник приказал положить святых на земле и бить без милосердия палками. Они же, будучи жестоко биты, ничего иного не произносили, как только следующие слова:

— Господи, Иисусе Христе, помоги рабам Твоим!

Затем Лаодикий приказал бить святых оловянными прутьями.

---

[1] *Нумантийская дорога* шла из Рима по направлению к городу Нумантии.

В то время как их били в течение долгого времени таким образом, они предали души свои в руки Божии.

Пресвитер Иоанн, взяв ночью тела святых, похоронил их с честью при гробнице пострадавших ранее святых мучеников Сисиния и Сатурнина (сделал это он по повелению святого папы Маркелла).

В то время возвратился в Рим император Диоклетиан. Областеначальник Лаодикий сообщил Диоклетиану и Максимиану все относительно святых мучеников, сказав, как он без милосердия мучил их и умертвил. Императоры были обрадованы этим известием и похвалили областеначальника за его усердие.

Между тем упомянутый выше святой Кириак, поставленный во диаконы святейшим папою Маркеллом, находился в это время, вместе со святым Сисинием, в темнице; здесь были заключены Смарагд и Ларгий, а также и прочие узники Христовы. Все они исполняли назначенную им тяжелую работу. Их выводили на работы днем, на ночь же снова запирали в темнице. Бог даровал блаженному Кириаку благодать исцеления недугов; многие приходили к нему и приносили своих больных, которых святой Кириак исцелял, после молитвы к Богу; так получали здесь зрение слепые, делались здоровыми расслабленные, изгонялись из людей бесы и по молитвам святого подавалось исцеление болящим от многоразличных недугов.

У императора Диоклетиана была дочь, по имени Артемия. По попущению Божию она впала в беснование и была мучима нечистым духом. Узнав о том, Диоклетиан весьма опечалился, так что в тот день по причине скорби не вкушал пищи. Когда же он вошел в комнату своей дочери, бесновавшейся в это время, то бес воззвал устами девицы:

— Я не выйду отсюда, и никто не может изгнать меня, кроме диакона Кириака.

Тогда Диоклетиан приказал отыскать диакона Кириака, и когда он был найден в темнице и приведен к императору вместе с обоими друзьями своими, Смарагдом и Ларгием, то император стал упрашивать его войти в комнату дочери его и исцелить ее. Святой Кириак, войдя в комнату дочери царской, обратился к мучившему ее нечистому духу с такими словами:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе: выйди из этой девицы.

Бес же отвечал ее устами:

— Если ты желаешь, чтобы я вышел из нее, то укажи мне другое обиталище, в которое я мог бы войти.

— Вот тебе мое тело, — отвечал святой Кириак; — если можешь, войди в него!

— В твое тело я не могу войти, — продолжал бес, — ибо оно отовсюду затворено и запечатано.

Тогда святой Кириак сказал ему:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа распятого выйди из девицы, дабы она была чистым сосудом для служения Святому Духу.

Дух нечистый закричал тогда, говоря:

— О Кириак! Если ты отсюда изгонишь меня, то я устрою так, что ты будешь послан в Персию[1].

С этими словами нечистый дух вышел. Девица же Артемия, освободившись от бесовского мучительства, сказала святому:

— Заклинаю тебя Богом, Которого ты исповедуешь: крести меня, ибо я вижу вдалеке Господа, Которого ты проповедуешь.

Здесь стояла и мать Артемии императрица Сирена, которая радовалась сугубою радостью: и по случаю исцеления своей дочери, и по причине явления силы Христовой (ибо она была тайной христианкой).

Приготовив воду, на другой день крестили девицу Артемию во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, тайно от царя Диоклетиана.

С того времени святой Кириак приобрел благоволение императора Диоклетиана, который даровал ему и его друзьям, Смарагду и Лагрию, свободу и подарил ему близ своих терм дом в Риме, обещав ему спокойную жизнь.

Между тем императрица Сирена поучала дочь свою всем сердцем любить Христа и неизменно исполнять закон Его.

Спустя немного времени к Диоклетиану пришло послание от персидского царя; в этом послании персидский царь просил Дио-

---

[1] Диавол устрашает святого Кириака путешествием в Персию потому, что в те времена путешествия вообще были обременительны, вследствие отсутствия правильных путей сообщения.

клетиана отправить к нему диакона Кириака, ибо дочь его бесновалась, причем бес взывал ее устами, говоря:

— Никто не может изгнать меня, кроме римского диакона Кириака.

Тогда император сказал своей супруге, императрице Сирене, чтобы она позвала к себе Кириака и упросила его отправиться в Персию к бесновавшейся царевне.

Когда святой Кириак был призван к императрице и узнал о послании из Персии, то сказал:

— Во имя Господа моего, Иисуса Христа я отправлюсь, не колеблясь!

Кириак был снабжен императрицею всем необходимым, после чего и отправился в Персию вместе со своими друзьями, — Смарагдом и Ларгием.

Когда он пришел в Персию и был приведен к беснующейся царевне, то диавол воззвал ее устами:

— Что, Кириак, не заставил ли я тебя потрудиться прийти сюда, как говорил об этом тебе ранее?

— Я пришел сюда, — отвечал Кириак, — с помощью Владыки моего, Господа Иисуса Христа, чтобы выгнать тебя и отсюда. Итак, дух нечистый, повелеваю тебе именем Господа Иисуса Христа: выйди из девицы и больше не возвращайся в нее.

— Но ведь ты, Кириак, устал и тебе необходимо прежде всего отдохнуть с дороги, — сказал бес.

— Благодаря помощи все устрояющего Бога, я не чувствую усталости, — отвечал Кириак.

— Но вот я, — продолжал бес, — что захотел, то и сделал: обещался заставить тебя прийти в Персию, и ты пришел.

— Не можешь ты, бессильный и окаянный, сделать то, что пожелаешь; ты можешь сделать лишь то, что попустит тебе Создатель наш.

Тогда бес стал мучить девицу. Святой же Кириак, пав ниц на землю, начал со слезами молиться Богу. Между тем бес взывал к святому:

— Если ты изгонишь меня отсюда, то укажи мне вместилище, в которое я бы мог войти.

Отвечал святой:

— О безумный! Нигде в создании Божием ты не найдешь себе вместилища, ибо непобедимая и всемогущая сила Господа моего Иисуса Христа отовсюду изгонит тебя.

Тогда диавол немедленно вышел из отроковицы и, убегая, оглашал воздух воплями, говоря:

— О как страшно для меня имя Того, Кто изгоняет меня!

С того времени отроковица стала здоровой. Ей было имя Иовия. Она уверовала во Христа и приняла святое крещение. Уверовали во Христа и крестились многие из царского дома, всего около четырех сотен человек. Царь персидский предложил многие дары святому Кириаку. Но он ничего не взял, довольствуясь лишь одним хлебом и водой. Пробыв в Персии сорок пять дней, он удалился оттуда, возвращаясь от персидского царя к Римскому императору с благодарственным письмом, которое Диоклетиан почтительно принял. Императрица Сирена и дочь ее Артемия весьма радовались возвращению Кириака.

Спустя немного времени после этого Диоклетиан отправился из Рима на Восток, а Максимиан Геркул — в Медиолан[1], где тот и другой оставили и свое императорское достоинство. Тогда (другой Максимиан), по прозванию Галерий, коего Диоклетиан усыновил себе, а потом выдал за него и дочь свою, — старшую сестру Артемии, Валерию, — пришел в Рим и стал преследовать и убивать христиан. Взяв вместе с прочими святого диакона Кириака, — ибо он гневался на него за Артемию, которую Кириак обратил в христианскую веру, — он посадил его вместе с его друзьями, Смарагдом и Ларгием, в темницу; при этом мучитель приказал водить за собою Кириака, обнаженного и закованного в железные вериги, по всем тем местам, куда он ни отправлялся. Это он делал для устрашения прочих христиан.

Однажды, когда мучитель шел в какой-то город, его встретил святой папа Маркелл, который громко сказал ему:

---

[1] *Медиолан* (ныне *Милан*) — значительнейший город Северной Италии, в области Ломбардии; основан в глубокой древности, за несколько веков до Рождества Христова. В истории христианской Церкви Медиолан известен как место архипастырской деятельности архиепископа Амвросия (с 374 по 397 год), проявившего большое усердие в борьбе с ересью арианской (память его празднуется святой Церковью 7 декабря).

— Для чего ты убиваешь служителей Божиих, молящихся за твое царство?

Тогда мучитель, разгневавшись, приказал бить святого палками без милосердия и определил его на должность надсмотрщика над животными. Итак, святой папа Маркелл приставлен был к кормлению животных, и сторожа наблюдали за тем, чтобы он неленостно исполнял свои обязанности. Святого же Кириака с его друзьями император передал своему наместнику Карпасию со словами:

— Убеди волхвов, совращающих народ к христианству, принести жертвы; заставь их сделать это, хотя бы мучениями.

Карпасий, взяв святого и находившихся с ним христиан, заключил их в темницу, а затем, воссев на судилище своем в храме Теллюры, призвал к допросу святых мучеников — диакона Кириака, друзей его, Смарагда и Ларгия, и вместе с ними четвертого узника, по имени Крискентия, также заключенного в темнице за исповедание имени Христова. Карпасий обратился к христианам с такими словами:

— Почему вы не слушаете императорского приказания и не приносите жертв бессмертным богам нашим?

Кириак и друзья его отвечали:

— Мы приносим себя самих в жертву живущему вовеки Богу и Господу нашему Иисусу Христу.

— Твоя старость, — сказал Карпасий Кириаку, — убелила волоса твои; но вот я теперь обращу твою старость в юность.

С этими словами он приказал растопить смолу и возливать ее на голову святого. Святой же взывал, говоря:

— Слава Тебе, Господи, что Ты сподобляешь нас, рабов Твоих, войти во врата небесного Царства Твоего!

Крискентиана же мучитель приказал повесить нагим на столбе, бить веревками и палками, строгать железными ногтями и опалять огнем. В таких мучениях святой Крискентиан и предал дух свой, все время воссылая благодарение Богу.

Потом мучитель приказал взять тело его и бросить без погребения на съедение псам, прочих же святых мучеников он снова заключил в темницу. Но упомянутый пресвитер Иоанн, придя ночью и взяв тайно тело мученика, похоронил его вместе с прочими мучениками.

По прошествии четырех дней после этого мучитель, призвав на допрос к себе одного Кириака, спросил его:

— Для чего ты хочешь низвести в ад в лютых мучениях дни твоей старости? Принеси жертву богам и останешься жив.

— Я, — отвечал святой, — весьма желаю быть замученным за Христа Бога моего; вашим же богам пусть приносят жертвы те, кто не познал истинного Бога, Создателя своего.

Карпасий в гневе приказал повесить святого нагим на позорном столбе и мучить его тем же способом, как и святого Крискентия, причиняя побои вервиями и палками, строгая ногтями, опаляя огнем.

Между тем Христов мученик, перенося все это доблестно, взывал:

— Помилуй меня грешного, Господи мой Иисусе Христе! Слава Тебе, Сыне Божий!

Карпасий, убедившись, что никакими мучениями он не принудит Кириака принести жертвы, повелел прекратить мучения; потом сообщил императору все, что касалось Кириака и остальных мучеников. Император же приказал предать смерти Кириака и всех, находившихся вместе с ним в темнице.

В той самой темнице, в которой пребывал святой Кириак со своими друзьями, было всего христиан двадцать один человек обоего пола. Выведя их всех за город, язычники обезглавили их вместе со святым Кириаком, Смарагдом и Ларгием. К этому месту ночью пришел пресвитер Иоанн вместе с некоторыми христианами; взяв тела святых мучеников, он похоронил их на том же самом месте, где были похоронены тела и других мучеников.

В это самое время была замучена и умерщвлена за исповедание имени Христова и дочь Диоклетиана, блаженная царевна Артемия, пребывавшая в то время в Риме. Умерщвлена же она была по распоряжению того же нечестивого мучителя Максимиана. Окаянный не пощадил даже своей родственной крови, ибо Артемия была родной сестрой его жены Валерии, и ему самому, как усыновленному Диоклетианом, она приходилась сестрою.

После убиения святого Кириака и прочих, находившихся с ним в темнице, христиан, вышеупомянутый Карпасий выпросил себе у императора дом Кириаков, находившийся близ терм Диоклетиановых; дом этот был подарен Диоклетианом Кириаку. Войдя в этот дом,

Карпасий увидал в нем прекраснейший источник, устроенный святым Кириаком и освященный папою Маркеллом; в этом источнике крестились многие язычники, обращавшиеся в христианство. На поругание и оскорбление христианам, Карпасий обратил тот дом в общественную баню и в блудилище и часто сам там омывался, или лучше сказать, загрязнялся, ибо, пируя здесь со своими друзьями, он и его сообщники оскверняли себя омерзительными плотскими грехами.

Однажды он приказал устроить там для себя пир и пришел сюда в обществе девятнадцати друзей своих есть, пить, мыться и блудодействовать. И вот в то время как они предавались своим мерзостям, внезапно пали все мертвыми, пораженные невидимою силою Божиею. Все окрестные жители пришли от этого в великий страх и заколотили дом тот, ибо никто не решался входить в него.

Между тем нечестивый император Максимиан Галерий отправился из Рима на Восток; императорский престол, принадлежавший в то время Константину[1] в Риме, предвосхитил Максенций. В то же самое время римские клирики, собравшись ночью, отправились на тот двор, в котором был приставлен кормить скот святой Маркелл, и вывели оттуда архипастыря своего.

Достигнув хищническим образом римского престола, Максенций, так же как и его предшественники начал преследовать христиан.

В это время в Риме жили две женщины из благородного сенаторского рода, по имени Прискилла и Лукина. Они обе были вдовами и верными рабынями Господа Иисуса Христа, Которому и служили с великим усердием. Эти две женщины имели много имущества, которым помогали святым во всех их нуждах.

Они устроили в своих имениях весьма хорошие гробницы для погребения тел святых мучеников, ибо бесчисленное множество христиан было тогда умерщвляемо за исповедание имени Христова. Прискилла устроила гробницу на расстоянии трех поприщ от города при саларийской дороге, а Лукина — на расстоянии семи поприщ при дороге остийской[2]. Тайно по ночам они собирали тела мучени-

---

[1] *Император Константин* царствовал с 306 по 337 год (см. житие его 21 мая).

[2] *Остийская дорога* вела к Остии, гавани города Рима, построенной при устье реки Тибра. Остатки этой гавани показываются и теперь; вследствие наноса берегового песка она удалена от берега на расстояние часа пути.

ков, бросавшиеся язычниками на съедение псам, зверям и птицам, и с честью погребали их в своих гробницах. И вот, когда святой Маркелл был выведен своими клириками со двора, где он кормил животных, отправился с блаженною Лукиною к тому месту, где был усечен святой мученик Кириак с Смарагдом и Ларгием; выкопав из земли святые мощи их и обвив их чистыми полотнами с ароматами, они принесли их в гробницу, принадлежавшую Лукине, и с честью положили их в каменных гробах.

В это время блаженная Лукина пожертвовала в пользу Церкви Римской многие имения свои; прекрасный же дом свой, находившийся в центре города Рима, она пожертвовала верующим, дабы они обратили его в церковь. Папа освятил этот дом по положенному церковному чину и совершал в нем литургии, принося бескровные жертвы Богу, днем и ночью славословя Бога. И таким образом дом Лукины сделался домом Божиим и соборною церковью в Риме.

Это стало известным нечестивому императору. Последний, разгневавшись на Лукину, присудил изгнать ее с бесчестием, как великую грешницу, вон из города, все же имущество ее велел отдать на разграбление. Он делал попытки также склонить к своему нечестию папу Маркелла, но нисколько не успел в этом. Узнав же, что святой Маркелл был осужден на работу скотника его предшественником Максимианом, он сделал то же самое определение относительно святого. Желая обесчестить не только папу, но и церковь, он обратил освященный для церкви прекрасный дом Лукинин в скотный двор и приказал содержать там множество скота. Святому же папе Маркеллу он определил все дни жизни его до самой смерти, находясь под стражею, ходить за скотом в этом доме.

Итак, святейший пастырь и руководитель душ человеческих, в течение девяти месяцев ухаживал за скотом; великий слуга Божий, подобно некоему плененному рабу, был предметом поругания со стороны нечестивых идолослужителей. Он постоянно был занят работою, так что совершенно не имел отдыха и покоя и испытывал большой недостаток в самом необходимом; он не имел ни достаточной пищи, ни одежды, ибо сторожа не позволяли никому приходить к нему и что-либо приносить для него. Его одежда состояла из одной только колючей власяницы на теле. По причине таких

трудов, страданий, лишений в самом необходимом, а также по причине зловония скотского, святой Маркелл весьма ослабел телом, заболел и предал свою страдальческую душу в руки Божии[1]. Тот же пресвитер Иоанн, взяв ночью его тело, отнес его в гробницу Прискиллину и, призвав клириков, предал его здесь честному погребению.

Так окончил жизнь свою святейший Римский папа Маркелл, первоначально предпослав по пути мученичества многочисленных чад своих к Богу, а затем после них и сам отправился предстать со святыми иерархами престолу Великого Архиерея, Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИЦ
КИРИАКИИ, КАЛЕРИИ И МАРИИ

Мученицы Христовы Кириакия, Калерия (или Валерия) и Мария происходили из города Кесарии Палестинской[2]. Наставленные в христианской вере одним христианином, они отрешились от мерзких идольских жертв, приступили ко Христу и крестились. Потом они поселились в некоей хижине, пребывая в молчании и моля Бога, дабы рассеялась ложь идолослужения, вера же Христова воссияла во всем мире и, таким образом, прекратились бы гонения на христиан. Когда они проживали таким образом в пощении и мо-

---

[1] Кончина святого священномученика Маркелла, папы Римского, последовала в 310 году. Он управлял Римскою Церковию в продолжение пяти лет и шести месяцев (с 304 по 310 год). Прочие мученики и мученицы, упоминаемые в житии святого папы Маркелла, пострадали несколько ранее, в 305 и 306 годах.

[2] *Кесария Палестинская* находилась на восточном берегу Средиземного моря. В древние времена Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-политической жизни страны. — В истории христианской Церкви Кесария Палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян. 10). Здесь же происходил последний суд над апостолом Павлом (Деян. 25–27). В Палестине была еще другая Кесария, в отличие от настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоков Иордана.

литвах, то были оклеветаны пред правителем той страны идолослужителями и принуждаемы были отречься от Христа и к поклонению идолам. Но они не хотели ни в каком случае совершить этого. Поэтому они нещадно были мучимы жестокими истязаниями и в тех мучениях предали души свои в руки Божии.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **МАРКЕЛЛИНА**

Папа Маркеллин вступил на престол в правление Диоклетиана и Максимиана после кончины святейшего папы Кая[1], во время жесточайшего гонения на христиан, когда в течение тридцати дней в Риме было истреблено после многоразличных мучений семнадцать тысяч христиан обоего пола. В это время схвачен был и приведен на допрос к Диоклетиану и папа Маркеллин. Но, устрашившись жестоких мучений, он воскурил фимиам на алтаре идольском и принес жертву Весте и Изиде[2]. Желая вознаградить его, император облек его в драгоценную одежду и назвал своим другом.

После этого, вернувшись домой, Маркеллин горько заплакал и зарыдал как некогда апостол Петр, отрекшийся от Христа (см.: Мф. 26, 75). Маркелин начал обличать и укорять самого себя, так как, хотя многих других утвердил в вере и побудил к мученическому подвигу, тем не менее сам отпал от веры самым позорнейшим образом. Размышляя об этом, папа несказанно скорбел в сердце своем.

---

[1] *Кай* управлял Римскою Церковью с 283 по 296 год.

[2] *Веста*, или *Гестия*, — считалась у древних римлян и греков богиней-покровительницей семейного очага и жертвенного огня. Ей обычно приносилась жертва пред началом всякого важного дела, почему у язычников и сложилась поговорка: «начинать с Вестой». В Риме в честь богини Весты был выстроен храм в роще, на склоне Палатинского холма. В этом храме помещался жертвенник, на котором постоянно горел огонь, поддерживавшийся жрицами богини — весталками. Главный праздник в честь богини Весты отправлялся в Риме в июне месяце. Изида — богиня плодородия. Изида была собственно древнеегипетской богиней, но в первые века по Рождестве Христовом культ ее проник в Грецию и Италию, где в честь ее строились многочисленные храмы.

В то время в городе Синуессе, в Кампании[1], происходил Поместный церковный собор[2], на который собрались многие епископы и пресвитеры, всего числом сто восемьдесят человек. На этот собор прибыл и Маркеллин. Облекшись во власяное рубище, посыпав пеплом голову с сокрушением сердечным вошел он на собор к отцам и, став пред ними как обвиняемый, открыто пред всеми исповедал грех свой. Проливая горькие слезы, он испрашивал у честных отцов суда над собою. Отцы же говорили:

— Осуди себя сам своими устами: из твоих уст вышел грех; пусть твоими же устами будет произнесено и осуждение. Мы знаем, что и святой Петр из страха отвергся Христа, но, горько оплакав грех свой, снова получил прежнюю милость у своего Господа.

И Маркеллин произнес следующий приговор над самим собой:

— Я признаю себя лишенным священного сана, которого я недостоин. И еще: пусть после моей смерти тело мое не предается обычному погребению, но да будет брошено оно на съедение псам; да будет проклят тот, кто осмелится похоронить его.

Возвратившись затем в Рим по окончании соборных заседаний, Маркеллин, взяв драгоценную одежду, которую получил от Диоклетиана, отправился к последнему и, бросив пред ним одежду, обличил его, осудил ложных богов его, а себя назвал тяжким грешником, причем горько плакал. Исполнившись гнева, император отдал его на мучения, а затем присудил к смерти. И вот блаженный Маркеллин был поведен вместе с тремя христианами — Клавдием, Кирином и Антонином за город для обезглавления. За ним следовал пресвитер Маркелл, после него занявший престол папский. Подозвав его, мученик Христов Маркеллин увещевал, чтобы он оставался твердым в вере. Он сказал также относительно своего тела, чтобы никто не осмеливался погребать его в земле, но чтобы оно было брошено на съедение псам:

— Я недостоин, — говорил он, — человеческого погребения, недостоин, чтобы меня взяла земля, так как я отвергся Господа моего, Творца неба и земли!

---

[1] *Кампания* — местность в древней Италии, ограниченная на западе Лациумом, на севере Самниумом, на востоке Луканиею, н[illegible]е Тирренским морем. В этой итальянской области впервые начали отливать[illegible] VIII века) колокола, почему они в церковном Уставе и называются кампанами.

[2] Собор этот происходил около 300 года.

Когда достигли места казни, святой мученик Маркеллин с усердием помолился Господу Христу, приемлющему кающихся грешников, и с готовностью простер свою выю на отсечение и умер за Христа, Которого сначала отвергся из-за страха мучений[1]. Вместе с ним были обезглавлены и упомянутые три мужа — Клавдий, Кирин и Антонин и тела их были брошены непогребенными при дороге. Впрочем, по прошествии нескольких дней верующие, взяв ночью тела Клавдия, Кирина и Антонина, похоронили их; тело же Маркелина никто не осмеливался взять и похоронить, так как он дал заклятие не предавать тело его погребению; и валялось честное тело мученика Христова при дороге в продолжение тридцати шести дней. По прошествии же этого времени новопоставленному папе Маркеллу явился святой апостол Петр и сказал:

— Почему ты до сих пор не предаешь погребению тело Маркеллиново?

— Я страшусь его клятвы, — отвечал Маркелл, — ибо он дал заклятие не хоронить тела его.

— Разве ты не помнишь, — сказал апостол, — написанного — *унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 14). Итак, пойди и с честью похорони тело его.

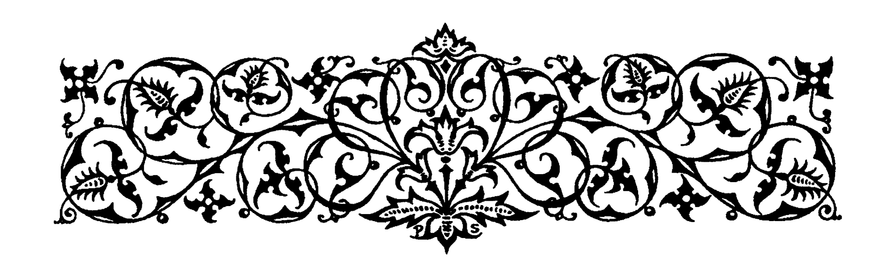
Тогда папа Маркелл взял честные мощи мученика и похоронил их в гробнице Прискиллы — что при саларийской дороге.

Так скончался священномученик папа Маркелин, оставив образец покаяния для многих, впадавших в то время в подобный грех (ибо тогда многие отвергались от Христа из-за страха пред мучениями). Мы же славим неизреченное милосердие Божие всегда и в бесконечные веки. Аминь.

В тот же день **память святого мученика Феодота Анкирского**, усеченного мечом в 303 году (житие его см. 18 мая).

[1] Кончина святого папы Маркеллина последовала около 300 года.

День восьмой

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ЕФРЕМА,
патриарха Антиохийского

Святой Ефрем первоначально был военачальником на Востоке в правление императоров Анастасия[1] и Иустина[2]. Потом он был поставлен в антиохийские патриархи[3], как человек благочестивый, проводивший добродетельную и богоугодную жизнь, весьма милостивый к нищим, сострадательный во всем, находившимся в бедах и несчастиях. Избрание же его в патриархи произошло по Божию благоволению и откровению о том одному святому епископу, жившему в то время, когда город Антиохия восстановлялся после разорения.

В то время, по причине умножившихся в Антиохии различных ересей и еретиков, — несториан[4], евтихиан[5] и прочих, произноси-

[1] *Анастасий I* царствовал с 491 по 518 год.

[2] *Иустин I* правил с 518 по 527 год.

[3] *Ефрем* патриаршествовал с 527 по 545 год.

[4] *Несторианство* основано Несторием, епископом Константинопольским (епископствовал с 428 по 431 год), учившим, что Иисус Христос не есть истинный Бог, а лишь человек, сын Иосифа и Марии, удостоенный за святость жизни особенной благодати Божией и спасающий нас не Своими искупительными заслугами, а лишь учением и примером Своей жизни. Несторианство осуждено на III Вселенском соборе, бывшем в Ефесе (в 431 г.). Несмотря на соборное осуждение, несторианская ересь существовала до VII века в Персии, Индии и Китае.

[5] *Евтихианство* было основано Константинопольским архимандритом Евтихием, учившим, что Иисус Христос имел лишь одно естество — божеское, тогда как Православная Церковь всегда признавала и признает в Иисусе Христе два

лись хуления на Божество Христово и уничижаема была честь Пресвятой Богородицы; поэтому над городом Антиохией разразился гнев Божий. 29 мая, в полдень, в пятницу, здесь началось страшное землетрясение; вместе с тем огонь охватил весь город. Землетрясение разрушало каменные здания и городские стены, а огонь уничтожал все остальное; это должно было показать всем великий гнев Божий за грехи людские. Антиохия едва не уподобилась Содому и Гоморре[1], ибо большая часть города погибла, а вместе с тем погибло и бесчисленное множество граждан, причем одни из них погибли под строениями, падавшими на них, другие сожжены были огнем; в числе прочих скончался под обрушившейся колонной Антиохийский патриарх Евфрасий[2]. Тогда среди оставшихся в живых поднялся плач и горькое рыдание; жители же всех окрестных городов и стран пришли от всего происшедшего в великий страх и ужас. Божественный гнев, яростно обрушившийся на Антиохию, прозирали духовными очами некоторые из святых отцов, находившихся в весьма далеком от города расстоянии (как, например, преподобный Феодосий Великий[3], бывший в Палестине, преподобный Зосима[4], бывший в Кесарии Палестинской). Поэтому они со слезами начали молить Бога, не погубить до конца город, на который Он праведно прогневался.

После этого страшного землетрясения и сильного пожара императором Иустином был отправлен в Антиохию военачальник Востока, блаженный Ефрем, с целью обстроить город новыми зданиями. Ефрем с усердием исполнил данное ему поручение.

Среди работавших там был один, тогда никому не известный, епископ, который, сложив с себя сан и звание епископское, под видом нищего строил здание вместе с прочими работниками.

естества, неслиянные и нераздельные: божеское и человеческое. Евтихиане назывались еще — монофизитами (или «единоестественниками», — от греч. μόνος — один и φύσις — естество). Эта ересь была осуждена на IV Вселенском соборе, бывшем в городе Халкидоне в 451 году, но существовавшая и во времена святого Ефрема (IV век), и даже значительно позднее.

[1] *Содом* и *Гоморра* — палестинские города, лежавшие в долине Иорданской и известные своим нечестием, за что и были погублены Богом (см.: Быт. 19, 1–28).

[2] *Евфрасий* патриаршествовал с 523 по 527 год.

[3] Память его празднуется 11 января.

[4] См. житие его ниже под этим же числом.

Однажды военачальник Ефрем имел об этом епископе следующее откровение. Устав от работы, епископ лег уснуть на земле; тогда над ним увидали огненный столп, достигавший до неба. Блаженный Ефрем наблюдал не один, не два раза, но многократно и весьма ужасался по случаю виденного, ибо поистине чудо было страшно и исполнено ужаса.

Между тем воевода не знал, что этот работник был епископ, ибо по его внешнему виду нельзя было узнать, кто он такой. Он имел вид простого нищего: голова его была всегда в пыли, одежда представляла собой рваное рубище, испачканное грязью, тело его было истомлено от больших трудов и безмерного воздержания. Призвав к себе этого работника, Ефрем начал расспрашивать его наедине, кто он такой, откуда и как зовут его. Он же отвечал:

— Я один из беднейших жителей этого города; так как я не имею необходимого для жизни пропитания, то я тружусь за плату, и Бог питает меня.

Тогда Ефрем, будучи осенен Богом, сказал ему:

— Поверь мне, что я не отпущу тебя до тех пор, пока ты не выскажешь мне всей правды.

Не имея больше возможности скрывать себя, епископ сказал военачальнику:

— Дай мне слово пред Богом, что ты никому не расскажешь обо мне, пока я жив.

Ефрем клятвенно обещал ему это. Тогда работник сказал:

— Я был епископом, но оставил епископство для Бога и пришел сюда к неизвестным людям; трудясь здесь, я приобретаю своим трудом скромное пропитание; но имени моего и города, в котором я был епископом, я не скажу тебе. Ты же присоедини к той милости, которую ты оказываешь, еще одну милость. На этих днях Господь возведет тебя на епископский престол Антиохийской Церкви — *пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею* (Деян. 20, 28) Христос — истинный Бог наш. Итак, раздавай, как я сказал тебе, обильные милостыни и, противоборствуя еретикам, твердо стой за православную веру. Такими подвигами ты благоугодишь Богу.

Сказав это, неизвестный епископ удалился от Ефрема.

Между тем блаженный Ефрем, выслушав это, весьма изумлялся и сказал сам себе: «Сколько имеет Бог у Себя сокровенных рабов, Которых знает лишь Он один!»

Епископ же тот более уже не пребывал среди работников, а удалился куда-то в иное место; он не хотел быть узнанным людьми, ибо избегал суетной человеческой славы. Пророчество же его сбылось вскоре, ибо, по прошествии немногих дней, блаженный Ефрем судьбами Божиими был назначен патриархом великого города Антиохии.

Какова была ревность святейшего патриарха Ефрема о благочестии и вместе о святости, сие очевидно из нижеследующего.

Однажды ему было сообщено о некоем столпнике, проживавшем в окрестностях Иераполя[1], — именно Ефрему было сказано, будто тот столпник входил в общение с еретиками северианами[2]. Великий архиерей Божий тогда самолично отправился к нему и упрашивал его, и даже слезно умолял, отстать от Северова заблуждения и присоединиться к общению со святой соборной Церковью апостольской. Столпник на это ответил патриарху:

— Я никогда не присоединюсь к вашей Церкви!

— Каким образом желаешь ты, — спросил патриарх, — видеть доказательство того, что благодатью Господа нашего Иисуса Христа соборная апостольская Церковь свободна от заблуждения неверующих?

Желая устрашить патриарха, столпник ответил:

— Прикажем, господин патриарх, разжечь большой костер и войдем на него оба: будет правой вера того, кто выйдет из огня целым и невредимым; ему мы и последуем все!

Патриарх ответил столпнику:

— Тебе следовало бы послушать меня, как отца, и ничего не испытывать свыше сил наших. Но если ты хочешь испытать вещи,

---

[1] *Иераполь* находился в малоазийской области Фригии.

[2] *Севериане* — еретики, принявшие в видоизмененном виде монофизитскую ересь. Севериане, хотя и признавали, подобно еретикам-монофизитам, только одну природу в Иисусе Христе — божескую, но допускали в ней различие свойств божеских и человеческих; так они утверждали, что плоть Христова до воскресения была, подобно нашей, тленною. Название свое эта ересь получила от имени Севера, патриарха Антиохийского (с 512 по 518 год).

превосходящие силу моего ничтожества, то я, уповая на милосердие всесильного Сына Божия, верю, что для спасения души твоей Он сотворит это.

После этого патриарх сказал предстоящим:

— Да будет благословен Господь! Принесите сюда дрова.

Когда было принесено множество дров, патриарх приказал развести громадный костер около столпа, а затем сказал столпнику:

— Сойди со столпа, и, согласно словам твоим, пойдем оба в огонь.

Столпник изумлялся между тем горячей вере патриарха и его твердому упованию на Бога и не желал сходить со столпа.

Тогда патриарх сказал ему:

— Разве не сам ты решил так? Разве не этим именно способом захотел ты испытать Бога? Почему же ныне ты не желаешь вступить в огонь?

Вслед за тем патриарх, сняв омофор и став вблизи костра, возвел очи свои на небо и помолился Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, изволивший спасения нашего ради истинно воплотиться и родиться от Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии! Покажи нам ныне истинную веру».

Окончив молитву, патриарх бросил свой омофор в средину пламени.

Несмотря на то, что огонь горел около трех часов и дрова вполне разгорелись, патриарх вынул из огня свой омофор целым и нисколько неповрежденным.

Удивясь всему происшедшему, столпник познал, что истинная вера есть вера патриарха; поэтому отрекся от своего нечестия, прокляв Севера, обратился к святой соборной апостольской Церкви и из рук святейшего патриарха Ефрема принял святое причащение Божественных Тайн Тела и Крови Христовых и прославил Бога.

Этот великий угодник Божий совершил много и других чудес. После достойного управления паствой, он преставился к Богу[1],

---

[1] Кончина святого Ефрема последовала в 545 году. Святой Симеон Дивногорец был уведомлен свыше о кончине его; в момент его смерти он видел его душу, возносившуюся Ангелами к Богу (подробнее об этом можно читать в житии святого Симеона Дивногорца — 24 мая). Патриарх Фотий (управлял константинопольской Церковью с 857 по 867 год; затем вторично — с 877 по 886 год), свидетельствует о святом Ефреме, что, хотя он и был сирийцем по происхождению и языку, но не без искусства владел и греческим языком. Почти все сочинения свя-

Которому он послужил верою и правдою во все дни своей временной жизни. Он вошел в радость Господа своего, и Того, Кого благочестно прославлял на земле, он ныне прославляет на небе со всеми святыми. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ЗОСИМЫ

Преподобный Зосима был родом финикиянин и родился в приморском финикийском селении Синде, отстоявшем от города Тира на расстоянии двадцати стадий. Упражняясь в подвигах монашества, Зосима воздержанием, постом и иными просиявшими в нем добродетелями исходатайствовал себе столь великую благодать у Бога, что не только пребывал свободным от всякого смущения в своей совести, но и прозирал духовными очами своими в отдаленное будущее как настоящее. Его монастырь находился вблизи того селения Синды, в котором он родился.

Однажды случилось ему быть в Кесарии Палестинской, где в то время епископом был преподобный Иоанн, по прозванию Хозевит[1], взятый на епископскую кафедру за добродетельную жизнь против желания из обители Хозевитской, находившейся не очень далеко от Иерусалима, по дороге, ведущей к Иерихону[2]. В том же городе

того Ефрема были написаны в защиту православного учения о Лице Иисуса Христа и соединении в Нем двух естеств — божеского и человеческого, — против монофизитов.

[1] *Иоанн Хозевит* получил такое название от лавры Хузивской, в которой он подвизался. Эта лавра находилась в пустыне Хузив, или Хозева, между Иерусалимом и Иерихоном, недалеко от низменной долины Иорданской. Хузивская лавра возникла в V веке. Имя первого ее основателя неизвестно. Особенно процветала лавра в VI, VII и VIII веках, когда она славилась строгостью жизни своих подвижников. Иоанн патриаршествовал в VI веке. — Память его празднуется святой Церковью 3 октября.

[2] Город *Иерихон* находился на западном берегу реки Иордана, в очень плодородной долине, среди садов, изобиловавших пальмами, почему и назывался «городом пальм». Ныне на месте древнего Иерихона стоит бедная деревушка Риха.

Кесарии проживал некий благородный патриций[1], по имени Аркесилай, — муж благочестивый, украшенный всякими добродетелями. У него обитал преподобный Зосима, быв принят с честью и радостью. В тот самый момент, когда Антиохия рушилась от землетрясения[2], старец стал внезапно стенать, тяжко рыдать и испускать из глубины сердечной воздыхания; и пролил весьма много слез. Затем, попросив кадильницу и наполнив ее ладаном и горящими угольями, он окадил всех находившихся там: после этого он распростерся крестообразно на земле и стал со умилением молиться Богу.

Тогда Аркесилай спросил его:

— По какой причине ты так опечалился?

Он во всеуслышание ответил:

— Слуху моему возгремел шум от страшного разрушения и падения Антиохии; этот шум звучит и сейчас в ушах моих.

Аркесилай и другие, находившиеся там, удивляясь и ужасаясь, записали тот час, в который изрек преподобный, а затем вскоре ясно узнали, что сказанное старцем было истиной, ибо Антиохия пала в то самое время, когда старец, прослезившись, распростерся для молитвы и предвозвестил о том падении.

Было совершено преподобным много и других чудес; упомянем здесь о некоторых из них.

Случилось как-то вышеупомянутому Аркесилаю прийти в находившуюся в Синде обитель преподобного. Обитель же эта отстояла от Кесарии Палестинской на расстоянии пятисот стадий. В это время супруга Аркесилая по неосторожности выколола себе глаз спицей и жестоко страдала. Когда святой епископ Иоанн Хозевит узнал об этом, то с поспешностью отправился к ней осмотреть язву и увидал, что ресницы выпали у ней и глаз вышел из своего места. Тогда он приказал одному из врачей, бывших там, взяв губку, вложить выпавший глаз на свое место и привязать затем губку платком.

Когда все это происходило, к Аркесилаю поспешным шагом отправился посланный, дабы сообщить обо всем, случившемся в его доме. Аркесилай в это время находился в Синдийской обители и беседовал с преподобным Зосимою. Узнав о происшедшем в его доме, Аркесилай стал горько рыдать и рвать свои волосы. Преподобный

---

[1] *Патриции* были в Риме высшим сословием, вроде нашего дворянства.

[2] Имеется в виду землетрясение, бывшее в Антиохии в 526 году.

Зосима спросил его о причине плача и, получив ответ, пошел во внутреннюю келию свою, в которой, по своему обыкновению, всегда молился. Затем вскоре вышел к Аркесилаю с веселым и радостным лицом и сказал: «Иди к себе домой с радостью, ибо Хозевит, по дарованной ему от Бога благодати, исцелил твою жену; теперь у ней оба глаза совершенно здоровы; болезнь не причинила ей никакого вреда, ибо она чудесно исцелена Хозевитом».

Эти два чуда совершены были теми двумя праведными мужами в течение одного часа. Святой епископ Иоанн исцелил выколотый глаз женщины, преподобный же Зосима своими духовными очами издалека прозрел то исцеление и сообщил о нем Аркесилаю.

Однажды преподобный Зосима отправился в Кесарию; он взял с собою осла, на которого возложил свои вещи. На дороге его встретил лев; схватив осла, зверь побежал с ним в пустыню. Святой Зосима пошел по следам зверя.

Когда же лев, съев осла, насытился, старец подошел к нему и, улыбаясь, сказал:

— Вот что, друг! Идти мне весьма тяжело, так как я сильно устал по причине своей старости; я не в силах на состарившихся плечах своих донести ту тяжесть, которая была возложена на моего осла; поэтому понеси эту тяжесть ты, хотя это и противно твоему нраву, если ты хочешь освободить себя от Зосимы; потом же ты можешь снова стать злым и свирепым согласно твоей природе.

Тогда лев, как бы позабыв свою естественную ярость, стал ласкаться к святому и сделался кротким как агнец и самой своей лаской показывал знаки послушания. Святой Зосима, возложив на него тяжесть, которую нес осел, довел его до ворот Кесарии; затем, сняв здесь тяжесть, снова отпустил зверя в пустыню. Здесь, с одной стороны, обнаружилась всемогущая сила Господня, покоряющая в послушание Своим рабам свирепых зверей, а с другой — очевидно обнаружилось, что добродетельному человеку, исполняющему заповеди Господни и от всего сердца служащему своему Богу Творцу — повинуется и служит все остальное, даже и неразумные создания. И наконец этот случай с несомненностью доказывает всем святость Зосимы Финикийского[1]. Да будет же за все это слава Богу нашему, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

---

[1] Кончина святого Зосимы последовала в половине VI века.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТОГО ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ФЕОДОРА СТРАТИЛАТА[1]

Святой великомученик Феодор пострадал за имя Христово при нечестивом императоре римском Ликинии[2], в городе Гераклее[3], где святой был воеводою; временем его мученической кончины было восьмое февраля; ныне же празднуется перенесение честных мощей его из города Гераклеи в его отечественный город Евхаиты[4] согласно его распоряжению, ибо своему слуге Уару, взиравшему на страдания мученика и записывавшему их, святой Феодор дал такое завещание:

«Тело мое похорони в Евхаитах, в имении моих родителей».

Все, желающие получить более подробные сведения об этом святом, могут прочитать подробное описание страданий его, помещенное 8 февраля. Здесь же мы напомним лишь о дивном чуде, бывшем от иконы его. Об этом чуде свидетельствуют Анастасий Синаит[5] и Иоанн Дамаскин[6]. Чудо же было такое.

---

[1] *Стратилат* — с греческого — *воин, воевода*; такое наименование усвояется святому Феодору за то, что он, будучи воеводой земного царя, показал себя истинным воином Христовым, «предобрым воеводой Царя небесного», как воспевает ему святая Церковь в тропаре.

[2] *Ликиний* управлял восточной половиной Римской империи с 307 по 324 год. — Мученический подвиг святого Феодора относится к 319 году.

[3] *Гераклея* находилась в Понте, северной провинции Малой Азии.

[4] Город *Евхаиты* находился с северной части Малой Азии, недалеко от Гераклеи; ныне — местечко Марсиван.

[5] *Анастасий Синаит* — патриарх Антиохийский; управлял патриаршей кафедрой с 561 по 572 год, — потом — с 596 по 601 год. — См. житие его 20 апреля.

[6] *Иоанн Дамаскин* — знаменитейший церковный песнописец и богослов VIII века. Написал много высокоумилительных церковных песнопений; ему принадлежат каноны на Пасху, на Рождество Христово, на Богоявление и множество пес-

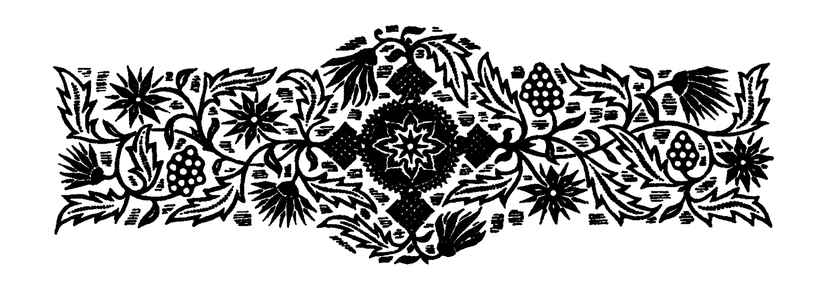
В четырех тысячах шагов от Дамаска[1] находится место, называемое Карсата; здесь стояла церковь, построенная в честь святого великомученика Феодора Стратилата. Когда сарацины завладели этим местом и поселились здесь, то многие из них входили в эту церковь и всячески ее оскверняли; так, например, загоняли в церковь свой скот, входили в ту церковь со своими женами и детьми и совершали здесь мерзкие греховные плотские дела. На одной из стен той церкви находилось изображение святого великомученика Феодора, нарисованное красками. Однажды, когда собрались в этой церкви многие сарацины и разговаривали между собой, один из них, взяв лук и стрелу, наметив, выстрелил в образ святого; стрела вонзилась в правое плечо святого, и тотчас от образа истекла кровь как от живого человека. Увидав столь великое чудо, сарацины весьма изумились, однако не вышли из церкви, но продолжали обитать в ней и совершать здесь нечистые дела, по своему обычаю. Всего проживало в этой церкви двадцать сарацин, причем каждый из них имел жену и детей; все они в скором же времени после чудесного происшествия погибли, будучи внезапно поражены горькой смертью; те же из сарацин, которые обитали вне церкви, пребыли в то время здравыми и невредимыми.

Анастасий Синаит говорит об этом образе святого, что он сам его видел и что на образе был знак от крови, истекшей из язвы.

Это чудо сотворил Господь нечестивым сарацинам для устрашения, а нам, верным, для напоминания того, что мы должны почитать святые иконы, ибо при них бывает и через них действует чудесная благодать Бога нашего.

нопений на дни памяти святых. Весьма обширны также его богословские сочинения. Важнейшее из них *«Источник знания»*, состоящий из трех частей: 1) «Диалектики»; 2) «Книги о ересях» и 3) «Точного изложения православной веры». Им написано, между прочим, *«Три слова против порицающих иконы»*. В одном из этих слов (именно — в третьем) святой Иоанн Дамаскин и повествует о нижеизалагаемом чуде от иконы святого великомученика Феодора Стратилата. — См. житие Иоанна Дамаскина 4 декабря.

[1] *Дамаск* — древнейший сирийский город, упоминаемый в Библии уже в истории Авраама (Быт. 14, 15); был расположен к северо-востоку от Палестины, в прекрасной и плодородной равнине, находившейся у восточной подошвы Анти-Ливана. В истории христианской Церкви Дамаск замечателен как место чудесного обращения ко Христу Савла (Деян. 9, 1–22). В 634 году покорен арабами; с 1516 года присоединен к Турецкой империи.

День девятый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
КИРИЛЛА,
архиепископа Александрийского

Великий учитель церковный — святой Кирилл Александрийский был родом из самой Александрии. Он происходил от благородных родителей-христиан и был по матери племянником известного Феофила, патриарха Александрийского[1]. Воспитание Кирилл получил по тому времени очень блестящее: он в совершенстве изучил всю светскую еллинскую мудрость, а также хорошо изучил Божественные Писания и христианское вероучение. Дядя Кирилла, патриарх Феофил, видя блестящие способности и целомудренный об-

[1] *Феофил* занимал Александрийскую патриаршую кафедру с 385 по 412 год. Известен в истории, главным образом, по своей вражде к Иоанну Златоусту. Отличаясь большим честолюбием, он стремился подчинить своему влиянию Константинопольского архиепископа, и потому после смерти Нектария, занимавшего византийскую кафедру с 381 по 397 год, интриговал в пользу того, чтобы на эту кафедру было избрано преданное ему, Феофилу, лицо. Когда, вопреки планам Феофила, был избран в епископы столицы святой Иоанн Златоуст, бывший до этого пресвитером в Антиохии, Феофил затаил против него злобу и сделался опорою противной Златоусту партии. Он принял деятельное участие в сложной интриге против константинопольского святителя, результатом которой было низложение последнего и двукратное изгнание из столицы. На «соборе при Дубе», составленном врагами Златоуста с целью низложения его, Феофил присутствовал в качестве председателя. Вообще отношения его к Златоусту были такого свойства, что ложатся темным пятном на его имени. Но в остальном Феофил был довольно мудрым иерархом и сделал много полезного для Александрийской Церкви.

раз жизни племянника, причислил его к своему клиру, поставив молодого Кирилла архидиаконом. И вот святой Кирилл был как благоуханный цветок, насажденный в церковном вертограде, цветущий возвышенной чистотой и облагоухающий богомудрым учением Христову Церковь.

По смерти Феофила блаженный Кирилл единогласно был избран на патриарший престол[1] и, став патриархом, немедленно удалил из города еретиков, называвшихся новацианами, которые были похожи на фарисеев, оправдывавших себя в глазах людей и утверждавших, будто они чисты и праведны и непричастны никакому греху. В знак якобы непорочной своей жизни новациане носили белые одежды и учили, что человека, впавшего после крещения в смертный грех, не следует принимать в церковное общение. Не может быть, — утверждали они, — прощения смертному греху такого человека, и только вторичным крещением можно омыть грех его.

Эта ересь произошла от Новациана, который в правление императора Декия[2] был пресвитером в Риме и, после мученической кончины папы Фабиана[3], стремился к получению папского престола[4]. Но, несмотря на все происки, ему не удалось достигнуть желаемого, и на папский престол был избран блаженный Корнилий[5]. Завидуя Корнилию, Новациан стал строить ему ковы и во всем противился ему. В то время Церковь испытывала жестокое гонение со стороны язычников[6], и многие из верующих, боясь жестоких мучений, мало-

---

[1] *Святой Кирилл* занимал Александрийскую патриаршую кафедру с 412 по 444 год.

[2] *Римский император Декий* царствовал с 249 по 251 год.

[3] *Фабиан*, епископ Римский, занимал Римскую кафедру с 236 по 250 год.

[4] Фабиан замучен был в январе 250 года, и кафедра его оставалась не занятой до июня следующего года, так как жестокости гонения не позволяли совершить избрание нового папы. Декий, будто бы, сказал, что он скорее бы согласился видеть претендента на императорский престол, чем нового епископа в Риме. В период этого годичного вдовства Римской Церкви Новациан, отличавшийся красноречием и ученостью, а также суровым образом жизни, пользовался большим влиянием и мог рассчитывать на избрание в епископы. Однако расчеты эти не оправдались.

[5] *Святой Корнилий* был папой в Риме с 251 по 252 год.

[6] Это было седьмое общее гонение на христиан. Оно направлялось, главным образом, против епископов и духовенства. Среди жертв гонения были Фабиан Римский, Вавила Антиохийский, Александр Иерусалимский, при этом в жизни

душно принесли жертвы идолам, а затем, приходя с покаянием, со слезами исповедовали грех свой. Видя их покаяние, святой папа Корнилий принимал их снова в общение со святой Церковью, подобно тому, как Христос принял горько плакавшего Петра. Между тем пресвитер Новациан противился папе, утверждая, что недостойно находиться в ограде Церкви Христовой тем, которые, отрекшись от Христа, принесли жертву бесам[1]. При этом он произносил хуления на святого папу, выставляя его сообщником идолопоклонников. Сам же он прервал с ним общение и, найдя себе некоторых единомышленников, сделался вторым папою в Риме[2]. Так возник раскол Новациана[3].

других святых мужей (как Киприана Карфагенского, Оригена, Григория чудотворца, Дионисия Александрийского) период этот ознаменовался ссылками и другими страданиями. Главной целью гонения было, однако же, не подвергать христиан смерти, но принуждать их к отречению. С этою целью они были подвергаемы пыткам, тюремному заключению и голоду, и при таких испытаниях твердость многих не выдержала.

[1] *Новациан* сначала не проявлял нетерпимости к падшим. Киприан, епископ Карфагенский, свидетельствует, что он был автором того письма, в котором римское духовенство признавало, что падшие могли быть допускаемы в церковь, если находились в смертной опасности. Но после избрания Корнилия он сделался вождем партии, которая проводила совершенно иное воззрение. Новациан стал учить, что хотя покаявшиеся падшие и могут быть допущены к божественному милосердию, и потому могут быть увещаемы к покаянию, однако же Церковь не имеет власти давать им отпущение и должна навсегда отлучать их от общения; иначе она теряет свой христианский характер и свои преимущества.

[2] Посвящение Новациана в епископы было произведено тремя епископами незначительных городов, которые призваны были сторонниками его под ничтожными предлогами и возложили на него свои руки вечером, после ужина.

[3] Новацианство находило на Западе многих последователей, и его начала сделались даже более строгими, чем были прежде. Приговор о пожизненном отлучении от общины, первоначально прилагавшийся только к тем, кто отрекся от веры, впоследствии был распространен и на всех тех, которые после крещения совершили более или менее тяжкие грехи. При этом новациане приняли название кафаров, то есть чистых. Они перекрещивали переходивших к ним из Церкви, считая общение с ней нечистым и ее священнослужения вследствие этого недействительными. Некоторые из новациан осуждали второбрачие, ставя его наряду с прелюбодеянием. Что же касается до главных истин Евангелия, то новациане были и постоянно оставались православными, и многие из них пострадали даже до смерти за свою веру.

Впоследствии новацианский раскол распространился повсюду, достиг до Александрии и существовал здесь до времени святого Кирилла. Здесь новациане допустили немало противных Православию действий. Так они вторично совершали крещение над совращаемыми в раскол, которые раньше были крещены в Кафолической церкви, и не дозволяли второбрачия, называя его грехом прелюбодеяния. Были у них и другие неразумные нововведения.

Святой Кирилл с самого начала своего патриаршества изгнал этих еретиков, вместе с епископом их Феопемптом, из Александрии. Затем он вооружился и против врагов рода человеческого — нечистых духов, которых он изгнал из их обиталищ.

В ста двадцати стадиях[1] от Александрии находилось одно селение, называвшееся Коноп[2]. Недалеко от него было место, именуемое Мануфин[3] (раньше то было селение). Здесь находилось древнее капище, бывшее обиталищем демонов: место это внушало всем ужас, и еще патриарх Феофил хотел очистить его от бесов и освятить для славословия Божия. Но отвлекаемый другими заботами, он не успел привести своего намерения в исполнение. Святой Кирилл, восприяв после Феофила Александрийскую кафедру, решил испол-

---

[1] *Стадия* равняется восьмидесяти семи с половиной саженям. Сто двадцать стадий составляет, таким образом, двадцать одну версту.

[2] *Коноп* расположен у устья Нила, называвшегося по имени его конопийским. До основания Александрии Коноп был самым значительным городом этой местности, но с возникновением этой столицы Египта значение его стало падать и ко времени введения христианства город исчез, — на его месте находилось потом незначительное селение.

[3] Место это, по известию о перенесении мощей святых мучеников Кира и Иоанна (см. ниже, 28-го числа), отстояло от Конопа на расстоянии двух поприщ, то есть около двух верст.

нить желание своего дяди и предшественника и усердно молился Богу, да подаст Он ему помощь свыше и силу для одоления и изгнания из Мануфина нечистых духов. И вот святому мужу явился в видении Ангел Господень, повелевая ему перенести в Мануфин честные мощи мучеников Кира и Иоанна[1], чтобы прогнать оттуда силу бесовскую. Святой Кирилл так и поступил, — принес в Мануфин мощи святых и устроил там во имя их церковь. Нечистые духи немедленно были изгнаны оттуда, и место то стало источником исцелений от мощей мучеников.

Изгнав, таким образом, невидимых бесов из предместий Александрии, святой приложил все старания, чтобы самый город совершенно очистить от бесов видимых, каковыми были христоненавистные иудеи. С давнего времени они проживали в том городе в бесчисленном множестве. Еще со времен Александра Великого и основания Александрии[2] здесь поселилось немало пришельцев из Иудеи, которые возросли в многочисленное племя. Ненавидя Христа и людей, носивших Его имя, они явно и тайно причиняли христианам всяческие озлобления и неприятности. Зловредны для города были упомянутые выше еретики-новациане, но несравненно злейшими и вреднейшими врагами были иудеи, которые не только возбуждали междоусобия в городе, но устрояли также многочисленные убийства и кровопролития. Призвав к себе начальников иудей-

---

[1] *Кир* и *Иоанн*, безмездные врачи, были замучены в Конопе в 311 году. Память их празднуется 31 января.

[2] *Александр Великий*, царь Македонский, покоривший своей власти весь культурный Восток, жил в конце IV века до Рождества Христова. Город Александрия, что в Египте, основан им для утверждения греческого владычества в 332 году до Рождества Христова. Сделавшись одним из самых богатых и цветущих городов Востока, он вскоре же после основания своего стал привлекать предприимчивых переселенцев из других стран и, между прочим, из Палестины — из среды тогдашнего иудейского населения ее. Иудеи Александрии составляли довольно значительную колонию, и квартал иудейский был очень густо населен. Филон, иудейский писатель, живший в I веке до Рождества Христова, говорит, что в его время в Египетской стране, преимущественно в Александрии, было более миллиона евреев. После взятия Иерусалима, Птоломей I поселил в Александрии многочисленную колонию иудеев и дал им равные права с греками. Римляне подтверждали за ними эти права, и Август учредил особый иудейский совет для заведования еврейскими делами под властью императорского префекта. Впрочем, при Каллигуле они лишились большинства своих привилегий.

ских синагог[1], святитель Божий увещевал их, дабы они удерживали народ свой от подобных злодейств. Но иудейские старейшины не только не вняли увещаниям святителя, но устремились на еще большую злобу.

В городе находилась большая и прекрасная церковь, именовавшаяся Александровской, по имени устроителя ее, епископа Александра[2]. Однажды иудеи вооружились как на войну, и с наступлением ночи подняли на улице среди христианских домов шум и смятение, крича: «Александровская церковь горит».

Услышав крик, христиане один за другим устремились из своих жилищ на мнимый пожар, с намерением затушить его. И вот безжалостные иудеи — тех христиан, которые выходили из ворот своего дома, немедленно рубили мечами, или поражали копьями, или ножами — словом, убивали чем попало. И было убито в ту ночь множество христиан.

С наступлением дня о происшедшем побоище узнал святейший патриарх Кирилл. Оправившись от скорби по поводу убиенных, он стал искать правосудия против иудеев. Но епарх города Орест, хотя и был христианин по вере, тем не менее, питая вражду против святого, помогал иудеям, защищая убийц. Тогда святой Кирилл сам от-

---

[1] *Синагога* — место религиозных собраний иудеев. Это были открытые здания, назначаемые для отправления общественного богослужения иудеев. По закону оно должно было совершаться в скинии и потом в храме Иерусалимском. Но во время плена вавилонского храм был разрушен, и потому явилась потребность в особых местах для собраний. Так появились синагоги. Синагоги можно было устроять во всяком месте, где только находилось достаточное число истинных поклонников из иудеев. Поэтому уже во времена Иисуса Христа и апостолов они были распространены всюду, где жили иудеи. Существовало некоторое сходство между устройством синагоги храма. В центральном помещении синагоги ставился шкаф, где хранились свитки закона Моисеева, который предлагался для чтения народу. Среди синагоги возвышался низший налой или кафедра. Некоторые из мест для сидения были сделаны выше прочих и назначались для старейшин, то есть престарелых или влиятельных лиц в общине. Старейшины составляли совет, которому принадлежало высшее управление синагогою. Председатель этого совета назывался начальником, или правителем, синагоги (см.: Мк. 5, 22; Деян. 13, 15). Начальники синагоги имели власть отлучать от общины нарушителей закона и подвергать их бичеванию. В синагогах разбирались также различные судебные дела.

[2] *Святой Александр*, бывший епископом Александрии с 312 по 326 год, один из первых поборников Православия, выступивший против ереси Ария.

правился со множеством христиан к иудейскому сборищу и изгнал из города всех иудеев, разорил жилища их и сжег их синагогу.

Епарх, пылая за это гневом на святого, стал причинять зло близким родственникам святого, а также и другим известным гражданам, которые были сторонниками патриарха. Так он подверг беспощадным истязаниям на площади грамматика[1] Иеракса, обнажив его. Между епархом и патриархом происходило большое разногласие. Ибо святейший патриарх защищал христиан, а епарх содействовал иудеям. Каждый из них писал от себя императору Феодосию Младшему[2], до тех пор, пока от последнего не вышел указ, запрещавший иудеям проживать в городе.

В то время на улицах города часто возникали возмущения и мятежи, во время которых погибало немало людей, не причастных к этим возмущениям. В Александрии проживала одна девица, по имени Ипатия, дочь философа Феона. Она была женщина верующая и добродетельная и, отличаясь христианской мудростью, проводила дни свои в чистоте и непорочности, соблюдая девство. С юности она была научена своим отцом Феоном философии и настолько преуспела в любомудрии, что превосходила всех философов, живших в те времена, как сообщает о ней Сисиний, епископ Птолемаидский[3] и Суида, прославлявшие ее многими хвалами. Она и замуж не пожелала выйти, отчасти из желания беспрепятственно упражняться в любомудрии и изучении книг, но в особенности она хранила свое девство по любви ко Христу. В Александрию отовсюду стекались все любители любомудрия, дабы видеть премудрую деву Ипатию и слышать ее разумные речи, так что она была учительницею многих. Ее почитали все духовные и мирские власти, почитал также весь народ, и многие прибегали к ней, ища ее мудрых советов. Желая примирить епарха с патриархом, она со смирением и кротостью приходила к обоим и мудрыми речами склоняла их к миру.

---

[1] *Грамматик* — учитель. Этим именем обозначались не просто учителя грамотности, но люди, в полном смысле обладавшие ведением всей греческой классической литературы, — изучавшие ее критическим путем — со стороны построения фразы и со стороны содержания.

[2] *Феодосий II*, или *Младший*, царствовал на Востоке с 408 по 450 год.

[3] *Птолемаида*, о которой упоминается здесь, находилась в Верхнем Египте (Фиваиде), на берегу реки Нил.

Святейший патриарх и сам изыскивал случая примириться с епархом, но тот, по своему злонравию, не желал даже и слышать о примирении. Однажды, когда Ипатия возвращалась откуда-то на колеснице к себе домой, ненавидевшие мир мятежники напали на нее и, вытащив из колесницы, разорвали на ней одежды и избили ее до смерти. Но звероподобная ярость их не остановилась на этом злодеянии, и они в ослеплении своей злобы стали издеваться и над мертвым телом девицы. Разрубив его на куски, они сожгли его в месте, называемом Кинарон[1].

Когда жители города узнали о происшедшем, то все, а в особенности любители наук, сильно жалели Ипатию. Между прочим, слух о происшедшем мятеже дошел до иноков Нитрийской горы[2]. Они исполнились скорби и жалости к неповинным жертвам мятежа и, собравшись в количестве до пятисот человек, пришли из пустыни в город, желая защищать патриарха. Случайно им попался где-то епарх, ехавший навстречу в колеснице. Увидя правителя, иноки стали кричать ему, укоряя его и называя еллином и идолопоклонником, потому что раньше он придерживался еллинской веры[3] и лишь недавно принял крещение в Константинополе. Один из иноков бросил в епарха камнем и попал ему к голову. Когда на крик окружавших епарха во множестве сбежался народ, иноки удалились от него; слуги же епарха схватили одного из иноков, по имени Аммоний. Епарх, предполагая, что иноки были возбуждены против него патриархом, сильно разгневался и предал Аммония жестоким пыткам и мучениям, среди которых он и умер. Узнав об этом, святейший патриарх сильно воскорбел духом и, повелев взять тело мученика, с почетом похоронил его.

---

[1] *Кинарон* — название городского квартала, близ соборной площади.

[2] *Нитрийская гора* находилась к югу от Александрии, на запад от реки Нил, близ Ливийской пустыни. Название свое гора получила от обилия нитры, или селитры, на озерах, примыкавших к ней. В ряду других пустынных местностей Египта Нитрийская гора была излюбленным местом обитания отшельников.

[3] *Эллинами* назывались греки. Религия их представляла собою яркое выражение антропоморфизма, то есть обожествление человеческой природы со всеми ее достоинствами и недостатками, а также обожествление различных проявлений человеческого гения. Боги греков — олицетворение различных свойств и проявлений телесной и духовной природы человека.

Между тем изгнанные из города иудеи, устроив для себя место зрелищ и игр, поставили для поругания Христа и оскорбления христиан длинный крест и, схватив некоего христианского отрока, распяли его распростертым на кресте. При этом они не гвоздями прикрепили его к кресту, но привязали веревками и долго ругались над ним, смеясь и плюя на него. Окончив насмешки, они били его до тех пор, пока он не умер на кресте, и так мученик Христов сделался подражателем Христовых страданий. Святой Кирилл, узнав об этом новом злодеянии иудеев, обратился с письмом к императору, которому он сообщал обо всех обстоятельствах случившегося, — и от императора, хотя и не скоро, но все же вышло справедливое распоряжение. По этому распоряжению иудейские начальники, стоявшие во главе замысливших указанное злодеяние, были казнены, епарх же уволен от должности.

После того святитель Христов Кирилл, победив смуту, злобу и вражду врагов христианского имени, благополучно пас вверенное ему словесное стадо овец Христовых.

Но когда утихли в Александрии описанные смуты, во всей поднебесной наступило еще большее волнение, возбужденное ересью Нестория, и святому Кириллу предстояло совершить новый — более великий подвиг. В церкви Константинопольской после кончины патриарха Сисиния[1], который был преемником Аттика[2], на патриарший престол возведен был Несторий[3], переведенный из Антио-

---

[1] *Святой Сисиний* занимал епископский престол в Константинополе с 426 по 427 год.

[2] *Святой Аттик* вступил на константинопольский престол в 406 году и занимал его до 425 года.

[3] *Несторий* занимал Константинопольскую кафедру с 428 по 431 год. До своего избрания во епископа столицы он был пресвитером в Антиохии (см. о ней ниже). Он отличался аскетическим направлением жизни и начал свою деятельность в Церкви, постригшись в монахи. Сверх того, Несторий имел склонность к учености и славился своим плавным и звучным ораторством; но в то же время его обвиняли в гордости и честолюбии, говорили, что любовь к славе заставляла его прибегать к показной святости в его жизни и к высокопарному слогу в проповеди. Как бы то ни было, он до своего избрания на Константинопольскую кафедру пользовался хорошей репутацией. Вдобавок к его личной славе особое доверие к его имени внушало в Константинополе то обстоятельство, что он вышел из одной и той же церкви с высокочтимым Иоанном Златоустом. Сделавшись епископом столицы, Несторий показал себя на первых порах ревностным поборником Пра-

хии[1], человек, как предполагалось, твердый в вере и добродетельный по жизни, но внутри тайный еретик. Он рассеивал среди верующих семена еретического учения, как плевелы среди пшеницы, сначала не сам лично, но через своих единомышленников. Ересь же его заключалась в хуле на Христа Бога и на Пречистую Деву Богородицу; ибо он, окаянный, утверждал, что от Девы Марии родился простой человек Христос, а не Бог, так как утроба женщины не могла вместить Бога, а только человека. По учению Нестория, Бог Слово соединился с Человеком Иисусом с самого момента зачатия лишь благодатию и обитал в нем, как в храме. Поэтому Деву Марию Несторий называл не Богородицею, но Христородицею. Ересь

вославия. Проповедуя в соборном храме в день своего вступления в сан, он обратился к императору со словами: «Дай мне землю, очищенную от еретиков, а я в свою очередь, дам тебе Царство небесное». Слова эти встречены были громким одобрением, но последующие обстоятельства показали, что Несторий сам был не тверд в Православии и являлся волком в овечьей шкуре.

[1] *Антиохия Сирийская* — один из древнейших и богатейших городов Сирии, столичный ее город; лежит при реке Оронте, верстах в десяти от впадения ее в Средиземное море; основан за 300 лет до Рождества Христова. Селевком Никатором и назван так по имени Антиоха, отца его. Для христианской Церкви Антиохия имела особенную важность, как второе после Иерусалима великое средоточие христианства и как мать христианских церквей из язычников. Самое имя «христиан» впервые дано было последователям Господа Иисуса в Антиохии; здесь же впервые возникли христианские миссии, потому что отсюда именно апостолы Павел и Варнава отправились в свое первое миссионерское путешествие и туда же возвратились (Деян. 13, 1, 4; 14, 26). Их второе путешествие началось там же, хотя они уже отправились не вместе (Деян. 15, 39, 40). Там же закончилось второе путешествие апостола Павла и началось третье путешествие (Деян. 18, 22. 23). В последующее время в Антиохии было немало замечательных соборов, созываемых по поводу еретических распрей. Церковь Антиохийская издревле пользовалась особыми преимуществами наряду с церквами Александрийской, Иерусалимской и Римской. С древнего времени при ней образовалась особая богословская школа, отличавшаяся трезвым рассудочным направлением, ясным изложением последовательного хода развития Божественного откровения и введением для истолкования Священного Писания историко-грамматического метода (то есть при посредстве исторических и грамматических справок). Своим происхождением школа обязана Антиохийскому пресвитеру Лукиану и его современнику Дорофею, жившим в III веке. Из нее вышли впоследствии Иоанн Златоуст, Феодор, епископ Мопсуетский, Феодорит Кирский и другие. Несторий также принадлежал к этой школе, но он трезво-рассудочные начала ее довел до крайних пределов и, в стремлении приблизить тайну воплощения к нашему пониманию, впал в ересь.

Нестория рассеивали среди народа находившиеся при Нестории его приверженцы, епископ Дорофей и пресвитер Анастасий, взятые им с собой из Антиохии.

Однажды в какой-то праздник Анастасий, говоря в соборной Константинопольской церкви поучение к народу, напал на употребление слова «Феотокос» — Богородица в приложении к Пречистой Деве Марии[1]. Именно он утверждал, что Деву Марию нельзя называть Богородицею, так как Она была человеком, а каким образом может родиться Бог от плоти человеческой? Проповедь вызвала ропот и шум в церкви. На Анастасия посыпались обвинения в ереси.

Когда же относительно этого был спрошен сам Несторий, то последний стал явно обнаруживать свое безумие и изрыгал яд своих хулений на Христа Бога и на Пречистую Его Матерь.

«Я не могу, — говорил он, — называть Богородицею женщину, родившую плотского Человека, одинакового с собою естества, ибо Она была Материю скинии, уготованной Святым Духом для обитания Божественного Слова. Поэтому справедливее называть ее Христородицею. Этим словом мы обозначим отношение ее к Тому, в Ком обитало Божество».

И вот среди народа наступили распри и раздоры: одни противились ереси и не желали иметь общения с Несторием, а другие, наоборот, соблазнялись еретическим мудрованием и принимали учение еретиков. Ересь эта возмутила не только Константинополь, но и все пределы земли, ибо нечестивый Несторий написал с своими единомышленниками в защиту своего учения множество сочинений, которые он разослал по окрестным городам, отдаленным странам и по пустыням, среди монашествующих[2]. Этим он произвел такой же раздор среди христиан, какой раньше его возбудил разодрав-

---

[1] Название Пречистой Девы Марии Богородицею, подвергнутое Анастасием и Несторием нападению, употреблялось в предшествующем веке Евсевием Кесарийским, Афанасием Великим, Григорием Великим, Григорием Нисским и другими; оно не означало того, что Пресвятая Дева сообщила божественную природу Спасителю, но утверждало только единение Божества и человечества в одном лице, «потому что Сын Божий принял на себя не личность человека, но только естество человека».

[2] Между прочим, списки проповедей Нестория обращались среди египетских монахов, и многие из них вследствие этого перестали называть Пресвятую Деву Богородицею.

ший Христову одежду нечестивый Арий[1], потому что многие из духовенства и мирян пошли по следам Нестория, как раньше многие шли по следам Ария.

Святой Кирилл, патриарх Александрийский, узнав о еретическом учении Нестория и об успехах его проповеди, возмутился духом и, как верный раб и храбрый воин Христа Бога и пречистой Матери Божией, вооружился против врага Христова и твердо стал за честь Божию и Пресвятой Богородицы. Он явился истинным пастырем овец Христовых, зорко наблюдающим за своим стадом и сражающимся с волком. Первоначально святой Кирилл любезно писал к Несторию, увещевая последнего отстать от лжеучения и исповеданием правой веры прекратить ту смуту, какую он возбудил в Церкви Христовой[2]. Затем, видя, что Несторий не исправляется, он написал к нему строгое послание, изобличая его заблуждение. Святой Кирилл писал также и к клиру Константинопольской церкви и ко двору царскому[3], убеждая не соблазняться учением Нестория. Он написал послание к папе древнего Рима Целестину[4] и прочим патриархам[5], сообщая им о ереси Нестория и упрашивая их увещевать последнего к покаянию. Сверх того, им были отправлены письма ко всем властям и епископам различных стран и городов, в которых (письмах) он предостерегал всех от увлечения ересью Нестория. Так как ересь эта совратила, между прочим, многих иноков, он писал и к ним, изъясняя им душепагубный вред ереси и отклоняя их от обольщения ею. Словом, святой Кирилл не переставал вопиять против этого волка до тех пор, пока совсем не отогнал его от стада Христова.

---

[1] Александрийский *епископ Александр* видел во сне явившегося Господа, на Котором была разодранная одежда. Когда он спросил явившегося: «Господи, кто разодрал Твою одежду? — то услышал такой ответ: «Неистовый и беззаконный Арий». Вскоре после этого Арий и выступил с своим еретическим учением о Лице Господа Иисуса Христа.

[2] С таким увещанием Кирилл обратился к Несторию в своем пасхальном послании 430 года.

[3] *Святым Кириллом* были написаны два особых трактата: один — императору Феодосию Младшему, а другой — императрицам Пульхерии и Евдокии, из которых первая была сестрой, а вторая — женой императора.

[4] *Целестин I* был епископом в Риме с 422 по 432 год.

[5] То есть патриархам Антиохийскому и Иерусалимскому.

Между тем Несторий не только не исправлялся от Кирилловых посланий, но устремился со своими приверженцами даже и на более худшее. Именно один из сторонников его, епископ Дорофей, в присутствии самого Нестория, встал в соборе на возвышение и громко произнес:

— Если кто назовет Деву Марию Богородицею, — да будет анафема.

И затем сам Несторий стал подвергать мучениям тех из духовенства и иноков Константинопольской церкви, которые сопротивлялись ему и не разделяли его ереси. Вместе с этим он с яростью ратовал и против святого Кирилла, тщеславно и гордо восставая на него и называя его еретиком, между тем как он сам был таковым. Измыслив затем много несправедливых и ложных клевет против святого и праведного, он распространял их среди народа, хуля и бесчестя имя Кирилла. Но александрийский святитель не обращал на эти клеветы никакого внимания и заботился единственно лишь о спасении душ человеческих.

Несмотря на такую деятельность Кирилла, волнения и смуты продолжались, и несторианская ересь день ото дня возрастала и все более вступала в силу. Уже многие из епископов заразились этим душепагубным еретическим учением и сделались последователями Нестория. Между прочим, ему оказывал некоторую поддержку Иоанн[1], патриарх Антиохийский, который, не одобряя того, что было сказано Несторием, все же просил Кирилла не придавать его словам особого значения. Это, однако, не могло потушить разгоревшийся пожар. Оставалось одно средство, чтобы прекратить смуту, — созвать Вселенский собор. Созвания собора в одинаковой степени желали и противники Нестория и его сторонники, причем каждая сторона надеялась, что учение ее восторжествует. И вот Феодосий Младший, уступая общим просьбам, решил созвать такой собор[2].

Назначив местом для собора малоазийский город Ефес[3], он при-

---

[1] *Иоанн I*, патриарх Антиохийский, занимал антиохийскую кафедру с 423 по 440 год.

[2] Указ о созыве Вселенского собора подписан был не только Феодосием, но и западным императором Валентианом III, царствовавшим с 423 по 455 год.

[3] *Ефес* — главный город малоазийской провинции Иконии, близ устья Каистра (ныне Кючок-Мендерец); служил средоточием для всей торговли передней Азии. Некогда славился знаменитым храмом Дианы. В христианской истории Ефес из-

гласил всех митрополитов и епископов империи собраться сюда к Пятидесятнице 431 года. При этом от себя он послал в Ефес комита[1] Кандидиана для присутствия на соборе в качестве императорского представителя.

Несторий прибыл в Ефес вскоре после Пасхи (19 апреля), сопровождаемый шестнадцатью епископами; перед самым праздником Пятидесятницы явился святой Кирилл во главе пятидесяти египетских епископов. Около сорока епископов прибыло из окрестных малоазийских городов[2]. Папа Целестин, вследствие болезней и старости, не мог явиться и отправил двух епископов и пресвитера в качестве представителей себя и «всего собора западного», с наказом руководиться суждением святого Кирилла. Всего съехалось около двухсот епископов, но Иоанн Антиохийский и другие сирские епископы, которые в большинстве держали сторону Нестория, все не являлись. Съехавшиеся на собор епископы напрасно прождали их до 21 июня и, не дождавшись, открыли, наконец, свои заседания (21 июня 431 года). Вследствие достоинств своей кафедры, святой Кирилл принял председательство на этом соборе, причем сопредседателями его были Ювеналий Иерусалимский[3] и Мемнон Ефесский. Но нечестивый Несторий оказал противодействие составленному собору и не являлся на него под предлогом, что он будет ждать прибытия Иоанна Антиохийского и сирских епископов. Отцы собора трижды приглашали его явиться, но он упорно отказывался. Тогда они приступили к рассмотрению сочинений Нестория и, по внимательном исследовании, осудили их, как еретические. Святой Кирилл представил собору свои письма к Несторию и другим лицам, в кото-

---

вестен как место обитания при конце жизни своей апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Поэтому церковь в Ефесе пользовалась большим уважением, как шедшая от апостолов, и епископы Ефеса получили в V веке патриаршие права, которые удержались за ними, впрочем, ненадолго.

[1] *Комит* — спутник. Так назывались лица, состоявшие в свите императоров. В описываемое время название *комит* стало почетным титулом, который давался высшим сановникам империи.

[2] Во главе этих епископов был Мемнон, епископ Ефесский, кафедра которого пользовалась в это время патриаршими правами. Впоследствии Ефесский епископ, с титулом митрополита области, был подчинен Константинопольскому патриарху.

[3] Ювеналий занимал Иерусалимскую кафедру с 420 по 458 год.

рых он изобличал нечестивое мудрование еретика, а также представил определения Поместного собора, бывшего перед тем в Александрии. Отцы собора согласились с учением святого мужа, признав его православным и богомудрым, и одобрили определение Поместного Александрийского собора.

Между тем прибыл в Ефес Иоанн Антиохийский с сирскими епископами. Узнав о ходе дела, он, в защиту Нестория, составил отдельный собор, на котором принимал участие Несторий и все его сторонники. Зараженный ересью Кандидиан оказал содействие этому беззаконному собору, и на нем святой Кирилл был несправедливо обличен в ереси Аполлинария[1], отрицавшей действительное человечество Христа и утверждавшей, будто Христос не имеет души, но вместо нее вмещает в себе Божество. Возводя на святого мужа такое обвинение, ложно клевеща на него, приверженцы Нестория стремились вооружить против него самого императора. На первых порах им удалось достигнуть своей цели. Император поверил их клеветам и повелел заключить святого Кирилла вместе с блаженным Мемноном, епископом Ефесским, в темницу[2]. Но потом, подвергнув все подробному исследованию и видя, с одной стороны, невинность праведного Кирилла, а с другой — явную ложь и злобу его врагов, Феодосий восстановил святого и доблестного святителя и его приверженца Мемнона в их должностях и ублажал похвалами терпение и кротость первого; еретиков же он повелел обуздать.

---

[1] *Аполлинарий* был епископом лаодикийским, в Сирии († 390 г.). Сначала он был одним из главных поборников никейского символа; но потом, в борьбе с ересью Ария, впал в противоположную крайность. Исходя из того положения, что совершенный Бог и совершенный человек не могут соединиться в одно Лицо и что если бы Христос был совершенным человеком, то Он не мог бы оставаться чистым от греховности и совершить искупление, — Аполлинарий учил, что Христос имел только две части человеческого существа — тело и душу, третью же часть, дух, заступало в нем — Божество. Ересь эта была осуждена на Александрийском соборе 362 года.

[2] Вместе со святым Кириллом и Мемноном был заключен под стражу, по повелению императора, и Несторий. Поступок этот показывает, что Феодосий думал путем устранения главных представителей двух враждебных направлений достигнуть примирения и соглашения между партиями. Более подробное знакомство с обстоятельствами дела побудило его отменить эту меру и дать свободу Кириллу и Мемнону.

Таким образом, святой Кирилл снова стал во главе святых отцов, собравшихся в Ефесе для рассмотрения мудрований Нестория. На этом соборе установлен был тот догмат веры, что воплотившийся от Пречистой Девы Марии Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, а родившая Его Пречистая Дева Мария есть истинная Богородица. Когда это состоявшееся определение было провозглашено народу, то большая радость была среди всех верующих, и все граждане города Ефеса торжественно восклицали, но не так, как некогда, когда они говорили: «Велика Артемида Ефесская»[1], — а совершенно другие слова: «Велика Пречистая Дева Мария Богородица». Несторий был осужден как еретик и богохульник и не только был лишен своего сана, но и отлучен от Церкви Христовой и предан вечному проклятию. К этому соборному определению присоединился потом и Иоанн Антиохийский с сирскими епископами. Император же сослал Нестория в отдаленнейшую страну, которая называлась Оасим[2]. Здесь, оставаясь нераскаянным, нечестивый Несторий и окончил жизнь свою в тяжких мучениях. Именно у него живого был изъеден червями богохульный язык его.

Сколь противно Православию происшедшее от еретика Нестория хуление Божией Матери, об этом говорит следующий случай, о котором рассказывает преподобный Иоанн в своем сочинении «Луг духовный»[3]:

---

[1] Здесь указание на известный случай, описанный в Деяниях апостольских (Деян. 19, 24–28). Случай происходил во времена апостольские в том же Ефесе, где тогда был знаменитый храм Артемиды (или Дианы, богини охоты) и где имя этой богини окружено было особым поклонением. По известию Деяний, когда апостолы Павел и Варнава пришли в Ефес и проповедовали здесь о суетности идолов, художники, которые в выделке моделей храма Дианы находили выгодный промысл для себя, подняли народное возмущение против апостолов, причем толпа кричала: «Велика Артемида Ефесская!» Впрочем, возмущение было остановлено блюстителем порядка.

[2] С именем *Оасима* известен оазис Ливийской пустыни, расположенный на запад от Верхнего Египта (Фиваиды); он назывался также Великим Ливийским оазисом. Здесь с давнего времени существовала греческая колония, служившая также местом ссылки.

[3] *Луг духовный* (по-гречески *Лимонарь*) — сочинение монаха Иоанна Мосха († 622 г.) и его ученика, святителя Софрония; оно написано в начале VII века и содержит в себе краткие сказания о подвижниках Палестины, Египта и Сирии.

Раз, — пишет он, — мы пришли к пресвитеру Коломанской лавры[1], авве Кириаку, и он рассказал нам следующее: «Однажды я увидел во сне, что за дверями моей келии стоит светозарная, прекраснейшая Дева, одетая в багряницу, и с нею два светолепных мужа. И узнал я, что это — Владычица наша, Пречистая Дева Богородица, а находящиеся с Ней мужи — святой Иоанн Креститель и святой Иоанн Богослов. Тотчас же я вышел из моей келии и, поклонившись, умолял Ее, дабы Она вошла ко мне и благословила мою келию, но Она не желала. Я в продолжение долгого времени умолял Ее, говоря: „Владычица! Пусть не удалится от Тебя уничиженным и посрамленным раб Твой“. И много других молений произнес я перед Нею. Тогда, видя мое прилежное моление, Она ответила мне:

— Ты имеешь в своей келии Моего врага, как же можешь высказывать после того пожелание, чтобы Я вошла к тебе?

С такими словами Она удалилась. Пробудившись от сна, я стал плакать и скорбеть, размышляя, — не согрешил ли я чем-нибудь перед Пречистою Девою в своих мыслях; ибо другого, кроме меня одного, никого не было в моей келии. Подробно исследовав себя, я не нашел ничего, чем бы я мог согрешить перед Нею. Видя, что скорбь снедает меня, я, дабы хотя немного развлечься среди печали моей, взял почитать книгу. То была книга блаженного Иерусалимского пресвитера Исихия[2], которую я попросил у него на время. Прочитав книгу, я увидел в конце ее два слова нечестивого Нестория и, таким образом, познал, какой именно враг Пресвятой Владычицы был у меня в келии. Тогда, встав, я понес книгу к тому, кто дал мне ее, и сказал ему:

— Брат, возьми твою книгу; я не столько получил от нее пользы, сколько вреда.

---

[1] *Лаврами* назывались обители, отличавшиеся большим количеством иноков и своим значением. *Лавра* — с греческого — часть города, переулок; так назывался обнесенный оградой или стеной ряд келий, расположенных вокруг храма или жилища настоятеля в виде переулков города. Иноки в лаврах вели отшельнический образ жизни и подвизались каждый в своей келии, собираясь вместе лишь для богослужения в первый и последний день недели, а в остальные дни храня безмолвие. Такой порядок иноческой жизни держали во многих лаврах и, в частности, в упомянутой лавре *Коломановой*. Лавра эта была расположена в пустыни Иорданской, вблизи Иордана и Мертвого моря.

[2] Память *преподобного Исихия*, пресвитера Иерусалимского, — в субботу сырную.

Он спросил меня, чем книга его причинила мне вред, а не пользу. И я рассказал ему о бывшем мне видении. Тогда он, исполнившись божественной ревности, вырезал из книги два слова Нестория и сжег их в огне, со словами: „Пускай не остается в моей келии враг Владычицы нашей — Богородицы и Приснодевы Марии“.

Не следует также умолчать и о том, как святитель Христов Кирилл — этот великий угодник Божий, при столь великой своей святости, тем не менее имел нечто зазорное в себе и противное благочестию, — дабы видеть чудесное его исправление. Он без причины гневался на Иоанна Златоустого[1] — святой на святого. Это не должно нас удивлять, потому что совершенство свойственно лишь одному Богу; из людей же никто не может быть совершенным сам по себе, если только о не примет *от полноты*[2] (Ин. 1, 16) Христовой; потому-то и святые, как люди, причастны человеческим слабостям. Такая слабость была и у святого Кирилла, именно в его отношениях к Иоанну Златоусту: он гневался на святого мужа не только при жизни последнего, но даже и после кончины его и не хотел поминать его во святых. Такой гнев Кирилла происходил не от злобы, но от неведения. Он, с одной стороны, от своего дяди, патриарха Феофила, с другой, от других, питавших вражду к Златоусту, слышал много несправед-

---

[1] *Святой Иоанн Златоуст*, патриарх Константинопольский; занимал патриарший престол столицы с 398 по 404 год. Ревностное служение его истине и Церкви Христовой, смелые обличения всевозможных пороков и слабостей тогдашнего общества возбудили против святого Иоанна злобу лиц, которых обличал святитель, и они предприняли против него целый поход, возводя на святого всевозможные клеветы и стремясь вооружить против него императора, императрицу, а также и других лиц. Результатом этих интриг против Златоустого было его низложение и двукратная ссылка из столицы империи. Вторая ссылка была в особенности жестокой. Святителя отправили в дикий Пифиунт, на берегу Черного моря, в Армении, но он, не доходя до этого города, истощенный трудностью пути и различными притеснениями в дороге, умер в Команах, в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии. Это было в 407 году. Кирилл Александрийский застал последние годы Златоуста, но лично едва ли мог знать Златоуста; однако так как против Златоуста враждовал дядя Кирилла, патриарх Александрийский Феофил, то естественно, что и он имел пристрастное суждение о Златоусте, будучи вовлечен в обман распространяемыми на святого клеветами.

[2] Ссылка на известное место: *от полноты Его все мы приняли благодать на благодать*, то есть от полноты благодатных даров в Иисусе Христе мы все в изобилии восприяли в себя действие благодати Божией.

ливых клевет против этого вселенского светильника и, по своему незлобию, придавал веру лжи, как истине. Ибо написано: *незло́бивый веру е́млет всякому словеси́* (слав. Притч. 14, 15). Константинопольский патриарх Аттик, живший раньше Нестория, в своих посланиях убеждал его вписать имя святого Иоанна Златоустого в церковные диптихи[1], то есть — в книги с именами святых. Сам Аттик раньше также был одним из врагов Иоанна Златоустого, но потом, понял невинность этого святого мужа и вместе с тем свой грех против него и раскаялся. Вступив на патриарший Константинопольский престол после Арсакия, он вписал в диптихи и Златоуста и, пока был жив, увещевал святого Кирилла письмами, в которых просил его поступить так же. Но последний не слушал его, не желая ниспровергнуть значение бывшего ранее собора против Иоанна, который был созван Феофилом[2].

Точно так же и святой Исидор Пелусиот[3] — родственник Кирилла, муж преклонных лет, — видя негодования многих на святого Кирилла за то, что он исключает Златоуста из числа святых, с дерзновением писал ему, увещевая рассмотреть беспристрастно обстоятельства осуждения Иоанна Златоуста.

«Пристрастие недальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит, — так писал Пелусиот в одном из своих посланий к святому Кириллу. — Поэтому, если желательно тебе быть чистым от того и другого недостатка, не произноси необдуманных приговоров, но

---

[1] *Диптихами* назывались деревянные, костяные или металлические дощечки, связанные друг с другом шнурами и служившие у древних греков и римлян памятными книжками. В христианской Церкви диптихи являлись с древнего времени поминальными книжками, в которые записывались имена епископов, мучеников и всех вообще святых.

[2] Имеется в виду, по-видимому, собор при Дубе, недалеко от Халкидона, на котором председательствовал Феофил и на котором святой Иоанн Златоуст был осужден и низложен.

[3] *Святой Исидор Пелусиот*, знаменитый подвижник, отличавшийся строгостью своей жизни, подвизался близ египетского города Пелусия. Скончался около 436 года. По своим сочинениям он был одним из великих отцов Церкви. Сочинения его состоят из писем, большая часть которых представляет собой толкование Священного Писания. Впрочем, есть много писем, написанных с целью увещания и вразумления различных современных ему лиц, а также с целью примирения враждующих. Число всех писем преподобного Исидора простиралось, как пишут, до десяти тысяч, но до нас дошло около двух тысяч девяноста.

подвергай деяния справедливому суду; потому что и Бог, Который знает все прежде, нежели придет исполнение, человеколюбиво благоволил снизойти с небес и видеть вопль Содомский (см.: Быт. 18, 20), научая нас делать все по точном исследовании. Ибо многие, бывшие с тобою на соборе Ефесском, в посмеяние говорят, будто ты удовлетворяешь собственной вражде, а не того православно ищешь, что требовалось бы для Иисуса Христа. Феофилов он племянник, говорят о тебе, и его держится духа. Как Феофил явно излил неистовство свое на богоносного и боголюбивого Иоанна, так и этому желательно похвалиться, хотя в положении подсудимого произошла большая перемена, ибо Иоанн уже претерпел изгнание и теперь не находится в живых».

В другом послании святой Исидор Пелусиот так писал Кириллу: «Устрашают меня примеры из Божественного Писания и вынуждают писать, о чем должно. Ибо, если я — отец, как говоришь сам ты, то боюсь осуждения, какому подпал Илий за то, что не уцеломудрил согрешивших сыновей[1]; а если, как вернее знаю, я — сын перед тобою, носящим на себе образ великого оного Марка[2], — то страшит меня наказание, какому подвергся Ионафан за то, что не остановил отца, искавшего волшебницы[3]. Ибо поскольку мог остановить, то

---

[1] Имеется в виду *первосвященник Илий*, живший во времена пророка Самуила. Он отличался добротою, но его доброта граничила со слабостью. Это в особенности обнаруживалось в его отношениях к детям, священникам — Офнию и Финеесу, которые позволяли себе разные бесчиния в скинии. Слабохарактерный Илий не обращал должного внимания на это, несмотря на неоднократные вразумления Божии. Тогда суд Божий не замедлил открыться над домом Илия. Наступила война с филистимлянами, и когда во время войны вынесен был в еврейское войско Ковчег Завета сыновьями Илия, то случилась катастрофа: сыновья Илия были убиты, ковчег взят в плен, а Илий, услышав об этом, упал с сиденья и умер (1 Цар. 2, 22–25; 4, 10–18)).

[2] Имеется в виду апостол и евангелист *Марк*, положивший начало христианству в Александрии и, по преданию, бывший ее первым епископом.

[3] *Ионафан* — сын Саула, царя еврейского. Когда Бог отступился от Саула и во время войны с филистимлянами не дал ему откровения об исходе войны, он решился обратиться к суеверию и пошел к волшебнице, жившей в Аэндоре, небольшом городке в колене Иссахаровом. Здесь он вызывал тень Самуила и пытался узнать об ожидающей его участи. В происшедшей затем битве войска Саула потерпели поражение, и три старшие сына его были убиты на его глазах; сам же Саул упал на свой меч и закололся.

умер на сражении прежде согрешившего. Поэтому, чтобы и мне не быть осужденным, и тебя не осудил Бог, прекрати распри, и того мщения за собственное оскорбление, какое следовало бы воздать смертным, не переноси в живую Церковь, — под предлогом благочестия не производи в ней вечного раздора»[1].

И еще в ином месте святой так писал Кириллу: «Ты спрашиваешь меня об обстоятельствах изгнания святого мужа Иоанна: но я не буду подробно писать о том, дабы мне не показаться человеком, обличающим и осуждающим других, ибо многочисленные несправедливости людей ко святому превзошли всякую меру. Я в кратких чертах припомню тебе жестоковыйный нрав Египта, который вблизи тебя[2]: он отрекся от Моисея, предался фараону, изъязвил ранами смиренных, озлобил тружеников, устроил города и не заплатил платы работникам[3]. Упражняясь в таких-то деяниях, он произвел на свет беззаконного Феофила, почитающего золото за Бога[4]; со своими единомышленниками он восстал на святого Иоанна — боголюбивого и проповедовавшего о Боге мужа. Несмотря на это, дом Давидов утверждается и умножается, а Саулов, как ты видишь, изнемогает[5]».

[1] Из-за Златоуста после его смерти происходили большие разногласия. В то время, как официальные представители Константинопольской и Александрийской Церкви не признавали его святым, в других церквах, например Римской и Антиохийской, он был вписан в диптихи и сопричислен к сонму святых. Но и в первых двух Церквах было немало сторонников Златоуста, которые не разделяли воззрений своих официальных представителей и считали его святым. На этой почве происходили споры и несогласия. В Константинополе сторонники Иоанна Златоустого отделились даже от Церкви и образовали раскол иоаннитов. Раскол этот был здесь прекращен только в 438 году.

[2] *Александрия*, расположенная на самом берегу Средиземного моря, и как город греческого происхождения, здесь считается как бы находящейся вне настоящего древнего Египта.

[3] Здесь указание на великие притеснения, которые производились во времена египетских фараонов над рабами — строителями пирамид и других египетских сооружений и, между прочим, над евреями. Истощаемые непосильной работой, они плохо кормились и не получали за свой труд никакой платы.

[4] Предшественник Кирилла по Александрийской кафедре, дядя его Феофил, отличался корыстолюбием.

[5] Выражение образное — указывающее на торжество праведного Златоуста после его смерти, признанного святым во многих церквах и имеющего большое число последователей и почитателей.

Таковы-то были писания святого Исидора Пелусиота к святому Кириллу. Они возымели на последнего такое действие, что он, прочитав их, стал сознавать свой грех. В особенности же он сознал его и совершенно раскаялся тогда, когда был устрашен следующим видением. Ему представилось, что он находится на некотором весьма прекрасном и исполненном неизъяснимого веселья месте. Здесь он увидел чудесных мужей — Авраама, Исаака и Иакова, и других святых, как ветхозаветных, так и новозаветных. Вместе с тем он видел там весьма обширный и светлый храм, красоту которого не в состоянии изобразить человеческий язык, и слышал в нем пение сладкозвучных голосов. Войдя в храм и изумляясь его красоте и великолепию, Кирилл узрел в нем в сиянии славы Пречистую Владычицу Богородицу, окруженную множеством Ангелов. Среди стоявших вокруг Богоматери находился на почетном месте и святой Иоанн Златоуст, сиявший подобно Ангелу Божию чудесным светом и державший в руке книгу своих сочинений; множество дивных мужей окружало его, подобно слугам. Все они были вооружены, как бы приготовившись к наступлению. И вот, когда Кирилл хотел припасть к ногам Богородицы, чтобы поклониться Ей, то святой Иоанн с находившимися при нем оруженосцами немедленно устремились на него, запрещая ему приближаться к Пречистой Матери Божией и прогоняя его из чудесного храма. Кирилл, видя негодующего против него Иоанна и себя выгоняемого из храма, пришел в трепет. Но вдруг он услыхал Пречистую Деву Богородицу, обратившуюся к Иоанну с ходатайством, чтобы он простил Кирилла и не изгонял его из храма, так как он согрешил перед ним не по злобе, а по неведению. Но Иоанн как бы не желал простить Кирилла. Тогда Пресвятая Богородица сказала: «Прости его для Меня, ибо он много потрудился для Моей чести, — прославил Меня среди людей и наименовал Богородицею».

Когда Пречистая Богородица изрекала эти слова, Иоанн немедленно смиловался и отвечал Богородице: «По твоему, Владычица, ходатайству я прощаю его».

Затем дружелюбно подойдя к Кириллу, он обнял и облобызал его, и, таким образом, они примирились друг с другом в видении.

После этого видения святой Кирилл стал каяться и осуждать себя за то, что до того времени напрасно держал гнев против такого угод-

ника Божия. Потом, собрав всех египетских епископов, он совершил торжественное празднование в честь святого Иоанна Златоустого и записал последнего в церковных книгах в сонме великих святых. Таким-то образом снято было пятно, лежавшее на святом муже Кирилле, который враждовал против святого Иоанна, причем вражду между Своими рабами рассеяла Сама Пречистая Богородица. С того времени, пока был жив святой Кирилл, он ублажал святого Иоанна Златоустого похвальными речами.

Остальное время своей жизни святой Кирилл прожил среди великих подвигов, заботясь не только о своем спасении, но и о спасении других и наставляя многих на путь праведный. Рассказывают о таком случае из жизни святого угодника Божия Кирилла. В Нижнем Египте проживал тогда некий старец, известный своей святой жизнью. Несмотря на это, он, как человек необразованный и простой, придерживался одного неправильного мнения; именно по своему невежеству старец утверждал, что Мелхиседек есть Сын Божий[1]. О таком мудровании его сообщено было святейшему Кириллу, и последний пригласил к себе того старца. Зная, что старец творит чудеса и так угоден Богу, что Бог исполняет всякую просьбу его, — и что о Мелхиседеке он мыслит неправильно лишь по своей простоте, — патриарх употребил такую мудрость, чтобы наставить его на путь истинный. Кротко обратившись к старцу, он сказал:

— Авва, умоляю тебя помочь мне разрешить одно недоумение: с одной стороны, рассудок приводит меня к тому заключению, что

---

[1] *Мелхиседек, царь Салимский*, священник Бога вышнего, упоминается в книге Бытия (14, 18) (ср.: Пс. 109, 3; Евр. 5, 6, 10; 6, 20; 7, 1, 10, 11, 15, 11). Когда Авраам возвращался с победы над царем Еламским и его союзниками, разграбившими Лота, Мелхиседек встретил его с хлебом и вином и благословил именем Бога Всевышнего. Авраам так высоко и так благоговейно принял это благословение, что дал Мелхиседеку десятую часть всей своей добычи. Кто был Мелхиседек, остается загадкой. Вероятнее всего, он принадлежал к племени аморреев, живших тогда в Палестине, ибо у них был царем и первосвященником. Салим, думают, то же, что потом Иевус, а затем Иерусалим (Пс. 75, 3). Можно догадываться, что Мелхиседек был особенный, славный во всей Палестине, служитель Бога истинного. Священное Писание скрыло подробности о нем, давая видеть в нем прообраз Христа. На прообразовательное значение священства Мелхиседека указывал еще царь и пророк Давид, когда говорил о Сыне Божием: *Ты священник вовек по чину Мелхиседека* (Пс. 109, 4). Но особенно ясно и подробно раскрыто прообразовательное значение Мелхиседека у апостола Павла в послании к Евреям (Евр. 7).

Мелхиседек есть Сын Божий, а с другой стороны, что-то говорит мне, что это несправедливо и что он обыкновенный человек и архиерей Божий. И вот я нахожусь в сомнении и недоумении, не зная, к чему прийти. Поэтому я нарочно призвал тебя, дабы ты помолился относительно этого Богу, прося Его открыть тебе о том. И что откроет тебе Бог, не откажись сообщить мне.

Полагаясь на свою богоугодную жизнь, старец смело ответил святому Кириллу:

— Дозволь мне, владыко, уединиться на три дня, по прошествии которых я вопрошу об этом Бога и сообщу тебе то, что будет мне открыто.

Потом удалившись в свою келию и затворившись в ней на три дня, старец молился Богу, чтобы Он открыл ему о Мелхиседеке. Получив просимое, он пришел к святому Кириллу и сказал:

— Мелхиседек человек, а не Сын Божий. И да будет тебе, владыко, известно, что это действительно, так.

Святой Кирилл весьма обрадовался, что спас душу того старца, и, поблагодарив, отпустил его. Старец, удалившись, стал проповедовать всем, что Мелхиседек человек, а не Сын Божий. Так мудро наставил угодник Божий невежду на путь истинный.

Пробыв на Александрийском патриаршем престоле тридцать два года и в течение своей жизни очистив Церковь Христову от всех бывших тогда ересей, написав много душеполезных сочинений[1],

---

[1] Сочинения святого Кирилла Александрийского по содержанию разделяются на изъяснительные, апологетические (в защиту христианства), догматические и нравоучительные. Из изъяснительных сочинений Кирилла самое лучшее — толкование на Евангелие Луки, отличающееся при краткости точностью изъяснения слов Писания. Замечательны также объяснения его на послания к Евреям и Коринфянам. Из толкований на Ветхий Завет следует отметить объяснения на Песнь Песней, затем — на пророка Исаию и меньших пророков. Превосходно сочинение святого Кирилла против Юлиана, составленное в опровержение сочинения, которое Юлиан, с помощью языческих философов, написал в защиту язычества и против христианства. Большая часть догматических сочинений Кирилла написаны по делу о Нестории. Таковы пять книг против Нестория. Здесь Александрийский святитель, не называя Нестория по имени, разбирает его учение. Относительно обширного сочинения о Святой Троице, известного под именем *Сокровище*, блаженный Фотий (патриарх Константинопольский) говорит, что оно отличалось основательностью и клонилось к ниспровержению еретического учения Ария и Евномия. Оно превосходит все другие ясностью. Два, не очень пространные, догматические сочинения

святой Кирилл в мире почил о Господе[1]. При исходе его предстояла Сама Пречистая Матерь Божия, так как он верно потрудился для Нее и доблестно подвизался за честь Ее. Он по достоинству сопричислен к святому Златоусту, и вместе с ним, пламенея никогда не перестающей любовью (ср.: 1 Кор. 13, 8), предстоит как Христу Богу, так и Пречистой Богоматери, пребывая в славе Ее, близ ее престола, и восхваляя преблагословенную Деву с рожденным Ею истинным Богом в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО **АЛЕКСАНДРА**, игумена Куштского

Этот преподобный был родом из города Вологды и принял иноческое пострижение в Каменном монастыре[2] при игумене Дионисии[3]. Избегая славы от людей, он ушел из этого монастыря, пришел на реку, по имени Кушту, находившуюся вблизи Кубенского озера, и по благословению Ростовского архиепискола Дионисия[4] построил церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного и славного

о Святой Троице и сочинение о воплощении составляют вид катехизического учения: эти сочинения важны по точности изложения православного учения. Особенного внимания заслуживает здесь учение об исхождении Святого Духа. Сочинение против антропоморфизма писано святым Кириллом для некоторых египетских иноков, которые, по неведению, представляли себе Бога в человеческом образе. Святой Кирилл сочинил много бесед. Замечательно слово его об исходе души, как по глубине чувств сокрушенного сердца, так и по мыслям о состоянии душ, разлученных с телом. Оно помещено в славянской Следованной Псалтири и греческом Часослове, как весьма назидательное для христиан.

[1] Кончина святого Кирилла совершилась 27 июня 448 года.

[2] *Каменный*, или *Каменский монастырь*, находился на пустынном острове Кубенского озера в нынешней Вологодской губернии.

[3] *Дионисий*, афонский постриженник, известен тем, что ввел в Спасокаменном монастыре строгий афонский устав и примером своей жизни многих привлек в эту уединенную обитель. Преподобный Александр принял от него пострижение.

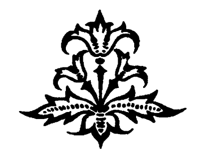
[4] *Дионисий* из игуменов Спасокаменного монастыря в сан Ростовского архиепископа был возведен в 1418 году.

Ее Успения. Ярославские князья Димитрий и Симеон[1], узнав это о святом, пришли в великую радость и дали ему значительное пособие на церковные и монастырские нужды, а по смерти князя Димитрия супруга его, княгиня Мария, видя подвиги святого, пожертвовала ему на содержание монастыря, в память мужа своего, селение с крестьянами. После этого святой Александр еще более усилил труды свои. Он вместе с братией сам обрабатывал землю и собирал много плодов.

Преподобный прожил от рождения своего шестьдесят лет, два месяца и два дня и преставился в вечную жизнь в 1439 году, 9 июня[2]. Он был среднего роста, телом весьма сухой, голову имел средней величины, лицо — круглое, глаза — кроткие, бороду — густую и круглую, доходившую до груди, волосы — темно-русые с проседью.

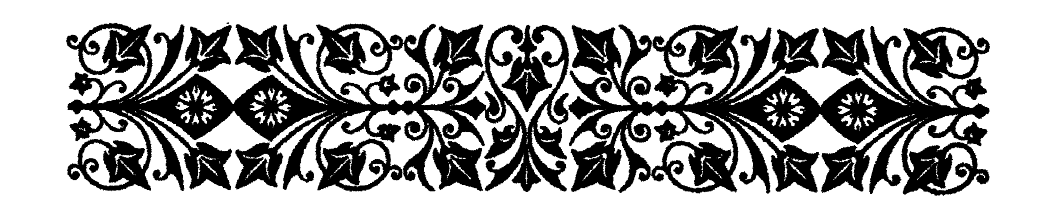
В тот же день **память святых мучениц: Феклы, Марфы и Марии**, в Персии пострадавших в 346 году.

В тот же день **преставление преподобного Кирилла**, игумена Белоезерского, в 1427 году.

[1] *Князь Димитрий Васильевич* был не ярославским, а заозерским, или кубенским, князем, и его резиденцией было местечко, ныне село Кубенское Устье, находившееся в трех верстах от обители преподобного Александра; Ярославским же князем был брат Димитрия, Симеон Васильевич, скончавшийся около 1320 года.

[2] Почитание преподобного Александра началось с XVI века. Мощи его находятся в Куштском монастыре, который в 1838 году приписан к Спасокаменному монастырю.

День десятый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ВАССИАНА,
епископа Лодийского[1]

Описывать ныне жития святых, мужественно вооружавшихся, при помощи Божией против плотских похотений, и предавать память о них последующим поколениям, полезно по двум причинам. Во-первых, воспоминая мужественные подвиги святых, мы веруем, что и святые воспоминают нас перед Богом; во-вторых, описывая подвиги и мужество святых, мы тем самым побуждаем себя и других подражать этим подвигам. Имея это в виду, мы и постараемся вкратце описать жизнь и подвиги святого Вассиана, епископа Лодийского и исповедника; при помощи этого угодника Божия мы предложим описание его подвигов, ради которых он удостоился быть участником небесного Царствия.

Этот святой муж с малых лет был старцем, конечно, не числом лет, но разумом и добронравием. Отец его Сергий, правитель Сиракузской страны[2], держался еллинского нечестия.

Он послал сына своего в Рим для изучения языческой философии, чтобы тот мог быть преемником власти отца и искусным правителем граждан. От природы мудрый и рассудительный, Вассиан

[1] *Лодия*, или *Лавда*, находилась вблизи Медиолана. *Медиолан* — древний город Цизальпинской Галлии или нынешней Северной Италии, — центр наук и искусств; ныне — главный город итальянской области Ломбардии.

[2] *Сиракузы* — одна из первых греческих колоний на восточном берегу острова Сицилия, основанная за восемь веков до Рождества Христова; впоследствии самый большой и богатый город острова.

с прилежанием стал изучать философию и преуспевал в обучении. В это время он услыхал об имени Христовом и о жизни христиан[1] и тогда же восхотел всем сердцем переменить еллинскую философию на христианское душеспасительное любомудрие; поэтому он стал размышлять, — кому из слуг своего отца (которым он был поручен) он мог бы открыть тайну своего сердца.

Господь же, не желая надолго отдалять воина Своего от предназначенного ему делания, три раза возвещал в сонном видении одному благочестивому пресвитеру о желании и намерении юноши Вассиана сделаться христианином. Пробудившись ото сна, пресвитер стал обходить все училища города Рима, стараясь найти в них того юношу, которого указал ему Господь в сонном видении. Наконец, после долгих поисков пресвитер, с помощью Божией, нашел того, кого искал, и спросил его, откуда он родом, кто его родители и почему он живет в Риме?

Удивился пресвитер мудрым и рассудительным ответам отрока Вассиана, когда тот рассказал о себе все подробно, и понял, что это и есть тот юноша, которого он искал.

Как любящий отец, пресвитер обнял юношу и облобызал его; затем взял с собой в дом, где рассказал ему о видении, которое ему было от Бога; после этого оба они прославили Бога. Вслед за тем Вассиан припал к ногам пресвитера и умолял его, чтобы он поскорее соделал его христианином. Пресвитер прежде всего стал поучать юношу истинам святой веры и объяснял ему таинства христианского закона. Юноша, слыша это учение, умилялся и распалялся любовью ко Христу. Затем пресвитер огласил его[2] и научил, как он

---

[1] Из дальнейшего повествования видно, что святой Вассиан слыхал о христианах еще в детстве (житие повествует, что Вассиан, будучи младенцем, чертил на земле знамение креста); но в Риме Вассиан более обстоятельно познакомился с христианством и имел возможность лично наблюдать самую жизнь христиан.

[2] Обыкновенно все, приступавшие ко крещению, в древней Церкви подвергались предварительно оглашению — то есть изустному наставлению в истинах веры христианской. Оглашенным дозволялось присутствовать лишь при совершении первой (проскомидии) и второй (литургии оглашенных) частях Божественной литургии; перед третьей частью (литургией верных) оглашенные должны были выходить из церкви, о чем и оповещалось возглашением диакона: «Оглашенные, изыдите». Срок оглашения был различен: он продолжался от нескольких дней или недель до нескольких месяцев и даже лет.

должен держать себя во время святого крещения. С этого времени Вассиан стал часто приходить к честному пресвитеру с одним своим старейшим рабом, который был ему верен во всем, поучаясь в христианском любомудрии из богодухновенных уст своего духовного учителя.

По оглашении Вассиан начал проводить суровую жизнь: днем постился и молился, ночью же пребывал или в молитве, или за книжным чтением, предаваясь сну лишь на небольшое время. Из предлагаемой ему пищи он вкушал только третью часть, а остальные две части раздавал нищим.

Между тем времени прошло довольно много; настал, наконец, час крещения Вассиана. Вассиан с верным рабом своим отправился в дом пресвитера, где и было совершено святое крещение. Когда Вассиан, по обычному чину крещения, вошел во святую купель, он увидел юношу прекрасного лицом, сиявшего как солнце; этот юноша прислуживал при крещении и держал одежду, в которую должен был облечься новокрещеный, по выходе из купели. Блаженный Вассиан дерзнул спросить его:

— Кто ты? Откуда ты?

— Я давно послан к тебе, — отвечал юноша, — чтобы помочь тебе выполнить твое святое намерение и отогнать прочь все то, что противно сему намерению.

Сказав это, юноша стал невидим. По отшествии юноши комната наполнилась дивным благоуханием, ощущавшимся с полчаса, так что все, бывшие там, думали, что они находятся не на земле, а на небе.

После святого крещения Вассиан стал проводить еще более строгую жизнь, умерщвляя свое юное тело и порабощая его духу. Приставники и слуги, которым правитель Сергий приказал беречь Вассиана как зеницу ока, не зная Вассиановой тайны[1], сильно удивлялись, даже обеспокоились, видя его необычное воздержание; они недоумевали, почему он принимает так мало пищи и питья, почему он проводил ночи без сна, почему лицо его бледнело, а тело его истощалось? Видя все это, они спрашивали с недоумением друг друга: «Ради чего так изнуряет себя господин наш?»

---

[1] То есть не зная того, что он был христианином.

Старейший же раб, верный святому Вассиану и знавший его тайну, говорил им: «Не дивитесь этому, так как философское учение может быть постигнуто только такими учениками, которые презрели все страсти и довольствуются только тем, что необходимо для поддержания жизни. Поэтому знайте, что наш господин, желая изучить высочайшее любомудрие, и возложил на себя таковое воздержание и бодрствование».

Но слуги не удовольствовались этим ответом; при этом они вспомнили, что Вассиан, еще младенцем, писал иногда на песке знамение креста или слагал солому наподобие креста, за что кормилица его часто на него гневалась. Наконец, после различных дознаний, следя за тем, куда Вассиан ходит, слуги стали догадываться, что господин их принял христианскую веру и проводил жизнь сообразно христианскому учению. От этого они пришли в немалое смущение и страх, так как боялись гнева отца Вассианова, Сергия. Окончательно они уверились в том, что Вассиан христианин, по следующему случаю.

Однажды, после всенощного бдения и всенощных трудов, блаженный юноша, утомившись, крепко заснул. Во время сна он стал произносить слова молитвы, призывая Бога, Единого в Троице, и прося направить его на путь к славе, обещанной всем, любящим Его. По молитве был слышен голос свыше: «Радуйся и веселись, вернейший воин Христов, Вассиан! Молитва твоя принята Богом и тебе уготовано прекрасное место на небе».

После этого события слуги окончательно убедились, что Вассиан — христианин; поэтому они тайно, один за другим, отправились обратно в Сиракузы к старому господину своему, правителю Сергию, с неприятной для него вестью; они возвестили правителю, что сын его, Вассиан, принял христианскую веру.

Сергий, будучи идолопоклонником, сильно опечалился по поводу этого и стал размышлять, как бы отвратить сына своего от христианства: ласками или угрозами.

Так мало-помалу от Вассиана ушли из Рима все слуги; остался при нем лишь один старый и верный слуга, который тоже был христианином. На место удалившихся отец Вассиана пожелал послать новых слуг чтобы они, взяв Вассиана из Рима, привели его к нему.

В это время святому Вассиану пришлось войти ночью, в первое пение петухов[1], в церковь святого евангелиста Иоанна Богослова[2]. Здесь, молясь по обычаю, он увидел честного мужа, украшенного сединами, который сказал ему следующее:

«Знай, верный исповедник Христов, что тебе необходимо вместе с верным рабом твоим идти отсюда в город Равенну[3], ибо отец твой, родивший тебя к жизни плотской, намеревается воспрепятствовать спасению твоему душевному; беги отсюда, дабы он не совратил тебя с правого пути. Ради этого милосердый Бог, не оставляющий Своих рабов, послал меня, Своего апостола, возвестить тебе об этом, чтобы посланные твоим отцом, найдя тебя здесь, не воспрепятствовали тебе убежать отсюда».

Святой Иоанн Богослов после этих слов отошел от Вассиана.

Блаженный Вассиан, весьма возвеселившись сердцем по поводу апостольского явления, стал полагать многие поклоны с молитвой к Богу, прося не оставить его помощью Своею. После молитвы Вассиан возвестил все виденное и слышанное своему слуге. На следующее утро они раздали все свои вещи неимущим и, приняв благословение от духовного отца своего Гордиана, вечером вышли из Рима и отправились в Равенну.

После нескольких дней пути в дороге святой Вассиан увидел оленицу с двумя детенышами; животные уже обессилели и изнемогали от преследования гнавшихся за ними охотников. Охотники почти настигли оленей. Увидев это, святой сжалился над оленицей и над ее детенышами и сказал ей: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, повелеваю тебе без страха прийти ко мне».

Оленица тотчас же, как бы поняв слова, сделавшись кроткой, остановилась и без боязни подошла к святому со своими детены-

---

[1] Первые христиане, по примеру древних евреев, делили ночь на четыре части (по три часа в каждой), называвшиеся стражами. Пение петухов, бывшее в третью стражу, называлось *петлоглашение* или *куроглашением*.

[2] Память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова празднуется 26 сентября и 8 мая.

[3] *Равенна* находилась в так называемой Циспаданской Галлии, на берегу Адриатического моря. Природа и искусство сделали из этого города сильную, почти неприступную, крепость, почему Равенна считалась оплотом Италии. Римские императоры, начиная с Гонория (395–423 гг.), избирали ее своим местопребыванием.

шами. Вассиан стал гладить ее рукой, как бы животное давно к нему привыкшее; оленица же лизала ноги его.

Когда охотники, гнавшиеся за оленицей, добежав, увидели, что оленица стоит перед путником кроткой и тот гладит ее рукой, то весьма удивились, недоумевая, как могла перемениться так скоро дикость животного в кротость. При этом один из охотников, злонравный и жестокий, сказал своим товарищам: «Безумцы! Для чего мы медлим и почему не берем свою добычу?»

Сказав это, он стал отнимать оленицу из рук святого.

«Не я, но Бог Высший повелевает тебе, — сказал охотнику святой Вассиан, — не делай никакого зла ни этому дикому животному, ни детенышам его».

Охотник с гневом и дерзостью осмелился оттолкнуть руку угодника Божия; но тотчас же за такое дерзостное дело напал на того жестокого охотника бес, который стал сильно мучить его. В муках он упал на землю, стал кричать страшным воплем, испускать пену и, оцепеневая, сделался как бы мертвым. Ужаснулись тогда и затрепетали от страха остальные охотники и, припав к ногам святого, со слезами стали просить прощения, боясь, как бы и их не постигла подобная участь. Вассиан повелел им отступить от этого места, а сам простерся крестообразно для молитвы и, обратив весь ум свой к Богу, стал молиться: «Боже, — чудный Создатель всего, Боже милосердый, — Спаситель падшего рода человеческого, веселящийся не о погибели мертвых, но о спасении живых: прости лежащего в несчастии, по неведению согрешившего и прогневавшего Твою благость!»

В таковых и им подобных умилительных словах молился святой. Встав от молитвы, он подошел к человеку, лежавшему на земле, взял его за правую руку и сказал бывшему в нем бесу: «Диавол! Тот, Кто низвергнул тебя с высоты небесной в бездну, повелевает тебе тотчас оставить образ Божий — этого человека — и удалиться в уготованный для тебя тартар[1], где ты будешь мучиться вовеки».

Еще святой не успел докончить этих слов, как враг рода человеческого уже вышел из человека, которого даже в малое время измучил так сильно, что тот был почти при смерти. Когда же охотник

[1] Под именем *тартара* древние греки разумели темную бездну, находившуюся в глубине земли.

стал приходить в себя, то не видел ничего глазами своими и лежал на земле неподвижно.

Святой снова стал молиться Богу и, по молитве, осенил крестным знамением глаза охотника, которые тотчас открылись, так что охотник стал видеть. Затем Вассиан оградил всего его крестным знамением и повелел ему встать, и встал охотник здоровым, как бы не потерпевшим никакого вреда.

С трепетом взирали на это чудесное происшествие стоявшие вдали, другие охотники; потом подошли к святому и поклонились ему. Вместе с ними кланялся и получивший исцеление, который просил прощения у святого и усердно благодарил своего исцелителя. После этого все разошлись по своим местам: охотники к себе домой, оленица с детенышами была отпущена на свободу, а сам святой Вассиан со своим рабом отправился в дальнейший путь.

Прибыв в город Равенну, Вассиан отправился к епископу этого города, Урсу, который был ему родственником. Епископ, увидав своего родственника, очень возрадовался и особенно, когда узнал, что он верует во Христа и ради любви ко Христу презрел все и стал странствовать. По желанию Вассиана, епископ отвел для него спокойное место вне города при церкви святого священномученика Аполлинария[1], первого епископа города Равенны, рукоположенного святым верховным апостолом Петром[2] и пострадавшего в царствование Веспасиана[3] за имя Христово. При этой церкви нашлось очень удобное для Вассиана место: здесь он, пребывая в уединении, отвергшись мира и всего мирского, мог усердно работать Богу, подвизаясь в посте и молитве.

Господь скоро прославил раба Своего: Он даровал ему чудесную благодать исцелять телесные болезни молитвой и душевные недуги — богодухновенными поучениями. За все это он от всех окружающих приобрел уважение, любовь и славу.

В это время от царя Валентиниана[4] пришло повеление к правителю города Равенны и ко всем гражданам этого города: предать смерти городского судью по имени Вифимния; случилось же это

---

[1] Память *святого священномученика Аполлинария* празднуется 23 июля.

[2] Память *святого апостола Петра (и Павла)* совершается 29 июня.

[3] *Император Веспасиан* царствовал с 70 по 79 год.

[4] *Император Валентиниан II* царствовал с 383 по 392 год.

по тому, что клеветники оговорили Вифимния перед царем в больших преступлениях, будто бы совершенных им. Вифимний был связан и приведен на то место, где его должны были обезглавить. Здесь он вспомнил святого Вассиана и так сказал про себя: «Раб Божий Вассиан! По благодати, дарованной тебе Богом, будь мне помощником!»

Сам правитель города и множество народа находилось здесь, желая видеть кончину Вифимния. И вот Вифимний уже преклонил выю для отсечения, а палач, держащий обоюдоострый меч, поднял его, чтобы с силою ударить по вые Вифимния. Но в это мгновение произошло неожиданное событие. Меч выпал из рук палача и упал вдалеке от того места. Палач снова взял меч и, схватив его крепче прежнего руками, поднял, чтобы обезглавить Вифимния, но как только размахнулся, меч снова, как и прежде, выпал из его рук и упал вдали. Палач опять с гневом схватил меч, но снова произошло то же. Все были поражены этим чудом. Правитель города, думая, что палач щадит осужденного из-за награды, которую думал получить, удалил этого палача и приказал другому усечь Вифимния. Но и с другим случилось то же самое: меч до трех раз невидимой силой выхватывался из рук палача и падал вдали. После этого правитель города, удивляясь и страшась происшедшего, приказал отвести осужденного с места казни, тем более, что и народ требовал освобождения Вифимния, ибо сила Божия защищала его от смерти.

Вифимния посадили в темницу и послали известие к царю, что осужденного не могли усечь два палача. На это известие немедленно пришло от царя милостивое повеление — освободить Вифимния от смертной казни и простить его вину.

Вифимний не скрывал, но, наоборот, говорил о своем, по Боге, заступнике, святом Вассиане, которого он в своей молитве призывал себе на помощь. Освободившись из темницы, он отправился к святому и, лобызая его ноги, воздавал ему благодарение, но святой угодник Божий повелел ему благодарить только одного Бога, избавившего его от смерти. С этого времени все жители города стали с большим почтением относиться к святому, взирая на него как на Ангела Божия и прибегая к нему за помощью.

Клир же и знатные граждане сообща стали просить епископа убедить святого Вассиана принять священнический сан, так как

тогда богоприятная молитва Вассиана, возносимая им при совершении бескровной жертвы, будет сильнее перед Богом. Таким образом угодник Божий, хотя и не по своему желанию, был хиротонисован в священнический сан, в коем он провел довольно продолжительное время.

В это время скончался верный слуга Вассиана, пришедший с ним из Рима. Святой Вассиан стал совершать бескровную жертву о его упокоении. В седьмой день по преставлении слуги, во время литургии, преподобный, прилежно молясь о упокоении души новопреставленного, услышал голос с неба, известивший его, что душа почившего получила милость от Бога и причислена к лику святых. Об этом известии Вассиан сказал Вифимнию, находившемуся в церкви за литургиею, и тогда оба они возрадовались духом о спасении души преставившегося.

Около этого времени в городе Лодии, в Лигурии[1], умер епископ. Жители этого города наложили на себя трехдневный пост и усердно молились ко Господу, прося Его послать достойного мужа, который бы, войдя на святительский престол, мог благоуспешно управлять Церковью Христовою.

Во время общего поста и молитвы одному из пресвитеров соборной церкви, по имени Климент, мужу добродетельному и честному, уснувшему после церковных трудов, в сонном видении явился некий светоносный муж и сказал: «Знайте все, что вам уготован Богом во епископы пресвитер Вассиан, пребывающий в городе Равенне и украшенный дарованиями Божиими».

Пробудившись, Климент тотчас же призвал честнейших мужей из клира церковного и мирян, которым и возвестил о сказанном ему Господом в видении. Тогда избрали знатных мужей и послали их в Равенну с просьбою ко святому Вассиану — прибыть к ним в Лодию и принять святительский престол.

Святому же Вассиану, еще прежде нежели посланные пришли в Равенну, Бог в ночном видении открыл о их пришествии и повелел, не отказываясь, идти с ними.

Поутру лодийские посланные пришли к святому и объявили ему, что им было повелено. Святой обратился к посланным с такими

[1] *Лигурией* в Италии называлась область, населенная лигурами — племенем кельтского происхождения. Лигурия граничила с Галлией.

словами: «Бог создал человека бессмертным, дабы он всегда повиновался воле и указаниям своего Творца. Человек же, преступив Божие повеление, данное ему в раю, сам сделал себя смертным, точно так же и потомков своих сделал смертными. Поэтому не должно человеку противиться воле своего Бога и нарушать Его повеления, но каждому необходимо со всем усердием стараться выполнять то, что угодно Богу и заповедано Им. Ввиду этого и я, не из желания почестей, но ради нужд единоверных своих братьев, по Божию повелению, не отказываюсь принять налагаемое на меня иго».

Сказав это, святой Вассиан предложил путникам отдохнуть после их трудного пути. Но посланные, обрадовавшись согласию преподобного, не думали оставаться и отдыхать, но желали скорее представить в свой город неоцененное сокровище, стремились скорее отправиться обратно в путь и умоляли святого идти поскорее вместе с ними; поэтому вечером преподобный и посланные отправились в путь.

Когда они приближались к Лодии, весь народ с радостью и весельем вышел навстречу к своему, Богом дарованному, пастырю.

В это время находился в толпе один человек, бывший в параличе, не владевший языком. Вместе с народом этот больной, хотя и с большим трудом, подошел к святому и облобызал святую десницу угодника Божия. Тотчас он окреп телом; язык его разрешился, и он стал прославлять величие Божие. Народ усугубил свою радость, видя, какого святого пастыря и чудотворца даровал им Бог.

Для посвящения святого Вассиана в сан архиерейский прибыл в Лодию святой епископ Амвросий[1] из Медиолана[2] и вышеупомянутый сродник святого Вассиана Урс из Равенны. 1 января состоялось посвящение Богом избранного мужа Вассиана во епископа, что и доставило великую радость и большое торжество всему городу тому.

Святой Вассиан, сделавшись епископом, стал учить паству свою словом и делом, но главным образом — примером своей добродетельной жизни. К святому Амвросию он оказывал большую любовь

---

[1] См. житие святого Амвросия 7 декабря.

[2] *Медиолан* — древний город Цизальпинской Галлии или нынешней Северной Италии, — центр наук и искусств; ныне — главный город итальянской области Ломбардии.

о Святом Духе, и от Амвросия имел таковую же любовь, которая выражалась в частых любезных посланиях их от одного к другому.

По прошествии некоторого времени святитель Христов Вассиан выстроил в восточном предместье города великолепный храм во имя святых апостолов и на освящение этого храма пригласил святого Амвросия Медиоланского и Филакса Команского[1] (Урс Равеннийский в это время уже почил о Господе).

В то время когда архиереи освящали храм, среди народа, собравшегося на освящение, находилась одна бесноватая отроковица, устами которой диавол стал взывать велегласно: «Зачем вы, мужи Божии, неправедно восстали на меня? Зачем все трое на одного меня вооружились непобедимым оружием? Разве для вас мало, что вы отняли у нас силу вредить кому-либо из вас? Вот вы выгоняете нас и из тех, над которыми мы имели власть. Если выгоните меня отсюда, то, взяв с собою двух или больше (бесов), отправлюсь в другое место, куда вы не придете».

Служители Христовы, услыша диавольский вопль, преклонили колена и стали усерднее молиться ко Господу. Во время молитвы бес, не стерпев их молитвенной силы, поверг отроковицу на землю и со страшным воплем вышел из нее. Тогда святители приступили к отроковице и, подняв ее с земли уже здоровой, отдали ее родителям, заповедуя им воздать благодарение Господу за освобождение их дочери от мучения демонского.

По освящении церкви была устроена во славу Божию трапеза, за которой святители беседовали о том, что полезно для Церкви Божией. После трапезы и дружеской беседы прибывшие архиереи отправились в свои места, и святой Вассиан с честью проводил каждого из них.

Однажды, во время жатвы, один отрок собирал снопы среди жнецов; его ужалила змея, и он умер. Родители, неутешно рыдая по поводу смерти его, принесли его для погребения во вновь построенную блаженным Вассианом церковь в честь и славу святых апостолов, где в это время случайно находился и сам архиерей Божий, Вассиан. Он часто приходил в эту церковь и совершал в ней богослужение. Во время пения обычного погребального канона плач ро-

[1] *Город Команы* находился в провинции Понте, на северо-востоке Малой Азии. Ныне на месте этого города находится селение Гуменек.

дителей по отроке стал заглушать голос певцов. Архиерей Божий, сожалея плачущих, повелел всем выйти из церкви; потом остался один, повергся на землю перед Богом со слезами и умолял Его, чтобы Господь повелел душе отрока возвратиться в тело. Во время молитвы святого тело умершего отрока стало сначала немного, а затем все более и более, двигаться. Святой восстал от молитвы, взял отрока за руку и повелел ему встать. Отрок, как бы проснувшись от сна, открыл глаза, начал звать свою мать и встал. Находившиеся вне церкви родители и народ, услыхав отрока, от радости не могли оставаться на месте, но тотчас же открыли церковные двери и вошли внутрь храма. Увидев отрока воскресшим из мертвых, все изумились и ужаснулись и, припав ко святому, с радостью лобызали его руки и одежду. Святой же, воздав благодарение всемогущему Богу и сказав поучение, отпустил всех с миром.

По прошествии нескольких лет после этого смертельно заболел святитель Христов Амвросий. Архиерей Божий Вассиан, узнав о болезни возлюбленного своего о Святом Духе, отца и друга, поспешил отправиться в Медиолан навестить болящего. Здесь, увидав Амвросия на одре болезни, он остался прислуживать ему, молиться вместе с ним и утешать его надеждой на Христа.

Святому Амвросию было такое видение: ему представилось, что он видит Господа нашего Иисуса Христа, идущего к нему со светлым ликом и любезно ему улыбающегося. Об этом видении святой Амвросий рассказал находившемуся около него святому Вассиану. Тогда Вассиан, поняв, что приблизился час кончины святого Амвросия, начал плакать и вместе радоваться. Радовался он тому, что святой муж отходил ко Христу, призывающему его, — плакал же потому, что лишался любезного своего друга в этой временной жизни: но он имел твердую о Христе надежду свидеться с ним в будущей жизни и быть вместе с почившим в лике иерархов.

По кончине святого Амвросия Вассиан и все жители Медиолана оплакали святителя и с честью похоронили святое тело его. После этого Вассиан отправился в свой город, где стал возносить перед Господом бескровную жертву с молитвой о упокоении Амвросия, хотя вполне был уверен, что душа его упокоена со святыми; но молитва и бескровная жертва и о святых не бывают бесплодны. Если молитва о святом не может в чем-либо ему способствовать, то она

возвращается в недро молящегося — принесет пользу последнему, как говорит Давид: *Молитва моя возвращалась в недро мое* (Пс. 34, 13).

По прошествии довольно продолжительного времени святому Вассиану снова пришлось отправиться в Медиолан по церковным делам. Входя в город, он увидал на площади весовщика, который на весах вешал различные товары. Этот весовщик был неправеден, многих обманывал и этим старался доставить себе прибыток. Святой увидал на весах беса, в образе маленького эфиопа, перетягивавшего весы, чем и пользовался неправедный весовщик. Святой спросил бывших с ним: «Видите ли вы что-нибудь странное?» Они ответили ему, что ничего особенного не видят. Тогда святой помолился о том, чтобы и прочим для достоверного свидетельства отверзлись очи видеть то же, что видел он. И действительно, отверзлись духовные очи у пресвитера Климента и у диакона Елвония: они увидели то же, что видел архиерей Божий, именно — маленького эфиопа, сидевшего на весах и исполнявшего приказания весовщика. Они сказали о виденном святому и подтвердили слова Давида, который говорит: *лжи́вы сы́нове человечестии в ме́рилех* (слав. Пс. 61, 10, *ме́рило* по-церковнославянски — весы).

Святой позвал весовщика и спросил его:

— При помощи какой неправедной меры ты увеличиваешь вес и обманываешь купцов?

— Я не делаю никакой неправды, — отвечал весовщик и клятвой подтвердил, что вес его правилен.

Тогда святитель показал ему на весах адского эфиопа и сказал:

— Этот эфиоп тотчас же войдет в тебя, сокрушит твое тело и исторгнет из тебя душу твою со страшными мучениями.

Неправедный весовщик от страха задрожал и, припав к ногам святого с покаянием, обещался отстать от неправды. Святой вразумил его от святого Писания и повелел ему все, что он нажил неправдой, раздать нищим. После этого святой молитвой отогнал от весов беса и отправился в свой путь.

Возвратившись обратно в свой город, угодник Божий занялся обычными делами богоугождения и попечением о пастве. Он прожил в архиерейском звании пять лет и с миром отошел ко Господу, Которому верно и истинно работал, имея от роду девяносто лет[1].

---

[1] Кончина святого Вассиана последовала около 409 года.

Верные овцы с честию похоронили своего пастыря в сооруженной им Апостольской церкви, и много плакали, лишившись такового отца. Скончался же святой в царствование Гонория[1] на Западе и Феодосия[2], сына Аркадия, — на Востоке. Как при жизни, так особенно по кончине своей он был чудотворцем: от гроба его чудесно подавались исцеления болящим по святым молитвам его и по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Которому, вместе со Отцом и Святым Духом, воссылается честь и слава, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ФЕОФАНА

Святой Феофан происходил от языческих родителей. Когда он достиг юношеского возраста, то сочетался браком с одной девицей, но она в скором времени умерла. Феофан же уверовал во Христа и крестился. Затем, оставив все, заключился в одной хижине близ того города и жил там довольно продолжительное время, поучая приходящих к нему хранению заповедей Божиих и целомудренной жизни. Узнав об одной блуднице, что она многих погубила своею красотой, святой Феофан вышел из затвора и, облекшись в светлые одежды, выпросил у своего отца девять литр золота, как бы желая взять за себя ту женщину. Придя затем к блуднице, отдал золото и, убедив ее изменить свою жизнь, крестил ее. После этого, святой Феофан устроил около своей хижины другую хижину, где и затворил означенную женщину. И соделал ту, которая раньше была сосудом греха, жилищем Святого Духа, — золото же раздал нищим. Эти оба угодили Господу и в один и тот же день отошли в небесные обители[3].

---

[1] *Император Гонорий* управлял Западом с 395 по 423 год.

[2] *Император Феодосий II* управлял Востоком с 408 по 450 год.

[3] Кончина святого Феофана последовала во второй половине IV века.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **ТИМОФЕЯ**, епископа Прусского

В городе Пруссе, находящемся на границах Вифинии, Фригии и Лидии[1], близ горы Олимпийской[2], епископом был святой Тимофей, за чистоту своей жизни и святость получивший от Бога дар чудотворения. Случилось однажды ему умертвить громадного змия, поселившегося в пещере под кипарисовым деревом и причинявшего большой вред животным и людям. Этого змия святой умертвил, бросив в его пасть покров, которым накрывается на Божественном престоле освященный хлеб (агнец). В другой раз он исцелил одного царя, по имени Арита, который страдал тяжкой болезнью, так что уже приближался к вратам смерти. Подобным же образом и некую царицу не только возвратил от жизни к смерти, но и обратил от тьмы идолослужения к свету истинной веры. Кроме этого, святой Тимофей, по дарованной ему от Бога благодати, исцелял различные болезни, совершил много и других чудотворений силою Христовою. Проповедью же своею он просветил всю свою паству и множество неверующих обратил ко Христу. Когда же вступил на Римский престол император Юлиан[3], который отвергся от Христа, стал поклоняться идолам и воздвиг жестокое гонение на Церковь Божию, — то святой Тимофей с особенною ревностью начал трудиться в проповедании слова Божия, укрепляя верующих и обличая язычников в их заблуждениях. Услышав о святом, не-

[1] *Вифиния, Фригия и Лидия* — малоазийские области.

[2] *Гора Олимп* находилась в северо-восточном углу Малой Азии, на границах Фригии, Мизии и Вифинии.

[3] *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

честивый император Юлиан повелел взять его и привести к нему, — и потом посадил его в темницу. Сюда ко святому стекалось множество народа, которому он проповедовал о Христе Боге истинном. Юлиану было доложено, что христианский епископ, заключенный в темнице, учит своей вере приходящих к нему людей. Юлиан тогда послал ему приказание — не учить об имени Иисуса Христа. Но святой Тимофей не послушал распоряжения нечестивого и беззаконного царя, и без боязни продолжал совершать подобающее ему, как христианскому епископу, учить народ. Когда же император Юлиан снова узнал, что святой Тимофей безбоязненно продолжает проповедовать о Христе, разгнёвался и послал палача, чтобы он отсек святому голову в темнице[1]. После блаженной кончины священномученика верующие взяли его святое тело и с честью похоронили его. От его гроба подавалось множество чудесных исцелений разных болезней, во славу Христа Бога нашего[2].

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АЛЕКСАНДРА и АНТОНИНЫ

В одно из гонений на христиан, когда множество верующих во Христа было умерщвлено после различных мучений спустя немало времени от начала гонения, была схвачена и приведена к жестокому правителю Фисту одна христианская девица, по имени Антонина, происходившая из города Кродамна[3]. За ее благочестивую и добродетельную жизнь Господь сподобил ее принять мученический подвиг для посрамления и победы над лукавым диаволом.

Когда деву Антонину привели к жестокому правителю Фисту, то он начал ее соблазнять многими лукавыми словами, говоря ей так: «Госпожа Антонина, я хочу тебя, деву чистую и целомудренную, сде-

---

[1] Кончина святого Тимофея последовала во второй половине IV века.

[2] Честные мощи святого Тимофея находились в Константинополе в храме его имени, выстроенном близ меландезийских ворот (в 12-й части Константинополя).

[3] Город *Кродамн* находился в малоазийской области Фракии.

лать жрицей богини Артемиды[1], дать тебе много подарков и почестей и сделать тебя управительницей всего моего имущества».

На это предложение Фиста святая Антонина долгое время ничего не отвечала, но потом сказала: «Для чего ты обещаешь мне суетные дары? Лучше ты сам, Фист, раздели со мной мои богатства, чтобы через веру в Господа моего Иисуса Христа получить сокровища вечных благ».

— Да не будет того, — возразил Фист, — что ты говоришь, да сохранят меня от этого боги, чтобы мне не уверовать в такого Бога, или лучше сказать Человека, Который был пригвожден ко кресту и умер на нем!

Святая Антонина ответила на это Фисту:

— Не утаиваю я того, что Господь наш Иисус Христос был пригвожден ко кресту и по смерти положен во гроб, но и то о Нем возвещаю, что Он воскрес из мертвых в третий день и ныне сидит одесную Бога Отца Своего, как о том написано в наших книгах: *сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих* (Пс. 109, 1).

— Ложны все твои пространные речи, — сказал Фист. — Почему ты не соглашаешься повиноваться мне и принести жертву нашим богам, дабы насладиться всеми благами, какие существуют в мире?

— Не поклонюсь я таким бездушным богам, — ответила святая дева, — ибо они бесы, как и написано о том в законе Господа моего: *вси бо́зи язык — бе́сове, Господь же небеса* сотвори (слав. Пс. 95, 5).

— Как осмеливаешься ты, — вскричал Фист, — называть наших богов бесами?

— Да, так я их называю, — отвечала святая Антонина, — потому что нет в них никакой силы; никакой помощи ты не получишь от них — поистине они не боги, но бесы.

От этих слов святой Антонины Фист пришел в сильную ярость и повелел воинам сильно бить ее по ланитам, дабы она не была так дерзновенна. Затем снова обратился к ней с такими словами:

— Клянусь богами, что, если ты не исполнишь царского повеления, я, после лютейших мучений, прикажу тебя отвести в непотребный дом — и тем присужу тебя к величайшему посрамлению. По-

---

[1] *Артемида*, или *Диана*, — греко-римская богиня света и луны.

этому даю тебе сроку три дня, чтобы ты размыслила — совершенно ли ты откажешься исполнить мое приказание или пожелаешь раскаяться и принести жертву богам? Ведь многие, разделяющие вашу веру, сначала поступали так же, как и ты, но потом переменяли свои мысли и поклонялись нашим богам.

Тогда святая Антонина сказала правителю:

— Делай, что хочешь, нечестивый мучитель!

После этого святая была отдана под стражу четырем воинам, с которыми с радостью в душе и с веселым лицом отправилась в темницу. Правитель же, призвав к себе тайно начальника темничной стражи, приказал ему — не причинять никакой обиды святой деве, но ласковыми словами уговаривать ее отречься от христианской веры и принести жертву идолам, потому что, прибавил Фист, весьма трудно заставить христиан отречься от их веры. Когда же начальник темничной стражи посадил святую в темницу, то, придя к ней, начал ее убеждать такими словами:

— Чистая дева Антонина, зачем упорствуешь? Ради чего не желаешь переменить свои мысли! Принеси жертву нашим богам, чтобы избавиться тебе от ожидающих тебя мучений.

Но святая ничего ему не отвечала, так что страж темничный весьма удивился и недоумевал, почему святая дева не отвечала ему ни слова. А святая Антонина, преклоняя колена на землю, день и ночь молилась Господу Богу, оставаясь все время без пищи.

По истечении трех дней пребывания святой Антонины в темнице внезапно раздался сильный гром: запоры темничные разрушились и двери открылись сами собой, внутри же всю темницу осветил сильный свет и с неба послышался голос, говоривший так:

— Встань, Антонина, и подкрепись пищей, вкуси хлеба и воды, будь мужественна и нисколько не бойся нечестивого правителя Фиста, потому что Я с тобой.

Святая же, окончив свои молитвы, произнесла:

— Аминь.

Затем, встав с колен, вкусила хлеба и воды и легла немного уснуть.

При наступлении следующего дня правитель сел на свое судейское место и сказал: «Приведите ко мне ту дерзкую женщину, да узнаем ее мысли»

Воины, исполняя приказание правителя, привели к нему святую. Когда же святую деву вели на суд, она возвела свои глаза к небу и молилась.

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты исполняешь на мне Твою волю, молю Тебя — не оставь меня даже и до смерти моей.

И вдруг послышался с неба голос, возвещавший:

— Иди в путь твой безбоязненно, ибо Я с тобой!

Когда святую деву Антонину привели на судейское место, где восседал Фист, она засмеялась.

Фист, увидав, что она засмеялась, спросил ее:

— Отчего ты рассмеялась?

Святая ответила ему:

— Я открою тебе причину моего смеха, ибо я вижу, что престол, на котором ты сидишь, в скором времени разрушится, и ты погибнешь, — поэтому я и рассмеялась.

Правитель, увидав, что она посмеивается над ним, повелел бить ее бичами. Святая же, возведя свои духовные очи к небу, молилась так: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты сподобил меня, окаянную и грешную, разделить жребий святых Твоих, — этого же беззаконника и проливающего невинную кровь низвергни в скором времени на дно ада, чтобы он узнал бессилие своих ложных богов, на которых возлагает всю свою надежду».

Услышав такие слова, правитель, жаждавший человеческой крови, пришел в еще большую ярость и сказал воинам: «Сия злая и дерзкая женщина не только осмеливается поносить наших богов, но и нам самим угрожает; отведите поэтому ее в непотребный дом на осквернение».

Воины тогда взяли святую и отвели в некий дом. Святая Антонина, оставшись одна, стала усердно молиться Богу. В это время Ангел Господень явился одному из воинов правителя, имеющему двадцать три года от рождения и называвшемуся Александром. Явившись ему, Ангел сказал:

«Иди к правителю и скажи ему, чтобы он дозволил тебе войти к Антонине. Когда взойдешь к ней, то одень ее твоим плащом и пусть она уйдет из того дома, да не узнает ее злобный правитель».

Доблестный воин Христов, исполняя повеление Ангела, пришел к правителю и стал просить его: «Позволь мне войти к Антонине,

и если я ее уговорю, тогда освободи ее, а если нет, то делай с ней, что пожелаешь».

Правитель согласился исполнить его просьбу и сказал ему: «Делай с ней все, что тебе желательно». Тогда Александр взошел в то помещение, где находилась святая дева, припал к ее ногам и так начал ей говорить: «Раба Господня, дева Антонина! Господь послал меня к тебе открыть тебе то (как Он мне возвестил), что девство твое будет сохранено».

Святая устрашилась. Но вдруг комнату осветил сильный свет и послышался голос, который говорил: «Не бойся, Антонина! Призвавший тебя на подвиг щедр и многомилостив, — и этого Александра призывает к тому же мученическому подвигу. Оденься в его плащ, голову же свою наклони и спрячь лицо свое и так выйди отсюда, чтобы правитель в таком виде не узнал тебя. Я же так скрою тебя, что он тебя не узнает!»

Тогда святая Антонина взяла у Александра его плащ и надела на себя, закрыла голову свою и, выйдя вон из дому, сделала знак рукой правителю, как бы говоря: поступай, как желаешь. Таким образом святая дева Христова, как серна избегши сетей, пошла своим путем, радуясь своему избавлению. Правитель же, подумав, что это Александр вышел из дома, послал к Антонине еще четырех воинов, сказав им: «Ступайте к ней и сделайте с ней, что вам угодно, а надругавшись над нею, выведите ее вон, да получит она великое бесчестие и мы все посмеемся над ней».

Воины, исполняя приказание правителя, вошли, чтобы осквернить деву, но не нашли Ее, а увидали только одного Александра. Сильно удивившись, они спросили его: «Где же та женщина? Отчего ты один?»

Взяв затем его, привели к правителю и сказали: «Мы в той комнате нашли только его одного, девицы же нет там».

Правитель также был весьма удивлен происшедшим и стал спрашивать Александра: «Скажи нам, неверный и обманщик, как ты осмелился обмануть нас? Где та нечестивая блудница? Ты обесчестил ее, а потом, одев своим плащом, отпустил, желая взять ее себе в жены; но этого не будет, и ты не избегнешь моего гнева».

Когда Александр ничего не ответил на это правителю, то он долгое время думал, а потом повелел повесить его для мучений и бить

его без милосердия. Когда же исполняли повеление правителя и били святого Александра, то правитель снова спросил его: «Где та нечестивая женщина, к которой ты входил?» Александр же опять ничего не ответил, а только устремлял свои глаза к небу.

И вдруг послышался с неба голос, говоривший правителю:

— Жестокий Фист, зачем ты мучаешь невинного человека?

Услышав этот голос, правитель повелел перестать мучить святого, и, сняв мученика с дерева, — отвести в темницу, а святую деву Антонину повелел повсюду разыскивать.

По прошествии пяти дней правитель снова велел привести к нему на суд Александра и стал спрашивать его:

— Что ты надумал? Принесешь жертву богам или нет?

Святой Александр отвечал правителю:

— Могу ли я изменить свои мысли, о нечестивый и жестокий мучитель?

— А где та женщина, к которой ты входил? — спросил Фист.

— Не знаю, где она находится, — отвечал Александр.

Между тем, когда они так разговаривали, святой Антонине-деве явился Сам Господь Иисус Христос и сказал:

— Мужайся и иди туда, где находился несправедливый и жестокий правитель.

Тогда святая пошла и, безбоязненно явившись к правителю, сказала ему:

— Нечестивый и жестокий Фист, кого ты ищешь, не меня ли? Вот я сама являюсь к тебе, чтобы посрамить и уничтожить твою силу.

Увидев святую, Фист пришел в сильную ярость и повелел воинам повесить ее, сильно бить и спрашивать:

— Дева ты или нет?

Святая же под сильными ударами не испустила ни одного стона. Когда же ее сняли с дерева, то сам правитель стал ее спрашивать: осталась ли она еще девой или нет? Тогда святая мученица ответила правителю:

— О нечестивый и жестокий мучитель! Мы, христиане совершенно не порабощены вашею нечистой похотью, ибо и меня Господь и Бог наш по Своему милосердию сохранил невинной.

Фист посмотрел на нее с удивлением и сказал:

— Если ты еще дева, то подойди вместе с Александром, принеси жертву нашим богам, и останетесь невредимыми.

На это предложение правителя святые мученики Христовы Александр и дева Антонина как бы одними устами отвечали правителю:

— Нет таких мучений, жестокий Фист, какими бы вы смогли принудить нас поклониться вашим мерзким богам, не имеющим ни разума, ни могущества.

После такого ответа святых мучеников правитель повелел отсечь им руки. Доблестные и благородные воины Христовы простерли тогда свои руки для отсечения и сказали:

— Прежде всего, нечестивый и жестокий мучитель, да будет тебе известно, что никакими мучениями ты не сможешь победить наши благочестивые мысли, — поступай с нами, как желаешь!

Воины обнажили свои мечи и отсекли руки святых мучеников. Они же, как бы не чувствуя боли, прославляли Господа и, обратившись затем к правителю, сказали ему:

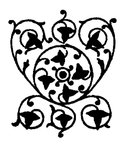
«Жестокий и сквернейший правитель! Мы нисколько не чувствуем тех мучений, какие ты причинил нам, тебя же самого Господь наш, рабы Которого — мы, в скором времени ввергнет в геенну огненную, где ты будешь вечно мучиться непрестанными мучениями».

От таких обличений святых мучеников правитель пришел в сильнейшую ярость и приказал вырыть глубокую яму, а прежде всего, повесив святых страдальцев, до тех пор бить их, пока они не почувствуют боли от наносимых им ударов. В яму же приказал набросать во множестве дров и хвороста так, чтобы она наполнилась до верха, и сжечь в ней святых мучеников. Между тем они, несмотря на жестокие побои, не ощущали никакой боли, как будто бы не их тела подвергались таким мучениям, но воздавали хвалу Господу Иисусу Христу. Видя это, правитель повелел новыми мучениями терзать их, опаляя ребра их горящими свечами. Тогда святые мученики Александр и Антонина громким голосом воззвали к правителю: «Нечестивый Фист! Мы терпим наши страдания ради любви ко Господу нашему Иисусу Христу, твердо веруя, что в будущей жизни, после этой временной, мы получим вечную награду в Царстве небесном, а тебя Господь и Бог наш вскоре предаст погибели за то, что ты заставляешь так сильно страдать невинных рабов Его!»

Фист, слыша слова эти, в сильной ярости дал такое приказание своим слугам: «Зажгите находящиеся в яме дрова, чтобы скорее бросить в огонь этих людей».

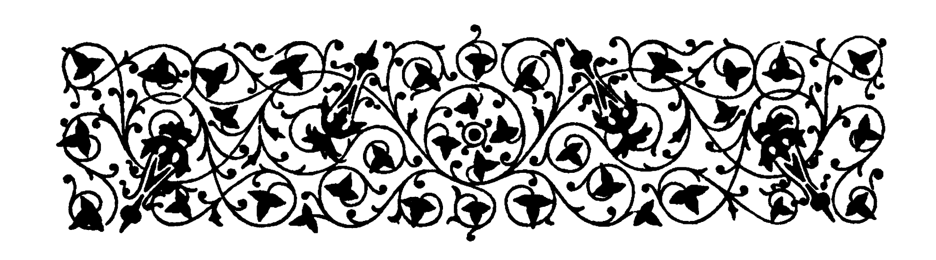
Когда приказание правителя было исполнено воинами, тогда жестокий мучитель повелел им облить святых мучеников смолой и бросить в яму, пылавшую огнем. При этом он приказал положить еще сверху на дрова сухую смолу, чтобы мученики совершенно сгорели и даже кости их обратились в прах. По исполнении казни правитель повелел засыпать ту яму землей, сказав: «Пусть нельзя будет женщинам их собрать и костей их, как это в обычае у христиан!»

По приказанию Фиста святых мучеников ввергли в огонь и засыпали ту яму. Потом Фист возвратился в свой дом, но не мог вкусить ни пищи, ни питья и сделался немым, ибо посланный на него святыми Ангелами злой дух в течение семи дней мучил его. После же тяжких семидневных бесовских мучений правитель извергнул свою нечестивую душу. Так он умер, и гонение на христиан в тех местах прекратилось. Блаженная же кончина святых мучеников Александра и Антонины последовала 3 мая[1], в субботу, в девятый час дня, во владычество Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается честь и слава вечно. Аминь.

---

[1] Кончина святых мучеников последовала 3 мая 313 года, но повествование о житии их предложено 10 июня потому, что под этим числом оно помещено в прологах. Честные мощи их впоследствии были перенесены в Константинополь и положены в монастыре Максимовом.

День одиннадцатый

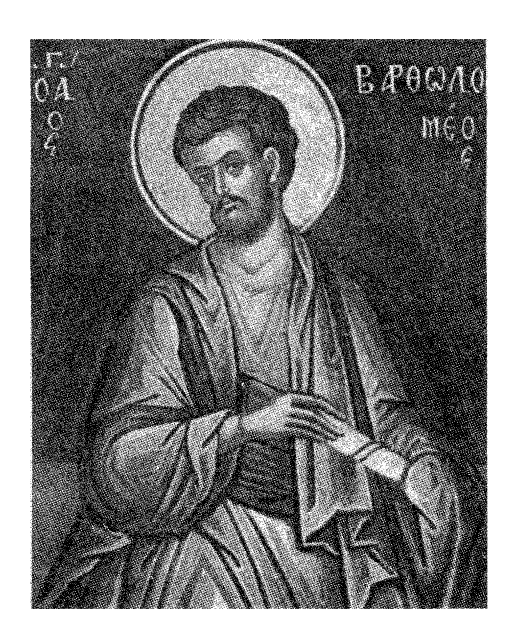
ЖИТИЕ И СТРАДАНИЯ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ВАРФОЛОМЕЯ

Святой апостол Варфоломей был один из числа двенадцати апостолов Христовых. По принятии Святого Духа, сошедшего на апостолов в виде огненных языков (см.: Деян. 1, 13; 2, 1–4), святому Варфоломею выпал жребий, вместе с апостолом Филиппом, идти на проповедь Евангелия в Сирию и в Малую Азию. Туда они оба и отправились — то проповедуя вместе, то расходясь отдельно по разным городам, то вновь сходясь и приводя людей ко спасению через веру в Иисуса Христа.

Проповедуя Евангелие в Малой Азии, святой Филипп на некоторое время отделился от святого Варфоломея и обращал ко Христу диких и непокорных жителей Лидии и Мизии[1]. В это время святому Варфоломею, проповедовавшему Христа в соседних городах, было повеление от Господа идти на помощь ко святому Филиппу. Присоединясь к нему, святой Варфоломей вместе с ним единодушно подвизался в апостольских трудах и подвигах. За Филиппом следовала еще и сестра его — девица Мариамна, и все вместе они стали служить делу спасения рода человеческого. Проходя города Сирии и Мизии и благовествуя слово Божие, они претерпевали от неверных многие напасти, биения и скорби, были заключены в темницы, избиваемые камнями, но несмотря на все гонения, благодатью Божиею, оставались живы для предстоящих трудов по распространению веры Христовой.

---

[1] *Лидия* и *Мизия* — северо-западные области Малой Азии.

В одном из лидийских селений они встретили возлюбленного ученика Христова, святого Иоанна Богослова, и вместе с ним отправились в страну Фригийскую. Войдя в город Иераполь[1], они проповедовали там Христа. Этот город был переполнен идолами, которым поклонялись все его жители; между другими ложными божествами была там одна громадная ехидна[2], для которой был построен особый храм; туда ей приносили пищу и совершали многочисленные и разнообразные жертвоприношения; безумцы почитали также и других гадов и ехидн. Святой Филипп, прежде всего, вместе со своей сестрой вооружился молитвой на ехидну, в чем помогал им и святой Иоанн Богослов, который был в то время с ними. Все они вместе молитвой, как бы копьем, победили ту ехидну и силой Христовой умертвили ее. После этого Иоанн Богослов разлучился с ними, предоставив им Иераполь для проповедания слова Божия, а сам пошел в другие города, распространяя повсюду святое благовествование. Святой же Филипп с Варфоломеем и Мариамной оставались в Иераполе, усердно стараясь уничтожить мрак идолопоклонства, дабы воссиял на заблудших свет познания истины; над этим они и трудились день и ночь, уча неверных слову Божию, вразумляя неразумных и направляя заблудших на путь истинный.

В том городе жил один человек, по имени Стахий, бывший слепым уже сорок лет. Святые апостолы силой молитвы просветили его телесные очи, а проповедью Христовой просветили его душев-

---

[1] Город *Иераполь* (с греческого — *священный город*) — находился в малоазийской области Фригии. Иераполь некогда имел епископа, присутствовавшего на I Вселенском соборе в 325 году. В настоящее время здесь одни развалины, и место это служит пристанищем для прокаженных.

[2] *Ехидна* — ядовитая змея, величиною более сажени; уязвление ее очень опасно и в большинстве случаев оканчивается скорой смертью.

ную слепоту. Крестив Стахия, святые пребывали в его доме. И пронеслась по всему городу молва, что слепой Стахий прозрел. К его дому стали собираться толпы народа. Святые апостолы поучали всех, стекавшихся к ним, вере во Христа Иисуса. Приносили туда и многих больных, и всех святые апостолы исцеляли молитвой и изгоняли бесов, так что большое число людей уверовало во Христа и крестилось.

Жена начальника того города, по имени Никанора, была укушена змеей и лежала больная, при смерти. Услыхав о святых апостолах, находившихся в доме Стахия, что они одним словом исцеляют всякие болезни, она в отсутствие своего мужа повелела рабам своим отнести себя к ним и получила двойное исцеление: телесное — от укушения змеи и душевное — от бесовского обольщения, ибо, наученная святыми апостолами, уверовала во Христа. Когда градоначальник вернулся домой, рабы передали ему, что жена его от каких-то чужестранцев, проживающих в доме Стахия, научена веровать во Христа. Страшно разгневавшись, Никанор повелел тотчас же схватить апостолов, дом же Стахиев сжечь, — что и было исполнено. Собралось множество народа — и святых апостолов Филиппа, Варфоломея, а также и святую деву Мариамну с побоями повлекли по городу, поругаясь над ними, и, наконец, бросили в темницу. После этого начальник города воссел на судейское место судить проповедников Христовых: и собрались к нему все жрецы идольские и жрецы погибшей ехидны, принося жалобы на святых апостолов и говоря: «Начальник! Отомсти за бесчестие богов наших, так как с тех пор, как появились эти чужестранцы, в нашем городе запустели алтари великих богов наших, и народ забывает приносить им обычные жертвы, знаменитая наша богиня-ехидна погибла, и весь город наполнился беззаконием. Умертви этих волхвов!»

Тогда начальник города велел снять одежду со святого Филиппа, думая, что в ней заключаются чары колдовства, но, сняв с него одежду, ничего не нашли. Также поступили и со святым Варфоломеем, — и в его одеждах не нашли ничего. Когда же они с тем же намерением приблизились к Мариамне, чтобы снять одежду и обнажить ее девическое тело, внезапно она в глазах их превратилась в огненный пламень, и нечестивцы со страхом отбежали от нее. Святые апостолы осуждены были правителем на распятие.

Первым пострадал святой Филипп. Просверлив ступени ног его и продев в них веревки, мучители распяли его на кресте вниз головой перед дверями капища ехидны и в то же время кидали в него камнями. Затем они распяли святого Варфоломея у стены храма. И внезапно сделалось великое землетрясение: земля разверзлась и поглотила градоначальника со всеми жрецами и множеством неверующих. Все оставшиеся в живых — и верующие и язычники — пришли в великий страх и с рыданиями просили святых апостолов сжалиться над ними и умолить Единого истинного Бога своего, чтобы земля не поглотила их так же, как и тех. Поспешно бросились снимать с крестов распятых апостолов. Святой Варфоломей был повешен невысоко, и его скоро сняли. Но Филиппа не могли скоро снять со креста, потому что он был повешен высоко и особенно потому, что на это было особенное произволение Божие, дабы апостол Его, через эти страдания и крестную смерть перешел от земли на небо, куда всю жизнь обращены были стопы его. Вися таким образом, святой Филипп молился Богу за врагов своих, чтобы Господь отпустил им грехи их и просветил разум их к познанию истины. Господь преклонился к молению его, и тотчас повелел земле исторгнуть живыми поглощенные ею жертвы, за исключением градоначальника и жрецов ехидны. Тогда все громким голосом исповедали и прославили силу Христову, изъявляя желание креститься. Когда хотели снять со креста святого Филиппа, то увидели, что он уже предал Богу святую душу свою, и сняли его мертвым. Родная сестра его, святая Мариамна, все время смотревшая на страдание и смерть брата своего Филиппа, с любовью обнимала и лобызала снятое с дерева тело его, и радовалась, что Филипп сподобился пострадать за Христа[1]. Святой Варфоломей совершил над всеми уверовавшими в Господа крещение и поставил им епископом Стахия. Новообращенные с честью похоронили тело святого апостола Филиппа. На том месте, где истекла кровь святого апостола, произросла в три дня виноградная лоза, в знамение того, что святой Филипп за пролитую свою кровь во имя Христа наслаждается вечным блаженством с Господом своим во Царствии Его.

После погребения апостола Филиппа, святой Варфоломей с блаженной девой Мариамной пробыли несколько дней в Иераполе,

[1] Память святого апостола Филиппа (из двенадцати) празднуется 14 ноября.

утверждая в вере Христовой вновь основанную церковь, а затем отправились каждый в свой путь. Святая Мариамна направилась в Ликаонию[1] и здесь, среди успешного благовествования слова Божия, мирно преставилась ко Господу[2]. А святой апостол Варфоломей отправился в Индийские страны, где и пробыл довольно продолжительное время, трудясь в благовестии Иисуса Христа, проходя по городам и селениям и исцеляя болящих Его именем. Просветив своей проповедью многих из язычников и устроив церкви, он перевел на их язык Евангелие от Матфея, которое носил с собой, и передал им. У них же он оставил Евангелие, написанное на еврейском языке, которое по прошествии ста лет и было принесено в Александрию Пантеном, философом христианским[3]. Из Индии святой Варфоломей отправился в Великую Армению[4]. При его появлении здесь, идолы, или, лучше сказать, бесы, обитавшие в идолах, умолкли, громко прокричав последние слова, что Варфоломей их мучит и скоро изгонит. И действительно, не только из идолов, но и из людей изгонялись нечистые духи при одном уже приближении апостола; и ради этого многие обращались ко Христу.

У царя той страны Полимия была бесноватая дочь, устами которой бес взывал: «Варфоломей и отсюда гонишь ты нас!»

Царь, услышав об этом, приказал немедленно найти Варфоломея; и когда апостол Христов пришел к беснующейся, бес тотчас бежал от нее, и царевна получила исцеление. После этого царь, желая отблагодарить святого, послал к нему верблюдов, навьюченных золотом, серебром, жемчугом и другими драгоценными дарами. Апостол же, исполненный нищеты духовной (ср.: Мф. 5, 3), ничего из присланного не оставил у себя, отослав все обратно к царю со словами: «Я не эти вещи приобретаю, а ищу душ человеческих, и если

---

[1] *Ликаония* — одна из серединных областей Малой Азии, на границе с Фригией.

[2] Память святой Мариамны празднуется 17 февраля.

[3] *Пантен* (жил в III веке) — один из знаменитых учителей александрийской школы, в которой получили христианское просвещение многие из отцов Церкви.

[4] *Великая Армения* — горная страна между рекой Курой и верховьями рек Тигра и Евфрата, она называлась Великой Арменией в противоположность Малой Армении — области между верховьями рек Евфрата и Галаса, которая входила в состав царства Митридата Понтийского, а с 70 года по Рождестве Христовом — в состав Римской империи.

приобрету их и введу в небесные селения, то явлюсь великим купцом перед Господом».

Царь Полимий, умилившись такими словами, уверовал во Христа со всем своим домом, принял крещение от самого святого апостола вместе с царицей и исцелевшей дочерью своей и со множеством вельмож, и великим числом людей из народа: ибо до десяти городов и больше приняли тогда, по примеру царя, святое крещение.

При виде этого идольские жрецы вознегодовали на святого апостола, тяжко печалясь о том, что их боги уничтожались, идолослужение исчезало, и капища их, откуда они получали пропитание, приходили в запустение. Приступив к брату царя — Астиагу, они научили его погубить Варфоломея и отомстить ему за обиды их богов. Тот же, улучив удобное время, схватил святого апостола и в городе Альбане[1] распял его на кресте головой вниз. Святой же апостол с радостью страдал за Христа и, вися на кресте, не переставал возвещать слово Божие; верующих он утверждал в вере, неверующих же увещевал познать истину и от тьмы бесовской обратиться к свету Христову. Этого не мог слышать мучитель и велел с апостола содрать кожу; святой же, с великим терпением перенося эти мучения, не умолкал, поучая всех о Боге и вознося славословия Ему. Наконец, мучитель повелел вместе с кожей усечь и главу святого Варфоломея. Тогда умолкли его богоглаголивые уста; тело же, когда была отнята от него голова, осталось висеть на кресте, имея ноги, обращенные кверху, как бы показывая тем шествие апостола к небу. Так скончался апостол Христов Варфоломей, после многих болезней и трудов перейдя в безболезненный покой, в радость Господа своего[2]. Бывшие при кончине святого апостола верующие, сняв с креста его тело, главу и кожу, положили их в оловянную раку и предали погребению в том же городе Албане, что в Великой Армении. И подавались от мощей апостольских чудесные исцеления болящим, ради чего многие из неверующих обращались ко Христовой Церкви.

Спустя довольно продолжительное время жестокие гонители, овладевшие той страной, помраченные идолобесием, слыша от других и сами видя чудеса, совершавшиеся от мощей святого, не же-

---

[1] *Альбан* (или *Албанополь*, также *Абарнополь*) — город на западном берегу Каспийского моря — нынешний Баку.

[2] *Святой апостол Варфоломей* скончался в 71 году по Рождестве Христовом.

лая познать Божию силу, взяли те святые мощи в оловянной раке и ввергли их в море. Оловянная же рака, плывя по воде подобно легкой ладье, пристала к острову Липару[1]. Тамошний епископ Агафон, узнав по откровению во сне о том, что к их острову приплыли святые мощи, вышел с клиром и со всем народом на берег моря. Увидав мощи святого апостола, епископ и все пришедшие сильно удивились, как оловянная рака не потонула в воде, но легче лодки проплыла столь далекий морской путь. И все прославили Бога, творящего столь дивные и чудные дела Свои. Взяв раку со святыми мощами, они с великой радостью перенесли ее с псалмопениями в свою церковь[2].

Не подобает умолчать и о следующем, находящемся в житии преподобного Иосифа Песнописца[3], сказании о святом апостоле Варфоломее.

Будучи однажды в Фессалии, преподобный Иосиф получил от одного известного ему добродетельного мужа часть мощей святого апостола Варфоломея. Принеся ее в свою обитель, находившуюся близ Константинополя и построив там особую церковь во имя святого апостола Варфоломея, Иосиф с честью положил в ней часть святых мощей его. Питая великую любовь и веру к святому апостолу, он часто сподоблялся видеть его в сновидениях и желал поэтому украсить праздник святого апостола хвалебными песнопениями; однако он не решался сделать этого, сомневаясь, будет ли угодно это дело святому апостолу, и усердно молил Бога и апостола Божия от-

---

[1] *Липара* — один из золийских островов между Италией и Сицилией.

[2] При императоре Анастасии, около 508 года, мощи святого апостола Варфоломея перенесены были из Альбана в город Дары (в Месопотамии). Когда в 574 году персы овладели этим городом, то некоторые из дарских христиан взяли святые мощи апостола и удалились с ними к берегам Черного моря, где были застигнуты врагами, которые бросили честные мощи в море; но они не потонули, а приплыли чудесно на остров Липару. Впоследствии остров был взят арабами, которые рассеяли мощи апостола Варфоломея, но они чудесным образом были собраны воедино; святой Варфоломей явился одному монаху и указал место, где найти их. После этого мощи святого апостола были перенесены в неаполитанский город Беневент (в IX веке), откуда их перенесли (по крайней мере часть святых мощей) в X столетии в Рим. Перенесение мощей святого апостола на остров Липару вспоминается Церковью 25 августа.

[3] *Преподобный Иосиф Песнописец* жил в IX веке; память его празднуется Церковью 4 апреля.

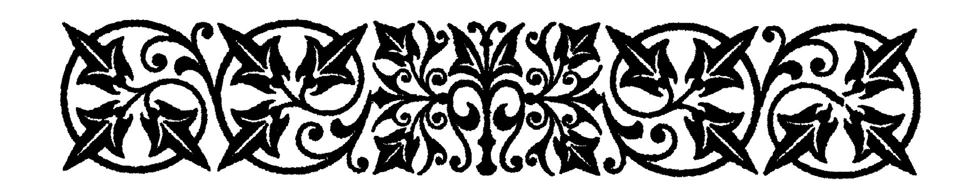
крыть ему это и даровать премудрость свыше для создания достойных святого Варфоломея хвалебных стихов. С постом и слезами молился преподобный Иосиф сорок дней, и когда приблизился день памяти апостола, в навечерие празднества увидел он, что в алтаре явился святой Варфоломей, облеченный в белые ризы, и открыл алтарную завесу, призывая его к себе. Когда же преподобный Иосиф подошел ближе, святой апостол взял с престола святое Евангелие и положил его на грудь Иосифу, со словами: «Да благословит тебя Десница всесильного Бога, и да изольются на язык твой воды небесной премудрости: сердце твое да будет храмом Духа Святого, и песнопения твои да усладят вселенную».

Так сказал святой апостол Варфоломей и стал невидим, а преподобный Иосиф, ощутив в себе благодать премудрости, исполнился неизреченной радости и благодарения. С того времени начал он писать церковные гимны и каноны, которыми украсил праздник не только святого апостола Варфоломея, но и многих святых, по преимуществу же почтил он многими канонами Пречистую Богоматерь и святителя Николая. Обильно украсил он святую Церковь песнопениями, за что и получил наименование песнописца. За все сие Христу Спасителю нашему слава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

Некоторые думают, что Варфоломей — одно и то же лицо с Нафанаилом, которого Филипп привел ко Христу (см.: Ин. 1, 45). Именно считают, что имя этого апостола Христова было Нафанаил, по прозванию же, или лучше сказать — по отцу, он назывался Варфоломей, то есть сын Фоломеев. Ибо слово «вар» с еврейского переводится *сын*, как и в другом месте Христос Господь сказал апостолу Петру: *блажен еси, Си́моне, вар Иона* (слав. Мф. 16, 17), то есть сын Ионин. И слепец иерихонский назывался Вартимей, то есть сын Тимеев. Так толкуют и о Варфоломее, что он по отцу назывался Варфоломей — сын Фоломеев; ибо Фоломей у евреев было имя древнее и часто употреблявшееся, настоящее же имя Варфоломея, полагают, было Нафанаил. Предполагают же это на таком основании. Прежде всего, в Евангелии нигде не говорится о призвании к апостольству Варфоломея, если только не считать вместо него имя

Нафанаил. Затем, первые три евангелиста: Матфей, Марк и Лука, повествующие о Варфоломее, ничего не говорят о Нафанаиле, а евангелист Иоанн, повествующий о Нафанаиле, не говорит о Варфоломее и, говоря о ловлении рыб при явлении воскресшего Спасителя, называет Нафанаила в числе лиц, близких к апостолам, — именно, он говорит: ***были вместе Симон Петр, и Фома, и Нафанаил, и сыновья Зеведеевы*** (Ин. 21, 2). Но иные толкователи с этим не согласны и, согласно с Прологом, полагают, что Симон Зилот — одно лицо с Нафанаилом, а некоторые полагают, что Нафанаил — один из числа семидесяти учеников Христовых.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ СВЯТОГО АПОСТОЛА ВАРНАВЫ

Святой апостол Варнава принадлежит к лику святых семидесяти апостолов: первоначальным именем его было Иосиф, но потом его стали называть Варнавой, как об этом мы скажем на своем месте. Родился он на острове Кипр[1] от родителей евреев, происходивших из рода левитов; из его рода левитов происходили и древние великие пророки Божии — Моисей[2], Аарон[3] и Самуил[4].

Прародители Варнавы переселились из Палестины на остров Кипр по причине войн, происходивших в Палестине. Родители его были весьма богаты и имели свое село вблизи Иерусалима, изобиловавшее садами и разными плодами и украшенное большим зданием, так как здесь они имели дом свой. Ибо с того времени, как святой пророк Исаия[5] написал: *сия глаголет Господь: блажен, иже имеет пле-*

---

[1] *Остров Кипр* находился в северо-восточном углу Средиземного моря.

[2] *Моисей* — знаменитый вождь и законодатель народа еврейского, первый священный писатель, живший за пятнадцать веков до Рождества Христова. На горе Синай он получил от Бога десять заповедей и сподобился видеть славу Божию. Все, полученные от Бога, заповеди и установления, равно как и первоначальную историю народа еврейского, он изложил в первых пяти книгах Библии (пятикнижие Моисеево). Память его празднуется святой Церковью 4 сентября.

[3] *Аарон* — первый первосвященник народа израильского, брат пророка Моисея (Исх. 7, 7).

[4] *Самуил* — пророк и судия народа израильского, живший за одиннадцать веков по Рождестве Христовом. Его жизнь и деятельность описаны в первой книге Царств. Память его совершается 20 августа.

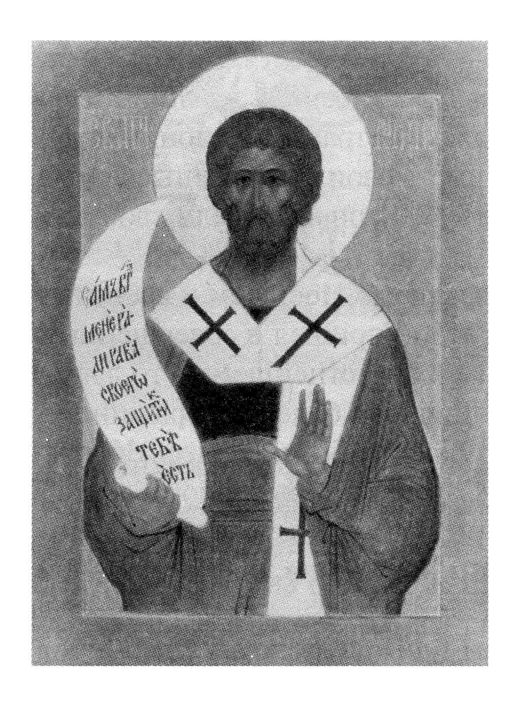
[5] *Исаия* — знаменитый пророк иудейский, живший и действовавший за восемь веков до Рождества Христова при четырех царях иудейских: Озии, Иоафаме, Ахазе и Езекии. Пророчества Исаии, относящиеся к Иисусу Христу, настолько ясны и определенны, что пророка Исаию по справедливости называют «ветхозаветным евангелистом». Память его празднуется святой Церковью 9 мая.

мя в Сионе и ю́жики (родственники) *в Иерусалиме* (слав. Ис. 31, 9), *и будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для жития в Иерусалиме* (Ис. 4, 3), евреи, обитавшие в далеких странах, не понимая духовного смысла слов этих, старались иметь свои собственные дома в Иерусалиме; по этой причине и родители Варнавы имели свой дом и свое село около Иерусалима.

Родив того, о ком наше слово, назвали его Иосифом и воспитывали в обучении книжном; когда же отрок пришел в совершенный возраст, то отправили его в Иерусалим к известнейшему в то время учителю Гамалиилу, дабы он научил Варнаву более совершенному пониманию еврейских книг и всего закона Божия. Здесь Иосиф имел в числе сверстников своих и Савла, который впоследствии назван был Павлом; и учились оба они у одного учителя Гамалиила, преуспевая в разуме, понимании книг и в добродетельной жизни.

Иосиф ежедневно утром и вечером приходил в храм Соломонов и молился здесь с усердием Богу, проводя дни юности своей в частых пощениях и великом воздержании; желая соблюсти в чистоте свое девство, он избегал знакомства с бесчинными юношами и ни в каком случае не желал слышать тех слов, которыми ум юноши мог бы помрачиться, но, внимательно наблюдая за самим собой, постоянно поучался в законе Господнем днем и ночью.

В то время Господь наш Иисус Христос, спустя тридцать лет после Своего вочеловечения, начав открывать Себя миру, пришел из Галилеи; здесь Он учил в храме, творил многие и преславные чудеса; все дивились Ему; со всех сторон стекались к Нему, дабы видеть святое лицо Его и слышать Божественные слова Его, более сладкие, нежели мед и сот. Видел Его и юноша Иосиф и, слушая поучения, исходившие из пресвятых уст Его, умилялся сердцем и весьма дивился чудесам, которые Он творил; увидав, как Он исцелил расслабленного при овчей купели (см: Ин. 5, 1–15) словом Своим, видев также и многие другие дивные дела Христовы, Иосиф, распалился сердечной любовью ко Господу и, приступив к Нему, пал ниц к ногам Его; при этом Иосиф просил Господа благословить его и принять его в число Своих учеников. Господь же, прозиравший в тайны сердец человеческих, увидав, что сердце Иосифа горело любовью божественной, любезно благословил его и не запретил ему следовать за Со-

бой. Иосиф прежде всего поспешил в дом тетки своей, по имени Марии, матери Иоанна, названного впоследствии Марком, и сказал ей: «Приди и посмотри на Того, Кого весьма хотели видеть отцы наши; ибо некий пророк Иисус из Назарета галилейского учит в храме и совершает великие чудеса, так что многие считают Его за всеми ожидаемого Мессию».

Лишь только женщина услышала это, как тотчас же, оставив все, с поспешностью направилась к храму; увидав Господа Иисуса Христа, она пала ниц к ногам Его и с мольбой сказала: «Господи! Если я обрела благодать перед Тобой, войди в дом рабыни Твоей, дабы вшествием Твоим благословить всех домашних моих».

Видя ее веру, Господь пришел в дом к ней и благословил ее и всех, находившихся в доме ее. Господь был принят Марией с великой честью и со многой радостью и благоговением; с этого времени Господь всегда заходил вместе с учениками Своими в дом Марии, когда приходил в Иерусалим.

Когда Господь отправился обратно из Иерусалима в Галилею, то вслед за Ним отправился и Иосиф вместе с прочими учениками. И когда Господь восхотел отправить апостолов Своих на проповедь *к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 10, 6), то увидал, что их мало, почему и сказал: *жатвы много, а делателей мало* (Мф. 9, 37); по этой причине Господь явил миру и иных семьдесят учеников, которых послал по два перед лицом Своим в каждый город и селение (см.: Лк. 10, 1). В числе этих семидесяти учеников Господних был одним из первых и святой Иосиф, переименованный святыми апостолами Варнавой, то есть сыном утешения, так как своей проповедью о пришедшем в мир Мессии, он утешал людей, с великим нетерпением ожидавших пришествия Мессии. Подобно тому как сыновья

Зеведеевы были названы сынами громовыми (см.: Мк. 3, 17), так как должны были прогреметь по вселенной своей проповедью как громом, так и святой Иосиф был назван сыном утешения, ибо его апостольские труды должны были принести великую радость избранным Божиим. И Златоуст святой, объясняя так причину переименования его, говорит (см.: Деян. 11): «Мне кажется, что он получил свое имя по заслугам, ибо для того (чтобы быть сыном утешения) он был вполне способен».

После вознесения Господа на небо, святые апостолы жили все вместе в Иерусалиме, как об этом написано и в книге Деяний апостольских: *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов* (Деян. 4, 32, 34, 35). В то время и святой Иосиф, названный апостолом Варнавой, продал вышеупомянутое село, находившееся близ Иерусалима, доставшееся ему в наследство от родителей; вырученные деньги он принес к ногам апостолов, ничего себе не оставив, ибо он желал богатеть в Бога, в Которого действительно и обогатился, как свидетельствуется об этом: *он был муж добрый и исполненный Духа Святого и веры* (Деян. 11, 24).

Варнаве часто случалось видеться с Савлом, причем он вел спор с ним от Писания о Господе Иисусе Христе и прилагал все усилия свои, дабы обратить Савла к святой вере, но Савл был весьма усердным ревнителем отеческих преданий; поэтому он посмеивался над святым Варнавой, как над человеком обольщенным, говорил даже хульные слова и на Господа Иисуса Христа, называя Его сыном плотника, человеком простого звания, преданным позорной смерти. Когда же после убиения евреями святого первомученика Стефана, Савл начал преследовать Церковь, *входя в дома верующих, влача мужчин и женщин и заключая их в темницы* (Деян. 8, 3), тогда святой Варнава весьма оплакивал его и усердно молился Богу, воздевая свои чистые руки, да просветит Он душевные очи Савла, чтобы он познал истину; он весьма желал иметь Савла другом по вере христианской, подобно тому как он имел его другом в Гамалииловом училище.

Слезы и молитвы Варнавы были не напрасны; когда наступило

время милосердия Божия, Савл обратился ко Христу, будучи призван голосом Господним свыше, на пути в Дамаск[1]. И обратился волк в овцу; хулитель имени Христова начал прославлять Господа Иисуса Христа; бывший ранее гонителем, сделался защитником Церкви; ибо по принятии святого крещения Савл тотчас отправился на собрания иудейские и начал проповедовать об Иисусе, говоря, что Он есть Сын Божий, обличая также иудеев, проживавших в Дамаске. Когда же Савл возвратился в Иерусалим, то *старался пристать к ученикам, но все боялись его, не веря, что он ученик* (Деян. 9, 26). Тогда святой Варнава, встретив его, сказал: «Доколе, о Савл, не перестанешь быть хулителем великого имени Иисуса Христа и гонителем верных рабов Его? До каких пор ты будешь противиться страшному таинству, издревле предвозвещенному пророками, в настоящее же время сбывшемуся ради спасения нашего?»

Савл же, припав к ногам его, со слезами ответил так: «Прости меня, учитель правды, Варнава! Теперь я понял, что все, сказанное тобой мне о Христе, — истина; Того, Кого я ранее хулил, называя сыном плотника, Того Самого исповедую ныне Сыном Божиим, Единородным, соприсносущим Отцу и собезначальным, *Сей, будучи сияние славы Отчей и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3), в последние дни уничижил *Себя самого, приняв образ раба* (Флп. 2, 7), став совершенным человеком, родившись от Пресвятой Девы Богородицы Марии, приняв вольные страдания и крест; затем Он воскрес в третий день, явился вам, Своим апостолам, вознесся на небо и сидит по правую сторону Бога Отца; Он снова придет во славе Своей судить живых и мертвых и Царствию Его не будет конца».

Услыхав таковые слова от ранее бывшего хульника и гонителя, святой Варнава удивился; прослезившись от радости и обняв Савла, он сказал:

«Кто тебя научил, о Савл, говорить таковые богодухновенные слова? Кто тебя убедил исповедовать Иисуса Назарянина Сыном Божиим? Откуда ты научился столь совершенному познанию догматов божественных?»

Тогда Савл, со слезами и сердцем сокрушенным, отвечал: «Сам Господь Иисус Христос, Которого я, грешный, хулил и гнал, Он

---

[1] История обращения Савла изложена в Деян. 9, 1–19. Город *Дамаск* лежит к северо-востоку от Палестины, при восточной подошве Анти-Ливана.

меня научил всему этому; ибо Он явился мне, как извергу, и вот еще теперь я слышу Его Божественный глас в ушах своих. Когда меня осиял чудный свет свыше и я упал на землю от страха, то услышал голос, говоривший: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?* Я же, в страхе и ужасе, сказал:

— *Кто Ты, Господи?*

Он же с кротостью и благоутробием отвечал мне: *Я Иисус, Которого ты гонишь.*

Весьма удивившись долготерпению Его и помолившись, я сказал:

— *Господи, что велишь мне делать?*

Тогда Он научил меня всему тому, что я сказал тебе (см.: Деян. 9, 3–6).

После этих слов святой Варнава взял Савла за руку и привел его к апостолам, сказав:

— Вот, тот, кто нас преследовал, теперь наш. Тот, кто противился нам, ныне с нами одинаково мыслит о Господе нашем; тот, кто ранее был нашим врагом, ныне нам друг и соработник в винограде Христовом. Вот представляю вам кроткого агнца, который ранее был зверем свирепым.

При этом Савл рассказал апостолам, как он на дороге видел Господа, и что Он говорил ему; рассказал также и о том, как он подвизался в Дамаске за имя Христово.

Апостолы, услыхав все это, удивились, возрадовались и прославили Бога. И был Савл вместе с ними; вместе с ними входил он и выходил из Иерусалима, подвизаясь за имя Христово и мужественно обличая иудеев и еллинов. Эти же последние весьма дивились тому, каким образом человек, столь недавно еще преследовавший всех, называвших имя Иисусово, теперь сам проповедовал Иисуса; и искали убить его. Догадавшись же об этом намерении неверных, братия отвели Савла из Иерусалима в Кесарию и отпустили его в Тарс[1], в отечество его, дабы он там проповедовал Господа Иисуса Христа.

В это время в Антиохии Сирийской, городе большом и славном, начала распространяться святая вера в Господа нашего Иисуса Христа. Ибо когда был убит святой первомученик Стефан, поднялось в

[1] *Тарс* — большой в древности город, находившийся в малоазийской области Киликии. Остатки этого города сохранились и теперь.

тот день великое гонение на Церковь Иерусалимскую, так что все верующие рассеялись по странам иудейским и самарийским, кроме апостолов; тогда некоторые из рассеявшихся доходили *до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев* (Деян. 11, 19); но потом и еллинам начали они благовествовать Господа Иисуса; *и была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу* (Деян. 11, 21). Об этом услышала церковь Иерусалимская; поэтому апостолы послали святого Варнаву в Антиохию сирийскую, дабы он узнал подробнее обо всем, происшедшем там, и утвердил бы новообращенных. Он же, придя туда и увидав благодать Божию, весьма возрадовался и утешил всех словом Господним, увещевая всех пребывать при Господе неотступно. В то время как святой Варнава проповедовал там достаточное время, весьма много народу присоединилось ко Господу. Так как ученики умножались с каждым днем, учителей же было немного, так что многая жатва не имела делателей, то святой Варнава, оставив на время Антиохию, отправился в Тарс, желая найти здесь друга своего Савла; найдя его, он привел в Антиохию; и трудились оба они в обращении душ человеческих ко Христу Богу, приводя к вере во Христа иудеев и еллинов. Пробыли они в Антиохии целый год, собираясь в храме и поучая народ. Здесь впервые ученики их начали называться христианами.

По прошествии года Варнава и Савл решили возвратиться в Иерусалим для того, чтобы возвестить святым апостолам о том, как действовала в Антиохии благодать Божия. При этом каждый из антиохиян, соответственно состоянию своему, отправил вместе с Варнавой и Савлом все потребное проживавшим в Иудее собратиям своим, обнищавшим и убогим, ибо тогда был голод великий в Иудее, согласно пророчеству святого Агава: этот Агав был также из числа семидесяти апостолов[1]. Собрав достаточную милостыню, антиохияне отправили ее к старцам через посредство Варнавы и Савла.

---

[1] Голод, предсказанный пророком Агавом, действительно был в Палестине, в 44 году при кесаре Клавдии (Деян. 11, 28). О сильном голоде, свирепствовавшем в то время в Палестине, свидетельствуют и многие светские писатели того времени, как, например, Иосиф Флавий, Светоний, Тацит и другие. Впоследствии, во время пребывания апостола Павла в Кесарии, он предсказал ему также заключение в узы (Деян. 21, 10–11). Память святого пророка Агава совершается святой Церковью 8 апреля.

Когда Варнава и Савл, называвшийся теперь Павлом[1], прибыли в Иерусалим, то они весьма возвеселили Церковь, возвестив об умножении верующих в Антиохии и принеся щедрую милостыню от них.

В это время в Церкви Иерусалимской внезапно произошло большое смущение, ибо *царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежавших к церкви* (Деян. 12, 1), и *умертвил Иакова* Зеведеева*, брата Иоаннова, мечом* (Деян. 12, 2). Заметив же, что это понравилось иудеям, приказал взять Петра и заключил его в темницу, из которой апостол Петр был выведен святым Ангелом. Все это время пока в Иерусалиме не утихло смущение, нанесенное Церкви гонителями, Варнава и Савл укрывались в доме вышеупомянутой Марии, тетки Варнавы, к которой пришел и святой Петр, после того как Ангел вывел его из темницы. Потом Варнава и Савл, окончив свое дело в Иерусалиме, снова возвратились в Антиохию, взяв с собой и сына Марии, по имени Иоанн, названного Марком. После того как все они пробыли достаточное время в Антиохии, подвизаясь в посте, молитве, в служении Божественной литургии и в проповеди слова Божия, благоугодно было Духу Святому послать их на проповедь язычникам. Дух Святой сказал бывшим в Антиохии пророкам и учителям: *отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их* (Деян. 13, 2, 3). Они прежде всего пошли в Селевкию[2], отсюда отплыли в Кипр и остановились в Саламине[3]. Всюду, где ни проходили, они возвещали слово Божие; они имели своим слугой вышеупомянутого Иоанна, названного потом Марком, сына Марии. Пройдя остров до Пафа[4], они встретили некоего волхва лжепророка иудеянина, по имени Еллима, при анфипате Сергии, муже весьма разумном. Здесь они просветили анфипата святой верой, Еллима же волхва, противившегося им, они ослепили словом. Отъехав из Пафа,

---

[1] История жизни и деятельности святого апостола Павла изложена в книге Деяний апостольских, а также в этом томе, 29-го числа.

[2] *Селевкия* — приморский город в Сирии на берегу Средиземного моря, недалеко от устья реки Оронта, в двадцати пяти верстах от Антиохии. Город этот был основан царем Сирийским, Селевком Никатором, за 300 лет до Рождества Христова.

[3] Город *Саламин* находился на восточной стороне острова Кипра. Развалины его указывают вблизи селения Фамагуста.

[4] Город *Паф* находился на противоположном Саламину берегу острова Кипра. Паф был главным городом острова и резиденцией проконсула.

они пришли в Пергию Памфилийскую. Слуга же их Иоанн, он же и Марк, увидав их великие злострадания, которые претерпевали они за благовестие имени Христова (ибо они нисколько не боялись смерти), устрашился ходить с ними по причине своих юных лет; поэтому, оставив их, он возвратился в Иерусалим, к матери своей. Варнава же с Павлом, пройдя Пергию, пришли в Антиохию Писидийскую (город отличный от великой Антиохии Сирийской). Будучи изгнаны отсюда, они отрясли прах от ног своих и прибыли в Иконию[1]; но и здесь иудеи и язычники намеревались побить их камнями; они же, узнав об этом, с поспешностью пошли в города ликаонские[2], Листру и Дервию, и в их окрестности и благовествовали здесь. Здесь они и исцелили одного хромого, бывшего в недуге своем от времени рождения своего и никогда не ходившего; апостолы поставили его на ноги, так что он стал вполне свободно ходить. Народ же, приняв их за богов, вознамерился принести им жертвы; при этом народ называл Варнаву Зевсом[3], а Павла Гермесом[4], и едва святые апостолы уговорили народ не приносить им жертв. Потом тот же народ, будучи научен иудеями, поднял мятеж на святых апостолов: побив Павла камнями, народ извлек его из города, думая, что он умер; но он, поднявшись, вошел в город, а на следующее утро он и Варнава вышли из города и отправились в Дервию. Достаточно благовестив этому городу и обратив здесь многих ко Христу, святые апостолы предприняли обратный путь к Антиохии Сирийской, направляясь через те же города и селения. Всюду по пути своему они утверждали души учеников, увещевая их пребывать в вере и поучая их, что многими скорбями надлежит входить нам в Царство небесное. Рукоположив пресвитеров по всем церквам и помолившись с постом, они оставили учеников своих Господу, в Которого те уверовали. Быв в Пергии и возвестив здесь слово Господне, апостолы отправились отсюда в Атталию[5], затем отплыли в Антиохию Сирий-

---

[1] *Икония* — малоазийский город. Ныне — Кония.

[2] *Ликаония* — малоазийская область.

[3] *Зевс*, или *Юпитер*, — верховный бог греко-римской религии.

[4] *Гермес*, или *Меркурий*, — считался у древних греков и римлян покровителем торговли и промышленности.

[5] Город *Атталия* находился в малоазийской провинции Памфилии, близ Пергии, недалеко от берега Средиземного моря. Ныне здесь местечко Антали, где проживает (на момент написания) восемьсот жителей.

скую, откуда посланы были Духом Святым проповедовать язычникам слово Господне. Придя в город и собрав всех верных, они рассказали им все, что сотворил с ними Бог, и сколь многих язычников они обратили ко Христу, и пробыли в Антиохии немалое время.

Вскоре после этого между уверовавшими евреями и еллинами поднялся спор об обрезании, ибо некоторые из иудеев говорили, что те, кто не обрежется по закону Моисееву, не могут спастись. Уверовавшие же из еллинов считали обрезание большой тягостью для себя. Варнава и Павел противились иудеям и защищали еллинов от обрезания. Но так как спор и пререкание по этому вопросу не прекращались, то для Варнавы и Павла явилась необходимость отправиться из Антиохийской церкви снова в Иерусалим к апостолам и старцам, дабы спросить их об обрезании. Варнаве и Павлу, кроме того, было необходимо возвестить апостолам, что Бог *отверз дверь веры язычникам* (Деян. 15, 4). Варнава и Павел, посланные церковью (Антиохийской), проходя по Финикии и Самарии, всюду возвещали об обращении язычников, чему верующие весьма радовались.

Когда они прибыли в Иерусалим, то были приняты здесь с любовью святыми апостолами и старцами; все с радостью слушали Варнаву и Павла, возвестивших о всех дивных знамениях и чудесах, которые Бог сотворил рукой их среди язычников. Относительно же обрезания апостолы, посоветовавшись соборне, постановили отменить его навсегда для верующих не только из числа еллинов, но и иудеев, как излишнее при новой благодати. При этом апостолы сочли нужным послать и от себя некоторых христиан вместе с Варнавой и Павлом в Антиохию, к уверовавшим еллинам; для этой цели избрали Иуду, называемого Варсавой, и Силу, мужей известнейших среди братии, и написали так: *апостолы и пресвитеры и братия — находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братиям из язычников: радоваться. Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали, то мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавой и Павлом, человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. Итак мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно. Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме*

сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здравы (Деян. 15, 23–29).

С таковым посланием отправились в путь святые апостолы Варнава и Павел, а вместе с ними и Иуда и Сила, направившись из Иерусалима в Антиохию. В это время упомянутый Иоанн, называемый Марком, сын Марии, тетки Варнавиной, не осмеливаясь приблизиться к святому Павлу, подошел к дяде своему, святому Варнаве, с покаянием и слезами, сожалея, что отлучился от них, когда они проповедовали язычникам: Иоанн начал просить святого Варнаву снова взять его с собой, обещая без страха идти на все страдания и самую смерть за Господа: Варнава взял его, как племянника своего. Вместе дошли все до Антиохии. Собрав верных, апостолы отдали им послание; прочитав его, все весьма возрадовались. Иуда же и Сила словом своим утешили братию и утвердили их о Господе. Спустя некоторое время Иуда возвратился в Иерусалим, но Сила продолжал оставаться там. Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя слово Господне прочим.

Спустя некоторое время после этого Павел сказал Варнаве: «Мы должны опять посетить братий наших; мы должны пройти по всем городам, в которых проповедовали имя Господне, дабы видеть, как живут братия».

Святой Варнава дал свое согласие на это. При этом Варнава хотел взять с собой Иоанна, называемого Марком, племянника своего; Павел же не хотел этого, говоря: «Для чего мы возьмем с собой боязливого юношу, который ранее оставил нас в Памфилии, не пожелав идти с нами на дело, на которое мы посланы, и, отлучившись от нас, возвратился к своим родным?»

Произошла распря между нами, так как Варнава хотел взять Иоанна, Павел же не хотел; поэтому они разошлись друг с другом, намереваясь каждый пойти своим путем.

Все это случилось по усмотрению Божию, дабы они, идя врозь, спасли бо́льшее число душ. Вполне достаточно было проповедовать одному великому учителю там, где намеревались идти два великих учителя; каждый же, проповедуя отдельно, сделал бы сугубое приобретение для Церкви: один — в одной стране, другой — в другой, обратив к вере Христовой различные народы. Святой Павел, взяв с со-

бой святого Силу, отправился в Дервию и Листру, а святой Варнава отплыл в Кипр с племянником своим Иоанном[1].

Достигнув острова Кипра, — своего отечества, святой Варнава предпринял немалые труды, ибо обратил здесь ко Христу много народа. Умножив в Кипре число верующих, Варнава отправился в Рим и, как говорят некоторые, — первый проповедал в Риме Христа. Затем, основав и утвердив в городе Медиолане[2] епископский престол, Варнава снова возвратился в Кипр. Когда он учил здесь о Христе, в городе Саламине, пришли сюда некоторые иудеи из Сирии и начали противиться ему и возмущать народ, говоря, что все, проповедуемое Варнавой, противно Богу и закону Моисееву; эти иудеи поносили многими хулами честное имя Варнавино и замыслили умертвить его, возбудив против него многих. Апостол же, провидя свою мученическую кончину, созвал всех верных, живших в городе том; достаточно поучив их в вере и добрых делах и убедив быть мужественными в исповедании имени Христова, совершил Божественную литургию и причастил всех Христовых Тайн. Потом, взяв отдельно Марка, спутника своего, сказал ему: «В этот день я окончу жизнь свою, приняв смерть из рук неверных иудеев, как сказал мне Господь; ты же, взяв тело мое, которое найдешь вне города на западной стороне, похорони его и иди к другу моему, апостолу Павлу; возвести ему все то, что ты знаешь о мне».

Святой Варнава имел с собой Евангелие от Матфея, написанное своей собственной рукой; он завещал святому Марку похоронить его вместе с тем Евангелием. Потом, дав последнее целование сроднику своему святому Марку, Варнава отправился на сонмище еврейское. Когда он начал говорить здесь от книг пророческих о Христе, то иудеи, пришедшие из Сирии, восстали на него, возмутили и дру-

---

[1] Деян. 15, 36–41; 16, 1. Некоторые предполагают, что святой апостол Варнава, после проповеди на острове Кипре и в других местах, снова присоединился к святому апостолу Павлу и разделял его проповеднические труды; думают также, что именно Варнава был тем братом, посланным апостолом Павлом вместе с Титом к коринфянам, который, по словам апостола Павла, прославляется по всем церквам за благовествование (2 Кор. 8, 18).

[2] *Медиолан*, или *Милан*, — итальянский город, находившийся в провинции Ломбардии. В истории христианской Церкви известен как место архипастырской деятельности святого Амвросия, знаменитейшего отца и учителя западной Церкви, жившего в IV веке. Память его совершается святой Церковью 4 декабря.

гих евреев и, возложив на него свои убийственные руки, вывели его из города к западной стороне и побили здесь каменьями; потом, разложив костер, бросили на него тело святого апостола для сожжения. Но когда сюда впоследствии тайно от всех пришел святой Марк вместе с прочими братиями, то он нашел тело святого апостола Варнавы невредимым, совершенно не пострадавшим от огня; взяв его, он похоронил его в одной пещере, отстоявшей на пять стадий от города, причем, согласно завещанию апостола, положил на груди его Евангелие[1]. Потом отправился на поиски апостола Павла; найдя его в Ефесе[2], рассказал ему все о кончине святого апостола Варнавы; святой Павел оплакал кончину Варнавы, Марка же удержал при себе.

После убиения святого Варнавы в городе Саламине поднялось великое гонение от евреев на верующих; поэтому все бежали из этого города и скрывались, где могли. С этого времени пришло в забвение то место, где были положены честные мощи апостола Варнавы. Спустя много лет, когда вера Христова распространилась по всем концам земли, когда Греко-римским царством управляли христианские цари и когда остров Кипр просиял благочестием и правоверием, Господу благоугодно было прославить то место, на котором почивали мощи апостола Варнавы. На этом месте начали происходить многие дивные чудеса. Так первоначально один недужный, переночевавший на том месте, получил здравие. То же самое случилось и с другим больным. Когда же об этом узнали верующие, то нарочито приходили к тому месту, проводили здесь ночь и получали исцеление от недугов своих. Таким образом место то сделалось всюду известным; поэтому сюда приносили многих немощных и расслабленных; все получали здесь полное исцеление от недугов своих и возвращались в дома свои здоровыми. Приводились сюда также и бесноватые, и тотчас духи нечистые отбегали от людей с громкими воплями. Здесь хромые получали хождение, слепые прозрение, и вообще всякий, кто бы ни был одержим каким недугом, получал здесь исцеление. Жители города Саламина весьма радовались по поводу этого, хотя и не знали, по какой причине на этом месте твори-

---

[1] Кончина святого апостола Варнавы последовала около 62 года.

[2] *Ефес* — малоазийский город, лежащий между Смирной и Милетом, при реке Каистре, недалеко от впадения ее в Икарское море.

лись столь великие чудеса, ибо никто ничего не знал о мощах апостоловых; поэтому место то назвали «Местом здравия». Но необходимо знать, каким образом были обретены честные мощи святого апостола.

Некий злой еретик, Петр белильник, по прозванию Кнафей, противник IV Вселенского собора святых отцов[1], происходившего в городе Халкидоне[2], и защитник ереси Евтихиевой, а также и пособник зловерия Аполлинариева[3], в царствование Зенона[4], хитростью захватил престол Антиохийского патриаршества и приносил весьма большой вред своим неправым учением Церкви Христовой. Но он не удовольствовался назначенной ему антиохийской епархией, в которой гнал и преследовал христиан, предавая их многим мучениям; он пожелал захватить под свою власть и остров Кипр, издревле свободный, дабы сеять в нем свое лжеучение и преследовать всех, кто стал бы противиться ему (следует заметить, что киприяне, будучи правоверными христианами, отвергали его неправое мудрствование о том, что на кресте пострадало божество).

Но он всячески старался привлечь их на свою сторону, говоря так: «Так как слово Божие пришло в Кипр из Антиохии, то по этой причине Кипрская церковь должна подчиняться патриарху Антиохийскому».

По причине всего этого архиепископ Кипрский, по имени Анфим, повергся в великую печаль, ибо знал, что тот Петр, пользуясь у царя милостью, очень легко мог достигнуть всего, чего бы ни захотел. И действительно, в скором времени пришло приказание цар-

---

[1] IV Вселенский собор происходил в 451 году и был созван для обличения ереси архимандрита Константинопольского Евтихия, утверждавшего, что в Иисусе Христе человеческое естество было совершенно поглощено божеством, и потому признававшего в нем только одно естество — божеское.

[2] *Халкидон*, или *Калхедон*, — первоначально мегарская колония на берегу Пропонтиды (Мраморного моря). При христианских императорах Халкидон был столицей малоазийской провинции Вифинии.

[3] *Аполлинарий* — епископ Лаодикийский, несправедливо учил, что Сын Божий, воплотившись, принял не полное человеческое естество, но только душу и тело человеческие, ум же человеческий у Него заменяло божество. Ересь эта была осуждена на II Вселенском соборе, происходившем в городе Константинополе в 381 году.

[4] *Зенон* царствовал с 474 по 491 год.

ское в Кипр, повелевавшее архиепископу Кипрскому прибыть в Царьград для ответа на соборе перед патриархом антиохиянам, требовавшим подчинения острова Кипра епархии Антиохийской.

Архиепископ не знал, как ему поступить, ибо и повеления царского ослушаться он не дерзал, и идти в Царьград боялся. Хотя он и проводил святую жизнь, но не обладал даром красноречия и боялся, что будет побежден в споре своими противниками. Поэтому он начал усердно поститься и молиться, испрашивая со слезами помощи, защищения и совета полезного от Самого Бога.

Один раз ночью, когда Анфим задремал от великого молитвенного труда, перед ним предстал некий Божественный муж в светлой священной ризе, осиянный небесными лучами. Явившийся сказал: «Для чего ты, архиепископ, так опечалился и восскорбел? Не бойся, ибо ты нисколько не пострадаешь от своих противников».

Сказав это, явившийся муж вдруг стал невидим. Архиепископ, пробудившись от сна, преисполнился ужаса; потом распростерся на земле крестообразно для молитвы и начал молиться со многими слезами, говоря так: «Господи Иисусе Христе, Сын Бога Живого! Не оставь Церкви Твоей, но окажи ей помощь славы ради имени Твоего святого. Если это видение было от Тебя, то устрой так, чтобы я видел его еще раз, молю Тебя, и третий раз, дабы я, грешный, окончательно удостоверился, что Ты, Помощник мой, со мной!»

В следующую ночь архиепископ имел то же видение; тот же пресветлый муж явился ему и сказал: «Я тебе уже сказал, что ты нисколько не пострадаешь от своих противников, итак, ничего не опасаясь, иди в Константинополь».

Сказав это, явившийся стал невидим.

Архиепископ Анфим, снова возблагодарив Бога и никому ничего не сказав о виденном, присоединил молитву к молитве и слезы к слезам, да сподобится он этого видения и в третий раз и да будет открыто ему, кто был являвшийся.

В третью ночь тот же муж явился и сказал: «До каких пор ты не будешь веровать словам моим, которые сбудутся в ближайшие дни? Иди без страха в царствующий град, ибо оттуда возвратишься со славой, не потерпев нисколько от противников своих; Сам Бог ради меня, раба Своего, будет твоим защитником».

Тогда архиепископ дерзнул сказать явившемуся: «Молю тебя, господин мой, скажи мне, кто ты, говорящий мне эти слова?»

Он же отвечал: «Я — Варнава, ученик Господа нашего Иисуса Христа, которого Дух Святой посылал вместе с избранным сосудом Своим святым апостолом Павлом на проповедь слова Божия язычникам. Для того же, чтобы ты удостоверился в истинности слов моих, вот тебе знамение: выйди за город к западной стороне на пять стадий и на том месте, которое называется „Местом здравия“ (ибо там ради меня Бог чудесно подает болящим здравие), раскопай землю под деревом, произращающим рожки: там ты найдешь пещеру и раку, в которой положены мощи мои; найдешь также и Евангелие, написанное моею собственной рукой, которое я переписал от святого евангелиста апостола Матфея. И когда твои противники, намеревающиеся подчинить своей власти эту церковь, начнут говорить, что Антиохия есть престол апостольский, ты возражай им и скажи: — И мой город — престол апостольский, ибо я имею апостола, почивающего в городе моем».

Когда святой Варнава сказал это архиепископу, тотчас стал невидим. Архиепископ же, преисполнившись великой радости и весьма возблагодарив Бога, созвал клириков, начальников города и весь народ и рассказал всем о бывшем ему троекратном явлении и речах святого апостола Варнавы; затем отправился со псалмопением к тому месту в преднесении честного Креста. Когда дошли до указанного места, начали раскапывать землю под деревом, как сказал в видении апостол; раскопав сверху землю, нашли пещеру, закрытую камнями; сняв камни, увидели раку и ощутили великое и несказанное благоухание; открыв же раку, увидели в ней честные мощи святого апостола Варнавы в целости и неповрежденности, увидели также и Евангелие, лежавшее на персях его[1]. Все в великой радости и веселии воздали Богу славу и с благоговением поклонились честным мощам, прикасаясь им с верой и любовью. В это время произошли многие чудеса: все, кто ни был одержим каким недугом, — получали здравие после прикосновения к честным мощам. Потом архиепископ Анфим, не осмеливаясь взять с того места раку с мо-

[1] Честные мощи святого апостола Варнавы были обретены между 485 и 488 годом.

щами апостоловыми, запечатал ее оловом и приказал пребывать при раке чину духовному и совершать при гробе апостольском денно и нощно обычные псалмопения. Сам же отправился в Царьград; представ собору, он отвечал противникам своим так, как научен был апостолом Варнавой. Император Зенон весьма возрадовался тому, что во дни его царствования обретено было столь великое духовное сокровище, и тотчас распорядился, чтобы остров Кипр не был в подчинении у патриарха, но самостоятельно управлялся бы своим архиепископом; распорядился также, чтобы архиепископ Кипрский поставлялся своими епископами.

Таковая свобода дарована была острову Кипру ради мощей святого апостола Варнавы: с этого времени престол архиерейства кипрского начал называться престолом апостольским, как и прочие патриаршие престолы. Блаженный же Анфим, архиепископ Кипрский, был награжден большими почестями от царя и от всего духовного собора. Царь попросил себе Евангелие, обретенное на груди апостола: приняв его, он украсил его золотом и драгоценными камнями и положил его в царской палате своей церкви; архиепископу же дал весьма много золота для построения прекрасного храма на том самом месте, где были обретены честные мощи апостола Варнавы.

Таким образом архиепископ возвратился к себе со славой и честью и в скором же времени выстроил великий и красивый храм во имя апостола; честные мощи святого апостола он положил во святом алтаре, на правой стороне, и установил праздновать память святого апостола Варнавы 11 июня (в этот день были обретены честные мощи его), во славу Христа, Бога нашего, славимого со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

День двенадцатый

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО

Преподобный Пафнутий[1], подвизавшийся в одном из пустынножительных монастырей египетских, оставил нам повествова-

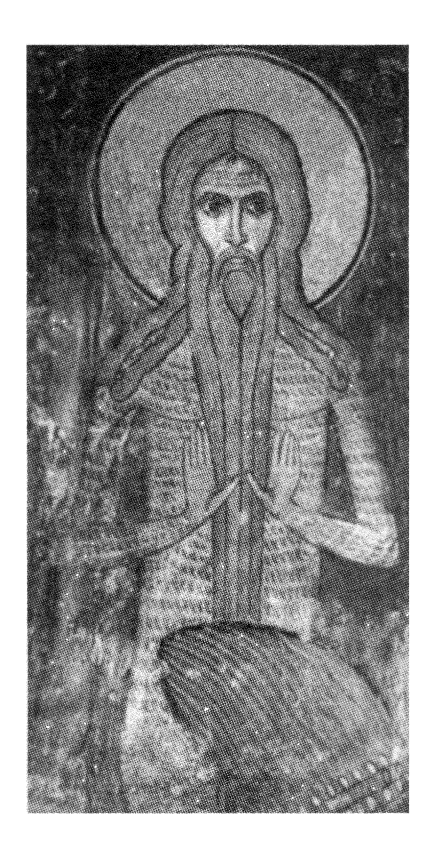
[1] С точностью неизвестно, — замечает святой Димитрий Ростовский, — какой именно преподобный Пафнутий обрел в пустыне преподобного Онуфрия, ибо в Церковных историях и в Патериках встречаем нескольких святых с именем Пафнутий. Иной был Пафнутий — епископ горной Фиваиды, одной из стран египетских, пострадавший во времена нечестивого императора римского Максимиана (305–311 гг.), причем ему был выколот правый глаз. Впоследствии он, в царствование великого Константина (306–337 гг.), присутствовал на I Вселенском соборе, созванном в городе Никее (в 325 г.). Когда святые отцы хотели утвердить как закон то, чтобы священники и диаконы не имели жен, то он, став посреди собора, громогласно изрек: «Не возлагайте тяжкого бремени и ига на служителей Церкви». И противостоял Пафнутий в этом деле всем святым отцам весьма усердно, хотя сам был девственником от чрева матери своей. Никто ничего не мог сказать против него, почему и оставлен был этот вопрос на произвольное решение каждого; поэтому пресвитеры и диаконы Церкви Восточной и до сих пор принимают благословенное супружество. Об этом повествуют греческие историки: Сократ (кн. 1, гл. 8), Созомен (кн. 1, гл. 22) и Никифор (кн. 8, гл. 19). Память этого Пафнутия в римских месяцесловах полагается 11 сентября; в русских месяцесловах, равно и в Прологах, о нем нигде не вспоминается. Другой Пафнутий мученик, также подвизавшийся в египетских пустынях, пострадавший в царствование Диоклетиана (284–305 гг.), был распят на финиковой пальме. Повествование о нем находится в Прологе 25 сентября. Еще один Пафнутий из Александрии, города египетского, отец преподобной Евфросинии, память которой празднуется 25 сентября. Был еще один Пафнутий, также египтянин, обративший к покаянию Таисию блудницу, память которой совершается 8 октября.

ние о том, как он обрел в пустыне преподобного Онуфрия Великого, а также и других пустынников. Свое повествование он начинает так:

— Однажды, когда я пребывал в безмолвии в монастыре своем, пришло ко мне желание пойти во внутреннюю пустыню[1], чтобы видеть, есть ли там инок, более меня работающий Господу? Встав, я взял с собой немного хлеба и воды и отправился в путь; я вышел из монастыря своего, никому ничего не сказав, и направился в самую внутреннюю пустыню. Я шел четыре дня, не вкушая ни хлеба, ни воды, и дошел до некоторой пещеры, закрытой со всех сторон и имевшей только одно небольшое оконце. Я простоял у окна в продолжение часа, надеясь, что, по обычаю иноческому, ко мне кто-либо выйдет из пещеры и выскажет мне приветствие о Христе; но так как мне никто ничего не говорил и не открывал дверей, то я сам открыл двери и вошел, говоря: благослови. В пещере я увидел некоего старца, сидевшего и как бы спящего. Я снова сказал ему: благослови — и прикоснулся к его плечу, намереваясь его разбудить, но тело его было как прах земной; осязав его руками, я убедился, что он умер уже много лет тому назад. Увидав одежду, висевшую на стене, я прикоснулся к ней; и была она как прах в руке моей. Тогда

Еще один Пафнутий, ученик преподобного Макария Александрийского (память его — 19 января), повествующий о том, как зверь гиена принес своего слепого щенка к преподобному Макарию для уврачевания. Иной был Пафнутий, по прозвищу Кефаль, упоминаемый в книге Руфина (историка IV века) «Провещаниях отеческих», и в книге Палладия «Лавсаик» (91-й гл.), ходивший восемьдесят лет в одной одежде. В Прологах встречаются слова и еще о некоторых Пафнутиях; так 25 ноября есть слово о Пафнутии монахе, как он спас разбойника, испив чашу вина; 9 марта есть слово о Пафнутии монахе, молившем Бога известить его, кому он подобен; и получил он извещение, что подобен старейшине селения; об этом же Пафнутии 27 марта есть слово, что он подобен свирельщику. Относительно же того Пафнутия, который обрел преподобного Онуфрия, мы не имеем никаких известий.

[1] *Египет* был обычным местом обитания многих подвижников. Обители иноков находились как в Нижнем, так и в Среднем Египте. Особенно славилась в Египте пустыня Нитрийская, находившаяся в Нижнем Египте и лежавшая в глубь страны за рекой Нилом. Внутренняя или скитская пустыня лежала на несколько суток пути далее пустыни общежительных монастырей. Это была дикая песчаная пустыня, где только изредка встречались ключи с водой; сюда не было и проторенной дороги — путь сюда направляли по течению звезд.

я снял с себя свою мантию и покрыл ею тело умершего, затем, выкопав руками своими яму в песчаной земле, похоронил тело подвижника с обычным псалмопением, молитвой и слезами. Потом, вкусив немного хлеба и испив воды, я подкрепил свои силы и переночевал при могиле того старца.

На следующий день утром, сотворив молитву, я отправился в дальнейший путь к внутренним пустыням; идя в течение нескольких дней, я натолкнулся на другую пещеру; услыхав около нее человеческие крики, я подумал, что в той пещере, вероятно, жил кто-нибудь; я постучал в дверь; но, не получив ответа, вошел внутрь пещеры; не найдя здесь никого, я вышел наружу, помышляя про себя, что здесь, вероятно, живет один из рабов Божиих, ушедший в это время в пустыню. Я решил ждать на этом месте того раба Божия, так как желал видеть его и приветствовать о Господе; и пробыл в ожидании весь день, все время воспевая псалмы Давидовы. То место показалось мне очень красивым: здесь росла финиковая пальма с плодами, протекал небольшой источник воды; я весьма дивился красоте места того и желал сам жить на месте этом, если бы это было для меня возможно.

Когда день начал уже склоняться к вечеру, я увидел стадо буйволов, шедших по направлению ко мне; увидал также и раба Божия, шедшего среди животных (то был Тимофей-пустынник[1]). Когда стадо приблизилось ко мне, то я увидел мужа без одежды, прикрывавшего наготу тела своего лишь одними волосами. Подойдя к тому месту, на котором я стоял, и посмотрев на меня, человек тот принял меня за духа и привидение, и стал на молитву, ибо многие нечистые духи искушали его привидениями на месте том, как он сам рассказал мне потом об этом.

[1] Память его в тот же день.

Я же сказал ему:

— Чего ты устрашился, раб Иисуса Христа, Бога нашего? Посмотри на меня и на следы от ног моих, и знай, что я такой же человек, как и ты; удостоверься осязанием, что я — плоть и кровь.

Посмотрев на меня и убедившись, что я действительно человек, он утешился и, возблагодарив Бога, сказал:

— Аминь.

Потом подошел ко мне, облобызал меня, ввел в свою пещеру и предложил мне для вкушения финиковые овощи; подал и чистой воды из источника, и сам вкусил ради меня; потом спросил меня, сказав:

— Каким образом ты пришел сюда, брат?

Я же, раскрывая перед ним свои мысли и намерения, отвечал:

— Желая видеть рабов Христовых, подвизающихся в этой пустыни, я вышел из монастыря моего и пришел сюда; и Бог не лишил меня исполнения намерения моего, ибо сподобил меня видеть твою святость.

Потом я спросил его:

— Как ты, отче, пришел сюда? Сколько лет подвизаешься в этой пустыне, чем питаешься и почему ты ходишь нагим и ничем не одеваешься?

Тогда он поведал мне о себе следующее: «Сначала я жил в одной из фиваидских киновий[1], проводя жизнь иноческую и усердно служа Богу. Я занимался тканьем. Но во мне явился такой помысл: выйди из киновии и живи один, трудись, подвизаясь, дабы воспринять от Бога большую мзду, ибо ты можешь от плода рук своих не только сам питаться, но и нищих питать и давать покой странствующим братиям. Вняв с любовью своему помыслу, я ушел из братства, построил себе келию близ города и упражнялся в своем рукоделании; для меня было всего достаточно, ибо трудами рук своих я собирал все необходимое для себя; ко мне приходили многие, требовавшие изделий рук моих и приносили все необходимое; я давал приют странникам, избыточествующее же раздавал нищим и нуждающимся. Но моему житью позавидовал враг спасения нашего, диавол,

[1] *Киновиями* (от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) называются общежительные монастыри, в которых братия содержатся на счет монастыря и взамен того предлагают свой труд на общую пользу монастыря.

всегда со всеми воюющий; желая погубить все труды мои, он внушил некоей женщине прийти ко мне ради моего рукоделия и просить меня приготовить полотно; приготовив, я отдал его ей. Потом она попросила меня приготовить ей еще полотна; и случилась между нами беседа, явилось дерзновение; зачав грех, мы родили беззаконие; и пребывал я с ней в течение шести месяцев, греша все время. Но, наконец, я помыслил про себя, что ныне или завтра меня постигнет смерть и я буду мучиться вечно. И сказал я себе: „Увы мне, душа моя! Лучше тебе бежать отсюда, дабы спастись от греха и вместе с тем от муки вечной!“

Поэтому, оставив все, я тайно убежал оттуда и пришел в эту пустыню, дойдя до этого места, я нашел эту пещеру, источник и финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждый месяц одна из ветвей рождает такое количество плодов, которого вполне хватает для пропитания моего в продолжение тридцати дней. Когда же оканчивается месяц и вместе с тем плоды на одной ветви, тогда созревает другая ветвь. Так, благодатью Божиею я питаюсь, и ничего другого не имею в своей пещере. И одежды мои от долгого времени, придя в ветхость, уничтожились, по истечении многих лет (ибо я уже тридцать лет подвизаюсь в пустыне этой) выросли на мне волосы, как ты видишь; они заменяют для меня одежду, прикрывая наготу мою».

Выслушав все это от подвижника (повествует Пафнутий), я спросил его:

— Отче! В начале твоих подвигов на этом месте страдал ты от каких-либо искушений или нет?

Он отвечал мне:

— Я претерпел бесчисленные нападения бесов. Много раз они вступали в борьбу со мной, но не могли одолеть меня, ибо мне помогала благодать Божия; я противился им знамением крестным и молитвой. Кроме вражьих нападений, моим подвигам препятствовала еще болезнь телесная; ибо я весьма страдал желудком, так что падал на землю от сильной боли; я не мог творить своих обычных молитв, но, лежа в пещере своей и валяясь по земле, с большими усилиями совершал пение, и совершенно не имел сил выйти из пещеры. Я молился Богу милосердному, чтобы Он дал мне прощение грехов моих ради болезни моей. Однажды, когда я сидел на земле и

тяжко страдал желудком, я увидал честного мужа, стоявшего предо мной и сказавшего мне:

— Чем ты страдаешь?

Я же едва мог ответить ему:

— Я страдаю, господин, желудком.

Он сказал мне:

— Покажи мне, где болит.

Я показал ему. Тогда он простер руку свою и положил свою ладонь на больное место; я тотчас выздоровел. Он же сказал мне:

— Вот ты теперь здоров, не греши же, чтобы тебе не было хуже, но работай Господу и Богу твоему отныне и до века.

С того времени я не болею, по милости Бога, славя и хваля милосердие Его.

В такой беседе (говорит Пафнутий) я провел с тем преподобным отцом почти всю ночь: утром же я встал на обычную молитву.

Когда наступил день, я начал усердно просить того преподобного отца позволить мне жить или близ него, или где-либо отдельно поблизости от него. Он же сказал мне: «Ты, брат, не вынесешь здесь демонских напастей». По этой причине он и не позволял мне остаться при нем. Я просил его также сказать мне свое имя. И сказал он: «Имя мое — Тимофей. Поминай меня, брат возлюбленный, и моли обо мне Христа Бога, да явит Он мне до конца милосердие Свое, которого сподобляет меня».

Я, говорит Пафнутий, припал к ногам его, прося его помолиться обо мне. Он же сказал мне: «Владыка наш Иисус Христос, да благословит тебя, да сохранит тебя от всякого искушения вражеского и да наставит тебя на путь правый, дабы ты беспрепятственно достиг святости».

Благословив меня, преподобный Тимофей отпустил меня с миром. Я взял из рук его себе в путь финиковые овощи, почерпнул воды из источника в свой сосуд, потом, поклонившись святому старцу, ушел от него, прославляя и благодаря Бога за то, что Он сподобил меня видеть такового угодника Своего, слышать слова его и восприять от него благословение.

На возвратном пути оттуда, спустя несколько дней, я пришел в пустынный монастырь и остановился в нем, дабы отдохнуть и пробыть некоторое время. Со скорбью я помышлял в себе: какова жизнь

моя? Каковы подвиги мои? Моя жизнь не могла быть названа даже тенью сравнительно с житием и подвигами этого великого угодника Божия, которого я сейчас видел. Я пробыл немало дней в таковых размышлениях, желая подражать в богоугождении тому праведному мужу. По милосердию Божию, подвигшему меня позаботиться о душе своей, я не обленился снова идти во внутреннюю пустыню непроходимым путем — той дорогой, где жил варварский народ, называемый мазиками. Я весьма хотел узнать, есть ли еще другой такой пустынник, служивший Господу? Я весьма хотел найти его, дабы получить от него пользу для души своей.

Отправляясь в предпринимаемый мной пустынный путь, я взял с собой немного хлеба и воды, которых хватило на непродолжительное время. Когда же хлеб и вода были мной уничтожены, то я воскорбел, ибо не имел пищи, однако я крепился и шел еще четыре дня и четыре ночи без пищи и пития, так что весьма изнемог телом; я упал на землю и стал ожидать смерти. Тогда я увидел святоподобного, прекрасного и пресветлого мужа, подошедшего ко мне; возложив свою руку на уста мои, он стал невидим. Тотчас я ощутил в себе крепость сил, так что мне не хотелось ни есть, ни пить.

Встав, я снова пошел во внутреннюю пустыню и прошел еще четыре дня и четыре ночи без пищи и пития; но вскоре опять стал изнемогать от голода и жажды. Воздев руки к небу, я помолился Господу, и снова увидел того же мужа, который подошел ко мне, коснулся рукой своей уст моих и стал невидим. От этого я получил новую силу и отправился в путь.

На семнадцатый день своего путешествия я подошел к некоей высокой горе; утрудившись от пути, я сел у подножия горы, дабы отдохнуть немного. В это время я увидел мужа, приближавшегося ко мне, очень страшного на вид; он весь был покрыт волосами как зверь, при этом волосы его были белы как снег, ибо он был седым от старости. Волосы его головы и бороды были очень длинны, доходили даже до земли и покрывали все тело его как некая одежда, бедра же его были опоясаны листьями пустынных растений. Когда я увидал этого мужа, приближавшегося ко мне, то пришел в страх и побежал на скалу, находившуюся на верху горы. Он же, дойдя до подножия горы, сел в тень, намереваясь отдохнуть, ибо весьма утрудился от зноя, а также и от старости. Посмотрев на гору, он увидел

меня и, обратившись ко мне, сказал: «Подойди ко мне, человек Божий! Я такой же человек, как и ты; я живу в пустыне этой, подвизаясь Бога ради».

Я (говорит Пафнутий), услыхав это, поспешил к нему и пал к ногам его. Он же сказал мне:

«Поднимись, сын мой! Ведь и ты — раб Божий и друг святых Его; имя же твое — Пафнутий».

Я встал. Тогда он приказал мне сесть, и я сел с радостью близ него. Я начал его усердно просить — сказать мне свое имя и описать мне свою жизнь, как он подвизается в пустыне и как много времени живет здесь. Уступая моим неотступным просьбам, он начал свое повествование о себе так: «Имя мое — Онуфрий; я живу в этой пустыне шестьдесят лет, скитаясь по горам; я не видал ни одного человека, ныне вижу лишь тебя одного. Раньше я жил в одном честно́м монастыре, называвшемся Эрити[1] и находившемся близ города Гермополя, что в Фиваидской области. В монастыре том проживает сто братий; все они живут в полном единодушии друг с другом, проводя общую согласную жизнь в любви о Господе нашем Иисусе Христе. У них общая пища и одежда; они проводят безмолвную постническую жизнь в мире, славя милость Господню. Во дни своего детства я, как новоначальный, был наставляем там святыми отцами усердной вере и любви к Господу, а также поучался и уставам иноческого жития. Я слышал, как они беседовали о святом пророке Божием Илии[2], именно, что он, укрепляемый Богом, жил, постясь, в пустыне, слышал также и о святом Предтече Господнем Иоанне[3], которому не был подобен никогда ни один человек (см.: Мф. 11, 11), относительно его жизни в пустыне до дня явления своего Израилю. Слышав все это, я спросил святых отцов: „Что же: значит, те, кто подвизается в пустыне, больше вас в очах Божиих?“

[1] Или Ерати.

[2] *Илия* — знаменитейший пророк израильский, происходивший из города Фесвы Галаадской, живший и действовавший во дни нечестивого царя Ахава и Иезавели. Из числа всех пророков Илия отличался особенной ревностью о славе Божией. История его жизни и деятельности излагается в 3-й и 4-й книгах Царств (3 Цар. 17–20; 4 Цар. 1, 2). Память его празднуется святой Церковью 20 июля.

[3] *Святой Предтеча и Креститель Господень Иоанн* — величайший из ветхозаветных пророков, стоявший на рубеже Заветов — Ветхого и Нового. Память его празднуется святой Церковью 24 июня, 29 августа, 23 сентября и в другие дни.

Они же отвечали мне: „Да, чадо, они больше нас; ибо мы видим ежедневно друг друга, совершаем соборно церковное пение с радостью; если захотим есть, то имеем уже готовый хлеб, точно так же, если захотим пить, имеем готовую воду; если случится кому-либо из нас заболеть, то таковой получает утешение от братии, ибо мы живем сообща, друг другу помогаем и служим ради любви Божией; живущие же в пустыне лишены всего этого. Если с кем-либо из пустынножителей случится какая-либо неприятность, кто его утешит в болезни, кто ему поможет и послужит, если на него нападает сила сатанинская, где он найдет человека, который ободрит его ум и преподаст ему наставление, так как он один? Если не будет у него пищи, где он достанет ее без труда; точно так же, если и возжаждет, то не найдет воды поблизости. Там, чадо, несравненно больший труд, нежели у нас, живущих сообща; предпринимающие пустынную жизнь начинают служить Богу с большим усердием, налагают на себя более строгий пост, подвергают себя голоду, жажде, зною полуденному; великодушно претерпевают холод ночной, крепко сопротивляются козням, наносимым невидимым врагом, всячески стараются победить его, с усердием стараются пройти тесный и прискорбный путь, ведущий во Царствие небесное. По этой причине Бог посылает к ним святых Ангелов, которые приносят им пищу, изводят воду из камня и укрепляют их настолько, что относительно них сбываются слова пророка Исаии[1], говорящего: *а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся* (Ис. 40, 31). Если же кто из них и не сподобляется лицезрения ангельского, то во всяком случае не лишается невидимого присутствия Ангелов Божиих, которые охраняют такого пустынника во всех путях его, защищают от наветов вражьих, способствуют такому в добрых делах его и приносят Богу молитвы пустынника. Если с кем-либо из пустынников случается какая-либо нечаянная напасть вражья, то он воздевает руки свои к Богу, и тот-

---

[1] *Исаия* — знаменитейший пророк, живший и действовавший в царстве Иудейском во времена царей: Озии, Иоафама, Ахаза и Езекии. Его пророчества, относящиеся к Господу Иисусу Христу, настолько ясны и определенны, что пророка Исаию по справедливости называют «ветхозаветным евангелистом». Его пророчества составляют целую книгу, которая и внесена в состав Библии. Память его совершается святой Церковью 9 мая.

час ниспосылается ему помощь свыше и отгоняются все напасти ради чистоты его сердечной. Разве ты не слыхал, чадо, сказанного в Писании, что Бог не оставляет без внимания ищущих Его, *ибо не навсегда забыт будет нищий, и надежда бедных не до конца погибнет* (Пс. 9, 19). И еще: *воззвали к Господу в скорби своей, и Он избавил их от бедствий их* (Пс. 106, 6): ибо Господь воздает каждому соответственно тому труду, который кто принимает на себя. Блажен человек, творящий волю Господню на земле и усердно Ему работающий: таковому служат Ангелы, хотя бы невидимо; они возвеселяют сердце его радостью духовной и укрепляют того человека всякий час, пока он находится во плоти".

Все это я — смиренный Онуфрий — слышал в своем монастыре от святых отцов, и от слов этих усладилось сердце мое, ибо эти слова для меня были приятнее меда, и показалось мне, что я был как в другом некоем мире; ибо во мне явилось непреодолимое желание идти в пустыню. Встав ночью и взяв немного хлеба, так что его едва хватило бы на четыре дня, я вышел из монастыря, возложив все надежды свои на Бога; я пошел дорогой, ведущей к горе, намереваясь идти отсюда в пустыню. Лишь только я начал входить в пустыню, как увидал перед собой ярко сиявший луч света. Весьма испугавшись, я остановился и начал уже помышлять о возвращении в монастырь. Между тем луч света приближался ко мне, и я слышал из него голос, говоривший: „Не бойся! Я — Ангел, ходящий с тобой от дня рождения твоего, ибо я приставлен к тебе Богом, дабы хранить тебя; мне было повеление от Господа — вести тебя в эту пустыню. Будь совершен и смирен сердцем перед Господом, с радостью служи Ему, я же не отступлю от тебя до тех пор, пока Создатель не повелит мне взять душу твою".

Сказав это из светлого луча, Ангел пошел впереди меня, я же последовал за ним с радостью. Пройдя около шести или семи миллиарий[1], я увидал довольно просторную пещеру; в это время луч света

[1] *Миллиарий* — римская миля, или, точнее, римский милевой камень, потому что в конце каждого миллиария стоял в виде знака каменный столб. Миллиарий равнялся восьми стадиям (стадия равнялась восьмидесяти восьми саженям), что составит приблизительно полторы наших версты. Милевые камни были рассеяны по всей Италии; на них надписывалось обыкновенно имя строителя или императора, при котором они строились. Первый милевой камень, от которого вели начало все остальные камни и у которого соединялись все дороги, находился в Риме, у храма Сатурна. При раскопках в Риме были найдены остатки этого камня.

ангельского исчез из глаз моих. Подойдя к пещере, я пожелал узнать, нет ли там какого человека. Приблизившись к дверям, я, по обычаю иноческому, воззвал: „Благослови!“

И увидел я старца, видом честного и благообразного; на лице и во взгляде его сияла благодать Божия и духовная радость. Увидав этого старца, я пал к ногам его и поклонился ему. Он же, подняв меня рукой своей, поцеловал и сказал: «Ты ли это, брат Онуфрий, споспешник мой о Господе? Войди, чадо, в мое жилище. Бог да будет помощником твоим; пребывай в звании своем, совершая добрые дела в страхе Божием“.

Войдя в пещеру, я сел и пробыл с ним немало дней; я старался научиться от него его добродетелям, в чем я и успел, ибо он научил меня уставу жития пустыннического. Когда же старец увидел, что дух мой уже был просвещен настолько, что я понимал, каковы должны быть дела, угодные Господу Иисусу Христу; увидав также, что я укрепился к бесстрашной борьбе с тайными врагами и страшилищами, которые имеет пустыня, старец сказал мне: „Поднимись, чадо; я поведу тебя в другую пещеру, находящуюся во внутренней пустыне, живи в ней один и подвизайся о Господе; ибо для этого Господь и послал тебя сюда, — чтобы ты был насельником пустыни внутренней“.

Сказав так, он взял меня и повел в самую внутреннюю пустыню: шли же мы четыре дня и четыре ночи. Наконец, на пятый день нашли небольшую пещеру. Тот святой муж тогда сказал мне: „Вот, то самое место, которое уготовано Богом для твоих подвигов“. И пробыл старец со мной тридцать дней, поучая меня доброделанию; по прошествии же тридцати дней, поручив меня Богу, пошел обратно к месту своих подвигов. С тех пор он приходил ко мне один раз в год; он навещал меня ежегодно, до преставления своего Господу; в последний год он преставился ко Господу, быв у меня по обычаю своему; я же плакал весьма много и похоронил тело его близ моего жилища».

Потом я, смиренный Пафнутий, спросил его: «Отче честный! Многие ли труды предпринял ты в начале твоего прибытия в пустыню?»

Блаженный старец отвечал мне: «Имей мне веру, возлюбленный брат мой, что я предпринял столь тяжелые труды, что уже много раз

отчаивался в жизни своей, считая себя близким к смерти: ибо я изнемогал от голода и жажды; с самого начала прибытия в пустыню я не имел ничего из пищи и питья, случайно разве только я находил пустынное зелье, которое и было мне пищей; жажду же мою прохлаждала только роса небесная; жар солнечный жег меня днем, ночью же я мерз от холода: тело мое покрывалось каплями дождевыми от росы небесной; чего другого я не претерпел, каких трудов и подвигов не предпринял в этой непроходимой пустыне? Пересказать о всех трудах и подвигах невозможно, да и неудобно оповещать то, что человек должен творить наедине ради любви Божией. Благий же Бог, видя, что я всего себя посвятил постническим подвигам, обрекши себя на голод и жажду, приказал Ангелу своему заботиться обо мне и приносить мне ежедневно немного хлеба и воды для укрепления тела моего. Так был питаем я Ангелом в продолжение тридцати лет. По истечении же тридцати лет, Бог дал мне более обильное питание, ибо близ пещеры моей я нашел финиковую пальму, имевшую двенадцать ветвей; каждая ветвь отдельно от других приносила плоды свои, — одна в один месяц, другая в другой, до тех пор, пока не оканчивались все двенадцать месяцев. Когда оканчивается один месяц, оканчиваются и плоды на одной ветви; когда наступает другой месяц, начинают вырастать плоды на другой ветви. Кроме того, по повелению Божию, потек близ меня и источник живой воды. И вот уже другие тридцать лет я подвизаюсь с таким богатством, иногда получая хлеб от Ангела, иногда же вкушая финиковые плоды с кореньями пустынными, которые, по устроению Божию, кажутся мне более сладкими, нежели мед; воду же я пью из этого источника, благодаря Бога; а более всего я питаюсь и напояюсь в сладость словами Божиими, как и написано: *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4, 4). Брат Пафнутий! Если со всем усердием будешь исполнять волю Божию, то ты получишь от Бога все необходимое; ибо во святом Евангелии сказано: *не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 31–33).

Когда Онуфрий говорил все это, — я (повествует Пафнутий) весьма дивился чудному житию его. Потом снова спросил его: «Отче,

каким образом ты причащаешься пречистых Христовых Тайн в субботу и в день воскресный?

Он отвечал мне: «Ко мне приходит Ангел Господень, который и приносит с собой пречистые Тайны Христовы и причащает меня. И не ко мне только одному приходит Ангел с причастием Божественным, но и к прочим подвижникам пустынным, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческого; причащая, он наполняет сердца их неизреченным веселием. Если же кто-либо из этих пустынников пожелает видеть человека, то Ангел берет его и поднимает к небесам, дабы он видел святых и возвеселился, и просвещается душа такого пустынника, как свет, и радуется духом, сподобившись видеть блага небесные; и забывает тогда пустынник о всех трудах своих, предпринятых в пустыне. Когда же подвижник возвращается на свое место, то начинает еще усерднее служить Господу, надеясь получить на небесах то, что он сподобился видеть».

Обо всем этом беседовал со мной Онуфрий (говорит Пафнутий) у подножия той горы, где мы встретились. Я же преисполнился великой радости от такой беседы с преподобным и также забыл все труды путешествия своего, сопряженные с голодом и жаждой. Укрепившись духом и телом, я сказал: «Блажен человек, сподобившийся видеть тебя, святой отче, и слышать прекрасные и сладчайшие слова твои!» Он же сказал мне: «Встанем же, брат, и пойдем к жилищу моему».

И поднявшись, мы пошли.

Я (говорит Пафнутий) не переставал дивиться благодати преподобного старца; пройдя два или три миллиария, мы подошли к честной пещере святого. Вблизи пещеры той росла довольно большая финиковая пальма и протекал небольшой источник живой воды. Остановившись около пещеры, преподобный помолился. Окончив молитву, сказал: «Аминь».

Потом сел, предложил также и мне сесть рядом с собой. И беседовали мы, повествуя друг другу о милостях Божиих.

Когда день начал склоняться к вечеру и солнце обращалось уже на запад, я увидел чистый хлеб, лежавший между нами, и приготовленную воду. И сказал мне тот блаженный муж: «Брат, вкуси хлеба, лежащего перед тобой, и испей воды, дабы укрепиться; ибо я вижу, что ты изнемог от голода и жажды и от трудов путешествия».

Я отвечал ему: «Жив Господь мой! Я не буду есть и пить один, но только вместе с тобой».

Старец же не соглашался вкусить; я долго упрашивал его и едва мог упросить исполнить мою просьбу; простерши руки, мы взяли хлеб, преломили его и вкусили; мы насытились, остался даже излишек хлеба; потом мы испили воды и возблагодарили Бога; и пробыли всю ту ночь в молитве к Богу.

Когда наступил день, я заметил, что лицо преподобного после утреннего пения молитвенного изменилось, и весьма убоялся этого. Он же, уразумев это, сказал мне: «Не бойся, брат Пафнутий, ибо Бог, милосердый ко всем, послал тебя ко мне, дабы ты предал погребению тело мое; в сегодняшний день я окончу временную жизнь мою и отойду к жизни бесконечной в покое вечном ко Христу моему».

Было же тогда 12 июня; и завещал преподобный Онуфрий мне, Пафнутию, сказав: «Возлюбленный брат! Когда возвратишься в Египет, напомни обо мне всем братиям и всем христианам».

Я же (говорит Пафнутий) сказал ему: «Отче! После твоего исхода я желал бы пребывать здесь на твоем месте».

Но преподобный сказал мне: «Чадо! Ты послан Богом в пустыню эту не для того, чтобы в ней подвизаться, но для того, чтобы видеть рабов Божиих, возвратиться обратно и поведать о добродетельной жизни пустынников братиям, ради душевной пользы их и во славу Христа Бога нашего. Иди же, чадо, в Египет, в свой монастырь, а также и к другим монастырям и поведай обо всем, что ты видел и слышал в пустыне; поведай также и о том, что ты еще увидишь и услышишь; сам же подвизайся в добрых делах, служа Господу».

Когда преподобный сказал это, то я пал к ногам его со словами: «Благослови меня, честнейший отче, и помолись обо мне, дабы я снискал милость перед Богом: помолись обо мне, чтобы Спаситель мой сподобил меня видеть тебя в будущем веке, подобно тому как сподобил видеть тебя в этой жизни».

Преподобный же Онуфрий, подняв меня от земли, сказал мне: «Чадо Пафнутий! Да не будет пренебрежено прошение твое Богом, но да исполнит его Бог; да благословит тебя Бог и да утвердит в любви Своей и просветит умные очи твои к боговидению; да избавит тебя от всякого несчастия и сетей сопротивника и да продолжит

начатое тобой доброе дело; да сохранят тебя Ангелы Его на всех путях твоих (см.: Пс. 90, 11), да соблюдут они тебя от врагов невидимых, так что эти последние не возмогут оклеветать тебя перед Богом в час грозного испытания».

После этого преподобный отец преподал мне последнее целование о Господе; потом начал молиться ко Господу со слезами и воздыханием сердечным. Преклонив колена и помолившись довольно продолжительное время, он лег на землю и изрек свое последнее слово: «В руки Твои, Боже мой, предаю дух мой!»

В то время как он говорил это, его осиял с неба дивный свет, и при сиянии этого света преподобный, веселясь лицом, испустил дух свой[1]. И тотчас был слышен в воздухе голос Ангелов, певших и благословлявших Бога; ибо Ангелы святые, взяв душу преподобного, возносили ее с радостью ко Господу.

Я же (повествует Пафнутий) начал плакать и рыдать над честным телом его, сокрушаясь о том, что я так неожиданно лишился того, кого так недавно обрел. Потом, сняв с себя одежду, я отодрал от нее нижнюю подшивку и прикрыл ею тело святого, в верхнее же сам оделся снова, дабы возвратиться к братии не нагим. Я нашел большой камень, в котором, по устроению Божию, было сделано углубление наподобие гроба; в этот камень я и положил святое тело великого угодника Божия с приличным этому случаю псалмопением. Затем, собрав много мелких камней, прикрыл ими тело святого.

После всего я начал молиться к Богу, прося Его дозволить мне обитать на том месте; я хотел уже войти в пещеру, но тотчас перед моими глазами пещера разрушилась, финиковая пальма, питавшая святого, исторглась из корня своего и источник живой воды высох; видев все это, я понял, что Богу не благоугодно было, дабы я жил здесь.

Намереваясь уйти оттуда, я съел хлеб, оставшийся от вчерашнего дня, испил также и воду, находившуюся в сосуде; потом, подняв к небу руки свои и возведя очи на небо, начал опять молиться. Тогда я увидел того самого мужа, которого прежде видел, путешествуя по пустыне; это был тот самый муж, который, укрепив меня, шествовал впереди меня.

---

[1] Кончина преподобного Онуфрия последовала в IV веке.

Уходя с места того, я весьма восскорбел душой, сожалея, что не сподобился видеть в живых преподобного Онуфрия более продолжительное время. Но потом я возрадовался душой, поразмыслив, что я сподобился насладиться его святой беседой и получить благословение из уст его; и так я шел, славя Бога.

Пройдя четыре дня, я подошел к некоей келии, стоявшей высоко на горе, имевшей пещеру; войдя в нее, я никого не нашел; посидев немного, я начал думать про себя: «Живет ли кто в этой келии, к которой привел меня Бог?»

В то время как я думал так, вошел святой муж, убеленный сединами; вид его был чуден и светозарен; он был облечен в одежду, сплетенную из пальмовых листьев. Увидав меня, он сказал:

«Ты ли это, брат Пафнутий, предавший погребению тело преподобного Онуфрия?»

Я же поняв, что ему было откровение от Бога о мне, пал к ногам его. Он, утешая меня, сказал: «Встань, брат! Бог сподобил тебя быть другом святых Его; ибо я знаю, по промышлению Божию, что ты должен был прийти ко мне. Я открою тебе, брат возлюбленный, и о себе, что я шестьдесят лет пробыл в пустыне этой и никогда за это время не видал человека, который бы пришел ко мне, кроме братии, обитающей здесь со мной».

В то время как мы беседовали друг с другом, вошли три других, подобные святому, старца. И тотчас они сказали мне: «Благослови, брат! Ты — брат Пафнутий, наш сотрудник о Господе. Ты предал погребению тело святого Онуфрия. Радуйся, брат, что сподобился видеть великую благодать Божию. Господь возвестил нам о тебе, что ты сегодня придешь к нам. Господь повелел тебе пробыть вместе с нами один день. Вот мы уже шестьдесят лет пребываем в пустыне этой, живем каждый отдельно; в субботу же к воскресному дню собираемся сюда. Мы не видали человека, вот только ныне видим тебя единого».

После того как мы побеседовали о преподобном отце Онуфрии и о прочих святых, спустя два часа те старцы сказали мне: «Возьми, брат, немного хлеба и подкрепи себя, ибо ты пришел издалека; подобает нам возрадоваться с тобой».

Встав, мы принесли Богу единодушную молитву и увидали перед собой пять чистых хлебов, очень вкусных, мягких, теплых, как бы

только что испеченных. Потом те старцы принесли кое-что из плодов земных. Съев вместе, мы начали вкушать хлебы. И сказали мне старцы: «Вот мы, как сказали тебе, пребываем в пустыне этой шестьдесят лет, и всегда по повелению Божию приносились нам только четыре хлеба; ныне же, по случаю твоего прибытия к нам, послался и пятый хлеб. Неизвестно нам, откуда приносятся эти хлебы, но каждый из нас, входя в пещеру свою, ежедневно находит в ней один хлеб. Когда же мы собираемся сюда накануне воскресного дня, то находим здесь четыре хлеба, каждому по одному».

По вкушении трапезы той мы встали и возблагодарили Господа.

Между тем день склонялся к вечеру; скоро должна была наступить ночь; став с вечера субботнего на молитву, мы пробыли всю ночь без сна, молясь до утра дня воскресного.

Когда наступило утро, я начал усердно просить отцов тех, дозволить мне пробыть вместе с ними до смерти моей. Но они сказали мне: «Нет воли Божией на то, чтобы ты пребывал в этой пустыне вместе с нами; тебе необходимо идти в Египет, дабы ты возвестил христолюбивым братиям обо всем, что ты видел на память о нас и на пользу слушающим».

Когда они это сказали, я усердно начал просить их открыть мне имена свои. Но они не восхотели поведать их мне. Я долгое время с большим усердием упрашивал их, но нисколько не успел в своей просьбе: они сказали мне только: «Бог, знающий все, знает и имена наши. Поминай нас, да сподобимся видеть друг друга в горних селениях Божиих. Всячески старайся, возлюбленный, избегать искушений и соблазнов мирских, да не будешь побежден ими; ибо они вовлекли в погибель многих».

Выслушав эти слова от тех преподобных отцов, я пал к ногам их и, получив благословение от них, отправился с миром Божиим в путь мой. Те отцы предсказали мне о некоторых событиях, которые действительно и случились.

Выйдя оттуда, я шел по направлению внутренней пустыни один день; дойдя до некоей пещеры, при которой был источник живой воды, я сел для отдыха там и любовался красотой того места; ибо место то было весьма красиво; кругом источника того росли многие садовые деревья, обремененные плодами. Немного отдохнув, я встал и походил посреди деревьев тех, удивляясь большому количеству

плодов тех и помышляя про себя, — кто же насадил здесь все это. Были же здесь различные плоды деревьев, как то: финики, цитроны, яблоки большие и красные, смоквы, бросквины и виноградные лозы[1], увешанные большими гроздями, росло здесь много и других плодовых деревьев; плоды их были вкуснее меда; от них разливалось великое благоухание, источник же, протекавший там, орошал все те насаждения. Видя все это, я подумал, что это и есть рай Божий.

В то время как я дивился великой красоте места того, я увидал четырех благовидных юношей, шедших издалека по пустыне ко мне: юноши те были опоясаны овечьими кожами. Подойдя ко мне, они сказали: «Радуйся, брат Пафнутий!»

Я, пав лицом на землю, поклонился им.

Они же, подняв меня, сели рядом со мной и начали беседовать. Лица этих юношей сияли благодатию Божиею; мне казалось, что это были не люди, а Ангелы, сошедшие с неба. Юноши весьма обрадовались моему приходу и, взяв древесные плоды, предложили мне вкусить их; и возрадовалось сердце мое по причине их любви. Я пробыл у них семь дней, питаясь плодами с тех деревьев. В беседе я спросил их: «Как вы попали сюда? Откуда вы?»

Они же отвечали мне: «Брат! Так как Сам Бог послал тебя к нам, то мы поведаем тебе жизнь нашу. Мы происходим из города Оксиринха[2]; наши родители были начальниками того города; желая обучить нас книгам, они отдали нас в одно училище, где мы в скором времени научились простой грамоте (чтению). Когда же мы начали преуспевать и в более совершенном обучении, тогда у нас всех явились одни общие и согласные убеждения, ибо Господь споспешествовал нам: мы решили изучить высшую духовную премудрость. С этого времени, собираясь ежедневно вместе, мы побуждали друг друга на усердие к службе Божией; имея благое намерение в сердцах своих, мы восхотели отыскать где-нибудь безмолвное уединенное

[1] Следует заметить, что Египет, в особенности в местах, лежавших неподалеку от реки Нила, был весьма богат своим растительным миром. Там в изобилии росли: финиковая пальма, акации, тутовые деревья, хлопчатник, сахарный тростник, индиго и другие.

[2] Город *Оксиринх* находился в верхней Фиваиде. Он славился благочестием своих жителей; по свидетельству историка Руфина (жившего в IV веке), он заключал в своих пределах до десяти тысяч девственников и до двадцати тысяч девственниц. Ныне — селение Бенезех.

место и пробыть на нем несколько дней в молитве, дабы узнать Божие намерение относительно нас. Каждый из нас взял немного хлеба и воды, именно столько, сколько должно было хватить на семь дней; потом мы вышли из города. Идя несколько дней, мы достигли пустыни; войдя в пустыню, мы пришли в ужас, ибо увидали перед собой некоего светлого мужа, сиявшего славой небесной; взяв нас за руки, он повел нас, как ты видишь, на это место; потом передал нас мужу, уже состарившемуся годами, служившему Господу. И вот мы пребываем здесь уже шестой год. С тем старцем мы подвизались один год, при этом он учил и наставлял нас, — как надо служить Господу. По прошествии же года, отец наш преставился ко Господу, и с того времени мы живем здесь одни. Вот, брат возлюбленный, мы поведали тебе, — кто мы такие и откуда пришли. В продолжение всех тех шести лет, мы не вкушали ни хлеба, ни какой другой пищи, кроме плодов этих садовых деревьев; каждый из нас отдельно от прочих пребывает в безмолвии. Когда наступает суббота, то мы все собираемся на это место, видим друг друга и утешаемся о Господе. Пробыв вместе два дня, субботу и воскресенье, снова каждый расходимся на свое место».

Слыша все это от них, я, смиренный (говорит Пафнутий), спросил их: «Где же причащаетесь вы в субботу и воскресенье Божественных Тайн пречистого Тела и Крови Христа, Спасителя нашего?»

Они отвечали мне: «Для того мы и собираемся здесь каждую субботу и воскресенье, ибо Ангел святой, посылаемый Богом, приходит к нам и преподает нам святое причащение».

Я же, весьма возрадовавшись, услышав это, восхотел дождаться у них субботы, дабы видеть святого Ангела и получить из его рук Божественное причащение. И пробыл там до субботы. Пробыли и они ради меня в одном месте, не расходясь каждый в келии свои. И проводили мы те дни в славословии Божием и в молитвах, вкушая в пищу плоды садовые и испивая воду из источника. Когда наступила суббота, рабы Христовы сказали мне: «Приготовься, возлюбленный брат, ибо ныне придет Ангел Божий и принесет нам Божественное причащение. Тот, кто сподобится восприять из рук его святое причащение, получает прощение всем грехам своим и становится страшным для демонов, так что искушение сатанинское не может приблизиться к нему».

В то время как они говорили мне это, я обонял дивный аромат, как бы от сильного каждения фимиама, и весьма изумился, ибо никогда не обонял такого дивного аромата. Я спросил юношей:

— Откуда исходит столь неизреченное благоухание?

Они отвечали мне:

— Приближается Ангел Господень с пречистыми Тайнами Христовыми.

Тотчас встав на молитву, мы начали петь и славословить Христа Царя, Бога нашего. Внезапно нас осиял свет с неба; мы увидели Ангела Божия, сходившего с высоты, блиставшего как молния. Я пал ниц на землю от страха. Юноши же те подняли меня и сказали, чтобы я не боялся. Тогда я увидел предстоящего нам Ангела Божия, в образе прекрасного юноши; красоту его трудно было описать; он держал в руке своей святой потир (чашу) с Божественными Дарами. Те рабы Божии подходили к нему по одному и причащались. После них подошел и я, грешный и недостойный, с великим трепетом и ужасом, вместе же с тем и с несказанной радостью, и сподобился причаститься пречистых Тайн Христовых из рук Ангела. Во время причащения я слышал слова Ангела:

— Да будет вам пищей нетленной, веселием нескончаемым и жизнью вечной Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, Бога нашего.

Мы отвечали на это:

— Аминь.

После святого причащения мы получили благословение от того преславного Ангела. Потом он перед нашими глазами возлетел к небесам, мы же, пав на землю, поклонились Богу, благодаря Его за великую милость к нам. Наше сердце было преисполнено великой радости, так что мне казалось, что я нахожусь не на земле, а на небе; от той великой радости я был как бы в восторженном состоянии. Потом те святые рабы Божии принесли овощи и предложили их мне, и, сев, мы вкусили их.

Между тем суббота окончилась и наступила ночь; мы провели ее без сна в псалмопении и славословии Бога. В воскресенье мы сподобились той же благодати Божией, что и в субботу; ибо к нам пришел тем же порядком и в том же виде Ангел Божий и, причастив нас, исполнил сердца наши великой радостью. Я же, возымев дерз-

новение, начал просить Ангела Божия дозволить мне обитать до окончания жизни моей там вместе со святыми рабами Божиими. Но он сказал мне: «Богу не благоугодно, чтобы ты жил здесь; Он повелевает тебе немедленно идти в Египет и возвестить всем братиям о том, что ты видел и слышал в пустыне, дабы и прочие братия потщились проводить доброе житие и угодить Христу Богу. В особенности расскажи всем подробнее о святом житии и блаженной кончине преподобного Онуфрия, которого ты похоронил в камне. Передай братиям и все то, что слышал из уст его. Блажен ты, что сподобился видеть столь дивные великие дела Божии, являемые на святых Божиих. Уповай на Господа, что Он и тебя сопричтет в будущем веке к тем святым, которых ты видел и с которыми ты беседовал. Иди же ныне в путь твой, и мир Божий да будет с тобой».

Сказав это, Ангел возлетел на небо.

Я же (повествует Пафнутий) преисполнился столь великого страха и вместе радости от слов Ангела, что не мог стоять на ногах и упал на землю, как беспамятный. Святые же рабы Божии подняли меня и утешали: потом, предложив овощи, вкусили вместе со мной и возблагодарили Бога.

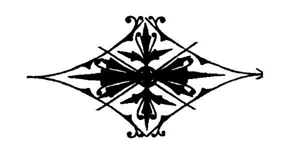
Наконец, воздав приветствие святым, я отправился в путь свой. Юноши же те честные дали мне в путь овощей и проводили на пять миллиарий. Я усердно просил их сказать мне имена свои. Они сказали: первый назывался Иоанн, второй — Андрей, третий — Иракламвон, четвертый — Феофил; и приказали мне сказать свои имена братиям для поминовения их. Я просил же поминать и меня в молитвах своих. Потом еще раз воздав взаимное целование друг другу о Господе, мы разошлись; они возвратились на свое место, я же пошел по направлению к Египту.

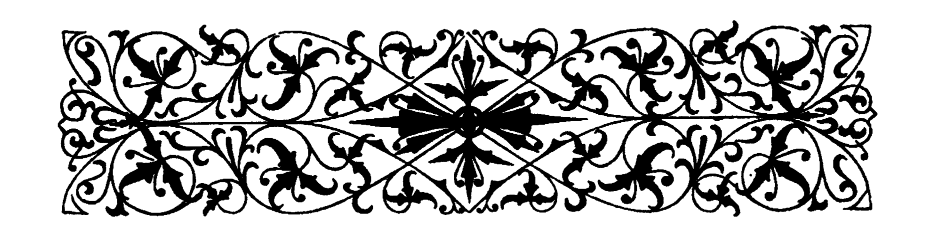
Отправляясь в пустыню, я был печален, но вместе с тем и радостен; скорбел я потому, что лишился лицезрения и сладкой беседы со столь великими угодниками Божиими, которых не был бы достоин и весь мир; радовался же, что сподобился благословения их и созерцания Ангела, а также и причащения из рук ангельских.

Я шел в продолжение трех дней; потом подошел к скиту; встретил здесь двух братев, подвизающихся в отшельничестве. Я пробыл у них десять дней и поведал им обо всем, что я видел и слышал в

пустыне. Они слушали меня с великим умилением и радостью; потом сказали: «Воистину, отец Пафнутий, ты сподобился великой милости Божией, ибо ты видел столь великих рабов Божиих».

Те два брата проводили жизнь весьма добродетельную и любили Бога от всего сердца своего; они записали все, что слышали из уст моих. Воздав им приветствие, я пошел в свой монастырь. Запись же о моем повествовании они отправили ко всем святым отцам и братиям, жившим в ските; все, читая и слушая, получали большую пользу душевную и прославляли Бога, являющего Свои великие милости на рабах Своих. Потом положили запись о сказанном мной в церкви, дабы все желавшие могли читать ее, ибо она была весьма назидательна и научала богомыслию. Я же, меньший раб Пафнутий, будучи удостоен таковой благодати Божией (которой я отнюдь не достоин), и устно и письменно возвещаю всем то, что было повелено мне возвестить во славу Божию, на память святых Божиих и на пользу ищущим спасения души своей. Да будет же благодать и мир Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами, молитвами угодивших Ему святых преподобных отцов наших, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПЕТРА АФОНСКОГО

Преподобный Петр был родом грек, званием воин и чином воевода. Он воспринял иночество по следующему случаю.

Однажды Петр вместе с другими воинами был отправлен в Сирию[1] на войну[2]. Греческое войско потерпело поражение от врагов; Петр был взят в плен[3] и вместе со многими другими пленниками отведен в Аравию[4], в город Самару, находящийся около реки Евфрат[5]. Там он был заключен в темницу и закован в тяжелые железные оковы. Находясь в темнице и тщательно обсуждая свою прежнюю жизнь, Петр вспомнил, что он много раз помышлял отречься от мира и принять монашество. Он понял тогда, что Бог наказал его этим тяжелым пленением за то, что он не постарался исполнить своего доброго намерения. Раскаиваясь в своем нерадении и горячо оплакивая прежнюю жизнь, Петр терпеливо переносил страдания, которые, по его сознанию, он вполне заслужил.

Пробыв в темнице долгое время и не надеясь получить избавление от кого-либо из людей, Петр начал воссылать усердные моления к всесильному Богу, могущему Своими, неведомыми людям, путями

---

[1] *Сирия* — область на восточном берегу Средиземного моря.

[2] С арабами.

[3] В 667 году.

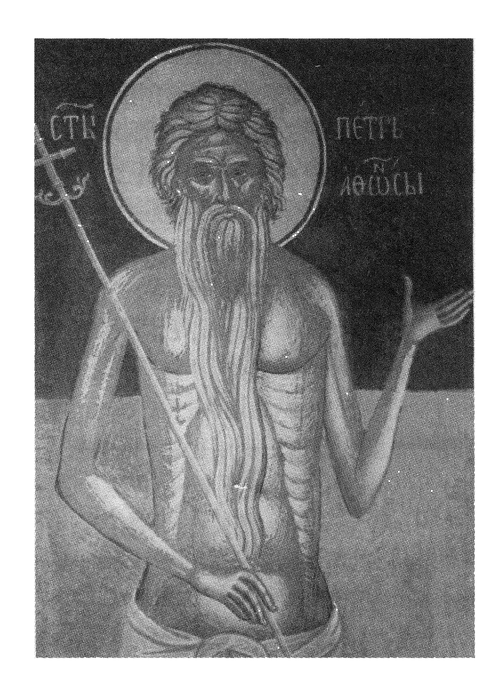
[4] *Аравия* — обширный юго-западный полуостров Азии, отделяемый от азиатского материка Персидским заливом и связанный с твердой землей равнинами Сирийской аравийской пустыни.

[5] Величайшая река Азии в соединении с Тигром, составляющая ее главнейшую водную систему.

освободить его из темницы, как некогда Он извел Адама из ада (см.: 1 Пет. 3, 18–19) и как освободил апостола Петра, заключенного в темницу Иродом (см.: Деян. 12). Вместе с этим Петр призывал на помощь и просил многосильных ходатайств перед Богом у великого чудотворца святителя Николая, скорого помощника находящимся в бедах: Петр издавна имел, по Боге, великую веру и любовь к святителю Николаю и часто к нему обращался за помощью. К своей молитве Петр присоединил такое обещание: если он избавится от уз, то уже не возвратится более в мир, не пойдет даже в свой дом, но тотчас же отправится туда, куда направит его Бог для выполнения иноческого подвига. Он помышлял, если только Бог освободит его от уз, отправиться в Рим, чтобы там, при гробе святого верховного апостола Петра, постричься и дать обет отречения от мира. Молясь об этом, святой Петр наложил на себя пост: он принимал пищу через два или три дня, и то понемногу, и, наконец, на целую седмицу отказался от нее. Когда седмица эта стала приближаться к концу, святому Петру в сонном видении явился святитель Христов Николай и сказал: «Я услышал твою молитву, принял воздыхание твоего сердца и просил за тебя благосердого и человеколюбивого Бога. Но так как ты сам был не скор в исполнении Его заповедей, то и Он не хочет скоро освободить тебя от уз, устрояя тебе лучшее для спасения. Однако ты, по уверению милосердого Господа, обнадеживавшего нас во святом Евангелии словами: *просите, и дано будет вам... стучите, и отворят вам* (Лк. 11, 9), не ослабевай возносить молитвы и стучать в двери Его благоутробия, чтобы Господь, по Своему милосердию, освободил тебя от уз и отверз для тебя двери темницы. Будь только терпелив в молитве, в ожидании Божией милости».

Сказав это, святой Николай повелел узнику Петру подкрепить свое тело пищей, и стал невидим. Восстав от сна и вкусив пищи, Петр снова и еще прилежнее стал молиться и днем и ночью с благой надеждой на избавление, непрестанно призывая помощника своего святителя Николая.

По прошествии некоторого времени святой Николай снова явился святому Петру во сне, в образе как бы опечаленного мужа, и обратился к нему с тихими и кроткими словами: «Я, брат, поверь мне, не переставал умолять о тебе благость Божию, но не знаю, для

каких судеб и каких усмотрений Господь отлагает твое избавление. Однако не отчаивайся в Его милосердии: милосердый Владыка имеет обыкновение отлагать исполнение наших просьб для нашей же пользы, чтобы кто-либо, скоро получив просимое, не пренебрег Его благодатию. При этом Господь желает молитв о тебе и других благоугодивших Ему. Я назову тебе того великого молитвенника, которого, если призовешь на помощь, будешь иметь своим ходатаем, и я верую, что, если мы вместе помолимся о тебе, Человеколюбец услышит нас».

— Кто же, святой владыко, — спросил Петр святителя Николая, — может скорее тебя умолить Бога, — твоим молитвенным предстательством спасается весь мир: ведь весь род христианский, прибегая к тебе, тобой получает избавление от своих бед.

— Знаешь ли, Петр, — спросил святой Николай, — праведного Симеона, именуемого Богоприимцем, так как он принял на свои руки Христа Господа, принесенного в храм, в сороковой день по рождении?

— Знаю, святитель Божий, — отвечал Петр, — того праведного мужа, о котором есть упоминание во святом Евангелии (см.: Лк. 2, 25–36).

— Того оба, я и ты, подвигнем на моление, — продолжал святой Николай, — и тогда все недоконченное хорошо окончится: Симеон праведный имеет великую силу и дерзновение перед Богом, близ престола Которого он предстоит вместе с Пречистой Владычицей Девой Богородицей и святым Предтечей Иоанном.

Сказав это, святой Николай удалился.

Петр же, восстав от сна, снова предался усердному молению и безмерному пощению, призывая на помощь вместе со святителем Николаем и святого Симеона Богоприимца.

Когда же преблагий Бог, умоляемый великими угодниками Своими, пожелал избавить от уз страждущего, тогда, по Божественному изволению, святитель Христов Николай явился в третий раз Петру, и не в сонном видении, как раньше, но наяву, и не один, но вместе со святым Симеоном Богоприимцем.

«Дерзай, брат Петр, — сказал святитель, — и, отложив печаль, расскажи о своих обетах общему ходатаю и моему сомолитвеннику и воздай ему, по Боге, благодарение».

Петр, возведя очи, увидел святого Симеона честнóго образом, окруженного сиянием, с златым жезлом в руке и одетого в ветхозаветный священнический ефод[1]. При виде этого дивного старца Петр ужаснулся. Святой же Симеон сказал ему: «Ты ли это, который усердно просил брата Николая освободить тебя от уз?»

Петр едва мог от ужаса открыть свои уста и ответить святому Симеону:

— Я, угодниче Божий, — который приобрел и тебя своим ходатаем к Богу.

— Исполнишь ли свой обет, — сказал ему святой Симеон, — быть иноком и проводить добродетельную жизнь?

— Да, владыко, — отвечал Петр, — с помощью Божией исполню.

Святой сказал:

— Если обещаешься выполнить это, то можешь свободно выйти отсюда и идти куда пожелаешь: ни одно из препятствий не может удержать тебя здесь.

Тогда Петр показал святому свои ноги, скованные железом, и лишь только святой Симеон коснулся оков золотым жезлом — железо тотчас же растаяло, как тает воск в огне. После этого Петр встал на ноги и, увидев темницу открытой, вышел и последовал за святыми Симеоном и Николаем. Когда они были уже вне града, Петр, обдумав свое положение, сказал:

— Не во сне ли происходит все то, что я вижу?

---

[1] *Ефод* — верхняя одежда первосвященника, состоявшая из двух кусков материи, сотканной из золота, виссона и шерсти трех цветов: гиацинтового, пурпурового, червленого; куски материи на плечах соединялись двумя нарамниками, на которых сияли, на двенадцати камнях, имена колен израилевых; внизу концы ефода связывались лентами. У священников же ефод был простой льняной.

Тогда святой Симеон, обратясь к нему, сказал:

— Почему ты, явно творимую тебе милость Божию, признаешь за сон? Разве ты не хорошо видишь; где ты и кому следуешь?

Сказав это, святой Симеон поручил святому Николаю Петра, который и последовал за святителем. Когда наступил день, святой Николай спросил Петра:

— Взял ли ты что-либо, чем тебе питаться в пути?

— Нет, господин, ничего не взял, — отвечал Петр.

Тогда святой Николай повелел ему войти в огород, находившийся недалеко от того места, и сказал:

— Ты там увидишь человека, который даст тебе плодов. Возьми сколько хочешь в дорогу и последуй за мной.

Петр действительно встретил в огороде человека, который снабдил его плодами взяв их, Петр снова последовал за святым Николаем, в сопровождении которого в непродолжительном времени и достиг Греческой земли. Тогда святой Николай сказал Петру: «Вот, брат, ты и в своей земле, и имеешь свободное время для выполнения своего обета. Исполни его вскоре, чтобы снова не попасть тебе в самарскую темницу».

После сих слов святитель Христов Николай стал невидим.

Петр, принеся хвалу Богу и своим ходатаям — святителю Николаю и святому Симеону, пожелал немедленно выполнить свое намерение. Он не пошел в свой дом повидаться со своими родственниками, но отправился в Ветхий Рим[1], чтобы *воздать Вышнему обеты свои* и *исполнить все то*, о чем *говорили его уста в дни его печали*. Святитель Христов Николай, взяв Петра под свое покровительство, нигде не оставлял его, и как прежде, когда Петр шел из Аравии в Грецию, видимо ему сопутствовал, так и во время его путешествия из Греции в Италию невидимо пребывал с ним. Святитель Христов постоянно наблюдал за ним, ущедрял его как отец чадолюбивый или как милостивый воспитатель, хранитель бодрый и неотступный.

Когда Петр подходил к Риму святитель Николай явился папе ночью, в сонном видении, держа за руку мужа и указав на него папе, рассказал по порядку, как освободил его из самарской темницы, а

[1] Так назывался Рим, находящийся на реке Тибр в Италии, в отличие от Нового Рима, то есть Константинополя.

также упомянул и о том, что этот муж дал обещание постричься у гроба святого верховного апостола Петра. Святитель назвал и имя этого мужа и повелел папе, чтобы он принял его и вскоре выполнил его желание. Восстав от сна и размышляя о видении, папа отправился в церковь святого верховного апостола Петра совершить Божественную литургию, желая при этом наяву увидать того мужа, которого видел во сне. Но ввиду того, что день был воскресный, в храме собралось много народа, поэтому папа не мог найти глазами среди большого собрания того, кого желал. Тогда, после долгих поисков, папа громко воскликнул:

— Петр, пришедший из греческой земли, которого святитель Николай освободил в Самаре из темницы — приди ко мне.

Петр тотчас же вышел из толпы, подошел к папе и, припав к ногам его, сказал:

— Вот я, раб твой, владыко.

Петр высказал папе свое удивление относительно того, что он назвал его, Петра, по имени, тогда как папа не только никогда не знал его, но и не видал, и сам Петр никому о своем освобождении не рассказывал.

На это папа сказал:

— Не дивись сему, Петр, — мне рассказал все, что касается тебя, великий святитель Николай.

После этого папа принял с любовью Петра и постриг его при гробе апостола, как он обещался. По пострижении папа немалое время держал при себе Петра, научая и наставляя его на путь спасения, и затем, по повелению Божию, отпустил из Рима с такими словами:

— Иди, чадо, туда, куда восхощет направить тебя Бог. Милость же Его да будет с тобой, наставляя тебя на путь и сохраняя от коварств диавольских.

Блаженный Петр, припав к ногам папы, сказал:

— Спасайся, честны́й отче, спасайся, ученик Христов и сообщник моего споручника святого Николая, и помолись о мне грешном.

Приняв благословение от папы и простившись со всем клиром, Петр с надеждой на заступление Божие вышел из Рима, желая возвратиться в Греческую землю. Когда же он прибыл на берег моря, то

увидал корабль, отправляющийся на восток, вошел в него и отплыл. Ветер был попутный и плавание было начато благополучно.

Долго они плыли безостановочно и только недостаток в хлебе заставил корабельщиков пристать около одного селения. Тогда корабельщики отправились в один из домов того селения, чтобы там испечь хлебы, и застали хозяина и всех его домашних больными. Здесь они испекли хлебы и, пробуя их, сказали одному из своих: «Возьми теплый хлеб и отнеси в корабль кормчему и отцу».

Услыхав об отце, хозяин дома спросил корабельщиков, какой отец плывет с ними. Корабельщики сказали ему, что с ними плывет из Рима монах Петр.

«Умоляю вас, господа мои, — обратился тогда хозяин к корабельщикам, — упросите отца того прийти в мой дом помолиться о нас болящих и благословить нас. Ведь вы видите, что мы от этой лютой болезни почти умираем».

Корабельщики отправились и возвестили об этом отцу. Петр сначала, по смирению и не желая обнаруживать себя, отказывался идти к тому человеку; затем отправился, убеждаемый просьбами и побуждаемый человеколюбием — ибо знал, что смерть действительно недалеко от упомянутого человека. Входя в двери дома, он сказал: «мир дому сему и живущим в нем» (ср.: Мф. 10, 2). По слову Петра, хозяин тотчас исцелился от тяжкого недуга и, чувствуя себя здоровым, быстро встал с одра болезни, как бы от сна, и припал со слезами благодарности к ногам преподобного, лобызая их. Все видевшие чудесное исцеление ужаснулись и прославили Бога. Хозяин же, получивший исцеление, взял преподобного за руку и обошел с ним все постели, где лежали болящие. Преподобный знаменовал каждого из больных крестным знамением, и они исцелялись от недуга. После этого святой Петр с поспешностью возвратился на корабль, где все находившиеся поклонились ему, как великому угоднику Божию. Исцелевший же вместе со всеми домашними, взяв хлеб, вино и масло, пришел к кораблю, чтобы поблагодарить преподобного за полученное исцеление. Святой похвалил его усердие, но повелел благодарить не его, а Бога; приношений же принять не хотел. Тогда человек тот, припав со слезами к ногам преподобного, сказал: «Возлюбленный раб Христов, если этого малого приношения не примешь из наших рук, то не будет радости в нашем доме».

При этом и корабельщики упрашивали преподобного, чтобы он взял дары. И тогда лишь преподобный едва согласился принять их, потом, после благословения, отпустил человека и пришедших с ним, принесенное же отдал корабельщикам, сам ничего не вкусив из него. В дальнейшем плавании пищей преподобному служила онгия хлеба и то вечером, питьем же — малая чаша морской (горькой) воды, которую Господь претворял для него в пресную.

Однажды преподобный Петр задремал и в видении узрел Пречистую Владычицу, Деву Богородицу, сияющую светлее солнца светом небесной славы, и около Нее — святителя Николая, предстоящего Ей со страхом. Святитель Николай, указывая на Петра, говорил Богородице: «Владычица! Ты изволила освободить раба Твоего от тяжких уз, Ты Сама и укажи ему место, где бы он окончил время своего жития».

«На Афонской горе[1], — отвечала Богородица, — будет ему покой. Это место есть Мой жребий, данный мне Сыном Моим и Богом, чтобы здесь отвергшиеся мирского волнения и взявшие по силе духовные подвиги, с верой и любовью призывая Мое имя, без печали проводили эту временную жизнь и ради богоугодных своих дел наследовали жизнь вечную. Я очень люблю то место и желаю умножить чин иноков, от которых не отступит никогда милость Сына Моего и Бога, если они будут соблюдать спасительные заповеди. Я распространю иноческие обители на той горе на юг и на север и иноки будут обладать этой горой от моря и до моря, и имя их прославится по всей вселенной, — Я буду защитой тех, которые станут терпеливо подвизаться в посте на Афонской горе».

Такое видение сподобился узреть преподобный Петр. Восстав от сна, он воздал благодарение и хвалу Христу Богу, Пречистой Его Бо-

---

[1] *Афонская гора (Афон)*, по греч. Ἅγιος Ὄρος — *Святая гора* — узкий гористый полуостров, вдающийся в Архипелаг (Эгейское море), известен как центр иноческой жизни для греческого Востока. Иноческая жизнь здесь появилась в древнее время, хотя несколько позже, чем в Сирии и Палестине. Для Русской Церкви Афон имел ранее по XVII век большое значение. Здесь постригся отец русского монашества преподобный Антоний; отсюда был взят Студийский устав преподобным Феодосием для своего (Печерского) монастыря, потом перешедший, по словам летописца, и в другие монастыри; здесь в богатых монастырских библиотеках получали наиболее широкое по тому времени религиозное образование наши иноки, ходившие на Афон (например, преподобный Нил Сорский).

гоматери и великому отцу Николаю. Корабль же при попутном ветре плыл скоро. Но как только приблизились к краю горы Афонской, корабль стал неподвижно, несмотря на то, что ветер надувал паруса и место было глубоко. Тогда корабельщики с ужасом стали спрашивать друг друга: «Что это значит?»

Петр, видя их недоумение, сказал:

— Дети, скажите мне, как называется это место.

— Это гора Афон, — сказали ему корабельщики.

— Думаю, что ради меня, — сказал им святой, — корабль стал неподвижно. Отведите меня на берег и оставьте там. Если же не сделаете этого, то не отплывете отсюда.

Корабельщики, не желая противиться воле Божией, со скорбью лишились святого отца. Они приблизились к берегу и, выведя святого из корабля, оставили его там, говоря с плачем и рыданием:

— Мы сегодня лишаемся великого покрова и помощи.

— Бог человеколюбив, — утешал их святой, — Он находится везде и все исполняет, Он будет вашим Спутником и сохранит вас от всякого зла.

Сказав это, преподобный дал корабельщикам прощальное о Господе приветствие, оградил корабль знамением честного креста, благословил всех и отступил с миром в путь. Сам он отправился в утесистые места, проходя многие болота, пропасти и леса, пока не нашел для своего обитания одну весьма темную пещеру, где было множество гадов и даже бесы. Сколько претерпел там преподобный напастей от бесов и сколько перенес бедствий, сказать невозможно. Здесь вспомним для назидания лишь некоторые из них.

Преподобный Петр, поселясь в помянутой пещере, день и ночь проводил в молитве, отказываясь совершенно от пищи в течение двух недель. Диавол не в состоянии был перенести такого постнического терпения: он собрал все свои воинства и, вооружив их, как бы на войну, стрелами и луками, мечами и копьями, вошел, ярясь, с страшным и сильным воплем в пещеру, желая изгнать оттуда святого. Тогда одни из бесов, напрягая луки, устрашали святого стрелами, другие копьями; иные, обнажая мечи, намеревались пронзить его ребра, некоторые же бросали большие камни с такой силой, что тряслась земля и пещера могла обвалиться. Преподобный, не надеясь остаться живым, только повторял: «Умру здесь, если так угодно Богу моему».

Потом, возведя очи горé и воздев руки, он так воскликнул: «Пресвятая Богородица, Дева Мария, помоги мне, Твоему рабу».

Как только услышали бесы для себя страшное и ужасное, а для нас сладкое и любезное имя Богородицы, тотчас с шумом исчезли, а святой, громким голосом призывая при этом имя Господа Иисуса Христа — «Господи Иисусе Христе, не оставь меня» — как бы бичом или пращею прогонял убегающих. С тех пор козни бесов до времени прекратились, и святой Петр, пребывая в покое, прославлял Бога и Пречистую Богородицу. В первое время обитания в горе пищей преподобному служил хлеб, который в небольшом количестве он взял с корабля, и потом, когда хлеб вышел, — пустынные злаки и плоды диких деревьев, росших на той горе. Так святой Петр и питался до тех пор, пока не стал ему приносить с неба Ангел манну, о чем скажем впоследствии. Теперь же будем рассказывать по порядку.

По прошествии пятидесяти дней после упомянутого вражеского нашествия, диавол снова с многочисленной силой своей, подобно тому как и в первый раз, вооружился на непобедимого воина Христова, для этого диавол, заставил всякого зверя и всякого пресмыкающегося гада, которые находились на той горе, прийти к пещере, где обитал преподобный, а вместе с ними прибыли туда же он сам и его други, обратившись тоже в различных зверей и гадов. Тогда открылось нечто страшное и ужасное: одни из зверей ползали у ног святого, другие свистели ужасным голосом, а некоторые, раскрыв пасти и устремляясь на святого, как бы хотели поглотить его живым. Преподобный, оградив себя крестным знамением и призвав имя Христа Бога и Пречистой Богоматери, уничтожил их силу и далеко отогнал их от себя, торжествуя и веселясь о Боге, своем Спасителе.

В частых борениях с бесами пришлось провести преподобному первый год своего пустыннического жития. Затем диавол стал другими способами искушать преподобного. Так он принял вид одного из отроков Петра, служившего ему, когда он был в миру воеводой; в образе этого отрока диавол пришел к преподобному и припал к нему, желая поцеловать святого, будучи исполнен мерзости. Затем, плача стал говорить: «Мы слышали, господин наш, как ты был взят на войне, отведен в Самару и там заключен в ужасную темницу и как Бог молитвами святого отца нашего Николая освободил тебя из

той темницы и привел в Греческую землю. Узнав это, все мы — твои домашние, плача и рыдая, всюду тебя искали и, обходя многие города и селения, о тебе расспрашивали. Не найдя и не узнав, где ты находишься, мы вознесли усердные моления со слезами к святому Николаю, чтобы он открыл нам, где ты — наше сокровенное сокровище — пребываешь. Святой Николай, скорый всем помощник, не презрел наших молитв, но открыл нам все относительно тебя, и мы, рабы твои, возрадовались. Я же, предваряя всех, поспешил к тебе, господину моему, и ты, восстав, возвратись в свой дом, чтобы увидали тебя все, желающие видеть лицо твое, и прославили о тебе Бога, чудесно избавившего тебя от уз и плена. О безмолвии же не печалься, так как и там находятся монастыри и удобные места для безмолвия отшельников, и ты можешь поселиться в той обители, где пожелаешь. К тому же и сам ты рассуди по справедливости: что лучше любит Бог из двух, — отшельничество в пустыне, в ущельях гор, приносящее пользу только для самого отшельника, или житие богоугодного и боговдохновенного мужа, своим учением многих обращающего к Богу и наставляющего на путь спасения. Поистине — второе лучше, как свидетельствует Сам Бог во святом Писании: *если извлечешь*, — говорит, — *драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19). Ведь ты знаешь, что в нашем городе многие погрязли в глубине страстей и требуют такого человека, который бы был в состоянии призвать их к покаянию. Тебе, господин мой, будет определено большее воздаяние от Бога, если ты, пришед, обратишь их к Богу. При этом и нас, рабов твоих, всем сердцем любящих тебя, зачем презираешь, удаляясь от нас и скрываясь в пустыне?»

Это и многое подобное говорил бес со слезами, так что святой немного смутился и, прослезившись, сказал ему: «Сюда привел меня не человек, не Ангел, но Сам Бог и Пречистая Богородица и, если не будет от них повеления выйти отсюда, я не покину этого места».

Бес же, услыша имя Божие и Богородицы, тотчас исчез. Удивился святой козням бесовским, но, оградив себя крестным знамением и вперив ум свой к Богу, пребывал в покое.

По прошествии семи лет лукавый враг снова преобразился в светлого Ангела и с обнаженным оружием в руке, став близ пещеры, воззвал:

— Петр, раб Христов, приди ко мне, и я возвещу тебе добрую весть.

— Кто ты, — отвечал святой, — желающий возвестить мне добрую весть?

— Я архистратиг Господень, — отвечал лукавый прелестник, — посланный к тебе. Крепись, мужайся, радуйся и веселись, так как тебе уготован Богом славный престол и неувядаемый венец. Теперь же оставь это место и иди в мир, чтобы принести пользу многим. Ведь и источник воды, находившийся близ тебя, высох, по повелению Божию, чтобы перемерли от безводия все звери, страшившие тебя.

Говоря это, лукавый враг послал другого беса задержать, по Божиему попущению, течение потока. Святой же Петр по смиренномудрию так отвечал на льстивые слова диавольские:

— Кто я такой — подобный псу смердящему, чтобы ко мне явился архистратиг Господень?

— Не дивись этому, раб Господа, — отвечал бес. — В сие время ты превзошел Моисея, и Илию, и Даниила, и Иова: Моисея и Илию ты превзошел пощением, Даниила — гадами и зверями, которым ты заградил уста, Иова — своим терпением, поэтому ты и назовешься великим на небесах. Встань и посмотри — вода уже иссякла — иди в монастыри, которые находятся в миру; я буду с тобой и через тебя спасу многих, говорит Господь Вседержитель.

— Да будет тебе известно, — отвечал святой бесу, — я не уйду отсюда до тех пор, пока не укажет мне этого моя Помощница — Пресвятая Богородица и теплый в бедах моих заступник — святитель Николай.

Бес, услыхав имя Богородицы и святителя Николая, тотчас исчез. Святой же, узнав лукавство диавола, а вместе с этим и его бессилие, обратился к Богу, говоря: «Господи Иисусе Христе Боже мой! Сей враг мой, как рыкающий лев ходит, ища меня поглотить (ср.: 1 Пет. 5, 8), но Ты своей державной рукой ограждаешь меня, Твоего раба. Благодарю Тебя, так как Ты не отступил от меня; молюсь Тебе, Преблагий Владыко, не оставь меня до конца».

По прошествии того дня, ночью, в сонном видении, преподобному Петру явилась скорая помощница христиан, человеколюбивая Владычица, Пресвятая Дева Богородица вместе со святителем Николаем и сказала:

«Теперь не бойся козней диавольских, ибо Господь с тобой. Ангел Господень утром посетит тебя и принесет тебе манну в пищу, так как ему через каждые сорок дней в продолжение твоей жизни повелено приносить ее Богом для твоего пропитания».

Показывая манну святому Петру, Пречистая Богородица сказала:

«Вот эта пища будет приноситься на каждые сорок дней твоей жизни».

Сказав это и преподав святому Петру мир, Владычица отошла от него. Петр же, упав ниц, облобызал то место, где стояли ноги Богородицы и святого Николая. Утром явился Ангел Божий, как возвестила Богородица, принес Петру небесную пищу и, отдав преподобному, отошел. Тогда Петр возблагодарил Бога и Пречистую Богоматерь, затем вкусил манны, принесенной ему ангельскими руками, и так ей подкрепился, что мог в течение сорока дней пробыть без пищи. После этого, по прошествии каждых сорока дней, Ангел приносил преподобному манну и святой Петр подкреплялся ею на сорок дней. Так преподобный провел в безмолвии, пощении и молитве пятьдесят три года. В это время прекратились все козни диавола, которые в особенности часто смущали Петра вначале: привидения, мечтания, страхи были им, с помощью Божией, отогнаны. Прожив на горе столько лет, преподобный не видел лица человеческого, не имел одежды, чтобы прикрыть наготу своего тела и ничего такого, что потребно человеческому естеству, только небо было его покровом, а земля постелью. Летом его опалял солнечный зной, зимой он мерз от холода: все это он терпел ради любви Божией и будущего воздаяния.

Когда же Господь восхотел открыть людям Своего раба, тогда по Его особому смотрению произошло следующее обстоятельство. Один охотник, взяв свой лук и колчан, отправился охотиться на гору Афонскую. Пройдя утесистые места, глубокие долины, пересекаемые высокими и частыми холмами, он дошел до того места, где преподобный Петр проводил ангельское житие. Когда охотник приблизился к этому месту, то увидел большого оленя, выбежавшего из леса, который, играя, бежал вдали перед ним. Увидав прекрасного оленя, охотник погнался за ним и преследовал, стараясь застрелить его, весь день до тех пор, пока олень, по Божиему усмотрению, не

достигнул пещеры преподобного, над которой и стал неподвижно. Охотник, следя за оленем, увидал тогда, направо от зверя, нагого мужа с густой бородой, с волосами, доходящими до чресел, тело которого обросло ими, как у зверей. Увидев преподобного, охотник страшно испугался и бросился бежать назад. Тогда святой Петр, заметив, что охотник устремился назад, воззвал к нему громким голосом, говоря: «Брат! Почему ты боишься и бежишь от меня? Ведь я такой же человек, подобный тебе, а не бесовское привидение, как ты подумал. Возвратись и подойди ко мне, и я расскажу тебе все о себе, так как тебя послал сюда Господь».

Охотник, услыша голос, остановился и со страхом подошел к звавшему его преподобному отцу. Святой ободрил охотника, обнял его и облобызал о Господе и, сев, начал беседовать с ним, подробно рассказывая все о себе: как он, будучи воеводой, был схвачен на войне, как содержался в самарской темнице, как явлением святого Николая и святого богоприимца Симеона избавился от уз, как прибыл в Рим и возвратился оттуда, как поселился на этой горе и как боролся, чем питался и сколько прожил лет в уединении, одним словом, рассказал охотнику всю свою жизнь. Удивился охотник, слушая рассказ святого, ужаснулся и с умилением сказал: «Теперь я понял, что посетил меня Господь Твоею милостью: Он сподобил меня узреть тайного Своего угодника — тебя, отец. От этого дня всегда пребуду с тобой, раб Божий».

«Да не будет так, чадо, — сказал ему на это преподобный. — Ты сначала возвратись в свой дом и испытай себя: можешь ли ты выдержать постнические и отшельнические подвиги? А испытай себя так: воздержись от мяса, вина, сыра и масла, и прежде всего от жены, имущество свое раздай нищим, прилежно молись и постись, испытывая себя сокрушенной душой. Так проведи год и по прошествии его приди ко мне, и что угодно будет Богу, то придется тебе исполнить».

Сказав это, святой дал охотнику как обручение молитву и благословение. Затем, отсылая его к своим, сказал ему в напутствие: «Чадо! Иди с миром и тайну, поведанную тебе, никому не открывай: сокровище, которое известно многим, может быть украдено».

Охотник поклонился святому и удалился, прославляя и благодаря Бога, что Он сподобил видеть во плоти и беседовать с таковым

Своим угодником. Придя домой, охотник выполнил все, что сказал ему святой.

По прошествии года охотник вместе с двумя иноками и своим братом отправились на корабле и остановились против того места, где было пребывание святого Петра. Выйдя из корабля, они прямо пошли в верхнюю пустыню. По дороге к месту, где обитал угодник, охотник, побуждаемый горячей любовью, опередив всех, поспешил к пещере. Он нашел преподобного отца, лежащим мертвым на земле: руки его были сложены крестообразно на груди, благообразно закрыты очи и остальные части тела прилично лежащие[1]. Увидав это, охотник ужаснулся и, над телом преподобного, стал сильно рыдать. Когда спутники охотника пришли и увидели такого дивного мертвеца и друга своего, плачущего над ним, спросили: «Кто это, найденный тобой мертвец, и почему ты так горько о нем плачешь?»

Тогда охотник со слезами и рыданием рассказал им подробно житие преподобного, как сам слышал его из уст преподобного в прошлое лето. Повесть о чудесных делах почившего отца умиляла сердца слушавших: они плакали горькими слезами, жалея, что не удостоились увидеть живым столь великого раба Божия и побеседовать с ним. Брат охотника, одержимый нечистым духом, как только прикоснулся к мощам угодника Божия, тотчас получил исцеление. Бес поверг его на землю с громким криком: «О Петр! Разве тебе недостаточно, что ты изгнал меня из моего вертепа; а теперь ты выгоняешь меня и из настоящего моего жилища!»

С этими словами он как дым вышел из уст человека, который лежал точно мертвый. Спустя немного времени он поднялся здравым телом и душой и сказал своему брату: «Благодарю тебя, брат мой, — так как ты привел меня сюда на мое же благо». Затем, припав к мощам преподобного, исцеленный с радостью и благодарностью лобызал их. После этого взяв честные мощи угодника Божия, они снесли их на берег и, положив на свою ладью, отвезли их в одно довольно известное селение, находившееся под властью македонской; слыша о многих исцелениях, истекающих от мощей святого, епископ города с причтом своим взял цельбоподательные останки святого Пет-

[1] Святой Петр скончался около 734 года.

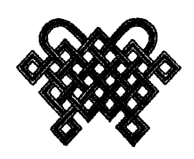
ра, перенес их с честью в свою епископию и, вложив с ароматами в драгоценную раку, предал погребению в церкви, после трехдневных и трехнощных всенародных славословий Пресвятой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу — Богу всею тварью славимому всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

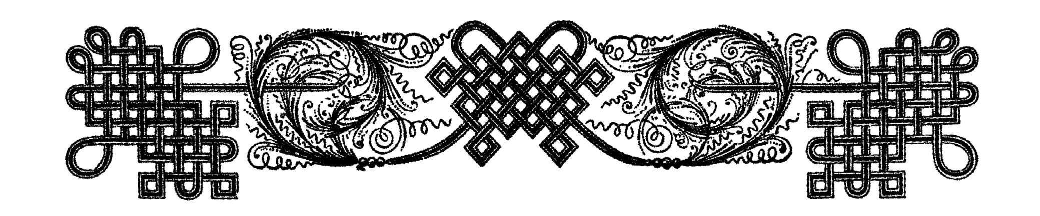
В тот же день **преставление преподобного Арсения Коневского**, Новгородского чудотворца, в 1447 году.

В тот же день **преставление преподобного Онуфрия Мальского**, в 1492 году.

В тот же день **память преподобных Онуфрия и Авксентия Вологодских**, подвизавшихся в конце XV века и начале XVI века.

В тот же день **память преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских**, утонувших в Белом море в 1561 году.

День тринадцатый

СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ АКИЛИНЫ

В палестинском городе Вивлос[1], где христиане появляются со времени святых апостолов, жил христианин Евтолмий, честно́е супружество которого Господь благословил рождением отроковицы, названной Акилиной. Через четыре месяца со дня рождения малютки мать принесла ее к епископу Евфалию, который огласил младенца, осенив его крестным знамением; затем по истечении двух месяцев он окрестил отроковицу. На втором году Акилина лишилась отца, отошедшего в небесные селения, и осталась на попечении матери; последняя растила свою дочь, внушая ей правила благочестивой, христианской жизни; семи лет отроковица уже вполне усвоила эти наставления. С дальнейшим возрастом Акилина все более и более исполнялась Святого Духа, украшаясь благодатью Христовой, и она настолько прониклась ею, что в малых и еще несовершенных годах своей юности мужественно победила, как ничтожную вещь, указы нечестивых царей об обязательном для всех идолослужении. Об этом нам и предстоит теперь слово.

Когда Акилине, непрестанно призывающей в молитвах Бога, исполнилось десять лет, шел седьмой год царствования Диоклетиана[2],

---

[1] *Вивлос*, или *Библос*, город, собственно, в Финикии.

[2] В царствование Диоклетиана (с 284 по 305 год) было издано *четыре* указа против христиан. *Первый* был объявлен в феврале 303 года. Этим указом предписывалось разрушение церквей и сожжение священных книг, вместе с тем христиане лишились гражданских прав, чести, покровительства законов и своих

в это время начальство над Палестинской страной принял некий Волусиан, скорее порождение диавола, нежели человека. Не признавая истинного Бога, Творца всего существующего, Волусиан с ненасытной злобой начал гнать благочестивых последователей Христа Спасителя, — и многие доблестные воины Христовы, мужественно перенесшие страдания, удостоились неувядаемых венцов. В эти дни блаженная отроковица Акилина, исполненная Боговедения, часто обращалась к своим сверстницам с таким увещанием:

— Какую пользу вам приносит почитание немых и бесчувственных идолов? Разве вы не знаете, что поклоняющиеся им с верой льстят себя праздной, пагубной, диавольской надеждой? Эти боги мертвые и бессильные, могут ли оказывать благодеяния?

— Какого же ты почитаешь Бога? — спросили сверстницы Акилину.

Она отвечала:

— Я поклоняюсь и почитаю достойного поклонения Единого Бога, сотворившего небо, землю, море и все, что их наполняет. Он изначала благотворит всем верующим в Него и на Него надеющимся и, как Всемогущий, будет изливать Свои благодеяния на призывающих Его до скончания мира.

— Мы слышали, — возразили собеседницы Акилине, — что Бог, о Котором ты проповедуешь, умер на кресте, распятый иудеями.

— Смерть над Ним, — сказала на это святая, — не имеет власти: Он не только Сам ожил, но оживил и умерших, искупив их

должностей; рабы христиане утрачивали право на свободу, если, получив ее по какому-либо случаю, оставались в христианстве. Вскоре был издан *второй* указ, которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц заключать в темницы; таким образом, указ касается одних только духовных лиц; последних обвинили перед императором как зачинщиков восстания в Сирии и Армении, к несчастью для христиан начавшегося вслед за появлением первого указа. В том же 303 году последовал *третий* указ: всех заключенных на основании второго указа велено было принуждать к принесению жертв под опасением пыток за сопротивление. Наконец, в 304 году был обнародован последний *четвертый* указ, которым объявлялось повсеместное гонение христиан. Из-за этого указа более всего пролилось христианской крови: он действовал целых восемь лет, до 311 года, когда император Галерий особым указом объявил христианство «дозволенной религией». Гонение Диоклетиана было последним; в нем христианство почти после трехвековой борьбы одержало окончательную победу над язычеством.

честной Своей Кровью. Видя, что человек совратился с истинного пути, Он благоволил воплотиться, соделаться человеком, дабы, уничтожив прелесть диавольскую и подав нам благодать с истиной, возвесть и поставить на спасительную стезю павший человеческий род.

— Но кто же Тот, о Ком говорят, что Он распят? — продолжали допытываться сверстницы у Акилины.

— Спаситель всех, возлюбивший человеческий род, — отвечала она. — Он добровольно претерпел страдания, чтобы из ветхого человека водой и Духом[1] соделать нового; Он взошел на Крест, желая спасти не только живущих на земле, но и освободить от смертных уз содержавшихся во аде; Своим тридневным воскресением Он возвестил, как непреложную истину, что во второе Его пришествие для всех наступит восстание из мертвых.

— Но если, — недоумевали вопрошавшие Акилину, — Тот, о Ком ты говоришь, оказал миру столь великие благодеяния, то почему иудеи, Его единоплеменники, не почитают Его за Бога?

— Этот народ, — объясняла святая отроковица, — всегда уклоняется с правого пути; имея непокорную в своем ожесточении и ослепленную злобой душу, он обычно отвергает то, что истинно и праведно; потому-то иудеи отвергли и Благодеявшего им, предав Пилату для осуждения на крестную смерть.

Часто слышал подобные беседы блаженной Акилины со своими сверстницами один из рабов начальника области, по имени Никодим, который, наконец, и сообщил своему господину, что в городе живет отроковица, называющая бесами ничтожных, по ее мнению, богов и не повинующаяся указам царей о почитании последних, причем она, проповедуя о каком-то распятом Боге, отвращает некоторых от религии отцов. Услышав это, начальник области послал

[1] То есть водой крещения, возрождающего к новой жизни, и благодатью Святого Духа, укрепляющего в ней (ср.: Ин. 3, 5–6).

слуг схватить отроковицу. Взята была на страдания святая мученица Акилина во второй год правления областью Волусиана и на двенадцатом году от рождения. Когда она была приведена на нечестивое судилище, Волусиан, взглянув на нее, спросил:

— Не ты ли противишься царским указам, совращая и других не почитать богов наших, а поклоняться Распятому Человеку? Разве тебе неизвестно повеление царей предавать исповедующих имя Иисуса всяческим мучениям, кончая смертной казнью? Поэтому отрекись от Распятого и принеси бессмертным богам достойные их честь и жертвы, чтобы мы не были вынуждены предать тебя мучениям.

— Если ты, анфипат[1], — отвечала святая Акилина, — осудишь меня на горькие мучения, то через это доставишь мне нетленный венец, который я надеюсь восприять от моего Спасителя, так как исповедую имя Его, от Коего никогда, хотя бы даже в лютейших муках, не отрекусь. И так не медли, — изобретай для меня, какие тебе угодно, мучения и убедишься самым делом, что я, вооруженная верой, не боюсь твоих мучений.

Тогда Волусиан начал с лаской увещевать святую отроковицу:

— Видя твою раннюю юность и красоту, я жалею тебя, потому что, если предам тебя мучениям, неокрепшие члены твои сейчас же раздробятся; жестокие спекуляторы после лютых мучений предадут тебя горькой смерти, и ты в юности своей лишишься жизни, причем не поможет тебе исповедуемый тобой Бог христианский.

— Я не прошу у тебя сожаления, — возразила святая Акилина Волусиану, — ты, думая оказать мне милосердие, еще более вредишь мне, пытаясь отторгнуть меня от истинного Бога. Молю тебя, не жалей, но отнесись ко мне с самой беспощадной жестокостью, и тогда из моего терпения узнаешь, что надеющиеся на Христа не бывают побеждены.

Анфипат, убедившись, что никакие увещания не могут рабу Христову заставить отказаться от исповедания Иисуса, приказал бить ее по лицу со словами:

— Вот начало мучений, — сладостно и приятно ли оно тебе?

---

[1] *Анфипат* — областеначальник.

— Бесчеловечный мучитель! — воскликнула Акилина, — так как ты осмелился бить в лицо созданную по образу Божию, то знай, что и Тот, Кого образ я ношу, не простит тебе этого в день Своего суда.

— Я полагаю, — сказал судья, — что наши великие боги, держащие теперь в руках своих спасение всего мира, и в том грядущем веке также будут иметь в своей власти спасение всех.

После этих слов он приказал обнажить отроковицу и, простерши, бить ее двум воинам, присоединяя к пытке такие речи:

— Где теперь Бог твой, Акилина, о Котором ты говорила, что Он не окажет мне прощения на своем суде? Пусть Он придет сюда и избавит тебя от моих рук.

Затем Волусиан велел бьющим остановиться и сказал святой Акилине:

— Послушай меня, желающего тебе добра: оставь свое безумие и, если хочешь избавиться мук, откажись от христианской ереси: из рук моих вышел ли избавленным хоть один из надеющихся на Того, Который Сам не оказал Себе избавления, когда Его распяли? Кого, из почитающих Иисуса, оставили жить на земле цари наши?

— Неужели ты думаешь, безжалостный палач, — отвечала святая Акилина, — что я чувствую причиняемые мне мучения? Знай же, что Бог мой подаст мне крепость и терпение несравненно больше тех ухищрений, какие ты изыскиваешь против меня по внушению отца своего диавола.

Волусиан, приведенный в недоумение таким мужеством блаженной отроковицы, сказал ей:

— Я оставлю тебе несколько дней на размышление, чтобы ты, по здравом рассуждении, поклонилась богам и тем сохранила себе жизнь, получив в то же время от царей достойную награду.

— На сколько же дней ты даешь мне ослабу? — спросила святая Акилина.

— На сколько ты хочешь, — отвечал Волусиан.

— Так я прошу тебя, — сказала мученица, — не оставлять мне даже и часа на подобного рода размышления: с малых лет я научена поклоняться только Единому Богу, притекая к Тому, Который, живя на небесах, милостивым оком взирает на земных чад Своих.

Видя твердую любовь отроковицы к Богу, Волусиан сказал сам себе: напрасны увещания и труды мои! И в раздражении он приказал раскаленными железными прутьями просверлить святой голову через уши. Когда раскаленные прутья проходили через мозг отроковицы, то последний вместе с кровью вытекал из ноздрей ее. Но и в таких великих страданиях мученица молилась Богу: «Господи мой, Иисусе Христе! Со дней детства моего руководивший меня, просветивший лучами правды Твоей тайные мысли моего сердца и утвердивший меня в брани против диавола Твоей могущественной и непобедимой силой, Ты, открывавший верующим бездны истинной и великой премудрости, доведи до конца подвиг мой и сохрани неугасимым светильник девства моего, чтобы я вместе с мудрыми девами могла войти в Твой чистый чертог и там удостоилась воссылать Славу Тебе, Совершителю моих желаний».

После этой молитвы святая Акилина от невыносимых страданий точно мертвая упала на землю. Анфипат, подумав, что она действительно умерла, приказал выбросить ее вне города на съедение псам; он не считал достойной обычного погребения мученицу, как нарушительницу царских повелений и хулительницу римских богов. И целый день лежала святая Акилина, поверженная при дороге. В полуночный час блаженной отроковице явился Ангел Господень и, коснувшись ее, сказал: «Встань и будь здорова! Иди и обличи Волусиана, ибо как сам он, так и намерения его ничтожны перед Богом».

Тотчас же святая Акилина поднялась невредимой и говорила, воссылая хвалу Богу: «Благодарю Тебя, Творец моей жизни, возвращающий мне здоровье и избавляющий от нечестия Своих рабов, Ты, Господи, превечен и нет иного, кроме Тебя Бога. Об одном я смиренно молю Тебя: когда я окончу подвиг страдания моего, увенчай меня венцом славы Твоей, и, наслаждаясь осуществлением Твоих обетований, я воспою Тебя тогда среди лика святых, пострадавших за исповедание имени Твоего».

Господь свыше отвечал на молитву смиренной рабы Своей: «Иди, — исполнится то, о чем ты просишь». Услышав это, блаженная отроковица с чувством неизреченной радости пошла в город. Когда она достигла городских ворот, последние открылись сами со-

бой; руководимая Ангелом Господним святая Акилина достигла дворца Волусиана и, войдя беспрепятственно внутрь его, стала перед спящим анфипатом. Последний, проснувшись, заметил предстоящую; в ужасе он позвал своих кувикулариев[1] и спрашивал их: «Кто эта, стоящая перед моими глазами?»

Кувикуларии, подняв светильники, сказали: «Без сомнения, это Акилина, которую ты, после ее смерти от мучений, повелел бросить на съедение псам».

Еще более ужасался анфипат, слушая кувикулариев; однако повелел до утра держать под стражей отроковицу.

С наступлением дня Волусиан снова потребовал к себе на суд святую Акилину. Он начал его вопросом, обращенным к отроковице:

— Ты ли это, Акилина?

— Неужели ты, беззаконник, имея ослепленные очи душевные отцом твоим диаволом, не видишь теперь и телесными очами? — спросила в свою очередь блаженная отроковица.

— Действительно, я, предстоящая перед тобой раба Господня, есть Акилина.

В сильном недоумении, протирая глаза, анфипат рассуждал сам с собой: «Какие же мучения могут ей повредить, если она не умерла, несмотря на то, что из сгорающей главы ее истек мозг?»

Подумав это, он издал следующее определение об усечении мечом отроковицы: «Акилину, защитницу безбожной ереси христианской, хотя и юную летами, но великую волшебницу, не почитающую бессмертных богов и не повинующуюся царским повелениям, мы в продолжение долгого времени, и старательно увещевали, однако же не могли отвратить ее от безумия, поэтому, после многих мучений, нимало не коснувшихся этой волшебницы, определяем предать ее смерти вне города через усечение главы».

После смертного приговора святую Акилину повели на место казни; когда его достигли, блаженная отроковица испросила себе время для молитвы. Возведя очи к небу, мученица молилась такими словами:

«Всесильный Господи и Боже мой! Благодарю Тебя, приведшего меня на конец моего подвига: славлю Тебя, Боже мой и Творче всех,

[1] *Кувикуларий* — постельничий.

что не бесплодно я свершила течение моего страдальческого поприща; благословляю Тебя, Создатель всего, что Ты посрамил мучителя, и меня удостаиваешь нетленного венца; приими в мире дух мой, — да оставив земное, улучу небесное».

В ответ на молитву блаженной с неба послышался голос: «Приди, избранная дева, поправшая ярость мучителя и стершая подвигом твоим диавольское жало, и приими уготованное тебе воздаяние».

И сейчас же, вслед за гласом, святая мученица Христова почила сном смертным, прежде нежели палач поднял меч над ее главой. Палач, хотя и видел это, но, не осмеливаясь нарушить повеление анфипата, отсек мечом главу уже умершей, причем из раны вместо крови истекло молоко. Присутствовавшие при казни христиане взяли мощи мученицы, как драгоценность ни с чем не сравнимую: умастив останки ценными ароматами и обвив новыми пеленами, они с честью похоронили их в гробнице, в самом городе Вивлос. И многие исцеления изливались на болящих от гроба святой мученицы Акилины во славу Христа Бога нашего, вовеки славимого со Отцом и Святым Духом. Аминь[1].

ЖИТИЕ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО **ТРИФИЛЛИЯ**, епископа Левкусийского

Уроженец Константинополя, святой Трифиллий внешнее образование получил в Берите[2], учителем же благочестия он имел

[1] Святая мученица Акилина скончалась в 293 году, 13 июня. Святые мощи ее или часть их были перенесены в Константинополь, и память ее торжественно праздновалась в храме ее имени. Последний в 532 году, в царствование Юстиниана, сгорел, но был восстановлен. Упоминание об этом храме встречаем в стишном Прологе XII века.

[2] *Берит* в древности был финикийской гаванью, затем перешел в руки египтян, а Антиохом III отнят у птолемеев; в 140 году до Рождества Христова его разрушил сириец Диотос Трифон, но при римском императоре Августе город был снова восстановлен. Цезарь Клавдий чрезвычайно украсил город, а император Феодосий II сделал его митрополией. При последующих императорах Берит славился школой

святого Спиридона епископа Тримифунтского[1]. Святой Трифиллий Самим Господом был предызбран и предуказан во епископа: еще не облеченный этим великим званием он был явлен в видении царю Констанцию, как уже архиерей, о чем житие святого Спиридона сообщает следующее.

По смерти Константина Великого[2] власть над Греко-римским государством перешла к его сыновьям, причем после раздела старший из них, по имени Констанций[3], получил в управление Восток. Однажды ему пришлось посетить Антиохию[4], и здесь он неожиданно захворал настолько тяжело, что болезнь не поддавалась усилиям врачей. Тогда, оставив надежду на последних, больной царь обратился с молитвой к Богу, исцеляющему тела и души: он усердно просил Его об исцелении, и вот во сне видит Ангела, который показывает ему целый сонм святителей, а среди них двух, выделявшихся из рядов прочих, как бы в качестве их вождей и начальников: при этом Ангел

риторики, политики, главным образом, права. Ныне Берит — Бейрут, главный город турецко-азиатского вилайета (генерал-губернаторства) Сирии.

[1] *Святой Спиридон* известен в истории Христианской Церкви как участник I Вселенского собора (325 г.), на котором простой, но исполненной внутренней силы речью привел ко Христу одного искусного в словопрениях языческого философа. Скончался около 348 года. Мощи его почивают на острове Корфу. Память его — 12 декабря.

[2] *Император Константин Великий* замечателен своей деятельностью на пользу Церкви Христовой, за которую история называет его Великим, а Церковь равноапостольным, скончался в 337 году.

[3] *Констанций*, сын Константина Великого, по смерти отца получил в управление Восток, Азию и Египет; в 351 году, победив убийцу брата своего Константа, Магнеция, он соединил под своей властью всю Римскую империю. Он разрушал языческие храмы или отдавал их христианам для обращения в церкви; несколько раз им издавался закон, под страхом смерти запрещавший языческие богослужения. Но своим сочувствием ереси Ария Констанций сильно увеличил церковные раздоры того времени: он преследовал православных епископов, низводил их с кафедр и даже подвергал заточению; при нем ариане занимали высшие места в государстве. Констанций умер в 361 году во время похода против своего двоюродного брата Юлиана, провозглашенного войсками в Галлии императором, куда он сам его назначил главнокомандующим. Григорий Назианзин сообщает, что перед смертью Констанций раскаивался в своем преследовании православных.

[4] *Антиохия*, древнейший город Сирии, лежит при реке Оронте между горными хребтами Ливана и Тавра; основан за 300 лет до Рождества Христова.

сказал царю, что они только и могут дать ему избавление от болезни. Пробудившись и обдумывая видение, царь не узнавал, кто именно были являвшиеся ему епископы: и действительно, как мог он узнать тех, имена коих и места рождения ему были неизвестны? Особенно если принять во внимание, что один из показанных ему в епископском сане еще не был епископом и лишь имел сделаться им. Долго недоумевал царь и, наконец, пришел к такому благому решению: собрав к себе епископов из всех окрестных городов, он пытался найти среди них тех двух, которые были показаны ему в видении, и не находил. Тогда царь призвал многих епископов и уже из более отдаленных стран, но и среди них не обретались нужные ему лица. После этого он разослал указ по всем областям своей империи, повелевая собраться к нему населявшим ее епископам. Такое повеление, или лучше сказать просьба царя, пришло и в Кипрские пределы[1] к Спиридону Тримифунтскому, которому Богом было открыто о всем, происшедшем с царем. Собравшись, святой Спиридон отправился к царю, взяв с собой и ученика своего Трифиллия, с которым он был явлен царю в видении: святой Трифиллий — как уже замечено — еще не был епископом. Достигнув Антиохии, путники пошли к царю. Святой Спиридон был бедно одет, в руках имел финиковый жезл, а на голове самую простую, почти нищенскую, митру; на груди у него висел глиняный сосуд, в котором, по обычаю жителей Иерусалима, он носил елей от святого креста. Поэтому, когда он входил в палаты царя, один из дворцовых слуг, приняв святого епископа за обычного нищего, не только смеялся над ним, не дозволяя идти далее, но даже ударил его по щеке. Будучи незлобив, святой Спиридон, исполняя повеление Господне, подставил ударившему и другую ланиту. Последний, уразумев, что перед ним стоит епископ, понял

---

[1] *Остров Кипр* лежит в северо-восточном конце Средиземного моря, близ берегов древней Финикии. Христианство здесь было насаждено святым апостолом Павлом в его первое благовестническое путешествие

свое согрешение и смиренно просил прощения, которое и получил. Только что святой Спиридон вошел к царю, как тот узнал его, припомнив бывшее ему видение: встав со своего места, царь подошел и поклонился рабу Божию и просил епископа со слезами, чтобы он помолился Господу об исцелении от болезни. Угодник Божий прикоснулся к голове царя, и последний тотчас стал здоров, радуясь своему исцелению, дарованному Господом по молитвам святого. Царь оказывал святителю великое уважение и весь тот день провел с ним в веселии, угощая доброго врача своего. Святой же Трифиллий сильно дивился славе царской, — красоте палат, величественному виду сидящего царя, которому предстоят вельможи, пышным одеждам слуг и прочему, богатому и необычайному, обиходу дворцовой жизни. Заметив это, святой Спиридон сказал своему ученику: «Что удивляешься, брат? Разве гордость и слава царская делает царя праведным более прочих христиан? Разве царь не одинаково умирает с последним нищим и предается, как он, земле? Разве он не вместе со всеми предстанет нелицеприятному и страшному Судии? Что же ты временное почитаешь как вечное и ничтожное делаешь предметом удивления в то время, как следует стремиться к невещественному и вечному и любить одну только незыблемую небесную славу».

Потом, спустя немного времени, святой Трифиллий был поставлен епископом города Левкусии на Кипрском острове, но, и будучи епископом, он не прерывал общения со своим отцом и учителем, святым Спиридоном: святой Трифиллий ради своей душевной пользы часто навещал его, как это видно из следующего. Однажды святой Спиридон шел из Тримифунта в город Кирину, его сопровождал при этом и святой епископ Трифиллий. Когда они, проходя горой Пентидактил, вышли на место, называвшееся Паримна, — при красоте природы место это изобиловало садами и виноградниками, — святой Трифиллий, восхищенный окружавшей его природой, захотел и сам быть владетелем какого-либо виноградника в Паримне, он долго обдумывал в душе своей, как бы осуществить свое желание. Не утаилось это от прозорливых очей святого Спиридона: проникая духом в мысли своего ученика, он сказал: «Зачем, Трифиллий, ты непрестанно помышляешь о предметах суетных, желая получить поля и виноградники, которые в

действительности не имеют никакой цены и обольщают сердца человеческие призрачной стоимостью? Мы имеем неотъемлемое достояние на небе — храмину нерукотворенную; ее и ищи, пока же наслаждайся в Богомыслии небесными благами, которые не переходят от одного к другому, но навсегда остаются у того, кто сделается их обладателем».

Такого рода наставления приносили великую пользу душе святого Трифиллия, так что впоследствии он по жизни своей сделался, подобно апостолу Павлу, избранным сосудом Христовым, исполненным неисчислимых Божественных дарований.

Греческие историки, Никифор[1] и Созомен[2], сообщают, кроме того, еще следующее как о святом Трифиллии, так и о святом Спиридоне. Однажды, по нуждам церкви, на Кипре происходило собрание всех епископов острова: на этом собрании присутствовали святой Спиридон и святой Трифиллий, — муж сведущий и книжный, ибо в юности он много времени учился в Берите: поэтому отцы собора просили святого Трифиллия, чтобы он произнес в церкви поучение к народу. Во время проповеди ему нужно было привести слова Христовы, обращенные к расслабленному и записанные святым евангелистом Марком: ***воста́ни и возьми одр твой*** (слав. Мк. 2, 11), причем святой Трифиллий изменил буквальное изречение евангельское, назвал одр ложем: «восстани и возьми ложе твое». Святой Спиридон, не вынося изменения слов Христовых, сказал Трифиллию: «Неужели ты лучше Сказавшего *одр*, что стыдишься слова Его?»

Вслед за этим он открыто перед всеми покинул храм. И ничего не было предосудительного в этом поступке святого Спиридона: будучи человеком некнижным, он своим обличением пристыдил Трифиллия, гордившегося своим красноречием, — научил его смиренномудрию и кротости.

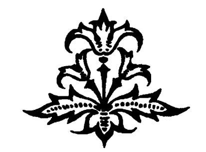
Святой Трифиллий своей жизнью угодил Богу, как свидетельствуют об этом богослужебные песнопения, составленные в честь его Церковью: в них утверждается, что святой Трифиллий имел душу милостивую, чистый помысл, незлобивое сердце и правую веру, лю-

[1] *Никифор Каллист*, монах Софийского монастыря, умер около 1350 года.
[2] *Созомен*, историк церковный V века.

бовь нелицемерную, выдающиеся подвиги девства, благодатных и покаянных слез и пощения, удивившего бесплотных, — что, обходя окрестные страны, он учением Христовым, как лучами солнца, просвещал потемненных грехами.

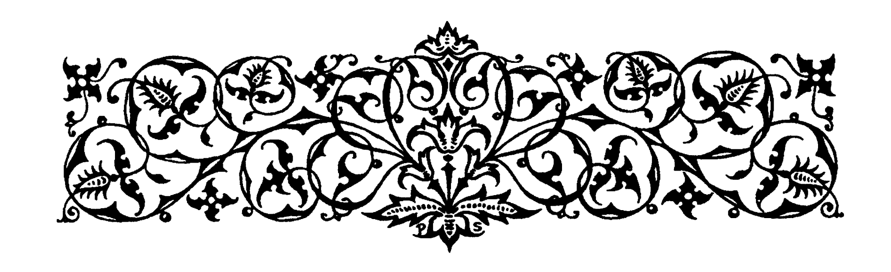
Упасши в любви и правде свою паству, он отошел отсюда, дабы там, на небе, в сонме иерархов предстоять Христу, Спасителю нашему, Ему же слава вовеки. Аминь[1].

В тот же день **преставление преподобного Андроника Московского**, в 1395 году.

---

[1] Будучи епископом Левкусии, святой Трифиллий построил на средства матери монастырь; скончался глубоким старцем около 370 года. В Деяниях Сардикийского Поместного собора (347 г.) есть его подпись. Блаженный Иероним, отец Западной церкви († в 420 г.), говорит о святом Трифиллии: «Трифиллий, епископ Кипрский, красноречивейший в своем веке и славнейший при Констанции. Я читал его толкования на Песнь песней, говорят, он составил и многое другое, что до нас не дошло». Святой Трифиллий описал жизнь своего учителя, святого Спиридона Тримифунтского. В начале XVII века мощи святого Трифиллия видел на острове Кипре наш русский игумен Даниил, путешествовавший по святым местам.

День четырнадцатый

ЖИТИЕ И ЧУДЕСА СВЯТОГО ПРОРОКА ЕЛИСЕЯ

Святой пророк Елисей был сын Сафата из колена Рувимова[1]. Он родился в городе Авел-Мехоле[2] (см.: 3 Цар. 19, 16) и был великим чудотворцем. Самое рождение его сопровождалось чудесными явлениями: в городе Силоме, отстоявшем далеко от Иерусалима, стояла золотая телица, которой совратившиеся в идолопоклонство израильтяне поклонялись, как Богу, и приносили жертвы. В самый час рождения Елисея эта бездушная телица так громко закричала, что рев ее был слышен даже в Иерусалиме. Когда все весьма дивились этому, некий священник, исполненный Святого Духа, сказал: «Великий пророк Божий родился ныне, и он должен будет разрушить истуканов и сокрушить сильных!»

Когда же Елисей достиг совершенного возраста, проводя жизнь свою для бóльшего угождения Богу в девственной чистоте, Бог призвал его на пророческое служение. Призвание это совершилось так. Однажды Елисей двенадцатью парами волов пахал землю. Святой пророк Илия, находившийся в то время на горе Хориве[3] в собеседовании с Богом, получил повеление от Бога помазать Елисея вместо себя в пророка. И вот, когда Елисей был в поле, святой пророк Илия

---

[1] А по иным сказаниям он происходил из колена Манассиина.

[2] Город *Авел-Мехола* находился недалеко от реки Иордана.

[3] *Хорив* — гора в пустыне Аравийской, западная возвышенность того же горного хребта, восточную часть которого составляет гора Синай.

приблизился к нему, возложил на него свою милоть[1], и, передав ему волю Господню, нарек его в пророка, и повелел ему следовать за собой. Елисей тотчас все оставил и готов был со всем усердием следовать за святым пророком Божиим Илией, и только испросил у него позволения на короткое время отлучиться домой, чтобы проститься с отцом и матерью. Дома он взял ту пару волов, на которой сам пахал, заколол их, а плуг рассек на дрова, возложил их на огонь и, зажарив на нем мясо, сделал угощение прилучившимся людям и соседям; после этого, поцеловав отца и мать, Елисей немедленно последовал за Илией и служил ему, поучаясь у него ведению тайн Божиих; по благодати Божией он сделался пророком, не меньшим учителя и наставника своего — святого Илии. Когда же Богу угодно было взять раба Своего Илию в вихре на огненной колеснице *яко на небо* (см.: 4 Цар. 2, 1–15) и переселить его в рай, то Илия спросил у Елисея, какого дара он желает от Бога, который бы он, Илия, исходатайствовал ему молитвой своей.

«Проси, — сказал он, — что сделать тебе, прежде чем я буду взят от тебя».

Елисей не просил себе чего-либо земного, временного, ибо для него, оставившего все ради Бога и нищего духом, почитавшего все за ничто, не требовалось ничего на земле; он не просил у Илии ни здоровья для тела, ни долготы дней жизни своей, ибо, в чаянии наследия жизни вечной, не желал продолжительного пребывания в этой временной жизни, но испросил себе благодати Духа Святого, сугубой по сравнению с почивавшей на святом Илии.

«Пусть будет, — сказал он, — тот дар пророчества, и дар чудотворения, какой в тебе, вдвое более во мне! Дабы я мог заблуждшихся людей, уклонившихся в служение Ваалу, словом пророческим научить, подтверждая наставления свои чудотворениями, и через это обратить их опять к единому истинному Богу».

Илия согласился на просимое Елисеем, но под условием, сказав ему: «Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так». И вот, когда они продолжали путь и беседовали, появилась огненная колесница и огненные кони, которые разделили их друг от друга, и Илия в вихре понесся на небо. Елисей смотрел и взывал: «Отец мой,

[1] *Милоть* — верхняя одежда, плащ.

отец мой! Колесница Израилева и конница его!»[1]

Наконец, когда Елисей перестал уже видеть огненную колесницу, далеко скрывшуюся от него вместе с Илией в высоте, то начал плакать по нем, как об отце, разодрав одежду свою пополам. Но вот он увидел спущенную с высоты Илией милоть, которая и покрыла его, и он принял ее, как знак полученного сугубого духа Илии, и получил утешение в своей печали о нем. Он хранил ее у себя, как великое сокровище, или как драгоценную царскую порфиру, — и этой милотию сотворил такое же чудо, как ранее Илия. Желая перейти реку Иордан, он милотию ударил по воде, — вода расступилась, и Елисей перешел посуху. Видевшие это чудо ученики пророческие, жившие в Иерихоне, убедились, что Дух Илии почил на Елисее, и, придя к нему, поклонились ему.

Святой же Елисей пришел в Иерихон и остановился в нем, чтобы пробыть здесь некоторое время. Жители города пришли к нему и сказали: «Вот местоположение города нашего хорошо, как и сам ты видишь; но вода нехороша, и от нее и земля бесплодна!»

Елисей потребовал, чтобы принесли ему новый водонос и всыпали в него соли. Когда это исполнили, он взял водонос и пошел к тому месту, где были ключи и, высыпав там соль сказал:

— Та́к говорит Господь: «Я сделал эту воду здоровой: она не будет уже теперь причиной смерти и бесплодия».

После этого из Иерихона Елисей отправился в город Вефиль, жители которого — израильтяне, отступив от Бога, поклонялись идолам.

---

[1] Цари других народов на войне употребляли коней и колесницы. Поэтому Елисей назвал великого Илию колесницею Израилевой и конником, так как его одного было достаточно для того, чтобы поразить врагов и даровать победу соплеменникам (блаж. Феодор, вопр. 8).

Когда он приближался к городу, то маленькие дети, игравшие здесь на дороге, встретив его и видя его плешивую голову, начали смеяться над ним и кричать: «Ступай, плешивый! Ступай, плешивый!»

Елисей, проходя мимо, осмотрелся и, видя, что они следуют за ним, продолжая насмехаться и кричать, проклял их именем Божиим. И вот выбежали из лесу две медведицы и растерзали из них сорок двух отроков, остальные едва спаслись бегством в город. Этой казнью пророк Божий по праведному суду наказал тех детей за поругание и пресек им жизнь, дабы, придя в мужественный возраст, они не явились более злыми людьми; родители же их были наказаны этим за свое идолопоклонство и вместе получили горькое поучение воспитывать детей в страхе Божием и наставлять их благоговейному почитанию слуг Божиих. Из Вефиля Елисей пошел на гору Кармил[1] и оттуда возвратился в Самарию.

В то время у израильтян начиналась война против моавитян. Царь моавитский, земля которого изобиловала стадами, обыкновенно присылал ежегодно царю израильскому дань из ста тысяч ягнят и ста тысяч овец с рунами[2]. По смерти же Ахаава, царя израильского, Моса, царь моавитский отложился от царства Израильского и прекратил присыл обычной дани. Тогда Иорам, сын Ахаавов, царствовавший над Израилем в Самарии и державшийся нечестия своего отца, собрав свою военную силу и, пригласив на помощь Иосафата, благочестивого царя Иудейского из Иерусалима, а также подчиненного ему царя Эдомского, двинулся на моавитян через пустыню Эдомскую. По усмотрению Божию, в полках находился и святой пророк Елисей. Семь дней шли три царя со своими полками и не было воды ни для людей, ни для скота; все изнемогали от жажды. Иорам, царь израильский, сказал с воздыханием:

— Собрал Господь нас — трех царей, дабы предать в руки моавитян.

Царь же Иудейский спросил:

— Нет ли здесь при полках кого-либо из пророков, через которого можно было бы вопросить Господа?

---

[1] *Кармил* — гора в колене Иссахаровом; здесь часто пребывал пророк Илия (3 Цар. 18, 19).

[2] *Руно* — шерсть, шкура.

Слуга царя Израильского сообщил, что при полках находится Елисей, сын Сафатов, который служил пророку Илии, возливая воду на его руки[1]. Царь же Иосафат засвидетельствовал об Елисее, сказав:

— В этом муже пребывает слово Господне.

И вот три царя пришли к святому Елисею и просили его помолиться о них Господу, дабы Он открыл ему, что их ожидает.

Но святой Елисей ответил Иораму, царю израильскому:

— Что общего у меня с тобой? Иди к пророкам отца своего Ахаава и матери своей Иезавели и тех спроси, чтобы они сказали тебе, что вас ожидает.

Иорам же, царь Израильский, со смирением сказал ему:

— Неужели Господь собрал нас трех царей, чтобы предать в руки моавитян?

Елисей отвечал ему:

— Призываю во свидетельство Господа сил, Которому предстою, что, если бы я не почитал Иосафата — благочестивого царя Иудейского, то не пожелал бы и видеть тебя идолопоклонника.

После этого Елисей потребовал, чтобы привели к нему певца[2]. И вот, когда явился певец-левит, умевший прекрасно петь псалмы Давида, и пел, — Дух Господень сошел на Елисея, и он, пророчествуя, сказал:

---

[1] «Возливал воду на руки Илии», то есть был постоянным служителем пророка Илии, и поэтому является пророком, заслуживающим полного доверия, как сказал о Елисее царь иудейский Иосафат (4 Цар. 3, 12), видимо уже слышавший о нем.

[2] В том, что пророк Елисей для приготовления своего духа к воспринятию откровения или для успокоения духа от гнева на царя Иорама (4 Цар. 3, 13–14), прибегает к действию струнной музыки, после чего «была Рука Господня на нем» (ср.: 3 Цар. 18, 16; Иер. 1, 9), усматривается, во-первых, известный в древности обычай — прибегать к музыке (ср.: 1 Цар. 16, 16) для отвлечения духа от внешнего мира, успокоения и возбуждения; во-вторых, употребление музыки (с пением гимнов) в пророческих школах (1 Цар. 10, 5), с которыми пророк Елисей стоял в тесной связи. По словам блаженного Феодорита, «священники по Моисееву закону, употребляли трубы, а левиты — гусли, псалтири, кимвалы и другие музыкальные орудия. В употреблении же у них при этом было Давидово духовное сладкопение. Одного из этих певцов велел призвать пророк. И когда певец воспевал, благодать Духа назнаменовала, что́ делать» (вопр. 12 на 4 Цар.).

«Копайте глубокие рвы, потому что так говорит Господь: вы не увидите ни дождя, ни ветра, а рвы наполнятся водой, которую будете пить вы и скот ваш, да и самих моавитян Господь предаст в руки ваши и вы победите их силу и разорите все их укрепленные города, посечете все дерева плодоносные и всякий водный источник запрудите камнем и землей и всю страну Моавитскую опустошите».

И сбылись все слова пророка. Наутро, когда благочестивый Иосафат, царь иерусалимский, по обычаю своему приносил жертву Богу руками священническими, люди увидали воду, текущую по Эдомскому пути, которая достигла сначала места, где стояли полки Иосафата, и, разливаясь по окрестности, наполняла все рвы и лощины потоков по долине, и вся земля пропиталась водой и была влажной. Люди утолили жажду и, подкрепившись силами, двинулись на моавитян и нанесли им тяжкое поражение; всю страну их пленили и, по повелению пророка, предали ее опустошению, и после этого с торжеством возвратились в свою страну.

Однажды некая вдова пророческого ученика с горестью говорила Елисею: «Раб твой, а мой муж, умер; ты же его хорошо знаешь, как человека богобоязненного. Теперь приходит заимодавец, которому очень много задолжал мой муж, и не находит у меня, что взять, ибо я совсем ничего не имею; и потому желает взять у меня в работу себе двоих моих сыновей, оставшихся мне в утешение в моем вдовстве и дорогих мне как зеницы очей моих».

Так горько взывала вдовица та к пророку Божию. По сказаниям некоторых, вдовица эта была супругой пророка Авдия, управителя дома Ахаавова, который скрыл от меча царицы Иезавели сто пророков Божиих и содержал их на свой счет, на что истратил все свое имущество, задолжав заимодавцам (см.: 3 Цар. 18, 3 и след.) [1]. Умирая, он предоставил жену и детей промыслу Божию, заповедав им иметь твердое упование на Господа. Святой пророк Елисей, умилосердившись над вдовицей и ее детьми, спросил ее:

— Что ты желаешь, чтобы я сделал для тебя? Скажи, что ты имеешь теперь в доме у себя?

---

[1] Намерение кредитора продать в рабство детей вдовы оправдывалось буквой закона (Лев. 25, 39; Исх. 21, 2) и жестокой практикой жизни (Мф. 18, 25).

Она отвечала:

— Нет у рабы твоей ничего в доме, кроме посудины с небольшим количеством елея.

Тогда Елисей сказал ей:

— Поди, попроси у соседей своих, как можно больше, порожних сосудов и, затворившись в доме с сыновьями своими, наливай из своей посудины масло во все эти сосуды, и они будут наполняться.

Вдовица исполнила повеление пророка Божия. Она собрала у соседей порожние сосуды, поставила их в доме, затворила за собой двери и наливала елей из своей посудины в выпрошенные сосуды; сыновья ее, помогая матери, подавали сосуды и наливали их, и елей не оскудевал в ее сосуде, но лился как из источника. Когда сосуды все были наполнены, женщина сказала сыновьям: «Подставьте еще сосуд».

Но дети сказали, что уже нет более порожнего сосуда, и елей перестал течь из сосуда вдовы. Вдовица с великой радостью поспешила к человеку Божию и сказала ему об этом чуде. Елисей же велел ей идти и продавать этот елей и заплатить долг своего мужа, а от оставшегося питаться со своими сыновьями.

Случилось святому пророку Елисею проходить через город Сонам[1]. Здесь одна богатая женщина упросила его к себе есть хлебы и со всем усердием угостила человека Божия. Пророку Елисею очень часто приходилось проходить тем городом при путешествии от Кармила к Иордану, или в Галгалы, или в Иерихон, и оттуда возвращаться в Кармил; после приглашения женщины он постоянно заходил в дом ее есть хлеб, потому что она была благочестива и добродетельна. Однажды женщина та сказала мужу: «Я уверилась в том, что человек Божий, который часто проходит мимо нас — человек святой. Устроим ему небольшую горницу, поставим ему там постель, стол, стул и подсвечник, чтобы он, заходя с дороги к нам, мог отдохнуть».

И устроили так. И святой пророк каждый раз останавливался в этой горнице, когда случалось ему быть в этом городе. Однажды че-

---

[1] Город *Сонам*, или *Сунем*, находился в колене Иссахаровом (Нав. 19, 18) против гор Гелвуя (1 Цар. 28, 4), близ Кармила.

ловек Божий, отдыхая в горнице, устроенной для него, размышлял, чем бы отблагодарить эту гостеприимную и добродетельную женщину. Он велел слуге своему Гиезию позвать женщину к себе. Когда она вошла, человек Божий сказал ей:

— Вот ты так заботишься о нас; чем я могу отблагодарить тебя за это? Нет ли у тебя какой просьбы до царя, или князя, или военачальника?

Она отвечала:

— Нет у меня никакой просьбы к ним, потому что среди своего народа я живу.

Когда женщина ушла, святой обратился к Гиезию, спросив его совета, чем бы можно было отблагодарить ту женщину за ее благодеяние. Гиезий отвечал ему:

— Женщина эта не имеет детей, а муж ее стар, умоли Бога, чтобы Он подал ей наследника-сына.

Угодник Божий поступил так. Он усердно вознес горячую молитву о женщине той Богу и, получив извещение от Него, велел вторично призвать ее к себе. Когда она вошла и встала в дверях, человек Божий сказал ей, что она зачнет и родит сына. Женщина поклонилась ему и, как бы не веря от радости, с мольбой просила святого уверить ее в том. Святой убедил ее, чтобы она твердо верила неложному слову. Женщина действительно зачала и по исполнении времени родила сына, которого и вскормила своей грудью. Однажды, когда отрок уже возрос, летом в жатвенное время он пошел к отцу своему на поле, где была жатва. Пробыв там немного, он разболелся головной болью и закричал: «Голова болит, голова болит!»

Отец велел слуге отнести больного сына домой. Дома больной отрок пролежал на коленях у матери только до полудня и умер[1]. Мать взяла умершего, отнесла в горницу пророка, положила его на постель и, затворив двери, вышла и позвала своего мужа. Ничего не сказав ему о смерти сына, она просила у него, чтобы он прислал ей слугу и осла, так как она должна идти к человеку Божию в Кармил, откуда скоро возвратится.

---

[1] Болезнью сына благочестивой женщины, видимо, был солнечный удар (Иудиф 8, 2–3; Пс. 120, 6).

Муж спросил ее: «Зачем ты пойдешь к нему? Ведь нынешний день не новомесячие, ни суббота?»

(В эти дни к святому пророку Елисею, жившему на Кармильской горе, собирались люди для славословия Божия и поучения.) Жена же отвечала, что хотя ныне не суббота, ни новомесячие, но она должна идти, — и с поспешностью отправилась к святому. Когда она приближалась к Кармильской горе, человек Божий, провидя ее приход, сказал своему слуге Гиезию:

— Это та сонамитянка. Беги навстречу ей и спроси: «Здорова ли ты? Здоров ли муж? Здоров ли сын твой?»

Она сказала встретившему ее Гиезию:

— Здоровы.

Но когда она пришла к святому на гору, то припала к его ногам. Гиезий хотел было ее отстранить от него, но Елисей сказал:

— Оставь ее, ибо душа ее ныне скорбит; Господь же утаил от меня о ее печали и не открыл мне.

Женщина сказала:

— Просила ли я сына у господина моего? Не сам ли ты, господин мой, испросил его мне у Бога? Не говорила ли я: не дай мне обмануться? И вот сын мой ныне умер.

Человек Божий умилился над ней и, дав свой посох Гиезию, велел ему скорее идти и возложить этот посох на умершего отрока. Мать же умершего отрока не удовольствовалась этим и, припав к святому пророку, говорила ему: «Жив Господь, и жива душа твоя, я не отстану от тебя».

Тогда святой Елисей встал и пошел вместе с ней. Гиезий же, прибыв ранее его, положил посох на лицо отрока, но отрок не обнаруживал признаков жизни. Тогда Гиезий возвратился и, встретив человека Божия, сказал ему, что отрок не воскрес. Наконец, прибыл в город сам святой пророк Елисей и, войдя в дом женщины, прошел в горницу. Здесь на его постели лежал умерший отрок. Святой Елисей затворил двери и, помолившись Господу, простерся над отроком, приникнув своими устами к его устам, и своими глазами к его глазам, и положив руки свои на его руки, и свои колена на его колена, и дышал на него, — и тело отрока стало согреваться. Пророк встал, походил по комнате и опять простерся над отроком. Так было до семи раз, после чего отрок открыл глаза. Елисей позвал

Гиезия и велел ему призвать мать отрока. Когда она вошла, Елисей сказал ей:

— Возьми сына твоего!

Женщина припала к ногам человека Божия, и, взяв живого сына своего, радуясь, воздавала хвалу Богу[1].

После этого пророк Божий Елисей пришел в Галгал, место, где в древности израильтяне на пути в землю Обетованную переходили реку Иордан. Здесь пророк Елисей пробыл продолжительное время. И вот наступил голод в той стране. С пророком были и ученики его, проводившие жизнь в подражание ему, в чистоте и нищете, подобно инокам новой благодати. Пребывание человека Божия с учениками было в особом безлюдном месте. Елисей приказал слуге своему поставить на огонь большой котел и варить похлебку для учеников пророческих, которых было числом сто человек. Один ученик пошел в поле собирать зелень и нашел дикий плод, на вид схожий с виноградом, называвшийся колокинхидой, очень горький, почему называли его также желчью земли. Плод этот очень вреден для здоровья, хотя и употребляется при врачевании, но употребление его в большом количестве причиняет смерть. Собиравший не знал всего вреда этого плода и потому набрал полную одежду свою, и всыпал в котел, чтобы сварить. Когда пища была подана ученикам и они стали есть, тогда они тотчас почувствовали горечь и боль.

— Смерть в котле, человек Божий! — вскричали они в испуге, обратившись к Елисею, и перестали есть.

Елисей велел всыпать немного муки в котел (не затем, чтобы обезвредить пищу, а чтобы скрыть свое чудотворение) — пища сделалась приятной и безвредной, и евшие ее насытились и исцелились.

В это время пришел к святому пророку Елисею один благочестивый человек из города Ваал-Шалиши[2] и принес двадцать ячменных

---

[1] Действия пророка при воскрешении умершего ребенка очень сходны по существу с действиями пророка Илии при воскрешении сына вдовы Сарептской (3 Цар. 17, 19–23). Пророк Елисей «собственные свои орудия чувств приложил к орудиям чувств умершего, чтобы умерший стал причастен жизни живого, очевидно, по действию духовной благодати, дарующей жизнь» (блаженный Феодор, вопр. 18). Чудо это прообразовало воскресение Господа Иисуса Христа. (Повествование 4 Цар. 4, 8–37 читается в качестве паремии 12-й на вечерне в Великую субботу.)

[2] *Ваал-Шалиша* (ср.: 1 Цар. 9, 4) — город, по предположению, в колене Ефремовом.

небольших хлебцев от первого сбора ячменя. Человек Божий велел те хлебцы раздать присутствующим. Но слуга его сказал, что этих маленьких хлебцев недостанет на сто человек.

Елисей ответил ему:

— Раздай всем, пусть едят; ибо та́к Господь говорит, все они насытятся, и еще останется.

И действительно, сто человек насытились, и, по слову Господню, сказанному устами пророка, осталось много кусков.

В то время заболел проказой[1] знаменитый воевода царя сирийского, по имени Нееман: он славился своей храбростью и военными победами, и потому был в большом почете у царя. Болея продолжительное время, Нееман не находил врачей, которые бы могли исцелить его. Однажды сирийские воины привели из израильской страны взятую в плен девочку и отдали ее в услужение жене Неемана. Девочка та слыхала от своих родителей о святом пророке Елисее и о великих чудесах, совершавшихся по его молитвам, и сказала о том своей госпоже, которой служила.

— О, если бы господин мой, — говорила та девочка, — побывал у пророка Божия, который в Самарии, то он снял бы с него проказу его!

Эти слова девочки жена Неемана и передала в точности своему мужу. Нееман пошел к царю своему и стал просить у него, чтобы он отпустил его в землю израильскую, в Самарию — к пророку Божию для исцеления. Царь не только дозволил ему идти, но дал с ним письмо к царю израильскому Иораму, сыну Ахаавову. Нееман, взяв с собой дары для человека Божия, — десять талантов серебра, шесть тысяч золотых монет и десять перемен дорогих одежд — прибыл в землю израильскую и подал царю Иораму письмо от своего царя. В письме было написано:

— Из моего письма, которое ты получишь, узнай, что я послал к тебе слугу моего Неемана, чтобы ты очистил его от проказы.

---

[1] *Проказа* — самая страшная и отвратительная, заразительная болезнь; она господствует преимущественно в странах с жарким климатом, особенно в Египте, Палестине, Сирии, Аравии, Индии и вообще на Востоке. При развитии этой болезни кожа делается белой, потом пухнет, сохнет, покрывается струпьями и язвами с отвратительным запахом, далее отпадают члены тела, и по большей части в конце концов пораженные этой болезнью умирают в страшных мучениях.

Царь израильский Иорам, прочитав письмо царя сирийского, сильно опечалился и, разодрав на себе одежды, сказал:

— Разве я Бог, Который один может умерщвлять и оживлять, что он прислал ко мне прокаженного человека, чтобы я очистил его от проказы? Не замечаете ли, что это он ищет предлога, чтобы начать войну против меня?

Святой пророк Елисей, узнав, что царь очень опечален и разодрал одежды свои, послал сказать ему: «Что ты печалишься и зачем разодрал одежды свои? Пусть Нееман тотчас придет и узнает, что есть пророк Божий в Израиле».

Нееман пришел с конями и колесницами и остановился у дверей дома Елисеева. Святой пророк через посланного слугу сказал ему:

— Иди, окунись семь раз в Иордане и тело твое будет таким, каким было ранее, и ты очистишься[1].

Нееман почувствовал себя обиженным этими словами пророка и ушел, говоря: «Я ожидал, что он сам выйдет ко мне и, встав надо мной, призовет имя Бога своего, прикоснется рукой своею к прокаженным местам моего тела и очистит проказу, а он повелевает мне идти к Иордану. Реки дамасские, Авана и Фарфар[2], не лучше ли Иордана и всех вод израильских? Разве я не мог бы омыться в них и очиститься?»

И пошел Нееман обратно из Самарии в сильном гневе. Но на пути слуги его посоветовали ему послушаться повеления пророка Божия и сказали при этом: «Если бы пророк приказал тебе сделать что-либо очень трудное, разве ты не исполнил бы его повеления? А он тебе сказал только: окунись в Иордане и очистишься, а ты и этого не хочешь исполнить».

Нееман послушался совета своих слуг, отправился на Иордан, сошел с колесницы и семь раз окунулся в реке, как велел ему человек Божий, и тотчас тело его очистилось и он вышел из реки бодрый и

---

[1] Когда Нееман прибыл к дому пророка Елисея, «он, храня закон, как живущие под законом, не согласился видеть Неемана, как прокаженного (по закону Лев. 13, 14), а приказал ему семь раз измыться в реке Иордан» (блаженный Феодор, вопр. 19).

[2] Сирийские реки *Авана* и *Фарфар*, по общему мнению, вытекали из гор Антиливана и орошали Дамаск.

здоровый, как юноша. И возвратился Нееман со всеми сопровождавшими его к святому Елисею и, став перед ним, сказал:

— Теперь я знаю, что нет Бога по всей земле, кроме Израиля; поэтому прими от раба твоего дары эти, какие я принес тебе.

И при этом предложил человеку Божию золото, серебро, одежды. Но святой Елисей сказал ему:

— Жив Господь, Которому я служу, я не возьму у тебя ничего.

Нееман начал убеждать пророка взять принесенное, но он был непреклонен и не взял ничего.

Тогда Нееман обратился к святому с просьбой, сказав:

«Дозволь рабу твоему взять земли[1], сколько можно увезти на двух парах мулов; привезя ее домой, я поставлю жертвенник Господу Богу Израилеву, ибо отныне раб твой не будет приносить жертвы никаким богам, кроме Единого истинного Бога»[2].

Святой Елисей дозволил ему взять просимое и отпустил его с миром. Когда Нееман ушел от человека Божия Елисея, слуга его, Гиезий, начал размышлять: «Вот какую великую радость сделал Нееману Сириянину господин мой, а он не взял из рук его ни одного дара; пойду вслед за ним, догоню и возьму что-либо у него».

И, встав, поспешил вслед за Нееманом. Нееман, увидав, что Гиезий поспешно догоняет его, сошел с колесницы и пошел навстречу к нему. Когда они сошлись вместе, Гиезий, после приветствия, сказал Нееману:

— Господин мой послал меня сказать тебе, что сейчас с горы Ефремовой пришли к нему двое учеников пророческих, и он просит тебя дать для них талант серебра и две перемены одежд.

Нееман сказал:

— Возьми два таланта.

---

[1] Просьба Неемана к пророку: дать ему известное количество земли из страны Израильской — объясняется глубоким благоговением Неемана к Иегове — самую землю страны Его почитания Нееман считает священной и берет часть земли, освященной благословением пророка Иеговы — Елисея.

[2] Кроме того, Нееман Сириянин говорил о себе пророку Божию, что он, по обязанности слуги царского, должен сопровождать своего государя в капище Реммана и там преклоняться вместе с царем, который повергается на землю перед идолом, опираясь на его руку; и теперь Нееман спрашивал у Елисея, простит ли ему Господь, что он преклоняется в капище Реммана? Елисей успокоил его, и он отправился (4 Цар. 5, 18–19).

И тотчас велел положить серебро в два мешка, и дал Гиезию двоих своих слуг отнести посланное, а сверх того дал ему и две одежды. Гиезий, придя с теми слугами домой в вечерний сумрак, взял у них принесенное и, отослав их обратно, скрыл взятое в доме, а сам явился к господину своему.

Святой Елисей спросил у него:

— Откуда ты пришел, Гиезий?

Гиезий отвечал:

— Не ходил раб твой никуда.

Тогда святой Елисей сказал ему:

— Разве сердце мое не ходило с тобой и не видело, как, сойдя с колесницы, человек тот шел навстречу тебе, и как ты принял от него серебро и одежды; и разве я не знаю, что ты намерен на это серебро купить себе масличные деревья и виноградники, овец и волов, слуг и служанок? За это проказа Нееманова пристанет к тебе и к твоему потомству навеки.

И вышел Гиезий от Елисея, покрытый проказой и белый, как снег.

Однажды ученики пророческие сказали Елисею:

— Вот жилище, в котором мы живем около тебя, тесно для нас; пойдем к Иордану и принесем каждый по бревну и сделаем себе там жилище.

Святой отпустил их. Один из учеников кротко пригласил и его самого пойти вместе с ними, сказав ему: «Пойди, отче, и ты сам с рабами твоими».

Человек Божий встал и пошел вместе с ними. Когда они пришли на Иордан и начали рубить бревна, у одного из рубивших соскочил топор с топорища и упал в воду, и он вскричал: «Ах, господин мой! Топор этот я взял на время у друга».

Человек Божий спросил его, где упал топор, и, когда тот указал место, Елисей отрубил кусок дерева, бросил его в воду, и топор всплыл на поверхность воды. Святой велел рубившему взять его, и тот, протянув руку, взял его. Столь великая дана была сила святому мужу, что он мог даже естественную тяжесть железа уменьшить так, что железная секира плавала сверх воды, как лист, упавший с дерева.

Святой пророк Елисей провидел происходящее вдали от него с такой ясностью, что как бы все это происходило перед его очами.

Царь сирийский, воевавший с израильтянами, много раз совещался с приближенными своими, как устроить засаду для царя израильского, и назначал то или другое место, где должен был залечь назначенный для засады отряд воинов.

Но святой Елисей, провидя это, посылал предупредить царя израильского, говоря: «Остерегись проходить этим местом, потому что там залегли сирияне».

Царь посылал узнать, правда ли это, и уверившись в том, соблюдал осторожность и не приближался к тому месту, а сам посылал своих воинов, которые внезапно нападали на сириян и поражали их. Это было несколько раз. Царь сирийский, слыша об этом, пришел в смущение и, призвав своих подчиненных, сказал им: «Почему вы не скажете мне, кто открывает мои тайны царю израильскому и предает меня в его руки?»

Один из них отвечал ему на это: «Никто, господин мой царь, и не от нас это происходит! А у израильтян есть пророк Елисей, который пересказывает царю израильскому даже те слова, которые ты говоришь в своей спальной комнате».

Царь сказал:

— Узнайте, где пророк тот? Я пошлю воинов привести его сюда.

Воины, разузнав, сказали ему, что Елисей пребывает в Дофаиме[1]. Царь послал туда конницу, колесницы и большой отряд войска, которые ночью приступили и окружили город. Рано утром слуга Елисея, выйдя из дома, увидал сирийские войска с конями и колесницами, в большом количестве окружившие город, и, вбежав к Елисею, вскричал:

— Что нам делать, господин мой?

Святой Елисей отвечал:

— Не бойся: с нами больше, чем с ними.

И обратился Елисей к Богу с молитвой, говоря:

— Господи! отверзи очи отрока твоего, дабы он узрел силу Твою.

И Бог отверз очи служителя Елисея, — он увидел, что вся гора занята конями и огненными колесницами кругом Елисея. Святой Елисей вышел со слугой своим из города к сириянам, а те пошли к нему. Елисей помолился к Господу, говоря:

---

[1] *Дофаим* — город на торговой дороге из Галаада в Египет, к северу от Самарии; здесь некогда был продан Иосиф (Быт. 37, 17, 25).

— Порази, Господи, народ этот слепотой.

И Господь поразил их слепотой, как просил Елисей. Тогда Елисей сказал им:

— Это не та дорога и город этот не тот, куда вам нужно идти; но идите за мной, и я приведу вас к тому человеку, которого вы ищете.

И привел он их в Самарию. Когда они прибыли в Самарию, Елисей обратился с молитвой к Богу и сказал:

— Господи! Отверзи им очи, дабы они увидели, где находятся.

И открыл Господь глаза их, и они увидели, что находятся в Самарии. Царь израильский, узнав об их прибытии, и, увидев их, спросил святого Елисея:

— Не велишь ли, отче, их истребить?

Но святой отвечал:

— Нет, не истребляй, ибо не ты привел их сюда и не ты пленил их своим оружием; но сделай им угощение, чтобы они шли к государю своему.

Царь сделал им большое угощение, и они ели и пили, и были отпущены к царю своему, и после этого прекратили свои нашествия из Сирии на землю израильскую.

Прошло довольно продолжительное время, и царь сирийский Венадад начал войну с Иорамом, царем израильским. Он собрал все свое войско и окружил Самарию, столичный город царей израильских, где находился тогда и святой пророк Елисей. Начался сильный голод в городе, так что самые бедные жители поедали своих детей. Однажды к царю израильскому, когда он ходил по городской стене, подошла женщина и с воплем говорила ему:

— Помоги мне, господин мой царь!

Царь отвечал ей:

— Если тебе не поможет Господь, как я могу помочь тебе? С гумна или с точила дам тебе пропитание? Впрочем, скажи, что тебе нужно?

Она начала свою жалобу на другую женщину, сказав:

— Вот эта женщина сказала мне: давай, съедим сегодня твоего сына, а завтра моего, и мы сварили моего сына и съели. На другой день я сказала ей: давай съедим и твоего сына, но она его спрятала.

Царь израильский, выслушав такой ужасный рассказ женщины, разодрал одежду свою и страшно разгневался на пророка Божия

Елисея за то, что тот своим советом удерживал его не покоряться царю сирийскому и не сдавать ему город, а ожидать помощи Божией.

«Пусть покарает меня Бог и прибавит еще к моему наказанию, если сегодня голова Елисеева останется на нем!» — сказал царь во гневе.

И тотчас был послан исполнитель казни, чтобы отсечь голову пророку. Человек же Божий находился у себя дома, и у него были старцы израильские.

«Знаете ли вы, — сказал он старцам, — что царь Иорам, сын убийцы Ахаава, убившего неповинно Навуфея, послал исполнителя казни снять с меня сейчас голову? Но вы заприте крепко двери и не пускайте его сюда, пока не придет сюда господин его, ибо слышится топот ног господина его, потому что он спешит уже вслед за ним».

Еще святой говорил эти слова, как подошел царь и остановил исполнителя казни; потому что после злого решения своего царь раскаялся, и сам поспешил вслед за посланным, чтобы предупредить исполнение жестокого приказания, ибо царь знал о святости пророка Елисея и его неповинности и о всех благодеяниях его для Израильского царства и для многих людей. Войдя к пророку, царь сказал:

— Вот какое великое бедствие послано на нас от Господа! Чего же мне ждать от Него? Отдам город сирийскому царю и смирюсь перед ним, чтобы не умереть всем нам от голода, лучше, подчинившись ему, остаться всем нам живыми, чем, сопротивляясь, погибнуть от голода.

Но святой Елисей, обратившись к царю и ко всем присутствовавшим, сказал:

— Слушайте слово Господне! Вот что говорит Господь: в этот же час завтра в воротах Самарии[1] будут продавать меру муки пшеничной за один сикль, и две меры ячменя за один сикль.

Один из сановников, самый приближенный к царю, на руку которого царь опирался, сказал на это Елисею:

[1] Пророк говорит царю и старейшинам народа о предстоящей необыкновенной дешевизне хлеба именно «у ворот Самарии» — у ворот, где на Востоке сосредоточивалась вся общественная жизнь, между прочим, и торговля.

— Если бы даже Господь отверз небеса, и тогда не будет того, что ты говоришь.

Святой Елисей отвечал ему:

— Вот ты сам увидишь это своими очами, но не вкусишь от хлеба того.

Успокоившись немного, царь ушел в свою палатку. И вот ночью, когда святой Елисей молился ко Господу Богу об освобождении города, Бог наслал великое смятение на войско сирийское: сириянам послышался большой шум от оружия и ржания коней, как бы от большого собравшегося войска, и они порешили между собой, что это цари хеттейский и египетский, нанятые царем израильским, пришли к нему на помощь со своими войсками.

— Бежим отсюда, бежим! — кричали они в великом страхе.

И ночью вместе с царем своим побежали обратно, оставив на месте свои палатки, коней, ослов и все, что было у них в стане, спасая лишь только свою жизнь. В эту же ночь около городских ворот сидели четверо прокаженных, которые, рассуждая друг с другом, говорили: «Зачем мы здесь сидим, ожидая смерти? Если в город пойдем, то умрем от голода, а, оставаясь здесь, также умрем; не пойти ли нам в сирийский стан, и если не пощадят нас, то лучше умереть от меча, чем терпеть невыносимые муки от голода».

И, согласившись, встали и пошли в сирийский стан, покрытый еще ночным мраком. Войдя в стан, они не нашли ни одного человека и, пройдя до середины стана и никого не видя, много дивились этому. Они вошли в одну из палаток, и ели, и пили, взяли из нее серебро, и золото, и одежды и, отойдя, скрыли. Возвратившись, они вошли в другую палатку и взяли из нее все, что хотели и сколько могли унести, и опять скрыли. После этого они начали совещаться, говоря: «Нехорошо мы делаем; настоящий день — день радостной вести, а мы молчим: и если останемся здесь до рассвета, то будем повинны в большом грехе; поэтому поспешим к городу и известим царский двор».

Они поспешили к городу и, подойдя к воротам городским, сказали стражам: «Мы ходили в стан сирийский и не видели там ни одного человека, и не слыхали даже голоса человеческого; только кони на привязи и ослы остались там, также и шатры стоят на своих местах, наполненные богатством».

Немедленно обо всем известили царя. Царь встал ночью, собрал приближенных и начал с ними совещаться и, усомнившись, сказал им: «Я открою вам коварный замысел сириян, который они задумали против нас. Они узнали, что мы страдаем от голода; поэтому, выйдя из стана, скрылись где-либо в поле, намереваясь, когда мы выйдем, гонимые голодом из города, захватить нас живыми, и войти в наш город».

Слуги царя посоветовали послать кого-либо на разведку. Были посланы двое всадников, которые, прибыв в стан сирийский и, никого не найдя в нем, поскакали по следам сириян до Иордана. Весь путь был устлан одеждой и оружием, которые бросали бежавшие в великом страхе сирияне. Посланные возвратились и обо всем известили царя и народ. Люди бросились из города и расхитили весь лагерь сирийский; и мера муки пшеничной и две меры ячменя продавались за один сикль, как сказано было Господом через пророка. Вышеупомянутый сановник, тот, на руку которого опирался царь, получил от него приказание встать у городских ворот для наблюдения за порядком. И вот, когда он хотел распоряжаться, чтобы народ не теснился в воротах, толпа стиснула его и задавила его насмерть, как это и было предсказано человеком Божиим Елисеем, когда этот сановник, не веря слову Господню, сказанному устами пророческими об изобилии хлеба, противоречил: если Господь и небо отверзет, то этого не будет (4 Цар. 6, 24 и след.).

Славен был этот великий угодник Божий и в других дивных пророческих дарованиях и деяниях, как о том пространно повествуется в книгах Царств. Он предсказал семилетний голод в земле израильской (см.: 4 Цар. 8, 10). Предусмотрев смерть Венадада, царя сирийского, он предсказал переход царства Сирийского в руки Азаила. Помазав Ииуя — одного из князей израильских — на царство (см.: 4 Цар. 9, 3), он возбудил его истребить богоненавистный идолопоклоннический Ахаавов дом. Ииуй убил двоих царей идолопоклонников: Иорама израильского и Охозию иудейского, внука благочестивого царя Иосафата, который, не подражая деду своему, уклонился в нечестие. Он умертвил Иезавель, нечестивую жену Ахаавову, мать Иорама, и избил всех жрецов и волхвов Вааловых. Во всех этих делах ему споспешествовали благословения и молитвы святого пророка Елисея. По смерти Ииуя царствовал в Израиле сын его

Иоахаз, а ему наследовал Иоас, внук Ииуя. В царствование Иоаса человек Божий, имевший пребывание в Самарии и будучи уже глубоким старцем, разболелся. Царь израильский Иоас пришел навестить его и, плача над ним, говорил:

— Отче, отче, колесница израилева и кони его!

Елисей сказал ему:

— Возьми лук и стрелы, открой окно к востоку, где находится Сирия, и натяни лук со стрелой.

Царь исполнил это. Пророк же Божий, положив свои руки на руки царя, сказал: «Пусти стрелу к Сирии».

И царь пустил стрелу. Пророк сказал:

— Стрела эта — стрела спасения Господня, и ты победишь Сирию.

И опять велел царю взять в руки лук и стрелы. Царь взял. Пророк сказал ему:

— Ударь стрелой по земле.

Царь ударил три раза и остановился. Человек Божий разгневался на него, сказав:

«Если бы ты ударил пять или шесть раз, то победил бы Сирию окончательно, теперь же ты нанесешь ей только три поражения»[1].

Так пророчествуя царю, святой Елисей скончался и был погребен с почестями[2].

---

[1] На вопрос: «Почему пророк Елисей возвестил будущую победу посредством лука и стрелы?» (4 Цар. 13, 15) — блаженный Феодорит (вопр. 42) отвечает: «Не столько верили словам, сколько предречениям посредством дел. В данном случае символическое действие непосредственно выражало означаемую им действительность войны и победы. Положение рук Елисея на руки царя (4 Цар. 13, 16) могло указывать на молитвенную помощь пророка, следовательно, и Иеговы царю Израильскому в предстоящей борьбе с сирийцами. Направление выстрела к востоку относилось к сирийцам, занявшим восточно-иорданские города и области Израильского царства (4 Цар. 10, 33)».

[2] Святой пророк Елисей умер в глубокой старости, около ста лет. Он выступил на пророческое служение при Ахаве (3 Цар. 19, 19) — около 900 года до Рождества Христова, а скончался при Иоасе, в тридцатых годах IX века. По блаженному Иерониму, могилу пророка указывали близ Самарии (ср.: 4 Цар. 5, 9; 6, 32). Святые мощи пророка Елисея, во времена блаженного Иеронима, вместе с мощами святых пророков Авдия и Иоанна Крестителя в Севастии или Самарии изгоняли демонов, во времена Юлиана сожжены, но останки от огня сохранены верными, часть их перенесена в Александрию. В Константинополе святому пророку посвя-

Не только при жизни пророк Елисей творил чудеса, но он и по смерти своей явил себя чудотворцем. Через год после его смерти несли хоронить за город одного умершего. В это время появилась толпа моавитян, которые производили набег на землю израильскую. Несшие умершего еще издали увидали неприятелей и бросили труп в близлежащую пещеру. Это была та пещера, в которой покоился прах пророка Елисея. Лишь только мертвец коснулся костей пророка, как тотчас ожил и, выйдя из пещеры, пошел в город[1].

Так и по смерти Бог прославил Своего угодника[2]. За все сие Богу нашему слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь[3].

щен был храм, а в Палестине святым Иоанном Дамаскиным написан канон. Праздник в честь святого пророка Елисея, 14 июня, есть древнейший и общий всем народам Востока и Запада.

[1] *Посмертное чудо пророка*, по блаженному Феодориту, имело такой смысл: «Пророк и по смерти воскресил поднесенного к нему мертвеца, чтобы и сие чудо свидетельствовало о приятой им сугубой, против учителя, благодати». Кроме того, временной целью чуда могло быть воодушевление Израиля на борьбу с врагами, а вечной и существенной: засвидетельствование истины всеобщего будущего воскресения мертвых. В частности, здесь доказывается истинность почитания Православной Церковью мощей святых угодников Божиих. Так, сила Божия, которая была на пророке Елисее при жизни, сообщилась при этом чуде его мощам.

[2] Кроме множества предсказаний, чудес и благодеяний, оказанных людям, пророк Елисей много содействовал развитию и возвышению училищ пророческих (4 Цар. 2, 3. 5 и др.) и, без сомнения, из этих училищ большею частью вышли те пророки, которых так много было во времена царей и которые частью устно, частью письменно поддерживали веру и благочестие в народе.

[3] Иисус, сын Сирахов, в своей похвале пророку Елисею говорит следующее: «Исполненный духа Илии, Елисей не трепетал во дни свои перед князем, и никто не превозмог его; ничто не одолело его, и по успении его пророчествовало тело его; как в жизни своей совершал он чудеса, так и по смерти дивны были дела его» (Сир. 48, 12–15). В Новом Завете Сам Господь упоминает об Елисее, как о великом пророке Божием, давая видеть в чудесах и исцелениях его премудрые пути Промысла Божия. «Много было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, — говорил Он в обличение неверия своих соотечественников, — и ни один из них не очистился, кроме Неемана Сириянина» (Лк. 4, 23–27).

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
МЕФОДИЯ,
патриарха Константинопольского

Уроженец Сицилии[1], святитель Христов Мефодий в юных летах воспринял иноческий образ, преуспевая в добродетельной жизни. В царствование Льва Армянина[2], иконоборца, он занимал при святейшем Никифоре, патриархе Цареградском[3], должность апокрисиария[4]. Патриарх Никифор послал святого Мефодия к папе в Рим[5] с одним поручением, касающимся церковных дел; здесь, в Риме, он намеренно задержался на довольно продолжительное время, потому что нечестивый Лев, свергнув с патриаршего престола святейшего Никифора, возвел на него еретика иконоборца Феодота Милиссийского, по прозванию Касситера[6]. По кончине царя Льва и лжепатриарха Феодота святой Мефодий возвратился из Ветхого Рима в Новый[7]. В сане пресвитера он служил Господу в правде и преподобии, неустанно борясь с иконоборческой ересью, особенно усилившейся в то время: по Льве Армянине на царский престол вступил, тоже еретик иконоборец, Михаил Валвос, или Травлос[8]; патриархами во дни его были люди неблагочестивые. И великий подвиг взял на себя блаженный Мефодий, препираясь с еретиками и постыжая их. За такую деятельность нечестивый царь томил в муках и темнице святого Мефодия, как сообщает об этом

---

[1] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря; от материка отделяется Мессинским проливом.

[2] *Лев V Армянин* правил с 813 по 820 год.

[3] См. житие его 2 июня.

[4] *Апокрисиариями* назывались временные или постоянные представители епископов важнейших церквей при особе государя, которые заведовали всеми сношениями своей церкви и ее представителей с верховной властью.

[5] *Рим*, главный город Римского государства, находится в средней части Италии и расположен по обеим сторонам реки Тибр, при впадении ее в море.

[6] *Феодор I Касситер* был патриархом с 815 по 822 год.

[7] То есть Царьград, или Константинополь.

[8] *Михаил II Косноязычный* царствовал с 820 по 829 год.

грек Зонара[1]: он передает, что Михаил Травлос в начале царствования своего показал себя милостивым правителем: многих святых отцов, заточенных Львом Армянином за почитание икон, он освободил от уз и заключения, но затем, по прошествии уже довольно значительного времени, Михаил отменил это, внушенное лицемерием, доброе дело и, не скрывая своего злобного нечестия, воздвиг гонение на православных. С гневом он ополчился на святого Мефодия и на Евфимия, Сардийского епископа, — о многих других, много пострадавших от него, уже не говорим. Евфимия он отправил за почитание икон в изгнание, а святого Мефодия заключил в темнице в Акрите[2]. Тот же Зонара следующим образом описывает нечестие Михаила Травлоса: он подражал во всем, по его словам, царю Копрониму[3]; благоволя иудеям, он приказал поститься в субботу; не веря воскресению мертвых, Михаил осмеивал надежду на блаженную жизнь за гробом; подвергал насмешкам и предсказанйя святых пророков, утверждал, что бесов не существует, и не почитал за грех скверных плотских деяний: почитая Иуду предателя за святого, Михаил думал, что последний будет спасен. Он ненавидел учение книжное и препятствовал родителям отдавать детей в православные школы, чтобы, изучив Священное Писание, они не обличили его безумия, но, пребывая невеждами и бескнижными, следовали его еретическому заблуждению. Так говорит Зонара. Святой Мефодий мужественно противился зловерному царю, как пастырь мудрый, сведущий в Божественном Писании, православных догматах и преданиях святых отцов; за это он, как исповедник истины, переносил не только узы и темницы, но даже раны.

По смерти Михаила Травлоса воцарился сын его Феофил[4] — наследник не только престола, но и зловерия своего отца, Феофил

---

[1] *Зонара Иоанн* (Ζωναρᾶς) — византийский историк и канонист, современник императора Алексея Комнена (1080–1118 гг.). Первое место по достоинству среди литературных трудов Зонары принадлежит его комментарию на полный текст церковных правил. Другим крупным трудом Зонары является его «Ἐπιτομὴ ἱστοριῶν» — хронологическое изложение событий всемирной истории — от сотворения мира до вступления на престол императора Иоанна Комнена (1118 г.). Кроме того, от Зонары остались письма, жития святых, гимн и тому подобное.

[2] Вероятно, близ Акритского мыса.

[3] *Константин Копроним* занимал престол с 741 по 775 год.

[4] *Феофил* правил с 829 по 842 год.

многих замучил за честнóе почитание святых икон, однако, любя учение книжное, он обновил запустевшие было школы Царьграда, приказал снова начать в них занятия. Он же освободил из заточения и святого Мефодия, как передает об этом греческий историк Михаил Гликос: небывалым, — говорит он, — и чудесным образом извел Бог Мефодия из мрачного узилища: Феофил из любви к знаниям часто проводил время за чтением книг; однажды царю попалась в руки книга, содержание которой ему было малопонятно; кто-то из приближенных заметил Феофилу, что Мефодий, заключенный в темнице в Акрите, известен своим уменьем изъяснять трудные для уразумения места в книгах. Тотчас же царь послал приказ привести к нему из узилища святого Мефодия; увидевшись с ним, он после беседы понял, что святой Мефодий муж мудрый, и освободил его из уважения к нему.

Получив свободу, святой Мефодий снова вступил в словесную борьбу с еретиками, уча воздавать святым иконам достойные их честь и поклонение; этим он опять навлекал на себя гнев иконоборцев: деятельность святого Мефодия на защиту Православия стала известна царю, который сильно гневался на угодника Божия, скрывая свое недовольство до более удобного времени. В эти дни греки вели войну с сарацинами[1], и была необходимость самому царю присутствовать при войске. Отправляясь к полкам, царь взял с собой и святого Мефодия, частью как бы ради молитвы, частью для бесед от писания и решения недоуменных вопросов, которые, как убедился царь, святой Мефодий искусен был разъяснять. В действительности же царь взял с собой угодника Божия из боязни, как бы в столице, если в ней останется святой Мефодий, не возникло народное возмущение против иконоборцев: народ любил преподобного, как мужа святого и учительного, прекрасно сведущего не только в области управления духовного, но и гражданского; поэтому-то царь и не оставил его в столице на время своего отсутствия, а взял с собой. Но вот, по Божию попущению, измаильтяне одолели греков, уничтожив почти все войско царя, так что последний едва спасся бегством с малыми остатками от своих полков; тогда нечестивый царь обнаружил на святого Мефодия свой гнев, который доселе таил в сердце:

---

[1] *Сарацины* — иначе арабы.

— Потому Бог и даровал врагам нашим победу, — говорил Феофил, — что среди нас находятся идолопоклонники.

На это святой Мефодий возразил:

— Господь, поругаемый христианами в Своей святой иконе, прогневался на них и попустил врагам одержать над нами победу.

Исполнившись ярости, царь сослал святого Мефодия после жестокого бичевания[1] в заточение на один остров: здесь он приказал заключить его вместе с двумя разбойниками в глубокой гробной пещере, куда не проникал и солнечный свет. Так святой Мефодий явился живым мертвецом, как Иона во чреве китове, пребывая в земных недрах и благодаря Бога. Одному рыбаку поручено было доставлять ему пищу и притом столь скудную, чтобы только не умереть с голода; мучители желали продолжить жизнь угодника Божия, а с ней — и его страдания в том гробе.

Во время этого заключения святого Мефодия царь Феофил поверг мукам за почитание честных икон двух святых исповедников Феофила и Феофана[2]: на их лицах раскаленным железом была выжжена надпись, свидетельствующая об их поклонении святым иконам, после чего царь отправил мучеников в заточение. Путь их лежал мимо того острова, где томился святой Мефодий, заключенный в гробной пещере. Случайно встретившись с рыбаком, питающим узника, святые исповедники разузнали от него все подробно об угоднике Божием. Не имея возможности увидеться со святым Мефодием, потому что очень строги были люди, ведшие их в заключение, Феодор и Феофан написали к нему следующее приветствие, доставить которое по назначению взялся тот же рыбак:

«К живому, как мертвому сидящему во гробе, к земному, обходящему горние страны и к носящему узы, пишут окованные, имеющие лица начерта́ны».

---

[1] Феофил приказал бить святого Мефодия по щекам, причем челюсть его была разбита до того, что на всю жизнь у святого Мефодия остался безобразный шрам. Будучи патриархом, святой Мефодий разрезал концы клобука и обвязал ими челюсть, чтобы скрыть рубец; из уважения к исповеднику и все иноки, по его примеру, начали носить клобук с разрезами.

[2] *Феофан* и *Феодор*, иноки Иерусалимской лавры святого Саввы, при Льве Армянине были заточены за обличение ереси иконоборцев, при Феофиле на их лицах была выжжена надпись, говорящая об их поклонении честным иконам, отсюда они в называются «начертанными». Память их празднуется 27 декабря.

Прочтя это, присланное с рыбаком, приветствие и узнав от последнего о подвигах святых страстотерпцев, святой Мефодий благодарил Бога, даровавшего им такое мужество. Затем он ответил им в свою очередь на их приветствие таким письмом: «Погребенный прежде смерти и скованный узами приветствует тех узников, из которых каждый, имея начертанное лицо, вписан горé в книгу жизни».

В своем гробном заключении святой Мефодий пробыл до смерти царя Феофила, и когда (один) гроб приял мертвеца по истине[1], тогда другой гроб, подобно киту, изрыгнувшему из чрева Иону пророка, даровал миру «живого мертвеца»[2]. Когда смерть закрыла очи Феофила гробной перстью и затворила его нечестивые уста, наложив молчание на хульный язык, тогда славный исповедник увидел дневной свет и снова отверз свои уста для проповеди благочестия. По кончине Феофила воцарился сын его, Михаил III[3], причем за его малолетством управляла его мать Феодора[4]. Первой заботой правительницы была забота о мире церковном, совершенно нарушенном иконоборством: от дней первого царя-иконоборца Льва Исаврянина[5] до смерти Феофила прошло сто двадцать лет; в течение этого времени икона Христова была поругаема христианами, и разгневанный Бог воздвигал за это немалые бедствия на христианское царство. В эти годы сарацины, овладев многими христианскими странами, многих жителей их увели, как пленников, в свою область. Тогда же Греко-римское государство разделилось на два царства: между тем ранее царь Нового Рима или греческий обладал и Ветхим Римом, так что Восток и Запад объединялись под скипетром одного царя Греческого. Но вследствие развития иконоборческой ереси, связанной с лютыми кровавыми мучениями множества исповедников благочестия, Запад отторгся из-под власти греческих царей, поставив себе своего собственного царя. Поэтому греческий царь вынужден был управлять одной только Грецией, да и то не всей, потому что Палестина со святым городом Иерусалимом, Сирия, Аравия, а также и Египет с подлежавшими ему областями, взяты были сарацинами.

---

[1] То есть царя Феофила.

[2] То есть святого Мефодия.

[3] *Михаил III Пьяный* правил с 855 по 867 год.

[4] С 842 по 855 год.

[5] *Лев III Исаврянин* царствовал с 716 по 741 год.

Все это Бог попустил за грехи христиан, отпавших от благочестия в ересь и поругавших святые иконы. Принимая во внимание последнее обстоятельство, благочестивая и исполненная боговдохновенного разума царица Феодора приложила все старания к тому, чтобы, уничтожив в христианском царстве проклятую иконоборческую ересь, утвердить правоверие, возвратив как драгоценное украшение невесты Христовой, святой Церкви почитание честны́х икон. Она повелела освободить от уз и заключения, а также возвратить из ссылки всех исповедников благочестия, чтобы они пришли на собор в Константинополь, который бы возвратил с подобающею честью храмам святые иконы. По этому указу был освобожден из гробного затвора и святой Мефодий. На патриаршем же престоле, как мерзость запустения на месте святе, все еще пребывал лжепатриарх Иоанн, по прозванию Анний[1], — еретик и волхв, возведенный на престол царем Феофилом, и так как святые отцы не желали иметь с ним общения, то благочестивая царица Феодора помянутого лжепатриарха, лишив престола, изгнала из Церкви как дикого вепря из виноградника. По благоволению Божию на патриарший престол к неизреченной радости всех православных был возведен святой исповедник Мефодий.

Это возведение святого Мефодия, происшедшее более по Божию нежели человеческому избранию, еще прежде было предсказано преподобным Иоанникием Великим, о чем житие его говорит так: Игумен Агавронского монастыря Евстратий спросил некогда преподобного Иоанникия[2]:

— Отче, доколе же святые иконы будут попираемы (и доколе продолжится такое положение вещей), при котором Церкви не возвращаются, гонители возрастают и стадо Христово расхищают дикие звери?

Святой отец отвечал на это:

— Подожди еще немного, брат, и увидишь проявление силы Божией: церковное управление примет некто, именем Мефодий; озаренный Божественным Духом он будет руководить Церковью по истине, истребит ереси, утвердит Церковь православными догматами,

[1] Был патриархом с 832 по 842 год.

[2] Память его празднуется 4 ноября († 846 года).

создаст тишину и единомыслие; противящихся же смирит десница Вышнего.

Это пророчество преподобного Иоанникия сбылось с очевидностью на святом Мефодии. По смерти царя Феофила он был поставлен патриархом Царьграда, как муж достойный столь великого сана, как крепкий столп правоверия и непоколебимое утверждение благочестия, как украшенный мученичеством Христов воин, от Бога предзнаменованный и прозорливым мужем предуказанный на великое служение архиерейское. Святой Мефодий вместе с благоверной царицей Феодорой созвал в Константинополе поместный собор, который подтвердил догматические определения VII Вселенского собора, созванного в царствование Константина и Ирины, в Никее на иконоборцев[1]. Не принимающих же догматов этого Вселенского собора поместный собор, собранный при святом Мефодии, предал вторичной анафеме. Доставив радость православным, обратив церковную смуту в мир, бурю и волнение — в тишину, отцы собора с великим торжеством в первую неделю святой Четыредесятницы внесли честные иконы в Церковь Господню. И была великая радость не только в Царьграде, но и во всех тех местах поднебесной, где находились православные христиане.

Когда повсюду православные христиане совершали духовное торжество, зависть терзала сердца тех, в душах которых была укоренена иконоборческая ересь: таковы были уже помянутый, сверженный с престола, лжепатриарх Анний и брат его Ареабор, имевший сан сенатора и заседавший в царской палате; таковы были и некоторые другие из числа сановных вельмож и людей меньшего чина. Не зная, что делать, они по злобе придумывали, как бы оклеветать святейшего Мефодия. За золото еретики наняли одну единомысленную с ними и знатную женщину, — сын ее был ипатом[2] в Смирне, — чтобы она, согласно их наставлению, пошла к царице и воспитателям молодого царя и сообщила им, что будто бы новопоставленный патриарх Мефодий блудодействовал с ней. Так поступили клеветники в том расчете, что им будет более удобно хулить как учение святого Мефодия, защищавшего почитание честных икон, так — и самые

[1] Был в 787 году.

[2] *Ипат* — консул-начальник.

иконы, если патриарха удастся обесславить, распустив о нем в народе дурную молву и тем опозорив его имя. Подученная еретиками женщина, отправившись к царице и воспитателям молодого царя, открыто перед всеми оклеветала святого Мефодия, принеся жалобу на мужа ни в чем неповинного. Чтобы клевета ее была принята за истину, она проливала слезы, как бы потерпевшая насилие от новопоставленного патриарха. Они удивлялись такому поступку первосвятителя, породившему великий соблазн; тотчас молва распространилась по всему городу, православных смущая, а нечестивым доставляя радость и торжество. Еретики смеялись над православными: «Вот какого имеете вы патриарха, вот за кем вы следуете».

Когда клевета дошла до самого святейшего Мефодия, он недоумевал, откуда именно она могла возникнуть. Но имея совесть чистой, он в душе радовался незаслуженному бедствию, вместе с тем патриарх и печалился, видя столь великий соблазн среди народа и насмешки еретиков над православными. Как же поступает этот великий святитель, муж неповинный руками и чистый сердцем, соблюдший от утробы матерней непорочно чистоту своего тела? Желая не столько себя очистить от ложного обвинения, сколько — отнять у Церкви соблазн и заградить лживые уста еретиков, патриарх решил, жертвуя своим стыдом, открыть доколе никому неведомый недуг, которым он страдал и который с очевидностью обнаруживал неспособность первосвятителя к плотскому греховному смешению. Послав в палату цареву, патриарх просил справедливого суда, который расследовал бы дело между ним и помянутой женой. Представ же перед судом, состоящим из честных лиц, патриарх, не хотя спорить с бесстыдной женщиной и желая непререкаемым образом засвидетельствовать о своей неповинности и убежденный к тому же наступившей необходимостью отложить природный стыд, соблюдение коего особенно было обязательно для человека его сана, — святейший Мефодий обнажил «тайное место» своего тела, объятое болезнью, так что «плоть родная» была как бы умерщвленной; и все узнали, насколько ложна была клевета женщины, так как видели, что невозможно столь больному человеку совершить плотской грех. И возрадовались православные, что уничтожился соблазн в Церкви и отнялось поношение от сынов благочестия. Еретики же покрылись стыдом и заградились нечестивые уста их; болезнь их обрати-

лась на их головы и издевательство их принесло посрамление и уничижение им же самим.

Когда же судьи спросили святейшего Мефодия, каким образом прилучилась ему болезнь, он, обнаруживая недуг свой, открыл и причину его, о которой доселе тоже никому не говорил: «Когда, — сказал он, — я был послан святейшим патриархом Никифором к папе в Рим и там задержался, в это время по действию пакостника плоти, Ангела сатанина, напало на меня сильное плотское вожделение, соединенное с возбуждением плотских удов; многие дни и ночи боролся я с похотной страстью, изнуряя постом и бдением и умерщвляя себя всякого рода трудами, и так как страсть все-таки не оставляла меня и мне казалось, что я уже близок к падению, со слезами повергся перед святым верховным апостолом Петром, вручая себя его помощи и прося у него ослабления: я молил его, чтобы он дарованной ему от Бога благодатной силой избавил меня от плотской брани и тем не попустил оскверниться моему телу, освященному для чистоты. Когда я в печали забылся немного сном, мне явился святой апостол Петр и коснулся своею десницею тайных частей моего тела; от этого прикосновения я ощутил сильную боль, — точно кто огнем ожег заболевшее место; я сильно застонал. Апостол же Петр сказал мне: „Отселе ты не будешь более испытывать плотской греховной брани“. Я тотчас пробудился от сна и нашел себя с тем повреждением, какое вы уже видели».

Этот рассказ святого Мефодия умилил его судей: они признали его неповинным; женщину же ту они приказали подвергнуть наказанию, чтобы она сказала, кто научил ее оклеветать неповинного и чистого архиерея Божия. И тотчас явились палачи, чтобы взять ее для мучений; она же, увидев обнаженный меч, приготовленный огонь, острые терновые жезлы, сильно испугалась и, не доводя дело до казни, открыла истину: она назвала по имени всех, нанимавших и учивших ее, сообщила и о большом количестве золота, полученном от наустителей, указала и место, где оно положено в ее доме. Судьи послали в дом женщины заслуживающих доверия служителей; они отправились и, действительно, нашли на месте, указанном женщиной, золото, которое и принесли судьям. Последние произнесли смертный приговор как над женщиной, так и над подучившими ее оклеветать святого Мефодия. Святейший же патриарх, бу-

дучи по своему незлобию верным и истинным последователем Господа, не только не допустил до осуществления смертного приговора, но освободил своих врагов и от предстоящих им ран; он наложил на них одно только наказание, чтобы они во все великие праздники чинно с возложенными свечами приходили от Влахернской[1] церкви Пречистой Богородицы к соборной церкви святой Софии и здесь при вратах храма выслушивали анафему, что и исполнялось. Тогда умолкли хульные еретические уста и ересь иконоборная была совершенно уничтожена в Царьграде благодатью Божиею, молитвой и неусыпным радением угодника Божия, святейшего патриарха Мефодия, который из причиненной ему незаслуженной напасти вышел с еще большей славой.

Врагам его не было дано того, чего просит у Бога Давид согрешающим: *исполни лица их бесчестием, чтобы они взыскали имя Твое, Господи* (Пс. 82, 17). Ослепленные злобой с окаменелым сердцем они к первым своим злым делам присоединили новые, не менее горшие. Вышеупомянутый лжепатриах Иоанн, он же и Анний, виновник всех зол, был послан на поклон в один монастырь; во время своего пребывания там, видя святые иконы Христа Спасителя и Пречистой Богородицы и святых Ангелов, снова обновленные благочестивыми ревнителями после иконоборческого разорения, Анний приказал своему диакону тем святым иконам выколоть глаза. Диакон поступил согласно приказанию. Об этом было возвещено благоверной царице Феодоре. Ревнуя по Христе Боге, она повелела, было, выколоть глаза самому лжепатриарху, но потом, склоненная просьбами некоторых сенаторов, заменила первое наказание бичеванием: царица приказала нанести двести ударов твердыми бичами лжепатриарху, достойному бесчисленных мук и многих смертей; ибо он во время своей власти многих православных замучил до смерти и, находясь даже в заточении, не переставал наносить бесчестие святым иконам.

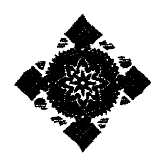
Святейший же патриарх Мефодий после всех церковных смут и после многих злоключений, перенесенных им за икону Христову, остальное время своей жизни провел у кормила церковного в мире и тишине, украшая патриарший престол в Царьграде своим ангело-

[1] *Влахерны* — местность в Царьграде.

видным лицом и ангелоподобным житием, стадо словесных Христовых овец руководя к истине и насыщая на пажити богодухновенных учений. Под его влиянием возрастало почитание святых икон, в которых, собственно, чтились изображенные на них лица; вместе с тем он заботился и о том, чтобы в Царьграде и честным мощам угодников Божиих снова по-прежнему воздавалась достойная их честь; во дни владычества иконоборцев честные мощи были поругаемы как и иконы, — на них плевали, их попирали ногами, влачили с поруганием по улицам, бросали в болота и навоз, иногда же уничтожали, предавая их сожжению или потоплению; только те мощи и сохранились нетронутыми, которых рука благочестивых поспешила укрыть в земле от руки нечестивых. Все это привело к тому, что в Царьграде исчез и самый слух о мощах святых угодников Божиих; поэтому-то святитель Христов Мефодий и приложил все старания к тому, чтобы снова обогатить Царьград честными мощами и научить православных достодолжному их почитанию. Прежде всего он торжественно перенес с места первоначального погребения в столицу мощи преподобного Феодора Студита, пребывшие нетленными и по истечении восемнадцати лет со дня преставления его к Богу. Затем он перенес в Царьград честные мощи патриарха Никифора, покоившиеся на месте его заточения; об этом перенесении патриархом Мефодием мощей своего господина, у которого он был апокрисиарием и который посылал его в Рим, подробно говорится 13 марта. Наконец, он как драгоценное сокровище готовил церкви Цареградской в нетленные мощи свое многотрудное, многострадальное и освященное чистотой тело: он уже приблизился к своей кончине, которую и сам предвидел и о которой получил предсказание от преподобного Иоанникия. Предсказав ему вначале патриаршество, он впоследствии предсказал ему кончину. Оба они, одаренные от Духа Святого прозорливостью, предвидели преставление друг друга, как говорится об этом в житии преподобного Иоанникия. В пятый год царствования Михаила, святой патриарх Мефодий, провидя приближающееся отшествие ко Господу преподобного Иоанникия, пришел к нему со всем своим клиром, прося последнего благословения и молитв. Преподобный Иоанникий, достаточно побеседовав со святым Мефодием и поучив пришедших с ним православной вере, предсказал патриарху Мефодию, что и он, по его кончине, не замед-

лит перейти от временного в вечное житие; затем, после молитвы и последнего прощания, они расстались. Патриарх возвратился к себе, а преподобный Иоанникий остался в своей келии, молясь и приготовляясь к кончине. На третий день по отбытии патриарха преподобный и богоносный отец наш Иоанникий отошел ко Господу (4 ноября); через семь месяцев, 14 июня, почил о Господе и святейший патриарх Мефодий[1]. Так сбылось пророчество преподобного Иоанникия, что патриарх не умедлит по его кончине и сам отойти в вечность.

По преставлении святейшего Мефодия поднялись великий плач и рыдание во всей Константинопольской Церкви, лишившейся столь великого отца и всемирного светильника; он был погребен с честью, подобающей столь высокому по жизни и служению архиерею. Святой Мефодий пас Церковь Христову четыре года и три месяца и затем перешел в жизнь не оскудевающую временем; причтенный к лику святых иерархов, он предстал Пастыреначальнику и великому Архиерею, небеса прошедшему, Господу нашему Иисусу Христу, всеми святыми славимому Богу, Ему же и от нас грешных да будет честь и слава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[1] Скончался в 847 году; правил Церковью четыре года и три месяца с лишним. Святой Мефодий составил правила для обращающихся к вере, которые приняты Церковью в руководство: три чина касательно браков, покаянные правила и несколько церковных песней; после святого Мефодия осталось несколько пастырских поучений.

Д е н ь   п я т н а д ц а т ы й

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО ПРОРОКА
АМОСА

Святой пророк Амос, уроженец города Фекуи, находившегося в земле Иудовой, недалеко от Вифлеема, происходил из семьи незнатной и небогатой: дни свои он проводил, пася стада. Господь же, призирающий не на богатых и сильных, но — на смиренных и нищих, взял его, как Моисея и Давида, от пастушеских стад на пророческое служение (см.: Исх. 3; 1 Цар. 16). Он повелел ему покинуть землю Иудову и идти в землю Израилеву, чтобы там пророческой проповедью склонить к покаянию людей, развратившихся идолопоклонством. Следует заметить, что по смерти Соломона (954 год до Рождества Христова) Иеровоам (953–931 гг. до Рождества Христова) вместе с десятью коленами израильскими отторгся от сына Соломонова Ровоама (954–937 гг. до Рождества Христова), царствовавшего в Иерусалиме: из отложившихся колен образовалось особое царство Израильское, первым царем которого и был Иеровоам (см.: 3 Цар. 12). От дней этого Иеровоама израильтяне, отпав от истинного Богопочитания, поклонялись идолам. Иеровоам, стремясь упрочить свою власть над израильтянами и опасаясь, как бы они, ходя на праздники в Иерусалим ко храму, снова не присоединились к иудейскому царю, его свергнув и убив, сделал двух золотых тельцов — он знал наклонность своих подданных к идолопоклонству — еще предки их, придя из Египта сквозь Чермное (Красное) море в пустыню, вылили себе из золотых серег тельца (см.: Исх. 32). Сделав

золотых тельцов, Иеровоам одного из них поставил в Дане, а другого в Вефиле — городах своей области; вместе с тем он повелел израильтянам не ходить в Иерусалим, но поклоняться и приносить жертвы золотым тельцам, отправляя в честь их торжественные празднества, при этом царь говорил народу: вот боги твои, Израиль, выведшие тебя из Египта (см.: 3 Цар. 12, 28).

Так развратил Иеровоам израильтян. И хотя Господь посылал израильтянам Своих святых пророков для их обличения и возвращения на правый путь, но из них лишь немногие исправлялись и возвращались к истинному Богу; некоторые же поклонялись и истинному Богу, и золотым тельцам. В числе этих пророков Господь послал со страшными прещениями и раба Своего, святого Амоса. Этот пророк Божий был прост и неискусен в беседе, но не разумом: ибо в нем действовал и говорил его устами Тот же Дух Святой, Который действовал и во всех пророках. Свое пророческое служение святой Амос проходил во дни царя иудейского Озии в 809–758 годах до Рождества Христова, столицей которого был Иерусалим, и — царя израильского Иеровоама, столица которого находилась в Самарии; но это не тот Иеровоам, который, отторгшись от скипетра Иудова, сделал золотых тельцов, а другой, позднейший по годам[1]; впрочем, он подобно своему, одноименному с ним предшественнику, был идолопоклонник, служивший золотым тельцам. Святой Амос и начал пророчествовать во дни этих царей, за два года до страшного землетрясения в Палестине, причина которого, по сообщениям древних писателей, была следующая: царь иудейский Озия, прозванный Азарией[2], по гордости своей осмелился войти во святилище храма и принести в жертву фимиам на алтаре кадильном по

[1] 789–737 годы до Рождества Христова.

[2] То есть прокаженным.

чину священническому; когда же священники противились этому, он грозил им смертью, и в то самое время началось страшное землетрясение в Иерусалиме и во всей Палестине, причем не только разрушились многие здания, но даже и некоторые горы сдвинулись со своих мест[1], а крыша храма раздалась вверху и через образовавшуюся трещину на лицо царя упал солнечный луч, тотчас же за этим чело царя и весь он покрылись проказой. Так Господь не потерпел насилия над Своим алтарем и бесчестия, наносимого Его священникам.

В своих пророческих речах, подробно изложенных в книге его имени, святой Амос грозил страшными бедствиями, имеющими прийти от Бога не только на Израиль, но и на окрестные страны, города и народы: Сирию, филистимлян, Тир, Идумею, аммонитян и моавитян, особенно же израильтян, ибо они, после познания Бога, от Него отступили. Господь не так сильно прогневляется грехами неведущих Его язычников, как грехами людей, познавших Его и насладившихся Его благодеяний. И каких благодеяний не оказывал Господь неблагодарному израильскому народу?! Освободил от рабства в Египте, провел через море, как посуху, одождил взалкавшим в пустыне манну, источил жаждавшим из камня воду, изгнал перед ними народы и ввел их в землю Обетованную, изобилующую медом и молоком. Они же в честь золотых идолов, изваянных в виде тельцов, совершали торжественные празднества, восклицая: «Вот, боги твои, Израиль!» Эти праздники отправлялись с особенной пышностью и особенно часто в Вефиле, на высокой горе, где стоял золотой телец. Сюда поэтому святой Амос приходил наиболее часто и, возвысив голос к народу, устрашал его грядущими наказаниями Божиими, умолял и увещевал оставить безбожие, но мало кто слушал пророка. Был тогда в Вефиле жрец, служивший помянутому тельцу; видя, что пророк Божий Амос хулит идола, ругаясь жертвам, приносимым тельцу, и отвращая людей от скверных празднеств указанием грозного суда Божия над поклонявшимися, жрец клеветал на него царю Израилеву Иеровоаму: «Амос, — доносил он, —

---

[1] Иудейский *историк Иосиф Флавий* († во II веке по Рождестве Христовом), между прочим, сообщает, что землетрясением на Западе от храма была отторгнута половина горы, которая, катясь к востоку на протяжении 4-х стадий, засыпала на своем пути царские сады.

производит возмущения против тебя среди дома Израилева; земля не может терпеть всех слов его, ибо так говорит Амос: от меча умрет Иеровоам, а Израиль непременно отведен будет пленным из земли своей».

Таким доносом жрец Амасия хотел возбудить гнев в царе на пророка Амоса, но царь мало обращал внимания на слова жреца: хотя и идолопоклонник, он все же почитал пророка Божия и не хотел ему досаждать. Жрец, убедившись, что он не может восстановить царя против человека Божия, сам начал с насилием гнать его: неоднократно он бил святого Амоса и отгонял от Вефиля, запрещая приходить на празднества в честь золотого тельца и отвращать народ от праздничных жертв и веселия: святой же пророк пренебрегал запрещениями жреца и ранами, получаемыми от него; он снова приходил в Вефил и снова обращался к народу с пророческим учительным и увещательным словом, и снова жрец схватывал его и подвергал побоям. Однажды лукавый жрец с мольбой сказал святому Амосу: «Провидец! Пойди и удались в землю Иудину; там ешь хлеб и там пророчествуй, а в Вефиле больше не пророчествуй, ибо он — святыня царя и дом царский».

И отвечал Амос, и сказал Амасии: «Я — не пророк и не сын пророка, я был пастух, собирал сикоморы[1]. Но Господь взял меня от овец и сказал мне: иди, пророчествуй к народу моему Израилю. Теперь выслушай слово Господне. Ты говоришь: не пророчествуй на Израиля и не произноси слов на дом Исааков. За это вот что говорит Господь: когда придут ассирияне в землю Израилеву, — пленят и опустошат ее, разорят города ее и возьмут город этот, тогда перед твоими глазами бесстыдные воины осквернят блудом жену твою, ибо и ты содействовал заблуждению Израиля перед всевидящими очами Божиими и поучал людей сих совершать нечистые дела в скверном храме золотого тельца, твоего бога; сыновья и дочери твои умрут перед тобой от оружия, и сам ты скончаешься в земле языческой; Израиль же будет отведен в плен из земли своей» (ср.: Ам. 7, 12–17).

Эти слова святого Амоса возбудили в жреце сильнейший гнев, и он начал бить без пощады пророка Божия; наконец сын жреца, сви-

[1] *Сикоморы*, или *сикомор*, — смоковничное дерево, по плодам принадлежащее к смоковничьим низшего сорта.

репый Озия в ярости ударил изо всех сил святого Амоса между бровей тяжелой дубиной и ранил смертельно. Но он не умер тотчас: еле живого его отвезли в землю Иудову, где после нескольких дней он и скончался[1] на родине, в городе Фекуи; здесь же он был и погребен с отцами своими. Желающий увидать пророчества святого Амоса может найти их в его книге; мы же Бога, его вразумившего, славим ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ДУЛЫ

В то время, как сыны диавола служили ему, и идолопоклонническое волшебство и заблуждение все более и более усиливались, в правление Киликией[2] игемона Максима, перед этим правителем был осужден некий раб Христов по имени Дула[3], муж той же Киликийской области. Он был человеком праведным и богобоязненным и по всенародному свидетельству, старался вести жизнь добродетельную и во всем соблюдать правду.

Однажды игемону донесено было, что Дула — исповедник Христовой веры, и после того раб Христов был тотчас же ввержен в темницу; при этом нотарий[4] сказал игемону:

— Правитель, согласно твоему приказанию, военачальники твои обошли всю Киликийскую страну до самых зефиритских городов[5], и за это время захватили некоего последователя нечестивой христианской веры, и вот его-то и представили мы теперь праведному и пресветлому суду твоему.

---

[1] Около 783 года до Рождества Христова.

[2] *Киликия* — в древности юго-восточная область Малой Азии, получившая, вероятно, свое название от семитического племени киликов и своим плодородием рано привлекавшая греческих поселенцев.

[3] Δοῦλος — по-гречески значит раб.

[4] *Нотарий* — чиновник, на обязанности которого, между прочим, было следить за точным исполнением законов в судах, а младшие нотарии вели переписку по таким делам.

[5] То есть до самого округа киликийского приморского города Зефирии.

На это игемон сказал:

— Когда я буду сам обходить эти города, то прикажу узников, находящихся теперь в темницах, вести за собой и за это время по дороге, на нарочно устроенных для того местах, буду мучить их.

И вот, вскоре после того он отправился в один из городов зефиритской страны, называемой Преториада[1]; здесь игемон, сев на судилищное место, прежде всего приказал представить ему блаженного Дулу. Раб Христов, идя на суд, так молился Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, источник всякой милости, — Ты некогда сказал через пророка Своего Давида: *открой уста твои, и Я наполню их* (Пс. 80, 11); да и в Евангелии Своем Ты говоришь: *не заботьтесь, как или что сказать* (Мф. 10, 19), — и так пошли Ангела Твоего святого и дай мне слово, когда я буду говорить, дабы, представ перед нечестивейшим Максимом, я мог обличить его нечестие; а если мне придется пострадать, я не устрашусь мучений, ибо буду иметь Тебя перед очами своими и с охотой предам тело свое на истязание: ведь если я не предам тела своего на сожжение, то каких благ могу сподобиться? Какой венец восприиму? И какие тогда я могу показать Тебе, Господу моему, язвы, чтобы Ты, видя их, явил на мне милость Твою и подал прощение прегрешениям моим?»

Когда Дула так молился, воины совлекли с него верхнюю одежду и связанным представили игемону.

И сказал ему игемон Максим:

— Скажи мне, как ты прозываешься?

Святой ответил:

— Я раб Христов.

На это игемон возразил:

— Скажи нам настоящее твое имя, а не христианское: это имя тебе не может принести никакого оправдания и облегчения.

Тогда блаженный Дула сказал:

— Разве я не ясно называю свое имя перед тобой? Истинное мое имя — христианин; то же имя мое, которым называют меня люди, есть Дула, — и я так называюсь потому, что поистине есть раб Христа.

---

[1] *Преториада* — собственно одно из местечек Киликии, недалеко от города Зефирии.

На это игемон произнес:

— Ты еще не испытал страха перед судилищем и всяких мук, потому так дерзко и говоришь с нами. Итак, скажи нам: из какой ты страны, из какого селения и рода?

Святой отвечал:

— Родом я из Киликийской области, из зефиритского города — Преториады; происхожу — из знатного рода и с самых малых лет уже являюсь христианином.

Тогда игемон сказал:

— Если ты происходишь из славного рода, то должен повиноваться непобедимым царям; и потому иди теперь во храм и с усердием принеси там жертву богам, и ты тогда — и от нас будешь вознесен, и от великих царей получишь великую и преславную почесть.

Святой на это ответил:

— Ваши почести и вся власть, какой наделяют людей цари, пусть останутся при вас и при всех тех, которые не почитают истинного Бога; от меня же да отвратит все это Господь Бог мой, дабы мне обогащаться не в ином чем, как только в вере в Господа нашего Иисуса Христа.

Услышав эти слова блаженного, игемон повелел положить его на землю и бить железными прутьями; при этом он сказал своим слугам:

— Убедите его оставить свое безумие.

Святой же Дула, страдая от ударов, так взывал в это время к Господу:

— Благодарю Тебя, Христе, что Ты сподобил меня претерпевать все это ради святого имени Твоего!

Услышав такие слова мученика, Максим стал укорять святого Дулу и при этом так говорил ему:

— Как может теперь помочь тебе Христос, когда ты весь изъязвлен? Или еще этого ты не можешь понять, безумный человек?

Мученик на это ответил:

— Не говорил ли учитель веры нашей, святой апостол Павел, что никто не может увенчаться, *аще не законно мучен будет* (слав. 2 Тим. 2, 5).

Тогда игемон спросил его:

— Значит мучимый сейчас, — ты после сподобишься венца?

Святой на это ответил:

— Я ныне подвизаюсь против отца твоего диавола, и если я одержу победу над сатанинской ратью, то есть над тобой, слугой демона, то восприиму на небесах нетленный венец.

Мучитель на это сказал:

— Зачем ты так безумствуешь, веря в Человека, пригвожденного к кресту?

На это святой Дула ответил:

— Что лучше, — веровать ли в каменные и деревянные идолы, которые есть дело рук человеческих, или в живого Богочеловека и в истинного Господа, Который по Своей воле за нас был распят?

Тогда Максим сказал:

— О беззаконный! Разве ты думаешь, что великий бог Аполлон[1] есть дело рук человеческих?

На это святой ответил:

— Справедливо ты Аполлона назвал таким именем, ибо оно означает — погубитель[2]: прилагая к нему сердце свое, ты губишь душу свою, и не только свою, но и тех, кого заставляешь поклоняться ему; но знай, что пребывающий на небесах истинный Бог взыщет от рук твоих души тех людей, которых ты погубил, заставляя их поклоняться идолам. Каков же был нечестивый Аполлон, — об этом я тебе сейчас расскажу: он был, как и ты теперь, невоздержен и объят нечистой любовью к одной жене, по имени Дафна[3]; он ей давал много золота, но обещанного от нее не получил. Итак, я спрашиваю тебя: скажи мне, — какой же он бог, если, будучи охвачен плотской любовью, не мог достигнуть расположения у той женщины, которую весьма любил? Как же ты можешь в чем-либо надеяться на него? Поистине все это, повествуемое между вами, достойно

---

[1] *Аполлон*, по греческой мифологии, бог света, и именно — солнечного света, со всеми его благодетельными и вредными влияниями.

[2] Слово *Аполлон* происходит от греческого глагола ἀπόλλυμι, что значит *губить, умерщвлять*.

[3] *Дафна*, по греческой мифологии, дочь речного бога Ладона и Геи (земли), одновременно любимая и Аполлоном, и Левкиппом. Последний, переодетый девушкой, следовал за Дафной в числе ее подруг, но был убит Аполлоном. Тогда мать Дафны, Гея, превратила ее в лавровое дерево.

смеха, а многое достойно даже и плача: в самом деле, скажи мне, тому ли Аполлону ты поклоняешься как богу, которого даже мерзкая и исполненная всякой нечистоты блудница вменяла за ничто и плевала на лицо его? Видишь ли, сколь достойны плача ваши нечестивые дела!

Услышав это, Максим сказал слугам, избивающим мученика:

— Поворотите его на спину и бейте по животу.

Тогда Афанасий, начальник воинской стражи, сказал святому:

— Повинись правителю, — ведь разве ты не чувствуешь, как все тело твое покрывается ранами?

Святой на это сказал:

— Послушайся лучше меня, советник диавола и слуга его, и лучше посоветуй сам себе и игемону своему, — как бы поскорей убедить блудницу Дафну, чтобы она согласилась жить блудно с богом вашим Аполлоном и исполнить его желание, чтобы он, разжигаемый любовью и не получая исполнения своего желания, не погиб бы жестокой смертью — я же имею одного советника — Господа нашего Иисуса Христа.

Тогда мучитель приказал принести железную доску и сказал слугам:

— Раскалите ее посильнее на огне и положите сюда этого хулителя наших богов.

Блаженный, услышав это, сказал:

— Находящийся в геенне твой Аполлон благодарит тебя за то, что ты еще более усиливаешь тот гееннский огонь, в каком он теперь страдает; он воздаст тебе за это тем, что и ты вместе с ним будешь низвержен во тьму кромешную, — тогда и я посмеюсь над тобой, нечестивый благодетель Аполлона.

Когда мучившие блаженного, едва совсем не сжегши его, все-таки ничего не добились и не могли ни льстивым советом обольстить раба Божиего, ни муками убедить его оставить веру во Христа, тогда игемон приказал воинам отвести святого, уже столь измученного, в отдельное темничное помещение и оставить его там совершенно одного, без всякого ухода за ним, — и при этом он добавил:

— Пусть никто из нечестивых христиан не называет его блаженным, ибо, беззаконно надругавшись над нашими богами, вот теперь он подвергся великим мукам.

Но святой Дула пребывал в той темнице, непрестанно славословя Бога и молясь, — да даст Он ему совершить добрый подвиг мученичества.

По прошествии пяти дней, Максим, сев снова на судилищное место, спросил:

— Жив ли всезлобный последователь нечестивого христианского мудрования? Приведите его сюда!

Военачальник Афанасий на это ответил:

— Он очень тверд в исповедании своего учения и притом так бодр, что как будто не имеет ни одной раны на теле своем.

И при этом он повелел ввести мученика. Игемон, увидев, что все тело святого Дулы невредимо и что лицо его сияет, сказал воинам:

— О окаянные стражи! Не приказывал ли я вам, — чтобы вы не лечили его и не заботились о нем?

На это Пигасий, начальник нотариев, ответил:

— Клянемся величеством твоим, что согласно твоему повелению, мы содержали его во внутреннейшей части темницы и что на шее его все время висело железное изображение Геркулеса[1], тяжестью в триста литр[2]; каким же образом он теперь совершенно здоров, — этого никто из нас не знает.

Тогда святой мученик сказал:

— Безумный игемон! Это — Христос мой исцелил меня и дал моему телу здоровье и крепость для перенесения даже и тех мук, которым ты сейчас снова подвергнешь меня; и это Он сделал для того, чтобы ты познал, что Бог наш — есть Врач, Который дивным образом исцеляет уповающих на Него людей, — а также и для того, чтобы и принял сугубый венец мученичества, а ты бы был подвержен сугубой вечной муке; ведь если бы ты ради своего Аполлона претерпел такие мучения, — разве тогда этот твой Бог мог бы исцелить тебя так же, как исцелил меня мой Христос?

На это игемон, разъярившись, ответил:

— Так как человек этот не перестает со злобой хулить наших богов, то налейте на голову его масла и зажгите его.

Мученик на это сказал:

---

[1] *Геркулес*, или *Ираклий*. *Гераклий* — национальный греческий герой, — считался у древних идеалом физической силы и мощи.

[2] *Литр* — равнялся нашим семидесяти двум золотникам. Следовательно, на шее мученика висела тяжесть более чем в пять пудов.

— Если ты сожжешь мне мозг, то чего этим достигнешь? Выдумай лучше иные муки.

Игемон после этого приказал вложить в ноздри мученика множество горчичных семян.

Тогда святой Дула произнес:

— Смеюсь и теперь над всеми твоими истязаниями!

После этого игемон приказал слугам как можно сильнее бить святого железными когтями по хребту, и при этом поливать его язвы крепким уксусом и растирать острыми черепками.

Когда все это, по приказанию Максима, совершалось, святой страстотерпец так молился:

— Господи Иисусе Христе! Предстань мне, рабу Твоему; вот *на хребте моем дѐлаша грешницы, продолжи́ша беззаконие свое* (слав. Пс. 128, 3).

Тогда игемон сказал ему:

— Хотя ныне убедись и исповедуй наших богов!

Святой Дула на это ответил:

— Боги твои, а особенно Афродита[1] и Артемида[2], да помогут тебе и злобе твоей; если же хочешь, я расскажу тебе и про других твоих богинь и про все их бесстыдство.

После того игемон приказал слугам:

— Разбейте челюсти его, чтобы он не хулил богов, и, переломив голени, оставьте его так, дабы он не мог и слова сказать.

На это святой мученик сказал:

— О пребеззаконнейший игемон! За что ты меня бьешь, если я говорю тебе истину, что твоя Афродита и прочие богини проводили жизнь свою в скверных похотях, блудодеяниях, и даже в споре своем о том, кто из них сладострастнее, однажды поставили над собой судьей какого-то пастуха Париса[3], и зачем ты гневаешься, когда

---

[1] *Афродита* — греческое название Венеры — богини любви. Празднества в честь ее так называемой Афродизии устраивались во многих местах Греции и Малой Азии.

[2] *Артемида* — по греческой мифологии, дочь Зевса и Леты, — была богиней света и луны, почему ей, как богине света, давали в атрибуты лук и стрелы, а как богине ночи — факел.

[3] По греческой мифологии, родители Париса оставили его, еще ребенком, на произвол судьбы. Но его воспитали в своей среде пастухи. Однажды к нему пришли три богини — Афродита, Гера и Афина и просили его разрешить их спор, — кто из них прекраснее. Парис нашел красивейшей из них Афродиту.

тебе говорят о мерзостнейших делах скверных богинь твоих? Только мой Бог истинен: Он восхотел стать человеком и был распят на кресте, потом был погребен, через три дня воскрес и сел одесную Бога Отца, чтобы после прийти со огнем, — дабы потребить всех твоих богов!

Услышав это, игемон сказал святому:

— Видишь ли, окаянный, и ты двух Богов имеешь?

Блаженный на это ответил:

— Не погрешай и не заблуждайся, говоря о двух Богах: троично есть Божество, нами почитаемое.

Тогда сказал игемон:

— Итак, у вас, значит, три Бога?

Мученик на это ответил:

— Я исповедую и почитаю Троицу: верую во Отца, исповедую Сына и поклоняюсь Святому Духу.

После этого игемон сказал:

— Поведай мне, как ты веруешь в одного Бога, а трех исповедуешь?

На это святой мученик ответил так:

— Хотя ты и плотской человек и не разумеешь того, *что от Духа Божия* (1 Кор. 2, 14), однако ради предстоящих людей я тебе отвечу на твой вопрос. Как ты, будучи человеком, имеешь слово и дыхание, так и всесильный Бог Отец имеет Свое Слово и всесвятого Духа Своего; Бог наш вначале создал человека и почтил его Своим образом, вдохнув в него дух жизни, и поселил его в раю; но когда сатана, исполняющий ныне через тебя свою волю, принудил человека к преступлению заповеди Божией, как он и теперь через тебя это делает, — и таким образом отторг его от исполнения повелений Божиих, — тогда Бог, желая восстановить погибшее создание рук Своих и привести его на путь истинный, послал на землю Сына Своего, то есть — Слово; и так, это Слово Божие вселилось в Пречистой Деве и родилось от Нее — через Него-то Бог Отец и даровал спасение миру.

После этого игемон спросил:

— Разве какое-либо слово рождает человека?

Святой на это ответил:

— Не разумеешь ты тайн Божиих. Но если бы ты познал силу всесильного Бога, то уразумел бы, что Тот, Кто от персти создал человека и основал на водах землю, утвердил небеса и сотворил все естество, — что Тот-то именно и есть Христос. Но так как естество человеческое не может зреть Божества, то поэтому милосердый Господь, из-за Своей любви к роду человеческому, стал человеком и принял на Себя человеческое естество, дабы — как единым первозданным человеком смерть вошла в мир, так через единого Человека Господа нашего Иисуса Христа произошло бы воскресение мертвых (см.: Рим. 5, 12).

Тогда игемон сказал:

— Что ты говоришь? Разве будет воскресение мертвых?

На это святой мученик ответил:

— Да, будет; иначе как же Бог станет судить мир, если мертвые не восстанут?

Максим сказал:

— Не хочу, чтобы ты мне говорил эти лживые слова; итак, поверь: как умрем, так мертвыми и будем лежать.

— Ты это правду сказал, — ответил мученик, — что вы мертвы, ибо веруете в мертвых идолов, и потому никогда не придете в воскресение живота, но войдете лишь в воскресение суда и вечной муки; но только подобает всем людям предстать перед судище Христово и дать ответ о всем соделанном (см.: 2 Кор. 5, 10).

Тогда мучитель повелел воинам связать мученика железными оковами и держать его заключенным в темнице.

На другой день, рано утром, Максим снова повелел раба Божия Дулу представить на суд, и когда мученик явился, он сказал ему:

— О нечестивый, какая тебе польза хулить наших богов?

Блаженный на это ему ответил:

— Я великую награду приемлю от Бога моего, когда укоряю ваших богов; а тебя еще живым постигнет казнь Божия.

Тогда Максим, желая осквернить святого жертвоприношением, сказал предстоящим слугам:

— Вложите в рот его жертвенное мясо и вино.

После этого блаженный сказал:

— Если ты и весь свой богомерзкий жертвенник измоешь и все это вольешь в уста мои, — то и тогда нимало этим не осквернишь раба Божиего.

На это мучитель воскликнул:

— Вот смотри, окаянный человек, ты уже вкусил жертвенного от наших алтарей!

Святой мученик на это ответил:

— Все это нисколько не бесчестит меня, мерзостный и безумный правитель.

Тогда игемон приказал повесить святого на дерево и строгать его тело до внутренностей, челюсти же его вместе с подгортанием оторвать совершенно.

После этого святой мученик сказал:

— Безумный, разве ты не знаешь, что отец твой сатана научил тебя сделать это?

Когда тело мученика было изъязвлено до костей и челюсти были оторваны, игемон приказал снова посадить его в темницу; потом, отправляясь в Тарс Киликийский[1], Максим повелел вести за собой и узника. Когда они прошли около двадцати поприщ[2], святой мученик Дула, оградив себя крестным знамением, предал Господу страдальческую душу, и его повезли уже мертвым. Когда же они были на четырнадцать поприщ от Тарса, комментарисий[3] возвестил игемону, что Дула, укорявший бесчестно богов, уже умер и теперь везется уже мертвое тело его: что же с ним делать? Игемон приказал тело бросить в глубокий ров, чтобы оно осталось без погребения. Воины же, взяв тело святого, повергли его в реку, текущую в Зефиритскую страну. И когда тело приплыло к какому-то селению, отстоящему недалеко от города Преториады, и лежало там на берегу, собаки тамошних пастухов почуяли тело святого и один из псов, охраняя его, не допускал ни одной птице коснуться тела мученика; другой же пес, взяв в зубы пастушескую одежду, принес ее и покрыл мощи мученика. Увидев это, пастухи рассказали обо всем в селении и городе, и тотчас же множество верных людей отправилось к мощам святого

---

[1] *Тарс* — главный город Киликии, малоазийской области; в христианской церкви особенно известен, как родина святого апостола Павла (Деян. 22, 3).

[2] *Поприще* — мера расстояния в шестьсот девяносто саженей.

[3] *Комментарисий* — начальник над тюрьмами.

мученика и благочестно приняли их, благодаря Бога, не лишившего их столь драгоценного сокровища. Взяв благоговейно тело святого мученика, они погребли его с честию, славя Господа нашего Иисуса Христа, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ДУЛЫ СТРАСТОТЕРПЦА

Блаженный раб Божий Дула был монахом одной из киновий[1] Египетской страны. Во взгляде его всегда светилось смирение и кротость, но по разуму он был велик и славен. Этот угодник Божий, всеми гонимый и злословимый, всегда радовался и веселился духом. Уничижавших его он считал неповинными, и молился за них Богу, — чтобы Господь не поставил им этого во грех. Возлагая всю вину на диавола, — что это он смущает братию, и с мужеством вооружаясь на него, блаженный Дула терпением, молитвой и незлобием побеждал все козни его. В таком терпении подвижник Божий пробыл двадцать лет, непоколебимо питая в сердце своем кротость и смирение.

Диавол же, не зная, чем бы, наконец, озлобить блаженного, распространил на него такую коварную ложь; причем в этом случае он напал не только на преподобного Дулу, но и на всю братию, опечалив и смутив таким образом всех безмолвников; именно — он научил одного брата, не имеющего страха Божия, проникнуть тайно в церковь и украсть там все церковные сосуды. Сделав все это, монах тот скрыл украденное и затворился в келии своей, как бы никуда перед этим не выходя.

Когда же настало время утренней службы, параэкклесиарх[2], войдя в церковь, чтобы возжечь паникадила, увидел, что украдены все

---

[1] *Киновия* — (происходит от греч. κοινός — общий и βίος — жизнь) — общее название всех общежительных монастырей, то есть — тех, где братия не только стол, но и все необходимое вообще для жизни получают от монастыря, по распоряжению настоятеля, а с своей стороны весь свой труд и плату за него представляют на общую потребу монастыря.

[2] *Параэкклесиарх* — пономарь, зажигающий в церкви светильники.

церковные сосуды; он тотчас же пошел и поведал об этом авве[1]. Потом по обычаю он ударил в било[2], и все братия собрались в церковь на утреннее пение.

По окончании утрени авва и параекклисиарх возвестили братии, что сосуды украдены, — и все были сильно этим возмущены. Случилось же, что в то время по болезни блаженный Дула не пришел на утреннее правило; и сказали некоторые из братии:

— Никто не мог их украсть, кроме брата Дулы, который оттого, должно быть, и не пришел в церковь; если бы не он совершил эту кражу, то пришел бы к полунощнице раньше всех, как это он имел обыкновение делать всегда.

И послали привести его в храм; посланные, отправившись, нашли его, хотя и больным, но все же стоящим на молитве; схватив блаженного, они силой повлекли его в церковь. Тогда святой Дула спросил их:

— Что это значит, братия, и почему вы влечете меня насильно, когда я и добровольно мог бы пойти к святым отцам?

Они же, порицая его хульными и бесчестными словами, сказали:

— Недостойный жизни богохульник, недостаточно ли тебе столько лет смущать нас, а теперь ты надругался даже и над душами нашими.

Он же сказал им на это:

— Простите меня, братия, если я согрешил перед вами.

Потом привели его к авве и ко всему собору отцов, состарившихся в постничестве, и сказали:

— Вот человек — с самого начала смущающий нас и нарушающий правила нашего общежития.

И начал каждый клеветать на него. Один говорил:

— Я видел его тайно ядущим зелень.

---

[1] *Авва* — отец. Так на Востоке называли настоятелей общежительных монастырей.

[2] *Било* (от слова бить) — деревянная или металлическая доска, в которую ударяют или бьют, чтобы звуком или стуком созывать верующих в храм на богослужение. У нас била заменены колоколами, но в Греции они существуют до сих пор, особенно там, где много турок, которые не допускают употребления колоколов.

А другой:

— Я видел его крадущим хлеб и раздающим его вне монастыря.

Иной же так клеветал на него:

— Я видел его тайно пьющим дорогое вино.

Также и прочие ложно наговаривали на него что-нибудь порочное.

Слыша все это, авва и находившиеся с ним отцы поверили клеветам и спрашивали неповинного Дулу, — правда ли все то, что́ говорят о нем, и особенно расспрашивали его о покраже, именно — где он спрятал те церковные сосуды, какие украл.

Святой же Дула, оправдываясь, сначала утверждал, что он в этом ни в чем не повинен; а потом, увидев, что ему не верят, замолчал и только произносил:

— Простите меня, отцы святые, я грешен.

Тогда авва повелел совлечь с него монашеские одежды и облечь его в мирское одеяние; и при этом сказал:

— Такие дела недостойны монашеского чина.

Когда же с блаженного Дулы совлекли иноческое одеяние, он горько зарыдал и, воззрев на небо, громко произнес:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, ради Твоего святого имени я облекся во образ этот, но ныне по грехам моим он совлечен с меня.

После этого авва приказал заключить угодника Божия в оковы и передать его эконому; эконом же, обнажив тело его, стал сильно бить святого воловьими жилами, спрашивая его, верно ли все то, что говорят о нем относительно покражи?

Дула же, хоть и со слезами на глазах, но по невинности своей попрежнему улыбаясь, проговорил:

— Простите, согрешил я.

Тогда эконом, видя его улыбающимся и произносящим такие слова, еще больше рассердился на него; он посадил его в темницу и ноги забил в колоды; и написал также письмо к городскому правителю, возвещая его о покраже и о брате Дуле, — и тотчас же отправил ему это письмо.

Городской правитель, прочтя письмо, немедленно послал своих грубых слуг, чтобы они привели Дулу, как вора. И воины, схватив

раба Божия, посадили его на неоседланное животное и, возложив на шею его железные тяжести, повезли его с позором среди города.

Когда блаженного Дулу привели на суд, городской правитель спросил его:

— Откуда ты, как называешься и почему стал монахом; как украл церковные сосуды и куда скрыл их?

Страстотерпец же Христов на все эти вопросы правителя ничего иного не отвечал, как только:

— Согрешил, простите.

Тогда правитель, разгневавшись, приказал положить святого обнаженным на землю, а четырем своим слугам повелел нещадно бить его воловьими жилами.

В то время как блаженного Дулу долгое время без всякого сострадания так били, он, наконец, с улыбающимся лицом сказал городскому старшине:

— Бей меня, бей, — и ты сделаешь украденное серебро мое более чистым.

На это правитель сказал ему: «Безумный, я на теле твоем и на ребрах твоих сделаю тебе серебро более чистым, чем даже снег».

И он тотчас же приказал подсыпать под чрево его разожженные угли, а на раны возливать уксус, смешанный с солью.

Даже предстоящие удивлялись такому терпению блаженного и говорили ему:

— Скажи, где скрыл священные сосуды, и ты будешь освобожден.

Мученик же Христов на это ответил:

— У меня нет ни серебра, ни пропавших сосудов.

Потом правитель, освободив святого от истязаний, приказал отвести его в темницу.

На другое утро этот старейшина города послал в лавру[1], приказывая, чтобы к нему вместе со всеми монахами пришел и их настоя-

---

[1] *Лавра* — собственно часть города, обнесенная стеной. Но еще с самого древнего времени название это применялось к многолюдным и важным монастырям. Впервые лаврами такие монастыри стали называться в Палестине, где монахи вынуждены были собираться в возможно большем числе и огораживать свои жилища стенами, из опасения нападений со стороны разных кочевников и особенно бедуинов.

тель; и они на другой день, собравшись все вместе, пришли к правителю.

И сказал он им: «Многим, различным и тяжким мучениям подверг я вашего брата, которого вы обвиняете в покраже, и ничего худого не нашел в нем».

Монахи на это сказали ему: «Господин правитель, кроме покражи, этот нечестивец много и другого зла сделал, но мы до сих пор, Бога ради, терпели его, ожидая, что он отвратится от своего порока, но он впал в еще худшее».

Тогда городской правитель сказал им: «Что же мне сделать с ним?»

Монахи отвечали: «Сделай с ним, что повелевают законы».

— Закон наш, — сказал им на это начальник города, — повелевает святотатцу отсекать руки.

Монахи на это проговорили: «Да постраждет он по закону и да получит наказание по делам своим».

Тогда правитель повелел привести страстотерпца и стал перед всеми так допрашивать его:

— Окаянный и ожесточенный человек, — начал он, — скажи нам правду относительно покражи, в которой ты обвиняешься, и ты освободишься от смерти.

На это неповинный Дула ответил:

— Хочешь ли, правитель, чтобы я сказал на себя то, чего не делал? Не хочу лгать на себя, ибо всякая ложь от диавола.

И потом продолжал:

— В том, о чем ты меня ныне допрашиваешь, я считаю себя совершенно невиновным.

Тогда правитель, видя, что блаженный не признает себя виновным, а монахи требуют, чтобы его судили по закону, приказал отсечь ему руки.

После того неповинного старца Дулу повели на место, где казнили осужденных.

В это время тот монах, который был на самом деле виновником кражи и похитителем священных сосудов, пришел в умиление и сказал сам себе: «Как бы теперь или после не найдено было все украденное мной? Да если теперь и утаится это злое дело мое, то ведь в

день праведного суда Божия оно обличится; тогда что сделаю я, окаянный? Какой ответ дам об этом сугубом грехе, — что и сосуды украл, и неповинного брата подверг мукам?»

И пошел он поспешно к настоятелю лавры и сказал: «Авва, пошли поскорей в город к правителю, чтобы не усекали руки брату и чтобы он не умер от страданий, ибо священные сосуды нашлись».

И тотчас же авва послал к правителю, и страстотерпец был отпущен еще раньше совершения казни.

Когда он приведен был в лавру, явно открылась его невинность и всем стало ясно, что покража — дело другого монаха; и начали братия припадать к преподобному Дуле, умоляя его: «Прости, ибо мы согрешили перед тобой». Он же, плача, так говорил им на это: «Простите меня, отцы и братия; я великое воздаю вам благодарение, что ради маловременных страданий, какие вы мне причинили, я избавлюсь вечных мук, и что, по милосердию Божию, буду сподоблен великих благ; да и всегда, слыша ваши неправды и укоризны на себя, я радовался духом, надеясь тем избавиться великого позора за свои грехи, когда придет Господь во славе Своей и объявит советы сердечные; всего же более я ныне радуюсь тому, что пострадал неповинно: ибо я знаю, какие блага уготовал Бог претерпевающим ради Него страдания; единственная моя печаль — это о вас: да не поставится вам Господом во грех то, что вы так несправедливо поступили со мной, и я теперь молю благоутробного Бога только о том, чтобы Он подал вам прощение».

После этого преподобный Дула, прожив еще три дня, отошел ко Господу, но никто не знал о его кончине. Брат, который был поставлен будить иноков на полунощную молитву, подошел однажды к келии преподобного, но, постучав, не получил ответа. Постучав же второй и третий раз и опять не получив ответа, он пошел и призвал другого брата; принеся с собой свечу, они открыли дверь и, войдя в келию, нашли преподобного стоящим на коленях: он как будто творил поклоны, но душой отошел уже к Богу, ибо в молитве и коленопреклонении предал дух свой Господу.

Не осмеливаясь прикоснуться к нему, эти два брата оставили его так стоящим и, отправившись, возвестили отцу лавры, что брат Дула преставился. По окончании утреннего пения пришел сам настоятель

и, увидев блаженного мертвым, приказал опрятать тело его и для погребения принести к церкви.

Когда честное тело его было приготовлено к погребению и принесено к церкви, ударили в било, — дабы все иноки знали о кончине их брата, и собрались все и прикасались к честному телу святого, как к мученическому. Настоятель в это время послал в соседнюю лавру, чтобы авва и того монастыря пришел со своею братиею, и все бы со славой погребли неповинно пострадавшего брата.

Иноки, теснясь к умершему, мешали и толкали друг друга; поэтому настоятель монастыря вскоре велел внести тело блаженного во храм и запереть двери его, ожидая, пока не придет вместе со своими иноками авва другого монастыря и таким образом соберутся монахи обеих лавр.

Около девятого часа, когда авва соседнего монастыря уже пришел со своими иноками и таким образом все собрались, — приказали отпереть храм и поставить тело среди собора, чтоб все видели его и чтоб можно было предать тело честному погребению с подобающими песнями. Но когда подошли к телу, то не нашли его: остались одни только одежды и сандалии[1], — и все очень удивились и исполнились ужаса. Потом настоятели обеих лавр сказали братии: «Видите ли, братия, что могут сделать долготерпеливое страдание, кротость, незлобие и смирение; вот ныне брат наш не только душой, но и телом отошел от нас, будучи невидимо, ангельскими руками перенесен в иное место, ибо мы оказались недостойными прикасаться к его святому телу, и такой чести он сподобился от Господа ради долготерпеливого страдания своего, какое он переносил с кротостью и незлобием, во смирении сердца; мы считали его грешником и недостойным жить на земле, он же оказался святым и достойным небесной жизни с Ангелами; и теперь мы посрамлены, он же прославился, мы ныне уничижены, а он венчается Христом Господом. Итак, постараемся научиться терпению и смирению, кротости

---

[1] *Сандалии* — род обуви у древних греков и римлян. Делались они из войлока, кожи, пробки и даже дерева и были похожи на наши туфли; но отличительной особенностью их была ременная перетяжка, которая обхватывала ступню поперек ножных пальцев; к ней прикреплялся ремень, проходивший между большим и вторым пальцами.

и незлобию, имея перед собой образ этого долготерпеливого страдальца».

Когда настоятели обеих лавр говорили это, все иноки горько плакали и здесь же постановили ежегодно совершать память святому и преподобному страстотерпцу Дуле, — на пользу душам своим во славу же Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ВИТА, МОДЕСТА И КРИСКЕНТИИ

В царствование императора Диоклетиана[1] при игемоне Валериане, преследовавшем христиан, в Сицилии проживал двенадцатилетний отрок, по имени Вит, сын знатного и богатого гражданина Гиласа. Этот Гилас придерживался еллинского нечестия; сын же его, блаженный Вит, будучи просвещен свыше чудодейственной благодатью Духа Святого, в отроческих годах своих познал единого истинного Бога, сотворившего небо и землю; уверовав в Него, он постоянно, днем и ночью, молился Ему, облекшись во власяницу. Юный отрок сподобился услышать Божественный глас, изрекший свыше: «Твоя молитва услышана! Я явлю на тебе милость Мою!»

После того чудесного гласа отроку была дарована от Бога сила творить чудеса. И исцелял он недуги людские, увещевал неверных познать истинного Бога и научал всех пути правому. Ибо всемогущий Бог восхотел совершить Себе хвалу устами и делами этого отрока для посрамления идолопоклоннического нечестия. Господь даровал Виту необычайное разумение и дар чудотворения, дабы еще в отроческих летах блаженный был мужем, сильным в слове и деле, и дабы через это прославился Бог, дивный во святых Своих.

Когда игемон Валериан, вследствие наговоров и клевет многих язычников, узнал об этом святом отроке, то, призвав отца Вита к себе, сказал ему: «Что это? Я слышу, что сын твой поклоняется Тому Самому Богу, Которого почитают христиане? Но если желаешь ви-

---

[1] *Император Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

деть его здравым и невредимым, то потрудись отвратить его от этого заблуждения».

Гилас, возвратившись домой, начал увещевать сына своего, — не оставлять древнего еллинского служения, совершавшегося его богам. Блаженный же отрок Вит отвечал отцу: «Я не знаю никакого другого бога, кроме единого, сущего от века, Дух Коего носился над водами и отделил свет от тьмы (см.: Быт. 1, 2–4). Я служу Тому Богу, Который сотворил небо и землю; Он есть — Святой Господь Иисус Христос, Царь Ангелов. Сего Бога я исповедую и буду исповедовать во все дни жизни своей».

Отец Вита весьма разгневался на эти слова сына своего и приказал бить отрока прутьями, при этом он говорил:

— Кто тебя научил говорить так? Разве тебе не известно, что если об этом узнает игемон, то ты погибнешь?

Отрок же, принимая побои, отвечал:

— Научил меня этому Христос, я — раб Его, гнева же игемона я нисколько не боюсь.

Тогда Гилас, призвав воспитателя своего сына по имени Модест, сказал ему:

— Смотри, чтобы отрок никогда не упоминал в речах своих о Христе.

Но святой Вит пренебрег приказание отца и постоянно как в своем сердце, так и на устах своих носил имя Христово, и был утешен от Христа Господа ангельским явлением; ибо в видении ему явился Ангел Господень, сказавший:

— Не бойся, но дерзай об имени Иисуса Христа. Я же дан тебе хранителем; я буду охранять тебя до самой кончины твоей. Знай об этой милости Божией, что тебе будет дано от Бога все, что ты ни попросишь у Него.

Святой отрок был утешен и обрадован этим видением ангельским и еще с большей ревностью начал исповедовать и прославлять имя Господне.

Отец же святого весьма сокрушался об отроке, так как он был его единственным сыном; поэтому отец Вита старался льстивыми речами своими привести его к служению демонам. Святой же Вит сказал отцу:

— Каким богам ты приказываешь мне поклоняться?

Отец отвечал:

— Разве ты не знаешь, сын мой, наших богов: Зевса[1], Геркулеса[2], Юноны[3], Минервы[4], Весты[5], Аполлона[6] и прочих, коим поклоняются цари и князи?

Святой отвечал отцу:

— Те, о которых ты говоришь, суть бездушные идолы, сделанные руками человеческими; они имеют уста, но немы, имеют очи, но слепы; имеют руки и ноги, но недвижимы. Я же верую во единого живого и всемогущего Бога, ибо мы *Им живем и движемся* (Деян. 17, 28); я верую в Творца и Промыслителя всей твари, Отца, и Сына, и Святого Духа; я исповедую единого Искупителя и Спасителя рода человеческого, Сына Божия, претерпевшего мучения ради грехов наших, кровию Его мы получили спасение.

Отец со слезами отвечал отроку:

— О любезное чадо мое! Послушай полезного и здравого совета твоего родителя и отвратись от той безумной веры, согласно которой ты почитаешь понапрасну неизвестного умершего человека; отвратись, — дабы игемон, прогневавшись, не погубил тебя и не увеличил бы тем страдания сердца моего.

Блаженный Вит отвечал:

— О, если бы и ты, отец, познал, кто и каков Тот, Коего ты, уничижая, называешь умершим человеком! О, если бы ты, отец, вместе со мной поклонился Ему! Ибо Он есть Христос, Сын Бога Живого, Агнец Божий, взявший на Себя грехи мира.

Гилас сказал:

— Относительно Того Христа, Которого ты называешь Богом, я знаю, что Он, по приказанию Пилата, правившего Иудеей, был

---

[1] *Зевс*, или *Дий*, — верховный бог древнегреческой религии.

[2] *Геркулес*, или *Геракл*, — национальный древнегреческий герой. Геркулесу присваивалась большая физическая сила.

[3] *Юнона* считалась у древних греков и римлян богиней-покровительницей семейной жизни.

[4] *Минерва*, или *Афина*, — богиня мудрости.

[5] *Веста*, или *Гестия*, — богиня-покровительница семейного очага и жертвенного огня.

[6] *Аполлон* — с греческого — *губитель*; у древних греков считался охранителем светлых сил и победителем темных.

предан побоям, приговорен к крестной смерти и распят на кресте иудеями и слугами Пилатовыми.

Святой отрок отвечал:

— Да, было действительно так, как ты сказал, отец. Но есть великое, предивное и святое таинство в этом деле.

Гилас спросил:

— Если рассуждать по истине, то дело это справедливее было бы назвать не таинством, а казнью.

Блаженный отвечал:

— Выслушай меня, отец, с кротостью и познай истину; предание на смерть и распятие Господа Иисуса Христа есть — наше спасение; и знай, что от любви к Нему меня никто никогда не отторгнет никакими мучениями.

Тогда Гилас прекратил разговор, печалясь в сердце своем о сыне.

По благодати Божией, обитавшей в отроке, совершались многие чудеса, а именно: слепые прозревали, больные исцелялись и демоны, изгоняемые из людей, исповедовали великую святость юного отрока.

Все это не могло утаиться от игемона Валериана. Воссев на своем судилищном месте, он в присутствии всех сказал отцу Витову:

— Благородный муж Гилас! Мне теперь уже стало достоверно известным, что сын твой со всем усердием почитает так называемого Христа, распятого в Иудее; этому Христу он поклоняется, отечественных же богов порицает; поэтому он должен предстать к нам на суд: приведи же его сюда.

Когда юный отрок был приведен к тому нечестивому судилищу, то игемон сказал ему:

— Почему ты не приносишь жертв вашим бессмертным богам? Разве ты не слышал о царских повелениях — предавать смерти после различных казней всякого, кто осмелился бы почитать распятого?

Блаженный отрок, преисполнившись Духа Святого, нисколько не устрашился игемона; изобразив на себе крестное знамение, он отвечал:

— Я не желаю поклоняться бесам и не буду почитать каменных и деревянных кумиров, ибо я имею живого Бога, Которому служит душа моя.

Отец же святого, Гилас, обратившись к своим родным и знакомым, с великим плачем воскликнул:

— Рыдайте вместе со мной, друзья мои, — прошу вас, ибо я вижу, что единственный сын мой погибает!

Тогда святой Вит громогласно воззвал, возражая отцу своему:

— Я не погибаю, но сподобляюсь быть сопричисленным к сонму праведников и угодников Божиих.

Валериан же сказал святому:

— До сих пор я сдерживал себя ради твоего благородного происхождения и ради моего расположения к отцу твоему; до сих пор я не применял к тебе царских приказаний, изданных для законопреступников; но ныне, убедившись, что ты дошел до ожесточения в своем противлении, я начну на законном основании мучить тебя, дабы ты, получив наказание, оставил свое упорство.

Сказав так, игемон приказал бить палками блаженного отрока.

Святой был побиваем в продолжение долгого времени. Потом мучитель сказал святому:

— Послушай меня теперь и принеси жертву богам.

Мученик отвечал:

— Я уже сказал тебе, что я поклоняюсь Христу, Сыну Божию.

Тогда игемон, разгневавшись еще более, приказал бить святого железными палками. Но лишь только слуги игемоновы восхотели сделать это, как у них засохли руки; точно так же и рука игемона, которой он указывал слугам своим, внезапно повредилась и сделалась сухой, так что он от боли кричал такими словами: «Горе мне! Я погубил руку свою и теперь тяжко страдаю».

Потом сказал отцу святого Вита: «Ты имеешь не сына, а волхва».

Святой же Вит громогласно воззвал:

— Я не волхв, а раб Господа моего Иисуса Христа всемогущего, Который воскрешал мертвых, ходил по водам как посуху, утишал море волновавшееся и врачевал всякие болезни неисцельные, случавшиеся с людьми; ныне Он творит то же самое всемогущею силой Своею. Я — раб Его и потому я стараюсь исполнять заповеди Его. Те же боги, которым ты служишь, какую имеют силу, скажи мне? Пусть они исцелят руку твою, если могут исцелить.

Игемон сказал:

— А ты можешь исцелить руку мою?

Отвечал святой:

— Могу именем Господа Иисуса Христа.

— Сделай же меня здоровым, — сказал игемон, — чтобы я убедился, что ты не волхв, а раб Бога истинного, как ты говоришь.

Тогда святой мученик, подняв к небу очи свои, сказал:

— Боже, Отец небесный! Послушай меня, недостойного раба твоего, ради предстоящих здесь, дабы они уверовали в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, истинного и всесильного Бога, соцарствующего Тебе вместе со Святым Духом. Сделай так, чтобы ради имени Твоего Единородного Сына исцелела рука игемонова.

Едва только святой окончил эту молитву, как рука Валерианова исцелилась и сделалась такой же, как и раньше.

Тогда игемон передал отрока отцу его и сказал: «Возьми сына своего к себе в дом и убеди его принести жертву богам, чтобы он не погиб».

Приведя сына своего в дом, Гилас начал со многой лестью уговаривать его склониться к своему нечестию: он устраивал пиры, составлял хоры певцов; перед Витом играли на стройных музыкальных инструментах, звучали кимвалы и гусли; плясали перед очами святого красивые девицы, веселились юноши; воспевались мирские любодейственные песни, говорились многие соблазнительные слова, дабы через все это уловлено было к суете сердце юного Вита; но душа отрока, твердая как адамант, пребывала ничем не поколебленной; ибо он имел в сердце своем любовь к Богу, препобеждавшую всякую мирскую любовь; он не обращал внимания ни на что из того, что перед глазами его пелось; точно так же не смотрел на то, что делалось перед глазами его; устремив к небу очи свои, он воздыхал из глубины сердечной и говорил: «Не презри, Господи, Боже мой, сердце сокрушенное и смиренное!»

Потом Гилас приказал приготовить горницу для сына своего; он наполнил ее всякими богатствами; пол он устлал красивыми коврами: завесы были украшены жемчугами, постель и весь чертог был преисполнен большим великолепием; в эту горницу он заключил сына своего и велел прислуживать ему для его прельщения красивейшим девицам. Целомудренный же и святой отрок, преклонив колена, в таких словах молился к Господу: «Боже Авраамов, Боже Исааков, Боже Иаковль, Бог и Отец возлюбленного Отрока Твоего,

Господа Иисуса Христа моего! Призри на меня и помилуй меня, укрепи меня силой Твоей, дабы злобный и беззаконный змий не возмог осуществить на мне, рабе Твоем, свое желание, и дабы язычники не поругались над верным рабом Твоим и не сказали — где Бог их».

В то время как святой молился в таких словах, внезапно в горнице воссиял несказанный свет и были видны светоносные лица, огневидные, как лампады, числом двенадцать; ощущалось и благоухание несказанное, исходившее от тех лиц; благоухание это настолько распространилось в воздухе, что наполнило весь дом, так что отец святого Вита, удивлялся и ужасался со всеми домашними своими и взывал: «Это великое чудо. Откуда исходит такое благоухание, коего мы никогда не обоняли в храмах богов наших?»

Потом сказал: «Боги пришли в дом мой к сыну моему».

И начал с тщанием отыскивать, откуда исходило то благоухание. Подойдя к дверям сыновней горницы и войдя внутрь ее, он увидел ангельские лица, имевшие крылья, наподобие орлов; при этом лица были преисполнены несказанной красоты, светло сияли и воспевали: *Свят, Свят, Свят Господь* (Ис. 6, 3).

От того сильного сияния Гилас тотчас же ослеп, ибо имел нечистые очи, недостойные созерцать свет ангельский, сокрываемый на небесах; ибо этот свет может созерцаться только теми, кто имеет чистые душевные очи.

Блаженный Вит, увидав, что отец его ослеп, проникся естественной к нему любовью и начал молиться за него к Богу, дабы он был помилован. Оканчивая свою молитву, он прибавил: «Но пусть, Владыко, совершается не моя воля, а Твоя; пусть будет так, как угодно Тебе Самому».

Гилас же по причине сильной боли в глазах во всеуслышание взывал: «Горе мне! Я потерял свет для очей моих. Я одержим тяжкой болезнью!»

Все домашние его, рабы и рабыни, видя господина своего весьма страдавшего очами, плакали, так что вопль плача их был слышен в соседних домах; и таким образом скоро весь город узнал о приключившемся с Гиласом. Вслед за этим к его дому начали стекаться многие граждане; сюда пришел также с поспешностью игемон Валериан. Увидав, что Гилас ослеп, опирался на рабов своих и кричал от боли, Валериан спросил: «По какому случаю ты ослеп?» Он же

отвечал: «Я видел в горнице сына моего богов крылатых; очи их были как звезды: вид ликов их — как молния; не стерпев сияния их, я повредился очами и потерял зрение».

Валериан сказал: «Несомненно, что те боги, которых ты видел, — очень сильны; поэтому тебе необходимо помолиться им, чтобы они исцелили тебя».

Потом, взяв слепого Гиласа, Валериан повел его в храм Зевса. Гилас молился здесь в таких словах: «О Зевс, бог всесильный! Если уврачуешь очи мои, принесу тебе бесчисленные жертвы, принесу в жертву тебе тельца с золотыми рогами; также и тебе, о богиня Веста, я приведу чистых дев, если получу от тебя помощь».

Так молился Гилас к суетным богам своим, но не только не получал от них исцеления, а, наоборот, ощущал еще большую боль. Святой же Вит, преклонив колена свои ко Господу, молился в горнице своей об отце своем, говоря так: «Владыко, просветивший слепого Товита[1], окажи милость отцу моему, если он познает Тебя».

Наконец Гилас был отведен неисцеленным рабами своими из идольского капища в дом свой: войдя в горницу, в которой святой Вит приносил Богу жертву хвалы, он припал к ногам Вита и сказал:

— Возлюбленный сын! Исцели меня!

Святой же Вит сказал ему:

— Желаешь ли ты, отец, быть здравым?

Гилас отвечал:

— Да, весьма желаю.

Святой сказал ему:

— Если хочешь получить исцеление, то отрекись от Зевса, Геркулеса, Юноны, Минервы, Весты и Аполлона.

Отвечал Гилас:

— Каким образом я могу отречься от них?

Сказал святой Вит:

— Не называй их богами, но демонами; идолы, которых ты до этого времени почитал, не почитай, но считай их ни за что, как вещи бездушные и бесполезные. И если ты обещаешь сделать так от истинного сердца, то очи твои тотчас исцелятся и просветятся.

---

[1] *Товит* — благочестивый израильтянин, бывший со своим семейством в плену, в Ниневии, при царе ассирийском Сеннахериме. Историю исцеления его от слепоты можно читать в библейской книге его имени.

Гилас сказал:

— Я отрекаюсь от богов и обещаю сделать все то, что ты сказал мне.

Святой сказал:

— Я знаю, что сердце твое ожесточено и слова твои не истинны; но я покажу на тебе силу Владыки моего, ради предстоящих, дабы они уверовали и прославили имя Господа моего Иисуса Христа, хотя ты и недостоин этого.

Сказав так, святой возложил руку свою на болезненные очи отца своего и помолился к Богу в таких словах: «Господи Иисусе Христе, просветивший очи слепорожденному (см.: Ин. 9, 6–7), победив природу, просвети и очи отца моего, хотя он и недостоин этого по своему неверию; но сотвори сие ради славы имени Твоего святого, дабы враги Твои видели и постыдились, и дабы прославились все знающие и любящие имя Твое».

В то время как святой молился так, от очей ослепшего отпали струпы как чешуя; он стал здоровым и мог видеть хорошо глазами своими. Но вскоре же вместо того, чтобы познать истинного Бога и воздать Ему благодарение за полученное от Него исцеление, он начал хулить Благодетеля своего, так говоря сыну: «Меня исцелил не твой Бог, но мои боги, которым я служу и которым я обещал принести жертвы».

И прославлял своих богов нечестивых, во всеуслышание перед всеми говоря: «Благодарю богов моих, исцеливших меня!»

Направившись к их капищам, он начал приносить им благодарственные мерзкие жертвы, как обещался; при этом сердце его столь ожесточилось диаволом и ослепилось злобой, что он изменил естественную любовь к сыну своему на ненависть, намереваясь умертвить и сына своего святого и неповинного отрока. Господь же, охраняющий рабов Своих, послал Ангела Своего для сохранения, ибо Ангел Господень в образе прекрасного и осиянного светом юноши явился ночью упомянутому Модесту, воспитателю Витову, веровавшему во Христа, бывшему уже в преклонных летах, и сказал ему:

— Возьми отрока и отправься с ним к морю; на берегу вы найдете небольшую ладью; войдите в нее и вы прибудете в страну, которую я вам укажу.

Модест сказал Ангелу:

— Господи! Я не знаю пути, куда я пойду.

Ангел отвечал: «Я поведу вас!»

И тотчас Модест, встав, взял отрока своего Вита, взял также и кормилицу его Крискентию, верную рабу Христову, и отправился с ними к морю, следуя за водившим их Ангелом.

Когда они пришли к морскому берегу, то нашли ладью, приготовленную Господом. И сказал Ангел святому Виту, как бы искушая его: «В какую страну ты пойдешь?»

Святой Вит отвечал: «Куда Господь поведет нас, туда мы пойдем с великим усердием».

Ангел спросил: «Имеешь ли ты плату?»

Отрок отвечал: «Тот, Которому мы служим, воздаст тебе плату».

Потом, войдя в ладью, отплыли от Сицилии; проплыв в продолжение небольшого времени, прибыли в одну из итальянских стран, по имени Лукания, к месту, называвшемуся Аллектория. Когда, приплыв к берегу, вышли из ладьи, тотчас Ангел Господень, бывший в образе юноши вместе с ними в ладье, стал невидим.

Они же, отправившись в путь, подошли к реке, называвшейся Силар, впадающей в море из страны луканийской; близ этой реки они остановились на отдых под красивым многоветвистым деревом. Место это весьма понравилось им, и они расположились здесь для обитания; пищу же им посылал Бог. Подобно тому как в древности по повелению Божию святого Илию[1] питал в пустыне ворон (см.: 3 Цар. 17, 4), так и этих святых кормил орел, ежедневно принося им пищу. И начали твориться святым Витом многие дивные чудеса; имя его прославилось по всей стране той, при помощи Бога, прославляющего рабов Своих. Бесы, изгоняемые Витом из людей силой Божией, кричали: «Что нам и тебе, Вит! Пришел сюда ты прежде времени погубить нас?»

Приходили к святому люди с больными своими; и всех их он исцелял молитвой и крестным знамением, наставляя к познанию истинного Бога и хранению заповедей Его. И многие неверные обращались ко Христу и принимали святое крещение.

---

[1] *Илия* — славнейший из ветхозаветных пророков, грозный обличитель нечестия и идолопоклонства во времена нечестивого царя израильского Ахава и его жены Иезавели. За свою ревность о славе имени Божия, Илия был взят живым на небо (4 Цар. 2, 1–15). История его жизни и деятельности изложена в конце 3-й и начале 4-й книги Царств. Память его празднуется святой Церковью 20 июля.

В то время сын царя Диоклетиана был одержим бснованием; при этом бес взывал устами его, говоря: «Не уйду отсюда, если не придет сюда Вит луканийский»

И сказал царь:

— Где мы можем найти того человека?

Демон отвечал: «Вы найдете его у реки Силара».

Тотчас царь послал в Луканию вооруженных воинов, приказав им с поспешностью привести Вита. Воины, придя к указанному месту, нашли раба Христова, совершавшего при реке молитву к Богу, и спросили его:

— Ты — Вит?

Святой отвечал:

— Да, это я.

Воины сказали:

— Император Диоклетиан требует тебя.

Святой Вит отвечал:

— Я — малоизвестный и незнатный отрок: на что я могу быть нужным для императора?

Воины отвечали:

— Его сын терпит мучения от демона, и по этой причине требует тебя.

Святой Вит сказал:

— Идем же во имя Господне.

И отправился с воинами в путь к Риму; с ним отправился и святой Модест; блаженная же Крискентия следовала за ними издалека.

Придя в Рим, воины возвестили Диоклетиану о прибытии Вита; Диоклетиан приказал привести его к себе.

Когда святой предстал перед царем, то последний изумился красоте отрока: святой Вит был действительно красивым юношей, лицо его было как бы ангельским, очи — как лучи солнечные, потому что он преисполнен был благодати Христовой. И сказал ему Диоклетиан: «Ты ли Вит?»

Святой же не дал ему ответа.

Тогда император начал расспрашивать Модеста, намереваясь от него узнать о святом. Но Модест, будучи стар годами, по простоте своей не мог дать надлежащего ответа царю. По этой причине император, поругав бесчестными словами Модеста, намеревался про-

гнать его от себя; тогда святой Вит отверз уста свои и сказал Диоклетиану:

— Для чего ты с такой дерзостью спрашиваешь старца, как юношу? Ты должен почтить его, хотя бы ради седин его.

Император же отвечал святому Виту:

— Откуда у тебя эта дерзость, по которой ты осмеливаешься с гневом говорить нам, уничижая наше достоинство?

Святой отвечал:

— Мы не имеем гнева, ибо приняли духа незлобия от Христа, Господа нашего, и являемся подражателями голубиной кротости. Ибо Учитель наш был благ по природе Своей, властью велик, нравом незлобив, смирен и кроток; поэтому и ученики Его должны быть кротки и смиренны сердцем, а не яростны и гневны, как ты называешь нас.

В то время как святой говорил так, внезапно бес закричал устами сына царева, сказав:

— О Вит! Для чего ты прежде времени столь жестоко мучишь меня!

Святой же ничего не отвечал бесу.

И сказал Диоклетиан святому:

— Можешь ли исцелить сына моего?

— Сын твой, — отвечал святой, — может быть здравым, но я не могу ему дать здравия: Христос, Сын Божий, рабом Которого я являюсь, если пожелает, то легко может избавить его через меня, раба Своего, от мучения демонского, ибо Он всесилен.

Тогда Диоклетиан начал упрашивать святого исцелить сына. Подойдя к бесновавшемуся, святой возложил руку на голову его и сказал: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, дух нечистый, выйди из создания Божия!»

И тотчас бес вышел из сына царского, но не без вреда для находившихся там; ибо, по попущению Божию, он внезапно умертвил многих неверных, которые посмеивались над святым Витом словом или мыслию, — и души их мерзкие, как свою добычу, отнес во ад.

Император весьма удивился, увидав сына своего здравым и многих из числа предстоявших умерщвленными; но вместо того, чтобы познать силу имени Иисуса Христа и прославить единого истинного Бога, он помышлял в себе, как бы склонить Вита к своему нечестию.

Диоклетиана прельщала и красота святого; он начал с лестью беседовать с ним, говоря: «Любезнейший Вит, послушай меня и принеси вместе со мной жертвы богам; тогда я дам тебе полцарства моего; награжу тебя золотом, серебром и драгоценными вещами; облеку тебя в царскую одежду, и ты будешь искренним, ближайшим другом моим».

Святой Вит отвечал:

— Мне не нужны ни царство твое, ни богатства твои, ибо я имею Господа и Бога моего; если я буду верно служить Ему, то Он облечет меня в нетленную и пресветлую одежду бессмертия в Царстве небесном.

— Не говори так, Вит, — сказал Диоклетиан, — но пожалей жизнь твою; принеси жертву богам, чтобы тебе не погибнуть после многоразличных мучений горькой смертью.

Святой отвечал:

— Я весьма желаю принять те мучения, которыми ты мне угрожаешь; тогда я скорее достигну венца, который обещал Господь избранным Своим.

Тогда Диоклетиан приказал заключить святого Вита и Модеста в мрачную и смрадную темницу, на каждого из них приказал возложить тяжкие оковы, весом по десяти пудов, и запечатать дверь и окно своим перстнем царским, чтобы никто не мог дать им хлеба или воды, — мучитель намеревался погубить их голодом и жаждой.

Когда святые были затворены в темнице, внезапно там засиял свет; этот свет видели и стражи темничные, приникшие к скважине. Святой же Вит громогласно восклицал к Богу, говоря: «Боже, приди на помощь нам и избавь нас от этих уз, как Ты избавил трех отроков из печи горящей (см.: Дан. 3) и как избавил Сусанну от беззаконных лжесвидетелей» (см.: Дан. 13).

В то время как святой молился так, основание темницы потряслось, засиял еще бóльший свет и повсюду разлилось несказанное благоухание. Господь наш Иисус Христос явился ему и сказал: «Ободрись, Вит, мужайся, и будь тверд, ибо Я всегда с тобой».

Сказав эти слова, Господь стал невидим. Тотчас оковы спали со святых узников, Вита и Модеста, и сделались как бы прахом. Святые же встали и начали петь: *Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему* (Лк. 1, 68).

Вместе с тем слышались и ангельские гласы, подпевавшие им; стражи темничные, видя неизреченный свет и слыша гласы Ангелов, преисполнились страха и ужаса и стали как мертвые. Потом, придя в себя, поспешили к царю со страхом и возвестили ему все, что видели и слышали. Царь же, считая все то за восхваление христиан, призвал к себе устроителя общественных зрелищ и приказал ему утром приготовить место для зрелища, на котором хотел предать узников зверям на съедение. При этом он сказал: «Посмотрю, возможет ли Христос избавить их от рук моих?»

Утром следующего дня святые рабы Христовы были выведены на позорищное место. Святой Вит укреплял блаженного Модеста, воспитателя своего: «Не страшись, отче, будь мужественен, не бойся оружия демонского, ибо приближается нам венец наш».

Народа же, приготовившегося смотреть на то зрелище, было пять тысяч человек, кроме женщин и детей, которых было без числа.

И сказал Диоклетиан святому Виту:

— Вит! Где ты сейчас находишься?

Святой же, ничего не отвечая мучителю, возвел очи свои на небо.

Потом император снова сказал ему:

— Где ныне находишься ты, Вит?

Отвечал святой:

— Я вижу себя на позорищном месте; но делай поскорее то, что намереваешься делать.

Диоклетиан сказал ему:

— Пожалей жизнь свою, Вит, и принеси жертву великим богам.

Святой отвечал:

— Да не будет тебе добра, диавол, волк хищный, соблазнитель душ: я удивляюсь безумию твоему, ибо ты, видя силу Божию, не познал Бога и не стыдишься отвращать меня словами твоими от Бога моего. Но я уже не один раз сказал тебе, что не принесу жертвы богам твоим, — или лучше бесам; однако ты снова без стыда предлагаешь мне свои нечестивые советы. Говорят собаке: иди вон, — и, стыдясь, она уходит; но ты не знаешь стыда. Я имею Христа, Бога моего, Которому служил до сих пор и Которому приношу жертву хвалы от сердца моего; для меня осталось только одно — чтобы я весь был для Него жертвой живой.

Тогда император, придя в великую ярость, вместо того, чтобы выпустить на мучеников зверей, приказал тотчас же приготовить горящую печь и большой котел и велел растопить в нем олово, серу и смолу; потом приказал ввергнуть в тот котел кипящий и клокочущий одного Вита, сказав: «Вот посмотрим, — поможет ли ему Бог его!»

Святой же Вит, осенив себя крестным знамением, вошел в самую середину котла, кипевшего как море. И тотчас Ангел Господень, представший святому, отнял силу у огня и охладил жар и кипение котла; и стоял святой мученик как бы посреди купели, воспевая песнопения Господу и говоря: «Ты, Боже, избавивший израильтян через Моисея и Аарона от тяжкого рабства египетского, яви милость Свою и нам, славы ради имени святого Твоего».

Потом, посмотрев на царя, сказал: «Благодарю тебя, Диоклетиан, и слуг твоих за то, что вы устроили для меня весьма удобную купель; надлежало бы здесь быть и мылу».

Весь же народ, смотревший на все происходившее, громогласно восклицал: «Мы никогда не видели такого чуда! Воистину истинен и велик Бог отрока этого!»

И вышел святой из котла, не имея никакого повреждения на теле своем; наоборот, тело его, чистое как снег, стало еще белее; и воспевал он, говоря: Искусил меня, Господи, как золото огнем, испытал меня и ничего не нашел (см.: Пс. 16, 3).

Потом начал укорять царя в таких словах: «Постыдись, диавол, с отцом твоим сатаной, видя, сколь великую силу являет Господь мой на мне, рабе Своем!»

Царь же, преисполнившись еще большей ярости, приказал привести страшного, большего и лютого льва, одного рева которого люди не могли выносить. И сказал царь святому:

— Неужели и этого победят волшебства твои?

Мученик же отвечал:

— Безумный и несмысленный! Неужели ты не уразумел силы Христа, пребывающего со мной, Ангел Которого вскоре возьмет меня из твоих мучительских рук?

Когда лев направился к святому, Вит осенил себя знамением креста, и тотчас лев упал к ногам его и начал лизать его ступни. И сказал святой Вит императору:

— Вот даже зверь воздает честь Богу моему, а ты не хочешь познать Творца своего; но если бы хотя сейчас ты уверовал в Него, то получил бы спасение.

Император отвечал:

— Веруй в Него ты и род твой.

Святой же, улыбнувшись, сказал:

— Ты правильно сказал, ибо я, и весь род мой, возрожденный банею святого крещения, надеемся получить венец жизни в Царстве Бога нашего.

В это время уверовало во Христа много народа, около тысячи мужей. Царь же сказал мученику:

— Почему это, Вит, ни огонь, ни звери не приносят тебе никакого вреда? Каким волшебством ты их укрощаешь и приводишь народ в удивление, так что многие веруют твоим волхвованиям?

Мученик отвечал:

— Я не укрощаю ни огня, ни зверя никакими волхвованиями; но все это делает сила Христа, Бога моего; огонь и зверь, как создания Божии, повинуются воле Создателя своего, а не мне, и почитают Творца своего, тебе же причиняют великий стыд: ибо огонь, будучи бездушной тварью, и зверь, будучи бессловесным созданием, знают создавшего их Бога; ты же, имеющий разумную душу, не хочешь познать Бога, так что оказываешься худшим бессловесной и бездушной твари.

Тогда император приказал повесить на мучилищном дереве святых мучеников Вита и Модеста, вместе с ними также и святую Крискентию, воспитательницу Витову, которая, придя к тому месту, исповедала себя христианкой, царя же обличила за его нечестие и мучение святых; потом мучитель приказал строгать обнаженные тела святых железными орудиями. При этом святой Вит сказал царю: «Ты показываешь силу твою немощной и достойной смеха, когда мучаешь женщину».

И мучимы были святые без милосердия с жестокостью, так что от строгания плоть их отделялась, кости обнажались и видны были внутренности. И возопил святой Вит Господу: «Боже, спаси нас и силой Твоей избави нас». И тотчас земля потряслась, начались громы и молнии; идольские капища упали; при этом погибли многие неверные из числа народа, бывшего там: одни были задавлены упав-

шими зданиями, другие были поражены громом и молнией: сам царь, исполнившись страха, бежал с позорищного места, ударяя себя по лицу и взывая: «Горе мне, ибо я побежден таким юным отроком!» Ангел же Господень, освободив святых мучеников от мучилищного дерева, перенес их в Луканию к реке, называвшейся Силар, и посадил их там под деревом, под которым они прежде останавливались, когда пришли из Сицилии.

В то время когда святые находились под деревом тем, к ним собрались многие христиане, проживавшие там. Потом святой Вит помолился Богу, сказав: «Господи, Иисусе Христе, Сын Бога Живого! Прими с миром души наши к Себе; тех же, которые пожелают почтить во славу Твою память страдания нашего, — тех сохрани от всяких зол мира сего и приведи их беспрепятственно в небесное Царствие Твое».

Когда святой молился так, был слышан с неба голос, говоривший: «Услышана молитва Твоя!»

Потом святой сказал, обратившись к стоявшим близ него христианам: «Братие, похороните здесь тела наши; мы же, после исхода нашего, будем молиться за вас ко Господу, дабы вы получили для спасения своего все, что попросите, и дабы Христос избавил вас от вражды демонской».

После этих слов святые мученики предали одновременно с радостью души свои в руки Божии[1]. Верные же взяли их честные тела, обвили плащаницами с ароматами и похоронили с честью на том самом месте (место же то называется Мариане). Пострадал святой Вит вместе со святым Модестом и Крискентиею 15 июня, в царствование в Риме Диоклетиана, среди нас же, христиан, в царствование Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается честь и слава вечно. Аминь.

---

[1] Кончина святых мучеников последовала около 303 года. Мощи святого мученика Вита одно время находились в Париже (в Сен-Дени), потом были перенесены в Корвей, в Вестфалии; ныне показываются в Праге.

ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ИЕРОНИМА

Родина блаженного Иеронима — незначительный городок Стридон, лежавший на границах Далмации и Паннонии[1]. Время рождения этого великого отца Западной Церкви точно неизвестно[2], как неизвестно точно и его мирское имя: вероятнее всего, он носил имя Евсевия, в честь своего отца. Родители блаженного Иеронима принадлежали, как можно думать, к классу богатых отпущенников[3]; они были христиане и своему старшему сыну дали строго христианское воспитание. «Я вскормлен, — говорил впоследствии о себе блаженный Иероним, — на кафолическом молоке с самой своей колыбели и был тем более предан Церкви, что никогда не был еретиком». Начальное образование Иероним получил дома, причем учитель его, несмотря на суровость своего характера, сумел внушить талантливому ученику любовь к науке. Потом для завершения образования родители послали блаженного Иеронима в Рим. По обычаю времени в курс учения входили логика и, как главные предметы, грамматика и риторика; блаженный Иероним, кроме того, ознакомился и с учениями некоторых философов, но особенно много времени уделял он изучению красноречия; он посещал суды, чтобы послушать знаменитых судебных ораторов. Здесь же в Риме, в годы своей юности, Иероним положил начало своей библиотеке, которая во все время последующей жизни служила ему большим утешением.

Пребывание в столице мира, среди соблазнов и искушений, оставило печальный след в душе Иеронима: он сам признавался, что «во время скользкого странствования своей юности» вел в Риме нечистую жизнь, — обстоятельство, стоившее ему потом многих слез и

[1] Местоположение города трудно определить более точно, так как он был разрушен готами уже во дни блаженного Иеронима.

[2] Исследователи, занимавшиеся разрешением этого вопроса, указывают различные хронологические даты рождения блаженного Иеронима: 331 год, 342 год и 346 год.

[3] То есть были рабами, а затем получили свободу. О богатстве родителей блаженного Иеронима говорит то обстоятельство, что он был в состоянии совершать большие путешествия по Европе и Сирии, имея при себе библиотеку избранных писателей: на все это, конечно, требовались значительные денежные средства.

горьких сожалений. Однако эти уклонения с пути благочестия не могли заглушить в нем искру Божию, зароненную в его душу с раннего детства. Он не разрывал молитвенного общения со своими братьями по вере; кроме того, в воскресные дни он, вместе с Паммахием и другими товарищами, обычно посещал гробницы мучеников, находившиеся в окрестностях Рима; когда при этих посещениях Иерониму приходилось опускаться в темные катакомбы[1], ему невольно казалось, что он живым сходит в могилу.

Здесь же в Риме, еще до окончания образования, в Иерониме созрело решение изменить свою жизнь и начать новую, чистую и добрую. Вероятно, он не замедлил закрепить свое намерение крещением[2]; точно время крещения блаженного Иеронима неизвестно, но с большой долей приближения к истине допустимо предположение, что он крестился, когда ему было около двадцати лет, и — что таинство совершил над ним или папа Либерий[3], или один из членов его клира. По удалении из Рима блаженный Иероним предпринял большое путешествие по Галлии, вместе с Бонозом, товарищем своим по школе и молочным братом. Во время этого путешествия

[1] *Катакомбы* (catacumbae) — подземные ходы и пещеры, расположенные неправильной сетью: известны катакомбы близ Рима, в Неаполе, Сиракузах и на острове Мальте. Катакомбы в окрестностях Рима особенно обширны, так что если бы была возможность вытянуть их по одной прямой линии, то длина последней равнялась бы длине итальянского полуострова. Катакомбы служили для христиан первых веков тайным местом богослужебных собраний и местом погребения умерших: предполагают, что для этой цели христиане воспользовались старыми заброшенными подземными ходами, образовавшимися при добывании горшечной глины: христиане лишь продолжили и расширили их.

[2] В то время существовал обычай откладывать крещение — в большинстве случаев из желания загладить крещением грехи предыдущей жизни и отчасти из опасения, как бы не нарушить обетов крещения в ранние годы, когда воля еще не окрепла и человек восприимчив к греховным соблазнам.

[3] *Либерий* занимал кафедру римского епископа с 352 по 356 год.

Иероним, по его собственному выражению, «на полуварварских берегах Рейна впервые почувствовал желание служить Богу», то есть в нем начало пробуждаться стремление к монашеству с его обетами девства и бедности.

Около 372 года блаженный Иероним возвратился в Стридон из своего путешествия по Галлии. Родители его уже умерли и на нем лежала забота о наследственном имении, о сестре и юном брате Павликиане — последний был на двадцать лет моложе его. Вероятно, эти заботы помешали Иерониму вполне осуществить его намерение об удалении из мира, и он лишь отчасти удовлетворял свое стремление к монашеству, проживая временами в Аквилее[1], где образовался небольшой полумонашеский кружок из близких между собой и блаженному Иерониму лиц. Но кружок этот неожиданно, по каким-то причинам, о которых Иероним упоминает глухо, распался. Тогда Иероним отправился на Восток, чтобы посетить главным образом Иерусалим, а также отшельников Сирии и Египта. В это путешествие блаженного Иеронима сопровождали его друзья, бывшие члены аквилейского кружка: Иннокентий, Никей, Илиодор, Ива и Евагрий последний, впрочем, шел с ними лишь до родной ему Антиохии. Свое путешествие они совершали через Фракию, Вифинию, Понт, Галатию, Каппадокию и Киликию. Тягости дальней дороги, соединенные с аскетическими подвигами, подорвали силы благочестивых паломников. Когда они достигли Антиохии, где нашли радушный приют у Евагрия, то Иероним заболел, а Иннокентий, к великой скорби блаженного отца, даже умер; умер и Ила. Печаль усилила болезнь Иеронима, продолжавшуюся довольно долгое время, по всей вероятности до весны 374 года. Выздоровев, Иероним начал заниматься изучением Священного Писания, склонность к чему пробудилась у него еще ранее[2], с этой целью он слушал беседы по истолкованию Священного Писания у известного Аполлинария[3]. Не

[1] *Аквилея* — в описываемое время большой и знаменитый город Северной Италии, соединительный пункт дорог, ведущих в Паннонию, Норикум, Истрию, Далмацию.

[2] Вскоре после окончания образования в Риме им было написано толкование на книгу пророка Авдия.

[3] *Епископ Лаодикийский Аполлинарий*, не ограничиваясь отрицанием арианских положений в учении о Сыне Божием (об арианстве см. ниже), стремился утвердить положения им противоположные; это стремление и привело его к ере-

оставлял он и намерения удалиться в пустыню, куда особенно влекло его по смерти близких лиц, тем более, что Илиодор и Никей не хотели уже продолжать путешествие. В 374 году Иероним решил поселиться в «сирийской Фиваиде» — пустыне Халкидской (к Востоку от Сирии).

Здесь он пробыл почти пять лет, живя, вероятно, в каком-либо монастыре и по временам оставляя его для пустынного уединения; одобряя общежитие и советуя его другим, блаженный Иероним, как показывает его «Жизнь Павла отшельника», питал в то же время особенное уважение, граничившее с благоговением, к тем подвижникам, которые, поселяясь поодиночке в отдаленных местах пустыни, находили себе приют в горных пещерах; иногда они по несколько лет не видели человеческого лица, и лишь дикие звери да скорпионы нарушали их уединение. В сейчас названном сочинении блаженный Иероним упоминает, между прочим, о двух отшельниках, которых сам видел в пустыне Халкидонской: один их них тридцать лет питался только ячменным хлебом и пил грязную воду; единственной пищей другого служили финики, которые ему ежедневно, в количестве пяти штук, бросали на дно старого водоема, где он жил.

си. Так в противоположность особенному ударению ариан, какое они, в зависимости от своего учения о Сыне Божием, как тварном существе, делали на признании во Христе всецело человеческой природы, Аполлинарий уничтожал человеческую личность в Господе Иисусе. С психологической точки зрения ему казалось невероятным учение Никейского символа, что во Христе соединились совершенное божество и совершенное человечество: он рассуждал, что две сущности, с сохранением всех своих свойств, никогда не могут соединиться в одну. Немыслимой представлялась ему идея Богочеловечества и со стороны догматической: с полным человечеством связан грех, если же мыслить грех во Христе, хотя бы как и возможность, то дело искупления для него уже становится невыполнимым. Поэтому Аполлинарий, следуя греческому философу Платону в делении природы человека на тело, животную или жизненную душу (ψυχή) и духовную душу, дух (νοῦς), полагал, что Христос, восприняв при воплощении тело и душу человеческую, не воспринял отличительной части человеческого существа, — человеческого духа, так как последний необходимо предполагает свободу, а с ней и наклонность ко греху; духа человеческого, по мысли Аполлинария, во Христе заменил Божественный Логос, господствовавший над всеми злыми влечениями животной души. Аполлинарий умер в 390 году. Ересь Аполлинария осуждена собором Александрийским 362 года. В 375 году, когда Аполлинарий, отделившись от Церкви, начал образовывать свою секту, он был осужден собором в Риме; последнее осуждение повторено II Вселенским собором.

Умерщвляя плоть свою молитвой, суровыми подвигами поста, лишений и физическим трудом, блаженный Иероним в пустынном уединении всего себя посвятил изучению Священного Писания, пользуясь нужными для этого книгами из своей собственной библиотеки и библиотеки живших по соседству в Антиохии друзей, главным образом Евагрия. В это же время под руководством одного обращенного иудея он начал изучение еврейского языка, на котором, главным образом, написаны книги Священного Писания Ветхого Завета; последнее занятие для блаженного Иеронима служило и смиряющим средством: этой цели вполне соответствовали и унизительность изучения алфавита, и немузыкальность слов еврейского языка, мало приятная для блаженного Иеронима, образовавшего свой слог на изучении лучших представителей классической литературы. К этому времени жизни блаженного Иеронима, вероятно, относится следующий замечательный сон, который он описывает таким образом:

«Жалкий человек, — говорит он, — я постился как раз перед тем, как намеревался читать Цицерона. После многих, продолжавшихся по целым ночам бдений, после слез, исторгнутых из самого моего сердца воспоминанием о моих прежних грехах, я обыкновенно брался за Плавта. Если, придя в себя, я начинал читать пророков, то их грубая речь коробила меня, и так как я не видел света своими слепыми глазами, то думал, что это вина не моих глаз, а вина солнца. Когда оный древний змий таким образом искушал меня, около половины поста мое изможденное тело было схвачено лихорадкой, семена которой находились во мне, и без всякого облегчения она так питалась моими несчастными членами, что едва кожа держалась на моих костях. Между тем уже делались приготовления к моему погребению, и жизненный жар моей души едва теплился в незначительной теплоте моей груди, причем все тело мое холодело; и вот вдруг я был восхищен в духе перед судилище Божественного Судии, где был такой поток света и такой блеск славы от ангельских зрителей, что простершись на землю, я не смог поднять своих глаз. На вопрос о том, кто я такой, я отвечал, что я христианин.

— Ты лжешь, — отвечал Спросивший, — ты цицеронец, не христианин; ибо где твое сокровище, там и сердце твое.

Мгновенно я онемел и под ударами (ибо Он повелел подвергнуть меня бичеванию) я еще более был мучим огнем совести, размышляя об известном стихе: „Во аде кто исповедует Тебя?“ Но я начал кричать и под удары бича, громко вопя, говорил: „Помилуй меня, Господи, помилуй меня!“

Наконец, стоявшие около меня, бросившись на колена к ногам Судии, умоляли Его простить мою юность и дать возможность раскаяться в моем заблуждении, а впоследствии — подвергнуть меня муке, если когда-либо буду читать книги языческой литературы. Сам я, который в этой смертельной нужде готов был обещать даже больше того, начал каяться и, призывая Его имя, говорил: „О Господи, если я когда-либо буду читать их, то да буду отвергнут Тобой!“

Отпущенный после произнесения этой клятвы, я возвратился в высшую область воздуха и, к удивлению всех, открыл свои глаза, залитые таким потоком слез, что мой страх убедил даже неверующих. И действительно, это было не сновидение и не простой сон, которыми часто обманываемся. Это судилище, перед которым я стоял, этот грозный суд, которого я опасался, есть мой свидетель; да не буду я опять никогда приведен на этот суд. Я признаюсь, что мои плечи посинели от побоев, что, проснувшись, я чувствовал самые удары и что отселе я читаю божественные книги с большей ревностью, чем раньше читал человеческие книги».

Из пустыни Халкидской блаженный Иероним поддерживал общение с близкими ему лицами путем переписки, которой он пользовался как средством для горячего призыва к аскетическим подвигам. В этом отношении особенную известность получило письмо блаженного Иеронима пресвитеру Илиодору; в следующих пламенных словах он убеждает своего друга отречься от мира: «Долой с мольбами, прочь с ласками! Ты пренебрег мной, когда я просил тебя; быть может, ты послушаешь меня, когда я буду укорять тебя. Изнежившийся воин! Что ты делаешь в твоем предательском доме? Вот звук трубный раздается с неба! Вот с облаков сходит вооруженный Вождь для покорения мира! Вот обоюдоострый меч, исходящий из Его уст, разрушает все препятствия. А ты выходишь ли из комнаты на битву, из тени на солнце? Вот противник в самой твоей груди старается убить Христа... Хотя бы твой маленький племянник повис на

твою шею, хотя бы с распущенными волосами и с разодранными одеждами твоя мать показывала тебе те груди, которыми она питала тебя, хотя бы твой отец лежал на пороге — перейди по его телу с сухими глазами и беги под знамя креста! В подобном деле единственная истинная сыновная любовь состоит в том, чтобы быть жестоким».

В Антиохии в начале шестидесятых годов IV столетия явилось одновременно два епископа, Мелетий и Павлин. Избранный в 358 году с согласия православных и ариан[1], так как те и другие считали его своим сторонником, Мелетий в действительности оправдал надежды православных, заявив открыто, что он содержит то учение о Сыне Божием, которое изложено отцами I Вселенского собора[2]. Но ввиду того, что Мелетий был избран не без содействия ариан, православные ревнители, с любовью чтившие память великого иерарха Антиохийской Церкви Евстафия[3], несправедливо низложенного по проискам ариан, отделились от Мелетия во главе с пресвитером Павли-

---

[1] *Арий* — еретик († в 386 году), богохульно утверждавший, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий — не Бог, Отцу единосущный, а Существо сотворенное, а потому невечное, хотя и совершеннейшее из всех созданных существ. Эта ересь, известная в истории Христианской Церкви под именем арианской, была осуждена на I Вселенском соборе (325 год) в Никее, отцы которого так изложили православное учение о единосущии Сына Божия с Богом Отцом: «веруем... во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, единородного, рожденного от Отца, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, через Которого (Сына) все произошло, как на небе, так и на земле»; самая же ересь отцами собора была предана проклятию. Но Никейский символ не положил конца церковной смуте, вызванной арианством: арианствующие епископы, присутствовавшие на соборе в значительном числе, скрепили соборное вероопределение своими подписями единственно из-за страха перед государственной властью, разделявшей убеждения православных членов собора; сумев же, вскоре по окончании собора, привлечь государственную власть на свою сторону, руководители ариан, при ее поддержке, вступили в ожесточенную борьбу с защитниками правой веры, в половине IV века они одержали почти полную внешнюю победу над своими противниками, объединившимися под священной хоругвью Никейского символа.

[2] См. предыдущее примечание.

[3] Память *святого Евстафия* празднуется 21 февраля; под этим числом в Минеях положено ему и житие.

ном, который в 362 году был возведен в сан епископа. Положение дела осложнилось, когда, в 376 году, в ту же Антиохию был поставлен еще третий епископ аполлинарист[1] Виталий. Раздоры между партиями усиливались еще богословскими спорами, сосредоточенными на вопросе о достоинстве и равночестности Лиц Пресвятой Троицы. В то время как Павлин для выражения учения о Пресвятой Троице принимал формулу, выработанную на Западе, — в Пресвятой Троице «одна ипостась[2] в трех Лицах», — Мелетий, следуя словоупотреблению Востока, признавал «одну *усию*[3] и три ипостаси»[4]. В сущности сторонники той и другой формулы разумели одно и то же, только выражали тождественную мысль разными словами[5]. Эти распри, вызванные в Антиохии мелетианским расколом и арианскими волнениями, проникли и в соседнюю с нею Халкидонскую пустыню, где подвизался блаженный Иероним. В письме к папе Дамасу[6], он в следующих словах сетует на нарушение пустынного уединения, вызванного указанными причинами: «Неутомимый враг последовал за мной и в пустыню, так что теперь я в уединенной жизни выношу борьбу еще худшую, чем до поселения в пустыне. С одной стороны, ярится арианское безумство, поддерживаемое охранителями мира. С другой стороны, Церковь в Антиохии, разделенная на три партии[7], стремится захватить и меня в себя». Чем далее шло время, тем более усиливались раздоры в Антиохии, а вместе с этим увеличивалось и беспокойство, причиняемое ими блаженному Иерониму. В письме пресвитеру Марку, спустя два года после писем Дамасу, блаженный отец, между прочим, говорит: «Зачем они назы-

---

[1] То есть разделявший еретическое заблуждение Аполлинария Лаодикийского, см. выше, с. 343.

[2] Это слово понималось в смысле сущности — *усии*.

[3] То есть сущность.

[4] То есть Лица.

[5] «Как западные, так и мы, — говорит святой Григорий Богослов (см. о нем ниже), — благочестиво объявляем, что существует одна сущность и три ипостаси, но так как скудость их азбуки не дает отдельного выражения для усия и ипостаси, то они принуждены вводить слово *просопон* (лицо), чтобы не казаться признающими трисущность. Может ли быть что-либо более смешным или жалким, чем делать это предметом спора».

[6] *Дамас* занимал кафедру римского епископа с 366 по 384 год.

[7] То есть на сторонников епископов Мелетия, Павлина и Виталия.

вают меня еретиком, когда я согласуюсь с Западом и Египтом? Мне не уступлено ни единого уголка в пустыне. Меня ежедневно спрашивают о моей вере, как будто бы я вновь родился без веры. Я исповедую, как они желают, — это не нравится им; я подписываю — они не верят мне. У них одно только желание отделаться от меня. Я готов уйти». И действительно, вскоре блаженный Иероним удалился из пустыни в Антиохию, вероятно, к другу своему Евагрию. В Антиохии блаженный Иероним присоединился к общине Павлина; последний и рукоположил его во пресвитера. В описываемый период пребывание в Антиохии не могло быть приятным для блаженного отца, ищущего покоя. Поэтому он пробыл здесь недолго; привлекаемый славой о Григории Назианзине[1], как церковном учи-

[1] *Святой Григорий Богослов* — великий отец Церкви и вселенский учитель — родился около 329 года в Арианзе (местечко к югу от Назианза, незначительного городка Каппадокии). В раннем детстве святой Григорий видел сон, поразивший его и предуказывавший ему путь последующей жизни: целомудрие и чистота в образе прекрасных дев явились ему, приглашая следовать за собой. Среднее образование святой Григорий получил в Кесарии Каппадокийской, где и встретился впервые с Василием Великим. После этого, в целях довершения образования, он предпринял путешествие в Кесарию Палестинскую, Александрию и Афины. Время пребывания в Афинах, довольно продолжительное, навсегда оставило в душе святого Григория лучшие воспоминания; здесь он подружился с Василием Великим, причем два друга «знали лишь два пути — в школу и христианскую церковь»; здесь же он познакомился с будущим императором Юлианом, приобретшим впоследствии печальную известность своим отступничеством от христианства. Юлиан произвел на святого Григория отталкивающее впечатление. Около 357 года с печалью покинул святой Григорий «золотые Афины», через Константинополь прибыл на родину, где и принял крещение. В 359 году в день Рождества Христова Григорий неожиданно для него был посвящен во пресвитера своим отцом Григорием старшим, епископом Назианза. Когда отец Григория Богослова по простоте подписал полуарианский символ и тем возбудил против себя православную паству, святой Григорий примирил ее с епископом. Между тем Василий Великий, уже епископ Кесарийский, едва не насильно посвятил своего друга Григория во епископа для местечка Сасим. Но святой Григорий в сане епископа остался при своем престарелом отце в качестве его викария и помощника до самой его смерти, последовавшей в 373 году или начале 374 года. Вскоре скончалась и мать святого Григория Нонна; брат и сестра умерли ранее. Тогда святой Григорий удалился в Селевкию в монастырь святой Феклы, стремясь к подвижничеству, от которого ранее его отдаляли обязанности по отношению к родным. Из Селевкии святой Григорий был вызван православными в Константинополь для защиты Православия, гонимого арианами. В мае 381 года, когда по воле императора Феодосия

теле, блаженный Иероним отправился в Константинополь, епископом которого в это время и был святой Григорий. Впоследствии блаженный Иероним не раз вспоминал, как много он обязан святому Григорию, руководившему его при занятиях, посвященных изучению Писания. Здесь в Константинополе блаженный Иероним встретился с христианским богословом — философом Григорием Нисским, который читал ему свое только что написанное сочинение против еретика Евномия, погрешавшего против православного учения о Святой Троице.

В конце 381 года блаженный Иероним покинул гостеприимный Константинополь и отправился в Рим, побуждаемый, по его собственному выражению, «церковной необходимостью»: нужно думать, что блаженного Иеронима вызвал в Рим папа Дамас на собор по делам злополучного мелетианского раскола, не прекратившегося в Антиохийской церкви и по смерти Мелетия. II Вселенским собором в Константинополе[1] на место Мелетия по его смерти был избран Флавиан; папа же с западными епископами поддерживал Павлина, бывшего Антиохийским епископом и во дни Мелетия. Это разногласие[2] между Восточной и Западной Церковью и было причиной созванного Дамасом собора. Блаженный Иероним прибыл в

был созван II Вселенский собор, святой Григорий, согласно желанию императора и народа, был избран на праздную кафедру Константинопольского епископа; отцы собора утвердили это избрание. Вскоре скончался председатель собора Мелетий Антиохийский, и его место, естественно, занял вновь избранный епископ столицы, то есть святой Григорий. Несогласия между ним и отцами собора — главным образом во взгляде на те меры, какими следует прекратить мелетианский раскол в Антиохии, заставили святого Григория удалиться на родину, где он проводил время в уединении, занимаясь литературными трудами; здесь он и скончался в 389 году. После себя святой Григорий оставил значительное число сочинений: 45 слов, 243 письма и собрание стихотворений. Слова и некоторые письма святого Григория имели большое влияние на выяснение православного учения о Пресвятой Троице и о Лице Господа Иисуса Христа.

[1] В 381 году при императоре Феодосии Великом.

[2] Как поставленный западным епископом (Люцифером, епископом с острова Сардинии), Павлин всегда находился в связи с Западом. Поэтому, когда на соборе зашла, по смерти Мелетия, речь о его преемнике, то отцы собора избрали не Павлина, поддерживаемого Западом, а пресвитера Антиохийской церкви Флавиана, ибо, справедливо говорили они: в делах Восточной Церкви должен быть господином Восток, а не Запад.

Рим с Павлином и Епифанием[1], с которыми он встретился в Константинополе, куда они зашли на пути в Рим. В Риме блаженный Иероним тотчас же получил должность секретаря у папы и собора. Отцами собора блаженному Иерониму, между прочим, поручено было изложить исповедание веры, направленное против еретического заблуждения Аполлинария. Вообще положение блаженного Иеронима при папе Дамасе, особенно вначале, было очень влиятельным. Папа, занимавшийся исследованиями в области изучения Святого Писания, пользовался указаниями блаженного Иеронима, поощряя и его в то же время к тем же занятиям.

В первые годы своего пребывания в Риме блаженный Иероним за его аскетический образ жизни, за ученость и красноречие пользовался всеобщим уважением и широкой известностью: достаточно сказать, что блаженного отца открыто называли преемником папы Дамаса по кафедре Римской Церкви. Но спустя недолгое время блаженный Иероним стал предметом ожесточенной ненависти. Его настойчивое указание, что достижение христианского совершенства невозможно без полного отречения от мира и плоти, отталкивало от него не только язычников, но и многих христиан. Этим обстоятель-

[1] *Святой Епифаний*, сын бедного еврейского земледельца в Палестинском елевферопольском округе десятилетним сиротой был усыновлен заменившим ему отца еврейским законоучителем Трифоном. По смерти последнего Епифаний, наставленный в христианской вере и крещенный иноком Лукианом, вступил на путь иноческой жизни, которую он начал в Египте. По возвращении отсюда основал на родине монастырь, пользуясь руководством святого Илариона Палестинского. Здесь святой Епифаний вел борьбу с арканами, предпринимал путешествие на Восток для обращения огнепоклонников-персов. По указанию свыше он был избран уже шестидесятилетним старцем в епископа города Саламина — митрополии всего острова Кипра. Тридцать шесть лет управлял святой Епифаний церковью, путешествуя в это время в Иерусалим, Рим и Константинополь. Скончался на девяносто шестом году жизни в 403 году. Погребен в Кипре 12 мая, когда святая Церковь и совершает ему память. Славный даром чудотворений и пророчества, святой Епифаний славен как учитель и защитник Православия. От него остались сочинения, из которых главными являются *Анкорат* (Якорь) и *Панарий* (домашняя аптека). Анкорат излагает учение о единосущии Божественных лиц, о воплощении Христовом, о воскресении мертвых, о вечной жизни и суде с опровержением различного рода еретических возражений. Панарий содержит историю и опровержение ересей двадцати предшествовавших Рождеству Христову и восьмидесяти времен христианских. Для истории ересей эти сочинения святого Епифания всегда будут иметь значение одного из важнейших первоисточников.

ством воспользовались некоторые порочные члены тогдашнего общества, чтобы обвинить подвижника в лицемерии, распространяя про него всевозможные клеветы и обвинения. Многих смущало и то глубокое уважение, с каким блаженный Иероним относился к Оригену[1]. Такая враждебная настроенность, поставлявшая в вину блаженному Иерониму даже его очевидные заслуги[2], особенно усили-

---

[1] *Ориген* — знаменитый учитель Александрийской церкви, чудо своего века по уму и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, был осужден как еретик на двух местных Александрийских соборах и по кончине — на Константинопольском соборе 543 года. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительной твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправо мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов с такой пламенной любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества, по его ошибочному мнению, немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том, что диавол может спастись, и в толковании Святого Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, в ущерб историческому смыслу Писания. Но, во всяком случае, заслуги Оригена перед Церковью более значительны и покрывают его заблуждения. В своих школах он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из которых некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны его труды по изучению Святого Писания — истолкованию, а главное, — по восстановлению и очищению подлинного текста; замечательны и сочинения Оригена, направленные к защите христианства против его врагов и еретиков. В гонение Декия Ориген удостоился славы мужественного исповедника Христова, скончался семидесятилетним старцем в Тире в 254 году.

[2] Так, например, сделанный блаженным Иеронимом по поручению папы Дамаса необходимый и полезный пересмотр латинского перевода книг Святого Пи-

лась после его письма к Юлии Евстохии о сохранении девства. Письмо это относится к 383 году. В нем блаженный Иероним обличает и осмеивает нравственную распущенность и религиозное лицемерие современного ему римско-христианского общества и преимущественно духовенства. Письмо вооружило против блаженного Иеронима буквально всех римских христиан, тем более, что «все язычники, отступники и все, кто с ненавистью относились к имени христианскому, ревностно списывали это письмо, потому что оно обесславливало все классы христиан, все степени, все профессии и всю Церковь, подвергая их постыднейшему позору»[1].

Во время этой бури негодования, возбужденной помянутым письмом, блаженный Иероним находил некоторый покой в обществе благочестивых друзей, расположенных к нему и уважавших его. Этот небольшой кружок составляли: Паммахий, патриций[2] и товарищ блаженного Иеронима по школе, Оцеан, впоследствии друг блаженного Августина[3], Марцеллин, нотарий[4] и человек очень знатный[5], и — пресвитер Домнион. Сейчас поименованных друзей блаженный Иероним сравнивал с Даниилом, Ананием, Азарием и Мисаилом (см.: Дан. 1). К этому обществу принадлежали и следующие благородные, благочестивые и образованные женщины: Мелания, Альбина и ее дочь Марцелла, Лея, Аселла, а также Павла с ее дочерьми: Блезиллой, Евстохией, Павлином, Руфиной; к последней семье блаженный Иероним был особенно расположен. Благотворное влияние блаженного Иеронима на связанных расположением к нему благородных и знатных женщин Рима было особенно важно ввиду крайнего упадка нравов того времени: он давал пример луч-

---

сания возбудил ожесточенную вражду, потому что он лишал христиан многих привычных и любимых изречений Святого Писания, которые хотя и были ошибочно выражены по сравнению с подлинным языком святых книг, но вследствие долгого употребления сделались дорогими.

[1] Так упрекал впоследствии блаженного Иеронима за злополучное письмо его бывший друг Руфин.

[2] То есть человек благородного происхождения.

[3] Знаменитый отец Западной Церкви († в 430 г.).

[4] Секретарь при дворе государя.

[5] Впоследствии, по желанию императора Гонория, Марцеллин председательствовал на Карфагенском соборе 410 года, созванном для примирения донатистов с православными.

шей христианской жизни, которая сама за себя свидетельствовала; руководство блаженного Иеронима кружком преданных ему лиц заключалось в том, что он читал и объяснял им Священное Писание, стараясь склонить их к решимости вести аскетический образ жизни, сохраняя девство или вдовство.

В 384 году умер высокий покровитель блаженного Иеронима, папа Дамас; его место занял Сириций — человек не столь просвещенный и неодобрительно относившийся к деятельности блаженного Иеронима. Язык клеветников уже ничем более не сдерживался, так что блаженный отец, месяцев через семь после кончины Дамаса и после своего трехлетнего пребывания в Риме, принужден был оставить последний. Он удалился из него вместе со своим юным братом Павлинианом и с пресвитером Винцетием. Простившись с друзьями, провожавшими его до пристани, блаженный Иероним с тоской в душе взошел на корабль, чтобы уже навсегда покинуть «вечный город». Единственным утешением при этом скорбном расставании блаженному Иерониму служила та мысль, что «если ему и суждено было сносить позор ложного обвинения, то он познал, что через худую молву и достигается Царство небесное»... «и перед судилищем Христовым обнаружится, как каждый жил».

Блаженный Иероним покинул Рим с намерением посетить Святую Землю. На пути туда он, между прочим, останавливался на острове Кипр, где гостил у епископа Саламинского святого Епифания, и — в Антиохии, под радушным кровом епископа Павлина. Здесь в Антиохии к блаженному Иерониму присоединились Павла и Евстохия, порвавшие все связи с родным Римом ради благочестия. Из Антиохии паломники во Святую Землю — Павла и Евстахия в сопровождении молодых девственниц и Иероним с Винцетием, Павлинианом и немногочисленной группой монахов — отправились вместе. Они посетили башню святого пророка Илии в Сарепте (см.: 3 Цар. 17, 9) и лобызали песок на том месте в Тире, где преклонял колена святой апостол Павел (см.: Деян. 21, 3–5); в Кесарии они осматривали дом сотника Корнилия (см.: Деян. 10) и небольшие комнатки в доме «благовестника» Филиппа, где некогда, во дни святых апостолов, жили его четыре дочери-девственницы (см.: Деян. 21, 8–9). В Иерусалиме паломники с благоговением лобызали Крест Христа,

Его гроб, столп бичевания; они посетили и все места Иерусалима, освященные воспоминанием о Господе Иисусе Христе. Из Иерусалима, миновав гробницу Рахили[1], паломники прибыли в Вифлеем[2]. Здесь на месте рождения Христа Спасителя Павла в священном восторге воскликнула: «Достойна ли я, жалкая грешница, поцеловать ясли, в которых плакал Господь, будучи малым ребенком — молиться в пещере, в которой Дева Мария родила Младенца — Христа? Это родина моего Господа. Здесь я буду жить, так как Спаситель избрал ее».

После Вифлеема паломники, посетив часовню «Ангела благовестника пастухам», направились к Мертвому морю[3] через Газу и Хеврон;

---

[1] Патриарх Иаков похоронил любимую жену свою Рахиль на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем, и поставил над ее гробом памятник (Быт. 35, 18–19). Гробница Рахили была хорошо известна и спустя многие столетия после (1 Цар. 10, 2). Местные иудеи и магометане и доселе относятся к гробнице Рахили с большим благоговением. Арабы собираются сюда для торжественных молитв во время бездождия.

[2] *Вифлеем* в Ветхом Завете известен как родина величайшего иудейского царя Давида, а в Новом Завете как родина Иисуса Христа. Он находился в двух часах пути к югу от Иерусалима и лежит на двух холмах, склоны которых изобилуют виноградниками, а у подошвы тянутся хорошо обрабатываемые хлебные поля. От этого плодородия, вероятно, происходит и самое название «Вифлеем», с еврейского — «дом хлеба». В древности он назывался Ефрема (Мих. 5, 2), с еврейского — «приносить плоды». Со времени рождения Христа Спасителя Вифлеем сделался священным местом для всех христиан. До занятия Палестины османами (XV в.) Вифлеем не раз был совсем разрушаем, и к этому времени пришел в полный упадок, от которого оправился только в начале XIX столетия. Теперь это небольшой городок с населением из арабов, наполовину православных, наполовину католиков. На месте пещеры или вертепа, где родился Господь Иисус Христос, находится храм; пещера находится под его алтарем; стены и пол ее обделаны мрамором. Местом рождения Спасителя почитается углубление в пещере, освещаемое пятью серебряными лампадами. В пол вделана серебряная звезда с латинской надписью: Hic de Virgine Maria Jesus Christus natus est — здесь от Девы Марии родился Иисус Христос. В шагах трех от этого места находится впадина, признаваемая местонахождением яслей, в которые положен был Христос. К северо-западу от пещеры тянется узкий подземный ход, с престолами и часовнями, а также пещерой, где был погребен блаженный Иероним.

[3] *Мертвое море* — внутреннее Соленое озеро в юго-восточной части Палестины; полуостровом Лисон Мертвое море делится на два бассейна; оно лежит ниже уровня Средиземного моря на 394 метров. Воды Мертвого моря насыщены солями до такой степени, что рыбы в них не могут жить, а удельный вес воды столь

затем, побывав на Иордане, через Вефил, Силом и Назарет[1] они достигли моря Галилейского[2] и горы Фавора[3]. Из Палестины паломники отправились в Египет[4], где целый месяц пробыли в Александрии; здесь блаженный Иероним слушал знаменитого по своим знаниям Святого Писания учителя александрийской огласительной школы слепца Дидима, преемника по кафедре Оригена[5]. Когда путники прибыли в Нитрийскую пустынь[6], их встретил епископ Исидор с «бесчисленными толпами монахов». После общения с нитрий-

---

значителен, что органические тела, упавшие в воду, не тонут. Земля кругом Мертвого моря на значительном пространстве покрыта солью; по преданию, на месте Мертвого моря находилась плодородная долина Сидимм, в которой лежали города Содом и Гоморра.

[1] *Назарет* — с еврейского отрасль, или огражденное место, — небольшой городок южной Галилеи, настолько малоизвестный до пришествия Спасителя, что о нем ни разу не упоминается в Святом Писании Ветхого Завета. Но с наступлением времен новозаветных Назарет делается знаменитейшим местом Галилеи, потому что с ним связано много событий из жизни Спасителя: Назарет был родиной Обручника Божией Матери, праведного Иосифа; здесь было благовещение Пресвятой Богородице; здесь, по возвращении святого семейства из Египта, протекло детство и отрочество Спасителя; здесь же Господь пребывал и по вступлении на открытое служение человеческому роду, пока не переменил Назарета за неверие жителей на Капернаум. Как проведший большую часть Своей жизни в Назарете, Иисус Христос носил наименование Назорея (Мф. 2, 33).

[2] *Море Галилейское* или *Геннисаретское озеро* было одним из излюбленных мест проповеди Господа Иисуса Христа; оно памятно многократными посещениями его Господа (см,. напр., Мф. 4, 13–17, 23–25; 8, 23–24; 9, 1–8; 13, 1).

[3] *Гора Фавор* лежит в Галилее, северной части Палестины; предание Церкви издавна признает гору Фавор горой Преображения.

[4] *Египет* — одно из первых по времени государств земного шара, занимает узкую береговую полосу Африки по обеим сторонам реки Нил.

[5] Блаженный Иероним, рассказывая о событиях, происшедших во дни его детства, передает следующее о Дидиме; когда в Александрию прибыл знаменитый отшельник святой Антоний, вызванный сюда святым Афанасием для борьбы с арианами, то Дидим посетил великого подвижника: последний, удивляясь уму и знаниям Дидима в области Святого Писания, спросил его: «Скорбит ли он о том, что он слеп?» И когда Дидим сознался, что слепота для него тяжелое испытание, Антоний заметил: «Странно, что ты скорбишь о потере дара, которым обладают мухи и муравьи, и не радуешься обладанию такими познаниями, которых удостаивались только святые и апостолы».

[6] *Нитрийская пустыня* была излюбленным местом жительства иноков в Египте; лежит на юг от Скитской пустыни.

скими пустынниками паломники осенью 386 года возвратились в Вифлеем.

Для жительства паломников, решивших остаться в Вифлееме, Павлой предпринята была постройка монастырей — женского и мужского; в последнем настоятелем был блаженный Иероним; Павлой затем построено было еще два женских монастыря. Стройка продолжалась около трех лет; все это время Павла с девственницами и блаженный Иероним с монахами прожили в малоудобных помещениях. Кроме монастырей, Павла выстроила странноприимный дом, где при посещениях Вифлеема находили бесплатный приют паломники, в большом числе стекавшиеся во святую землю даже из таких отдаленных мест христианского мира, как Галлия, Британия, Армения, Понт, Ефиопия и Индия. Странноприимный дом был открыт для всех паломников, исключая еретиков; «Иосиф и Мария, — говорит блаженный Иероним, — если бы опять пришли в Вифлеем, вновь не оказались бы без места». Широкая и щедрая благотворительность истощила, наконец, и богатые личные средства Павлы, так что блаженный Иероним в делах поддержки монастыря вынужден был отправить в Далмацию своего брата Павлиниана с поручением продать его личное наследство. Сам блаженный Иероним жил в пещере, находившейся по соседству с пещерой Рождества Христова. Пищей ему служил хлеб со съедобными травами, а питьем — вода: да и эту скудную пищу блаженный отец в постные дни вкушал лишь по закате солнца. Он руководил иноками своего монастыря, надзирая в то же время за благочестивыми упражнениями и занятиями Павлы и Евстохии, причем настойчивые расспросы последних о тех или других малопонятных местах Священного Писания ставили в большое затруднение его самого. Часть трудового дня блаженный Иероним уделял еще на преподавание мальчикам. Но главным занятием его, как и прежде, было изучение Святого Писания и переписка. Сульпиций Север[1], проживший с бла-

[1] *Сульпиций Север* († 410 г. или 429 г.), родом из Аквитании, сначала был адвокатом, а потом, по смерти жены, удалился в 392 году в монастырь близ Безьера; отсюда в 409 году он перешел в Марсель. Известен своею близостью к святому Мартину Турскому, жизнь которого он описал подробно, но не совсем правдоподобно. Кроме того, он написал «Историю» (Historia), или «Священную Хронологию» (Chronica sacra), где в двух книгах излагаются события с сотворения мира, кончая 409 годом по Рождестве Христовом; ему принадлежат также два диалога.

женным Иеронимом в его пещере шесть месяцев, свидетельствует, что блаженный отец всегда был занят чтением или письмом, почти не пользуясь отдыхом не только днем, но и ночью. Здесь в пещере блаженный Иероним собрал себе, не жалея средств, обширную библиотеку главным образом из трудов Оригена, Дидима, Иринея и Евсевия Кесарийского. В связи с главным занятием блаженного Иеронима по изучению и истолкованию Священного Писания стоит его занятие еврейским языком, которое он продолжал и в Вифлееме: эти занятия он вел то с раввином Вараниной, то с раввином из Лидды или Тивериады, причем последний брал за свои уроки высокую плату. Блаженного Иеронима при изучении еврейского языка воодушевляло, кроме стремления ознакомиться с подлинным языком ветхозаветных священных книг, желание опровергнуть насмешки над христианами иудеев: последние указывали, что тексты Писания, на которые ссылаются христиане, имеют будто бы другое значение в подлиннике.

Время пребывания блаженного Иеронима в Вифлееме было временем рассвета его литературной деятельности. Особенно это нужно сказать про первые десять лет. Затем приступы горячки, страх общественных бедствий, охвативший весь Восток, трепетавший в ожидании нашествия гуннов[1], нарушили мирное пребывание блаженного Иеронима в Вифлееме. Но особенно много огорчений доставила ему его полемика, от которой он не мог отказаться и здесь, в вифлеемском удалении от мира, и которую он вел с большим подъемом чувства. Блаженный Иероним или обличал лиц, высказывавших взгляды, несогласные с учением Церкви, или защищал свои воззрения в случае нападок на них со стороны лиц, расходившихся с мнением блаженного отца по известному церковному вопросу. Так блаженный Иероним выступил с тремя обличительными книгами против одного свободомыслящего инока Иовиниана; он указывал на следующие заблуждения в учение последнего: 1) что девство, вдовство

---

[1] Сохранилось письмо блаженного Иеронима от 395 года к Оцеану, где он сообщает, между прочим, что весь Восток трепетал в ожидании нашествия гуннов. Блаженный Иероним вынужден был в Иоппии держать наготове суда для своих монахов и монахинь, чтобы бежать в случае нападения гуннов на Святую Землю. Гунны уже осаждали Антиохию, и ходила молва, что они намерены брать штурмом Иерусалим, ища в нем сокровищ.

и брак сами по себе одинаково безразличны и одинаково приятны Богу; 2) что истинно возродившиеся в водах крещения могут быть безгрешны; 3) что пост и соединенное с благодарением Бога пользование пищей имеют одинаковое нравственное достоинство. В 399 году блаженный Иероним был вовлечен в знаменитый спор об Оригене, продолжавшийся около пяти лет. Во время этого спора, доставившего чрезвычайные неприятности блаженному Иерониму, он из прежнего почитателя знаменитого александрийского учителя обратился в горячего обличителя его заблуждений; спор этот вызвал окончательный разрыв между блаженным Иеронимом и Руфином, некогда друзьями. Более успешна была, тоже доставившая немало огорчения блаженному Иерониму, переписка его с блаженным Августином: Иероним убедил Августина отказаться от его ошибочного мнения, по которому он считал ненужным перевод Священного Писания с еврейского языка ввиду существования перевода семьдесят толковников. С другой стороны, блаженный Августин убедил блаженного Иеронима молчаливо отказаться от его толкования 11–15 ст. 2 главы послания к Галатам, где блаженный Иероним представлял действие верховных апостолов в свете неискренности, унижавшей их высокое достоинство и колебавшей авторитет Священного Писания.

Блаженный Иероним был по преимуществу человек науки и оставил после себя богатое наследие в виде своих литературных произведений. По предмету и характеру своему эти сочинения могут быть разделены на четыре вида: 1) догматико-полемические; 2) нравственно-аскетические; 3) труды по истолкованию Священного Писания и 4) труды исторические.

К догматико-полемическим относятся: «Разговор против Пелагиан»[1] (написан в конце 415 г.); «Книга против Гельвидия о приснодевстве блаженной Марии» (в Риме, в 383 г.); «Против Иовиниана

[1] *Пелагий* (еретик V в.) отрицал учение Церкви о первородном грехе, понимая его лишь в смысле первого дурного примера, данного Адамом, а не в смысле склонности ко греху человеческой природы после грехопадения Адама; вместе с тем он отрицал и учение о благодати, как особой силе, ниспосылаемой Богом человеку; он понимал благодать как откровение Богом всего доброго в природе и в истории, начиная с факта существования и кончая откровением высшей истины через Христа.

(в Вифлееме, в 392 г.) и «Против Вигилянция»[1]. Немало произведений этого рода было вызвано и оригенистическими спорами: «Послание к Феофилу Александрийскому», «Против Иерусалимского епископа Иоанна»[2] (398–399 гг.). «Две книги апологии[3] против книг Руфина» (402 г.), «Третья книга, или Последний ответ на Писание Руфина» (402 г.). Вынужденное участие блаженного Иеронима в распрях, вызванных расколом в Антиохийской Церкви, было причиной появления книги «Спор православного с люциферианином» (в 379 году в Антиохии). Из переводных чисто догматических трудов замечательны переводы блаженного Иеронима: сочинения Оригена «О началах» (399 г.) и сочинения Дидима «О Святом Духе».

Нравственно-аскетическая деятельность блаженного Иеронима нашла свое выражение главным образом в его письмах; из них сохранилось бесспорно подлинных сто двадцать. Особенно поучительны следующие письма блаженного отца; 14-е к Илиодору с восхвалением отшельнической жизни; 22-е к Евстохии о сохранении обета девства; 52-е к Непоциану о добродетелях монашествующих в связи с изображением идеала пастырского служения; 58-е к Павлину с наставлениями монаху. Сюда же можно отнести и составленные блаженным Иеронимом описания жизни подвижников: Павла Фивейского (376 г.), Малха-монаха и святого Илариона (оба написаны около 379 г.); 103-е письмо к Евстохии содержит биографию Павлы — вифлеемской сподвижницы Иеронима.

Но поистине бессмертную заслугу перед христианским миром блаженный Иероним стяжал себе трудами, относящимися к излюбленной им области изучения Священного Писания. Труды этого рода блаженного Иеронима можно разделить на: 1) исагогические, 2) филологические и 3) экзегетические. К исагогическим относятся следующие произведения блаженного Иеронима: 1) «Об еврейских

---

[1] Последний восставал против почитания святых и мучеников, против превозношения монашеской жизни, против почитания мощей, против чрезмерной важности, признаваемой за добрыми делами, постом и милостынею. Вообще он восставал против всех существовавших в его время форм церковно-религиозной жизни, не различая истинных от ложных.

[2] Приверженец Оригена.

[3] *Апология* — защита.

именах», — сочинение это, составленное под влиянием Иосифа Флавия, Филона и Оригена, содержит объяснение в мистико-аллегорическом духе различных собственных имен, встречающихся в ветхозаветных и новозаветных книгах Священного Писания и расположенных в алфавитном порядке. В 380 году блаженный Иероним написал сочинение под заглавием: «Книга о положении и именах еврейских мест», сочинение весьма важное для изучения топографии и археологии Палестины. «Еврейские вопросы на книгу Бытия» — другое произведение блаженного Иеронима рассматриваемого рода, представляет собой критические замечания на труднейшие места книги Бытия, сделанные на основании сравнительного изучения текстов «италийского», еврейского и греческого семидесяти толковников. Филологический характер носят следующие произведения, принадлежащие перу блаженного Иеронима: исправление по существующим в его время редакциям перевода LXX, так называемого «италийского», латинского перевода Библии, широко распространенного в Латинской церкви, но заключавшего массу погрешностей. Блаженный Иероним приступил к этой работе в 383 году по поручению папы Дамаса; прежде всего он занялся исправлением Четвероевангелия и остальных книг Нового Завета; из ветхозаветных книг им была исправлена Псалтирь. Псалтирь по распоряжению папы Дамаса тотчас была введена в богослужебную практику и стала называться «Римским Псалтирем»[1]. Книги новозаветные, исправленные блаженным Иеронимом, и доселе входят в состав Библии, употребляемой во всей Западной Католической Церкви. Уже во время жизни в Вифлееме блаженный Иероним докончил исправление «италийского текста» и для книг Ветхого Завета, причем эту работу он опять начал с Псалтири, которую он исправил по Оригеновым гекзаплам. Манускрипт последних им найден был в Кесарии, где был Ориген в III веке[2]. Эта Псалтирь известна под именем

---

[1] Впрочем, она употреблялась только до XVI века.

[2] *Гекзаплы Оригена* представляют собой список книг Святого Писания Ветхого Завета, разделенный на шесть столбцов (откуда и название): в первом столбце помещался еврейский текст еврейскими же буквами; во втором — тот же текст в греческой транскрипции, в третьем — перевод Акилы, в четвертом — Симмаха; в пятом семидесяти толковников и в шестом Феодотиона. Перевод семидесяти был снабжен заметками, указывавшими его различия от еврейского текста.

«Галльской Псалтири», потому что вошла в употребление прежде всего в Галльской Церкви и потом была принята во всей Западной Церкви. Тем же порядком блаженный Иероним исправил и все остальные книги Ветхого Завета, но этот труд «по лукавству одного человека», как говорит сам блаженный отец, пропал бесследно за исключением книги Иова.

Будучи знатоком еврейского, «халдейского», латинского и греческого языков и имея под руками такое важное пособие, как гекзаплы Оригена, блаженный Иероним предпринял самостоятельный латинский перевод всех священных книг Ветхого Завета с их оригинального языка; он желал уничтожить недостатки италийского текста. К работе блаженный Иероним приступил около 390 года, а окончил ее в 405 году, когда оказался переведенным весь Ветхий Завет, за исключением неканонических книг — Варуха, 1 и 2 Маккавейской и Премудрости Иисуса Сына Сирахова. Почти все книги переведены с еврейского подлинника; только Товит и Иудифь переведены с «халдейского языка», да некоторые части книг Есфирь и Даниила с греческого. Перевод блаженного Иеронима не чужд недостатков, потому что велся чрезвычайно поспешно: например, книга Товит переведена в один день, книги Соломоновы в три дня, но и при своих недостатках перевод блаженного Иеронима до сих пор не имеет равных по красоте, выразительности и точности изложения. И неудивительно поэтому, что при Григории Великом[1] перевод вошел во всеобщее употребление в Латинской церкви, а с XIII века сделался известным под именем Вульгаты, то есть перевода, распространенного среди всего народа.

Экзегетические труды блаженного Иеронима распадаются на переводные (переводы гомилий Оригена — четырнадцать на пророка Иеремию, четырнадцать на Иезекииля, два на Песнь Песней, тридцать девять на евангелиста Луку) и его собственные; к последним относятся: толкование на Евангелие Матфея (398 г.), на послания апостола Павла к Галатам, Ефесянам, Титу и Филимону, а также толкование на Апокалипсис. Много отдельных толкований разбросано по его письмам. Толкования блаженного Иеронима по большей части являются филологическими объяснениями, которые нередко

[1] С 590 года римский епископ.

переходят в беседы мистико-аллегорического характера; они ценны еще и в том отношении, что среди объяснений сохранились отрывки из утраченных теперь произведений Оригена, Аполлинария и Дидима.

Исторические труды блаженного Иеронима исчерпываются следующими: переводом «Хроники Евсевия Кесарийского» на латинский язык, да ее незначительной переработкой и продолжением до 378 года и «Каталогом о знаменитых мужах». При ограниченности исторического материала, сохраненного древностью, первый труд имеет немаловажное значение. Последний труд, составленный главным образом на основании сочинений Евсевия Кесарийского, дает последовательный исторический обзор всей христианской литературы, оканчивая четырнадцатым годом правления Феодосия Младшего. Наряду со сведениями о сочинениях помещаются и биографии самих писателей: главное внимание в этом обзоре блаженный Иероним уделяет экзегетическим трудам, среди которых он поместил и свои собственные.

Блаженному Иерониму пришлось быть современником падения Рима под ударами готских полчищ Алариха (в 410 г.). «Вечный город», в течение многих веков бывший живым олицетворением государственного могущества, явился местом «ужаса, смятения, голода и бедственности, пожара и кровопролития». Его «блистательные церкви превратились в пепел и мусор». В эти ужасные дни в Риме погибли близкие блаженному Иерониму лица: Марцеллина и Паммахий. Когда весть о падении Рима достигла блаженного Иеронима, она произвела на него впечатление неожиданно разразившегося грома и преисполнила его великой скорбью; последняя нашла свой отголосок в его письмах. «Кто бы поверил тому, — спрашивал он, — чтобы Рим, основанный на триумфах над всем миром, мог подвергнуться разрушению? Чтобы он, матерь народов, мог также сделаться их гробницей? Чтобы все страны Востока, Египта, Африки наполнились толпами юношей и дев прежнего владыки мира? Чтобы священному городу Вифлеему пришлось изо дня в день видеть, как блистательные лица обоего пола, некогда жившие в избытке и роскоши, стремились к его стенам в качестве нищих?» Блаженный Иероним, не будучи в состоянии помочь им, разделял постигшее их

горе, проливая вместе с ними слезы. Но эти слезы были облегчением по сравнению с теми, какие исторгались из его глаз, когда он впервые получил весть о взятии Рима и сопровождавших это мировое событие ужасах: «Мой голос, — говорит он в письме Принципии по поводу смерти ее матери Марцеллы, — подавлен, и рыдания затрудняют мне диктовать слова. Взять город, который сам некогда взял весь мир; мало того, он погиб от голода, прежде чем пал от меча, и едва несколько человек найдено было для того, чтобы взять их в плен. Ярость голодных переходила в гнусное людоедство: люди отрывали друг у друга члены, мать не щадила своего грудного ребенка». В 411 году престарелого подвижника постигло новое испытание: самый Вифлеем трепетал от ужаса, вызванного диким набегом бедуинов-арабов, и лишь милость Божия спасла общину блаженного Иеронима от разорения. Так среди бедствий, пережив всех своих друзей, оканчивал в печальном одиночестве свои дни блаженный Иероним. Самый внешний вид его свидетельствовал о перенесенных им подвигах, лишениях и утратах: уже давно седые волосы обрамляли чело, изборожденное глубокими морщинами; слабые, впалые глаза и бледное изможденное лицо носили следы многих слез. Утешением, скрасившим сумрачную старость блаженного Иеронима, было поселение в Вифлееме младшей Павлы, внуки Павлы и Альбины, христианской жены языческого жреца, с дочерью Меланией. Они, вероятно, и закрыли глаза умиравшего старца. Год смерти блаженного Иеронима точно неизвестен. Сохранилось, впрочем, свидетельство Проспера Аквитинского, которое говорит, что блаженный Иероним скончался 30 сентября 420 года. Вероятно, он отошел в вечность после довольно продолжительной и тяжкой болезни[1]; погребен был близ Павлы и Евстохии в пещере, соседней к месту Рождества Христова. В 642 году мощи блаженного Иеронима были перенесены из Вифлеема в Рим и положены в церкви Божией Матери Маджиоре; где ныне они, — неизвестно. Сохранилась лишь честная рука, которая находится в Риме в церкви его имени близ площади Фарнезе.

[1] Так можно догадываться на основании того обстоятельства, что за последние девять месяцев 420 года не существует ни одного письма блаженного Иеронима: очевидно, болезнь отнимала у него возможность писать.

В тот же день **память иже во святых отца нашего Ионы**, митрополита Московского и всея России, чудотворца.

В тот же день **перенесение мощей преподобного Феодора Сикеота**, — епископа Анастасиупольского (житие его см. 22 апреля).

День шестнадцатый

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ТИХОНА ЧУДОТВОРЦА,
епископа Амафунтского

Святой Тихон родился на острове Кипре в городе Амафунте[1] от благочестивых родителей — христиан. С самых юных лет воспитанный своими родителями в христианском благочестии, он научен был ими чтению священных книг, за что был принят в клир церковный и удостоен должности церковного чтеца. За чистоту своей жизни он был поставлен затем святым Мемноном, епископом Амафунтским, во диакона. Когда же скончался епископ Мемнон, то, по общему желанию амафунтских христиан, избран был на его место святой Тихон и рукоположен святым Епифанием, архиепископом Кипрским[2].

В то время на острове Кипре оставалось еще много язычников, державшихся древнего идолопоклонства.

Святитель Христов Тихон подъял на себя великий труд, отвращая жителей Амафунта от языческих заблуждений и приводя их к познанию Христа-Бога; в этом великом труде споспешествовал ему Господь, ибо, исторгнув от власти диавола великое словесное стадо, святитель привел его в ограду Православной кафолической Церкви,

---

[1] *Амафунт* — ныне город Лимиссо на острове Кипре.

[2] *Святой Епифаний* — архиепископ острова Кипра, скончался в 403 году от Рождества Христова; этот святитель просиял силой богомудрого учения и даром чудотворений и пророчества. — Память его — 12 мая.

обратив козлов в овец Христовых. Святой Тихон уничтожил также вокруг Амафунта идолов, а храмы этих идолов, как жилища бесовские, он искоренял и разорял.

Благочестно управив вверенную ему от Господа паству, святой Тихон скончался в глубокой старости. За свои многие чудеса, сотворенные им не только при жизни, но и по смерти, святой Тихон назван «Чудотворцем».

Из многих чудес святого Тихона до нашего времени сохранилось сказание лишь о двух случаях чудодейственной его силы[1]. Первое чудо, сотворенное святым Тихоном еще в отроческом возрасте, было следующее. Отец святого Тихона, содержавший семью свою печением и продажею хлебов, посылал сына продавать хлебы. Святой же Тихон раздавал беднякам хлеб даром. Отец его, узнав об этом, опечалился и, разгневавшись на сына, начал ругать его за это. Благочестивый же отрок сказал на это отцу:

— Отчего ты печалишься, отец, как бы что-нибудь потерявший? Я дал хлебы взаймы Богу, а в святых книгах сказано: «Дающий Богу, сторицею приимет». Если не веришь сказанному там, то пойдем в житницу и там ты сам увидишь, как Бог отдает долг заимодавцам Своим.

Сказав это, он пошел с отцом к житнице, и когда они хотели открыть дверь, то увидели, что то помещение, которое было пусто, все наполнено чистою пшеницею. Видя такое чудо, отец святого Тихона весьма изумился и, пав на колени, поклонился Богу, воздавая Ему благодарение; с этого времени он перестал гневаться на сына и не препятствовал ему раздавать нищим хлеб, сколько он желал.

Другое чудо, сотворенное святым Тихоном, было следующее:

---

[1] Подробные сведения (как пишет святой Димитрий Ростовский) о житии и чудесах святого Тихона до нас не сохранились, ибо по случаю многих магометанских нашествий и давности времени, как многие церкви опустели, так равно и церковные записи в них погибли.

В одном винограднике садовники, обрезывая сухие ветви у винограда, выбрасывали их вон как негодные. Святой же Тихон, собрав эти ветви, посадил в своем саду. Сажая, он молился Господу о том, чтобы Он дал виноградным ветвям следующие четыре свойства: во-первых, чтобы сухие сучья принялись в земле, пустили корни и росли; во-вторых, чтобы виноградные ветви изобиловали ягодами; в-третьих, чтобы ягоды были сладки и полезны для здоровья; в-четвертых, чтобы виноград его скорее всех поспевал и созревал. Когда наутро святой Тихон вышел в сад, то увидел, что молитва его была услышана: сухие ветви принялись в земле и пустили почки; а когда тем же летом начали расти, то совершенно необычно и неестественно оказались весьма плодородными, и еще в то время, когда в других виноградниках плоды зрели, ягоды в виноградниках святого Тихона были вполне зрелы, приятны на вкус и весьма полезны для здоровья.

Этот виноград не только при жизни святого Тихона обладал такой чудодейственной силой, но и по кончине его был плодороден и каждогодно плоды его поспевали ранее, чем в других виноградниках, так что 16 июня — в день памяти святого Тихона — на выжатом вине из этого винограда было совершаемо на литургии таинство Евхаристии. Уже из двух этих чудес можно видеть, что святой Тихон был чудотворец и великий угодник Божий.

В службе святого Тихона повествуется, кроме того, что он пророчески предузнал и возвестил другим о времени своей кончины[1].

О таковой святости этого чудотворца да будет Богу нашему слава, ныне и всегда и во веки веков. Аминь[2].

В тот же день **память священномученика Тигрия пресвитера и мученика Евтропия чтеца**, пострадавших в начале V века, в Константинополе.

---

[1] Песнь 7, ст. 2 и песнь 8, ст. 1.

[2] *Святитель Тихон* жил в царствование греческого императора Аркадия (395–408 гг.) и сына его Феодосия.

В тот же день **память преподобного Тихона Медынского (Калужского).**

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО **ТИХОНА**, Луховского чудотворца

Преподобный отец наш Тихон был родом из Малой России, из Литовских пределов и служил там в военной службе. Не перенося насилий со стороны латинян, он переселился в царствующий город Москву и стал проводить здесь благочестивую жизнь. Впоследствии по крайнему смирению своему он раздал имущество свое бедным, принял иночество и поселился на реке Лухе[1]. Здесь он устроил скит, собрал много учеников и богоугодно стал подвизаться в посте и воздержании. По великому смирению своему он не принял священнического сана до самой кончины своей. Узнав заранее о своем отшествии к Богу и наставив учеников своих во всем, что могло служить к их душевной пользе, преподобный преставился в вечные обители[2].

Спустя много лет после кончины преподобного были открыты мощи его[3] и стало совершаться от них много исцелений. Впоследствии времени, благодаря усердию верующих, на месте подвигов преподобного была устроена честная обитель, которая по благословению Божию существует и доныне.

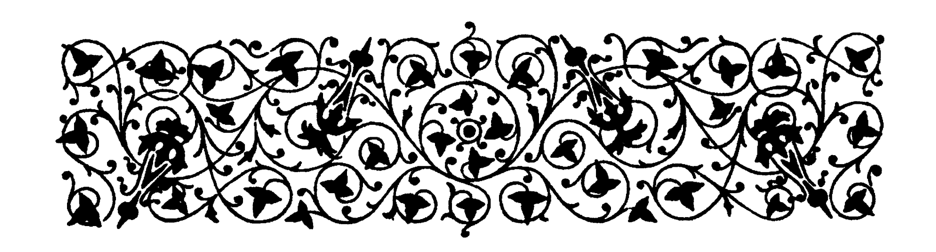

---

[1] Река *Лух*, левый приток реки Клязьмы, протекает через нынешние Костромскую и Владимирскую губернии и берет начало в Юрьевском уезде.

[2] Кончина преподобного Тихона последовала 16 июня 1503 года.

[3] Мощи преподобного были обретены нетленными при игумене Константине около 1566 года, и с этого времени стали праздновать память его.

День семнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
МАНУИЛА, САВЕЛА И ИСМАИЛА

Родные братья Мануил, Савел и Исмаил происходили из персидской страны[1]. Родители их были людьми именитыми, но не единоверными: отец держался персидского неверия, а мать была благочестивой христианкой. Детей своих она с самого раннего возраста воспитывала в христианском благочестии, — подобно тому, как в раннем детстве вскормила их своим матерним молоком и возрастила в страхе Божием; а блаженный пресвитер Евноик породил этих святых братьев банею святого крещения и научил их Слову Божию. Когда же они достигли зрелого возраста, то зачислены были в воинское звание. Но посвятив свои телесные силы царю персидскому Аламундарю[2], — духом своим они все время работали Царю небесному, Господу нашему Иисусу Христу, стараясь во всем угождать Ему своими добрыми делами.

Однажды они посланы были своим царем к греко-римскому императору Юлиану Отступнику[3], ради заключения с ним мира. Юлиан

---

[1] Персидское государство занимало в то время громадное пространство между Тигром, Персидским заливом и Каспийским морем

[2] *Аламундар*, как царь персидский, совсем неизвестен в истории; некоторые думают, что это был один из полководцев персидских.

[3] *Юлиан*, сын Констанция, брата Константина Великого, родился в 331 году по Рождестве Христовом; сначала он был обучен в христианской религии, но, став кесарем, в 355 году, он открыто отторгся от христианства, за что и получил название *Отступника*.

сперва принял их с честью и, всячески оказывая им свою милость, все время относился к ним по-дружески; но потом, узнав, что они христиане, исполнился гнева на них, и вопреки обычаям и законам, общим всем народам, предал братьев мукам за веру во Христа и умертвил их после самых тяжких истязаний.

Мученический же подвиг их был таков.

Однажды беззаконный император задумал отправиться в Вифинию, в местность, называемую Оргия Тригон[1], ибо там скоро наступал один из богомерзких языческих праздников. Когда он, переправившись на корабле из Царьграда к Халкидону[2], прибыл в названное нами место, то начал тотчас же, со всем множеством собравшегося там народа, совершать скверное свое празднование, поклоняясь идолам и принося бесам бесчисленные жертвы, — и вот начались здесь непрерывные пирования с пением и музыкой и тимпанными играниями, — и в честь пагубных языческих богов за это время совершено было здесь много мерзких беззаконий.

Рабы же Христовы Мануил, Савел и Исмаил, находясь тут же, вместе с императором, не хотели даже и смотреть на это нечестивое празднество; отойдя как-то раз в сторону от ликующих и стоя вдали, они рыдали и плакали о прельщении и заблуждении этих людей, и молились ко Господу Богу — и о себе, дабы им не оскверниться общением с идолопоклонническими жертвами, — и о всех заблуждающихся, чтобы Господь привел их к познанию истины.

---

[1] Как думают, *Тригон* был собственно храм, посвященный идолам, близ Халкидона.

[2] *Халкидон* — город Вифинии, на южном конце Босфора, против Византии.

«Не оставляй, Господи, — молились они, — людей этих пребывать в столь великой пагубе зол, и не попусти разумному созданию Твоему находиться в таком безумии; ведь они являются здесь более неразумными, чем даже почитаемые ими камни и деревья: по крайней мере деревянные идолы их, как тварь бесчувственная и неодушевленная, не знают, что́ перед ними делают; эти же люди, почтенные Тобою душою разумною и будучи Твоим образом и подобием, не видят и не понимают, что совершают и кому воздают божеское почтение: они во тьме ходят, заблуждаются и идут в вечную погибель».

В то время, как святые, находясь вдали, так плакали и молились, император, смотря на приносящих жертвы и на пирующих с ними и не видя при себе персидских посланников, приказал найти их и позвать к нему, чтобы они вместе с ним повеселились. Тогда один из царских постельничих, найдя их отдельно стоящими, стал звать их к царскому торжеству: он думал, что они также принадлежат к идолопоклонническому нечестию. Но рабы Христовы единодушно ответили приглашавшему их царскому постельничему:

— Отойди от нас: мы не отвергнемся той веры, в которой воспитаны от юности, и потому не оставим Господа нашего и не поклонимся живущим в вас бесам; и да не будет с нами того, чтобы мы стали причастными к этому явному заблуждению: мы не настолько безумны и неразумны, чтоб, презрев живого Бога, Создателя нашего, стали поклоняться бездушному созданию. Да и не ради того мы предприняли такой большой путь и пришли сюда, чтобы отречься от своей веры, но чтобы заключить мир между персидским и Греко-римским государствами. И царь твой, равно как и единомысленные с ним, хорошо знают, что не отвратят и не убедят нас перейти к своему нечестию, если даже и предадут нас огню и мукам и лишат самой жизни.

После этого постельничий, отойдя от святых, передал эти слова Юлиану, и тот сразу же воспылал на них гневом и яростью; однако он решил не предавать их сейчас же мукам, чтоб не помешать своему нечестивому празднеству, но отложил это до утра, повелев только заключить рабов Божиих в темницу.

Они же, идя к темнице, так воспевали Господу:

— *Приидите, воспоем Господу, воскликнем Богу, твердыне спасения нашего; предстанем лицу Его со славословием, в песнях воскликнем Ему* (Пс. 94, 1–2).

И потом:

— *Кто Бог так великий, как Бог наш?* (Пс. 76, 14). Мы же — люди Его и создание рук Его и будем всегда призывать Его.

На другой день Юлиан, взойдя на судилищное место, велел позвать к себе персидских посланников и начал им так говорить:

— Вас, добрые мужи, царь ваш прислал сюда, как людей верных себе и к нам хорошо расположенных, чтобы между обоими царствами восстановить давно ожидаемый всеми мир. Но этот мир может быть восстановлен между нами только при помощи любовного согласия и взаимной приязни. Однако какое же у вас может быть согласие с нами и где же ваша любовь к нам, если вы не захотели вчера вместе с нами совершить празднества и насладиться веселием в честь тех же богов, каких и вы, персы, чтите[1]? Ведь персы, так же, как и мы, почитают солнце, луну и звезды, — всесветлейшую огненную силу и прочих наших богов; почему же вы отказались почтить их вместе с нами и не захотели участвовать в нашем служении им, — хоть бы ради того, чтобы наши условия относительно заключения мира были более крепкими и прочными? Но если вы презираете и уничижаете наших богов, и если вы не единомысленны с нами, то значит, пришли к нам не для утверждения мира, но для нарушения его и для возобновления вражды и войны.

На это святые мужи ответили:

— Мы пришли к тебе от нашего царя ради заключения мирных условий, чтобы ваши воины не переступали наших пределов, а наши — ваших, дабы нам не опустошать бы землю друг друга, — и чтобы наши купцы всегда имели свободный доступ в ваше государство, а ваши — в нашу землю и чтобы те и другие без всякой бы обиды возвращались к себе домой; вот для условий об этом мы и присланы к тебе, а вовсе не для рассуждения о богах. Пусть всякий почитает того бога, какого хочет, и так именно, как ему нравится. Да из-за веры никогда и не бывает войны между царствами; но распри, ссоры и битвы всегда происходят из-за городов, областей и из-за их

---

[1] По своим философско-религиозным убеждениям, Юлиан был эклектик, то есть — он из всех религиозных учений выбирал себе все то, что ему нравилось и было вообще согласно с его миросозерцанием; он веровал и во единого верховного Бога, но отожествлял Его с Митрой или солнечным богом восточного культа; а персы, как известно, тоже чтили солнце, как свое главное божество.

границ и пределов. Ты же, оставив всякие переговоры о мире, ради которых мы и присланы к тебе, начинаешь говорить о другом, о чем нам с тобою и не должно говорить. Ведь ты говоришь с нами не о благосостоянии империи своей, не о мирном отношении к нашему государству, которое сопредельно с твоим, но все время расспрашиваешь о богах и толкуешь о вере. Если тебе уж так угодно, то знай, что мы, хотя родом и персы, но по вере христиане, воспитаны матерью нашею в благочестии и наставлены в истинной вере отцом нашим духовным, пресвитером Евноиком. И в нашем отечестве уж много было таких, которые хотели отвратить нас от Господа нашего Иисуса Христа к идолопоклонству, но не успели в этом: благодатью нашего Владыки мы остались непоколебимы и тверды в исповедании своей веры; надеемся и ныне на помощь Господню, — что и теперь никто нас здесь не отвратит от нашей веры святой и никто не убедит перейти к службе бесовской, которая поистине есть суетна и преисполнена всякого обольщения, заблуждения и лжи.

Тогда мучитель, исполнившись гнева, сказал им:

— Как вы, будучи людьми простыми и невежественными, — не знающие даже и нашего языка, — как вы осмеливаетесь так нагло и столь безумными речами своими хулить нашу веру, которую исповедуем мы, люди образованные и прошедшие в совершенстве все книжное любомудрие? Знакомы мы и с вашим учением. Ведь вы знаете, что я изучал и ваши христианские книги, но увидев, что в них одна только ложь и нет ничего истинного, тотчас же отверг их, чтобы по причине неясности написанного в них не впасть в какое-либо заблуждение. И кто из тех людей, которые верят вашим книгам и по ним поступают, — кто из таких показал себя когда-либо славным и совершенным и что сделал в своей жизни доблестного? Поэтому советую вам: оставьте это детское и ложное умствование и верьте лучше тому, о чем издавна уже учили лучшие философы. Если же вы не пожелаете принять моего доброго вам совета, то, и вопреки воли своей, послушаетесь тех мук, которым я тотчас же вас предам.

На это святые ответили:

— Мы научились от Господа нашего — не бояться убивающих тело и не думать, чтó должно отвечать желающим мучить нас, ибо Сам Дух Святой укрепит нас в страдании и даст слово и дерзновение для ответа. Мы же спросим тебя, что видишь ты в нас безу-

много, — ты, считающий себя мудрейшим из всех людей? и кто вообще неразумнее, — тот ли, кто познал истинного Бога и Создателя всяческих и благочестно почитает Его, или тот, кто, удалившись от Бога живого, поклоняется бездушной твари, камням и дереву, или чему-либо подобному им? Поистине тот безумен, кто вместо Бога чтит мертвую вещь; разумен же тот, кто служит Богу живому. Ведь вот — что прежде всего есть дело разума человеческого — это познать Творца своего, Подателя всех даров, и веровать в Него, и усердно служить Ему; а не знать Его — Творца и благодетеля своего и работать врагу своему — душепагубному бесу, — это есть крайнее неразумие. И древние философы ваши, находившиеся в таком зловредном заблуждении, только казались мудрыми, а на самом деле были самыми неразумными людьми, — по слову святого апостола: *называя себя мудрыми — обезумели* (Рим. 1, 22), и *омрачилось их* неразумное *сердце*; вот им-то ты и стал подобен, если только не хуже: ведь те пребывали в своем безумии, не зная и никогда ранее не исповедуя истинной веры, ты же, просвещенный святым крещением и воспитанный в христианстве, отвергся от Христа Бога, и теперь всеми, истинно верующими в Господа, прозываешься вместо христианина еллином, и вместо благочестивого — нечестивым и безбожным.

Сильно раздраженный такими словами мучеников, Юлиан, исполнившись безмерной ярости, повелел тотчас же жестоко мучить их. Прежде всего их обнажили и, положив на землю, без пощады били суровыми ремнями по хребту и животу, а потом повесили на мучилищном месте, высоко пригвоздив к дереву их руки и ноги, и железными зубцами строгали все тело их. Мученики же Христовы, доблестно перенося эти тяжкие муки, возведя очи свои к небу и молясь Господу, так взывали к Нему:

— О Владыка! Ты, и Сам некогда пригвожденный неверными иудеями к древу и изгладивший грехи мира страстью на кресте и смертью, — призри на нас, висящих теперь на дереве изъязвленными, и так как естество наше немощно, то пошли нам помощь Свою свыше и дай нам облегчение в страданиях наших, ибо, только в надежде на Тебя, мы дерзнули принять этот мученический подвиг. Как жестоки и ужасны эти муки, — Ты Сам, Господи, знаешь и видишь, но по любви к Тебе, о сладчайший Иисусе, они приятны нам!

Когда святые так молились, внезапно предстал пред ними Ангел Господень; но его видели одни только святые мученики, омраченные же глаза нечестивых не были достойны того. Этот Ангел, утешив страждущих, даровал им такую отраду в их страданиях, что они как будто бы уже более не чувствовали боли от ран своих и, казалось, — даже и не переносили никогда всех этих мук. Потом Юлиан велел снять с дерева святых мучеников, и когда их сняли, он, как бы издеваясь над ними, сказал им:

— Видите, как я вас щажу, не предавая вас еще большим мукам. Надеюсь, что вы после этого сравнительно небольшого наказания станете теперь единомысленными с нами.

Святые же мученики, хорошо поняв всю лесть его слов, еще с большим дерзновением ответили ему:

— Не думай и не надейся, враг Христов, чтоб мы изменили вере в Господа. Итак, продолжай терзать тела наши, если хочешь еще более мучить нас: мы готовы все претерпеть. Подвергнешь ли ты нас ранам, огню, мечу или чему-либо еще более ужасному — все это сочтем для себя скорее радостью, нежели мукою: все это мы с веселием претерпим за возлюбившего нас Иисуса!

Тогда беззаконный Юлиан, видя, что Мануил, как старейший из братьев, говорит больше и смелее, чем другие братья, велел отвести его в сторону, а сам, начав беседу с двумя оставшимися, — с Савелом и Исмаилом, с лукавством стал так говорить им:

— Вы дети хоть и одних родителей, но люди совсем не одного нрава: старший ваш брат недостоин даже и называться вашим братом, так как он упрям, зол, бесстыден, много говорит и спорит и, оставаясь непреклонным в безумии своем, и вас увлекает за собою и не дает вам избрать лучшего для себя; а вы, как я вижу, люди нрава доброго, кроткого, и не сварливого и вообще — благоразумны. Итак, послушайтесь теперь моего доброго совета, — оставьте своего брата погибать в суетном его заблуждении и в безумном сопротивлении, — принесите жертву нашим богам, и тогда вы получите от них великую милость, а от нас — богатые дары и честь.

Святые же, не желая даже и слушать этих льстивых слов, громко начали обличать коварство Юлиана и хулить безумие его.

Тогда Юлиан, снова возгоревшись гневом, приказал отвести их на мучилищное место и опалять ребра их горящими свечами. Му-

ченики же, доблестно перенося эти муки, все время — Господа славили, а мучителя — укоряли. Потом Юлиан вторично велел привести Мануила и — то ласками, то угрозами — опять стал принуждать его поклониться идолам. Наконец, видя, что он, как скала, непоколебим в исповедании Христовом, начал мучить его, как и братьев: он велел в голову каждого из мучеников вбить по железному гвоздю, а за ногти рук и ног — острые колья, и потом им, столь уже изъязвленным, приказал мечом отсечь головы, а тела их — сжечь.

И вот святых мучеников повели на место казни, — на место, называемое Константиново, где пред излиянием крови своей они в последний раз вознесли такую молитву к Господу:

— Боже праведный, безначальный, все приведший из небытия в бытие, в последняя же лета нашего ради спасения умаливший Себя, пребывавший с людьми в образе раба и претерпевший крест, чтобы освободить нас от уз греховных и соделать нас наследниками Царствия Своего, — приими в мире рабов Твоих и сопричти нас к лику от века угодивших Тебе, ибо мы ради имени Твоего святого добровольно приемлем это мечное посечение и отшествие от настоящей жизни, — и обрати к Себе, всемилосердый Владыко, этот порабощенный диаволу народ, который в таком множестве окружает нас, и пошли ему просвещение ума и разум к познанию истины, дабы, познав Тебя Единого истинного Бога, Тебе единому и служить и от Тебя получить вечное спасение.

В то время, как святые мученики так молились, свыше услышан был голос:

— Приидите, дабы получить венец славы, так как вы доблестно совершили подвиг свой.

Святые мученики усечены были 17 июня.

Но когда нечестивые слуги хотели исполнить другое приказание своего беззаконного царя — сжечь тела Христовых страстотерпцев, — мгновенно, по повелению Божию, земля потряслась, и место, на котором лежали святые, глубоко оселось, и таким образом образовавшаяся бездна прияла тела мучеников и сокрыла их, дабы более не прикасались к ним скверные руки мучителей и сила огня не превратила бы их в пепел; а все слуги от страха бежали.

Тогда многие из народа, там стоявшего, видя такое чудо, уверовали во Христа и, отвергши еллинское заблуждение, присоединились к обществу христиан.

По прошествии двух дней, в продолжение которых христиане непрестанно день и ночь возносили на этом месте мольбы ко Господу, земля снова расступилась и вознесла наверх тела святых, и вот, — повсюду излилось несказанное благоухание.

Тогда верные, исполнившись великой радости, с любовью взяли тела святых и с честью погребли их на этом дивном месте; после того от гроба святых мучеников в изобилии стали изливаться исцеления для всех недужных.

А нечестивый богоотступник Юлиан вскоре же после того погиб знаменательною и грозною смертью.

По убиении персидских посланников, святых мучеников Мануила, Савела и Исмаила, он отправился со всем войском своим в Персию[1]. На это прельстили его бесы чрез своих волшебников — лжепророков, предсказавших ему победу и покорение персов. Царь же персидский, услышав об избиении своих послов, исполнился глубокой печали и великого гнева: узнав, что на него идет законопреступный Юлиан, он также собрал все войско и, став на границе своего государства, ополчился на гордого своего врага. И когда оба войска сошлись, началась великая битва. Но персы скоро превозмогли и победили римское войско, сокрушив таким образом всю силу Юлиана.

Вот при этой-то битве богоотступника Юлиана и поразил гнев Божий: нечестивый император поражен был невидимою рукою и погиб в великих муках, став под конец посмешищем для всех персов, на которых он так гордо выступил, со своею суетною надеждою, — на радость бесам, в которых он веровал и на которых так надеялся.

Христиане же, освободившись таким образом от жестокого гонения и мучений, прославили Избавителя своего, Христа Бога, Которому и от нас да будет честь и слава, со Отцом и Святым Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь[2].

---

[1] Как известно, Юлиан выступил в поход против персов 5 марта 363 года.

[2] Торжественное празднование памяти этих святых весьма древнее; спустя тридцать лет после их кончины, Феодосий Великий († в 395 году) построил в честь их в Константинополе церковь, а монах Герман, впоследствии патриарх († в 740 году), написал в память их канон.

День восемнадцатый

СТРАДАНИЕ
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЛЕОНТИЯ, ИПАТИЯ И ФЕОДУЛА

В царствование Веспасиана[1] в Риме жил один сенатор, по имени Адриан, — человек жестокий, немилостивый и изобретательный на всякое зло. Он услыхал о христианах, что они, гнушаясь идольскими жертвами, хулят почитаемых римлянами и греками богов, так как признают только Единого истинного Бога — Христа, к вере в Которого и обращают многих; исполнившись ревности по своим суетным богах, Адриан пошел к царю и просил его, чтобы он дал ему власть принуждать христиан к идолопоклонству с правом мучить и убивать не хотящих поклоняться богам. Царь назначил Адриана игемоном[2] в Финикийскую страну с полномочием гнать всех верующих во Христа. Когда Адриан, по выходе из Рима, приближался уже к Финикии, ему стало известно, что в городе Триполе[3] находится военачальник Леонтий, разоряющий отеческие законы, а именно: укоряя древних богов, он учил не поклоняться и не приносить им жертв, чем многих, его слушавших, отвращал от почитания идолов. Адриан тотчас же послал в Триполь трибуна[4] Ипатия со спирою[5] воинов, поручив ему схватить Леонтия и держать под стражею до его прибытия.

---

[1] Царствовал с 70 по 79 год.

[2] *Игемон* — областной правитель.

[3] *Триполь* — приморский финикийский город с гаванью; был расположен при подошве самой высокой точки Ливана.

[4] *Трибун* — начальник над отрядом воинов в тысячу человек.

[5] *Спира* — рота (Деян. 10, 1) или полк (Деян. 21, 31).

Св. мученик Леонтий

Раб Христов Леонтий был родом из Греции; высокого роста, сильный и мужественный, он отличался храбростью в сражениях, в которых одержал много побед; поэтому среди воинов Леонтий пользовался известностью и уважением. К тому же, от природы одаренный разумом, обладая развитым жизненным опытом и книжным учением, Леонтий был мужем совета и правления. Зная же, что существует Один только истинный Бог, Господь Иисус Христос, Леонтий всю свою жизнь отдал на служение Ему, веруя не словом только, но и делом. Милостивый к нищим, он питал алчущих, одевал нагих, давал приют странным, словом, украшал себя всеми добрыми делами, за что и был удостоен Господом победного венца.

Когда спира воинов приблизилась к Триполю, трибун Ипатий неожиданно и внезапно заболел горячкой, причину которой объяснял своим воинам следующим образом:

— Я знаю, по какой причине постиг меня настоящий недуг: боги разгневались на меня за то, что, отправляясь в этот путь, я не принес им достойной их жертвы; вот, они и наказывают меня болезнью.

Видя, что трибуна действительно постигла тяжелая болезнь, воины соболезновали ему, печалясь его печалью; прошло три дня, а больной ничего не ел, так как недуг усиливался с часу на час, угрожая смертельным исходом. В ночь с третьего дня на четвертый трибуну явился в видении Ангел Господень и сказал:

— Если хочешь быть здоров, то вместе с твоими воинами воззови трижды к небу: «Боже Леонтия, помоги мне!» Если сделаешь это, сейчас же исцелишься.

Быстро приподнявшись и открыв глаза, палимый внутренним жаром трибун увидал святого Ангела, который стоял пред ним в виде прекрасного юноши, облеченного в белоснежную одежду.

— Я, — сказал он Ангелу, — послан с воинами взять Леонтия и блюсти его под стражей до пришествия игемона Адриана, а ты мне повелеваешь призвать на помощь Бога Леонтия.

Во время этих слов больного трибуна Ангел скрылся от очей его; в ужасе трибун разбудил спавших близ него друзей и сказал им:

— Послушайте, что мне виделось: лишь только я забылся первым сном, предо мною предстал какой-то светлый юноша и советовал мне вместе со всеми вами призвать Бога Леонтия, обещая за это выздоровление. Юношу, пробудившись, я видел и очами, после чего он вскоре исчез.

— Не такое это трудное дело, — сказали друзья, — мы все исполним его, лишь бы ты был здоров.

Один из друзей трибуна, по имени Феодул, особенно сильно удивлялся видению и подробно расспрашивал больного, какой именно видом был явившийся юноша; трибун охотно удовлетворил его любознательности. И разгоралось сердце Феодула любовью к неведомому для него Богу Леонтия. Когда воины, пробудившись от сна, собрались около болящего трибуна и узнали от него о бывшем ему видении, то, поднявшись, все, без исключения, воскликнули, глядя на небо, вместе со страждущим:

— Боже Леонтия, помоги!

Тотчас же трибун поднялся здравым, как будто и не болел; наступил час обеда и трибун начал со своими друзьями есть, пить и веселиться. Чудо же, проявленное над трибуном, исполнило Феодула еще бо́льшего удивления, — он сидел отдельно, размышляя в молчании:

— Кто такой Леонтий, и кто́ Бог Леонтия?

Между тем друзья приглашали Феодула принять участие в пиршественной трапезе, но он, предпочитая ей голод, ничего не желал вкусить. Видя же, что воины под влиянием вина забыли о приказании игемона, Феодул сказал им:

— Вот Адриан завтра или послезавтра настигнет нас, а мы и не думаем отыскивать мужа, взять которого нам повелено; если хотите,

я и трибун пойдем прежде вас к городу и поищем того, за кем посланы.

Убедив затем трибуна пойти с ним, Феодул и Ипатий оба направились к городу.

Только что они поднялись на верх горы, где находился Триполь, как Леонтий вышел им навстречу и приветствовал их такими словами:

— Радуйтесь о Господе, братья!

— Радуйся и ты, брат! — отвечали трибун и Феодул.

— Кого вы пришли сюда искать? — спросил Леонтий.

— Царю Веспасиану, — сказали они, — стало известно, что в этом городе живет некоторый муж, по имени Леонтий, человек благородный, разумный, добродетельный и храбрый воин; место жительства его мы и посланы узнать; вслед за нами идет игемон Адриан, управлению которого царь поручил всю эту Финикийскую страну; игемон сам желает видеть Леонтия как человека любезного богам, чтобы потом с великою честью послать его к царю, и весь сенат Римский хочет видеть Леонтия, так как всем известно о его мужественной храбрости в боях, в искусстве управления, о его благочестии и многих других славных делах.

Услышав это, блаженный Леонтий сказал:

— Вижу, что вы люди пришлые и не знаете того, что делается в этом городе. Пойдемте ко мне; отдохните от пути, а я вам покажу Леонтия, которого вы называете другом ваших богов; в действительности же он вовсе не друг почитаемых вами богов, но знайте его за христианина, верующего в Господа Иисуса!

Ипатий и Феодул говорили между собою:

— Кто этот человек, называющий Леонтия христианином? Не родственник ли его?

Потом они спросили неизвестного им мужа:

— Как тебя зовут?

— О имени моем, — отвечал тот, — так пишется в книгах: *на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (Пс. 90, 13), ибо мне должно попрать льва — диавола, невидимого врага, и змия — игемона, врага видимого; мне до́лжно победить, как аспидов и василисков, и советников его, ревностных служителей бе-

сов. И когда я восторжествую над всем полчищем льва, тогда само дело явит мое имя.

Слова эти казались загадочными трибуну и Феодулу; пытаясь объяснить их себе, они в недоумении следовали за удивительным мужем в его дом. Святой Леонтий угостил их, устроив для них трапезу. Вкусив от нее, они сказали хозяину:

— Мы весьма довольны твоим угощением, добрый муж! Окажи до конца свое благодеяние к нам, — покажи Леонтия, которого мы ищем. Когда же прибудет Адриан, мы расскажем ему, как много ты сделал для нас, и за это он удостоит тебя великой чести, так что ты будешь находиться в общении с друзьями царя.

— Я — Леонтий, которого вы ищете, — отвечал на это святой, — я тот воин Иисуса Христа, которого взять Адриан послал вас.

Тогда трибун и Феодул припали к ногам Леонтия, говоря:

— Раб Вышнего Бога! Прости нам грех наш и поспеши умолить за нас твоего Бога, чтобы Он и нас избавил от идольского нечестия и лютого зверя Адриана, ибо мы хотим быть христианами.

Затем они передали ему, как явился больному Ангел и как недуг оставил трибуна вслед за призванием Бога Леонтия.

Видя проявление силы Христовой, святой Леонтий исполнился радости; простершись на земле крестообразно, он начал так молиться Богу со слезами:

— Господи Боже, *Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4), призри на нас в час этот: Ты соделал, чтобы за мною последовали те, за коими должен был следовать я; сохрани и меня, овцу Твою, и их со мною вместе просвети светом Твоего милосердия. Излей на них благодать Твоего Святого Духа, созижди в них сердце чистое и, осенив их Святым Твоим знамением, соделай их Твоими непобедимыми воинами, — вооружи и укрепи их на врага — диавола и на слуг его. Да сотрут эти рабы Твои главу невидимого змея и видимого злобного зверя Адриана.

После теплой молитвы святого Леонтия светлое облако осенило трибуна Ипатия и друга его Феодула и крестило их, оросив дождем, причем святой Леонтий призывал в это время над крещаемыми имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа.

По чудесном крещении он восхвалил Бога, сказав:

— Слава Тебе, Боже мой, призирающий на молитву любящих Тебя и исполняющий желание боящихся Тебя!

Облекши новокрещеных в белые одежды, святой Леонтий повелел носить пред ними возжженные свечи. В это время пришли в город и остальные воины, отставшие в пути; они расспрашивали о Леонтии, а также о своем трибуне и Феодуле. Когда воины нашли их, то чрезвычайно изумлялись и недоумевали, увидев горящие свечи и белые одежды на Ипатии и Феодуле. Узнав же, что последние обратились в христианство и крестились, воины сначала смутились, а потом стали негодовать; тогда же весть о крещении Ипатия и Феодула дошла и до некоторых граждан города; последние подняли мятеж криком:

— Да будут преданы сожжению бесчестящие наших богов!

В городе возникли раздор и смута: одни защищали Леонтия с остальными христианами, а другие хотели их умертвить, но, впрочем, ожидали прибытия игемона, не осмеливаясь самовольно причинить какое-либо зло христианам.

По прошествии двух дней игемон Адриан приблизился к городу; вышедшие навстречу граждане сообщили ему все о Леонтии и о других, руководимых последним, христианах.

— Некоторый муж, — рассказывали они, — Леонтий по имени и христианин по вере, всех отвращает от богов наших своими, ему лишь известными, волшебными хитростями. Он прославляет в то же время какого-то человека, которого иудеи после заушений предали смерти, а Пилат, после биения, распял. Наконец, этот же Леонтий чародейством обольстил даже царских воинов, убедив их принять галилейскую веру; и вот уже третий день, как он держит их, предварительно облекши в белые одежды, безвыходно в своем доме, и вместе с ними славит своего, некогда распятого, Христа, оскорбляя бесчисленными хулениями наших богов.

Адриан тотчас же послал воинов взять Леонтия, трибуна Ипатия и Феодула, приказав заключить их в темницу и держать под стражей до суда. Затем, войдя в город, игемон посвятил день отдыху. Находясь в темнице, святой Леонтий непрестанно поучал своих союзников в Христовой вере и укреплял их на предстоящий мученический подвиг, указывая на будущее воздаяние; всю же наступившую ночь они провели в молитве и псалмопении, славя Бога. Утром следую-

щего дня игемон сел на судилище, когда ему представляли из темницы для допроса святых узников.

— Ты ли, Леонтий? — обратился игемон к святому Леонтию.

— Я, — отвечал последний.

— Какого ты, — продолжал допрос игемон, — чина и как твоим волшебным чародейством прельстил этих воинов, некогда верных слуг царя нашего, заставив их служить теперь твоему Богу?

— Я, — объяснил святой Леонтий, — воин Христа моего, я сын того истинного Света, *Который просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1, 9), и каждый, приходящий к этому Свету, не споткнется (см.: Ин. 11, 9–10). Ипатий и Феодул знают теперь, что начало, действие и осуществление упоминаемого мною Света есть Сам Христос, Сын Божий и Бог безначальный, соприсносущный Отцу, Свет от Света, Бог от Бога; познав Его, они оставили твоих богов, сделанных из дерева, камня или костей бессловесных животных; эти бездейственные и бессильные боги легко уничтожаются.

Игемон, раздосадованный безбоязненною речью святого Леонтия, приказал слугам бить его. Он же, перенося побои, возвел очи свои на небо, откуда ожидал себе помощи, и говорил при этом игемону:

— Безумный мучитель! Ты, думая причинить мне страдания, сам более того мучишь себя, угрызаясь своим сердцем.

После долгих побоев игемон приказал снова отвести в темницу святого Леонтия; затем он обратился к Ипатию и Феодулу:

— По какой причине вы отвергли с детства внушенные вам отеческие обычаи и оставили воинскую награду, опечалив царя?

— Мы получили, — отвечали святые, — лучшую награду у Царя небесного: им дарованы нам *хлеб Божий, который сходит с небес* (Ин. 6, 33), и чаша вина, истекшая из ребер Христовых.

— Таким непотребным и бессмысленным речам, — сказал Адриан, — вас обучил нечестивый Леонтий, а я говорю вам: исполните волю царя. Разве вы не знаете его повеления — удостаивать великой чести и наград воинов, чтущих богов, а отвращающихся от них умерщвлять, предавая лютым мучениям?

— Наше воинское достоинство на небесах, — возразили святые Ипатий и Феодул, — и потому делай с нами, что хочешь; как ревнитель богов скверных, ты ополчаешься на нас неповинных; но вскоре погибнет и твоя жизнь, — сокращено время дней твоих.

В ярости Адриан приказал трибуна, обнажив, повесить на мучилищном дереве и строгать его тело железными когтями. Феодула же велел простереть на земле и бить без милосердия. Святые мужественно переносили все эти муки; помня наставление святого Леонтия, они ничего не произносили, кроме следующей молитвы: *Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного* (Пс. 11, 1).

Видя, что святые пребывают тверды и непоколебимы в Христовой вере, мучитель осудил их на смерть чрез усечение мечом. Влекомые на смерть, святые Ипатий и Феодул воспевали:

— Ты наше прибежище, Господи! В руки Твои мы предаем души наши.

С радостью они простерли под меч свои выи за Христа и, по усечении, отошли к Господу, чтобы приять из десницы Его уготованный им венец.

После этого святой Леонтий снова был изведен на судилище игемона.

— Пощади, Леонтий, — сказал ему игемон, — свою жизнь, чтобы тебе не испытать тех тяжких мук, какие понесли прельщенные тобою трибун и Феодул. Послушайся меня, принеси жертву богам и тогда удостоишься великой чести не только от меня, но от самого царя и римского сената, ибо царь и вельможи сильно желают тебя видеть.

— Я не хочу, — отвечал святой Леонтий, — видеть лицо твоего царя, враждебного и мерзостного моему Богу. Лучше, если желаешь, будь ты, Адриан, друг моему Христу; и если станешь им, то я покажу тебе, какие честь, богатство и спасение ты получишь в вечной жизни.

Со злобным смехом Адриан спросил:

— Ты хочешь, очевидно, чтобы я получил такое же спасение, какое выпало на долю трибуна и Феодула? Бессмысленная голова! Или ты не знаешь, от какой казни они погибли?

— Та казнь, — возразил святой, — не казнь, а лучшая жизнь, мир и радование: теперь они радуются, водворившись среди чинов ангельских.

— Выслушай внимательно, что я скажу, — предложил игемон святому Леонтию. — Кто из людей, не лишенных ума, презрел это солнечное сияние и великих богов Дия, Аполлона, Нептуна, Венеру

и прочих затем лишь, чтобы позорною и мучительною смертью окончить свои дни? Поистине никто, кроме очарованных тобою!

— Не слыхал ли ты, — спросил святой Леонтий игемона, — слова Писания: *все боги народов — идолы* (Пс. 95, 5), *подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них* (Пс. 134, 18); кто же из здравомыслящих людей захотел бы уподобиться немому камню или бездушному веществу, каковы в действительности и есть ваши боги, чтобы, принося им жертвы, погибнуть бесконечною смертью?

В сильном гневе мучитель повелел мученика, простертого на земле, бить нещадно четырем сильным слугам, а особому глашатаю при этом восклицать:

— Уничижающие наших богов и не повинующиеся повелениям царей погибнут подобною смертью.

Били святого мученика до тех пор, пока бьющие не изнемогли. Святой же Леонтий говорил мучителю:

— Если и все тело мое обратишь в одну рану, все-таки не победишь ума моего, не будешь господином моей души.

Тогда игемон велел повесить святого на мучилищном дереве и строгать все тело его, ребра и голени острыми железными орудиями. Долго строгали святого мученика; в тяжких страданиях он возвел очи свои к небу и обратился к Богу с такою молитвой:

— Боже мой, Ты моя надежда, спаси меня!

Тогда мучитель сказал палачам:

— Снимите его с дерева; я знаю, что он затем поднимает глаза к небу, чтобы умолить богов наших дать ему облегчение.

Услыхав это, святой Леонтий громко и гневно воскликнул к игемону:

— Погибни ты с богами твоими, окаянный и скверный мучитель! Я молюсь моему Богу, чтобы Он даровал мне мужество и силы для перенесения налагаемых тобою тяжких мучений.

Мучитель повелел снова повесить его, но уже вниз головою, привязав к шее тяжелый камень. Долгое время находился в таком положении святой Леонтий, так молившийся вслух:

— Господи, Иисусе Христе, укрепивший рабов Твоих, Ипатия и Феодула, при исповедании Твоего пресвятого имени, утверди и меня, смиренного и грешного раба Твоего, дабы я возмог перенести настоящие мучения. Не оставь меня, моя Надежда!

— Я знаю, Леонтий, что ты сделаешься другом наших богов, — сказал игемон.

— Я раб вышнего Бога, — возразил мученик, — а ты раб твоих богов, с которыми ты и воины твои погибнете.

Весь день терпел святой Леонтий такие мучения; когда приблизился вечер и солнце уже начало склоняться к западу, игемон приказал снять святого Леонтия с мучилищного дерева и бросить его в темницу до утра. Всю ночь воспевал святой Леонтий в заключении: *Господь — свет мой и спасение мое: кого мне бояться?* (Пс. 26, 1).

Ему явился Ангел Господень и сказал:

— Мужайся, Леонтий! Господь Бог, Которому ты верно служишь, послал меня к тебе, чтобы я пребывал неотступно с тобою.

И радовался святой и веселился о Господе, Боге своем. Воссияло солнце, и снова Адриан, сев на судилище, потребовал к себе святого Леонтия.

— Как Леонтий, что надумал? — спросил он.

— Я пришел, — отвечал святой, — к одному заключению, — не обращать внимания на твои пустые речи; много раз я говорил раньше и теперь снова повторю, что никогда не оставлю Бога моего, Творца неба, земли, моря и всего, что их наполняет, Господа Иисуса Христа, Сына Божия, претерпевшего для нашего спасения крестные мучения; в Нем одном я полагаю свою надежду.

— Послушай меня, Леонтий! — увещевал игемон, — принеси жертву богам; клянусь тебе моими богами, что в таком случае ты получишь от царя и великую честь, и многие богатства.

— Какая честь и какие богатства поднебесной могут заставить меня, — спросил святой Леонтий, — послушать тебя и отречься от Бога моего? Весь мир недостоин Христа Владыки, Которого я люблю всем моим сердцем, из любви к Которому страдаю и готов претерпеть все; твоим же богам не принесу жертвы.

Окончательно убедившись, что невозможно победить непобедимого воина Христова, то есть склонить его к языческому нечестию, игемон издал следующий смертный приговор святому Леонтию:

— Леонтия, не только не хотевшего подчиниться велению царя и принести богам жертвы, но и хулившего отеческих богов, повелеваем, растянув на мучилищном древе в четыре стороны, бить до тех пор, пока от мучений не извергнет душу свою.

Святого Леонтия распростерли, привязав к четырем колам, вбитым в землю, затем четыре сильных воина долго и жестоко били его, пока в мучениях он не предал святую душу свою в руки Божии; тело же его, брошенное вне города, взяли верные и предали честному погребению близ пристани Трипольской.

Это страдание святого мученика Леонтия описал раб Христов «Кир нотарий», видевший мучение своими глазами; обо всем написал он на оловянных дощечках, которые и положил при мощах мученика в его гробе для последующих христианских поколений, дабы всякий, читающий или слушающий, воздел к небу руки свои и воздал славу Богу, укрепившему на такой подвиг раба Своего. Совершил страдание свое святой Леонтий 18 июня в царствование в Риме Веспасиана, а в Церкви — Господа нашего Иисуса Христа, Которому воссылается слава со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь[1].

---

[1] О *святом мученике Леонтии* упоминает Константинопольский собор, бывший при патриархе Мине (536–552 гг.); в Триполе финикийском ему была посвящена церковь. В Константинополе память святого Леонтия торжественно праздновалась в двух местах — в храме его имени и близ Камаридия.

День девятнадцатый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО АПОСТОЛА
ИУДЫ,
брата Господня по плоти

Святой апостол Иуда принадлежит к числу двенадцати учеников Господа. Он происходил из племени Давида и Соломона. Святой Иуда родился в галилейском городе Назарете от праведного Иосифа, которому потом была обручена Пречистая Дева Мария. С точностью неизвестно, кто была мать Иуды. По мнению некоторых, это была Саломия[1], — дочь Аггея, сына Варахиина, брата святого Захарии, отца святого пророка и предтечи Господня Иоанна. Иуда был братом святого апостола Иакова Праведного, предстоятеля иерусалимской церкви[2]. Святой апостол Иуда называется обыкновенно Иудой Иаковлевым, то есть братом апостола Иакова[3]. Это наимено-

---

[1] От этой Саломии следует отличать еще старицу Саломию — жительницу Вифлеема (нареченную бабку Господа); эта Саломия была родственницей Пресвятой Девы Марии и праведного Иосифа; смотри о ней в сказании о Рождестве Христове — 25 декабря и в житии святого Иосифа Обручника — 26 декабря.

[2] *Святой апостол Иаков*, брат Господень по плоти, по преданию сопутствовал отцу своему Иосифу, Приснодеве Марии и Младенцу Иисусу, во время бегства их в Египет. По вознесении Спасителя, он был поставлен епископом церкви Иерусалимской; он первый составил Божественную литургию. Скончался, будучи свержен иудеями с крыла церковного, в 61 или 62 году по Рождестве Христовом; ему принадлежит соборное послание, носящее его имя. Память святого апостола — 23 октября.

[3] Впрочем, некоторые отличают от Иуды, брата Господня, Иуду Иаковлева (упоминаемого в Евангелии от Луки, гл. 6, ст. 16, и в кн. Деян. апост., гл. 1, ст. 13)

вание он принял по смирению своему, ибо считал себя недостойным называться братом Господним по плоти, тем более, что согрешил пред Господом, во-первых, своим маловерием, а во-вторых, небратолюбием. Что Иуда согрешил маловерием, об этом свидетельствует святой Иоанн Богослов, говоря: *и братья Его не веровали в Него* (Ин. 7, 5).

Объясняя это место Евангелия, святой Феофилакт[1] разумеет здесь под братьями Христовыми детей Иосифа. Именно, он говорит:

«Поношение доставляли Ему — то есть Христу — и братья, дети Иосифа (среди которых был и Иуда); откуда же у них такое неверие к Нему? — От своей собственной дурной воли и от зависти, ибо родственникам свойственно завидовать своим более, чем посторонним».

и к этому апостолу относят следующее, сообщаемое в Евангелии обстоятельство. Во время последней Своей прощальной беседы с учениками Господь, возвестив им о Своем отшествии к Богу Отцу, в утешение им сказал: *Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 18–21); тогда Иуда сказал Господу: *Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?* (Ин. 14, 22). Из этого вопроса видно, что апостол Иуда еще не расстался с любимой мыслью иудеев о Мессии, как о земном царе, и понимал обещанное явление Господа в смысле видимого, чувственного явления, во славе земного царя и завоевателя. Господь ответом Своим дал ему понять, что Он — не земной царь, и явление Его в Царстве Своем не есть явление видимое, внешнее, телесное, но внутреннее, духовное, — таинственное общение Его с верующими (Ин. 14, 23).

[1] *Блаженный Феофилакт*, архиепископ города Ахриды в Болгарии, известен своим толкованием на Четвероевангелие, в котором он следует во многом святому Иоанну Златоусту. Скончался около 1085 года.

Итак, отсюда ясно, что Иуда согрешил пред Господом своим маловерием.

Но Иуда, кроме того, оказал Христу и небратолюбие, как о том пишется в житии Иакова, брата Божия. Когда Иосиф, по возвращении из Египта, стал делить землю свою между своими детьми, рожденными от первой жены, то он пожелал уделить часть и Господу Иисусу, рожденному преестественно и нетленно от Пречистой Девы Марии, — тогда бывшему еще малым отроком. Но три сына Иосифовы не захотели принять Христа к себе в долю, как рожденного от другой матери; только четвертый сын — святой Иаков принял Его в совместное владение частью своею и оттого назван потом братом Божиим. Сознавая эти свои прежние грехи — маловерие и небратолюбие, — Иуда и не осмеливался именовать себя братом Божиим, но только называл себя братом Иакова, как он и пишет в своем послании: *Иуда, раб Иисуса Христа, брат Иакова* (Иуд. 1).

Кроме названия Иуда Иаковлев, апостол Иуда имеет еще и другие названия. Евангелист Матфей называет его Леввеем и Фаддеем. Названия эти даны апостолу Иуде не без причины, а именно: слово «Леввей» значит: «сердечен». По отношению к апостолу Иуде, это название будет означать, что он — Иуда, после соделанных им по неведению прегрешений против Христа Бога, когда уверился в том, что Иисус есть истинный Мессия — Христос Бог, то соединился с Ним всем сердцем своим.

Апостол Иуда называется еще Фаддеем, что значит: «хвалящий», ибо он прославлял и исповедал Христа Бога и возвестил Евангелие многим народам.

О жизни и деятельности святого апостола Иуды нам известно очень немногое. Известно лишь, что в конце царствования Домициана[1] два внука Иуды, занимавшиеся обработкою земли собственными руками, были приведены, по наветам еретиков, к этому императору, как потомки Давида и родственники Господа; но когда император убедился, что никакой политической опасности они для него не представляют, они были отпущены на свободу.

Апостол Иуда, подобно другим «братьям Господа» по плоти, понес многие благовестнические труды, распространяя Евангелие Христово. Вскоре же после вознесения Господа Иисуса Христа на

---

[1] *Император Римский Домициан* царствовал с 81 по 96 год.

небо, апостол Иуда, как и все вообще апостолы Христовы, отправился на проповедь Евангелия. По свидетельству церковного историка Никифора[1], «божественный Иуда, не Искариотский, а иной, которому было двоякое наименование Фаддей и Леввей, сын Иосифа, брат же Иакова, сброшенного с крыши храма иерусалимского, проповедовал Евангелие и распространял христианство сначала в Иудее, Галилее, Самарии, Идумее, потом в Аравии, Сирии и Месопотамии, наконец пришел в город Едессу, принадлежавший царю Авгарю[2], где еще раньше его проповедовал Евангелие другой Фаддей, один из семидесяти апостолов. Здесь апостол Иуда докончил и исправил то, что не было окончено тем Фаддеем»[3].

Есть известие, что святой апостол Иуда проповедовал христианство и в Персии, откуда и написал на греческом языке свое соборное послание. Побуждением или поводом к написанию сего послания послужило то обстоятельство, что в общество верующих вкрались нечестивые люди, которые обращали благодать Божию в случаи к беззаконию и под видом свободы христианской дозволяли себе всякие мерзкие дела. Это краткое послание заключает в себе много глубоких мыслей и назидательного учения. В нем содержится частью учение догматическое: о таинстве Святой Троицы, о воплощении Иисуса Христа, о различии Ангелов добрых и злых и о будущем страшном суде; частью же учение нравственное: увещание избегать нечистоты греховной — плотской, хулы, гордости, непослушания, зависти, ненависти, коварства и лукавства; апостол советует всякому быть постоянным в должности своей, в вере, в молитве, в любви; советует заботиться об обращении заблудших, сохранять себя от еретиков, душевредные нравы которых он изобразил ясно и объявил, что еретики те погибнут, подобно жителям Содома (см.: Иуд. 7).

Кроме того, в своем послании святой апостол Иуда говорит, что недостаточно для спасения быть только обращенным из язычества в христианство, но должно при вере делать добрые дела, приличные христианству и достойные спасения, и приводит в пример наказан-

---

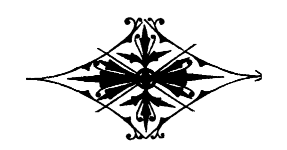
[1] *Никифор Каллист* — греческий историк XIV века, оставивший нам «Историю Церкви».

[2] *Авгарю*, по преданию, Иисус Христос послал Свой нерукотворенный образ. *Едесса* — город в Месопотамии.

[3] Память святого апостола Фаддея — 21 августа, а также и 4 января.

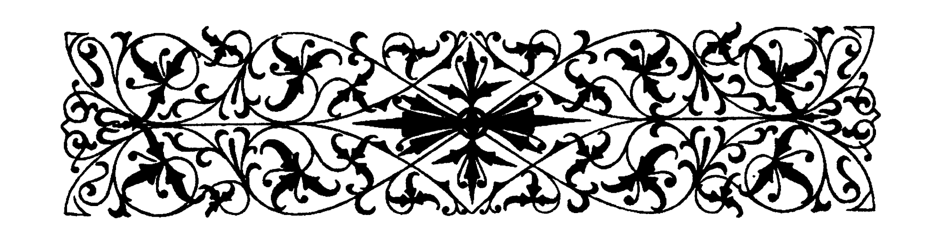
ных Богом Ангелов и людей. Ангелов Бог связал вечными узами во мраке и хранит их на страшный суд Свой за то, что они не сохранили своего достоинства (см.: Иуд. 6). Людей же, изведенных из Египта, Бог погубил в пустыне за то, что они впали в разврат, живя не по закону Божию (см.: Иуд. 5). Так, апостол Иуда краткими словами раскрывает нам в послании своем истины великие.

Много различных стран посетил святой апостол Иуда, проповедуя Евангелие, обращая к Христовой вере народы и наставляя их на путь спасения. В таких трудах достиг он стран Араратских и здесь, отвратив множество людей от идолопоклонства, сделал их христианами. Этим апостол сильно вооружил против себя жрецов идольских: они схватили его и, после различных мучений, повесили на кресте и пронзили стрелами. Так окончил подвиг и жизнь свою святой апостол Иуда и отошел ко Христу Богу, дабы принять от Него венец вечного воздаяния на небе[1].

---

[1] *Святой апостол Иуда* скончался около 80 года по Рождестве Христовом. — По месяцеслову императора Василия апостол Иуда был в Месопотамии в Едессе, где уврачевал Авгаря, а после в городе Арате на кресте пронзен стрелою; по славянскому Прологу апостол Иуда пострадал на Арадском острове. Есть город и остров Арад, но в Финикии, а не в Месопотамии. По армянскому преданию, апостол Иуда прибыл в Армению около 60 года и встретился здесь с апостолом Варфоломеем в городе Арташате на Араксе; многих он просветил, и пригвожден ко кресту в 72 году в Ормии в Великой Армении, — ныне Урмия. В таком случае Арат следует искать около гор Араратских. (Месяц. арх. Сергия, т. 2, зам. под 19 июня.)

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ПАИСИЯ ВЕЛИКОГО

Суетная прелесть мира сего, — тленная и преходящая, — привлекает к себе людей, жаждущих ее, и заставляет их, ради ничтожной радости земной, погрешать в своих намерениях и чувствах и прилепляться умом к дольним страстям, и притом настолько, что эти миролюбцы иногда начинают не только презирать обещанную им небесную жизнь, но и — увы! — отвращаются от Самого Творца истинной жизни и более стремятся к временным и земным благам, нежели к будущим, добровольно подготовляя тем для себя лютую и бесконечную смерть; подобно этому и вечное на небесах сокровище, — в людях, уповающих достигнуть его, возбуждает безмерное к себе стремление и насыщает сердца их какою-то божественною и несказанною сладостью: обетованное нам небесное Царство заставляет таковых людей воспоминать о вечном блаженстве, о воздаянии за труды и светлом торжестве подвижников; мысль об этом настолько побуждает их стремиться к достижению этого Царства, что они не только начинают презирать все временное и суетное, но даже не щадят и жизни своей, желая, ради Христа, по слову евангельскому (см.: Мф. 10, 39), положить за Него душу свою, и смерть за Него предпочитают всем земным радостям и удовольствиям. В тех случаях, когда, за прекращением гонений подвижники благочестия не обретали себе мученической смерти, они жаждали претерпеть ее иным образом: они принимают на себя продолжительный, но для них необходимый, подвиг умерщвления своей плоти, и при этом, конечно, переносят постоянные болезни: ежедневно постясь и умерщвляя себя многоразличными подвигами, они борются с невидимыми бесами, и

еще будучи во плоти, — непрестанно понуждают себя противиться этим бесплотным врагам.

Среди таких славных и богоугодных людей был некий муж, о котором я[1] и хочу теперь рассказать, поведав о его рождении, юношестве и чудном житии: имя тому мужу было Паисий. И всякий пусть поверит мне, слыша о нем нечто преславное и вышеестественное, и пусть никто не думает, что я, чести ради, что-либо прибавляю в повествовании об этом святом отце: он намного выше всякой человеческой славы и, будучи восхваляем в вышних селениях святыми Ангелами, не требует хвалы от нас, дольних и грешных. Но я расскажу о нем ради пользы слушающих и желающих возревновать по его добродетелям. И расскажу то, что видел и слышал своими глазами и ушами.

Итак, начну рассказ о достохвальной и поучительной жизни преподобного с самого младенчества его.

Этот славный и блаженный муж родился и жил в Египте, где некогда родился и великий во пророках боговидец Моисей, который, как об этом повествует нам Священное Писание, весьма превознесся своею близостью к Богу и своими великими чудесами. Но не менее прославился Египет и вторично, — жизнью преподобного Паисия, который в нем родился и обогатил его честным своим именем и многоразличными добродетелями.

Родители блаженного Паисия были людьми истинно верующими и боящимися Господа. Они непорочно проводили свою жизнь в исполнении заповедей Божиих и старались всевозможными благими делами угождать одному только Господу.

Они имели семь человек детей и всех их воспитывали в добром послушании, стараясь, чтобы они во всем подражали им, — родителям своим.

---

[1] То есть написатель этого жития *Иоанн*, прозванный *Колов*, то есть малорослый, — подвизался в Египте. Преставился около 430 года в пустынной келии близ города *Кольцума* (ныне *Суэца*). Память его — 9 ноября.

Родители преподобного имели во всем достаток и раздавали милостыню всем нуждавшимся. Их руки всегда были простерты к воздаянию, и то, что они отдавали нищим, — это воздавалось им с избытком от божественных даров.

Но так как никто из людей не может быть непричастным смерти, то и родитель преподобного преставился от жития этого, оставив честной жене своей попечение о детях; из них самым меньшим по летам был отрок Паисий, и из-за него особенно много печали пришлось перенести матери.

Однажды ночью, когда мать отрока уже спала, было ей такое видение: явился Ангел Господень и сказал:

— Бог, Отец сиротствующих, послал меня к тебе спросить, зачем ты так печалишься о детях своих, и постоянно находишься в столь великой заботе о них? Разве ты одна о них печешься, а Бог и не думает о них? Итак, отныне оставь свою печаль и посвяти Богу вышнему одного из сыновей твоих, — чрез него прославится пресвятое и приснославимое имя Господне.

Мать преподобного на это ответила Ангелу:

— Все сыновья мои принадлежат Господу, и если который из них угоден Ему, пусть Он возьмет его к Себе.

Тогда Ангел, взяв Паисия за руку, сказал:

— Он угоден Богу.

— Возьми лучше кого-либо из старших, — проговорила тогда старица.

Но Ангел на это ответил ей:

— О, добрая женщина! Разве ты не знаешь, что сила Божия обыкновенно проявляется в немощных? Итак, этот юнейший избран Богом, и он угодит Ему.

Сказав это, Ангел скрылся.

Мать преподобного, пробудившись от сна, удивилась такому божественному видению и так возблагодарила Господа:

— Да будет, Владыка, милость Твоя на нас и на рабе Твоем, Паисии!

Потом, после довольно продолжительной молитвы, она повела сына своего в церковь, для поставления его в клирики. Блаженный же отрок Паисий, сподобившись поступления в клир, стал уподобляться мужам добродетельным и, возрастая летами и разумом, вме-

сте с тем возрастал и благодатью Божией: день ото дня сердце его воспламенялось все бóльшей и бóльшей любовью к Богу, и сам он горел нетерпением, — как бы поскорей достигнуть иноческого пострижения; и вот, — когда наступило это время, и он мог удостоиться посвящения и в иноческом чине начать уже более совершенную жизнь, — он, как агнец непорочный, вразумленный благодатью Божиею, отправился в скитскую пустыню и там, для наставления духовного, пожелал поселиться у пастыря словесных овец — блаженного Памвы[1]; этот отец с любовью и радостью принял его и облек его во святой иноческий образ. Блаженный Памва одарен был даром предведения: по откровению свыше он знал все, что должно было случиться с Паисием и потому смотрел на него как на избранный сосуд Божией благодати, которая наставляла его на всякое благое дело.

Прежде всего блаженный Паисий ревностно проходил послушание, беспрекословно повинуясь отцу своему и во всем исполняя его волю, и при этом все время вел самый суровый образ жизни и как по степеням восходил в сердце своем все к большему совершенству в добродетелях. Преподобный же отец наш Памва, видя, что он предал себя всецело посту, и желая поощрить его на еще больший подвиг, однажды сказал ему:

— Чадо Паисий, новоначальному иноку нужно с осторожностью хранить все чувства от преткновения и соблазнов, а особенно нужно соблюдать глаза от всякого любопытного взгляда; не нужно смотреть никому в лицо, но постоянно устремлять свои очи долу, а умом взирать на высоту и внутренними очами созерцать неизреченную благость Божию, славя и воспевая всесильного Господа.

И вот блаженный Паисий, наставляемый подобными поучительными беседами, возгоревшись еще большею любовью к Богу, решил все сказанное ему исполнить в точности, — и действительно, — в продолжение целых трех лет он со тщанием соблюдал заповедь — не смотреть на чужие лица, и с прилежанием предался чтению божественных книг, непрестанно внимая слову Божию и наставлениям его, всегда как водами, напояя душу свою; и был он, по слову Давида, как некий сад, насажденный при источнике вод, возрастая, процветая и принося во время свое сладкий плод, ибо вожделенно

[1] Память его — 16 января.

ему было это псаломское вещание к Богу: *Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим* (Пс. 118, 103); по апостольскому увещанию, непрестанно молясь, постом же и бдением удручая тело свое, он порабощал его духу и в глубине сердца своего, как некое сокровище, хранил все свои добродетели.

Преподобный же старец Памва, видя его преуспевающим, радовался такой добродетельной жизни его в Боге: отечески наблюдая за ним, он руководительно вел его на дальнейшие подвиги; и благочестно наставляя на всякое благоугодное дело и познание, скоро соделал его искуснейшим из иноков.

Когда настало время отшествия святого Памвы к небесному наследию, к каковому он так жаждал перейти, этот преподобный отец, благословив блаженного Паисия и изрекши про него не мало пророческих слов, перешел к вечной блаженной жизни, дабы воспринять там давно ожидаемые им неизреченные блага.

— Я же, смиренный Иоанн (говорит списатель этого жития), остался с священным Паисием: во всем подобные друг другу, мы проводили и жизнь вместе; живя вдали от всех и исполняя один и тот же устав и в молитвах, и в жизни, как мы его приняли от нашего отца, мы поддерживали друг друга, заботясь только о спасении душ наших. Но спустя немного времени блаженный Паисий возжелал более высокого подвига и жития, и потому нам надлежало разойтись.

Воспламеняясь духом все к более суровому постничеству, он не прикасался к пищи в продолжение целой недели, а в субботу и в день воскресный вкушал только хлеб с солью и воду, в прочие же дни вместо хлеба чувственного питался хлебом духовным; он часто читал пророческую книгу боговещанного Иеремии, и много раз этот святой пророк, являясь ему, пояснял непонятные для него в пророчестве тайны, и сокровенными мыслями возбуждал его ум к достижению обещанных благ; но простираясь все вперед, — все к более суровому образу жизни, Паисий оставил первоначальный подвиг своего пощения и избрал новый: теперь он стал поститься в продолжение целых двух недель и только по прошествии их вкушал, как было сказано, немного хлеба с солью и воды, сколько это было нужно. И об этом его пощении и равноангельном житии никто не знал, только один Бог, ведущий все тайны человеческие, для Которого и все еще неяв-

ленное открыто; к тому же он возжелал принять на себя и подвиг молчания, дабы наедине приносить моление единому Владыке Христу, приблизиться к Нему еще более и просвещаться Его светом.

Узнав об этом его желании (продолжает Иоанн Колов), я с тяжелою грустью понял, что нам должно разлучиться друг от друга. Но я, желая знать, от Бога ли это его намерение или от обычного человеческого своеволия, сказал ему:

— Брат Паисий, вот я вижу, что ты хочешь принять на себя подвиг безмолвного жития; поверь мне искренно, что и я имею ту же мысль, но я сомневаюсь, будучи неуверен, — от Бога ли этот помысл или нет; итак, помолимся к щедрому Богу, — пусть Сам Господь наш по воле Своей устроит нашу жизнь и пусть откроет Он нам, — вместе ли нам пребывать или разлучиться друг от друга.

Паисий на это ответил мне:

— Ты хорошо говоришь, возлюбленный; сотворим же то, что ты сказал.

Итак, встав на молитву, мы всю ночь с усердием молились Господу. И благосердый Господь, не желая презреть нашего моления, послал к нам с известием Ангела Своего святого, который, представ нам поутру, сказал:

— Господь разделяет вас в жизни вашей; итак, ты, Иоанн, пребывая здесь, будь наставником ко спасению других людей, ты же, раб Христов Паисий, перейди отсюда на западную сторону пустыни, ибо Господь сказал, что соберется к тебе великий сонм иночествующих и, по Его повелению, создан будет там монастырь и прославится через тебя имя Его.

Сказав это, Ангел отошел. Мы же (говорит Иоанн) с благодарением поклонились Господу и, по повелению Его, разошлись: я остался на прежнем месте, блаженный же Паисий отправился далее, в западную часть пустыни; там он иссек в горе пещеру и поселился в ней, и здесь, всесовершенною чистотою и многоразличными подвигами, так приблизился к Богу, что Сам Христос являлся ему, поучал его и наставлял к добродетели, — как обо всем этом будет сказано на своем месте.

Однажды, когда Паисий сидел в пещере и воспевал божественные песни, явился ему Спаситель и сказал:

— Мир тебе, Моему возлюбленному угоднику!

Он же, объятый страхом и трепетом, встал и сказал:

— Христе Человеколюбче, Спасе, я раб Твой, и за что Ты, Владыка, оказываешь мне столь великую милость, что теперь Сам изволил снизойти к моему недостоинству?

На это Господь ответил:

— Видишь ли пустыню эту, — как она велика и широка? Ради тебя я наполню ее постниками, которые будут прославлять имя Мое.

Тогда избранный угодник Божий Паисий, пав на землю, сказал:

— Владыка Господи! Твоей крепкой руке все повинуется, и что Ты пожелаешь, то и совершается. Молю же Твою благость, дай мне уразуметь, откуда явится все потребное и нужное для тех, кто в этой пустыне будет подвизаться?

Господь на это ответил:

— Поверь Мне, говорящему тебе истину, — что если Я увижу в них любовь, — матерь всем добродетелям, — и если они будут исполнять все заповеди Мои, то пусть они ни о чем не пекутся: Я Сам буду заботиться о них.

Тогда Паисий снова вопросил Господа:

— Еще раз вопрошу Твою благость: как они беспреткновенно перейдут вражьи сети, и избегнут лютых бесовских искушений?

На это Господь ответил:

— Если они заповеди Мои, как Я тебе сказал, будут соблюдать с кротостью, правдою и смиренным сердцем, то Я не только соделаю их выше всяких вражьих браней и лукавых коварств, но и дам в наследие Царство небесное.

Сказав это, Спаситель со славою восшел на небеса.

Святой же Паисий, еще более проникшись в сердце своем страхом Божиим, непрестанно стал размышлять о снисхождении к нему с неба Спасителя.

Но отец зависти и человеконенавистник — враг диавол, видя, что Паисий, искусно минуя все коварные сети его, неуязвим пред его кознями и пребывает выше всех его наветов, еще более воспылал на него злобою; но будучи не в состоянии приблизиться к нему, ввиду той божественной силы, каковая дана была ему от Бога, начал изобретать другие коварства, дабы уловить наконец в свои сети раба Христова. Думая пленить его золотою удицею любостяжания, диавол

покусился при помощи милостыни уловить угодника Божия в сеть сребролюбия, чтобы — после того, как он отпадет от нестяжания — удобнее было лютым духам злобы сделать на него нападение.

И вот льстивый враг рода человеческого отправился к некоему египетскому князю — мужу богобоязненному и обладающему большим богатством; он явился ему в образе Ангела и сказал:

— Возлюбленный, востав иди в пустыню; ты там найдешь мужа по имени Паисий, — человека совершенно бедного, но весьма украшенного добродетелями и божественной благодатью избранного сосуда; встретив его, ты одари этого старца, не скупясь, золотом, дабы он имел чем пополнить недостаток и прочих пустынножителей.

Князь тот, не уразумев бесовского прельщения, но думая, что это действительно Ангел, взяв часть своего золота и серебра и много другого, что было необходимо для иноков, отправился к святому. Но божественная сила, обитавшая в Паисии, открыла ему эти козни диавола, который хотел под видом княжеской милостыни пленить святого любостяжанием, — и божественный муж Паисий, тотчас же восстав, пошел навстречу князю.

Когда святой встретил его, князь спросил его о пустынножителе Паисии: — кто он и где живет? Паисий же со своей стороны спросил князя:

— Зачем ты ищешь Паисия? Какая тебе в нем надобность?

Князь ответил:

— Я пришел поделиться с ним золотом, серебром и всем необходимым в жизни, чтобы он раздал все это инокам.

Тогда святой, отвечая князю, сказал:

— О христолюбец! Познай, что золото и серебро не нужны для желающих жить в этой пустыне, и никто из поселившихся здесь не пожелает взять что-либо из твоего имения; итак, не скорбя, возвратись домой, Бог же примет твое доброе произволение. А если ты хочешь принесенное тобою раздать неимущим, то ведь по городам египетским много есть людей нуждающихся, убогих, нищих, сиротствуюших и вдовствующих, — заботься о них, — и ты великое примешь от Бога воздаяние!

Князь, поверив словам святого, возвратился и поступил так, как он его научил: свое имение он раздал нищим, убогим и нуждающимся.

Когда же преподобный Паисий входил в свою пещеру, явился ему диавол и сказал:

— О Паисий! Что мне теперь делать с тобою, ведь ты расстраиваешь все мои хитрые замыслы? Пойду теперь с бранью лучше на других, к тебе же уже более не возвращусь, ибо я побежден тобой.

После этого блаженный муж заклял нечистого духа силою Христовою и отогнал его от себя, — и диавол со стыдом удалился, не смея уже более так нагло приступать к святому.

Вскоре преподобный отправился во внутреннюю часть пустыни, но, пребывая там телом, духом своим он вместе с небесными силами предстоял Владыке всех; здесь, уподобляясь бесплотным, он предался еще более строгой жизни и за то сподобился стать еще на земле созерцателем небесных таин, ибо Дух Святой, пребывающий в нем, благоволил явить ему нескончаемое на небесах торжество праведных.

Однажды, став на молитву, Паисий почувствовал, что он как будто, возлетев на крыльях, находится уже на небе: прежде всего он увидел прекрасные райские селения, преисполненные неизреченного света и веселия, увидел также и церковь первенствующих и вечно торжествующих и, сподобившись здесь причаститься невещественной пищи Божественных Тайн, — он воспринял дар крайнего воздержания и постничества. Причащаясь на седмице однажды, — именно в недельный день воскресения Господня, он до другого недельного дня оставался совершенно без пищи: так силою благодати Божией обогатилось от Зиждителя естество его.

Мне же (говорит списатель его жития) пусть всякий поверит из верующих Божию слову, ибо слово Божие я имею верным свидетелем. Не то ли и оно говорит, что все повинуется Божиему велению? А так как оно истинно, то пусть и передаваемое мною всякий считает за истину. — По причащении Божественных Таинств Тела и Крови Христовых преподобный Паисий иногда оставался без телесной пищи семьдесят дней; и в этом нет ничего удивительного, ибо божественная благодать имеет неизреченную силу, и потому могла поддерживать в нем (Паисии) жизнь лучше, нежели подкрепление тленною пищею. Ибо, по плотскому естеству живущих, тело, дабы не изнемочь, требует для укрепления своего питания, а те, которые, наподобие бесплотных, преуспели в вышеестественной жизни, —

тем зиждительная сила в изобилии подает благодать, которой естество человеческое и повинуется, и живет уже не столько телесною пищею, сколько духовною. Всесильный Создатель, Бог наш знает, как в продолжение трехсот лет и даже больше сохранить жизнь на земле семи спящим отрокам[1] и ведь сохраняет же Он в небесных селениях жизнь Илии до последнего дня. — Но об этом довольно, — будем говорить о блаженном Паисии.

К этому преподобному отцу стекалось множество не только иноков, но и мирян, желавших жить при нем; поселившись вокруг него, как рой пчелиный, все они сильно жаждали насытиться сладостью его духовного меда. Он же, от присносущного Божественного источника почерпая благодать, сладчайшую более всякого чувственного меда и сота, источал им духовное питие, исполненное неизглаголанной сладости, — так что ежедневно сильно увеличивалось число братий, собиравшихся и умножавшихся около него; все они, отвергши житейские прелести мира сего, евангельски подъяли на рамо ярем Христов. Из числа этих братий — одних преподобный отец отделял на подвит молчания, дабы они наедине беседовали с Богом в теплой молитве; иным же повелевал служить Господу вместе с другими и единодушно с братиями пребывать в послушаниях и нести на себе общий труд; а третьих оставлял для изучения рукоделия, чтобы они не только сами питались от трудов рук своих, но и питали бы голодных, нищих и с любовью упокоевали бы прочих неимущих братий и странников. Главным же заветом его было следующее: да никто не делает что-либо по своей воле, но все по повелению и рассмотрению опытных отцов. Таков был завет преподобного для собиравшихся к нему братий и таково было учение его; что же касается безмолвной жизни самого преподобного отца, то об этом передать подробно невозможно, но из многого да будет сказано хотя нечто малое.

По прошествии некоторого времени преподобный, видя, что его безмолвная жизнь постоянно нарушается приходящими к нему братиями, стал тяготиться этим, ибо сам он желал строго соблюдать

[1] Чудесное пробуждение семи отроков совершилось в царствование Феодосия Младшего (408–450 гг.), когда появились еретики, отвергавшие воскресение мертвых. Во время этого-то смущения в Церкви и проявилось наглядное свидетельство истины будущего восстания усопших. Память семи отроков — 4 августа.

подвиг безмолвия; поэтому он решил оставить ту пещеру, где прежде жил, а вместе с этим — и попечение о братии своей. И вот, тайно от всех, он ушел оттуда и отправился в более отдаленные места пустыни; здесь в одном месте он нашел пещеру, поселился в ней и три года пребывал там. И за это время сильно выросли волосы на голове его и были так длинны, что, привязывая их с некоторым искусством к колу, который был водружен на верху пещеры, он мог, не засыпая ни на минуту, совершать все свои всенощные моления; таким образом, как ночью, так и днем, он не давал себе покоя, всецело предаваясь труду, и только в нем имел покой, ради любви Божией, которой всегда был объят. Потому и Господь возлюбил его, и преподобный не раз удостаивался божественного явления и лицезрения Христова, как и Сам Спаситель наш во святом Евангелии сказал: *кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 21).

Однажды, когда преподобный Паисий воспламенен был особенно горячею любовью к Богу и весь ум его богомысленною молитвою был углублен в Господе, — как и прежде, явился ему Спаситель Христос; Паисий же, будучи не в состоянии зреть пресветлой славы пресвятого лица Спасителя, пал на землю, объятый страхом и трепетом. Но человеколюбивый Владыка простер ему руку Свою и (о, неизреченная любовь Твоя, Христе Царю, к угодникам Своим!), подняв Паисия от земли, сказал ему:

— Мир тебе, угодник Мой; не устрашайся, и да не трепещет сердце твое; ибо о твоих делах весьма услаждается благостыня Моя, и Мне очень благоугоден подвиг твой; веселись же и приими достойное за это воздаяние: вот, Я даю тебе такой дар: все, чего ты ни попросишь у Отца Моего во имя Мое, — дастся тебе.

Святой же Паисий, видя столь великую благость Господню, восприняв некое дерзновение, сказал:

— Человеколюбче Христе Боже! Если по неисповедимой благостыни Твоей Ты сподобляешь меня недостойного и окаянного такой Твоей благодати, то молю Тебя смиренно, Сам наставь и научи меня, о ком и о каких нуждах мне нужно просить, ибо я вижу все мои согрешения пред Тобою и о недостатках моих всегда молю Твое милосердие: прости и покрой благоутробием Своим множество грехов моих, и сподоби меня остальное время моей жизни провести без-

грешно, дабы, безбоязненно взойдя на стезю спасения, при Твоей помощи и руководстве, мне беспреткновенно достигнуть блаженной жизни; ибо кто может без Твоей помощи и наставления совершить что-либо доброе и получить от Тебя милость? И какие наши добрые дела, какой труд и подвиг достойны столь превеликой милости Твоей, — если бы даже мы и смерть за Тебя приняли, как и подобает нам полагать души свои за Тебя, Создателя и Искупителя нашего, премилосердно возлюбившего нас грешных? Ибо если Ты — Бог бессмертный, за нас, смертных людей, проливая Свою пресвятую Кровь, претерпел крест, смерть и гроб, дабы воскресением Своим подать и нам воскресение, то какую смерть должно претерпеть нам ради Тебя, Спасителя нашего?

В то время как святой Паисий с великим сердечным умилением говорил так ко Спасу, Господь благословил его и, отступив от него, восшел на небеса со славою. Паисий же поклонился Владыке своему, хваля и благодаря за Его милостивное к нему снисхождение.

Последующее же наше слово (продолжает списатель этого жития) имеет целью показать великую ревность этого преподобного о святой вере; ревность эта однажды проявила себя таким образом.

В одном из селений египетских проживал некий старец; по своему житию это был человек весьма добродетельный, но в святом Писании он был совсем несведущ, — и вот, по неведению, он впал в такую ересь: про Святую Троицу он говорил не как про троицу, но как про двоицу, то есть — он исповедовал Отца и Сына, про Духа же Святого он умалчивал, говоря, что Он не есть Бог. И веруя так ложно сам, он и других научал этому своему зловерию; многие из простого народа следовали его хульному мудрованию и учению, видя его добродетельное житие по Боге. Уготовляющий же для всех спасение Христос Бог, не желая, чтобы труды старца и его постнические подвиги были тщетны, возвестил о нем блаженному Паисию и указал ему то селение и место, где жил святой старец. Паисий тотчас же с поспешностью стал собираться в путь: он сделал собственноручно множество корзин и при этом приделал к каждой из них по три ушка, и пошел с ними к тому старцу, выдавая себя за странника и продавца рукоделия своего; многие же из находившихся при старце иноков, державшихся ложного его учения и неправой веры, увидев странника и его корзины и не зная, что это Паисий, стали спраши-

вать, кто он и откуда? Он же на это говорил, что он пришел из пустыни, продавать рукоделие свое. Спрашивали его и о корзинах, почему они сделаны с тремя ушками? И святой Паисий всегда на это отвечал им:

— Так как я раб Пресвятой Троицы и пламенно проникнут любовью к Ней, то поэтому и корзины свои я устроил во образ Святой Троицы с тремя ушками, дабы мне не только веровать сердцем и устами исповедовать, но и рукоделием моим, прообразующим тройственность Божественных Лиц, прославлять Святую Троицу — Отца и Сына и Святого Духа; ибо одно ушко соделано во образ Бога Отца, другое — во образ Бога Сына, третье — во образ Бога Духа Святого; и подобно тому как каждая корзина имеет три ушка, но сама по себе — едина, так и во Святой Троице три Лица, но един Бог.

В то время как святой Паисий в кратких словах излагал тайну о Святой Троице, мужи те, вместе с своим постником — учителем, устыдились и, приготовившись послушать его, сказали:

— О дивный, скажи нам об истинной вере еще, пояснее, — и поучи нас еще своими беседами — ты уже и сказанным весьма удивил нас.

И божественный Паисий, исполнившись Духа Святого, как опытный наставник, начал благорассудно и богомудренно изобличать еретическое заблуждение и его душепагубный вред, и ревностно стал поучать их святой, православной и душеспасительной вере и наставлять на путь истинный. И долго преподобный Паисий беседовал с ними от Божественного Писания и богодухновенных книг, учил их веровать во Святую Троицу и благочестно исповедовать эту истину и обратил старца того и всех, кто был с ним, к покаянию о прежнем их заблуждении; и так просветив их, пошел обратно в свою пустыню, воспевая благодарственные ко Господу моления. Когда же он приближался к пустыне, внезапно пред глазами его воссиял великий свет и, посмотрев вокруг, он увидел всю пустыню ту наполненною ангельскими полками; удивившись, он недоумевал, что бы это было, и просил у Господа открыть ему, что означало все виденное им. И тотчас же Ангел святой, сопутствовавший ему, сказал:

— Все это тебе Бог показал, дабы ты знал, что и при тебе и без тебя, Ангелы, по повелению Его, хранят иноков, в пустыне обитающих, как обещал тебе Сам Владыка.

И Паисий, воздав за это Богу, Промыслителю всех, благодарение, пошел далее, в свою келию.

Последующее же повествование будет предложено о пророческом даровании святого Паисия, именно, какой прозорливостью был исполнен угодник Божий.

Слава о божественном и святом Паисии распространялась повсюду, и многие добродетельные люди призывали его, дабы познакомиться с ним и побеседовать; так и блаженный Пимен, будучи еще в то время совсем юным, возгорелся желанием видеть святого Паисия. Он отправился к преподобному Павлу и стал умолять его, чтобы он пошел с ним к великому Паисию: Павел обыкновенно часто посещал святого Паисия. Но на эту просьбу он сказал Пимену:

— Ты еще очень молод, и я стыжусь вести тебя к этому святому мужу; ибо он — великий угодник Божий и любит безмолвие, и запросто мы не приходим к нему, но с рассудительностью и то не всегда, а только в удобное время, — ради пользы душевной.

Пимен же на это ответил ему:

— Но я, отче, придя к нему с тобою, встану вне келии, а ты один войдешь к святому, — для меня будет великим утешением и то, если я услышу только его голос, беседующий с тобою; но если я даже и не сподоблюсь слышать его голоса, то все же, хоть коснусь келии его, а когда ты будешь выходить от него, прикоснусь еще и к твоим честным ногам, вступавшим вовнутрь келии, и возьму персть земли, по которой ступали святые ноги угодника, — и это для меня будет великою радостью.

Блаженный Павел, увидев, что Пимен говорит все это с великим смирением и благою верою, взял его с собою и пошел к великому Паисию; дойдя до келии святого, Павел один вошел туда, а Пимен остался вне ее.

Приняв Павла с любовью, как отец, святой Паисий спросил его и о юном Пимене, которого хотя и не видал еще телесными очами, но духовными еще издалека узрел его, — и сказал Павлу:

— Где твой спутник — юноша?

Павел отвечал:

— Он, отче, остался вне келии, ибо боится и стыдится войти к тебе!

Тогда святой, повелев Пимену войти, сказал:

— Нехорошо возбранять посещение к нам тех, для которых Спаситель сотворил удобным восхождение и на небеса; да и мужам Он сказал в святом Евангелии: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство небесное* (Мф. 18, 3).

Сказав это, святой Паисий взял юношу и, обратив лицом к себе, благословил его, а Павлу сказал:

— Поверь мне, любезный Павел, что этот отрок спасет души многих людей и многие, благодаря ему, сподобятся райского селения, ибо с ним рука Господня, охраняющая и к божественному пути его наставляющая.

Сказав это, святой Паисий, возложив руки свои на главу Пимена, снова благословил его, и после довольно продолжительной беседы о душевном спасении, отпустил их с миром; сам же, безмолвствуя, продолжал подвизаться в обычных своих постнических подвигах.

Однако время поведать и о преславных чудесах преподобного Паисия.

В странах сирийских проживал один великий постник, человек, украшенный весьма многими добродетелями; однажды, когда инок стоял на молитве, он невольно спросил сам себя: — кому из угодивших Богу он подобен? Лишь только он об этом подумал, как послышался свыше небесный голос:

— Иди во страну Египетскую, и ты там найдешь мужа, по имени Паисий, который имеет такое же смиренномудрие и любовь к Богу, как и ты.

Услышав это, честный старец тотчас же с поспешностью стал собираться в путь, и, не обращая внимания ни на дальнюю дорогу, ни на тяжкий труд, немедленно же пошел из Сирии в Египет; дойдя до Нитрийской горы[1], он спросил о Паисии, — где он находится? И так как имя Паисия всюду уже было известно, то ему тотчас же указали место его жительства; да и Паисию пришествие старца было небезызвестно, но по благодати Божией — открыто; и вот, восстав, он отправился навстречу к старцу. Встретившись в пустыне, они любезно друг друга обняли и облобызались святым о Господе лобзанием; потом, придя в келию Паисия и сотворив молитву, они сели и стали беседовать.

[1] В северной части Египта, в Нильской дельте.

Слово к святому Паисию первым начал старец; он говорил чрез переводчика языком сирским, ибо не умел говорить по-египетски. Паисий же, будучи египтянином, немало скорбел о том, что не знает сирского языка, так как он не хотел пропустить ни одного полезного слова старца. И вот, возведя очи свои на небо и устремив ум к Богу, он воздохнул из глубины сердца и сказал:

— Сыне, Слове Божий, дай мне, рабу Твоему, уразуметь силу слов этого святого старца!

И лишь только он сказал это, — о, сколь близка всегда к нам помощь Божия! — тотчас же стал понимать сирскую беседу старца и, просвещаемый Божественным Духом, начал говорить с ним по-сирски же, и наслаждались они оба богодухновенными беседами без толкователя, говоря друг другу о своих подвижнических трудах, кои им были завещаны от Бога, и — каких кто из них сподобился Божиих дарований.

Так они пребывали вместе шесть дней, насыщаясь духовною сладостью и веселясь о Боге, Спасе своем. По окончании же душеспасительных бесед их, когда старец уже хотел уходить к себе домой, святой Паисий призвал всех учеников своих, бывших тогда с ним, и сказал им:

— О чада возлюбленные, этот преподобный муж, будучи совершенным в добродетелях, — преисполнен благодати Духа Святого; и так, приидите все, дабы сподобиться его благословения, и приимите молитвы его в защиту вам от всех наветов вражиих.

После того как Паисий сказал это, все ученики его стали воздавать старцу — сириянину подобающее ему поклонение и принимать от него благословение. Потом, помолившись Господу о учениках Паисия и воздав ему любезное о Христе целование, а также простившись и со всей братией, старец этот, сопровождаемый Паисием и учениками его, отправился в свою страну.

Спустя немного времени после отшествия старца к святому Паисию пришел некий, отдельно живущий от других, брат; ученики святого сказали ему:

— О возлюбленный! Был здесь у нас, из земли Сирийской, один человек Божий, великий среди отцов старец; он просвещен и умом, и сердцем и весьма укрепил нас своими душеспасительными беседами; он только что ушел к себе домой, и если хочешь видеть его, то

можешь: ибо он не успел еще далеко уйти и теперь находится где-нибудь близ нас; и так, постарайся настигнуть его, дабы сподобиться от него благословения.

И брат тот решил тотчас же идти во след старца. Но святой Паисий сказал ему:

— Не ходи: преподобный старец прошел уже более восьмидесяти поприщ пути, ибо его несут облака.

После того как святой сказал это, все удивились и прославили Господа, дивного во святых Своих.

К преподобному Паисию пришел однажды один брат, желавший его видеть, и застал его спящим, у главы же его он увидел стоящим Ангела хранителя, на вид — весьма прекрасного, и, удивившись, сказал: поистине хранит Бог любящих Его! Брат не дерзнул приступить к спящему отцу, так как боялся присутствия Ангела, и, возблагодарив Бога, ушел, получив великую пользу от того, что сподобился у преподобного видеть Ангела Божия.

Один из учеников святого Паисия, повинуясь его приказанию, отправился в Египет, чтобы продать свое рукоделие; на пути он случайно встретил некоего еврея, шедшего тоже в Египет, и пошел с ним вместе. Дорогою еврей, увидев простоту его, начал изливать скверным своим языком яд, который имел в сердце своем от душетленного змея, и сказал, между прочим, иноку:

— О возлюбленный! Почему вы так верите в простого, распятого Человека, когда Он вовсе и не был ожидаемым Мессией? Другой должен прийти, но не Он.

После того как еврей наговорил ему много и других лукавых и душевредных слов, инок, по своей умственной слабости и простоте сердечной, был обольщен евреем: он внимал словам его, как истине, и даже раз промолвил:

— Может быть, и правда то́, что ты говоришь.

О прельщение и неожиданная напасть! Ибо этот инок (увы мне) тотчас же лишился благодати крещения, как о том будет сказано ниже.

Когда он возвратился в пустыню и пришел к преподобному Паисию, старец для него стал как бы неприступным: он не только не хотел глядеть на ученика своего, но всюду отвращался от него и не отвечал ему ни одного слова. И долго так отец уклонялся от ученика

своего, а этот последний сильно скорбел об этом и болел сердцем, не зная за собою никакой вины или прегрешения пред святым Паисием. Наконец, улучив удобное время, инок пришел к преподобному и, припав к ногам его, сказал:

— Почему, отче, ты отвращаешь от меня честнóе лицо свое и презираешь меня, окаянного ученика своего? И чего ты прежде никогда не имел обыкновение делать, — то ныне являешь по отношению ко мне, отвращаясь от меня, как бы от какого-то мерзкого человека.

Старец на это сказал ему:

— Кто ты, человек? Я тебя не знаю.

Инок ответил:

— Отче, что ты увидал во мне странного, что не узнаешь меня? Не я ли ученик твой? — И при этом назвал свое имя.

Старец же сказал ему:

— Этот ученик мой был христианином и имел на себе благодать крещения, а ты не таков; но если ты действительно тот ученик мой, то поистине благодать крещения от тебя отошла и образ христианина — отнят. Итак, скажи, что случилось с тобой? И поведай о приключившемся с тобою искушении, и какой душепагубный яд ты принял на пути своем?

— Прости меня, отче, — сказал на это инок, — я ничего не делал.

Святой же сказал:

— Отойди от меня подальше вместе со всеми отрекшимися от Господа, — я не хочу с тобою беседовать; ибо если бы ты был учеником моим, каким был прежде, то я и видел бы тебя таким, каким ты был прежде.

Тогда инок, воздыхая, стал проливать умильные слезы, говоря:

— Я и есть тот твой ученик, а не другой кто-нибудь, и не знаю, что я сделал дурного.

Великий Паисий после этого спросил его:

— С кем ты беседовал на пути?

— С евреем, — ответил инок, — и ни с кем иным.

Тогда святой сказал ему:

— Что тебе говорил еврей и что ты отвечал ему?

Ученик святого на это сказал:

— Еврей ничего мне другого не говорил, как только сказал, что Христос, Которому вы кланяетесь, не есть истинный Христос, что Спаситель еще только должен прийти в мир; я же на это сказал ему — может быть, и верно то, что ты говоришь.

Тогда старец воскликнул:

— О окаянный! Что может быть хуже и сквернее этого слова, которым ты отвергся Христа и Его божественного крещения? Теперь иди и оплакивай себя, как хочешь, ибо нет тебе места со мною, но твое имя написано с отвергшимися Христа, с ними ты и приимешь суд и муки.

После слов старца ученик его, воздохнув и заплакав, возвел свои очи на небо и с мольбою возопил к преподобному:

— Отче, помилуй меня, окаянного, и дай мир душе моей! Лишившись по неосторожности божественного просвещения и сделавшись для лукавых бесов веселием и радованием, — я не знаю, что мне теперь делать; но я прибегаю к Богу и к твоим святым молитвам, — не презри меня окаянного и умоли обо мне Владыку Христа, — да возвратит Он мне снова Свое милосердие!

Когда он так молился, — умилостивляя старца более слезами, нежели словами, святой умилился, смотря на него, и сказал ему:

— Потерпи, чадо, — нам теперь должно умолять о тебе щедроты человеколюбивого Бога.

Сказав это, преподобный затворился на молитву и стал просить Господа, да простит Он грех ученику его, который согрешил пред Ним по неосторожности и бесхитростному невниманию. И Господь, никогда не презирающий, но всегда исполняющий молитвы угодника Своего, преклонился на милость и простил согрешившего; знамением же прощения было следующее видение: преподобный узрел благодать Духа Святого, возвратившуюся в виде голубя к ученику тому и вошедшую в уста его, и при этом увидел и злого духа, вышедшего из согрешившего инока в виде темного дыма и разлившегося по воздуху.

Увидев это, преподобный уверовал, что Господь даровал прощение брату тому, и, обратившись к нему, сказал:

— О чадо, воздай вместе со мною славу и благодарение Христу Богу, ибо нечистый хульный дух вышел из тебя, вместо же него в тебя вошел Дух Святой, вернувший тебе благодать крещения;

и так, теперь соблюдай себя, чтобы, по лености и неосторожности, снова не впасть во вражии сети и, согрешив, не наследовать огня гееннского.

Таково было одно из чудес святого Паисия; но продолжим повествование и о других его славных деяниях.

Однажды пришел к святому Паисию один старец, по имени Иоанн; он много лет провел в пустыне, обучаясь подвигу поста. Этот брат был весьма голоден и нуждался в пище. Преподобный, уразумев духом, что Иоанн весьма алчен, сказал ученику своему:

— Поскорей приготовь нам трапезу и принеси пищи, дабы нам напитаться с отцом Иоанном.

Когда трапеза была приготовлена, преподобный Паисий предложил Иоанну вкусить от нее, проговорив:

— По причине продолжительного воздержания тебе теперь потребна пища; итак, вкуси и укрепись.

Иоанн на это сказал ему:

— Прости меня, отче; ныне пост, и ради многочисленных грехов мне подобает поститься.

Тогда старец, удивившись воздержанию Иоанна, тотчас же встал и, воззрев на небо, из глубины сердца произнес:

— Господи, посети раба Твоего Иоанна, паче силы труждающегося ради Твоего имени!

В то время как Паисий молился так, — по его заслугам, на того, о ком он возносил эту молитву, было ниспослано от Бога великое и преславное озарение; и вот, Иоанн, как бы находясь в восторге, увидел некоего прекрасного юношу, державшего в руках пищу и питие и подававшего их ему, дабы он укрепился после своей алчбы; придя же в себя, он был преисполнен великой сладости, как бы совершенно насытившийся пребогатой трапезы, и уже не нуждался в предлагаемой старцем пище и без того насыщенный небесною снедью, но, воздав благодарение Богу и угоднику Его святому Паисию, отошел в свою пустыню, и еще более усилил свой подвиг поста, постоянно говоря сам себе:

— Весьма сладко я поел; итак, буду поститься с усердием.

Так блаженный Иоанн, укрепляемый молитвами святого Паисия, преуспевал в постничестве.

Когда я по временам сидел у преподобного Паисия, — пишет блаженный Иоанн Колов, — приходили к нему некоторые иноки, желая слышать от него полезное для их души слово, и при этом часто просили его:

— Поведай нам, отче, о нашем спасении, — как мы должны жить для Господа?

Старец же на это говорил им:

— Соблюдайте заповеди Божии и сохраняйте отеческие предания.

И в другой раз иноки просили его:

— Скажи нам, отче, что-нибудь и еще на пользу наших душ.

Божественный же муж, видя прозорливыми очами своими помышления их, каждому сказал то, о чем он думал, и при этом поведал им, какие из помышлений их благи и каковые — порочны, и от чего эти помыслы пришли к ним на сердце.

Иноки эти, весьма удивляясь прозорливости старца, сказали мне (повествует Иоанн Колов) наедине:

— Поистине, отче Иоанн, авва Паисий открыл нам все тайны сердец наших, и то, что одному только Богу было известно, он ясно это видел в нас.

Я же на это сказал им:

— Много раз и мы по опыту познавали его прозорливость; если вы верите мне, то скажу вам истину, ибо ничего иного не намерен о нем говорить, кроме правды: ведь мы боимся истинного Судии, Который говорит в святом Евангелии: *от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37). И еще: *за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мф. 12, 36). Итак, не ложное и не праздное слово я вам говорю, — все, что я часто про себя думал и что я тайно делал от других, отец Паисий, встречая меня, когда я к нему приходил, — обо всем этом говорил мне, как будто он был в келии вместе со мною и видел все мною совершаемое.

Иноки, услышав это от меня, подивились и сказали:

— *Дивен Бог во святых Своих* (слав. Пс. 67, 36).

И после этого ушли, прославляя Господа за ту Его великую благодать, какая была дана рабу Его, святому Паисию.

Скажем еще и о том, как сильны были молитвы преподобного и как они могли отступившего от Бога великого грешника снова привести к Богу и обратить его на путь спасения.

Один брат, по имени Исаак, следуя влечению своего сердца, решил оставить свой пустыннический подвиг безмолвия и поселился близ города; и так как он, для продажи своего рукоделия, часто входил в этот город, то весьма скоро впал и в сеть пагубную: одна еврейка подошла к нему что-то купить из продаваемого им; он же, взглянув на лицо ее, заметил красоту ее и тотчас же был охвачен нечистым помыслом к ней; также и женщина та, видя, что он совсем еще юноша, устремила свой взгляд на него, и после происшедшей между ними беседы они воспламенились друг к другу сатанинскою любовью. Таким образом вскоре, при бесовском содействии, инок увязнул в сети той скверной женщины и, зачав болезнь, родил беззаконие: оставив иночество, он женился на ней и — о горе! что еще того хуже, — он, окаянный, не только иночество, но и веру свою оставил по любви к этой женщине; он перешел в иудейскую веру и, служа ветхозаветному закону их, жил вместе с евреями, был их постоянным собеседником и хулил Христа, Спасителя нашего, как и иудеи хулят: Исаак во всем следовал воле скверной и нечистой жены своей, которая была объята такою злобою ко Христу и такою ненавистью к пресвятому имени Его, что часто, положив голову окаянного своего мужа себе на грудь и открыв ему рот, небольшой щепкой вычищала зубы его, произнося при этом: «Да не останется между зубами какая-либо часть христианского причащения», — ибо нечестивая жена эта думала, что у христиан Божественное Причащение долго остается между зубами; и муж уступал злобе ее и поистине стал врагом Христу, Господу нашему. О безбожие! Знаю я, — говорит списатель, — что все услышавшие о том возболят сердцем своим, но я удивляюсь Божию долготерпению, Его великому человеколюбию и Его неисчетной Божественной благодати, коя не только любит праведных, но милосердствует и о грешных, и тайным посещением касается сердца их, подобно тому, как солнечный луч, проходя чрез небольшую скважину в затворенную отовсюду храмину, всю ее освещает. Однако снова перехожу к прерванному повествованию.

Окаянный тот инок, удалясь от иночества и христианства и ниспадая чрез свое пагубное безверие во глубину адову, после довольно

продолжительного времени, как впал в это свое беззаконие, все-таки начал понемногу как бы приходить в себя и, при угрызении совести, начал познавать всю свою погибель. В это время некоторым братиям той пустыни, где прежде отпадший инок Исаак совершал свой постнический подвиг, понадобилось идти по своим надобностям в город. По Божию усмотрению, инокам тем пришлось идти мимо того дома, где тот прельщенный жил вместе со своею женою еврейкою; увидев их мимо идущих, он тотчас же почувствовал сердечное сокрушение, вспомнив прежнюю свою жизнь и честный сонм святых братий; выйдя к ним из дому, он начал спрашивать их, — откуда и кто они и зачем пришли сюда. Они на это ответили ему:

— Мы из Нитрийской пустыни[1], ученики великого Паисия, пришли же сюда по своим надобностям.

Тогда он, тяжело вздохнув, сказал им все о себе и усердно стал умолять их, дабы они передали великому старцу его просьбу, да умолит он Господа о нем, чтобы его молитвами избавиться ему от сети вражеской. Иноки, болезнуя о нем в сердце своем, обещали передать просьбу его святому старцу, что действительно и сделали: возвратившись домой, они рассказали обо всем этом блаженному отцу. Старец, выслушав их, воздохнул из глубины сердца и сказал:

— Увы мне, возлюбленные чада, как часто мужи из-за женщин лишаются Божественной благодати! Указание на таких мужей мы имеем в святых книгах, написанных древними отцами; ибо для врага, воздвигающего брань на людей, нет более твердого орудия, как женщины; пользуясь этим оружием, супостат легко преодолевал и великих мужей: вспомните великого Давида и его правнуков и внуков; вот почему и нам всегда нужно быть осторожными и всегда молиться Господу, чтобы избавиться от такого коварства.

Сказав это, старец затворился в своей молитвенной келии и, став на молитву, так стал взывать к Господу:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Слове! Не презри дела рук Твоих и не попусти тому иноку до конца быть ввержену во глу-

---

[1] Начало монашеству в Нитрийской пустыне положено было святым Аммоном, современником святого Антония. В самой Нитрии святой Аммон основал монастырь, а Антоний положил начало устройству скитов. В конце IV века тут было до пятидесяти монастырей, устроенных по уставу святого Пахомия. К югу от Нитрии была Скитская пустыня, где обитало много иноков.

бину погибели, но милостиво призри с небесного Твоего жилища и не презри приносимых мною Тебе молитв: приими моление об отступившем от Тебя и теперь снова пришедшем в раскаяние: молюсь Твоей благости, — призови его на покаяние.

После того как святой, довольно долгое время, так молился и непрестанно умилостивлял щедроты Божии, его мольбами преклонено было милосердие Божие; ибо Спаситель не презирает молитв любящих Его. К святому старцу явился Сам Господь, и знающий все спросил его:

— О ком ты вопиешь ко Мне день и ночь? Не о том ли отвергшемся от Меня и теперь перешедшем ко врагам — окаянном муже, который некогда был иноком, а теперь стал евреем? Не об этом ли человеке ты молишься, угодник Мой Паисий?

Старец на это ответил Господу:

— О нем я молю Твою благость, человеколюбивый Владыка. Взирая на Твои щедроты, призывающие всех ко спасению и не хотящие смерти грешного, но ожидающие его обращения, — я ради этих щедрот Твоих дерзнул молить о нем благоутробие Твое: призови, добрый Пастырь, заблуждшее овча, призови снова в Твою ограду и будь милостив к нему.

На эту молитву Господь сказал ему:

— О угодник Мой! Благочестие твое велико: ибо ты, подражая Моей любви, заботишься о спасении грешных; поэтому, не скорби: просимое дастся тебе.

Сказав это, Господь возшел на небеса. Спустя немного времени злая та женщина еврейка, пораженная Божиим гневом, умерла. Исаак же снова возвратился в пустыню и, представ преподобному, припал к честны́м стопам его, плача и исповедуя грехи свои; своим возвращением и покаянием он доставил великую радость преподобному и всем отцам той пустыни. После поучений великого отца, инок снова принял прежнюю веру и снова облекся в ангельский образ; и подвизался он в великих трудах, плача и сокрушаясь о грехах своих; и так прожив все дни свои в покаянии, добродетельно и богоугодно, — он отошел ко Господу. И это все грешник получил молитвами преподобного Паисия: он покаялся и спасся; нам же, слышащим эти преславные дела, подобает славить и воспевать Христа Бога, Который так возвеличил угодника Своего.

Среди учеников преподобного Паисия был некий старец, который имел совершенно мирские обычаи и нравы; и когда иноки, для наставления, приходили к преподобному и слушали его богодухновенные слова, — слушал с ними и старец тот, но пользы от этого он никакой не получал, ибо не имел в себе хорошо возделанной и влажной почвы, но сердце его было, как камень, ожесточено, и потому доброе семя божественных бесед не могло в нем укорениться и прозябнуть: по временам он даже поносил слова святого; ибо отойдя от лица преподобного, старец тот, пред другими братиями, иногда позволял себе и ругаться над беседами святого Паисия, говоря при этом одну только растлевающую и хульную ложь, как и подобает людям мирским и нечестивым, — и некоторые иноки соблазнялись хулениями, слышанными от него. По прошествии довольно продолжительного времени братия, не желая более слышать развращающих слов его, но и не смея сами поведать о том святому отцу, отправились к некоему боголюбивому и добродетельному подвижнику, жалуясь на того злонравного старца; тогда подвижник этот отправился вместе с ними к великому Паисию.

В то время, когда святой наедине упражнялся в богомыслии, послышался ангельский голос:

— Да известно тебе будет, отец, что старец тот, который находится вместе с твоими учениками, производит соблазны и совращает других братий; итак, нужно пресечь бесчинный его обычай и исправить его при помощи заповедей.

На этот голос святой Паисий ответил:

— Давно бы сделал это, если бы знал, что могу исправить его. Но так как диавол готов погубить его и, являясь, заманивает его своим коварством в сеть свою, то поэтому я не могу сказать ему что-либо жестокого, дабы он не принял слово мое с горечью и не счел его для себя обидным: ведь в этом случае он может выйти из среды братий и из пустыни и снова пойти в мир; тогда я окажусь виновником его погибели и буду повинен пред Богом, так как не мог потерпеть брата, обуреваемого врагом; нужно же молиться о нем, да исцелит его Господь от такого недуга.

Сказав это, он начал молиться о старце том и тотчас же увидел хульного и бесстыдного духа, исходящего из старца. Потом с тем боголюбивым подвижником пришли братия ко отцу, но прежде чем

стали рассказывать о бесчинном старце, пришел и он вслед им и, припав к ногам святого отца, стал слезами омывать их, каясь и прося прощения и обещая исправить свою жизнь. После этого он стал кротким и послушливым: он с радостью слушал богодухновенные беседы, исходящие из уст преподобного отца, и всячески старался исполнить на деле то, что воспринимал из его поучений. И вскоре он многих превзошел в добродетели, и стал опытным отшельником, — и все это при помощи и по молитвам святого Паисия, испросившего ему у Бога великую милость.

Но об этом довольно; нельзя же обойти молчанием и другие преславные дела святого Паисия: поэтому оставим слово об этих его многочисленных чудесах, ибо невозможно подробно описать все эти чудесные деяния; итак, сказав о них уже немало, обо всех остальных умолчим.

Однажды в пустыню к святому Паисию пришли два юных брата и, по повелению преподобного, стали жить вместе с теми братиями, которые уже находились в его монастыре; сам же Паисий вместе с учеником своим жил отдельно в пустыне, далеко от монастыря своего.

Долгое время те два брата несли подвиг послушания; наконец придя к старцу, они стали просить его, чтобы он позволил жить им в пустыне наедине, отшельнически. Преподобный, видя их пламенное стремление к подвигу постничества и уразумев, что они способны к особенному пустынному безмолвию, исполнил их желание и благословил их переселиться из монастыря в пустынническое отшельничество. И эти два брата, найдя себе в пустыне удобное для подвига безмолвия место, поселились там и богоугодно проводили жизнь, искусно побеждая все искушения злых духов. Невидимый же враг, завидуя всегда всем добрым людям и умея изобретать для рабов Христовых различные и многообразные ухищрения, простер свое коварство и на этих двух иноков и задумал так их обольстить: у одного из пустынных отшельников, который еще не был совершен в иноческом нестяжании, украдено было его убогое келейное имение. Отшельник этот, еще будучи малодушным, и потому жалея украденные вещи, стал искать укравшего, но не нашел его; услышав же об одном прозорливом старце и надеясь, что тот поможет открыть ему и украденное и укравшего, он отправился к нему: к пре-

подобному Паисию он не посмел идти, боясь, как бы тот ни стал укорять его в любостяжании.

Придя к тому прозорливцу, инок стал просить его, чтобы он сказал ему, где находится украденное и кто именно украл. Но старец, не будучи на самом деле просвещен благодатью Божиею в прозорливстве, но провидя все силою бесовскою, по научению злого беса, — оговорил тех двух иноков, которые недавно поселились в пустыне:

— Вот эти иноки, — сказал прозорливец, — совершили покражу; взяв этих безмолвников, не отпускай их, пока они не отдадут тебе всего.

Услышав это, отшельник тотчас же с поспешностью отправился в лавру той пустыни; придя к игумену и выпросив у него сильную стражу, он пошел далее и как бы нечаянно напал на тех безмолвствующих двух иноков; он схватил их как злодеев и, с побоями влача их, привел в лавру; здесь они с бесчестием заключены были в темницу. Игумен же вместе со старцами, поверив тому прозорливцу, осудил тех иноков, как воров, к лишению иноческого чина и стал пытать их побоями об украденных вещах. Преподобный же Паисий, прозорливо узнав по благодати Божией, обо всем совершившемся и жалея тех двух братий, которые в это время неповинно так страдали, востав, отправился из келии своей в ту лавру. Об его приходе повсюду тотчас же было известно, так как среди пустынножителей не было имени более славного, как имя Паисия, который везде прославлялся за свою богоугодную жизнь. Для приветствия его собрались и братия из окрестных монастырей и отшельнических келий, сошлись к нему даже и старцы. Пришел между прочим и тот старец, который, по бесовскому обольщению, выдавал себя за прозорливца. И когда все отцы и братия воздавали святому любезное о Христе целование, великий отец наш Паисий спросил их:

— Куда вы удалили двух юных иноков — пустынножителей?

Братия молчали. Потом некоторые из них, отвечая, сказали:

— Отче, они воры, а за дурные дела свои теперь затворены в темнице.

Святой на это сказал им:

— Кто сказал про них, что они воры?

Тогда братия, указывая на прозорливого старца, отвечали:

— Вот, этот прозорливый отец указал на них, как на воров.

Тогда великий Паисий вопросил того старца:

— Правда ли то, что́ ты сказал про них?

Он же ответил:

— Сказанное мною — истина: это открыто мне было от Бога.

После этого святой Паисий сказал:

— Если бы это твое прозорливство было от Бога, а не от бесовского прельщения, то на твоих устах не было бы видно диавола.

Слушая это, все были объяты страхом: ибо всем ясно было, что слова, исходящие из уст Паисия, истинны; и все стали укорять обольщенного того прозорливца, и понуждали его просить прощения у преподобного; и он, объятый стыдом, припал к честны́м ногам святого, произнося:

— Отец, прости меня и помолись обо мне, прельщенном.

И лишь только святой сотворил молитву за него, как на глазах у всех, из уст прельщенного, вышел тщеславный и лживый бес и, превратившись в большего дикого вепря, с великою яростью устремился на преподобного, желая как бы растерзать его зубами своими. Но блаженный отец, закляв нечистого духа, послал его в пропасть. А старец тот, который прежде был обольщен диаволом, ощутил и даже глазами увидел исходящую из него бесовскую силу прельщения; исполнившись великого ужаса и трепета, он пал на землю, валяясь у ног Паисия, и со слезами молил получить от него совершенное прощение. Также и прочие братия, которые, предавшись обольщению, оскорбили неповинных, — все они, припав к святому, просили у него прощение. И вывели из затвора тех двух юных иноков, и все, смотря на них, с умилением плакали, а обидевшие их просили у них молитв. Преподобный же Паисий поучал всех с осторожностью избегать подобных вражеских прельщений и не верить лжепророчеству тех, которые стараются казаться святыми и прозорливыми. А лаврскому игумену, наедине, он указал, где положены украденные вещи, об укравших же ничего не сказал. Потом, преподав всем прощение и сотворив за всех молитву, он возвратился в свою келию.

В те же времена и в тех же египетских пустынях просиял в подвигах постничества другой угодник Божий, преподобный Павел, по молитвам которого Господь тоже проявлял великую милость людям.

Преподобный Паисий, пожелав однажды посетить его, отправился к нему, и сошлись они, как два Ангела Божия и как два воина

Христова, сильно побораюшие невидимых врагов и друг другу в том помогающие. И были они оба, как какая-либо твердыня, непреоборимая никаким вражиим лукавством, и беседовали они друг с другом словами, исполненными Духа Святого, — вместе наслаждались и сладким плодом молчания; в старости своей они ежедневно находили для себя новые юношеские подвиги, начиная каждый раз как бы сызнова подвизаться и как бы решив вести еще более совершенную жизнь.

Великий Паисий был старше летами Павла, блаженный же Павел по виду своему был сановит и душой бодр; и сказал преподобный Паисий:

— Пока мы в жизни этой, Господь не хочет, чтобы тело наше ослабло и разленилось, и будет стыд нам и срам, если во время кончины нашей мы обрящемся в лености.

Когда преподобный Паисий сказал это, блаженный Павел, выслушав, отвечал:

— О пастыреначальник, вот я уже следую твоему похвальному и доброму совету не допускать себя до лености и уповаю на Бога, что святыми твоими молитвами Он поможет мне провести жизнь согласно твоей воле.

Прожив вместе довольно долгое время и наставив друг друга поучениями, преподобный Паисий и блаженный Павел, после любезного о Господе целования, разлучились телом, но не духом. Преподобный Павел остался на прежнем месте, а святой Паисий возвратился в свою келию.

Оба эти святые отцы были чудотворцами, целителями страстей, опытными руководителями в деле спасения душ, о всех молитвенниками, ходатаями о спасении каждого и наставниками, мужи — сильные делом и словом, служа при этом добрым примером для всякого человека, ибо иноческие труды священного Павла весьма ублажались, а многочисленные и вышеестественные постнические подвиги блаженного Паисия, совершаемые им втайне — хотя и не все, а только некоторые из них — всем почти были известны; и известны были именно для того, чтобы можно было слушающих об этих подвигах побудить к благодарению всесильного Бога, а подвизающихся — воспламенить к еще большему усердию: ведь ни одно человеческое слово не может достаточно передать всю высоту его

духовной жизни; ибо он много служил Господу втайне и не любил, чтобы его добрые дела были известны другим, — и это конечно — по его великому смирению. И когда его кто-либо из братий спрашивал: какая из добродетелей есть наивысшая? — он отвечал: та, которая совершается втайне и о которой никто не знает. Также высоко он чтил и следующую добродетель — поступать во всем по воле других, но не по своей. Во всей своей добродетельной жизни преподобный определял — и это свято соблюдал — каждому делу подобающее ему время. У него было время молчать, время говорить, время — уединиться и затвориться в своей келии, время — выйти к братиям и беседовать с ними о душеполезном. Итак, в безмолвии, преподобный, путем богомысленного восхождения, приближался Богу, в общении же с братиями искал спасения ближнего; а всего дивнее было то, что он мудро умел скрывать добродетели свои, дабы жизнь его была известна не всем, находящимся в общении с ним. Когда же братия начинали прославлять его за какое-нибудь дело, он оставлял это дело и начинал совершать другой подвиг, дабы все скорее забыли о первом его деянии. Когда же я, — говорит списатель жития преподобного Паисия, — спрашивал его, зачем ты так поступаешь? — он с радостью отвечал мне: для того, чтобы прежний подвиг мой остался неповрежденным; ибо великая беда, добавлял он при этом — человеческая похвала, и кто ради нее трудится, тот мало получает для себя пользы, и из таких людей мало кто спасается, так как суетная слава человеческая много им вредит; и истинно было сказано нашим Владыкою:

— *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3).

Воспомянув эти слова из поучения преподобного (продолжает Иоанн), я прихожу к концу своего повествования.

Достигнув глубокой старости, великий по своей жизни и просвещенный добродетелями, преподобный отец наш Паисий восприял конец здешних трудов, и Господь призвал его к вечному покою и к небесному блаженству. Тело его с честью было погребено множеством иночествующих, душа же его возлетела к небесной и бессмертной жизни.

Немного спустя и блаженный Павел в своей отдаленнейшей пустыне отошел от здешнего жития; перейдя к жизни нестареющейся, он вместе со святым Паисием водворился во светлости святых, —

дабы как в иноческих подвигах они подвизались вместе, так и блаженные души их вместе бы наслаждались и нескончаемым упокоением. Честные тела их недолго почивали отдельно одно от другого: по смотрению Божию, скоро и они положены были вместе, — и вот каким образом это произошло.

Преподобный отец наш Исидор, постившийся в своей обители, что на горе Пелусийской, услышав о преставлении великого Паисия, сел на корабль и доехал до того места, где погребено было святое тело преподобного отца; с честью и благоговением взяв его из земли и обвив его погребальными пеленами, он вложил его в ковчег, желая обогатить им обитель свою, как некоторым великим сокровищем, более драгоценным всякого богатства, — и внесши этот ковчег на корабль свой, отправился в путь с великою радостью, воспевая и хваля Господа. Когда же он плыл недалеко от той пустыни, где почивало честное тело преподобного Павла, вдруг корабль, как бы задерживаемый какою-то чудесною силою, остановился и повернулся к той стране, где находилась пустыня святого Павла. Корабельщики долго трудились, стараясь отплыть с этого места, но ничего не могли сделать; они пробыли в таком труде два дня и, не зная, как им тронуться в путь, были в большом недоумении. Преподобный же Исидор, уразумев, что эта остановка корабля есть действие промысла Божия, повелел корабельщикам, чтобы они оставили корабль плыть, куда он хочет, — и корабль, водимый невидимою рукою, поплыл к тому пустынному берегу, где находилось тело святого Павла, и остановился на мели.

В то время как все бывшие на корабле скорбели об этом и недоумевали, на берег тот из пустыни пришел некий старец, по имени Иеремия; обращаясь к находившимся на корабле, он сказал:

— О возлюбленные! Зачем сверх силы вы трудитесь? Разве вы не видите, что преподобный Паисий призывает любимца своего преподобного Павла? Он хочет вместе с ним быть перенесенным в вашу страну и на одном месте быть положенным; итак, поспешите пойти, чтобы взять тело его.

Услышав это, преподобный Исидор и все бывшие с ним исполнились великой радости и, высадившись на берег, спросили того честного отца Иеремию:

— Где положено тело святого Павла?

Тогда он повел их в далекую пустыню и показал гроб преподобного Павла. Взяв оттуда честные мощи его, несравнимые по ценности с золотом и дорогими камнями, они понесли их к мощам святого Паисия, и лишь только вошли на корабль, он тотчас же сам двинулся с своего места и, о чудо! — поплыл с великою скоростью по надлежащему ему пути и немедленно же достиг той пристани, что находилась в Пелусии. Тогда преподобный Исидор вынес на сушу честные мощи обоих святых отцов — и Паисия и Павла, отнес их с пением псалмов и духовных песней в обитель свою и положил в созданной им церкви; и творились здесь преславные чудеса: обуреваемые нечистыми духами и одержимые иными какими-либо болезнями, — лишь только прикасались к честным ковчегам их, как тотчас же получали исцеление: нечистые духи прогонялись, и всякий недуг немедленно врачевался по молитвам сих великих угодников Божиих.

Это я, Иоанн, по прозванию Колов, написал на пользу читающим и слушающим, — во славу Отца, и Сына, и Святого Духа, единого в Троице Бога, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СТРАДАНИЕ СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ЗОСИМЫ ВОИНА

В то время, как Римским государством управлял император Траян[1], еллины, как известно, еще объяты были идолослужением и великою духовною слепотою, — и потому на Церковь Божию, в его царствование, вскоре же воздвигнуто было лютое гонение.

В эту пору среди еллинов жил некий знаменитый муж, по имени Домитиан, игемон Антиохии Писидийской[2]; придя однажды к царю Траяну, он просил дать ему власть над христианами, дабы всех, кто не пожелает принести жертву богам, принуждать к тому тяжкими муками. Получив от царя такую власть и облекшись в диавольскую броню, он, подобно льву, воспылал гневом на тех, кто решался

---

[1] Царствовал с 89 по 117 год.

[2] *Писидия* — область на юге Малой Азии, рядом с Киликией.

твердо до конца сохранять свою веру во Христа. Проходя как-то чрез страну Созопольскую, он раз приблизился к городу, называемому Аполлония[1]. В этом городе жил некий еллин воин, по имени Зосима, который все время стремился стать последователем Христовой веры. Услышав о приближении игемона и о наступающем гонении, он, сняв с себя воинское оружие, решил присоединиться ко святой церкви и, научившись вере во Христа и приняв святое крещение, стал стремиться к христианским добродетелям и упражняться в чистоте и целомудрии, в посте и молитвах.

Спустя несколько дней, после того как игемон Домитиан пришел в тот город, приступил к нему один из идолослужителей и сказал:

— В этом городе проживает некий воин, по имени Зосима, который презирает царя и твою власть; он отвергся воинского чина, которым был облечен царем Траяном, и сбросил с себя оружие свое; он называет себя христианином и за ничто считает наших богов; гнушается он также царских законов и презирает царскую власть.

Услышав это, игемон сказал:

— Приведите этого Зосиму сюда, на судилище.

Тогда стражи царские, по повелению игемона, отправившись к Зосиме, схватили его и привели на суд. Игемон, увидев его, спросил:

— Ты Зосима?

Воин Христов отвечал:

— Я — Зосима, раб Господа моего Иисуса Христа.

После этого игемон сказал:

— Прежде всего поведай, в каком ты чине, а потом скажешь — и чей раб.

Святой на это ответил:

— По чину я был воином вашего царя земного, но отвергся ваших пагубнейших богов и стал воином Царя небесного, Христа, истинного Бога.

— О пребеззаконный, — сказал тогда Домитиан, — имя Христово тебе не поможет, но принеси лучше жертву богам, и тебе простится твой грех против царя нашего Траяна, которым ты почтен воинским чином.

---

[1] Во Фракии, у Понта; в этом городе, между прочим, находился храм в честь Аполлона, с колоссальной его статуей. В Византийскую эпоху он был известен под названием Содзополис. Ныне это — незначительное местечко Сидзеболи.

Тогда святой сказал:

— Ни за что я не принесу жертвы вашим богам.

После этого Домитиан приказал отвести воина Христова в темницу.

Наутро святой, связанный по рукам назад, снова приведен был на судилище, и игемон повелел повесить его на мучилищном древе. Когда мученик был повешен, Домитиан сказал ему:

— Нечестивый Зосима, принеси жертву богам, а то все члены тела твои сейчас подвергнутся жестоким мукам.

На это святой отвечал:

— Не только словами, но даже и ранами не убедить меня, чтобы я принес жертву твоим богам.

Тогда игемон приказал жестоким своим воинам нещадно бить святого мученика. Когда начали мучить святого Зосиму, он сказал игемону:

— Напрасно трудятся слуги твои, ибо меня укрепляет Господь, и я не ощущаю наносимых мне ран.

И долго мучили святого, так что и земля обагрилась уже кровью его. Наконец мученик велегласно возопил ко Господу:

— Господи Боже всесильный, седящий на престоле славы Своей, создавший небо, основавший землю и собравший воды во едино место, — надежда наша и упование рабов Своих, услышь меня, молящегося Тебе, и не допусти, чтобы я был побежден угрозами мук или самыми муками, дабы все, неверующие имени Твоему, чрез меня познали Тебя, Единого истинного Бога!

Когда святой молился, вдруг послышался глас с неба:

— Мужайся, Зосима, ибо Я с тобою, и ничто тебя не одолеет.

И этот голос слышали Домитиан и все бывшие с ним, и некоторые при этом даже воскликнули:

— Велик этот волхв!

А другие говорили:

— Это не волхв, но раб Христа, Бога его, и поистине велик Бог христианский, от Коего сейчас был ниспослан голос этот!

Тогда игемон приказал четырем воинам силою растянуть святого крестообразно на земле; страдалец же Христов, и без того уже измученный, возвел очи свои к небу и сказал:

— Господи Боже мой, разумевающий помышления человеческие, надежда христиан, прибежище и покой находящихся в бедах! Избавь меня от пагубного коварства бесослужителя Домитиана, дабы все предстоящие познали Тебя, что Ты есть Бог живой, сущий прежде всех веков, и что Ты существуешь от века.

И в то время многие из предстоявшего народа, удивляясь такому великому терпению мученика, уверовали во Христа; игемон же, видя все это и боясь, как бы все не обратились к христианской вере, пристыженный, ярясь и даже скрежеща зубами, стал размышлять, какою бы лютою смертью погубить раба Христова. Наконец он повелел принести медный одр и разложить под ним сильный огонь, чтобы над ним сжечь мученика. Когда этот одр был сильно разожжен, он приказал положить на него нагим святого страстотерпца. И лишь только Зосима, сотворив на себе крестное знамение, взошел на одр, как тотчас же Господь претворил огонь в росу; ибо чрез Ангелов Своих Он снизошел на помощь к мученику. И в то время, как все предстоящие думали, что мученик скончался от лютого огня, Ангелы Господни, подняв святого с одра, на виду у всех, поставили его около одра живым и нисколько не поврежденным пламенем. Народ, видя такое чудо, прославил истинного Бога, Который, послав святых Ангелов Своих, избавил раба Своего от такого огня; и многие тогда обратились ко Христовой вере. Игемон же, восстав со своего судейского места, со стыдом отправился домой, а мученика приказал взять и держать под стражею.

Вскоре после этого игемон Домитиан, отправляясь в город Кононейский[1], приказал вести за собою связанным и мученика Зосиму, чтобы там в мучениях умертвить его. Придя в этот город и воссев на судилищное место, он приказал обуть мученика в железные сандалии, в которых были набиты острые гвозди, и привязать его железною цепью к молодым необъезженным коням, чтобы он шел за ними. Святой же, будучи привязан к тем коням, в железных с гвоздями сандалиях, так быстро бежал, что, казалось, перегонял даже коней: ибо с ним был Господь, помогавший ему. При этом святой так говорил:

---

[1] В Писидии, на пути в Персию.

— Господи Боже, дающий ногам моим быстроту оленя, даруй мне терпение до конца!

Игемон, видя такое терпение мученика, повелел заключить его в темницу и отнюдь не давать ему ни пищи, ни питья, чтобы он погиб от голода и жажды. Через три дня, в продолжение которых святой пребывал без пищи и пития, двое прекрасных юношей вошли в темницу: из них один нес чистый хлеб, а другой — воду в сосуде; и сказали они святому:

— Прими этот драгоценный дар, посланный тебе от Господа Бога твоего.

Мученик же Христов, взяв его, ел и пил, и укрепившись телом, так воззвал ко Господу:

— Благодарю Тебя, Господи, что Ты умилосердился надо мною и не презрел меня, но насытил небесным Твоим хлебом и питием; хвалю и славлю величие Твое вовеки, аминь.

На следующий день, игемон, снова воссев на судилищное место, повелел привести к себе мученика Христова. Святой предстал с светлым лицом; ум же его в то время был всецело устремленным ко Господу. Игемон удивился, увидев мученика нисколько не изменившимся в лице после таких мук, и сказал ему:

— О Зосима, так как ты теперь, по-видимому, пришел в себя, то принеси жертву богам, чтобы более не подвергаться ранам и не умереть лютою смертью.

На это святой отвечал:

— Ты, если хочешь, приноси жертву подобным тебе бесам, а я, как и прежде говорил, служу одному Богу моему.

После этого разгневанный игемон повелел снова повесить мученика на древо и при этом сказал ему:

— Видишь ли, окаянный, сколь многим мукам подвергаешься ты? Неужели ты все-таки еще не послушаешься меня и не принесешь жертвы богам?

Святой на это ответил:

— Любящий Бога живого ни во что вменяет эти муки.

И повелел игемон строгать тело мученика железными гребнями. Святой же мученик, претерпевая все эти страдания, громким голосом воззвал к Богу:

— Ныне особенно я познаю милосердие Твоего благоутробия, Христе, Творец света, так как Ты укрепил меня мужественно все претерпеть и даже словом не обнаружить страданий, дабы в моих муках еще более уразумели силу Твоего Божества.

Когда святой произнес это, правитель приказал снять его с мучилищного дерева и снова поставить его пред собою; когда это было исполнено, он сказал ему:

— Много мучений ты перенес ради Христа своего, и все же никакого облегчения не получил; итак, приступи и принеси хотя теперь жертву богам.

Святой на это ответил:

— О Домитиан, лютейший, бесчеловечный и исполненный всякого нечестия мучитель! Убойся небесного Бога, оставь свое заблуждение и не называй идолов богами: ведь, они бесы, а не боги.

Тогда игемон сказал:

— Ты ли, пребеззаконнейший человек, дерзаешь наших богов называть бесами, — богов, которым в известные дни празднует весь мир?

На это мученик сказал:

— Какие празднования имеют твои боги в аду, такие же да будут и тебе, и царю твоему, и всем верующим в них.

После этого правитель снова приказал повесить святого Зосиму на мучилищное дерево и опалять чрево его зажженными свечами.

Тогда мученик сказал правителю:

— Не только чрево мое, но и все тело мое сожги, — и все-таки никогда не победишь меня, ибо со мною укрепляющий меня Христос: я даже желаю быть умерщвленным тобою, так как ведь это слава моя пред Христом, если я умру за Него.

Не зная, чтобы еще сделать с мучеником, правитель, наконец, осудил его на смерть, именно — на усечение главы его секирою. Когда святого Зосиму вели на место казни, он так молился Господу:

— Господи Боже мой! Призри на меня, грешного, и приими душу мою с угодившими Тебе от века, так как Ты слава моя и похвала от ныне и вовеки вечные.

Когда мученик подошел к тому месту, где обыкновенно казнили, он был усечен мечом, положив честную главу свою за Христа своего. Это произошло 19 июня, в городе Кононейском, — в то время, как

в Риме господствовал Траян, а над нами, христианами, царствовал Господь наш Иисус Христос, — Ему же слава и держава во веки веков, аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИОАННА ОТШЕЛЬНИКА

Преподобный отец наш Иоанн, оставив мир, посвятил себя монашеской жизни и, желая пребывать в пустынном отшельничестве, поселился в Палестине, недалеко от Иерусалима; здесь все дни своей жизни он проводил богоугодно, — в посте и молитвах.

О его святой жизни в книге, называемой Лимонарь[1], которая, как известно, составлена преподобными отцами нашими Иоанном и Софронием (после патриархом Иерусалимским), повествуется следующее:

— Нам, Иоанну и Софронию, авва Дионисий — пресвитер и сосудохранитель святой церкви, находившейся в Аскалоне[2], поведал об авве Иоанне отшельнике, что этот муж был велик по своей жизни и весьма богоугоден. Жил он в окрестностях села Сехуста, отстоящего от Иерусалима на двадцать поприщ; в пещере своей этот старец имел образ Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии; изображена Она была имеющею на руках Своих превечного Младенца Христа Бога нашего. И нужно сказать, что когда старец этот собирался пойти куда-либо: в даль ли своей пустыни, или в Иерусалим, чтоб поклониться честному Кресту и гробу Христову и вообще когда хотел посетить те или другие святые Иерусалимские места и вообще когда хотел помолиться на Синайской горе или тем святым мученикам, мощи коих находились далеко от Иерусалима, — ибо старец любил воздавать честь святым, так что иногда он

---

[1] *Лимонарь* (луг, пажить) — весьма распространенное агиографическое сочинение греческого инока Иоанна Мосха († в 622 году) и его ученика Софрония, будущего святителя Иерусалимского († 644 г.), память 11 марта. В сущности это был сборник различных повествований о жизни христианских подвижников.

[2] *Аскалон* — один из древнейших городов Палестины, на берегу Средиземного моря.

уходил даже и в Ефес, — ко гробу святого Иоанна Богослова, а иногда и к преподобному Феодору в Евхаиты, и даже к святой Фекле в Селевкию Исаврийскую[1], — словом, куда бы он ни уходил на богомолье, он всегда ставил в своей келии пред этим образом Пречистой Богородицы кандило[2] и, по обычаю возжегши его и став на молитву, молил Бога, дабы Он благословил путь его. И при этом, взирая на икону Пресвятой Богоматери, он всегда так умолял Ее:

— Пречистая Владычица Богородица, так как я отхожу в далекий и продолжительный путь, то Сама Ты назирай за кандилом Своим, и, по моему к Тебе молению, соблюди его неугасимым, пока я не возвращусь; я же, имея Твою помощь, спутешествующею мне, отхожу в намеченный мною путь.

И только после того он отправлялся в путь свой, пребывая в дороге — когда месяц, когда два и три, а иногда и пять и даже шесть; и возвратившись, он всегда находил кандило полным и горящим, каким оставил его, отходя в путь, и никогда не находил его угасшим.

Об этом преподобном отце Иоанне, в той же книге Лимонарь, пишется еще, что идя как-то по окрестностям того села, где находилась его пещера, он встретил однажды большого льва. На этом месте была очень тесная дорога: она лежала между двумя терновыми изгородями, которыми земледельцы обыкновенно огораживали свои нивы. И настолько был тесен путь тот, что, благодаря этой терновной изгороди, едва можно было пройти лишь одному пешему человеку, и то — без всякой ноши. И вот когда Иоанн и лев стали приближаться друг к другу, старец решил не уступать пути льву, да и лев, по тесноте места, не мог сойти с пути, так что им нельзя было миновать друг друга. Тогда лев, видя, что угодник Божий не желает возвратиться назад и намерен идти по надлежащему ему пути, стал на задние лапы по левую сторону старца и, расширив таким образом тяжестью своего тела изгородь, сделал праведному мужу путь свободным, и таким образом старец прошел мимо льва, касаясь своею спиною его хребта; после этого и старец и лев отправились своим

---

[1] *Селевкия Исаврийская* — в Киликии; построена была Селевком I Никатором, основателем монархии Селевкидов.

[2] *Кандило* — стеклянная чаша, в которой зажигали елей и ставили пред иконами, лампада.

путем.

К этому авве Иоанну пришел однажды некий брат; не увидев ничего в его пещере, он сказал ему:

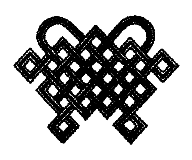
— Как ты здесь пребываешь, авва, не имея ничего нужного для своих потреб?

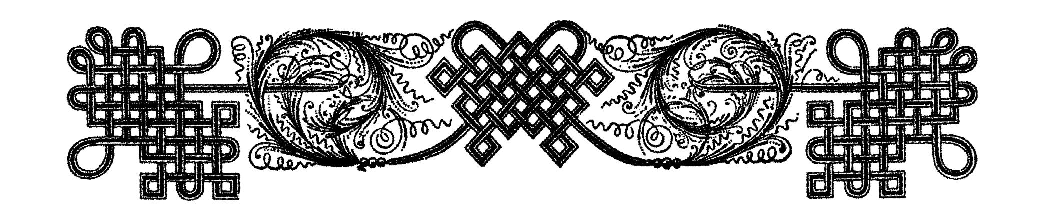
Старец на это ответил:

— Чадо, пещера эта есть купля духовная, — она и дает и берет: она дает рукоделие, а берет все потребное.

Этот богоугодный отец, прожив в своих постнических подвигах и трудах довольно долгое время, отошел ко Господу и причислен был к лику святых, предстоящих Отцу и Сыну и Святому Духу, Единому в Троице Богу нашему, Ему же слава вовеки, аминь.

В тот же день **преставление преподобного Варлаама Шенкурского**, в 1462 году.

День двадцатый

ЖИТИЕ
ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО
ЛЕВКИЯ ИСПОВЕДНИКА

Во времена языческие, когда римские цари-идолопоклонники обладали Востоком и Западом[1], жил в Александрии один благородный муж, по имени Евдикий; не наученный книжному искусству он был мудр духовным обучением, — украшенный добрыми делами. Евдикий проводил свою жизнь в страхе Божием и любви; со щедрою милостынею он соединял подвиг поста и молитвы. У него был единственный сын, о котором и предстоит нам слово, названный родителями Евтропий, а впоследствии переименованный Богом Левкием.

Когда отроку шел десятый год, мать его, Евфросиния, скончалась. Тогда Евдикий, взяв сына своего, пошел с ним в монастырь блаженного Ермия, находившийся в Александрийских пределах и управляемый блаженным игуменом Никитою; здесь Евдикий сам постригся, а сына отдал на книжное обучение. Как мальчик остроумный, все усваивавший быстро и без особенных усилий, Евтропий, с помощью Божиею, настолько успел в книжном учении, что превзошел в этом отношении многих. Притом он был кроток, преисполнен смирения и послушания; всем, жившим в монастыре, он служил с усердием, и все любили Евтропия, — одни за его добронравие и послушание, другие за его книжную начитанность и знания, дарованные ему Духом Святым.

---

[1] Другие известия относят рождение *святого Левкия* ко временам христианских греко-римских государей и именно — ко времени Феодосия Великого (379–395 гг.).

Блаженный игумен Никита преставился ко Господу, когда Евтропию было еще только семнадцать лет; несмотря на это, братия, посоветовавшись между собою, просили юношу, еще не постриженного в иночество, быть их игуменом. Но он упорно отказывался, к тому же и отец его, Евдикий, увещевая, запрещал ему в столь юных летах возлагать на себя бремя, которого он еще не обвык носить; он советовал Евтропию показывать себя недостойным начальства, как юноше, нуждающемуся в руководстве. Так пробыл монастырь Ермия без игумена семь лет, потому что братия не желали никому более вручать начальства над собою: поэтому, при всем нежелании блаженного Евтропия и несмотря на то, что он не был пострижен, братия, руководимые примером его добродетельной жизни, все-таки почитали его среди себя за игумена. Когда же Евтропию исполнилось двадцать пять лет, братия, собравшись, сказали ему:

— Зачем ты пренебрегаешь и нашею нуждою и нашими просьбами, — почему не хочешь быть нашим начальником? Вот прошло уже семь лет, как мы, со дня кончины блаженного отца нашего Никиты, не имеем игумена, и каждый живет по своей воле. Смотри не ответить бы тебе за гибель нашу, если какой-либо волк, войдя в обитель, расхитит стадо Божие; мы же никого другого, как только тебя одного, желаем иметь своим отцом: мы все видим твою святую жизнь, знаем о твоем добронравии и данной тебе от Бога премудрости.

На это блаженный Евтропий так отвечал братии:

— Зачем, честные отцы и братия, вы неотступно молите меня о том, чего я совершенно не в состоянии исполнить? Я не пострижен в иночество и не имею никакого церковного чина, — как же я буду вам отцом, не имея в то же время власти поучать вас в храме Божием? Как я могу увещевать старейших из вас, сам будучи юн?

Тогда они начали понуждать его к пострижению и приятию священства, но он ни в коем случае не хотел исполнить их желания. Правда, в душе Евтропий стремился к иноческому чину, но опасался принимать его из боязни, что братия тогда насильно заставят его быть игуменом; так, оставаясь непостриженным, он являл собою пример истинного инока.

В это время в Риме царствовал язычник Коммод. Им был прислан в Александрию в качестве епарха[1] Филипп, дочь которого Евге-

[1] Начальника.

ния, по обращении в христианство, проводила в мужеском образе подвижническую жизнь, окончив ее мученическою смертью. Филипп, хотя вообще и был милостив к христианам, однако, в силу повеления царя, изгнал из города христиан, святителей, иереев и иноков, разрешив им, впрочем, свободно селиться в предградии, а также строить здесь монастыри и церкви. В эти дни христианским епископом в данном округе был святой Еллий, имевший пребывание в городе Елиополе, отстоящем от Александрии на незначительном расстоянии. В пригороде Александрийском помянутым епископом был создан монастырь, врученный руководству святого Феодора. Кроме монастыря в той же местности находилась знаменитая в округе церковь во имя Пречистой Богородицы и Приснодевы Марии; в праздники Ее сюда стекались христиане не только из Александрии, но и из окрестных городов и стран. Поэтому, когда приближался праздник Успения Пресвятой Девы Марии, многие отправились к Ее церкви; и блаженный Евдикий, выйдя из монастыря Ермия, точно так же пошел на праздник вместе со своим сыном Евтропием. Случилось же, что в тот же самый день и на то же празднество вышел вместе с клиром и множеством народа из Елиополя и святой епископ Еллий; Евдикий и Евтропий присоединились к толпе, идущей за епископом. Епископ имел намерение сначала зайти в созданный им монастырь, управляемый игуменом Феодором, чтобы здесь отдохнуть до наступления праздника. Когда он приближался к монастырю, на пути с ним встретилась дочь епарха, блаженная Евгения, шедшая в мужском образе в сопровождении двух евнухов; увидев епископа, окруженного народом, она вмешалась в толпу с целью расспросить кого-либо о епископе и завела беседу о нем с блаженным Евтропием. Он подробно рассказал ей все об архиерее Божием, как видно из жития блаженной Евгении[1], и затем привел ее к епископу, которому Евтропий был известен за чистоту жизни и книжный разум.

Когда блаженный Евдикий отдыхал в монастыре, устроенном епископом, ему было ночью в сонном видении божественное откровение о том, что он скоро умрет, а сын его будет епископом, который уничтожит идолов во Врунтисиополе Италийском[2], просветив

[1] См. 24 декабря.

[2] Ныне *Бриндизи*.

эту страну святым крещением. При этом он слышал обращенный к нему голос:

— Евдикий, Евдикий, верный раб Господа! Отныне да будет имя тебе не Евдикий, а Евдиклий, то есть кроткий утешитель; сыну же твоему да будет имя не Евтропий, а Левкий, то есть «прииде на него Дух Господень».

Пробудившись, Евдиклий сейчас же позвал сына и рассказал ему о видении, открывавшем волю Божию:

— Смотри, сын мой, вот приближается время моего отшествия, — не будь прельщаем суетным миром; Господь открыл мне о тебе, что ты удостоишься епископского служения, ибо Господь хочет чрез тебя очистить от идольских капищ Врунтисиополь; и пусть не будет твое имя более Евтропий, но — Левкий; так переименовал тебя Господь, как и меня вместо Евдикия — Евдиклием.

Услышав это, святой Левкий, — он же и Евтропий, — простершись крестообразно на земле, поклонился Богу, вознося к Нему такую благодарственную молитву:

— Благословен Ты, Боже отцов наших, Авраама, Исаака и Иакова, ибо Ты не оставляешь без внимания надеющихся на Тебя и не отнимаешь милосердия Твоего от нищих рабов Твоих, милуя меня недостойного: поэтому я славлю и величаю Тебя, Господа неба и земли, ибо Ты Владыка, возлюбивший человека; да будет Тебе слава в бесконечные веки.

Во время этой молитвы святого с неба над церковью послышался голос:

— Левкий, Левкий! Светлый душою и чистый сердцем, вот имя твое написано на небе и память твоя не изгладится из книги жизни.

Этот голос слышали святой епископ Еллий и некоторые из братий, проводившие ночь без сна в молитве. Но никто не мог понять, к кому именно он обращен.

С наступлением утра к епископу пришли братия Ермиева монастыря и сказали:

— Знай, владыка, что мы более семи лет пребываем без игумена, причем каждый из нас живет так, как он хочет. Не раз просили мы честнóго Евтропия принять начальство над нами; он вырос в нашем

монастыре, и жизнь его по святости превосходит жизнь каждого из нас; никто не может сравниться с ним в трудах послушания; он всегда пребывает в посте и молитве, чтении и писании книг; словом, мы видим его подвизающимся во всех добрых делах. Поэтому мы и хотели иметь его себе отцом, чтобы следовать по его стопам; он же не изъявляет на это согласия, пренебрегая нашей просьбой. Молим тебя, владыка, поставь его нам игуменом, хотя бы против его воли.

— Я тоже, — отвечал епископ, — думал о том, о чем вы сейчас говорите; впрочем, подождите немного, — я попытаюсь убедить его подчиниться нашей воле.

После этого епископ отправился в церковь, так как наступило время святой литургии. Он приказал архидиакону, став на амвоне, возглашать к народу:

— Кто из присутствующих здесь носит имя Левкия?

Никто из народа не отозвался на этот зов, потому что не находилось человека, носившего такое имя. Когда архидиакон воззвал к народу дважды и трижды, святой Левкий, видя, что в народе нет иного Левкия, кроме него, отозвался, сказав:

— Я есмь грешный Левкий!

Все удивились, взглянув на него, и говорили с недоумением:

— Ты Евтропий, сын Евдикиев?

Святой Левкий отвечал на это:

— Спросите моего отца, он вам лучше, чем я, расскажет о моем имени.

Тогда вывели на средину блаженного Евдиклия, честного девяностосемилетнего старца, и спрашивали его:

— Какое в действительности имя твоему сыну?

Он же, видя желание Божие, чтобы открылась тайна о нем и о его сыне, рассказал подробно все видение свое; между прочим, и о том, как глас Божий дважды, во сне и наяву, назвал сына его Левкием. Все, слышащие это, в радости благодарили Бога и, подходя к святому Левкию, приветствовали его с великим уважением. Вслед за этим епископ начал увещевать святого Левкия принять сан игумена со священством. Он отказывался, а народ восклицал:

— Левкий достоин быть не только пресвитером и игуменом, но даже епископом!

И несмотря на нежелание святого Левкия, он был хиротонисан и поставлен игуменом. За этим все светло отправили праздник Успения Пресвятой Богородицы в Ее церкви.

Вступив в управление обителью, святой Левкий усилил свои подвиги и творил чудеса живущею в нем благодатью Святого Духа. Однажды привели к нему бесноватого эфиоплянина, уже оглашенного ко святому крещению. Видя его мучения, святой Левкий сказал бесу:

— Перестань, дух диавольский, мучить человека!

Бес, затрепетав, начал вопить с рыданием:

— Если я выйду из него, то куда пойду? — Не имею дома, лучше этого.

— Нечистый дух, — повторил святой Левкий свое приказание, — оставь создание Божие и не осмеливайся более входить в него; постыженный и посрамленный выйди из того, кого доселе человеконенавистнически мучил, связав веригами твоей темной силы. Войди же в тех людей, которые не веруют в Господа нашего Иисуса Христа и не поклоняются Его животворящему Кресту.

Со страшным криком вышел бес из уст человека в виде черной птицы; при этом он воскликнул:

— Что мне и тебе, раб Божий Левкий, — зачем выгоняешь меня из жилища, которое я избрал себе? Я не хотел входить в человека с белым лицом, обычного вида, но вошел в эфиопа с черным, неприятным для глаз цветом кожи, надеясь, что из такого жилища меня никто не изгонит.

Прогнав диавола крестным знамением, святой Левкий поднял человека с земли здоровым и сподобил его потом крещения. Диавол же удалился в Египет, где принял образ громадных размеров змея; он ползал по улицам одного города, с необычною яростью умерщвляя встречных язычников и иудеев, — мужей, жен и детей; не щадил и животных. Святой Левкий, провидя духом столь человекоубийственную злобу диавола, поспешно отправился в Египет; почувствовав приближение к городу святого, диавол бросился в море, оставив после себя множество трупов, лежащих на улицах. Войдя в город и видя множество оплакивающих с рыданием своих мертвецов, святой Левкий вопрошал:

— Чем вызван такой плач?

Тогда ему сказали, как внезапно появился в городе змей, многих умертвивший и — как он только что сейчас, пред его приходом, бросился в море, где и скрылся. Святой Левкий приказал принести воды, освятил ее и начал ею окроплять мертвых, говоря к ним:

— Восстаньте во имя Господа Саваофа, — вы держимы не узами смерти, но лишь повреждены диавольским ядом; однако вы не в состоянии сами избавиться от действия силы змеиной, которая могущественнее вас по причине вашего нечестия и сердечной слепоты. Восстаньте же силою Бога моего и воздадите славу Создавшему вас.

Во время этой речи святой Левкий касался своим жезлом трупов. И тотчас все, точно пробудившись, восстали и, хватаясь за ноги святого, говорили:

— Бог, Которому подобает кланяться, есть не иной как Тот Отец, Сын и Дух Святой, Коего ты, раб Божий и отец наш, проповедуешь.

Все воскресшие уверовали во Христа, вместе с ними обратилось в христианство еще до трех тысяч мужей; все они крестились с женами и детьми своими, прославляя Господа нашего Иисуса Христа, сотворившего столь дивные чудеса чрез святого Своего Левкия.

По прошествии нескольких лет во Христа уверовал со всем своим домом епарх Александрийский Филипп, побуждаемый к тому примером святой дочери своей Евгении; по истечении некоторого времени он оставил начальство, сделавшись христианским епископом. По страдальческой кончине епископа Филиппа преемником ему единогласно избран был святой Левкий. Между тем в Александрии после Филиппа епархом был сначала Терентий, а потом Сатурнин. Будучи врагом христианства, последний обдумывал со своими советниками-идолопоклонниками, как бы поднять в Александрии гонение на христиан, убив предварительно их епископа, святого Левкия: Сатурнин видел, что он многих обращает из язычества в христианство. И стал епарх изыскивать удобное время для приведения в исполнение своего злого умысла. Верные же из жителей Александрии, узнав об этом, совещались между собою, как бы убить епарха. Тогда святой Левкий, призвав к себе всех христиан, убеждал их оставить свой мятежный замысел и поведал им о бывшем ему от Бога явлении:

— Знайте, возлюбленные, что Господь мой благоволил явиться мне в видении и повелел поставить вам другого епископа, чтобы я мог идти на Запад во Врунтисиополь, ибо город этот нуждается в христианском просвещении.

Услышав это, христиане с рыданием начали припадать к ногам святого, говоря:

— Отче святой! Не оставляй нас сиротами, — не разлучайся с теми, коих приобрел Богу; не покидай нас до своей кончины.

— Вы все знаете, — возразил святой Левкий, — что еще во дни моей юности Господь благоволил о мне открыть отцу моему Евдиклию, как я недостойный восприиму этот святительский сан и как пойду в идолопоклоннический город, в среду народа, не знающего Бога. Так угодно Владыке нашему, чтобы чрез меня недостойного раба Его присоединить тех людей к святой Церкви. Поэтому именно и повелел мне Господь поставить вам иного отца, я же иду на предуказанное мне дело. О епархе же Сатурнине знайте, что нечестивый замысел его о гонении на христиан не исполнится, ибо сократились дни жизни его и близка его погибель: по моем удалении отсюда рушится дом его, похоронив его со всеми домашними под развалинами.

Сказав это и утешив плачущих христиан, он избрал мужа, достойного святительского престола; так поставлен был вместо святого Левкия другой епископ. — Взяв с собою двух своих диаконов, Евсевия и Дионисия, и пять учеников, святой Левкий отправился из города на корабельную пристань. Все христиане, числом пять тысяч, не считая жен и детей, с плачем и рыданием провожали своего епископа.

— Зачем, — восклицали они, — покидаешь нас, отче, не жалея детей своих?

Обернувшись назад и видя плачущих, святой Левкий сам возмутился духом, прослезился и, воздевая к небу руки, сказал:

— Господи, Боже мой Иисусе Христе, если есть Твоя воля, не разлучай меня от этих людей Твоих, на служение которым Ты поставил меня!

Только что окончил он эту молитву, как с неба раздался голос, услышанный всеми христианами:

— Левкий! Не пренебрегай повеления Господня, но садись на корабль и отправляйся с миром, куда тебе повелено.

— Вы слышите, — обратился святой Левкий к сопровождавшим его, — волю Господню, братия? Итак, знайте, что не по своему желанию расстаюсь я с вами.

Простившись со всеми, он вошел в корабль и отправился в путь. В Александрии же, согласно пророчеству святого, внезапно разрушился дом епарха, умертвив вместе с последним и всех находившихся внутри.

После пятнадцати дней корабль приплыл в Адрианополь, не Фракийский, а находящийся в древнем Египте; здесь святой Левкий пробыл немного времени, приняв к себе двух пресвитеров, Леона и Савина. Найдя другой корабль, он сел на него, вручив условленную плату, и приплыл в Гидрунт, где пересел на далматийский корабль, на котором и достиг Врунтисиопольской области. Выйдя из корабля, святой Левкий направился к городу со своим клиром. На пути им встретился трибун[1] Армалеон с его воинами; одного из последних святой Левкий и спросил:

— Кто начальник этого города?

— Разве вы не слыхали, — ответил воин, — о великом Антиохе, господине этой страны?

— Какую же веру исповедует господин твой Антиох? — снова задал вопрос святой Левкий.

Услышав такой вопрос, трибун и воины со смехом сказали:

— Разве есть какая другая вера и какой другой бог, кроме солнца и луны, освещающих вселенную? Не слышат ли уши всех голосов их, гремящих в облаках? Что скорее молнии, исходящей от солнца? Что светлее луны, предвозвещающей своими видоизменениями о наступающих переменах погоды?

— Бедные невежды! — сказал со вздохом святой Левкий. — До вас еще не достигло божественное просвещение и потому вы не знаете, что солнце и луна — создание Божие и повинуются повелению Господа, свершая свое беспрерывное течение. И не следует называть их богами: в них нет ничего Божественного; они даже не могут стоять на одном месте, но постоянно движутся, восходят и заходят, закрываются то облаком, то ночною тьмою и бывают то видимы, то сокрыты от глаз. И настолько свет их отличен от присносущного

[1] *Трибун* — начальник отряда воинов.

Света, то есть Бога, почитаемого нами, насколько создание отлично от Создателя. Бог наш, создавший солнце, луну, небо и землю со всем, наполняющим их, и есть Свет истинный, просвещающий всех в Него верующих. Он сотворил сияние солнца и луны, повелев им служить людям, населяющим поднебесную, — солнце да светит днем, а луна — ночью. И если бы вы познали невидимый Свет — Бога нашего, то никогда бы не преклонялись пред видимыми светилами.

— Какой же это свет, — спросил трибун Армалеон, — о котором ты говоришь, что он невидим нашими очами?

— Христос, сын Божий, — пояснил святой Левкий, — рожденный Девою Мариею от Святого Духа.

И рассказал им все о Христе — как Он родился, как жил среди людей, как пострадал Своею волею, умер, в третий день воскрес, вознесся на небо, сел одесную Бога Отца и — как Он придет судить весь мир, чтобы каждому воздать по его делам. С умилением слушали воины поучение святого Левкия; уверовав в его слова, как в истину, они пали пред ним на землю, говоря:

— Молим тебя, отче, соделай нас участниками вечной жизни!

Он после оглашения крестил их; число новообращенных было шестьдесят семь мужей. Сопровождаемый ими и клиром святой Левкий вошел в город. Так положено было начало просвещению Врунтисиополя светом Христова учения.

Князь Антиох, узнав, что трибун Армалеон уверовал во Христа вместе со своими воинами, призвал его к себе и спросил:

— Правда ли то, что я слышу о тебе, Армалеон? Будто ты с подчиненными тебе воинами сделался христианином?

Армалеон молчал. Тогда Антиох с гневом сказал:

— Почему ты не отвечаешь мне?

— Разве тебе, — спросил трибун, — необходимо нужно гневаться на меня за то, что я теперь христианин?

— Я спрашиваю тебя, — возразил Антиох, — без всякого гнева: скажи нам, кто тебя научил христианской вере? Мы все знали тебя за человека мудрого в наших учениях, который доселе отвергал христианство, и теперь удивляемся, каким путем ты превратился в христианина?

— До сих пор, — отвечал Армалеон, — я был слеп и блуждал в сени смертной, и ныне, просвещенный благодатиею Божиею, я прозрел и пребываю в надежде вечной жизни.

— Какая это жизнь вечная, о которой ты говоришь? — спросил Антиох.

— Если хочешь, можешь познать ее, — предложил трибун.

— Если действительно ты покажешь нам ее, — рассуждал Антиох, — то конечно, хочу видеть и разуметь; впрочем, я не думаю, что есть иная жизнь, кроме настоящей, и не верю, что существует иной свет и Бог, кроме солнца и луны.

— Солнце и луна, — сказал Армалеон, — не боги, но создание Божие, утвержденное Господом на небе не с тою целью, чтобы привлекать кого-либо на служение себе, но затем, чтобы служить, освещая землю, разумному созданию, то есть человеку, живущему на земле.

С удивлением выслушал Антиох эти слова трибуна и спросил его:

— Кто тебя научил такой мудрости?

— Меня просветил, — сказал он, — один александриец, по имени Левкий, недавно сюда пришедший.

В это время святой Левкий находился за городом на месте зрелищ против западных ворот Врунтисиополя; он учил здесь народ вере Христовой, крестя приступающих к Господу Иисусу. Антиох послал за ним, с честью прося его прийти к нему. Увидев архиерея Божия, он сказал ему:

— Если хочешь, чтобы мы уверовали в проповедуемого тобою Бога, то умоли Его послать на нашу землю дождь, которого мы не видим вот уже два года. От бездождия земля наша иссохла и утратила прежнее плодородие, почему народ пребывает в скудости и нужде.

Святой Левкий, созвав свой клир и всех новокрещеных христиан, сотворил общее усердное моление к Господу Богу, и тотчас небо покрылось облаками, из коих полился обильный дождь, напоивший всю землю той страны. Тогда уверовал во Христа весь город во главе с Антиохом, так что крестилось двадцать семь тысяч человек, и все славили Христа, Бога нашего. Построили среди города церковь во имя

Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии; другой же храм, во имя Иоанна Крестителя, поставили на том месте, где был крещен народ. Так просветился весь Врунтисиополь светом святой веры.

Уча и утверждая в вере новопросвещенных, святой Левкий сильно разболелся и по откровению Божественному узнал, что болезнь его смертельна. Призвав к себе Антиоха, он завещал ему предать погребению его тело на том месте, где пристал к земле их корабль. Затем, воздев руки, он сотворил молитву о своей пастве, преподал всем последнее благословение и прощальный привет с пожеланием мира; после чего и преставился ко Господу, оплакиваемый всем городом[1]. Взяв честно́е тело святого, Антиох перенес его с подобающими почестями на место, где святой, прибыв из Александрии, вышел на землю из корабля. Создав здесь церковь во имя святого Левкия, Антиох положил в ней честны́е мощи угодника Божия. И многие чудеса совершались от гроба его во славу Отца и Сына и Святого Духа, — Бога, в Троице славимого, Ему же от всей твари хвала, благодарение и поклонение вовеки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА **МЕФОДИЯ**, епископа Патарского

Угодник Божий Мефодий, с юных лет предавший себя на служение Господу, явился честным сосудом, приявшим Святого Духа; за это, по избранию божественному, он сподобился епископского достоинства, став архипастырем словесных овец города Патары, в Ликийской области[2]. Святой Мефодий руководил свое словесное стадо с богоугодным тщанием, направляя его к совершенству кроткими поучениями. Во дни епископства святого Мефодия возникла Оригенова ересь[3], обольщавшая многих; видя ее возрастание, святой

---

[1] Некоторые известия относят кончину святого Левкия к V веку.

[2] В Малой Азии.

[3] *Ориген* — знаменитый учитель Александрийской церкви, чудо своего века по уму и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким

Мефодий, как пастырь выдающийся, точно огнем попалял ересь своими обличениями, — учением, исполненным мудрости и Божественной благодати, он истребил нависшую над верными еретическую мглу. Его боговдохновенные наставления облистали вселенную подобно молнии, и как звук разумной трубы по всей земле раздался голос его поучений. Поэтому невидимый враг был не в состоянии выносить той ревности, какою одушевлен был святой Мефодий в своих великих трудах, подъемлемых ради благочестия, ради Церкви Христовой; он вооружил против святого епископа своих видимых

уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, был осужден как еретик на двух местных Александрийских соборах и по кончине — на Константинопольском соборе 543 года. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он не право мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих, сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества, по его *ошибочному* мнению, немыслимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, которыми одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, например о том, что диавол может спастись, и в толковании Святого Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, в ущерб историческому смыслу Писания. Но, во всяком случае, заслуги Оригена перед Церковью значительны. В своих школах он воспитал многих замечательных отцов и учителей Церкви, из которых некоторые ему обязаны своим обращением из язычества в христианскую веру, с которой он хотел согласовать знание и философию. Особенно замечательны его труды по изучению Святого Писания, — истолкованию, а главное, — по восстановлению и очищению подлинного текста; замечательны и сочинения Оригена, направленные к защите христианства против его врагов и еретиков. — В гонение Декия Ориген удостоился славы мужественного исповедника Христова, скончался семидесятилетним старцем в Тире в 254 году.

Мучение святого Мефодия

слуг, — язычников, поклоняющихся идолам; по его наущению язычники вознамерились предать мучительной смерти служителя Божия, еще прежде страданий облекшегося в «живоносное умерщвление». Схватив святителя Христова, язычники отсекли ему мечом честную главу. И перешел святой Мефодий в лучшую жизнь; как жертва живая принесся Богу тот, который вначале служил Агнцу Божию, а потом сам заклан был как агнец. Так увенчался двойным венцом добрый подвижник благочестия, боровшийся с ересями и Христа исповедавший пред язычниками безбоязненно, даже до пролития крови и мученической кончины, которая последовала в царство Аврелиана[1]. Аминь[2].

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
АРИСТОКЛИЯ, ДИМИТРИАНА и АФАНАСИЯ

Святой мученик Аристоклий, родом киприянин из города Тамаса, был соборным пресвитером. Во дни царя Максимиана[3], когда над христианами разразилось великое гонение, святой Аристоклий удалился в пустыню, где и скрывался в одной горной пещере: здесь во время молитвы его однажды облистал свет, превосходивший солнечный, и с неба послышался голос, повелевавший ему идти в Сала-

---

[1] 270–275 гг. Но более вероятно предположение, что смерть святого Мефодия последовала позднее 310–312 года.

[2] От святого Мефодия сохранились письменные труды, относящиеся: 1) к защищению святой веры против язычества, 2) к изложению догматов веры особенно против заблуждений Оригена, 3) к нравственному учению и 4) к объяснению Святого Писания.

[3] *Максимиан Галерий* правил с 305 по 311 год.

минскую митрополию, что на Кипрском острове, и там восприять мученический подвиг за исповедание имени Христова. Укрепленный явлением света и Божественным гласом он тотчас же, оставив боязнь мучений, пошел, куда было повелено. По пути, пролегавшем в лесу, он зашел в храм святого апостола Варнавы и здесь нашел диакона Димитриана и чтеца Афанасия, которые встретили его с любовью. Во время беседы святой Аристоклий открыл им о причине своего путешествия в город Саламин, рассказав о бывшем ему видении. Димитриан и Афанасий после этого рассказа возымели непреодолимое желание идти вместе с Аристоклием, чтобы умереть за Христа. Когда они достигли города Саламина, то, встав на возвышенном месте, на виду у всех, начали громким голосом проповедовать об Иисусе Христе, Его прославляя, а языческих богов, бесчувственных идолов похуляя; язычники тотчас же схватили проповедников и представили на суд к правителю для допроса. Последний, узнав, что они христиане, и видя их непоколебимую преданность святой вере, повелел пресвитера Аристоклия усечь мечом; святых же Димитриана и Афанасия после многих мук он предал на сожжение; но после того как святые мужи пробыли в огне живы и невредимы, правитель осудил и их на усечение мечом. Так скончались[1] страстотерпцы Христовы, украсившись мученическим венцом.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **ИННЫ, ПИННЫ И РИММЫ**

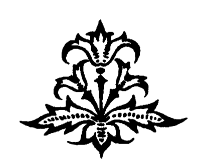
Эти святые мученики происходили из северных стран, из земли варварской[2]. Они были учениками апостола Андрея[3] и многих

[1] Около 306 года.

[2] В Месяцеслове императора Василия сказано, что святые мученики были родом из Скифии, из северных ее пределов, а по мнению проф. Е. Голубинского (История Русской Церкви, т. I, первая половина, изд. 2, стр. 31 и прим. 2), они происходили из Готфии дорийской, занимавшей узкую приморскую полосу земли в нынешнем Крыму между Балаклавой и Судаком.

[3] Никодим в своем синаксаристе не называет этих святых мучеников учениками апостола Андрея.

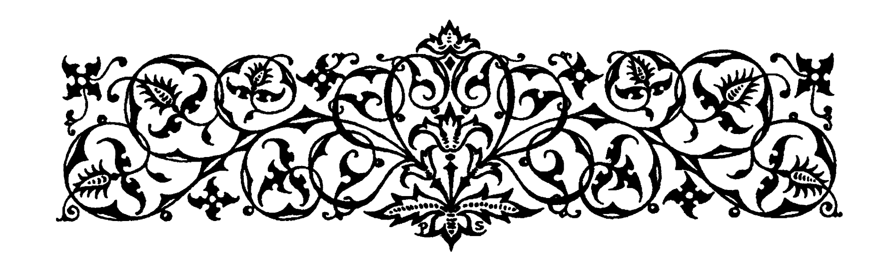
из варваров от почитания кумиров обратили к вере во Христа. За это они были схвачены и представлены правителю варваров, который хотел было обольстить их различными соблазнами и лестными обещаниями, но они не склонились на предложенные им почести и за свою твердость в вере во Христа биты были без пощады. Так как в то время стояла суровая зима и реки замерзли настолько, что их можно было переходить по льду, то посредине реки поставили и утвердили на льду прямые дерева и привязали к ним святых мучеников. Когда под тяжестью деревьев лед стал пригибаться, то вода поднялась до их шей, и они в таком положении предали святые души свои Господу. Некоторые христиане похоронили тогда тела их, но потом епископ[1] вынул их из могилы и, взяв на плечи свои, положил в своей церкви. Спустя семь лет после кончины своей святые мученики явились тому же епископу и повелели ему перенести мощи их в местечко, называемое Аликс, в сухое пристанище[2].

---

[1] В славянской редакции Месяцеслова императора Василия епископ этот назван Годдою, а имя Годда — готфское.

[2] *Аликс* есть нынешняя *Алушта*, находящаяся на берегу Черного моря в сорока двух верстах на северо-восток от Ялты. «Сухое пристанище» означает морскую пристань.

День двадцать первый

ПАМЯТЬ
СВЯТОГО МУЧЕНИКА
ИУЛИАНА ТАРСЯНИНА

Святой Иулиан, сын сенатора-язычника и матери христианки, родился в киликийском[1] городе Аназарве. По смерти мужа мать святого Иулиана переселилась из Аназарва в киликийский же город Тарс[2]. Здесь она крестила отрока Иулиана в христианскую веру и воспитывала его, обучая вместе с книжным учением истинам веры и правилам благочестия христианского.

Когда Иулиану исполнилось восемнадцать лет, то поднялось сильное гонение на христиан, воздвигнутое императором Диоклетианом[3]. В числе других христиан был взят и святой Иулиан и приведен на суд к игемону Маркиану[4]. Но ни жестокие истязания, ни угрозы, ни обещания даров и почестей не могли склонить благочестивого юношу к принесению языческих жертв и к отречению от Христа. Целый год водили Иулиана по разным городам Киликии, везде подвергая истязаниям, но он, подобно адаманту[5], оставался непреклонен в исповедании веры в Иисуса Христа. Когда святого

---

[1] *Киликия* — юго-восточная римская провинция в Малой Азии.

[2] *Тарс* — большой и населенный город в южной части Киликии, при реке Кидне, недалеко от него впадающей в Средиземное море. И в настоящее время Тарс — еще довольно значительный город.

[3] *Диоклетиан* царствовал с 284 по 305 год.

[4] *Игемон* — правитель области.

[5] *Адамант* (алмаз) — камень, имеющий такую крепость, что чертит прочие камни, сам не получая от того вреда. Это название в церковной литературе придается многим святым, прославившимся твердостью своей веры.

Иулиана привели в город Эгею[1], то там нечестивые язычники силою открыли рот святому мученику и вкладывали туда идоложертвенное мясо и кровь, желая нечестивыми жертвами осквернить чистого и святого раба Христова. После этого святой Иулиан был ввергнут в темницу. Сюда к нему пришла его благочестивая мать, которая всюду сопутствовала Иулиану, умоляя Господа укрепить сына ее в страдальческом его подвиге. Когда же мучители взяли мать святого Иулиана и привели ее на суд, то она просила игемона позволить ей в продолжение трех дней навещать сына своего в темнице, дабы убедить его поклониться идолам. Игемон разрешил ей невозбранно приходить к сыну ее в темницу. Она же, проводя с ним в темнице дни и ночи и с материнскою любовью беседуя с ним, со слезами увещевала его претерпеть до конца временные мучения, дабы сподобиться от Господа вечных благ в царстве мучеников.

По прошествии трех дней святого Иулиана вместе с матерью привели на суд к игемону. Думая, что мать уже уговорила сына к принесению идольских жертв, игемон стал хвалить ее за это увещание, но та громко и безбоязненно начала исповедовать имя Иисуса Христа и обличать языческое безбожие. Также и святой Иулиан неустрашимо исповедовал и прославлял Иисуса Христа — Единого истинного Бога и обличал языческое многобожие. Тогда разгневанный игемон повелел мучить обоих — и мать и сына. Матери святого, после многих истязаний, отрубили ступни ног, которыми она шествовала за своим сыном, следуя за ним из Тарса; святого же мученика Иулиана положили в мешок, наполненный песком и разными ядовитыми гадами, и бросили в море. Так кончил свои страдания святой Иулиан. Чрез несколько времени скончалась в страданиях и благочестивая мать его, — и оба получили венец победы от Христа Бога.

Тело святого Иулиана было вынесено волнами на берег, где его нашла одна благочестивая вдова из Александрии и с честью предала погребению. Впоследствии святые мощи Иулиана перенесены были в Антиохию[2]. Святой Иоанн Златоуст[3], когда был пресвитером

---

[1] *Эгея* — один из приморских городов в Киликии.

[2] *Антиохия* — древнейший город Сирии, лежит при реке Оронте, верстах в десяти от впадения ее в Средиземное море.

[3] *Святой Иоанн Златоуст* — знаменитый отец Церкви IV и начала V века; память его — 13 ноября.

в Антиохии, почтил память святого мученика Иулиана похвальным словом.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ
ИУЛИЯ пресвитера и ИУЛИАНА диакона

Родина святых Иулия и Иулиана была страна Мирмидония[1]. Оба они были родные братья и с младенчества были воспитаны в христианском благочестии и получили доброе наставление в книжном учении. Достигши совершенного возраста, они стали проводить жизнь в девственной чистоте, служа Богу постом и молитвою, поучаясь день и ночь в законе Господнем. За такое богоугодное житие они были удостоены церковных степеней: Иулий был рукоположен во пресвитера, а Иулиан — во диакона; и были они в Церкви Христовой, как два светильника, сияя добрыми делами и прославляя ими Отца небесного. В то время среди пшеницы святой веры еще было много плевел идолопоклоннического заблуждения. Хотя Восток и Запад находились в то время уже во власти христианских царей и благочестие всюду процветало, однако еллинское нечестие не было еще истреблено до конца, в особенности по селениям, где люди в неразумной слепоте еще держались древнего идолослужения. И вот сии два раба Христова, преисполненные ревностью по Боге, прибыли в Царьград к благочестивому царю Феодосию Младшему[2] и просили дать им его царскую грамоту, дабы им беспрепятственно можно было в греко-римской области уничтожать идолов, разорять и сжигать капища и посещать рощи и сады, насажденные в честь идолов, и взамен того созидать храмы Божии и распространять славу имени Иисуса Христа. Царь дал им на это разрешение, подтвержденное грамотою, в которой было присоединено повеление, чтобы везде по окрестностям и городам все правители епархии (областеначальники, князья, различные сановники и градоначальники) повиновались Иулию и Иулиану во всех делах,

---

[1] То есть остров *Ешна*.

[2] Император *Феодосий Младший* царствовал с 408 по 450 год.

Прп. Иулий

и на строение храмов Божиих доставляли им все потребное. Получили они и от святейшего патриарха благословение на проповедь и на созидание и освящение церквей. И вот эти два святые воина Христова, как два апостола, отправились в страны греко-римского царства, проповедуя язычникам имя Иисуса Христа, и обращали многих ко Христу Богу, утверждая их веру не только словом, но и чудесами; ибо от Бога им дана было благодать и сила исцелять недужных, изгонять бесов, — и везде разоряли они идольские храмы, идолов уничтожали. В тех же местах, где еллины в ожесточении своем оказывали им сопротивление, и там, показав царское повеление правителям и градоначальникам и получив от них помощь, святые исполняли свое дело. Они созидали множество церквей не только на пособия из царской казны, но и от щедрого подаяния истинно верующих христиан: ибо все и повсюду, видавшие таких учителей, просветителей и чудотворцев, не жалели своего имущества, жертвуя его на святое дело. Таким образом они прошли Восток и Запад и создали до ста церквей. Чудеса же, явленные ими, бесчисленны, так что невозможно подробно их передать, и разве только некоторые можно воспомянуть.

Однажды при постройке церкви в Вивлах, созидавшейся старанием святых братьев, один из работников по неосторожности отсек себе железным орудием большой палец на левой руке, так что вытекло очень много крови и человек тот упал от изнеможения и боли как мертвый. Святые, увидев это, взяли отсеченный палец, приложили его к суставу, осенив больное место крестным знамением, и палец тотчас прирос к суставу своему, и рана закрылась. Святые, подняв с земли человека того здоровым, подали ему в руки его железное орудие, сказав при этом:

— Крепись и трудись во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

В другое время, святые находились в Медиоланской епархии[1], близ города, называемого Гавдианом. Здесь они, очистив от идольских капищ некое селение, сами трудились над построением церкви (девяносто девятой по числу построенных ими церквей). Вместе с ними трудилось над этой постройкой, помогая им, множество верующих. Случилось мимо того места проезжать каким-то людям. Увидав трудившихся над постройкою храма, решили сами с собою, что строители задержат их и, хотя бы они не желали, будут убеждать их принять участие в работе[2]. И так как им это место не возможно было миновать, то они поступили так: одного из своих положили в повозке, как бы мертвого, сделав вид, что везут умершего для погребения. Лишь только они приблизились к самому месту постройки церкви, святые братья обратились к ним со словами:

— Дети! Помогите нам в нашей работе.

Они же в ответ сказали:

— Мы не можем медлить, потому что везем мертвеца для погребения.

— Не лжете ли вы, дети? — спросил святой Иулий.

— Нет, отче, — отвечали они.

— Так пусть же будет вам по слову вашему, — сказал им на это святой Иулиан.

И люди те отправились своей дорогой. Удалившись немного далее, они сказали притворившемуся мертвым, чтобы он встал. Но он не вставал; тогда они начали сильнее толкать его, думая, что он спит. Однако вскоре они убедились, что он действительно умер. Чудо это сделалось известным всюду, и все были в страхе и ужасе, так что никто с того времени не дерзал говорить святым ложь.

Через некоторое время после этого святой Иулий пресвитер сказал однажды своему брату, святому Иулиану:

— Оставайся ты, брат, строить здесь эту девяносто девятую церковь, а я пойду поищу другое место, где бы можно было создать сотую, дабы по создании ста церквей на земле, по благодати Божией,

---

[1] *Медиолан* — ныне *Милан* в Италии.

[2] По обычаю того времени, в построении церкви должны были принимать участие все случившиеся около места постройки. Приезжие, в силу этого обычая, не могли бы отказаться помочь строителям, если бы были приглашены.

быть нам переселенными в Церковь нерукотворенную, вечную на небесах.

Сказав это, Иулий отправился в путь. Пройдя расстояние около двух миль, он подошел к озеру, называемому Мукорос. Озеро то очень велико; на нем он увидал большой остров, очень красивый, на котором никто не обитал. Смотря издали на тот остров, святой стал размышлять, как бы ему переправиться на него. А так как поблизости не было лодки, то от встал на молитву и, преклонив колена, помолился, сказав:

— Господи Боже всесильный, Иисусе Христе! Твоею всемогущею силою подай мне, чтобы эта милоть[1] моя, которая на мне, послужила бы мне вместо лодки, дабы, находясь на ней, и я, управляемый Твоею десницею, мог переправиться на тот остров, не погрузившись в воду.

Помолившись так, он распростер свою милоть на воде и, сотворив крестное знамение, взошел на нее, — и милоть, как лодка, не погружалась в воду. Святой же, держа в руках жезл, и как веслом гребя воду, управлял чудесною ладьею из милоти и достиг до того острова. Выйдя на остров, он обошел его вокруг и очень радовался, видя его красоту. Посреди острова святой Иулий увидел громадный камень, занимавший большое пространство. На нем решил он построить сотую церковь во имя святых двенадцати апостолов. Но на острове том водились в большом количестве змеи и всякие ядовитые гады, почему никто из людей не осмеливался даже приблизиться к тому острову. Святой, взойдя на тот камень, сделал из небольшого деревца крест и водрузил его в небольшую расселину в камне. Помолившись затем Богу, он созвал к себе именем Иисуса Христа всех змей и гадов — и собралось их великое множество к нему. Святой сказал им:

— Уже довольно пожили вы на месте сем, ныне же именем Пресвятой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, повелеваю вам уйти с этого острова и предоставить место это для дома Божия и для рабов Христовых, намеревающихся обитать здесь.

Лишь только святой произнес это, как все змеи и гады, как бы поняв его слова, тотчас повиновались его повелению, и, собравшись

---

[1] *Милоть* — верхняя одежда, мантия, плащ.

все вместе, удалились к западной стороне острова; затем, погрузившись в озеро, переплыли на другую сторону к горе, называемой Камункин, и там поселились, устроив гнезда, а остров очистился от гадов. Святой же, как и в первый раз переправившись обратно, направился к христианским селениям, находившимся в окрестности, и, получив от них помощь и все необходимое, возвратился на лодках с рабочими на остров; потом, заложив на камне церковь во имя святых двенадцати апостолов, занялся ее постройкою.

В то время брат его святой Иулиан, окончив постройку церкви, что около города Гавдиана, задумал устроить в ней гробницу для брата своего Иулия и начал строить его. Святой же Иулий, узнав об окончании постройки той церкви, пошел, чтобы посмотреть ее и вместе посетить своего брата. Когда он пришел туда, тот встретил его с такими словами:

— Вот, брат, с Божиею помощью и по твоим молитвам церковная постройка окончена, только строится еще гробница для тебя, дабы в нем по преставлении твоем почивало твое тело.

Но святой Иулий, исполненный пророческого дара, сказал на это святому Иулиану:

— Поспеши скорее докончить постройку этой гробницы, ибо тебе самому придется почить в ней.

И это сбылось. Когда гроб был устроен, святой Иулиан-диакон преставился ко Господу. Святой же Иулий, предав с честью погребению тело брата, возвратился опять на остров, где и продолжал постройку церкви, посвященной апостолам. Окончив построение церкви, он устроил в ней гробницу для себя, потому что предвидел приближавшуюся кончину свою, так как был уже в преклонных летах. В то время в Медиолане от царя был назначен епархом для управления всею тою страною один сенатор, по имени Авдентий, человек благородного происхождения, добродетельный и благочестивый. Узнав о святом Иулиане, он с домашними пожелал побывать на острове Мукоросе, чтобы видеть человека Божия Иулия-пресвитера и посмотреть церковь, устроенную им; сев на корабль, они отправились. Прибыв на остров, Авдентий сподобился получить благословение от святого и беседовать с ним о духовных предметах, а также и осмотрел церковное здание; после этого он обратился к святому с такими словами:

— Отче! Если ты еще что намерен строить, то скажи мне, и я из своего имения буду помогать тебе, ибо с радостью готов служить вам во всем нужном.

Святой ответил на это:

— Чадо! Строить нам более ничего не требуется, остается устроить только около моего гроба гроб для тебя, потому что тело по твоей кончине будет почивать в этой церкви.

Авдентий ответил:

— Пусть твой гроб, отче, будет здесь, а я уже устроил себе гроб в Медиолане.

— Поверь мне, чадо, — сказал ему на это святой Иулий, — что тело твое будет погребено около моего тела, а не в другом каком-либо месте.

Побеседовав довольно со святым и получив от него благословение, Авдентий возвратился в Медиолан. В непродолжительном времени святой Иулий преставился ко Господу и был погребен в своем гробе, от которого по молитвам его подавались многие исцеления болящим. По преставлении святого Иулия, заместителем его был благочестивый пресвитер Илия. По прошествии нескольких лет скончался и Авдентий, Медиоланский епарх, и был положен в своем гробе, в Медиолане; но утром на другой же день он был найден лежащим вне своего гроба, не выброшенный кем-либо из него, но как бы вынесенный из него и бережно положенный. Тело его положили обратно в тот же гроб, но и во второй раз он был найден лежащим вне гроба; то же произошло и в третий раз. Хотели положить его на другом месте, но нигде не находилось места для его погребения. Тогда домашние вспомнили слова святого Иулия, сказанные Авдентию, что он ни в каком другом месте не будет погребен, как только рядом с телом его; и отвезли тело Авдентия на остров Мукорос. Блаженный Илия с крестами, кадилами и со свечами встретил тело епарха и с подобающими почестями предал его погребению при гробе преподобного Иулия.

Так исполнилось пророчество святого, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

День двадцать второй

ЖИТИЕ и СТРАДАНИЕ святого священномученика **ЕВСЕВИЯ**, епископа Самосатского

Святой Евсевий был епископом города Самосаты[1], находившегося под управлением антиохийского патриарха. Он был мужем правоверным, благочестивым, исполненным ревности по Боге, постоянным и непоколебимым в православном исповедании в то самое время, когда усилившаяся ересь Ария[2] приносила большой вред и сильно смущаемая Церковь Божия колебалась, как корабль посреди моря в бурю.

По смерти святого великого царя Константина[3] в восточной половине царства его вступил на престол сын его Констанций[4], который, как арианин, стал во всем помогать арианам и преследовать их выгоды. Поэтому в его царствование православным пришлось испытать большое гонение и стеснение от ариан, от которых и святой Евсевий перенес немалые страдания за свою ревность по православию.

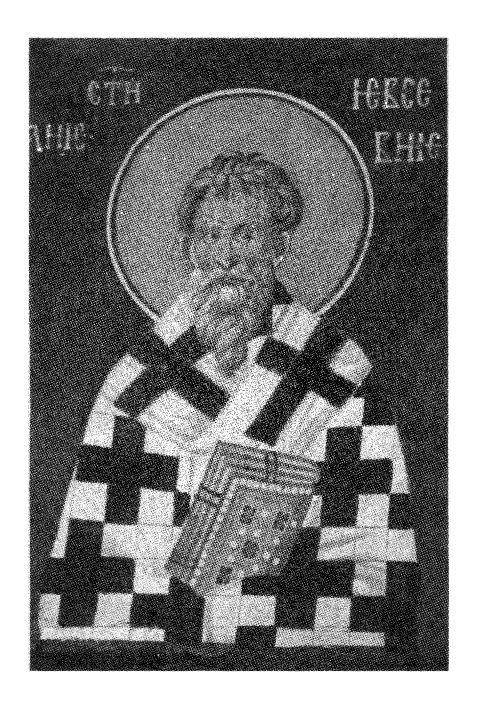
---

[1] *Самосаты* — главный город сирийской провинции Коммагены; был расположен на западном берегу реки Евфрата, ныне — Самсат.

[2] *Арий* отрицал единосущие Сына Божия с Богом Отцом, почитал Иисуса Христа творением и не признавал за Ним божественного совершенства. Ересь Ария подверглась решительному осуждению на I (325 г.) и II (381 г.) Вселенских соборах.

[3] *Император Константин* царствовал с 306 по 337 год.

[4] *Констанций II* правил с 337 по 361 год.

Ревность святого Евсевия о Церкви Христовой стала известна всем после следующего события.

Когда Евдоксий, патриарх Антиохийский, арианин, перешел из-за богатства на Цареградский престол[1], тогда по этому случаю в Антиохии был собран собор всех сирских епископов для избрания патриарха на место Евдоксия. Ввиду того, что не только между народом христианским, но между епископами было мало православных, и многие арианствовали, следуя за нечестивым царем, вероучение вновь избранного патриарха должно было иметь большое значение для Православной Церкви. Об этом и позаботился святой Евсевий, который на соборе занимал не последнее место между епископами-первоседателями. Зная хорошо епископа Севастийского, в Армении, Мелетия[2], как правоверующего и твердо держащегося символа I Вселенского Никейского собора, Евсевий всем советовал, чтобы этого епископа избрали на патриаршество. Арианствующие, не зная Православия Мелетия и думая, что он будет их единомышленником, охотно послушались совета Евсевия. Они составили общий относительно Мелетия приговор, подтвердили его своей подписью и отдали на хранение святому Евсевию. Затем, когда получили царское согласие на это избрание, от лица епископов было отправлено известие об избрании к святому Мелетию, и последний был приведен в Антиохию, где его встретили с великою радостью. Святой Мелетий в сане патриарха стал учить свою паству прежде всего благим нравам и добродетельной жизни: этим он старался сгладить для строптивых сердец путь к правоверию. Святой ожидал, что, исправив

---

[1] *Евдоксий* патриаршествовал в Антиохии с 357 по 358 год; в Константинополе — с 360 по 370 год.

[2] Память святого Мелетия совершается 12 февраля.

злые нравы, исторгнув терния и волчцы, он с большим успехом может посеять семена Православия среди своей паствы. По прошествии недолгого времени народ захотел удостовериться, какого исповедания держится их новый патриарх, о чем и стали просить патриарха. По этому случаю святой Мелетий произнес в церкви проповедь к народу, в которой восхвалял православную веру, утвержденную на I Вселенском соборе в Никее, и исповедовал Сына соприсносущным и соестественным Отцу, не созданным и Творцом всей твари. После такой всенародной проповеди ариане пришли в смущение и сильно разгневались, а православные возрадовались, видя на апостольском престоле такого православного архиерея. С яростью выгнали ариане патриарха из церкви в тридцатый день по вступлении его на патриаршество и стали везде хулить его, называя его приверженцем еретика Савеллия[1]. Затем, по их просьбе, Мелетий был осужден царем в заточение и ночью из Антиохии был отослан в ссылку. На место его ариане избрали в Антиохию Евзоя — арианина.

Святой Евсевий Самосатский, видя, какое волнение произвели еретики в Антиохийской церкви, видя также и незаслуженное поношение, какое оказали ариане новому архиепископу Мелетию, никому ничего не говоря, вышел из Антиохии и отправился в свой город. По отшествии Мелетия, ариане вспомнили, что у Евсевия находится на хранении, подписанный руками епископов, документ об избрании Мелетия. Вспомнив это, они пришли в немалое смущение, боясь того, как бы Евсевий на соборе не стал обличать их, что они сами своею волею избрали себе архиепископа и тотчас же изгнали его. Поэтому ариане стали просить царя, находившегося тогда в Антиохии, послать к Евсевию с просьбою возвратить вверенный ему документ. Царь немедленно послал за приговором гонца к Евсевию. Посланный, прибыв к епископу, передал ему царское повеление, на что святой Евсевий так отвечал:

— Я не отдам общий приговор, вверенный мне, до тех пор, пока все, вверившие мне этот приговор, не соберутся вместе (на собор).

---

[1] *Савеллий*, еретик III века, утверждал, искажая православное учение о Святой Троице, что Бог имеет Одно Лицо: как Отец, Он соприсутствует на небе, как Сын — на земле и как Дух Святой — в творениях.

Посланник возвратился ни с чем, за что царь сильно разгневался и снова послал его, написав строгое повеление, если епископ не пожелает отдать приговор, отсечь ему правую руку. Последнее царь написал для устрашения святого, делать же это он не осмелился приказать посланнику. Когда царский гонец догнал епископа и показал ему грозное послание, святой Евсевий, прочитав его, тотчас протянул две руки на отсечение со словами:

— Не только одну правую руку, но и левую отрубите; все-таки я не отдам приговора, обличающего злобу и беззаконие ариан.

Снова посланный возвратился без приговора и рассказал обо всем царю. Царь, услыхав ответ святого епископа, очень удивился его безбоязненному мужеству и твердости, за что впоследствии восхвалял Евсевия пред многими.

По прошествии нескольких лет умер злочестивый царь Констанций, после которого стал царствовать Юлиан Отступник[1]. Этот царь сначала возвратил святого Мелетия из заточения на Антиохийский престол, но потом снова изгнал его.

В царствование Юлиана Церковь Христова испытала еще бóльшее зло, чем в царствование Констанция. К арианской ереси, смущающей всех правоверных во вселенной, присоединилось гонение от идолопоклонников. Сам царь явно отрекся Христа и стал открыто приносить жертвы идолам. На Церковь Христову и на христиан было воздвигнуто гонение, которое было направлено главным образом против духовенства. Эти гонения привели к тому, что многие православные церкви (в это время) остались без своих служителей, святительские престолы — без архиереев, из которых одни были умерщвлены, а другие разогнаны или арианами — в царствование Констанция, или идолослужителями — в царствование Юлиана. Было до того тяжело, что если бы Господь не прекратил жизнь и царствование Юлиана, то едва ли осталась бы в целости какая-либо церковь со своими служителями.

В такое лютое время святой Евсевий, утаив свой сан святительский, оделся в воинские одежды и в таком виде стал обходить Сирию, Финикию и Палестину, утверждая христиан в православной вере. Где он находил церковь без служителей, там он поставлял

---

[1] *Юлиан Отступник* царствовал с 361 по 363 год.

иереев и диаконов и прочих клириков и везде поставлял епископами только тех, которые отвергали ересь Ария и мудрствовали православно. Вот какую ревность о Христе, каков труд, какое старание и попечение имел великий архиерей Божий Евсевий о Христовой Церкви в это время!

После позорной смерти Юлиана, стал царствовать благочестивый и христолюбивый царь Иовиан[1], при котором святой Мелетий был снова возвращен на престол. В это время святой Евсевий и прочие православные архиереи стали с дерзновением, не боясь язычников, управлять своей паствой. По совету святого Евсевия, Мелетий собрал Поместный собор в Антиохии, на котором было двадцать семь епископов; между ними первым после Мелетия был Евсевий. На этом соборе был Пелагий, епископ Лаодикийский, о непорочной и святой жизни которого рассказывают следующее.

В юности своей Пелагий был убежден своими родителями вступить в брак, но когда был введен в чертог, то убедил свою невесту сохранить девство в чистоте. Так под видом супружества он пребывал с женой в нетленном девстве, как брат с сестрой. Кроме этого, он отличался и многими другими добродетелями, ради которых был почтен от Бога и от людей святительским саном. Пелагий обнаруживал большую любовь к святому Мелетию и святому Евсевию и был их единомышленным другом и вместе с ними поборником по благочестию. На упомянутом выше Поместном Антиохийском соборе святые отцы повелели всем исповедовать и православно содержать единосущие Сына со Отцом, а также и то вероучение, которое было утверждено на I Вселенском соборе. К этому определению присоединились ариане и приложили свои подписи, хотя сделали это лицемерно, на время, из угождения царю православному, а главным образом боясь православных архиереев, святых Мелетия, Евсевия и Пелагия, пользовавшихся от царя большим уважением. Благочестивый царь сильно любил этих столпов церковных за их правоверие и святую жизнь и слушал их во всем, почему они и были страшны еретикам, которые из боязни к ним присоединялись к Церкви.

---

[1] *Иовиан* управлял Римской империей с 363 по 364 год.

По смерти недолго царствовавшего благочестивого царя Иовиана вступил на престол Валент[1] и еретики снова возвратились к своему зловерию, как псы на свои блевотины[2], прежде всего совратив царя в арианство чрез жену его арианку Домнику. Православная Церковь снова стала терпеть притеснения, и епископы ее подверглись изгнанию. Святой Мелетий был изгнан в Армению, святой Пелагий — в Аравию, святой Евсевий был осужден в заточение во Фракию.

Неправедный приказ неправедного царя относительно изгнания Евсевия был доставлен в Самосаты к вечеру. Святой Евсевий, узнав об этом, призвал к себе царского посланного и сказал ему:

— Сегодня молчи и никому не говори о причине твоего прихода, а то узнает народ и, возревновав, может возмутиться и убить тебя; тогда я буду виновником твоей смерти.

Сказав это, святой Евсевий совершил вечернюю молитву и ночью объявил тайну одному из своих верных слуг. Как только все заснули, святитель вместе с своим слугой вышли из архиерейского дома; слуга нес за епископом возглавие и книгу. Когда путники пришли к реке Евфрату, текущей около городских стен, они сели в лодку, чтобы плыть на ней в город Зевгму. Святитель тотчас же приказал гребцам грести, которые, потрудившись всю ночь, на другой день доставили путников в город Зевгму.

Самосатяне, узнав, что святой архиерей оставил их, предались великому плачу и рыданиям, а вместе с тем стали расспрашивать, не знает ли кто, куда ушел святитель. Один из жителей видел, как святитель сел в лодку, и слышал, что святой повелел везти себя в город Зевгму, о чем он и рассказал народу. Тотчас же многие из жителей сели в лодки, спешно поплыли за святителем и догнали его в Зевгме. Став пред лицом святителя, они восплакали великим рыданием, стараясь уговорить его, чтобы он возвратился в их город. Святитель отказался. После этого каких только они не творили пред ним молений, каких не говорили слов, припадали ногам, орошали их слезами, чтобы он только возвратился на свой престол. Святой Евсевий напомнил им следующее апостольское слово: *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же*

---

[1] *Император Валент* правил с 364 по 378 год.

[2] Сравнение взято из 2-го послания апостола Петра (гл. 2, ст. 22).

власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение (Рим. 13, 1–2).

Приводя это апостольское слово, святой говорил:

— Мне невозможно быть противником царского повеления, да и для вас небезопасно противиться царской воле.

После этого поняли пришедшие, что они не в состоянии убедить святого возвратиться обратно, и тогда стали давать ему в дорогу, один золото, другой серебро, одежды, а иные рабов, как отходящему в дальнюю сторону. Из предлагаемого святой Евсевий взял очень немногое. При прощании святой поучал их держаться православной веры и апостольских догматов, о всех помолился Богу и, благословив всех, отправился в предлежащий путь, во Фракию, куда был осужден на изгнание.

Когда святой Евсевий находился в Истре, дошел слух, что во Фракию вторглись готы и сильно ее опустошают. Поэтому святой не пошел далее, но остался в Истре, где и пробыл до смерти злочестивого царя Валента. На место Евсевия в Самосаты был назначен арианами епископ арианин Евномий.

Когда Евномий вступал в город Самосаты для управления паствою, никто из жителей города — ни богатый, ни нищий, ни художник, ни земледелец, ни муж, ни жена, ни старый, ни молодой, не вышел к нему навстречу: весь город, будучи правоверным, не желал почтить еретического епископа, ни принять от него благословения, ни даже — видеть его. Евномий царскою властью принял в управление епископию и стал совершать службу в соборной церкви. Народ не стал ходить в ту церковь, а также и в дом архиерейский, не любя архиерея-еретика. Ввиду этого Евномий постоянно находился один, исключая тех, которые с ним пришли. О нем рассказывают, что хотя он был и еретик верою, однако нравом своим был добр, кроток, тих, смирен и ко всем любезен. О добронравии его рассказывают следующее.

Однажды он вошел мыться в общую баню, и слуги, по обычаю той страны, затворили за ним двери, чтобы не вошли другие туда, где моется епископ. Евномий, узнав, что многие стоят у дверей, желая мыться, приказал слугам отворить двери и впустить всех желаю-

щих мыться с ним вместе. Вошедшие в баню, видя епископа, сидящего в теплой купели, не пожелали сесть и стояли пред ним, оказывая ему этим почесть. Епископ предлагал войти им в ту же купель, где он находился, но пришедшие отказались. Понял тогда епископ, что пришедшие из-за него стоят и не желают мыться. Этим он сильно опечалился, вышел из купели и удалился из бани, не желая, чтобы его почитали. Оставшиеся в бане тотчас вылили воду из купели, как оскверненную омовением еретика, и самую купель хорошо омыли, гнушаясь присутствия в ней еретика, и уже затем, согрев новую воду, устроили себе купель. Узнав об этом, Евномий окончательно убедился, что не может привлечь к себе народ самосатский, оставил епископию и удалился из города.

По удалении Евномия ариане поставили в Самосаты от своего зловерия епископа Лукия, явного волка и врага Христовых овец. Граждане города и этому епископу, как и первому (Евномию), не оказывали почести, и он жил в общении только с пришедшими с ним, ибо никто из православных не ходил к епископу. Овцы же Христовы, хотя и были без своего пастыря (Евсевия), однако хорошо помнили его учение и непорочно соблюдали святую веру. Насколько православные гнушались еретического епископа, можно видеть из следующего случая.

Однажды много мальчиков на улице (по детскому обычаю) играли в мяч, перекидывая его от одного к другому. В это время пришлось проезжать здесь епископу. Случайно мяч упал под коней и колесницу епископа. Дети, видя это, громко стали кричать: «мяч осквернился еретичеством, мяч осквернился еретичеством...» Услыхав крики, епископ оставил одного из своих слуг узнать, что делают дети и ради чего они так громко кричали. Дети развели огонь и чрез пламень стали перекидывать мяч, думая этим огнем очистить мяч от еретичества. Так не только взрослые люди, но и малые дети гнушались еретичества епископа, который был как *мерзость запустения* на святом месте (ср.: Дан. 9, 27). Узнав об этом, Лукий не последовал кротости Евномия, но разгневался и многих священных лиц сослал в отдаленные места. Племянника Евсевия — блаженного Антиоха, достойнейшего священника, богоугодного и богодухновенного, искусного в книжной премудрости, сослал в Армению; известнейшего

среди служителей Господних, диакона Еволкия, прогнал в Оасимскую пустыню. Ввиду этого немалая печаль и скорбь постигли самосатский город.

После страшной кончины злого царя Валента стал царствовать благоверный царь Грациан[1]. Он тотчас же освободил всех архиереев и других священных лиц, изгнанных за православную веру, и повелел возвратить им прежние престолы. Тогда возвратились: святой Мелетий — в Антиохию, святой Пелагий — в Лаодикию, святой Евсевий — в Самосаты. Вместе с Евсевием в Самосаты возвратились и все изгнанные арианином Лукием, а в числе их священник Антиох из Армении и диакон Еволкий из Оасима. Для православных это было великою радостью, для нечестивых — великим стыдом. По возвращении на прежнее место Евсевий вместе с прочими епископами и в особенности заодно со святым Мелетием стал заботиться о церковном благоустроении. Прежде всего он постарался избрать на архиерейские престолы, бывшие праздными по извержении епископов ариан, мужей, достойных и твердых в Православии. Посвящая в архиерейский сан, святой поставил следующих епископов: честного Акакий — в Вирею, добродетельного Феодота — во Иераполь, одноименного себе Евсевия — в Халкиду, Исидора — в Кир, в Едессу же, по преставлении святого архиерея Варсы, возвел на престол исповедника Евлогия. С богоугодным епископом Марином, избранным в арианский город Долихины, святой Евсевий пошел сам (в указанный город), где он хотел очистить церковь от ереси и посадить на престол вновь избранного православного архиерея. Когда Евсевий вошел в этот город, одна женщина арианка бросила в него с крыши горшок и рассекла святому голову. От этой язвы святой Евсевий разболелся и преставился ко Господу. Умирая, он заклинал всех, с ним бывших, чтобы они из мести не сделали какого-либо зла той женщине, которая причинила ему болезнь. В этом случае святой подражал своему Владыке, Который молился за распинающих Его, говоря: *Отче! прости им, ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34); а также и святому Стефану, молившемуся о побивающих его каменьями[2].

---

[1] *Грациан* управлял западной половиной Римской империи с 375 по 383 год.

[2] Память святого архидиакона Стефана совершается 27 декабря.

Так мученически скончался[1] великий угодник Божий Евсевий от арианской руки, пострадав за Сына Божия, Отцу присносущного и соестественного. Святое тело его было возвращено в город Самосаты, где и было честно погребено со слезами и рыданием всего христианского народа. На место Евсевия был возведен вышеупомянутый блаженный Антиох, сын сестры святого Евсевия. Церковь Самосатская процветала в Православии, благочестно славя Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Ему же и от нас да будет честь, слава, благодарение и поклонение, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
ЗИНОНА И ЗИНЫ

Святой мученик Зинон происходил из Филадельфии аравийской[2], носившей в древности название Емана. Зина был слугою его и горел желанием принять страдания за веру во Христа. При игемоне Максимиане, управлявшем областью в царствование императора Максимиана, святой Зинон[3] раздал все свое имущество бедным, а рабов отпустил на свободу. Услышав о том, какую великую честь игемон оказывает идолам, он пришел к нему вместе с своим слугою, так как этого пожелал сам Зина, который не хотел оставить своего господина и добровольно пошел с ним. Святой Зинон, явившись к игемону и увидев, что тот действительно очень заботится о почитании ложных богов и сам усердно предается служению идолам, обличил его. Тогда игемон немедленно же повелел бить святого ремнями из воловьей кожи. Во время этого истязания Зинон, протянув руку, ударил локтем в стену идольского храма и этим разрушил и уничтожил его. За это его сперва повесили и без милосердия стали строгать тело его, причем раны натирали уксусом

---

[1] Кончина святого священномученика Евсевия последовала около 380 года.

[2] По объяснению преосвященного Филарета («Жития святых», июнь, стр. 165) Филадельфией аравийской называлась северная часть Переи или Заиорданской страны в Палестине и носившая название Декаполя.

[3] По Месяцеслову императора Василия и греческому синаксарю Зинон был воином.

и солью, а потом четырьмя клиньями забили в колодку ноги его. На место мучения святого Зинона пришел слуга его Зина и стал умолять своего господина не отталкивать и не покидать его. Узнав об этом, игемон велел и Зине забить в колодку ноги. Когда же оба святые мученика были приведены к игемону на допрос и отказались отречься от Христа, то их предали жестокому избиению, причем святому Зинону обожгли, кроме того, раскаленными железными прутьями грудь и ту часть ее, где находится сердце. После этого святых повесили на дерево, к ногам их привязали тяжелые камни и огнем сожгли им мышцы, а затем бросили в яму с огнем и стали лить на огонь масло; но так как святые мученики чудесным образом остались невредимыми и даже не опаленными огнем, то им, наконец, отсекли мечом головы[1]. Память их совершается в церкви святого Георгия в Кипариссии[2].

В тот же день совершается **память святого мученика Галактиона**, потопленного в море, и **Иулиании**, вместе со своим сыном **Сатурнином** сожженной.

[1] Святые мученики скончались в 304 году в царствование Максимиана Геркула, соправителя Диоклетиана, с 286-го по 305 год.

[2] *Кипариссий* или *Кипарисс* — местности в Константинополе.

День двадцать третий

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ АГРИПИНЫ

Святая дева Агрипина родилась и получила воспитание в древнем Риме. С малых лет она отдала себя Богу и была, по апостолу, Христово благоухание во спасаемых (см.: 2 Кор. 2, 15). Как ароматное яблоко или как благоуханный цветок, она своим целомудренным и добродетельным житием приносила верным сердцам сладость и благоухание, чем и отгоняла смрад страстей. Она украсила свою душу девственной чистотой и обручилась со Христом, за Которого в царствование Валериана[1] дерзновенно и мужественно, не убоявшись мучений, предала себя многим ранам из-за любви к своему Жениху Христу. Тело ее было избито палками так сильно, что были перебиты кости, после чего ее обнажили и заключили в оковы. Но Ангел Господень невидимою рукою разрешил от уз и подкрепил ее, и она, поправ всякое нечестие, в муках предала Богу дух свой[2]. Рабыни Христовы Васса, Павла и Агафоника тайно взяли тело святой мученицы и вышли с ним из Рима. Переходя с места на место, совершив долгое плавание, они приплыли в Сицилийскую область, где тайно похоронили святое тело. Как только Сицилия сподобилась принять честные мощи святой мученицы, тогда же она избавилась от мрачной бесовской злобы и стала иметь защиту от агарян в молитвах святой Агрипины. Так, когда агаряне приступили к тому городу, где находилась церковь святой муче-

---

[1] *Император Валериан* управлял Римскою империею с 253 по 259 год.

[2] Кончина святой мученицы Агрипины последовала в половине III века.

ницы, и осмелились завоевать его, они тогда же были преданы всеконечной погибели.

От честно́го гроба мученицы все больные и прокаженные, приходящие с верою, получали исцеление от всяких недугов молитвами святой мученицы, благодатью Христа, Бога нашего. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПОКАЯНИИ ФЕОФИЛА

Незадолго до нашествия персов[1] на греческие владения, во второй киликийской епархии, в городе Адане[2] жил эконом святой соборной кафедральной церкви этого города по имени Феофил. Жил он добродетельно и свято, справедливо и разумно распоряжаясь церковным имуществом, праведно и согласно с волей Божией управляя делами. Для архиерея он был оком, присматривающим за всем, и правой рукой, исполняющей все дела и повеления. Он был очень любим своим епископом, да и не только епископом, но и всем церковным причтом и всеми жителями города за свои добродетели, ибо он был отцом сирот, кормильцем вдов, щедрым прибежищем нищих, заступником обижаемых, помощником беспомощных — одним словом, не было человека, которого бы он не утешил в печали словом и делом. За это все почитали Феофила, как отца, любили, как благодетеля, и превозносили похвалами.

Когда же Божиим изволением преставился от временной жизни епископ Аданы, то все благочестивые жители этого города всякого чина, от большого и до самого малого, движимые истинною христианскою любовью к Феофилу за его многие благодеяния и знакомые также с его чистою и непорочною жизнью, единодушно избрали его себе в епископа. Затем они послали несколько особенно почитаемых граждан к Киликийскому митрополиту с письменным извещением об этом. Прочтя письмо, митрополит согласился утвердить их

[1] В начале VII века при царе Хозрое.

[2] *Адана* — незначительный город в Киликии, греческой области в Малой Азии.

избрание: Феофил был и ему самому известен за человека добродетельного и богоугодного, способного к управлению епархией, искусного и опытного во всем. Он тотчас же велел призвать его к себе для поставления во епископа Аданской церкви.

Но Феофил, узнав о решении митрополита, не захотел отправиться к нему, упорно отказываясь от принятия епископского сана. Граждане и весь причт долго со слезами просили и умоляли его стать их епископом, но безуспешно. Тогда они снова отправили к митрополиту прошение, чтобы он поставил им во епископа Феофила, хотя бы и против воли последнего.

Призвав его, наконец, к себе насильно, своим властным повелением, митрополит с радостью и любовью принял его и хотел тотчас же рукоположить во епископа. Но Феофил упал ниц к его ногам и со слезами начал молить не налагать на него такого бремени.

— Я знаю мои грехи! — восклицал он, — я недостоин епископского сана.

После того как он долго пролежал таким образом у ног митрополита, плача и моля избавить его, святитель дал ему три дня срока на размышление, чтобы, рассмотрев обстоятельства, он согласился принять епископский сан и не пренебрег молением стольких людей, усердно желавших иметь его своим пастырем.

По прошествии трех дней митрополит снова призвал Феофила и начал увещевать и молить его не отказываться от святительского сана; при этом он хвалил чистоту его жизни и искусство в управлении и называл его достойным этого сана. Но Феофил опять упал к его ногам и, проливая обильные слезы, продолжал восклицать:

— Недостоин я святительства!

Видя, что он остается непреклонным, упорно отказывается и не поддается ни повелениям, ни мольбам, митрополит предоставил его, наконец, собственной воле. Поставив во епископа другого, которого также считал достойным, он послал его в Адану, поручив ему Феофила, чтобы тот по-прежнему отправлял свою экономскую службу.

После того как новый епископ пробыл некоторое время на своем престоле, Феофил же продолжал свою обычную службу, — какие-то враги, движимые сатанинской завистью, начали наговаривать епископу на эконома, тайно клевеща на него и обвиняя его во многих неподобающих поступках.

Сначала епископ не внимал их клеветам и не давал им веры, зная своего эконома за человека во всех отношениях добродетельного и безупречного. Но так как те не переставали клеветать из зависти, чуть ли не ежедневно возводя на Феофила разные унизительные обвинения, то мало-помалу епископ начал склоняться к их словам, выслушивать их клеветы и доверять им.

Спустя некоторое время он отставил Феофила от экономской службы, так чтобы тот более ничем не управлял ни в архиерейском доме, ни в церковном имуществе, но чтобы жил у себя дома, тихо и безмолвно, отдыхая от трудов; экономская же служба была поручена другому.

Освободившись от попечений и житейской суеты, Феофил начал пребывать в служении единому Богу. Но, не терпя вида богоугодной и беспечальной жизни Феофила, ненавистник рода человеческого, диавол, вооружился против него всеми своими коварствами и начал смущать его то собственными помыслами, то посредством других людей, тихо нашептывая ему: «Обесчестил тебя епископ, не помня великих трудов твоих; унизил он тебя, предпочел тебе худшего, неискусного, недостойного; отдал тебя на посмеяние и поругание людям».

И стал Феофил, сначала понемногу, внимать этим бесовским наветам и помышлениям, а потом начал все больше и больше рассуждать об этом сам с собою или с друзьями и горько сетовать. Наконец, коварство врага довело его до того, что, забыв обычное ему упование на Бога, он начал изнемогать в малодушии и печали и пришел в отчаяние. Ему казалось, что все над ним смеются и насмехаются, что уже никто больше не уважает его; он стал стыдиться выходить из дому в люди. В его сердце разгорелось неодолимое желание прежней власти и управления церковным имуществом; день и ночь думал он об этом, смущал себя помыслами и размышлял, каким бы способом вернуть свое прежнее положение, чтобы враги не радовались больше его унижению.

За такое желание и другие неугодные Богу мысли отступила от сердца его благодать Божия, без которой он пришел, наконец, в крайнее отчаяние и начал искать помощи в волшебстве и в бесах. Незахотевший сначала принять епископского сана, он стал теперь стремиться к гораздо меньшей власти. Так попустил ему Бог за то, что он воспринял в сердце злые помышления и сатанинский совет.

В том городе жил некий еврей, сын погибели, знаменитый волхв, чародей и обманщик. Он был настоящим служителем диавола и многих вводил в погибель. Феофил ночью отправился к этому волхву и, придя к его дому, стал стучать в ворота. Волхв вышел посмотреть, кто стучит, и, увидав Феофила, пришел в ужас. Удивленный (так как он знал его), он попросил его войти в дом и, когда Феофил вошел, спросил его:

— По какой причине, господин мой, взял ты на себя труд — ночью прийти ко мне, худому и недостойному?

Феофил же в ответ бросился к его ногам и, умоляя его, сказал:

— Если можешь помочь, то помоги мне и не отвергни меня в моей великой печали.

Затем он подробно рассказал все волхву, как опечалил его епископ, отняв у него управление, как отдал его на поругание людям, предпочтя ему худшего, а его отставив от службы; он обещал волхву богатую награду, если тот ему поможет и возвратит прежний почет. Тогда богоненавистный еврейский волхв ответил ему:

— Не сетуй об этом, господин мой, но радостно и с благой надеждой возвратись домой; в следующую же ночь прийди ко мне в этот час, и я отведу тебя к моему повелителю, а тот уже во всем тебе поможет.

Услыхав от волхва этот ответ, окаянный (в это время) Феофил сильно обрадовался и возвратился к себе полный гибельной надежды.

Прошел день и снова наступила ночь. В полночь, по повелению волхва, Феофил явился к нему. Волхв отвел его на ипподром — место, где происходили конские состязания, и сказал ему:

— Если увидишь какое-нибудь видение, или услышишь какой-нибудь голос, то не пугайся и не осеняй себя крестным знамением; крест ни в чем не помогает людям: это достойный смеха христианский обман.

Феофил во всем согласился с ним и обещал не ограждаться крестом; тогда волхв тотчас же показал ему в видении множество разных необыкновенных лиц, украшенных различными светлыми одеждами и с зажженными свечами в руках. Это были бесы; они выкрикивали похвалы своему князю, сатане; князь же тьмы сидел посреди их в гордости и призрачной славе. Тогда окаянный еврейский

волхв взял Феофила за руку, ввел его в это гибельное собрание и приблизился с ним к князю.

— Зачем ты привел сюда к нам этого человека? — спросил волхва князь тьмы.

— Господин мой, — ответил богоненавистный еврей, — я привел его к тебе потому, что он, сильно оскорбленный своим епископом, просит у тебя помощи.

— Как могу я помочь тому, кто раб своего Бога? Если он на самом деле хочет стать моим рабом и войти в число моих слуг, то я так помогу ему, что он получит большую власть и честь, чем какие имел раньше, и будет могущественнее самого епископа.

— Слышишь ли, что говорит князь? — спросил тогда волхв Феофила.

— Слышу, — ответил тот, — и исполню все, что он мне прикажет.

Сказав эти слова, он тотчас же, пав, поклонился сатане и стал целовать его ноги.

— Пусть отречется этот человек от так называемого Сына Марии, — сказал диавол волхву, — пусть отречется также и от Нее Самой, так как я сильно ненавижу их обоих. Отречение же пусть напишет собственноручно и подаст мне. После этого пусть он просит у меня, чего хочет, и получит просимое.

Выслушав это, Феофил ответил ему:

— Я исполню все, что прикажешь, господин мой, только бы получить желаемое.

При этих словах коварный враг рода человеческого, диавол, простер к нему свои бесовские руки и, обняв Феофила, стал гладить его по бороде и целовать, прикладывая к его устам свои нечистые уста.

— Радуйся, мой искренний и верный друг, — сказал он ему.

И окаянный Феофил, утверждая свою дружбу с диаволом, отрекся от Христа, Спасителя нашего, и от Пречистой Богоматери; написав свое отречение на хартии[1], заранее приготовленной волх-

[1] Когда еще не было известно приготовление бумаги, люди писали на особо выделанной коже, или на листах египетского тростника, называвшегося папирусом. Рукописи на таких кожаных или тростниковых листах назывались хартиями.

вом, и запечатав, он вручил ее князю тьмы. После этого они дружески обнялись, поцеловались и разошлись: князь тьмы со своими слугами стал невидим и удалился в свое место, в ад; а Феофил с евреем возвратились с ипподрома, оба радуясь своей погибели.

На следующее утро, по Божиему смотрению, как видимо, а не по старанию диавола, епископ, проснувшись, раскаялся, что отставил Феофила от экономской службы. Послав людей, чтобы снова призвать его к себе, в архиерейский дом, он с большими почестями возвел его в прежнюю должность, воздал ему двойную честь и вручил еще большую власть над церковным имуществом и над всеми делами. Сверх того, епископ в присутствии причта и граждан испросил у Феофила прощение.

— Прости меня, брат, — сказал он, — прости, я согрешил перед тобою, обесчестив твою святыню, когда поставил на твое место человека недостойного. Теперь я отставляю его, тебя же молю снова принять экономское управление.

С этого часа Феофил начал жить в своей прежней чести и власти, почитаемый выше всех и заведуя всеми экономскими делами. Не только причт и граждане воздавали ему великие почести и со страхом повиновались, но и сам епископ возымел к нему уважение, а прежние враги со стыдом замолчали и начали смиренно искать его милостей.

В это время нечестивый и хитрый волхв часто навещал Феофила.

— Видишь ли, господин мой, — говорил он, — как я и мой князь помогли тебе по твоему желанию, и как скоро ты получил от нас помощь.

— Воистину получил, — отвечал Феофил, — и очень благодарю вас.

Прожив недолгое время в таком богоотступничестве, Феофил начал как бы пробуждаться от сна и приходить в себя, сознавая свою погибель. Создатель и Искупитель наш, Христос Бог, не хотящий смерти грешных, но милостиво ожидающий их покаяний (ср.: Иез. 18, 21–23), вспомянул прежнюю добродетельную жизнь и труды Феофила, его многочисленные дела милосердия, заботы о нищих и вдовицах, воспитание сирот, защиту обижаемых, помощь всем, требовавшим помощи, и все множество его благодеяний. Не презирая Своего созда-

ния по Своей неизреченной благости, Господь явил на нем Свое милосердие, ибо нет греха, побеждающего Его человеколюбие: тайным и божественным Своим внушением, Он вложил в сердце Феофила мысль о покаянии и обращении.

Придя в чувство, Феофил начал размышлять, какое великое и ужасное совершил он злодеяние, отрекшись от Христа Бога и Пречистой Богоматери ради временной и ничтожной человеческой чести. Он начал страдать в душе, мысленно скорбеть и каяться, тяжко вздыхая из глубины сердечной, ударяя себя в грудь, горько плача и рыдая.

Тем временем еврейский волхв был схвачен правителем той страны, осужден законным судом на смерть за свои многочисленные чародейства и злодеяния и получил достойную по делам своим казнь: его сожгли живым.

Феофил же день и ночь плакал и рыдал, сокрушаясь сердцем, не принимая ни пищи, ни пития и не желая ни с кем беседовать. Затворившись наедине, он сетовал и скорбел.

— Горе мне, окаянному! Горе мне, погибшему! — восклицал он. — Что я сделал? В какую низвергся погибель? Куда теперь пойду, чтобы получить спасение? К кому прибегну, чтобы получить помилование? Ко Христу ли Богу? Но я отрекся от Него. К Богородице ли? Но я от Нее отказался. Я сделался рабом диавола и подписью скрепил свое рабство. Кто может вырвать из рук его мое рукописание? Кто поможет мне и избавит меня от его власти? Какая нужда была мне пойти к этому скверному и богомерзкому волхву, ввериться ему и вместе с ним предать себя вечному огню? Какую пользу получил я от этой временной чести? Что такое гордость и благоденствие этого суетного мира? Горе мне! Погиб я, окаянный! Горе мне! Я заблудился и попал в сеть, от которой не знаю, как смогу избавиться! Горе мне! Я лишил себя вечного света и пребываю во тьме! Не лучше ли мне было, когда меня отставили от экономской службы? Не лучше ли мне было, когда я жил беспечально и безмолвно? Зачем я захотел погрузить мою бедную душу в геенну ради временного и суетного людского почитания и тщетной славы? Сам я виновник своей погибели! Сам я убил себя, сам я предатель моей окаянной души! Горе мне! Что я потерял! Горе мне! Как я обманулся! Горе мне! Что теперь делать? Горе мне! Что отвечу я Богу в день суда, когда все станет яв-

ным и очевидным, когда праведные будут увенчаны, я же, окаянный, буду осужден вместе с сатаной, которому продался! Кого умолю я тогда помочь мне? Кто тогда помилует меня? Воистину никто! Горе моей окаянной и несчастной душе! Как отдалась ты адскому плену? Как ты себя погубила? Каким ужасным упала падением! В какие волны погрузила себя! К какому теперь прибегнешь пристанищу? Или к какому устремишься прибежищу? Горе мне, душа! Горе мне! Какое бедствие стряслось над тобой!

Долго рыдая и в отчаянии терзая свою душу скорбью и печалью, Феофил начал понемногу отдаваться надежде на Божие милосердие.

— Я отрекся от Господа моего Иисуса Христа, рожденного от Пречистой Девы Марии, — говорил он себе, — и не смею прибегнуть к Нему. Но, хотя я отрекся также и от родившей Его Богоматери, однако обращусь к Ней, всей душой и всем сердцем припаду к Ее милосердию. Пойду в святой храм Пречистой Богородицы, паду перед Ее иконой, пребуду там в молитве к Ней, пока не умилостивлю Ее и не сподоблюсь Ее заступлением Божиего милосердия.

— Но какими устами начну я молиться к Ней, — продолжал он, — отвергшись от Нее моими скверными устами? Как начну мою исповедь? Каким сердцем, какой совестью и какой надеждою подвигну я на молитву мой нечестивый язык? Не знаю. Как стану просить прощения моим безмерным грехам? Боюсь, как бы сошедший с неба огонь не попалил меня, окаянного, или земля, расступившись, не поглотила меня живым и не низвергла в адскую бездну. Но не отчаивайся до конца, душа моя, и воспрянь и постарайся избавиться от одержащего тебя зла, притеки к Матери Христовой и не посрамишься.

В одном уединенном месте города стояла маленькая церковь во имя Пречистой Богородицы, в которой служба отправлялась только по праздникам. В этой-то церкви и захотел Феофил затвориться для молитвы, предварительно освободившись от всех дел экономских и отложив все препятствия и житейские попечения. Затворившись в этой церкви и пав перед честной иконой Пречистой Богоматери, он начал молиться к Ней, горько плача и рыдая. Никто не знал обо всем этом, кроме его верного слуги Евтихиана, который и описал жизнь Феофила.

Сорок дней и сорок ночей пробыл Феофил в церкви, постясь, исповедуясь, каясь, день и ночь непрестанно молясь и припадая к иконе Пресвятой Богородицы. По истечении же сорока дней, когда он в полночь молился, явилась преблагословенная Матерь Господа нашего, истинное спасение всего мира, прибежище рода человеческого и наша единственная надежда после Бога.

— О человек! — сказала Она ему. — Зачем ты так бесстыдно докучаешь мне, вопия и моля помочь тебе? Ведь ты сам отрекся от Сына Моего и от Меня! Как буду Я молить за тебя Моего Сына и Бога, чтобы Он простил тебя, раба диавола, отдавшегося ему своим рукописанием? Какими очами воззрю Я на пресветлое чело Господне, когда захочу молиться за тебя? Даже Я не могу терпеть бесчестия, наносимого Моему Сыну и Богу. Я могу простить тебе, о человек, в чем ты согрешил предо Мною, потому что Я весьма люблю род христианский, особенно же тех, кто с провою верой и теплой любовью притекает ко Мне и молится в храме Моем: тем Я всячески помогаю, принимаю в Мои объятия и слушаю их молитвы. Но оскорблений и досад, причиняемых вами Моему Сыну, Которого вы вторично распинаете вашими грехами, этого Я не могу ни видеть, ни слышать. Много нужно вам трудов, подвигов и сердечного сокрушения, чтобы умолить Его милосердие. Хотя Он и очень милосердый, но в то же время и праведный Судия, и грозный мститель, воздающий каждому по делам его.

Обрадованный видением Богородицы, Феофил немного ободрился.

— О Владычица моя преблагословенная! — воскликнул он, — защитница рода человеческого, прибежище и спасение притекающих к Тебе! Знаю, воистину знаю, сколь жестоко я согрешил и прогневал Тебя и рожденного Тобою Бога. Но вижу много примеров людей, до меня прогневавших Сына Твоего и Бога нашего, которым было даровано прощение грехов ради их покаяния и исповеди. Если бы не было покаяния, то как бы Сын Твой пощадил ниневитян? (см.: Ин. 2 и 3). Если бы не было покаяния, то как бы Он сохранил блудницу Раав? (см.: Нав. 6, 24). Если бы не было покаяния, то как бы не только получил прощение, но и снова воспринял дар пророческий Давид, впавший в прелюбодеяние и убийство (см.: 2 Цар. 11) уже после получения дара? Если бы не было покаяния, то как бы

после своего великого падения не только получил прощение, но и сподобился высочайшей чести — быть поставленным в пастыри словесных овец Христовых (см.: Ин. 21, 15–17), святой верховный апостол Петр, столп Церкви, принявший от Бога ключи Царствия небесного (см.: Мф. 16, 19), когда он не однажды и не дважды, но трижды отрекся от Господа, и затем начал горько плакать (см.: Лк. 22, 56–62)? Если бы не было покаяния, то как бы Господь сделал евангелистом грабителя — мытаря? (см.: Мф. 9, 8). Если бы не было покаяния, то как бы святой Павел из гонителя стал избранным сосудом Христовым? (см.: Деян. 9, 1–20). Если бы не было покаяния, то как бы принял Господь Закхея (см.: Лк. 19, 1–10), старшину мытарей? Если бы не было покаяния, то как бы стал снова дорог отцу возвратившийся блудный сын? (см.: Лк. 15, 11–32). Если бы не было покаяния, то как бы получила прощение своим многим грехам плакавшая у ног Христовых блудница? (см.: Лк. 7, 36–50). Если бы не было покаяния, то как бы открылся рай разбойнику? (см.: Лк. 23, 39–43). Если бы не было покаяния, то как бы велел апостол принять коринфского грешника? (см.: 1 Кор. 5; 2 Кор. 2, 1–8). Если бы не было покаяния, то как бы мог не только получить прощение своим великим злодеяниям, но и сподобиться мученического венца волхв Киприан[1], весь уподобившийся диаволу, рассекавший утробы беременных женщин ради своего волхвования и затем обращенный ко Христу праведной Юстиной? Имея столько великих примеров покаяния и взирая на безмерное милосердие Божие, покрывшее их, дерзнул и я, грешный, прибегнуть с покаянием к Твоему милосердию, всемилостивая Владычица: подай мне руку помощи и испроси у Сына Твоего и Бога нашего прощение моим тяжким грехам.

Когда Феофил произнес эти слова, Пречистая Дева Богородица, истинное прибежище грешных, надежда отчаивающихся и скорая помощь молящихся к Ней, сказала ему:

— Исповедуй, о человек, что рожденный Мною Сын Мой, Которого ты отрекся, воистину Христос Сын Бога живого, имеющий прийти судить живых и мертвых, и тогда Я умолю Его о тебе и Он примет твое покаяние.

— О преблагословенная Владычица, — ответил Феофил, — как дерзну я, недостойный и окаянный, раскрыть мои скверные и нечи-

---

[1] Память его — 2 октября.

стые уста, которыми я, ради малой и суетной чести, отрекся от Сына Твоего и Бога моего, и от святого Креста Его, защитника души моей, и от святого крещения, и скрепил отречение отданным диаволу моим рукописанием?

— Ты уж только исповедай, — сказала ему Пречистая Богородица, — и не сомневайся в его милосердии; Он человеколюбив и милосерд и принимает слезы истинно кающихся: для спасения рода человеческого Он благоволил воплотиться от Меня и, будучи Богом, стал человеком.

Тогда Феофил со страхом и со стыдом, со смирением и сердечным сокрушением раскрыл уста и громко произнес:

— Верую, исповедую и славлю единого от Троицы, Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога живого, прежде век несказанно рожденного от Отца, в конце же лет сошедшего с небес и воплотившегося ради спасения нашего от Духа Святого и от Тебя, Пресвятой Девы Марии, истинной Богородицы. Совершенный Бог и совершенный человек Он по Своей воле изволил пострадать за наши грехи и простер Свои пречистые руки на животворящем древе Креста: пастырь добрый, Он душу положил за Своих овец, был погребен и воскрес, и с плотью, от Тебя, Пречистая Дева, принятой, восшел на небеса, и снова со славой придет на землю судить живых и мертвых. Исповедую все это сердцем и устами и поклоняюсь Ему, Богу моему. Тебя же молю, Владычица! Не гнушайся мною скверным, не пренебреги моим грешным молением, не оставь меня окаянного, прельщенного злобным врагом и ввернутого в погибель! Но умоли за меня Рожденного Тобою, чтобы Он простил мне мои великие грехи и избавил от погибели, дабы и я со всеми получившими прощение воспел и прославил безмерное милосердие Рожденного Тобою Бога нашего и Твое, преблагословенная Дева!

Приняв от него эти слова как бы некоторое удовлетворение за грех, так ответила ему Пречистая Богородица, источник милосердия, взыскание погибших, истинная и непрестанная ходатаица за нас к Богу и залог нашего спасения:

— Доверяя твоему покаянию ради крещения, которым ты крестился во Христа, и милосердствуя о тебе (ибо Я очень сострадаю всем страждущим), Я приступлю к Сыну и Богу Моему и помолюсь Ему, чтобы Он принял твое покаяние.

Сказав это, Пречистая Дева стала невидимой, и день уже начал рассветать.

О сколь счастлива была для грешника эта ночь, в течение которой он сподобился такого видения Пречистой Богородицы и немалой беседы с Ней!

Получив после этого видения некоторое облегчение своей печали и приращение надежды, Феофил пробыл еще три дня в плаче и молитве пред иконой Пресвятой Богоматери, взирая на нее, припадая к ней, ударяясь в землю головой и чая Бога, спасающего его по молитвам Богородицы. По истечении же трех дней снова явилась ему наша надежда и прибежище — пренепорочная Матерь Господа. На этот раз, с радостным лицом взирая на Феофила своими светлыми очами, Она сказала:

— Человек Божий! Угодно покаяние твое милосердому Владыке Богу; принял Он слезы твои ради Меня и услышал твои молитвы. Смотри же теперь и сам, чтобы отныне сохранить правую веру в Него до дня твоей смерти.

— Воистину сохраню, Владычица моя преблагословенная, — ответил Феофил, — и не преступлю Твоего повеления. После Бога Ты мой покров и заступление, и на Тебя возлагаю все мое упование и надежду. Знаю я, хорошо знаю, премилостивая Госпожа моя, что нет у людей другой помощи и другого покрова, кроме Тебя; никто из уповавших на Тебя не посрамился и никто из моливших Бога через Твое ходатайство не был оставлен. Потому и я, грешный, молю Твою неистощимую благость, врачующую нашу немощь: открой мне заблудшему и павшему в глубину зол, двери твоего милосердия, и повели отдать мне в руки окаянное рукописание, которое я, обманутый, дал сатане: он сильно смущает мою душу, и я не могу утешиться от великой скорби, пока это рукописание находится у диавола.

Едва произнес он эти слова, как Пречистая Дева стала невидимой; Феофил же пробыл еще три дня в прилежной молитве, как и раньше. Затем он заснул, утомленный перенесенными трудами, и в сонном видении узрел Пречистую Богоматерь, несущую ему хартию с его рукописанием. Проснувшись от радости, он не увидел Пречистой Девы, рукописание же свое он нашел запечатанное и целое, лежащее на груди. От радости и от ужаса он еще сильнее изнемог те-

лом и сделался как бы полумертвым. Придя впоследствии в себя, о сколь великое он воздал благодарение милосердому Владыке Христу и милостивой Богоматери, своей помощнице и заступнице!

На следующее утро (а день был воскресный) он пошел в собор, где архиерей служил литургию. После чтения святого Евангелия он приблизился к епископу, благословлявшему народ, и с плачем бросился к его ногам, упрашивая, чтобы его выслушали, ибо он хотел во всеуслышание принести свое покаяние. Затем он подробно рассказал все случившееся с ним: как опечалило его устранение от обязанности эконома, как от печали он отрекся от Христа Бога и Пречистой Богоматери и рукописанием отдался сатане; как потом, постясь, молясь и плача, он увидел Пречистую Богородицу, беседовал с ней, получил прощение грехов, и как ему, наконец, было возвращено его рукописание. Рассказав все это громко и подробно в присутствии народа и епископа, Феофил вручил последнему запечатанную хартию, данную им на себя сатане, и упросил его велеть прочесть ее вслух, чтобы все узнали его грех и прославили Божие милосердие, исходатайствованное Богородицей. Распечатав хартию, епископ отдал ее диакону, который стал на амвон и начал читать ее. И все удивлялись такому ужасному делу.

Таким образом, весь причт и народ, мужи и жены и малые дети, все узнали о том, что случилось с Феофилом, как он пал и восстал и получил обратно свое рукописание. Епископ же, обратившись к народу, громко сказал:

— Приидите все верные, прославим преблагого истинного Бога, Господа Иисуса Христа! Приидите благочестивые и любящие Бога и видите дивные чудеса! Приидите христолюбцы, и разумейте, что не хочет смерти грешных премилосердый Владыка наш, но ожидает их покаяния! Приидите и видите, правоверные, как много могут сделать сердечное сокрушение, вздохи и слезы! Кто не удивится, отцы и братия, великому и неизреченному терпению милостивого Бога! Кто не изумится Его безмерному милосердию и человеколюбию, являемому в нас грешных! Воистину чудо! Пророк Моисей после сорокадневного поста получил от Бога скрижали закона (см.: Исх. 24, 18; 31, 18), а брат наш Феофил после сорокадневного поста получил свое рукописание, отнятое у сатаны силой Божией и ходатайством Божией Матери! Воспоем же и мы с ним, дети, благодарственную песнь

Владыке, милосердо принявшему его покаяние, по предстательству пренепорочной Богородицы, Которая для людей есть мост к Богу, надежда отчаянных, прибежище бедствующих, истинная дверь, стучащим в нее грешникам, отверзающая Свое милосердие и приносящая наши молитвы к рожденному от Нее Богу нашему. Что мне еще сказать или какую песнь воспеть для прославления Ее и Ее Сына? Воистину, чудны дела Твои, Господи, и никакого слова недостаточно для восхваления чудес Твоих! Воистину, *возвели́чишася дела Твоя, Господи; вся премудростию сотворил еси* (слав. Пс. 103, 24). Воистину, теперь прилично повторить евангельское слово: *принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот* брат наш Феофил *был мертв и ожил, пропадал и нашелся* (Лк. 15, 22–24).

Пока епископ так говорил, Феофил лежал у ног его и плакал; протянув руку, епископ поднял его с земли. Феофил же, встав, стал просить его сжечь рукописание, но епископ велел ему сделать это самому, что Феофил и исполнил перед всеми. Глядя на сожжение нечестивой хартии, народ долго со слезами взывал:

— Господи, помилуй!

Велев народу, наконец, умолкнуть, епископ продолжал божественную службу и, по совершении ее, причастил Феофила пречистых и животворящих Таин Тела и Крови Христовых. И тотчас же лицо Феофила просветилось, как солнце. Все видевшие изменение его лица прославили преблагого Бога, оправдывающего и освящающего кающихся грешников.

После всего этого Феофил пошел в ту церковь Пречистой Девы Богородицы, где он постился со слезами покаяния, сподобился Ее святого видения и получил прощение своих грехов: здесь он немного почил после трудов. Узнав, по прошествии трех дней, о приближении своей кончины, он сделал завещание относительно своего имущества, которое все велел раздать нищим. Простившись затем с присутствовавшей братия, он предал свою праведную душу в руки Бога и Божией Матери. Его похоронили под святой иконой Пречистой Девы на месте, где он принес свое покаяние.

И прославилось в нем милосердие Христа Бога и Пречистой Богородицы, Которой вместе с Сыном Ее да будет от нас грешных, всегда

требующих Ее помощи, честь, слава, поклонение, благодарение ныне и присно и во веки веков.

«Я же, смиренный и грешный Евтихиан (говорит написавший эту повесть), воспитанный в дому блаженного Феофила и ходатайством его удостоившийся стать причетником святой Кафолической Церкви, — служа господину моему в его печали и скорби, и всюду последуя за ним, видевший своими очами его покаяние и своими ушами слышавший из уст его рассказ об этом — истинно и правдиво описал все на пользу благочестивых, во славу же Христа Бога нашего, славимого вовеки». Аминь.

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ[1]

В 1480 году нечестивый Ахмат, хан Большой Орды, пришел с большою ратью на реку Угру, чтобы начать войну с великим князем Иоанном Васильевичем[2]. Москве угрожала осада. Тогда великий князь, вооружившись молитвою и благословением Геронтия[3], митрополита всероссийского, и своего духовника Вассиана, архиепископа Ростовского[4], выступил против татар на реке Угре; оба святителя усердно умоляли великого князя мужественно бороться с

[1] В этот день (23 июня) в Москве совершается торжественный крестный ход из Успенского собора в Сретенский монастырь с чудотворною иконою Владимирскою. Подобный крестный ход, первый по времени установления, совершается 26 августа в память избавления России от нашествия Тамерлана в 1395 году; устрашенный грозным явлением Богоматери, Тамерлан покинул пределы России в тот самый день и час, когда коленопреклоненные москвичи встречали на Кучковом поле чудотворную икону Богоматери, принесенную из Владимира в Москву по приказанию великого князя Василия Дмитриевича, в борьбе со врагом более уповавшего на силу Божию, чем на свое оружие. На месте сретения иконы в память чудесного заступления Богоматери, и был основан так называемый Сретенский монастырь, куда и совершаются помянутые крестные ходы.

[2] Великий князь с 1462-го по 1505 год.

[3] Занимал кафедру Московской митрополии в 1473–1489 годах.

[4] С января 1506 года архиепископ Ростовский († в 1515 году).

язычниками на защиту православной веры[1]. Продолжительное время войска стояли друг против друга, не приступая к решительным действиям. Наконец, предстательством Пресвятой Богородицы совершилось дивное чудо: страх напал на татар, и они, боясь друг друга, бежали, никем не гонимые. Так премилостивый Бог, по молитвам Пресвятой Богородицы, даровал к радости христиан необычную победу над врагами без пролития крови, пощадив достояние Свое — град Москву и всю Россию. Когда великий князь Иван Васильевич вместе с сыном своим великим князем Иоанном[2] и со всем войском возвратился в Москву, то все люди исполнились чрезвычайной радости, восхваляя за славное избавление Бога и Пресвятую Богородицу[3]. С этого времени в богоспасаемом граде Москве установлен был новый праздник в честь иконы Пресвятой Богородицы, нарицаемой Владимирской, поэтому в настоящий день 23 июня и совершается крестный ход во славу и благодарение Спасителю всего мира, Христу, Богу нашему, и Его Пречистой Матери.

В тот же **день преставление святого праведного Артемия Веркольского** (житие его см. 20 октября)

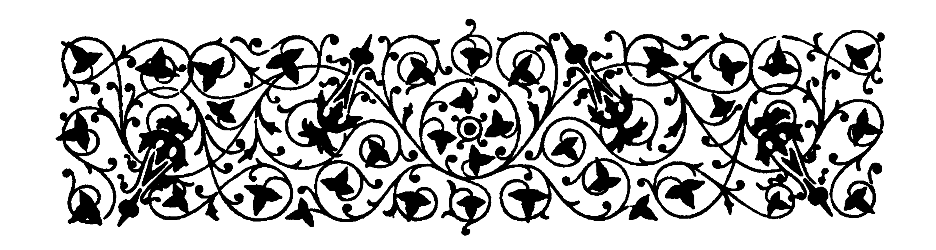
В тот же день **память святых мучеников Евстохия, Гаия, Урвана и прочих**, пострадавших при Максимиане в городе Анкире, в начале IV века.

[1] Митрополит писал великому князю соборное послание в лагерь на Угру, возбуждая его к мужественному стоянию против христоненавистного врага. Но с особенною смелостью и прямотою увещевал великого князя святитель Ростовский Вассиан не заключать мира с Ахматом, как то советовали ему «некоторые прелестники», но выйти мужественно на встречу «безбожному языку агарянскому», ревнуя прародителю Димитрию, «в лице ставшему против разумного волка Мамая».

[2] Великий князь с 1498 года († в 1509 году в заточении).

[3] «Да не похвалятся легкомысленные страхом их оружия, — говорили об этом чуде русские летописцы, — нет, не оружие, не мудрость человеческая, но Сам Господь спас ныне Россию».

День двадцать четвертый

СИНАКСАРЬ НА РОЖДЕСТВО СВЯТОГО ИОАННА, Предтечи и Крестителя Господня

Когда Незаходимое Солнце правды — Спаситель наш восхотел воссиять миру и уже преклонил небеса и вселился в чистейшую девическую утробу, в это самое время должно было совершиться от неплодной рождение денницы Его — святого Иоанна Предтечи: ему, как провозвестнику, надлежало предшествовать явлению Господа, проповедуя и говоря: *идет за мною Сильнейший меня* (Мк. 1, 7).

И вот, когда исполнилось святой Елизавете время родить, она родила сына в старости своей, от заматоревшей утробы, как в древнейшие времена родила Сарра Исаака. Так одно чудо предваряет другое: прежде чем Дева рождает Христа, заматоревшая во днях своих рождает Предтечу Христова, чтобы видевшие сверхъестественное рождение от состарившейся, поверили и преестественному рождению от небрачной девицы и сказали себе: «Всемогущая Десница Божия, разрешившая неплодство старицы, сильна и нетленную Деву соделать чистою Матерью». Потому-то чудесному рождению Спасителя мира предшествует чудесное рождение Предтечи. Этому надлежало быть для того, чтобы одним чудом приготовить мир к восприятию другого чуда: увидев матерь, заматорелую во днях своих, люди становились более способными к лицезрению Приснодевы, родившей Сына; сделавшись свидетелями дивного рождения от престарелой Елисаветы, они приуготовлялись к вести о «странном» рождении Христа от Девы. Ибо в том и другом событии, по воле Всемогущего Бога, Коему по-

винуется всякое естество, способ рождения препобедил *естества уставы*[1].

Когда Елисавета родила Предтечу Христова, то все ее сродники, соседи и знакомые, услышав об этом рождении, радовались вместе с нею, потому что Господь соделал ей великую милость — отнял у нее «поношение бесчадства». Так исполнились слова благовестника Божия Архангела Гавриила, который говорил Захарии: *жена твоя Елисавета родит тебе сына, и многие о рождении его возраду-*

[1] В задостойнике Успения есть слова: «побеждаются естества уставы в Тебе, Дево чистая».

ются (Лк. 1, 13–14). Тогда радовались как сродники Захарии, так и те, кто с великим желанием ждал Мессию Избавителя. Ибо хотя они и не знали о совершившейся уже тайне воплощения Сына Божия, однако дух их, окрыляемый под воздействием Духа Святого, самым событием рождения Предтечи таинственно подвигнут был на радость, и они увидели в этом событии как бы некоторое уверение в том, что дождутся чаемого Мессии.

В восьмой день по рождении Предтечи пришли священники и родственники Захарии в дом его для участия в обряде обрезания младенца; при этом они хотели назвать его именем отца — Захариею. Но мать младенца не соглашалась на то; имея мужа-пророка и родив пророка-сына, святая Елисавета была и сама исполнена пророческого дара и по пророческому предведению настаивала, чтобы ее сына нарекли тем именем, которым повелел наречь его Ангел: от своего мужа она не могла слышать об этом, — ибо Захария возвратился из храма в дом свой, имея как бы связанный язык, и не мог рассказать своей супруге, что он видел Ангела, который благовестил ему о зачатии сына и повелел при этом наречь ему имя Иоанн. Итак, наставляемая Духом Святым, святая матерь называет младенца Иоанном — пророчески, как она и прежде пророчески познала пришествие к ней Матери Божией, когда говорила: *И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?* (Лк. 1, 43).

Тогда священники и родственники стали знаками вопрошать Захарию, как бы он хотел назвать младенца. Тот испросил дощечку и на ней написал: *Иоанн имя ему* (Лк. 1, 63). И тотчас же отверзлись уста Захарии и язык его разрешился от уз немоты, и он стал говорить, прославляя Бога. Все дивились столь многим чудесам, которых свидетелями они были, — изумлялись и тому, что состарившаяся родила младенца, и тому, что немотствовавший отец мыслил о имени сына одинаково с матерью, и тому, что немой, по написании имени, стал говорить и написанное рукой произнес языком, — как будто имя Иоанна было ключом для уст отца, которые, после написания Захариею этого имени, отверзлись для прославления Бога. Слушая речи Захарии, все дивились и ужасались еще более и поведали о всем виденном и слышанном во всей горней стране иудей-

ской, то есть в пределах священного города Хеврона[1], в котором был дом Захарии.

Город этот с его пределами, еще во дни Иисуса Навина, отделен был священническому племени Аарона. От Иерусалима он отстоял на расстоянии восьми часов пути и был расположен немного дальше Вифлеема на возвышенном месте. «Горним градом» он назывался из-за высоких гор, на которых он был расположен; при этом пределы его носили название «горней страны», как о том написано в Евангельском повествовании о путешествии Пресвятой Богородицы к Ее родственнице Елисавете: *Встав же Мария во дни сии* (из Назарета Галилейского), *с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин*, то есть в Хеврон, *и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету* (Лк. 1, 39–40).

Таким образом, здесь-то, в Хевроне, в горнем граде колена Иудова, посреди нагорной страны, и происходили все те изумительные и чудесные события, о которых было говорено выше. И все слышавшие об этих событиях много дивились и с недоумением думали: *что будет младенец сей?* (Лк. 1, 66).

И рука Господня была с новорожденным отроком, умножающая в нем действие благодати Божией и соблюдающая его от меча Ирода. Ибо о чудесном рождении Иоанна дошел слух и до Ирода, и он много дивился ему, говоря в себе, *что будет младенец сей*? Когда же родился Господь наш Иисус Христос в Вифлееме иудейском и с востока пришли волхвы[2] и расспрашивали о новорожденном Царе

---

[1] *Хеврон* (называемый теперь у арабов *Ель-Халиль*) — город, расположенный на юге Палестины, один из самых древнейших городов Азии. Он был известен как древний город еще во времена Авраама и, по известию Флавия (историк иудейский, живший в начале христианской эры), около его времени ему считалось уже 2300 лет. Город издавна считался у евреев священным, так как в нем находятся гробницы Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Лии. Во дни Константина Великого над погребальною пещерою Авраама была воздвигнута церковь, которая обращена мусульманами в мечеть. Самый город лежит на высоте на тысячу футов выше Иерусалима, в глубокой и узкой долине, с обеих сторон окруженной горами. Вся долина и склоны гор заняты садами — масличными, фиговыми, абрикосовыми, гранатовыми и виноградными. В настоящее время город имеет до десяти тысяч жителей, которые занимаются здесь выделыванием стекла, хлебопашеством, разведением фруктовых садов и виноделием.

[2] Под именем *волхвов* в древности разумелись люди мудрые, обладавшие знанием тайных сил природы, светил небесных и т. п. Волхвы, приходившие на по-

иудейском, тогда Ирод, послав в Вифлеем воинов, с повелением избить там всех детей мужского пола, — вспомнил и о Иоанне, сыне Захарии, о котором он слышал много чудесного, и стал размышлять: не он ли будущий царь иудейский? Поэтому, терзаясь злобою, он задумал убить и его, и с этою целью нарочито послал убийц в Хеврон, в дом Захарии. Однако посланные не нашли святого Иоанна.

Когда начались в Вифлееме безбожные убийства детей, то глас и вопль, бывший в Вифлееме, дошел и до Хеврона, отстоявшего от города Давидова в недалеком расстоянии; при этом здесь узнали и о причине бывшего в Вифлееме плача. Святая Елисавета, взяв отрока Иоанна, тотчас же поспешно отправилась в высочайшие горы пустыни (в это время святой Захария находился в Иерусалиме, исполняя прилучившуюся чреду служения своего). Сокрывшись в горах, святая Елисавета со слезами молилась Богу, прося Его защитить ее с отроком. И когда, с высоты гор, она увидела приближающихся воинов, то возопила, обратившись к каменной скале:

— Гора Божия! Приими матерь с чадом!

И тотчас расступилась гора, приняла Елисавету с отроком Иоанном внутрь и, таким образом, скрыла их от настигавших убийц. Так воины, не найдя искомого, возвратились к пославшему их с пустыми руками.

Тогда Ирод послал в храм к Захарии оруженосца своего сказать ему: «Отдай мне сына твоего».

Святой Захария ответил:

— Я служу теперь Господу Богу Израилеву, а где в настоящее время сын мой, — того не знаю.

Ирод сильно разгневался и снова послал к Захарии оруженосца сказать ему, что если он не выдаст сына, то умрет сам. И пришли к нему воины, свирепые, как звери, готовые совершить повеление беззаконного царя, и с яростью говорили священнику Божию:

— Где ты скрыл своего сына? Выдай нам его, ибо царь приказал нам тотчас же убить тебя, если ты не выдашь нам сына своего.

Захария на это мужественно ответил:

клонение Христу, по-видимому, были из Персии. Они были астрологи, то есть служили звездам и занимались наблюдением за светилами небесными. Очевидно, они были при этом люди добродетельные, почему и удостоились особенных откровений Божиих.

— Вы убьете тело мое, Господь же примет мою душу.

И тотчас убийцы, исполняя беззаконное повеление, устремились с яростью на святого и убили его между церковью и алтарем (см.: Мф. 23, 35). Пролитая кровь его впитавшись осталась на мраморе и сделалась как камень, во свидетельство преступления Ирода и его вечного осуждения.

Между тем Елисавета, сокрытая Богом вместе с Иоанном, пребывала в расступившейся горе. В ней, по Божиему повелению, образовалась для них пещера; вблизи нее явился источник и выросла финиковая пальма, полная плодов. Всякий раз, как наступало время принятия пищи, дерево преклонялось, — когда же они насыщались плодами, снова выпрямлялось.

По прошествии сорока дней послей убиения Захарии, святая Елисавета преставилась в упомянутой пещере. С того времени святой Иоанн питаем был Ангелом до своего совершеннолетия, хранимый до дня явления своего израильскому народу. Так хранила и покрывала рука Божия святого Иоанна, да предыдет он пред лицом Господним, духом и силою Илииною, и уготовит путь Ему, грядущему спасти род человеческий. За все это да славится Христос, Бог и Спас наш, со Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

СЛОВО СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА НА РОЖДЕСТВО СВЯТОГО ПРОРОКА, ПРЕДТЕЧИ и КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ИОАННА

Благовременен день праздника и всеобщей радости, в который мне пришли на мысль служение Гавриила и священство Захарии, и я думаю об осужденном на немоту за неверие. Вы слышали евангелиста Луку, повествовавшего, как праведный Захария, когда по по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, вошел в храм Божий, а все множество народа молилось вне во время каждения. И вот Ангел Господень явился ему, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Заха-

рия, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: *не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн* (Лк. 1, 9–13).

О странное и таинственное чудо! Справедливо Захария возразил Ангелу. Он требовал одного утешения и получил другое; молился за народ, и назван был отцом сына: искал прощения грехов, и получил обещание разрешения бесплодной утробы. Захария более желал исцеления душ согрешивших, чем беременности Елизаветы. Справедливо Захария смутился и устрашился, и как только увидел Ангела, сказал в душе своей: странен приход этого человека, странно его обещание! Кто сей, что смело вступает в священный храм? Кто он, что стоит справа алтаря кадильного? Кто сей, что блестит образом чуждого вида? Кто сей? Я не видел человека с крыльями, ни птицы в образе человека; кто же это, что наполняет мою душу страхом? Кто сей — светоносец по устам, говорящий великое, при закрытых устах? Кто сей — наблюдатель за моей чредой? Кто сей, что препятствует моему ходатайству? Народ, вне молящийся, ожидает меня с ответом от Царя небесного, а этот задерживает меня внутри; чрез меня они приносили моления к Царю, прося прощения в грехах; об этом я молюсь, чтобы исполнить желание народа, чтобы показать действие своей службы; итак, перестань, кто бы ты ни был, устрашающий меня! Если ты Ангел, посланный Богом, то содействуй в моем деле, сострадай вне плачущим, сокрушайся с сокрушающимися. Что за выгода для народа, если у меня будет сын? Что за польза, если Елизавета станет кормить грудью дитя? Что за выгода, если я оставлю наследника? Отойди, устрашитель мой, кто бы ты ни был, отойди от меня! Мы стары; миновало время зачатия; погасла страсть брака; время охладило жар; мы оба мертвы для смешения; юность не цвела, — как старость произрастит?

Так думал Захария. Ангел же говорит ему, как ты сейчас слышал: *не бойся, Захария*, не смущайся помыслами; я Ангел света, а не тьмы; я Гавриил, один из начальников у Царя небесного; исполняю повеление, — не по своей власти приказываю; я послан объявить тебе, а не сделать над тобою насилие; облечен я видом, а не в обнаженном существе являюсь пред тобою; пославший меня щадит твою жизнь; не бойся, я послан благовестить тебе, а не изумлять тебя; ты превзойдешь старость, и седое бесчадство и бесплодную утробу; и кто

рождает по желанию? Это дар Божий, не изобретение человеческое; разве ты не слышал слов Господа: Я есмь творец человека, *и образовавший дух человека внутри него* (Зах. 12, 1). Не веришь, Захария? А как был создан Адам, как Ева была сотворена, как Исаак был рожден? Авраам в послушании не ошибся; а ты, иерей, не веришь! Неужели бессильно у Бога всякое слово, Захария? По своей старости ты возражаешь, старец, — телесное омертвение полагаешь сильнее Бога. Если бы ты не видел примера Авраамова, то основательно сомневался бы; ссылаешься на помощь природы и не веришь настоящему божественному обещанию, но сомневаешься и споришь? О малом ты просишь и много получаешь. Ты молишься только об иудейском народе, а я благовествую тебе о том, кто все племена приготовит к спасению.

Захария, услышав это и, немного отвратив свой взор, в ответ говорил Ангелу: что ты говоришь, Ангел? Родит жена моя? Что же — об этом я молился, или совершаю каждение в свою чреду ради того, чтобы пред народом высказать свою плодородность? Я прошу о прещении грехов и ужели сверх этого пожелаю разрешения неплодства? Желаю для народа облегчения, неужели для Елизаветы обременения? Я призываю израненные души к уврачеванию, и неужели, чтобы иссохшие сосцы стали млекоточными? Что ты говоришь, Ангел? Жена моя родит? И что за выгода в этом для вне молящихся? Ужели, услышав, не побьют меня камнями, со словами, что я становлюсь главным иереем не за них и не для общеполезного спасения, но только за себя, что не благословение, а сына я принял? Я теперь уже не думаю о деторождении; отойди! Я этого уже не желаю; о чем я молился, того не получил; и теперь ты мне объясняешь одно вместо другого; неужели же от времени не прекратилась старость? Мы не можем ходить без посоха, и как теперь нам повелевают начать свое деторождение? Старость отвергает природу; это дело вне веры; в гроб мы глядим и будем нанимать кормилицу? Нет, я теперь уже нисколько не думаю о деторождении, я ищу спасения народа и счастья племени, пленения врагов и благоденствия города, а не детского плача, пеленок и кормления; я нисколько не думаю об этом. Как я окажусь отцом природного сына? Старость отталкивает от себя веру; вне природы это дело; я иду с посохом, как с конем, и ты побуждаешь меня к брачному делу, когда все тело мое стало гро-

бом? Чем мне убедиться в этом, скажи мне, великий Гавриил? Скажи, чем мне убедиться в этом? Вот мои члены трясутся, вот по старости мы оба в землю смотрим. Если бы один был молод, а другой состарился, была бы некоторая надежда на сказанное; теперь тело нас обоих дряхло; ничего другого мы не ожидаем, кроме серпа смерти, как зрелые колосья во время жатвы; если ты во всем истинен, что говоришь, владыка Гавриил, то дай наперед какое бы то ни было знамение, вручи мне залог обещанного чуда. Чем мне убедиться в этом? Аарон не поверил бы, если бы не расцвел жезл; Моисей не был бы удостоверен, если бы его рука не побелела; Гедеон не понял бы, если бы не было росы на руне; Езекия не признал бы, если бы солнце но отступило назад; чем мне убедиться в этом? Ты дай знамение, и я буду рад, как юноша; дай знамение, чтобы Елизавета не посмеялась легкомысленно, как Сарра; чем убедиться в этом, вестник Архангел? Откуда для меня очевидны твои слова ко мне? Если я являюсь вторым Авраамом, если будет и для меня свойственное Аврааму, то войди в мой дом, и я омою твои ноги, после совершенного путешествия, и предложу тебе трапезу, исполненную тайны; Елизавета замесит три саты муки, предызображая церковь; спрашивай тельца, чтобы тебе одарить сыном. Чем мне убедиться в этом, о то, приносящий нам на землю прекрасное благовестие свыше? Зачем, Ангел, преднарекаешь мне имя сына и исчисляешь добродетели еще не существующего? Покажи мне то, что свыше природы, чтобы мне поверить тому, что против природы. Если небо станет шатром, и я обновлюсь; если море изменится, и жена моя Елизавета станет матерью; если солнце будет задержано, и иссохшие сосцы источат молоко; если луна низвергнется, и иссохшая утроба увлажнится. Чем мне убедиться в этом, *по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных* (Лк. 1, 18).

Ангел тогда сказал Захарии: ты требуешь от Бога ручательства. Считаешь немощь сильнее Владычнего обещания? Не боишься наперед расспрашивать приносящего тебе благовестие? Чем мне убедиться в этом, — говоришь ты. Разве тебя посылают в Египет, чтобы устрашить фараона? Чем мне убедиться в этом, — говоришь Захария. Разве ничего сверхъестественного Бог не делает? Ты спрашиваешь последовательности у природы и не видишь изумительного дела Божества. Скажи мне, Захария, на чем укреплены столпы земли?

Чем поддерживается свод неба? Где изобретаются вместилища облаков? Где образуются капли дождя? Где создаются хлопья снега? Кто руководит течением солнца? Кто полагает предел умалениям луны? Кто исчислит множество звезд? Море во время бури как удерживается песком? Как смешиваются теплые потоки? Как создается мрак тумана? Как образуется человек во утробе? И как женский пол оказывается слабее мужеского? Чем мне убедиться в этом, — говоришь, Захария. Ты ищешь последовательности природы, где дело Божие? Не веришь, что может родить бесплодная? Что же, если услышишь, что Дева сверх ожидания рождает — будет ли то, чему трудно поверить, принято верой? И за то теперь наказывается неверие из-за бесплодности, чтобы ты не усомнился в чуде из-за Девы: *ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить* (Лк. 1, 20).

О человеколюбивое наказание, производящее скорее исправление! Ангел вразумляет поколебавшийся голос, обуздывает дерзкий язык: *он объяснялся знаками, и оставался нем*. Хорошо у евангелиста записано и это — *оставался*; молчание ожидает рождаемого голоса, Захария — Иоанна, старец — сына, иерей — пророка. Этим Ангел говорит: так как ты, как неверующий, ищешь знамения от Бога, то прими биченосное знамение в собственном своем теле: *будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется*. Где орудие противоречия, там и мщение; где необдуманная смелость, там и воспитательная вожжа; где была дерзость, на том и наказание. Бог желал, Захария, чтобы ты сделался проповедником такого чуда: рождается начальник воинства Царя небесного и предуготовитель освобождения мира от грехов. Так как ты сделал для себя немощь тела сильнее Владычнего обещания, то за это *будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время*. Видишь ли, что без веры ничто из должного не совершается.

Только что услышал Захария эти слова, тотчас вышел из храма, с молчанием, наградою за неверие. О чудо! Он вошел для освобождения других, и сам вышел осужденным; принося богослужебное каждение, вынес знак изгнания. Народ ждал услышать что-нибудь благое от него, а он выражал знаками: «никто пусть меня не спрашивает; я устрашаюсь Владычнего негодования». О изумительные дела! Захария обуздывается, и Елизавета благоденствует; язык немот-

ствует, и утроба беременеет; болезнь утробы переселяется на язык; речь обуздывается, и рождаемое освобождается; Захария молчит, и Иоанн играет.

Лишь только бесплодная увидела Деву, утренняя звезда заметила солнце, и сильно взыграл Иоанн в материнской утробе, обвиняя медлительность природы: я, говорит, проповедник Владыки, и зачем связан узами, подобно сорабам своим? Предварю время рождения, не буду ждать родов, чтобы не потерять своего течения, чтобы Владыка не опередил заключенного раба, чтобы последовательность природы не сделалась нарушением порядка; я узнал Присутствующего и не переношу молчания; я узнал Предпославшего меня в путь пред лицом Своим, чтобы приготовить путь Его пред Ним; я поколеблю узы природы, потому что спешу проповедовать. О изумительные дела и чудеса! О чем не ведали на небесах Ангелы, узнал Иоанн, во утробе носимый, и говорил матери своей. Для Престолов Он был незаметен, и носимого во утробе приходящий Бог не опередил; от Господств Он скрыл тайну домостроительства, но открыл ее носимому во чреве; и с каким благовестием пришел Архангел к Богородице, это внушил внутри играющий младенец. Пришедший Освободитель нашего рода, будучи во чреве, прибыл к своему другу, Иоанну; и видно было, что Создатель приветствует создание, что Царь пребывает в шатре воина, что Владыка входит в дом раба. Иоанн, увидев из утробы находящегося во утробе, старался превзойти границы природы, говоря: я не знаю ограниченного природою Господа, и не буду ждать времени рождения; мне не нужны для рождения девять утробных месяцев; не нуждаюсь в этом теперешнем заключении; и почему не выйти из уз, удерживающих меня? Я выйду, кратко объявлю значение дивного дела; я печать божественного пришествия; я утроба воплотившегося Бога Слова; вострублю и отцовский язык сделаю красноречивым; вострублю и материнскую омертвелую утробу оживлю. Выйду, предтеку с проповедью, возглашу всем присутствующим: *вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира* (Ин. 1, 29). Таково играние Иоанна, или лучше, слова.

Елисавете же настало время родить, и она родила сына. И услышали соседи и родственники ее ... и радовались с нею (Лк. 1, 57–58). Ибо чудом было то, что в старости и с заматоревшею утробой родила Елизавета; это зависело не только от плотского отца, но и от Бога

Слова. Об этом свидетельствует сам Архангел Гавриил, сказавший Захарии: вот, *жена твоя Елисавета родит тебе сына... и Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей; и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии* (Лк. 1, 13, 15–17).

О рождение сына иной, изумительной природы! Оно было изумительно и неестественно, так как обычно тот, кто рождает, при содействии страсти рождает, — и та, которая рождает, в болезнях рождает. В чем же скорбь Елизаветы, когда присутствует Святой Дух, а не неопытная восприемница, когда это дело благодати, а не тягость природы? Слушай! Этот труд был ничтожным в сравнении с радостью. — Не после своего рождения Иоанн получил благодать, но из материнской утробы одевшись освящением, стал дивным предводителем, как сказал Ангел: *Духа Святого исполнится еще от чрева матери своей... и предъидет пред Ним* (то есть Господом) *в духе и силе Илии* (Лк. 1, 15,17). Кто кому будет предшествовать? Иоанн Владыке Христу; поэтому он называется Предтечею, как можно слышать из слов самого Иоанна о Спасителе: *за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня* (Ин. 1, 30). *За мною* — по времени; *прежде меня* — по престолу.

Почему Гавриил сказал, что Иоанн предшествует Царю Христу в духе и силе Илии Фесвитянина? Слушай внимательно! Илия значит — Бог. Так как Иоанн имел в самом себе Бога, — он исполнился Духа Святого еще от чрева матери своей, а Бог есть Дух, — то о нем говорил Господь чрез пророка за много времени раньше: *Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною* (Мал. 3, 1; ср.: Мк. 1, 2) и многих обратит от заблуждения к истине; ради этого Иоанн предшествует Господу в духе и силе Илии, так как у Иоанна много было сходства с Илиею.

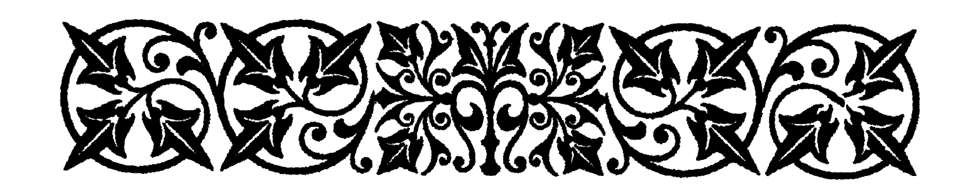
Конечно, сын рождается, и речь возвращается к отцу. Захария, когда его спрашивали, как бы он желал назвать дитя, — *потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему*. Не поверивший словам Ангела теперь вынужден писать о явлении, проповедовать письмом; тогда по слуху не принявший сказанного теперь законодательствует рукою, пишет о бывшем. И, дав имя ему, получил речь: отсюда *все удивились. И тотчас разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословляя Бога* (Лк. 1, 63–64).

О изумительное и странное чудо! Пишется имя сына, и немые уста отца открываются; Иоанном называется, и язык называющего устрояется. Видишь ли, как он не погрешил, и мы не погрешили, сказав приличное объяснение? Вот имя самого праведного открывает немые уста и побуждает неподвижный язык. Так вопиющий Иоанн обнаруживается, что даже самое его имя вызывает голос: я *глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему* (Мф. 3, 3). О чудо! Слово пребывает, и голос предвозвещает; Владыка идет, и раб предпосылается. Итак, возрадуемся и возвеселимся, что Елизавета родила и Захария возговорил; что неплодная произвела, и старец воскликнул; что восковая дощечка была спрошена, и язык иерейский разрешился и голос возвратился; что Предтеча явился и весь мир возрадовался.

Здесь следовало бы закончить слово, но Захария не позволяет восклицаниям: *благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему* (Лк. 1, 68). Изумительные дела! Что говорит Захария? После своего исцеления от немоты Захария первый раз воскликнул: *Благословен Господь*. Что это значит? Захария был мертвым и воскрес. Он не был мертвым по природе, но перенес подобие смерти. Он удерживался молчанием, как гробом и как пеленами, был связан узами языка; он возвратился к жизни, не дыша священством, и принес оплакивание, горесть народа. Когда упраздняется иерей, скорбят все, за кого он ходатайствовал. После этого образного воскресения Захария первый раз воскликнул *благословен Господь Бог Израилев*. О Захария! Если бы ты не увидел духовного колоса, не узнал духовного земледельца, не получил дара, то не благословил бы дателя. Но Захария восхвалил Бога пророческою песнею, достойною дара. Воскликнем и мы: *благословен Господь Бог* христианский, *что посетил народ Свой и сотворил избавление ему.* Ему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

В тот же день **память святых мучеников**, семи братий по плоти **Орентия, Фарнакия, Ероса, Фирмоса, Фирмина, Кириака и Лонгина** воинов, пострадавших при Диоклетиане и Максимиане на берегах Черного моря.

День двадцать пятый

ЖИТИЕ и СТРАДАНИЕ СВЯТОЙ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ФЕВРОНИИ

В царствование нечестивого царя Диоклетиана жил в Риме епарх[1] Анфим, имевший сына Лисимаха, которого он обручил с прекрасною девицею, дочерью сенатора[2] Просфора. Заболев смертельно, Анфим призвал своего брата Селина и сказал ему:

— Брат мой! Вот я расстаюсь с жизнью и вручаю тебе сына моего: будь ему отцом вместо меня, а он пусть будет тебе вместо сына. Когда я умру, поспеши соединить его браком с невестой его, дочерью Просфора.

Выслушав брата, Селин пообещал ему сделать все так, как он просил его. Анфим же, по прошествии трех дней, скончался. По смерти Анфима Диоклетиан призвал к себе Лисимаха и дядю его, Селина, и, приняв их особо, сказал Лисимаху:

— Помня любовь ко мне отца твоего, я хотел бы поставить тебя епархом вместо него, но до меня дошел слух, что ты питаешь склонность к вере христиан. Поэтому я отложил свое намерение, пока выяснится, справедливо ли говорят о тебе. Пока же для испытания я решил послать тебя на Восток, чтобы ты искоренил там христианскую веру; и когда возвратишься к нам, исполнив свое поручение, тогда будешь награжден от нас саном епарха.

---

[1] *Епарх* — градоправитель, областеначальник.

[2] *Сенатор* — член сената, то есть совета старейшин; впоследствии название сенатор стало почетным титулом.

На такую речь царя Лисимах ничего не посмел возразить, так как был очень юн, имея от роду около двадцати лет. Но Селин, дядя его, упав к ногам Диоклетиана, сказал:

— Умоляю тебя, великий и бессмертный царь, дозволь Лисимаху остаться здесь на несколько дней, чтобы вступить в брак с дочерью Про́сфора, — и когда он сочетается браком, то с ним вместе пойду и я, и мы вместе сделаем все так, как повелит нам твоя божественная власть.

Царь же сказал им обоим:

— Сначала идите, куда я вас посылаю, и истребите христиан, когда же исполните порученное вам дело, возвращайтесь сюда, — тогда и я отпраздную вместе с вами брак Лисимаха.

Услышав это, они не посмели произнести больше ни слова и покорно повиновались царю, — взяв указ и войска, отправились на Восток.

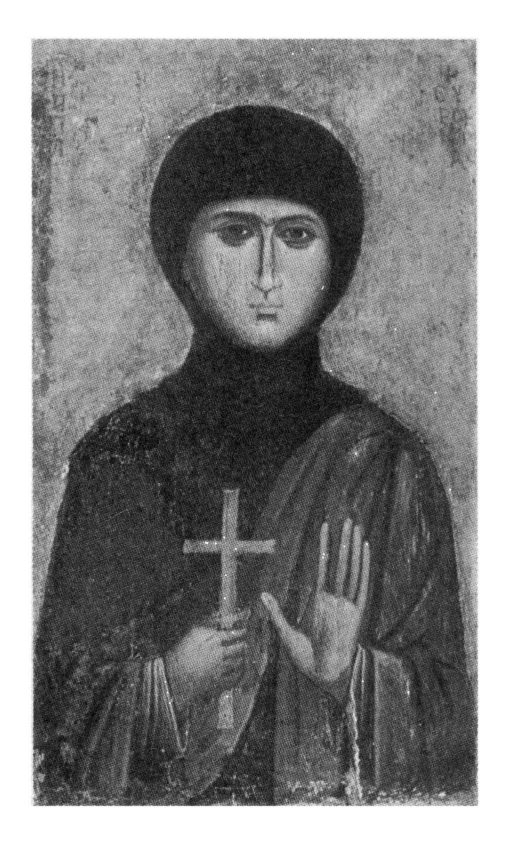
Лисимах взял с собою родственника своего, комита[1] Прима, который был сын сестры матери его, — и поручил ему начальствование над войском.

Приехав на Восток, они остановились в области Пальмира[2] и всех находившихся там христиан стали предавать различным жестоким мучениям: одних жгли огнем, других отдавали на съедение зверям, а иных посекали мечом и тело их выбрасывали собакам. Селин, дядя Лисимаха, был очень суров и бесчеловечен. Страх объял многих при виде жестокостей Селина. Лисимах же был очень жалостлив к христианам, так как мать его была христианкой, и от нее он научился познанию Христа. Однажды ночью он призвал к себе своего родственника, комита Прима, и сказал ему:

---

[1] *Комит* — спутник императора, или высшей чиновной особы; этим именем обозначались лица, состоявшие у них в свите.

[2] *Пальмира* — некогда город Сирии, лежавший в одном из оазисов между Дамаском и рекой Евфратом. Город этот был основан еще Соломоном. При Навуходоносоре он был разорен, но скоро, благодаря своему выгодному положению между Средиземным морем и долиною Евфрата, снова отстроился и сделался важным торговым пунктом. При римлянах Пальмира с своею областью представляла одно время независимое государство, но потом она была покорена римлянами: победители при этом разрушили город; но при императоре Диоклетиане он был восстановлен. Во времена арабов город был снова разрушен и превратился в жалкую деревушку.

— Уважаемый Прим, ты знаешь, что отец мой по вере был еллин[1] и в язычестве скончался, но мать моя умерла христианкой и при жизни своей старалась сделать меня христианином. Но боясь отца и царя, я не мог сделать этого открыто и дал матери обещание, что не погублю ни одного христианина и буду стараться сделаться другом Христовым. Теперь же вижу, что христиан жестоко мучит и убивает дядя мой Селин, — и от этого сильно страдает душа моя; ибо втайне я хочу щадить христиан и тех из них, которые содержатся в узах, отпускать, чтобы они убегали и скрывались, где могли.

Комит согласился помочь ему, и они заключили друг с другом соглашение, обязуясь взаимно щадить христиан. Как только они открывали где-нибудь церкви или монастыри христианские, тотчас же посылали туда тайное известие, предупреждающее о нашествии мучителей, и давали совет скрыться. Сверх того, комит повелел единомышленным с ними воинам не хватать христиан на мучения, а схваченных повелевал отпускать.

Пробыв в Пальмире довольно долго, Селин, после того как замучил многих христиан, захотел идти в Сиваполь — город, лежащий в ассирийских пределах[2], входивших в состав подчиненной Риму области. В этом городе находился женский монастырь, состоявший из пятидесяти монахинь, игумения которых, Вриенна, была ученицей блаженной игумении, диаконисы[3] Платониды, и строго исполняла

---

[1] То есть исповедовал греко-римскую языческую религию.

[2] *Ассирия* была расположена на восток от Сирии, с верхней, северной части Месопотамской равнины.

[3] *Диакониса* — церковная служительница. Служение диаконис состояло в следующем: они приготовляли женщин к крещению, научая, как и что должны они

правила своей наставницы. Устав Платониды был такой. В пятницу ни одна из сестер не должна была работать, но все собирались в церковь и с утра до вечера молились или читали Божественные книги. Сначала до трех часов утра читала сестрам сама диакониса Платонида, а потом она отдавала книгу Вриенне, приказывая ей читать до вечера. Точно так же делала потом и Вриенна, которая, приняв, после смерти своей наставницы, начальствование в монастыре, во всем подражала ей.

У игумении Вриенны воспитывались и приготовлялись к иноческой жизни две отроковицы: Прокла и Феврония. Прокле было двадцать пять лет, Февронии — двадцать. Феврония была племянницей Вриенны, то есть дочерью ее брата, и блистала такой дивной красотой, что ни один художник не мог бы в совершенстве изобразить цветущего благолепия лица ее. Эта красота очень беспокоила Вриенну, и она много думала, как бы сохранить Февронию целомудренною, вдали от соблазнов мира. Все сестры монастыря принимали пищу ежедневно только по разу, к вечеру, и в очень малом количестве; но Вриенна повелевала Февронии поститься до другого дня, чтобы она целый день оставалась без пищи, и вкушала только к вечеру другого дня, — она надеялась, что благодаря такому воздержанию поблекнет красота Февронии. Феврония, желая умертвить плоть свою, прилагала со своей стороны все силы к столь великому воздержанию, и никогда не ела и не пила до сытости, но жаждою и голодом, многими трудами и подвигами неуклонно изнуряла плоть свою, воздерживаясь, сверх того, и от сна. Постель ее состояла из одной голой доски без всякой подстилки; длину она имела полтора метра, а в ширину — двадцать семь сантиметров; изнуренная чрезмерным постом Феврония забывалась сном на этой доске, или на голой земле, и притом на самое короткое время. И когда диавол

отвечать на вопросы крещающего и как вести себя после крещения, помогали епископу при крещении женщин и вместо него делали помазание частей тела, за исключением лба; смотрели за дверью церковною, в которую входили женщины в церковь, расставляли женщин по местам и наблюдали, чтобы они вели себя благочинно, присутствовали при беседах епископов и пресвитеров с женщинами, заботились о благотворительности по отношению к женщинам. В первые века диаконисcы причислялись к клиру, а потом они поставлялись на свою должность по особому рукоположению; впоследствии рукоположение было запрещено, а затем прекратилось и самое служение диаконис.

сонными видениями покушался соблазнить ее, она тотчас же вставала, падала на землю, распростершись крестообразно, и молилась Богу с горькими слезами, чтобы Он избавил ее от диавола; потом, взяв книги Божественного Писания, она прилежно читала их и получала от них духовное наслаждение. Феврония была от природы настолько любознательна и остра умом, что ее уму много удивлялась сама Вриенна.

По пятницам, когда все монахини собирались в церковь для чтения Слова Божия, игумения Вриенна поручала Февронии читать Священное Писание. А так как вместе с монахинями в храм часто приходили слушать духовные поучения и мирские женщины, то Вриенна приказывала Февронии читать за завесою, чтобы она не видала вида и украшений этих женщин, которых она никогда не видала и раньше. И распространилась добрая молва о блаженной Февронии по всему городу — повсюду хвалили ее познания и ум, ее красоту и добронравие, ибо она была кротка, смиренна, целомудренна и украшалась всякими добродетелями.

Услышала обо всех этих качествах святой девицы одна женщина сенаторского рода, именем Иерия, и воспылала сильным желанием видеть Февронию и беседовать с нею. Эта женщина принадлежала к еллинской вере, была молода летами и уже овдовела, — прожив с мужем своим всего только семь месяцев; по смерти мужа, она проживала в доме своих родителей, которые также принадлежали к еллинскому нечестию. Придя в монастырь, она чрез привратницу известила игумению Вриенну о своем желании видеть Февронию. Когда же Вриенна вышла к ней, Иерия упала к ногам ее и, обнимая их, молила игумению:

— Заклинаю тебя Богом, сотворившим небо и землю, не гнушайся меня нечестивой, бывшей доселе забавой идолов и бесов, — не лиши меня поучительных бесед с сестрой вашей Февронией, чтобы она наставила меня на путь спасения. Тогда я надеюсь обрести у Христа Бога истинного то, что уготовано христианам. Итак, избавьте меня от суетности века сего и от идольского нечестия, ибо родители принуждают меня ко второму браку, я же хочу начать новую жизнь, проводя время в поучительных и душеполезных беседах с Февронией: довольно мне и прежних лет, прожитых мною, по неведению, в нечестии.

Говоря это, Иерия обливала слезами ноги игумении, побуждая ее к милосердию.

Вриенна же, выслушав ее, сказала:

— Господь свидетель, госпожа Иерия, что отроковица Феврония еще с двух лет принята мною на попечение, и вот теперь уже восемнадцатый год, как живет она в монастыре безвыходно, не видя до этого времени ни мужчин, ни мирских женщин, ни их одежды и убранства, и ничего мирского. Даже кормилица ее до сих пор не могла ее видеть, и хотя много раз умоляла меня повидать ее и побеседовать с нею, но я не допустила этого. Но теперь, видя твое усердие и уразумев твою любовь к Богу и надеясь на твое спасение, я сведу тебя к ней; но только ты перемени свои мирские одежды на иноческие.

Иерия тотчас же с радостью исполнила это условие, и Вриенна отвела ее к Февронии.

Увидев Иерию в иноческих одежах, Феврония подумала, что это пришла к ним какая-нибудь странствующая инокиня; поэтому она поклонилась ей до земли и обняв поцеловалась с нею, как с сестрой о Христе. Вриенна же повелела им обеим сесть и упражняться в поучительном чтении Божественных книг. Тогда Феврония, взяв книги, начала читать Иереи, и та до того умилилась от всего прочитанного, что всю ночь пробыла без сна. Так обе они, оставаясь без сна, и упражнялись в чтении Божественных книг, и ни Феврония не устала, читая книги, ни Иерия, слушая чтение. При этом Иерия пролила столько слез, что даже земля омочилась слезами ее; ибо, быв эллинкой по вере, она никогда не слыхала таковых душеполезных наставлений.

Когда настало утро, Иерия едва могла повиноваться игумении, чтобы пойти в дом свой. Со слезами простившись с Февронией, она отправилась к родителям. Феврония же спросила помощницу игумении Фомаиду:

— Молю тебя, госпожа, мать моя, скажи мне, кто была та странствующая инокиня, которая так обливалась слезами, точно никогда не слышала Божественных слов.

— Неужели ты не знаешь, с кем беседовала? — сказала ей на это Фомаида.

Феврония ответила:

— Как же я могу знать странствующую инокиню, которую никогда не видела?

Тогда Фомаида сказала ей:

— Сестра эта есть не кто иная, как Иерия, знатная женщина нашего города.

— Почему же ты не сказала мне об этом раньше, — заметила Феврония, — я беседовала с ней как с сестрою.

Фомаида сказала:

— Так велела госпожа наша игумения.

После таких слов Феврония замолчала и стала молиться Богу в глубине души об Иерии, чтобы Бог обратил ее на путь истинный и принял в свое избранное стадо.

Иерия же, придя домой, рассказала все, что слышала от Февронии, и начала убеждать родителей своих оставить еллинское заблуждение и познать единого истинного Бога — Иисуса Христа. Те послушались благоразумного совета дочери, уверовали во Христа и приняли святое крещение со всем домом. Так подействовали на них молитвы и наставления святой Февронии.

В скором времени после этого Феврония тяжко заболела. Иерия пришла к ней и ухаживала за ней во время болезни. Вдруг разнеслась весть, что Селин и Лисимах подходят к городу мучить христиан. Тогда все христиане, не исключая священнослужителей и клириков, и даже сам епископ, оставив все, бежали из города, гонимые страхом, и скрывались, где могли.

Услышав это, инокини монастыря Вриенны пришли к ней и сказали:

— Госпожа мать наша, что нам делать? Вот приближаются к городу звери лютые — нечестивые мучители, и все верные христиане бежали, боясь мук.

Вриенна со своей стороны спросила их:

— Что же вы думаете и что хотите делать?

Они отвечали:

— Повели, о мать наша, и нам укрыться, чтобы спасти души наши.

На это Вриенна заметила:

— Еще борьбы не видели, а думаете о бегстве, не настал еще час подвига, а вы уж хотите быть побежденными; нет, дети, молю вас, не делайте этого; лучше здесь останемся, претерпим мучения, и умрем за Христа, умершего за нас, чтобы нам жить с Ним вовеки.

Услышав эти слова, сестры умолкли. Но на следующий день одна сестра, по имени Ефериия, сказала прочим:

— Знаю я, что из-за Февронии не пускает нас мать игумения скрыться, — она хочет, думаю, из-за нее одной погубить нас всех; но пойдем к ней снова, и я за всех скажу ей, что следует.

Услышав это, некоторые инокини согласились с Еферией, другие же стали возражать ей, но наконец, все сговорились и пошли к игумении. Вриенна, уразумев, зачем они пришли, спросила Еферию:

— Что хочешь, сестра?

Она же отвечала:

— Молим тебя, мать наша, позволь нам убежать от грозящих бед, ибо и епископ, и весь клир удалились. Вспомни, о мать наша, что есть среди нас юные отроковицы, за которых нужно бояться, чтобы они, схваченные нечестивыми воинами, не лишились девства и не потеряли своей награды от Бога. Еще же нужно бояться и того, что мы не перенесем мучений и, отрекшись Христа, погубим души наши. Повели также взять нам с собою и сестру нашу, больную Февронию, чтобы скрыть и ее отсюда.

Услышав это, Феврония сказала:

— Жив Христос мой, Которого невестой я себя считаю и Которому отдаю душу свою, — не отойду от этого места, но здесь умру и похоронюсь.

Тогда Вриенна, обращаясь к Еферии, сказала:

— Смотри, что ты делаешь, смущая сестер, — ты видишь, — я неповинна в том, что ты обо мне думаешь.

Потом, обратившись к прочим, сказала:

— Пусть каждая из вас решит так, как ей покажется полезнее.

Тогда все сестры, боясь предстоящих мучений, простились с игуменией и Февронией и, с плачем и рыданием, бия себя в грудь, удалились из монастыря. Прокла же, сверстница и соученица Февронии, обняв и целуя ее, плакала и говорила:

— Помолись за меня, госпожа и сестра моя.

Феврония, удерживая ее за руку и не пуская, уговаривала:

— Побойся Бога, сестра моя Прокла, не оставляй нас. Ты видишь — я больна и скоро умру. Мать наша Вриенна не может похоронить меня одна, — останься же и помоги ей погребсти меня.

Тогда Прокла ответила:

— Хорошо, сестра моя, я останусь здесь до тех пор, как велишь мне.

Когда же настал вечер, Прокла не сдержала слова своего и тайно убежала из монастыря. С Февронией остались только Вриенна и Фомаида.

Игумения Вриенна, видя опустевший монастырь, с печалью вошла в церковь, упала на землю и горько зарыдала.

Фомаида, успокаивая ее, говорила:

— Перестань госпожа и мать моя. Ибо Бог силен в скорби и напасти сотворить и *облегчение* (1 Кор. 10, 13). Он поможет нам перенести находящие на нас бедствия (см.: Сир. 2, 10). Вспомни, разве был кто, верующий и Бога, посрамлен, и пребывающий в страхе Божием оставлен без Его помощи?

Вриенна ответила:

— Да, госпожа моя Фомаида, все так; но что мне делать с Февронией? Куда ее скрыть и сохранить? Какими глазами я буду смотреть, когда варвары поведут ее, как пленницу?

Тогда Фомаида сказала:

— Воскрешающий мертвых, Господь может и Февронию подкрепить и сохранить от варваров невредимой; молю тебя, госпожа и мать моя, перестань огорчаться и плакать; лучше пойдем к больной Февронии, — утешим ее и подкрепим.

Когда они пришли к Февронии, Вриенна опять горько зарыдала. Феврония же, посмотрев на Фомаиду, спросила:

— Что означают слезы нашей матери Вриенны?

Обернувшись к ней, Фомаида отвечала:

— Из-за тебя эти материнские слезы, так как ты молода и красива. Вот придут к нам жестокие мучители, чтобы причинить нам великие скорби: нас, старых женщин, они тотчас же убьют, тебя же, молодую и красивую лицом девицу, они сохранят, чтобы прельстить соблазнами мира, — и мы боимся, что льстивыми словами и насилием они погубят девство твое и лишат тебя чертога, уготованного твоим небесным Женихом.

Тогда Феврония сказала:

— Молю вас, помолитесь обо мне ко Господу, чтобы Он призрел на смирение мое — укрепил мою немощь и подал мне терпение, как подает Он всем рабам Своим, возлюбившим Его от всего сердца.

На это Фомаида ответила:

— Дитя мое, Феврония! Наступает время подвига. Если нечестивые мучители будут соблазнять тебя льстивыми словами, золотом, серебром и многоценными одеяниями, или какими-либо суетными прелестями мира сего, — будь осторожна и внимательна к себе, — не слушайся их увещаний, чтобы тебе не потерять награды от Господа за прежние труды свои. Смотри, чтобы не сделаться тебе посмешищем диавола и игралищем идолов. Помни, что нет ничего славнее девства, и велика награда, ожидающая девственниц. Ибо Жених девственниц бессмертен, и всем любящим Его подает бессмертие. Итак, госпожа моя, потщись достигнуть того, чему ты посвятила всю жизнь свою. Блюди себя, дочь моя, чтобы тебе не лишиться залогов твоего блаженства — то есть благодати крещения и иноческого пострига. Ибо страшен будет Господь, когда сядет на престоле славы Своей судить всех и воздать каждому по делам его.

Внимая этим словам, Феврония укреплялась духом и мужественно готовилась вступить в доблестную брань с диаволом. Потом она сказала Фомаиде:

— Хорошо сделала ты, госпожа моя, утвердив рабу твою в вере и соделав душу мою готовою к доблестному подвигу. Да будет же тебе известно, что если бы я не имела желания умереть за Жениха моего, то бежала бы, вместе с другими сестрами, чтобы укрыться от страшного страдальческого подвига. Но так как я от всего сердца люблю небесного Жениха моего, Которому я обручилась душою и Которому посвятила тело мое, то дерзаю пойти к Нему стезею мученичества, если Он удостоит меня пострадать и умереть за имя Его

Вриенна, выслушав такие речи Февронии, сказала ей:

— Дочь моя, Феврония! Вспомни мои труди и заботы о тебе, вспомни, что с двух лет я приняла тебя на попечение из рук кормилицы твоей, — и что до настоящего дня никто из мирян даже не видал лица твоего. До нынешнего дня я блюла тебя, как зеницу ока. А что теперь мне делать с тобою и как блюсти тебя, я уже не знаю. Блюди себя сама, чтобы не опечалить старости моей, не уничтожить трудов, какие я, духовная мать твоя, приложила к твоему воспитанию. Поминай страстотерпцев, которые прежде тебя мужественно и доблестно страдали за Христа и получили теперь венец от Него, среди коих были не только мужи, но также женщины и дети. Вспомни Ли-

вию и Леониду — этих славных сестер, которые мужественно положили за Христа души свои. Ибо Ливия и Леонида, одна будучи усечена мечом, а другая — ввержена в огонь, обе вместе пошли в чертог своего небесного Жениха. Поминай двенадцатилетнюю отроковицу Евтропию, которая была замучена вместе с матерью. Не всегда ли удивлялась ты послушанию и терпению ее? Ты знаешь, как судья, разрешив ее от уз, хотел ее устрашить стрелами, думая, что она побежит от них. Но вот она услышала голос матери своей, говорящий ей: «Дитя мое, Евтропия, остановись», — и отроковица мужественно стала как столб недвижимый, пока не была вся изранена стрелами: тут она пала на землю, предав дух свой Господу. Отроковица эта был проста и неучена; а ты сама хорошо изучила Божественные книги и была доброю учительницей многих. Итак, помысли, сколь мужественно тебе подобает стать за Господа твоего.

Это и многое другое говорили они друг с другом, пока не прошла ночь и не наступил день.

Когда воссияло солнце, в городе поднялось великое смятение. Это вошли в город Селин и Лисимах, воины которых начали уже хватать многих христиан и бросать их в темницу. Некоторые эллины сказали Селину о находившемся в городе женском монастыре. Селин тотчас же послал воинов взять всех инокинь. Воины, придя к монастырю, окружили его со всех сторон и, секирами разрубив двери, вошли внутрь его, как дикие звери. Схватив Вриенну, они хотели мечом убить старицу. Но Феврония, видя опасность, упала к ногам воинов и начала громко взывать:

— Заклинаю вас Богом, — убейте сначала меня, чтобы я не видала смерти госпожи моей.

Когда Феврония так вопияла, пришел туда комит Прим; он с гневом отогнал воинов и спросил Вриенну:

— Где же остальные инокини, которые пребывали в этом монастыре?

Вриенна сказала:

— Все в страхе бежали.

Тогда комит сказал:

— О, если бы и вы бежали вместе с ними! Но и теперь вы свободно можете сделать это и бежать, куда хотите, — я оказываю вам эту милость.

Сказав это, он вышел из монастыря и отвел с собою воинов. Когда он пришел в преторию к Лисимаху, тот спросил его:

— Правда ли говорили нам, что вблизи есть тут христианский монастырь?

— Правда, — сказал комит.

Затем, отведя Лисимаха в сторону, наедине сказал ему:

— Почти все инокини разбежались из монастыря того, и не нашел я там никого, кроме двух стариц и одной молодой инокини. При этом имею поведать тебе нечто дивное, что я видел в монастыре том: видел я младую черноризицу, столь великой красоты, что таких красивых женщин я никогда не видал доселе. Бог свидетель, что я истину говорю тебе. Увидев ее, я удивился благолепию лица ее, и если бы она не была одета в убогие одежды, и почел бы ее достойною стать женою тебе, господину моему.

На это Лисимах ответил:

— Если я не хочу преступать заповеди моей матери и проливать кровь христианскую, но желаю всячески щадить христиан, — то как же я могу быть соблазнителем невест Христовых? Никогда я этого не сделаю; но я обращаюсь к тебе, господин мой, с усердною просьбою: изведи стариц тех и молодую черноризицу из монастыря и сохрани где-нибудь, чтобы они не попали на мучение в руки Селина, дяди моего.

Когда они так говорили друг с другом, один из злейших воинов, бывший в монастыре, услыхав беседу их, немедленно отправился к Селину и рассказал ему, что они нашли в женском монастыре весьма красивую девицу и что комит советует Лисимаху взять ее в жены.

Селин, исполнившись ярости, тотчас же послал воинов, чтобы они сторожили найденных там черноризиц, не давая им возможности скрыться. Затем послал некоторых ближайших и вернейших слуг своих, чтобы они посмотрели на ту девицу и узнали имя ее. Те пошли и, возвратившись, сказали Селину, что в поднебесной, наверное, не найдется ни одной женщины, которая могла бы сравняться красотою своею с виденной ими девицей. После таких слов Селин тотчас же послал глашатая кричать в городе, чтобы на утро следующего дня все жители обоего пола и всякого возраста, собирались смотреть на подвиг юной девицы Февронии.

Услышав это, все люди, жившие в городе и окрестных селениях, собрались на зрелище в большом количестве, чтобы видеть подвиг святой Февронии. С наступлением утра мучитель послал в монастырь наиболее свирепых воинов, и повелел им привести оттуда святую деву на судилище. Воины, придя в монастырь, безжалостно схватили Февронию и, оковав шею ее цепями, повлекли из монастыря.

Тогда Вриенна и Фомаида, со слезами обнимая свою ученицу, стали горько плакать и молить воинов чтобы они позволили им немного побеседовать с Февронией; воины согласились. И снова Вриенна и Фомаида стали умолять воинов, чтобы они взяли и их с собою на тот же подвиг, какой предстоял Февронии; ибо старицы боялись, как бы одна она без поддержки с их стороны не устрашилась мук.

Но воины сказали:

— Нам не дано повеления представить вас на судилище, но только одну Февронию.

И вот Вриенна и Фомаида начали укреплять Февронию на подвиг.

Вриенна так говорила ей:

— Вот ты, дочь моя Феврония, идешь ныне на страдальческий подвиг. Знай, что небесный Жених будет взирать на твои страдания, и ангельские силы уже приготовили для тебя победный венец, если ты мужественно постраждешь до конца. Блюди, чтобы тебе не убояться мук и не сделаться поруганием бесов. Не жалей тела твоего, когда начнут его раздроблять ранами, — ибо оно, если бы даже и не хотели мы, все равно, по прошествии некоторого времени, вселится в гроб и обратится во прах. Вот, я с горьким рыданием буду ждать о тебе благой или печальной вести. Порадей же, дочь моя, — я усердно молю тебя от этом, чтобы мне услышать добрую весть о тебе. О кто бы принес мне ту благую весть, что Феврония мученически за Христа пострадала и вступила в сонмы мучеников!

На это блаженная Феврония ответила Вриенне:

— Надеюсь, мать моя, что как доселе я не преступала заповедей твоих, так и ныне неизменно соблюду наставление и повеление твое. И увидят люди и удивятся и восхвалят труд Вриенны, говоря: вот поистине насаждение и росток Вриенны — той великой старицы! Ибо я в женском теле проявлю мужескую силу духа; вы же молитесь обо мне и не препятствуйте идти на предлежащий подвиг.

Тогда сказала ей Фомаида:

— Жив Господь, сестра моя, Феврония, что и я пойду следом за тобою. Оденусь в мирские одежды и, став среди народа, буду смотреть на твой подвиг.

Когда же воины начали торопить Февронию и уже хотели повлечь ее за собою, она сказала тем святым старицам:

— Молю вас, мои матери, благословите меня на дорогу и помолитесь обо мне.

И Вриенна, воздев руки свои к небу, начала так молиться громким голосом:

— Господи Иисусе Христе, некогда явившийся в образе Павловом рабе Твоей Фекле[1] при страданиях ее, явись и ныне смиренной рабе Твоей Февронии в час ее подвига и свыше невидимо укрепи ее, чтобы и чрез нее прославилось имя Твое святое.

Так помолившись, Вриенна со слезами обняла Февронию и, облобызав ее, отпустила от себя. Воины же, взяв святую деву, повели ее к мучителю Селину.

Немного проводив свою любимую духовную дочь, Вриенна с плачем и рыданием возвратилась в монастырь и, повергшись на землю в церкви, вопияла, молясь к Богу о Февронии. Фомаида же, оставив Вриенну в церкви плачущею, облачилась в одежды мирских женщин и пошла следом за Февронией на позорище (место зрелищ. — *Ред.*). Туда же пошли и те женщины, которые каждую пятницу приходили в монастырь послушать книжные поучения из уст Февронии; биюще в перси свои, они со слезами спешили на позорище, пребывали в сильной печали оттого, что лишаются своей учительницы. Весть о том, что Феврония поведена на позорище, дошла также и до Иерии, и она так громко зарыдала, что родители ее и все бывшие в доме ужаснулись и стали спрашивать:

— Что с тобою, Иерия?

— Сестру мою Февронию повели на позорище, учительницу мою отослали на муки за Христа, — отвечала Иерия среди рыданий.

Родители Иерии старались успокоить ее, но она еще больше рыдала и говорила им:

— Оставьте меня, — я не перестану плакать по сестре моей и учительнице Февронии.

---

[1] Память святой первомученицы Феклы совершается 24 сентября.

Когда она так говорила, родители ее тоже возрыдали, и весь дом огласился плачем о святой Февронии; Иерия же стала просить родителей, чтобы они отпустили ее идти на позорище, и они не препятствовали ей. Взяв много рабов и рабынь, она с рыданием пошла на позорище и догнала множество жен, со слезами спешивших туда же; среди них была и Фомаида, шедшая в мирских одеяниях. Узнав ее, Иерия пошла вместе с нею, и они обе, проливая многие слезы, пришли на назначенное место. Бесчисленное множество народа собралось там, и судьи уже сидели на своих местах.

Когда все было приготовлено, Селин и Лисимах повелели привести к ним святую Февронию. Святая предстала пред ними, имея руки связанными назади, а шею окованною цепями; видя это, почти все там присутствовавшие залились слезами и предались горькому плачу и рыданиям. Мучитель Селин, подав знак к молчанию, сказал Лисимаху:

— Подвергни эту женщину допросу и выслушай ее ответы.

И начал Лисимах допрашивать Февронию. Сначала он спросил ее:

— Скажи нам, какого ты звания — раба ли ты или свободная?

— Да, я раба, — ответила Феврония.

— Чья же?

— Христова, — смело исповедала святая дева.

Снова спросил ее Лисимах:

— Какое имя ты носишь?

И Феврония ответила:

— Нарицаюсь я смиренной христианкой.

Лисимах опять спросил:

— Мы хотим знать имя твое.

— Я уже сказала тебе, что я христианка, — ответила Феврония, — но если ты хочешь знать то имя, какое дано мне было при рождении, — то я отвечу тебе: мать назвала меня Февронией.

Тогда мучитель Селин повелел Лисимаху прекратить допрос и сам обратился с речью к святой деве.

— Призываю богов в свидетели, Феврония, что я не хотел снизойти до беседы с тобою; но так как кротость твоя и красота лица твоего победили мой гнев на тебя, — то я спрошу тебя уже не как осужденную, но как дочь мою. Слушай же, дочь моя, пусть боги бу-

дут свидетелями, что я истину говорю тебе. Ты видишь сидящего со мною племянника моего Лисимаха; я и отец его Анфим, теперь уже умерший, наметили ему в жены девицу благородную, обладающую многими богатствами, дочь сенатора Про́сфора, и уже обручили его с нею. Теперь, если ты исповедуешь свою вину пред богами, то мы уничтожим брачный договор с дочерью Про́сфора и установим новый — с тобою. И станешь ты женою Лисимаха и, как жена, будешь восседать по правую руку его, как теперь восседаю я. Ты видишь, что он красив, как и ты. Послушай же моего совета, как отца твоего; в награду за то я сделаю тебя знатной и богатой, и ты никогда не узнаешь нищеты. Я не имею ни жены, ни детей, — и все, что у меня есть, дарю тебе, — делаю тебя госпожою всех имений моих. Все это я дам в приданое за тобою господину моему Лисимаху и буду вам вместо отца. Тогда, видя, сколь великой чести сподобилась ты, прославят и ублажат тебя все женщины, — порадуется о тебе и доблестный царь наш и с своей стороны тоже наградит вас многим, ибо он обещался поставить Лисимаха епархом Рима. Вот ты слышала все, что я сказал тебе. Скажи же мне, что ты не отвращаешься от богов наших, этим ты доставишь великую радость душе моей. Если же не послушаешь моего увещания, то не проживешь, клянусь богами, и трех часов. Итак, выбирай себе, что хочешь, и скажи нам.

На это святая Феврония так отвечала Селину:

— Судия! Я имею на небе чертог нерукотворный, в котором совершается брак вовеки нерасторжимый, приданое же мое — все небесное Царство. Имея Жениха Бессмертного, я не хочу соединиться со смертным и тленным человеком. А о том, что ты мне обещаешь, я и слушать не хочу. Нет, не трудись, судия! Ни ласкательствами и соблазнами ты ничего не достигнешь, ни угрозами меня не устрашишь.

Услышав такой ответ, Селин сильно разъярился и повелел воинам растерзать на ней одежды, затем — опоясать ее худым и коротким рубищем, и поставить почти нагою на позор пред всеми; он надеялся, что святая дева, видя себя в таком бесчестии, устыдится своего позора и раскается в своем упорстве. Воины тотчас исполнили приказание Селина и поставили мученицу почти совершенно нагою пред всеми.

Тогда сказал ей Селин:

— Что теперь скажешь мне, Феврония? Ты видишь, какое бесчестие сделалось твоим уделом, между тем как ты могла бы пользоваться великими благами.

На это Феврония сказала мучителю:

— Знай, судья, что если ты совлечешь с меня не только те одежды, но даже и это рубище, и оставишь меня совершенно нагою, то я ни во что вменю позор этот. Ибо Один есть Создатель мужа и жены; ради Него я готова не только претерпеть стыд наготы, но желаю даже быть усеченною мечом и сожженною огнем. О, если бы сподобил меня пострадать за Себя Тот, Кто добровольно претерпел за меня бесчисленные страдания!

— О бесстыдная и всякого бесчестия достойная! — воскликнул Селин, — я вижу, что ты гордишься красотой своей, и потому не вменяешь себе в стыд бесчестие наготы, ибо ты надеешься прославиться своею красотою, стоя обнаженною среди народа.

Святая ответила ему:

— Христос свидетель, что до нынешнего дня я не видала даже лица мужчины, равно как и моего лица никто из мирских людей не видел. Неужели теперь, находясь в твоей власти, я буду бесстыдна? Нет, бесстыден ты сам, обнажая пред всеми девическое тело. Но скажи мне, безумный судия: если борец выйдет на олимпийские состязания[1], то не нагим ли он борется, пока не победит противника своего? Точно так же и я, выйдя сюда на борьбу с сопротивным и ожидая для тела моего ран и огня, как могу претерпеть их, оставаясь в одежде? Разве не нагое тело воспринимает раны? И вот я выхожу нагою, чтобы, презирая муки, победить сатану — отца твоего.

Тогда Селин сказал слугам:

— Так как эта женщина сама ищет мук и говорит, что она не боится огня и ран, — то разложите ее на земле, зажгите огонь под нею, и пусть четыре воина бьют ее палками по хребту.

Тотчас воины начали мучить святую, как им было приказано. Долго били святую, так что кровь ручьями текла из тела ее. А чтобы разожженный под нею огонь не угасал, мучители возливали на него масло, дабы пламень становился больше и сильнее опалял мученицу.

---

[1] Имеются в виду состязания в борьбе и беге, происходившие через каждые четыре года в Олимпии, городе, находившемся на юге Греции. Состязания эти имели характер греческих национальных торжеств.

Когда так мучили святую, многие из среды народа стали кричать Селину:

— Пощади, пощади юную девицу, милостивый судия!

Но тот, не слушая молений, повелел истязать святую деву сильнее; потом, немного укротившись от гнева, приказал прекратить мучения. Воины оставили Февронию и, считая ее уже мертвою, повергли вне костра.

Фомаида, видя столь тяжкие муки Февронии, изнемогла духом и телом и пала на землю к ногам Иерии. При виде этого Иерия громко возопила:

— Горе, горе мне, сестра моя Феврония! Горе мне, учительница моя! Я уже больше не услышу учения твоего. И не только тебя я лишусь, но и Фомаиды; ибо и та, в печали о тебе, умирает.

Эти слова Иерии услышала Феврония, лежавшая на земле, и стала умолять близстоящих, чтобы они полили воды на лицо изнемогшей Фомаиды. Те исполнили эту просьбу, и Фомаида пришла в себя и стала на ноги.

Увидев, что Феврония еще жива, Селин обратился к ней с такими насмешливыми словами:

— Что скажешь, Феврония? Как сладок показался тебе твой первый страдальческий подвиг?

— Ты видишь, — отвечала Феврония, — что я, несмотря на твои старания, осталась непобедимою, потому что презираю все муки.

Тогда Селин приказал слугам:

— Повесьте ее на дереве и железными гребнями строгайте бока ее, раны же опаляйте огнем так, чтобы и кости ее были обожжены.

Мучители тотчас стали исполнять это приказание. Среди таких страданий Феврония возвела очи свои на небо и так стала молиться ко Господу:

— Прииди на помощь ко мне и не презри в этот час рабы Твоей.

И после этих слов она умолкла.

Когда тело ее безжалостно строгали и жгли огнем, многие из собравшихся на позорище не могли смотреть на столь ужасные муки и отошли оттуда; другие же стали кричать судье, чтобы он пощадил юную и ни в чем неповинную девицу. Тогда Селин повелел прислужникам прекратить мучения. Затем он стал предлагать Февронии, висящей на дереве, некоторые вопросы, но она молчала. Снова распа-

лившись яростью, мучитель повелел снять ее с дерева и привязать к колу, водруженному на земле, — затем сказал:

— Так как эта скверная женщина не хочет отвечать мне, то отрежьте язык ее и бросьте в огонь.

Услышав это, святая мученица тотчас же простерла из уст язык и дала знак воину, чтобы он исполнил приказание. Но лишь только воин коснулся языка, чтобы отрезать его, стоявший здесь народ громко стал кричать, заклиная судию именем богов своих и умоляя его, чтобы он отменил свое приказание. Снисходя к просьбам народа, Селин дал приказ не резать язык, а вместо того велел вырывать зубы. Тотчас же один из мучителей взял железное орудие и начал вырывать зубы мученицы один за другим. Когда он вырвал семнадцать зубов, Селин велел прекратить это мучение. Между тем из уст святой текли целые потоки крови, и от жестоких страданий она совершенно изнемогла телом. Призвали врача, который остановил течение крови.

Потом Селин снова начал вопрошать святую, обратившись к ней с такими словами:

— Хотя бы теперь, Феврония, подчинись требованию суда и исповедай веру в богов.

Святая ответила:

— Анафема[1] тебе, проклятый и в беззакониях состарившийся слуга диавола! Долго ли ты будешь препятствовать мне на пути моем, заграждая мне вход к Жениху моему Христу? Поторопись скорее освободить меня от этого бренного тела моего, так как Жених мой уже ждет меня.

На это Селин сказал Февронии:

— Вот, я велю совершенно истерзать тело твое, предав его мечу и огню. Ибо я вижу, что ты бесстыдно гордишься юностью твоей. Но от этого тебе не будет никакой пользы; твоя гордость принесет тебе еще большее зло и тягчайшие муки.

Святая мученица, истомленная чрезмерными мучениями, не могла больше ничего говорить, но молчание ее еще более распалило ярость мучителя: жестокий Селин велел отрезать у Февронии ее девические сосцы. Народ кричал, умоляя судью, чтобы он пощадил

---

[1] *Анафема* — значит отлучение. Это есть предание отлученного на суд Божий.

девицу и отменил свое приказание. Но Селин, разгневавшись на мучащего прислужника, сказал ему:

— Зачем медлишь, прескверный противник богов наших? Зачем не исполняешь повеленного тебе?

Тогда прислужник, взяв бритву, тачал резать у святой мученицы правый сосец. Она же, возведя очи на небо, громким голосом молилась к Богу, говоря:

— Господи Боже мой, воззри на мучения, мною претерпеваемые, и приими в руки Твои душу мою.

Сказав это, она умолкла и больше уже ничего не говорила.

Когда отрезали обо сосца и повергли их на землю, Селин повелел принести огонь и опалять им язвы, образовавшиеся на месте отрезанных сосцов. Точно так же он повелел жечь утробу мученицы, так что тлели все внутренности ее. При этом многие из народа, не будучи в состоянии смотреть на такое мучительство, отходили от позорища и громко проклинали Диоклетиана и его богов.

В это время Фомаида и Иерия послали рабыню в монастырь, чтобы она возвестила Вриенне о всем происшедшем. Услышав рассказ посланной, Вриенна исполнилась духовной радости и веселия и со слезами начала так взывать к Богу:

— Господи Иисусе Христе, Боже наш, прииди на помощь к рабе Твоей Февронии!

Затем, пав на землю, она с плачем и рыданием говорила:

— Где ты теперь, Феврония? Где ты, кроткая дочь моя? Где ты, раба Христова? Где ты, украшение иноческого чина?

Наконец, поднявшись с земли и воздев руки к небу, воскликнула:

— Господи! Призри на смиренную рабу Твою и помоги ей в её подвиге! Сподоби мне видеть ее скончавшейся мученицей и вчиненной в лике святых мучеников.

В это время на позорище происходило следующее: мучитель Селин повелел отвязать Февронию от кола, к которому она была привязана; святую отвязали, и она, будучи не в силах стоять на ногах, тотчас же пала на землю. При виде этого комит Прим тихо сказал Лисимаху:

— За что эта юная отроковица терпит столь жестокие мучения? Не пора ли прекратить истязания?

Лисимах на это ответил:

— Подожди, брат, ибо ее страдания для многих, смотрящих на нее, послужат на пользу. И я думаю, что эти страдания и для меня будут во спасение. Я много слышал от матери моей, которая говорила, как мученики своим мужеством обращали многих на путь спасения. Пусть же и эта девица до конца претерпит свой мученический подвиг, чтобы спасти меня и других многих.

В это время Иерия, увидев Февронию, упавшую на землю, громогласно воскликнула, обращаясь к Селину:

— О бесчеловечный мучитель! Не довольно ли было для твоей жестокости и первых мучений, которым ты подверг неповинную эту отроковицу? Разве ты не помнишь матери своей, которая также имела женскую плоть? Разве ты сам не питался сосцами, подобными тем, которые ты повелел отрезать? Неужели ты для того был вскормлен женскими сосцами, чтобы проявлять столь лютую жестокость над женщинами? Я удивляюсь, как это ничто не может укротить твоего жестокого и бесчеловечного нрава. Но знай: как ты не пощадил этой девицы, так не пощадит и тебя Царь небесный.

Так восклицала Иерия. Селин, услышав речь ее, снова исполнился ярости и повелел воинам схватить Иерию из толпы, намереваясь немедленно подвергнуть ее мучениям. Услышав повеление, Иерия с радостью сама пошла навстречу воинам, пролагая путь себе среди толпившегося народа; при этом она повторяла:

— Господи Боже рабы Твоей Февронии! Приими с нею и меня — смиренную рабу Твою.

Но прежде чем она дошла до судилища, друзья Селина стали советовать ему, чтобы он не подвергал Иерию мучению пред всем народом — ввиду ее благородного происхождения.

— Мы боимся, — говорили они, — как бы все множество собравшегося народа, увидев ее страдания, не пожелало пострадать вместе с нею, и тогда придется иметь дело со всем городом.

Селин послушался их совета и не повелел подвергать Иерию истязаниям, а только гневно воскликнул, обратившись к ней:

— Слушай, Иерия! Клянусь богами, что ты своими дерзкими и бесстыдными речами навлекаешь на Февронию еще большие мучения.

Сказав это, он тотчас же отдал приказ, чтобы святой Февронии отсекли обе руки. Оруженосец, подложив дерево под правую руку мученицы, ударил по ней секирою и отсек ее; таким же образом он отсек и левую руку Февронии. Не удовлетворившись этим, жестокий мучитель повелел отсечь мученице правую ногу. Подложив дерево под ноги святой и взяв секиру в руки, оруженосец с великою силою ударил секирою повыше колена, но не смог отсечь ноги мученицы, — тогда он ударил вторично, но также безуспешно. В народе, при виде этого, начался вопль и смятение, и все негодовали на жестокость мучителя. Оруженосец же ударил по ноге в третий раз и только тогда едва отсек ногу. Феврония от столь лютых мучений затрепетала всем телом и, хотя уже находилась на пороге смерти, однако, насколько была в силах, простирала и другую ногу, кладя ее на дерево, чтобы отсекли и ее. Увидев это, Селин сказал:

— Смотрите, сколь великую силу имеет эта бесстыдная женщина.

Потом, обратившись к оруженосцу, в сильном гневе произнес:

— Отсеки ей и другую ногу.

Тот немедленно исполнил это повеление.

Тогда Лисимах, восстав с своего седалища, сказал Селину:

— Неужели ты еще хочешь мучить эту бедную отроковицу? Пойдем отсюда, ибо наступил час обеда.

Но нечестивый Селин ответил:

— Клянусь богами, что я не оставлю ее живою, но буду здесь, пока она не умрет.

Но душа мученицы не выходила из тела ее в продолжение многих часов; тогда Селин спросил оруженосцев:

— Неужели все еще жива эта бесстыдная женщина?

— Да, жива еще, — отвечали ему, — душа еще пребывает в ней.

Тогда Селин повелел отсечь мученице святую главу ее.

Воин, взяв в одну руку меч, другою схватил волосы на голове мученицы и заклал ее в выю, как закалывают овец, а затем отсек и голову. Тотчас же после этого Селин встал и пошел обедать; с ним шел и Лисимах, проливая слезы.

После мученической кончины святой Февронии верные, находившиеся среди народа, хотели унести честны́е мощи ее. Но Лиси-

мах приставил к ним воинов с приказанием стеречь их, чтобы ни один член тела мученицы не был похищен. А сам, не желая от великой печали и скорби вкушать вместе с Селином пищи, затворился в спальной комнате и горько рыдал там о убиении Февронии.

Селин, увидев сетование Лисимаха, опечалился и также не пожелал принять пищи, но встав начал ходить по покоям дворца, испытывая крайнее смущение. Когда же он случайно поднял глаза вверх, на высоту небесную, на него внезапно напал великий страх и ужас, и он сделался нем. Потом, громким голосом воскликнув и зарычав, подобно волу, он ударился головою о мраморную колонну, находившуюся в том покое, и, разбив себе голову, пал на пол мертвым. Среди слуг и воинов Селина поднялся вопль, и произошло смятение. На их крики пришел из своей спальной комнаты Лисимах и, увидев дядю своего лежащим на земле и мертвым, удивился и исполнился ужаса. Придя в себя, он повелел прекратить вопли и стал спрашивать:

— Как произошло это?

Предстоящие рассказали ему, что видели.

Покивая в удивлении головою, Лисимах промолвил:

— Велик Бог христианский! Он поистине достоин почитания, ибо отомстил за кровь неповинную!

Сказав это, он повелел труп Селина вынести из города и похоронить по эллинскому обычаю. Затем Лисимах призвал к себе комита Прима и сказал ему:

— Заклинаю тебя Богом христианским, — не преступи заповеди моей, которую я даю тебе. Постарайся скорее уготовать для тела Февронии ковчег из деревьев не гниющих и разошли вестников, сзывая христиан на погребение святой мученицы: пусть они собираются безбоязненно, так как Селин уже умер. Вот, ты знаешь, возлюбленный Прим, мое желание. Возьми же отряд воинов и, собрав все отсеченные члены тела Февронии, отнеси их в монастырь; при этом наблюдай, чтобы ни одна часть тела святой не потерялась и не пропала. А чтобы псы не лизали землю, на которую пролилась кровь мученицы, — для этого прикажи счистить ее, затем собрать и отнести, вместе с мощами, в монастырь.

Комит тотчас же призвал воинов и, согласно желанию Лисимаха, повелел им нести тело мученицы в монастырь; а сам, собрав отсе-

ченные части тела ее: главу, руки, ноги, сосцы и зубы — и завернув в свою хламиду, пошел вслед за ними, сопровождаемый множеством народа. Придя в монастырь, комит никого не допустил внутрь его, кроме Фомаиды и Иерии.

Игумения монастыря, честная старица Вриенна, увидав бездыханное и изуродованное тело Февронии и отсеченные уды ее, от великой скорби и жалости изнемогла телом и пала на землю как мертвая. Комит же, поставив к монастырю стражу воинскую, возвратился к Лисимаху.

Только по прошествии нескольких часов пришла в себя Вриенна. И восстав от земли, она припала к телу мученицы и, обнимая его, вопияла:

— Увы мне, дочь моя Феврония, ныне ты взята уже от очей матери твоей. Кто ныне читать будет сестрам Божественные Писания? Чьи руки разогнут книги, которые ты держала?

В это время все инокини, которые ушли вместе с Еферией, возвратились в монастырь и со слезами поклонились до самой земли телу святой мученицы Февронии.

Горько плакала при мощах святой мученицы и блаженная Иерия, которая взывала:

— Поклонюсь святым ногам, поправшим главу змия, облобызаю святые язвы, которые проливают моей душе благодатные токи исцеления, увенчаю похвальным венцом главу той, которая величием своего подвига увенчала весь женский род.

И плакали все сестры над мощами мученицы. Потом, омыв их, они положили на той доске, на которой святая почивали при жизни, когда отдавалась кратковременному отдыху; поместив на этой доске тело мученицы, они приложили все отсеченные члены к язвам на свое место и с псалмопением понесли честные мощи в церковь.

При наступлении вечера, Вриенна повелела открыть монастырские ворота, чтобы все желающие могли войти в церковь и, увидев мученицу, прославили Бога, давшего ей столь великое мужество и терпение в страданиях. И пришло множество народа. Пришел туда также и Лисимах с комитом Примом; ибо он сказал комиту:

— Я отрекаюсь от всех отцовских обычаев и идолослужения и все мои богатства оставляю, и иду соединиться со Христом.

На это комит ответил ему:

— И я, вместе с тобой, сделаю то же самое. Пусть погибнет Диоклетиан и его царствование, — не буду больше служить ему, но, все оставив, послужу Христу.

Так они оба, согласившись друг с другом, оставили преторский дворец[1] и пришли в монастырь к мощам святой Февронии.

Еще пришел туда и епископ того города со священниками и клиром и множеством иноков, — и совершили они всенощное славословие Богу со слезами и радостью духовною.

Когда же наступил день, принесли прекрасно устроенный ковчег для тела мученицы и вложили в него честнóе тело с благоговением; потом приложили к нему каждый отсеченный член, зубы же положили на персях мученицы. После этого намастили мощи миром и ароматами и погребли их в церкви, славя и благодаря Господа. И подавались от гроба святой исцеления болящим, так что множество эллинов уверовали во Христа и крестились. Приняли также святое крещение и Лисимах с Примом. При этом они сложили с себя сан свой и не пожелали возвратиться к злочестивому Диоклетиану, но, отвергшись мира, отправились к архимандриту Маркеллу и приняли иночество; богоугодно пожив в трудах и подвигах постнических, оба они в миру окончили жизнь свою и перешли ко Христу.

Точно так же боярыня Иерия, отдав монастырю Вриенны все имения свои, приступила к последней с такою просьбою.

— Молю тебя, мать моя, — говорила она, — прими меня к себе в качестве дочери, вместо святой Февронии, и я послужу тебе, оказывая во всем повиновение, как служила тебе Феврония.

Сказав это, она сняла с себя всю драгоценную утварь и отдала все это на украшение церкви; сама же, отрекшись мира, сделалась инокиней.

Празднество в честь святой мученицы Февронии совершалось в монастыре игумении Вриенны после мученической кончины ее ежегодно 25 июня, в который святая и совершила доблестный подвиг свой за Христа. И в день праздника каждый год совершалось знаменательное чудо: во время всенощного пения среди поющих сестер

[1] *Преторский дворец* — дворец префекта, начальника провинции.

являлась в храме святая мученица и занимала свое прежнее место. Когда это случилось впервые, все инокини, узрев среди себя святую, устрашились, а Вриенна громко воскликнула:

— Вот пришла к нам дочь моя, Феврония!

При этом она с радостью устремилась к ней, намереваясь обнять ее материнским объятием. Но святая тотчас же сделалась невидима. С того времени никто уже не дерзал прикоснуться к являвшейся или сказать ей хотя бы слово; но с ужасом и удивлением каждый раз смотрели на нее, и от видения святой ощущали в себе великую радость и умилялись в сердце своем, невольно проливая слезы. В продолжение трех часов стояла святая среди поющих, зримая всеми, а затем снова становилась невидимою.

Епископ того города сильно благоговел пред именем святой Февронии: он основал во имя мученицы церковь, которую строил в продолжение шести лет. Окончив строение церкви и украсив ее, он, в день памяти святой Февронии, собрал окрестных епископов для освящения церкви и хотел перенести в нее честные мощи мученицы. По совершении всенощного пения, епископы со всем собором священнослужителей пришли в монастырь и, помолившись, открыли гроб святой и увидели ее честные мощи, сияющие неземною красотою, подобно лучу солнечному. При этом все инокини плакали и рыдали, скорбя, что столь многоценное сокровище от них берется. Когда же руки епископа коснулись ковчега, чтобы взять его, тотчас же раздался в воздухе удар грома, столь сильный, что все пали от страха на землю. По прошествии одного часа епископ снова дерзнул коснуться ковчега; но вдруг сделалось такое землетрясение, что весь город поколебался. Тогда все уразумели, что святая мученица не хочет, чтобы ее мощи взяли с места погребения их. Епископ исполнился великой скорби и уже не дерзал более коснуться ковчега, но стал просить Вриенну:

— Послушай меня, сестра моя, — ты знаешь, с каким усердием воздвиг я, в славу и честь преподобномученицы, храм, на что потребовалось целых шесть лет. И вот святая мученица не соизволила послушать молитв моих и не хочет перейти в созданный в честь нее храм. Поэтому я умоляю тебя: возьми своими руками хотя один из отсеченных членов тела ее и дай нам, чтобы не остался без награды труд мой.

Вриенна простерла руку свою и дотронулась до одной руки святой, намереваясь подать ее епископу, — но рука игумении была удержана невидимою силою и сделалась как бы мертвою. Тогда Вриенна, проливая слезы, начала говорить, обратившись к святой как к живой:

— Молю тебя, дочь моя, святая мученица Феврония, не прогневайся на меня, матерь твою, вспомни труды мои для тебя, а не уничижи старости моей.

Когда она сказала это, рука ее получила свободу.

После этого Вриенна снова сказала мученице со слезами:

— Подай нам благословение свое, госпожа наша, и снизойди на нашу просьбу к тебе.

Сказав это, она снова простерла руку, взяла один зуб мученицы, лежавший на персях, дала епископу и тотчас же затворила ковчег.

Епископ с радостью принял зуб тот, вложил его в золотой сосуд и, с другими епископами, клиром своим и со всем народом, возвратился к новосозданному храму, неся полученный дар с псалмопением, в сопровождении свечей и кадил, при всеобщем народном ликовании. Внеся этот дар в самый храм, епископы освятили его. В тот день в новоосвященном храме немало было исцелений болящих молитвами святой мученицы: хромые получали крепость ног и ходили, слепые прозревали, бесноватые освобождались от бесов; всякий, кто каким-либо недугом одержим был, едва прикасался устами к той малой части, взятой от мощей мученицы, и лобызал ее, тотчас же получал исцеление и отходил здравым в дом свой, радуясь и благословляя Бога.

По освящении нового храма во имя святой Февронии преподобная игумения Вриенна прожила еще два года и, приблизившись к блаженной кончине своей, поставила вместо себя игуменией Фомаиду, после чего и преставилась ко Господу.

«Я же, — говорит списательница жития этого, игумения Фомаида, — по преставлении матери нашей Вриенны написала житие и страдания святой мученицы Февронии, как я видела очами своими; а относительно Лисимаха написала то, что слышала из уст его самого. Все это я написала для пользы читающих и слушающих прочитываемое, во славу Христа Бога нашего, со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и присно и во веки веков». Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХ БЛАГОВЕРНЫХ **князя ПЕТРА и княгини ФЕВРОНИИ, в иночестве ДАВИДА и ЕВФРОСИНИИ,** Муромских чудотворцев

Благочестивый князь Петр[1] происходил из благочестивого и святого рода[2], воспитан был в православной вере и целомудрии в городе Муроме[3] и правил княжеством своим, во всем соблюдая строгую справедливость. Когда наступило время, он сочетался браком с благоверною княгинею Февронией, которая также происходила из благочестивого рода[4] и тщательно была наставлена в благочестии. Будучи, таким образом, оба святыми и праведными людьми, блаженные Петр и Феврония любили чистоту и целомудрие и всегда были милостивыми, справедливыми и кроткими. Они избавляли от власти обижающих тех, кто подвергался обидам, достойно чтили лиц иноческого и священнического звания, подавая им материальные пособия, с великим милосердием относились к бедным и усердно упражнялись в посте и воздержании. Желая по слову Господа унаследовать землю кротких (см.: Мф. 5, 5) и снискать себе вечное блаженство праведников, они, кроме того, и во всем прочем весьма много угодили Христу своими добрыми делами. Достигши затем маститой старости, блаженный Петр впал в телесный недуг и принял пострижение, причем в иночестве ему дано было имя Давида. После сего, немного поболев, он с твердой верой преставился к Богу в Царство небесное. Точно так же и святая княгиня Феврония,

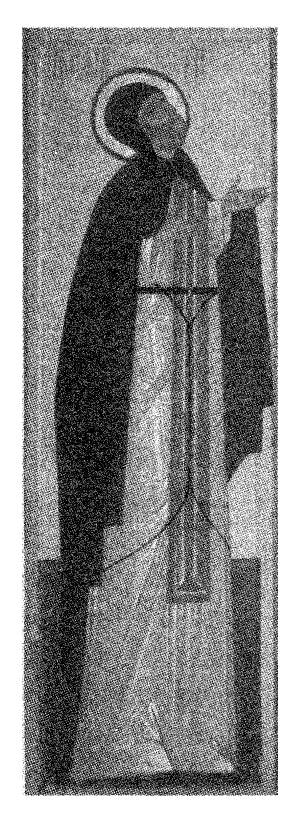

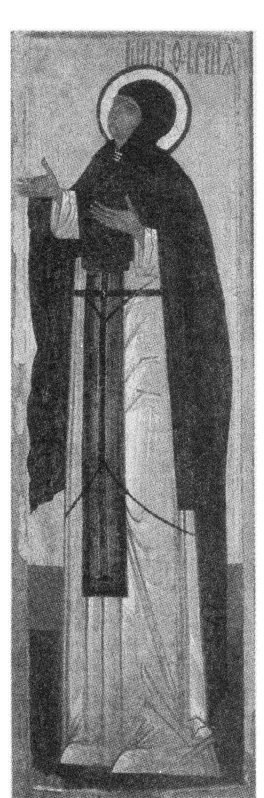
[1] *Святой Петр — Давид*, князь Муромский, был вторым сыном Муромского князя Юрия Владимировича. Он стал княжить в Муроме после старшего брата своего Владимира Юрьевича, вступив в управление княжеством 18 декабря 1203 года.

[2] Родоначальник муромских князей, князь Константин Святославич причислен к лику святых; память его празднуется 21 мая.

[3] *Муром* в древности был центром северной Ростово-суздальской области, ныне уездный город Владимирской губернии.

[4] Есть предание, что святая княгиня Феврония по происхождению своему была простою поселянкою, дочерью «древолазца-бортника» из деревни Ласковой, Рязанской губернии.

исполняя искреннее свое желание, постриглась в иночество, получив в иноческом звании имя Евфросинии и подобно супругу своему с непоколебимой верой и чистой совестью преставилась, предав душу свою в руки Божии[1]. Таким образом оба святые супруги унаследовали землю кротких, которой с юных лет так желали. После кончины блаженного князя Петра вельможи и бояре оплакивали его, как отца, горожане — как заступника своего и защитника, бедные вдовы и неимущие пропитания — как своего кормителя и помощника. Честные тела святых князя и княгини с торжеством проводили все жители города и похоронили их в одном гробе в городе Муроме. Святые и до этого дня чрез честные мощи свои совершают во славу Божию чудеса тем, кто с верою обращается к ним[2].

[1] Святые князь Петр и княгиня Феврония скончались в один день, 25 июня 1228 года, а по мнению преосвященного Филарета, кончина их падает на 25 апреля 1228 года, причем 25-й день апреля признается им за день их кончины, а 25 июня — за день открытия мощей. Прославление их началось в начале XVI века, а на Московском соборе 1547 года положено было местно праздновать память их. Впоследствии (вероятно, с 1552 года) это празднование стало повсеместным.

[2] «Блаженный Давид и Евфросиния, — говорит преосвященный Филарет, — в жизни своей были образцом христианского супружества, готовые на все лишения для евангельской заповеди о нерушимом союзе. И ныне они молитвами своими низводят небесное благословение на вступающих в брак. Так показывают многие опыты загробной жизни их».

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

ЯВЛЕНИЕ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ **ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**, именуемой Тихвинской

В лето от сотворения мира 6891-го, а от воплощения Бога Слова в 1382-го, в царствование великого князя Димитрия Иоанновича[1], при святейшем митрополите всея Руси Пимене[2] и при новгородском архиепископе Алексии, явилась на Руси пречестная икона Пресвятой Богородицы, с изображением начертанного на левой руке ее младенца, предвечного Господа нашего Иисуса Христа. Явление это произошло при следующих обстоятельствах.

В пределах Великого Новгорода, в небольшом расстоянии от Варяжского моря[3], на водах великого озера Нево[4] рыбаки ловили рыбу. И во время ловли осиял их вдруг светозарный луч с неба... Взглянув вверх, они увидели дивное чудо: по воздуху над водами шла, носимая невидимыми руками, икона Пречистой Девы Богородицы, сияющая подобно солнцу. Рыбаки, увидев столь чудесное явление, сначала пришли в ужас, а потом исполнились радости. Оставив свое дело, они вперили очи в зримое ими предивное чудо, желая увидеть, куда идет и где остановится святая икона. Но Бог не соизволил ис-

---

[1] *Димитрий III Иоаннович* княжил на Москве с титулом великого князя с 1363-го по 1389 год.

[2] *Пимен* управлял русской митрополией с 1382-го по 1389 год с перерывом (между 1385-го и 1388 годом).

[3] *Варяжским морем* называлось тогда Балтийское. Название Варяжское заимствовано было от древних варягов, населявших берега нынешней Швеции.

[4] *Озеро Нево* — ныне Ладожское.

полнить это желание их, — и святая икона скоро скрылась от очей их и стала невидима.

После того икона Пресвятой Богородицы явилась в тех же новгородских пределах, в селении Вымоченице, на реке Ояти[1], за сто поприщ[2] от Тихвина[3]. Здесь она предстала пред местными обитателями стоящею в воздухе и сияющею неизреченным светом. Увидев такое необычайное явление, обитатели селения того собрались все вместе и, ужасаясь, дивились зримому ими чуду; потом они начали усердно молиться ко Пречистой Богородице. Тогда чудесная икона Владычицы небесной спустилась с воздушных высот к людям на землю. С великой радостью приняли икону Царицы небесной обитатели Вымоченицы и тут же с усердием создали в честь ее часовню, в которой и поместили ниспосланный им образ; впоследствии на месте этой часовни создан был храм в память славного рождества Пресвятой Богородицы. Здесь, в селе Вымоченице, икона пребывала некоторое время, подавая многим больным, с верою притекающим к ней, исцеления.

Но по прошествии немногого времени она была взята оттуда невидимою рукою и, несомая по воздуху, явилась в местечке Кожела, близ реки, называемой Паши[4], за двадцать поприщ от Тихвина, — явилась совершенно так же, как и в упомянутом выше селении. Увидев ее, сияющую чудесным светом, насельники местечка того стеклись все, исполненные удивления и ужаса, и усердно молились ко Пречистой, чтобы Она даровала им милость и ниспослала им Свою икону. И моление их было исполнено. Икона спустилась с высоты на землю, и местные жители в свою очередь создали в честь ее часовню, на месте которой впоследствии была построена церковь в память Покрова Пресвятой Богородицы.

Но и на этом месте не соизволила Пречистая долго пребывать своей иконе: по прошествии некоторого времени она снова была

---

[1] *Оять* — левый южный приток реки Свири, выходящей из Онежского озера и впадающей в Ладожское с восточной стороны его.

[2] *Поприще* — мера расстояния. В древней Руси поприще равнялось шестистам девяноста нынешним саженям.

[3] *Тихвин* — город Новгородской губернии.

[4] *Паша* — река, впадающая в Ладожское озеро при устье реки Свири. Она протекает по С.-Петербургской и Новгородской губерниям в середине между реками Оятью и Тихвинской.

взята оттуда невидимо и посетила благодатным явлением своим еще несколько мест. На всех этих местах, ознаменованных и освященных присутствием чудотворного образа, усердием верующих созданы были сначала часовни, а впоследствии храмы Божии.

Так чудесно переходила с места на место святая икона, как легкое облако носимая по воздуху, пока не остановилась окончательно близ города Тихвина на реке Тихвинке[1].

Это последнее явление совершилось совершенно таким же образом, как и первые. Честная икона, подобно облаку, неслась по воздуху и потом стала, пребывая чудесно на воздухе. Таково-то было чудесное и преестественно шествие иконы Богоматери! Множество народа, из города Тихвина и окрестных селений привлекаемого великим тем чудом, стеклось к месту явления; вместе с ними пришли также и священники с крестами и иконами. Долго молились они пред чудесною иконою, воспевая псалмы и священные песнопения; потом вместе с народом они стали взывать:

— Прииди к нам, Царица, прииди к нам, Владычица, призри на нас, недостойных рабов твоих, ниспошли нам щедроты человеколюбия твоего, посети нас свыше и просвети помраченных грехами светозарным твоим пришествием.

Когда они так усердно молились и проливали многие слезы, святая икона спустилась с неба на их руки и с благоговением и радостью была принята ими. Усердно облобызав икону и сотворив пред нею многие моления, жители окрестных селений тут же начали рубить деревья для часовни. В тот же день они сложили три венца для сруба часовни и поставили их вокруг иконы. Когда же наступила ночь, собравшийся народ разошелся по домам своим, оставив около чудотворной иконы несколько человек, чтобы они всю ночь неусыпно пребывали в молитве.

Оставленные действительно всю ночь молились, но к утру, утомившись от ночного бдения, задремали. И когда они спали, совершилось предивное чудо. Чудотворная икона, вместе с основанием часовни, перенеслась, как бы по мановению Божию, с своего места на другое. Вместе с нею перенеслись на другое место и все бревна,

[1] *Тихвинка* — приток реки Сясь, впадающей в Ладожское озеро с юго-восточной стороны.

приготовленные для построения часовни; и не только бревна, но даже и щепки — все, до самой маленькой, перенесены были невидимою рукою, — так что никто из стерегущих не видел этого и не слышал. Когда же пробудились они, то не нашли на прежнем месте ни образа Пречистой Богородицы, ни основания часовни, ни деревьев для нее, и исполнились великой печали и ужаса.

Наутро окрестные жители снова собрались для поклонения пречестной иконе Богородицы и для создания в честь нее часовни. Но не найди ничего на месте том, где они оставили образ и начали созидать часовню, — пришли в ужас и стали спрашивать проведших ночь около иконы:

— Что это значит?

Те рассказали, как они всю ночь пробыли в молитве, как к утру ненадолго заснули, и как, пробудившись, не нашли ни иконы, ни деревьев, ни даже щеп, взятых неведомо куда. Тогда все исполнились великой печали, скорбя о том, что они лишились такого многоценного богатства духовного. С плачем и рыданием простирая моления к Богу, они начали так взывать:

— О Владыко Человеколюбче! Ниспошли нам снова божественный дар Твой, который человеколюбно и преславно послал Российской стране; не скрой от нас бесценного сокровища этого, коим мы надеемся обогатить душевную нищету нашу. О Владычице, Матерь Милосердная! Куда отошла Ты от нас недостойных чад Твоих? Вчера Своим пришествием к нам Ты исполнила сердца наши многою радостию, а ныне отшествием Своим повергла нас в печаль неисходную, предала нас слезам и рыданиям. Но явись нам снова, свете наш, и претвори печаль нашу в радость.

Совершив такую молитву, они разошлись в разные стороны по горе той и по всей окрестной дубраве, взглядывая то на воздух, то на землю и стараясь отыскать икону. И усердные поиски их не остались тщетными. Скоро они узрели чудесный свет, исходивший с востока, с другой стороны реки Тихвинки, из болотистой лесной пустыни, отстоявшей от горы почти в двух стадиях расстояния. Увидев свет, народ тотчас же устремился по направлению к нему и обрел там икону Пресвятой Богородицы, вместе с основанием часовни и со всеми бревнами и щепами от них. Сруб, сооруженный на горе, оставался совершенно цел, как был поставлен ранее, святая же икона

находилась в срубе у восточной стороны его, вися на воздухе, так как не была прикреплена к стене. Видя это, обретшие икону припали к ней, проливая слезы от радости и прославляя Бога и Его Пречистую Матерь.

— Слава Тебе, Христе Боже, — восклицали они, — слава Тебе, Пречистая Матерь Божия, что Ты не оставила нас, рабов Твоих! Молим Тебя, — до конца не оставляй нас, но всегда пребуди с нами, спасая и соблюдая словесное стадо Сына Твоего.

Помолившись, весь народ докончил сооружение часовни, а потом, избрав достойнейших мужей, послал их в Великий Новгород к преосвященному архиепископу Алексию и к градоправителю Новгорода, с вестью о преславном явлении иконы, которая, несомая Ангелами по воздуху, неведомо откуда пришла к ним.

Услышав рассказ о бывшем в Тихвине великом чуде, архиепископ и градоправитель удивились и, исполнившись духовной радости, прославили Бога и Пречистую Матерь Его. Немедленно они известили о чудесном событии великого князя Московского Димитрия Иоанновича, исполнив и его духовной радости. Затем преосвященный Алексий хиротонисал для Тихвина нескольких пресвитеров и диаконов и отослал их, вместе с пришедшими к нему мужами, дав им антиминс и благословение свое на создание и освящение церкви на реке Тихвинке, во имя Успения Пресвятой Богородицы. Они, придя к Тихвинке и совершив моления пред чудотворною иконою, с усердием приступили к построению церкви. Приближался праздник Успения Пречистой Девы Марии, когда они окончили постройку храма. Намереваясь совершить в этот праздник освящение храма, они послали в окрестные селения, поприщ за двадцать и более, пономаря — возвестить христианам о дне освящения церкви и предупредить их, чтобы они постом и молитвой приготовляли себя к предстоящему торжеству.

Пономарь тот, по имени Георгий, был муж праведной жизни, благоговейный и благоугодный. Когда он в день предпразднства Успения возвращался назад к церкви и находился уже за три поприща пути от нее, в лесной пустыне, — он ощутил необычайное благоухание, как бы от множества фимиама и ароматных веществ; ибо благодать Духа Святого облагоухала место то, на котором имела явиться Сама Пречистая Дева Богородица.

Георгий удивился и стал размышлять, откуда исходит в глухой, безлюдной пустыне столь необычайное благоухание. Вдруг он узрел Пречистую Матерь Божию, сидевшую на упавшей сосне и державшую в десной руке Своей червленый жезл, на который Она как бы упиралась. Пред нею стоял светлый муж, облеченный в светлые ризы и напоминающий видом своим святителя Николая Мирликийского. Увидав это чудное явление, пономарь объят был страхом и ужасом и пал на землю как мертвый. Тогда предстоящий Богородице святитель, подойдя, коснулся его и сказал:

— Встань и не бойся!

Георгий с трепетом и радостью поднялся, стал на колени и, сложив руки на груди своей, созерцал дивное видение.

И вот сидевшая на сосне Пречистая Дева сказала ему:

— Георгий! Иди к церкви моей и скажи священникам и всему народу, чтобы не ставили на ней железного креста, который они хотят поставить; пусть вместо него они поставят деревянный: такова моя воля.

Пономарь, собравшись с духом, в страхе сказал Пречистой:

— Госпожа и Владычица моя! Мне не поверят!

Но предстоящий Богородице святитель сказал ему:

— Если тебе не поверят, то для уверения их дано будет знамение.

После таких слов Пречистая и предстоявший ей святитель стали невидимы. Тогда пономарь окончательно убедился, что он удостоился чудесного видения Пречистой Богородицы и великого святителя Николая Чудотворца. Немедленно припав на землю, он воздал благодарение Богу, Который удостоил его лицезреть такое преславное явление.

Придя к церкви, пономарь поведал священникам и всему народу, что он видел и слышал, но те не поверили ему и повелели рабочим ставить на церкви железный крест. Но когда один из рабочих взял, по повелению священников, крест и, влезши на крышу церкви, начал ставить его, вдруг поднялась великая буря и сильный ветер. Порывом ветра человек тот с железным крестом был подхвачен как бы руками и поставлен на землю, без малейшего вреда для него, как будто он не упал с высоты, но сам спустился на землю. Видя это страшное чудо, священники и весь бывший тут народ весьма испугались и, поверив словам пономаря, прославили Бога и Пре-

чистую Его Матерь, а также ублажили и святителя Николая. Потом, немедленно соорудив деревянный крест, они поставили его над церковью и с великой радостью и ликованием совершили празднование освящения церкви и вместе воспоминание Успения Пресвятой Богородицы. От иконы Пречистой Богоматери совершилось тогда множество чудес, и одержимым различными болезнями подавались исцеления. Так было не только при отмеченном торжестве, но и после него.

По освящении церкви на реке Тихвинке весь народ отправился на то место, где Георгий удостоился чудесного видения. Помолившись, они основали здесь часовню во имя святителя Николая, а из павшей сосны, на которой явилась Георгию Пресвятая Богородица, сделали крест и поставили его в часовне для всенародного поклонения и почитания. В часовне этой впоследствии совершилось немало чудес, как и в упомянутой выше церкви в честь Пресвятой Девы Марии.

Прошло после того семь лет, — и вот вследствие небрежения церковных служителей случился, по Божию попущению, пожар в Тихвинском храме Богоматери от незагашенной свечи. Вся церковь превратилась в пепел, но чудотворная икона Пречистой осталась невредимой: невидимою силою Божиею она была вынесена из огня и оказалась невдалеке от того места, на расстоянии полпоприща[1], стоящею в можжевельнике. Одновременно случился пожар и в часовне, находившейся в пустыне, которая также была объята пламенем и сгорела; но крест, сделанный из упавшей сосны и стоявший в часовне, был также изнесен невидимо из огня и был найден в небольшом расстоянии от часовни, стоявшим в чаще можжевельника.

На месте сгоревшей церкви создали другую, также деревянную, а затем построили и новую часовню в пустыне, на прежнем же месте; после этого поставили в церкви святую икону Пречистой, а в часовне — сосновый крест. Но по прошествии лет пяти церковь снова загорелась ночью и сгорела до основания, чудотворная же икона Богоматери, подобно купине неопалимой[2], была найдена среди пепла

[1] То есть на расстоянии трехсот двадцати восьми саженей.

[2] *Купину* (куст) *горящую*, но несгораемую, видел Моисей на горе Хориве перед своим призванием в вожди еврейского народа. Она преобразовала Пресвятую Деву Богородицу, Которая и по рождении Сына не пременила своего девства.

целой и нисколько не поврежденной. Сгорела также, неведомо как, и часовня в пустыне, чудотворный же крест, стоявший в ней, остался тоже невредимым. Все дивились ввиду таких необычайных чудес и прославляли Боги и Его Пречистую Матерь. Затем с усердием поспешили в третий раз создать церковь, на месте двух сгоревших, опять деревянную, но более обширную и величественную по сравнению с двумя первыми. Эта новосозданная церковь просуществовала более ста лет до времени царствования благочестивого князя Всероссийского, Василия Иоанновича[1].

Подвигнувшись великой ревностью и любовью к Пречистой Деве Марии, великий князь Василий повелел построить на Тихвинке вместо деревянной каменную церковь. На присланные им деньги скоро была устроена каменная паперть, и когда строители стали белить ее, тогда здание, по неисповедимым судьбам Божиим, упало и засыпало камнями строителей, числом двадцать человек. Священники и наблюдавшие за рабочими, а также весь народ, стали сильно скорбеть о засыпанных камнями строителях; ибо они думали, что все они были завалены камнями насмерть. С печалью и плачем начали они разбрасывать камни, желая открыть тела убиенных. Но после трехдневной работы, разбросав все камни, они нашли всех живыми и без всякого повреждения. Так они были соблюдены, по милосердию Божию и заступлением Пречистой Богородицы. Великая радость наполнила сердца всех присутствовавших при этом дивном чуде и все воздали благодарение Христу Богу и Его Пречистой Матери. Затем снова приступили к работам и в скором времени выстроили прекрасную паперть для церкви.

Когда окончено было строение нового храма, — то на освящение ее, по желанию великого князя, прибыл преосвященный Серапион, архиепископ Новгородский, который, освятив церковь, с честью внес в нее чудотворную икону Пресвятой Богородицы.

По прошествии некоторого времени прибыл на Тихвинку и великий князь Василий Иоаннович. Влекомый любовью к Пресвятой Деве Марии, он желал увидеть и облобызать чудотворную икону Пречистой, а также помолиться пред нею и посмотреть новосозданный храм. В то время архиепископом Великого Новгорода был преосвященный Макарий, который изволением Божиим был потом

[1] *Василий IV Иоаннович*, отец Иоанна Грозного, княжил с 1505-го по 1533 год.

возведен на престол Московской митрополии[1]. Он сопутствовал великому князю в этом путешествии его и, вместе с ним, прибыл на Тихвинку. Здесь они с усердием молились пред иконою Пречистой, совершая многие службы и моления, а потом отбыли — архиепископ в Новгород, а великий князь в Москву.

По преставлении Василия Иоанновича, на великокняжеский престол Московский вступил сын его, Иоанн Васильевич[2], который первый принял царское венчание. Подобно отцу своему он имел великое усердие к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, что на Тихвинке, и как некогда благоверный князь Василий Иоаннович, пришел туда на поклонение. Увидав, что церковью заведовали здесь мирские иереи и диаконы, а вокруг нее расположены многочисленные селения, царь Иоанн Васильевич нашел это непристойным и задумал основать тут иноческую обитель. Посоветовавшись с митрополитом Московским Макарием, новгородским архиепископом Пименом, а также с князьями и боярами своими, он повелел все окрестные селения и находившийся при церкви причт перевести на другое место, далеко отстоящее от церкви, а при церкви — поселиться инокам и начать устроение обители. И вот по прошествии немногого времени, иждивением царским, был устроен на Тихвинке монастырь, весь созданный из камня и огражденный каменными стенами. При этом в нем было установлено общежитие, как и в других великих и славных обителях. Первым игуменом новосозданной обители был Кирилл; при нем многие иноки, привлекаемые чудесами от иконы Пресвятой Богородицы, начали оставлять свои пустынные жилища и приходить в Тихвинскую обитель.

Одним из первых пришел сюда, еще во время устроения обители, инок Авраамий, подвизавшийся ранее в Сергиевом монастыре, находящемся на Великих Луках и отстоящем от Тихвинской обители около пятисот поприщ. Он, как рассказывал сам, был долгое время болен и уже стал готовиться к смерти. Тогда наставник его Мартирий, муж богоугодный, слыша многое о чудотворной Тихвинской иконе Пречистой Богородицы, о обильных исцелениях, подаваемых чрез нее недужным, посоветовал Авраамию дать Пречистой обет

---

[1] Московскую митрополичью кафедру он занимал с 1542-го по 1564 год.

[2] *Царь Иоанн IV Васильевич*, по прозванию Грозный, впервые венчавшийся на царство и принявший титул царя, царствовал с 1533-го по 1584 год.

пойти на Тихвинку и помолиться там пред Ее чудотворной иконой. Больной тотчас же дал такое обещание и мгновенно получил исцеление от своей тяжкой болезни; возвратившись, таким образом, от врат смерти, он тут же и встал с одра болезни совершенно здоровым, радуясь и славя Бога. Возрадовался и наставник его Мартирий, видя скорое исцеление своего ученика и изумляясь дивному чуду Богоматери. При этом он советовал Авраамию не отлагать своего намерения и немедленно идти на Тихвинку, чтобы исполнить данный Пречистой обет свой.

Авраамий немедленно отправился в путь и, достигнув Тихвинской обители, благоговейно исполнил обещанное. С радостными слезами он припал к честной иконе Богородицы, лобызал ее устами и воздавал ей поклонение от всего сердца. Вознеся благодарение Пречистой, он поведал всем присутствовавшим проявленную над ним милость Царицы небесной. В это время архиепископ Новгородский Пимен находился на реке Тихвинке, наблюдая за работами по устроению обители; слух о чудесном исцелении Авраамия дошел и до него. Святитель исполнился радости и прославил Господа и родшую Его Пречистую Деву Марию. Авраамия он не пожелал отпустить обратно к наставнику его Мартирию, но вручил ему ключи церковные, чтобы он, в благодарность за неизреченную милость к нему Божией Матери, первый приходил в храм ее и последний уходил, отворяя его пред началом служб и затворяя по окончании их.

Между тем старец Мартирий, отпустив Авраамия, начал скорбеть, что он и сам не пошел вместе с ним для поклонения образу Пречистой, и, наконец, решил пойти на Тихвинку, как только возвратится его ученик. Прождав его долгое время, старец стал беспокоиться о нем, — и тогда увидел во сне такое видение. В той стороне, где находился Тихвин, поднялся пред очами Мартирия большой огненный столб, на вершине которого находился образ Пресвятой Богородицы, сияющий подобно солнцу и видом подобный тому, какой был в Тихвинской обители. Тогда у Мартирия возникло сильнейшее желание облобызать этот образ. В таком настроении он проснулся и вместе с тем еще сильнее стал желать видеть и облобызать чудотворную икону Пресвятой Богородицы, что близ Тихвина. Немедленно собравшись в путь, он оставил все и поспешно отправился к Тихвину. Достигнув обители и увидев образ Пречистой,

Мартирий благоговейно припал к нему, обливаясь многими слезами от радости. При этом он увидел и ученика своего совершенно здоровым и после того не захотел возвратиться в монастырь свой, но остался в Тихвинской обители, чтобы ему можно было ежедневно созерцать чудесный образ Пречистой Девы Марии.

Но по прошествии некоторого времени Мартирий, по изволению Божию, был переселен на другое пустынное место за сорок поприщ от Тихвина, на котором упомянутый Авраамий видел однажды крест на небе, составленный из звезд и освещающий всю местность. Переселяясь туда, блаженный Мартирий взял с собою список с чудотворной иконы Пречистой и пребывал здесь в безмолвии, день и ночь работая Богу; взятый с собою список с чудотворной иконы Богородицы он неизменно носил с собою, куда бы ему не случилось ходить. И вот однажды пришлось ему быть в городе Твери, в котором по повелению благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича, жил тогда Казанский царь Симеон[1]. Во время пребывания в этом городе старца Мартирия у Симеона умер сын Иоанн, который пред этим долго болел. Тогда преподобный Мартирий возложил на мертвого носимую им с собой икону Богоматери, и мертвый тотчас же воскрес. Симеон исполнился великой радости и воздал славословие Господу Богу и Его Пречистой Матери. Потом, желая отблагодарить блаженного Мартирия, он создал в пустыне его каменную церковь и при ней устроил монастырь.

Но мы обратимся теперь к Тихвинской обители и явившейся на Тихвинке чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, чтобы поведать о других чудесах ее.

Со времени явления честной иконы на Тихвинке до создания обители прошло сто семьдесят семь лет, в течение которых церковь находилась в заведовании мирских иереев. Много чудес истекло в это время от святой иконы, немало исцелений подавалось от нее всем, с верой притекающим к ней, — но те чудотворения никто из современников не внес в записи для назидания последующим поколениям; и, таким образом, мы лишены возможности знать что-либо

---

[1] Разумеется Симеон Бекбулатович, казанский хан, крещеный татарин. Одно время (в 1574 г.) Грозный посадил его на царский престол вместо себя, хотя, конечно, Симеон считался царем лишь по имени. Через четыре года он был сослан из Москвы и ему дали в управление Тверь и Торжок.

о этих чудесах. Но и когда устроена была обитель, немного из бывших от иконы чудес записано было, частью от простоты, частью по небрежению, — и это немногое, дошедшее до нас, мы и собираем, как после жатвы оставшиеся колосья, или после собирания винограда немногие гроздья, случайно оставленные на месте.

Один человек, по имени Феофил, бывший слепым в продолжение четырех лет и шести месяцев, помолившись пред иконою Пресвятой Богородицы, получил исцеление и стал зрячим. Это было в 1581 году.

В том же году один отрок, именем Харалампий, одержимый бесом, будучи приведен к образу Пречистой, освободился от духа нечистого.

Захария слепец, пять лет не видевший света, как только приведен был к святой иконе, получил исцеление.

У одного человека, по имени Климент, который жил в царствующем граде Москве, захворала жена, именем Параскева. Уже целый год лежала она на постели и не могла встать с нее; от тяжких болей во всем теле у нее ослепли глаза, и она помрачилась рассудком. Муж ее испытал все средства для болящей, уже отчаивался в выздоровлении своей супруги. Но вот он услышал, что в Тихвине есть чудотворная икона Пречистой Богородицы, от которой истекают исцеления всем прибегающим к ней с верою. Исполнившись надежды, он стал убеждать жену дать обет Пречистой Богородице, что она пойдет поклониться Ее Тихвинской иконе. Та послушалась мужа и дала такой обет. И как только она произнесла слова обета, тотчас же встала с одра болезни, как бы пробудившись от сна, и исцелилась от своего сильного недуга. При этом окрепли все члены тела ее и стали здравы, — только не было возвращено очам ее зрение.

Тогда муж и исцелевшая жена немедленно пошли на Тихвин, совместно исполняя обет, данный Пречистой. Достигнув Тихвинской обители в первую субботу Великого поста, они прямо с пути отправились в церковь к иконе Пречистой и помолились пред святой иконой, сотворив молебное пение. Во время воскресного всенощного бдения, когда они продолжали стоять и молиться в храме, совершилось над женою новое чудо: благодатию Пречистой она получила прозрение и, таким образом, совершенно стала здоровою. Все бывшие в церкви, видя такое чудо, со слезами умиления прославили Бога и Пречистую Его Матерь. А исцелевшая и муж ее, после мно-

гих благодарственных молений пред святою иконою, возвратились с радостью в место своего жительства. Было это в 1583 году.

В 1586 году к Тихвинскому образу Пречистой Богородицы приведен был один слепой, по имени Георгий. Когда, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, он молился пред чудотворной иконой, то правым глазом своим он стал видеть. И без посторонней помощи он пошел в дом свой, славя Христа Бога и Его Пречистую Матерь за дарование исцеления одному оку своему.

По прошествии нескольких дней принесли в обитель к чудотворному образу Владычицы человека, именем Андрея; он был расслабленный, и вместе с тем глухой и немой, и пребывал в таких недугах пятнадцать лет. Когда пред иконою Пречистой совершили моление об исцелении его, тотчас он получил совершенное здравие: ему возвращена была способность слуха, разрешилась немота его, и все члены его получили крепость и силу, так что он стал на ноги, как человек вполне здоровый.

Подобное чудо совершилось и над некоей женщиной Маврой, которая проживала на реке Устье[1]. Она была слепою и совершенно не видела света в продолжение семнадцати лет. Будучи же приведена к чудотворному образу Пречистой, она немедленно получила прозрение. Это было в 1587 году.

В том же году, 4 марта, привели в Тихвинскую обитель из Великого Новгорода одного отрока, именем Георгий, который в течение шести лет был одержим нечистым духом и тяжко страдал от того. Когда его подвели к образу Пречистой, то мрачный дух, не перенося света благодати, истекаемой от чудотворного образа, отступил от больного, исчезнув как тьма пред солнцем, и отрок сделался совершенно здоровым.

Одна вдовица, именем Иулиания, заболела глазами столь сильно, что ослепла и в течение двух лет не видала света Божия. Услышав о чудотворной иконе Пречистой, что близ Тихвина, и о неизреченных исцелениях, подаваемых чрез нее людям, Иулиания воспылала пламенною верою к Пречистой и дала обет сходить к иконе Ее на поклонение. И в тот же час небесная Владычица дала прозрение ее очам в доме ее. Немедленно, желая поскорее воздать благодарение

[1] *Устье* — река Ярославской губернии, вместе с рекой Вексой образует верховье реки Которости, левого притока Волги, куда она вливается в самом Ярославле.

Пречистой, она, будучи зрячей, без посторонней помощи пошла в Тихвинскую обитель Пречистой и, исполнив тут свое обещание, возвестила всем о проявленной над нею милости Божией. Это было в 1589 году.

Почти одновременно с этим один хромец, именем Акиндин, уже два года совершенно не могший ходить, так как ноги его были скорчены, — ползком на коленях пришел к чудотворной иконе Пречистой Богородицы, — и лишь только помолился пред Нею, ноги его тотчас же выпрямились и стали здоровы; на глазах у всех он встал на ноги и начал ходить, благодаря Христа Бога и Пречистую Матерь Его.

В том же году, 10 августа, слепой юноша, именем Иона, приведенный во святую обитель из Великого Новгорода, получил прозрение у образа Пресвятой Богородицы.

Другой юноша, именем Максим, одержимый нечистым духом, когда родители повели его для поклонения образу Пречистой, еще на пути получил небесную помощь от преблагословенной Матери Божией: силой Божией нечистый дух был изгнан из него, и он, придя в Тихвинскую обитель, поведал всем о сотворенном над ним чуде. Тогда все воздали благодарение Богу и Пречистой Богородице. Случилось это в 1591 году.

Женщина, по имени Елена, бывшая два года и шесть месяцев совершенно слепою, так что не видела света, прозрела пред чудотворным образом Пречистой в одно из воскресений, на литургии, при пении: «Достойно есть...»

В 1593 году прозрела и еще одна женщина, именем Мария, которая приведена была на праздник Успения Пресвятой Богородицы к чудотворному образу Пречистой.

Точно так же некий человек, именем Климент, — занимавшийся изделием разных вещей из серебра, — заболевший очами и лишившийся зрения, — получил исцеление после молитв пред иконою Пресвятой Богородицы.

Иной слепец, именем Филипп, который не видел света в течение пяти лет, — будучи приведен в Тихвинскую обитель в Неделю Православия, стоя и молясь здесь пред иконою Пресвятой Богородицы, совершенно презрел и стал видеть все ясно. Случилось это 1596 году во время литургии, при перенесении честны́х Даров с жертвенника на святой престол.

В том же году пришел из Москвы некий человек, по имени Кирилл, слепой на один глаз, и во время молитвы пред иконою Пречистой получил прозрение. Вот что он рассказал о себе при этом. Захворав тяжкою болезнью и постоянно страдая болями головы, он ослеп на два глаза, полгода не видал света и совершенно не имел от своей болезни никакого облегчения, хотя близкие проявили о нем и немало всевозможных забот. Он уже стал совершенно отчаиваться получить исцеления, как вдруг его жена узрела во сне видение, во время которого она услышала такие слова:

— Пусть муж твой идет на Тихвин к чудотворному образу Пречистой Богородицы. Там он обрящет исцеление себе. Если же он не пойдет, то восприимет еще бóльшие страдания.

Воспрянув от сна, жена тотчас же рассказала о видении своему мужу. Тот немедленно начал усердно молиться к Пречистой Богородице и дал при этом обет Царице небесной сходить на Тихвин поклониться Ее иконе; тогда же он получил облегчение от своей болезни: стал видеть свет очами своими и даже сделался совершенно здоровым. Но отлагая исполнение своего обещания со дня на день, он понемногу забыл о нем, и таким образом не исполнил обещанного. За это небрежение снова постигло его Божие наказание: ибо по прошествии некоторого времен болезнь возвратилась к нему, и он во второй раз ослеп на оба глаза. Тогда вспомнив о неисполненном своем обещании и познав грех свой, больной начал плакать, рыдать и каяться, и снова обратился с молитвою к Пресвятой Богородице, уверяя Ее, что он исполнит данный раньше обет свой. По милосердию преблагословенной Царицы небесной, он и во второй раз получил исцеление, но при этом прозрел только на один глаз, а другой остался у него незрячим. Не отлагая исполнения обета своего на долгий срок, он тут же отправился в Тихвин и, увидев там одним оком икону Пречистой, после молитв пред ней прозрел и на другое око.

9 декабря того же 1596 года пришли в обитель двадцать три человека, руководителями которых были двое: Григорий и Михаил. Совершив благодарственное молебствие пред чудотворною иконою Пречистой Богородицы, они рассказали о себе следующее. Были они далеко в Северном океане на ловле морских зверей. Когда они пристали к одному пустынному месту, то случившимся морским

волнением они были задержаны там на очень продолжительное время. Запасы пищи у них оскудели, и, среди мучений голода, все они были уже недалеки от смерти вследствие долгого неядения. И вот каждый из них в ожидании смерти стал молиться Богу, прося прощения грехов своих. При этом они вспомнили о чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, что на Тихвинке, и начали усердно молиться ей. В наступившую затем ночь одному из них, немного задремавшему среди молитвы, явилась скорая помощница — Пресвятая Дева Мария и повелела ему сказать всем его товарищам, чтобы они питались некою травою, растущею там, — пока не наступит для них удобное время — отплыть по морю в свои дома. Тот рассказал о видении всем бывшим с ним, — и когда они вкусили от указанной им травы, то обрели в ней изрядный вкус и сытость, как от хлеба. И была для них трава та, как некогда израильтянам манна в пустыне, и они питались ею двадцать дней, пока не прекратилось волнение.

По прошествии немногого времени пришла на Тихвин одна женщина, по имени Елена, которая поведала о себе следующее. Три года она была слепой, но однажды, побуждаемая верой к Пречистой, она велела вести себя к Тихвинской иконе Богоматери, и когда была на пути, внезапно прозрела, дошла до обители без посторонней помощи, здесь они и воздали благодарное поклонение Божией Матери пред чудотворною Ее иконою.

Точно так же один муж, по имени Мамант, придя от Белозерских пределов[1], сказал, что он долгое время был слеп, но как только дал обет пойти на Тихвин и поклониться чудотворному образу Пречистой, тотчас же совершенно прозрел. Это было в 1597 году.

Другой муж, именем Диомид, пришел из той же страны и в том же году в обитель Пречистой и также рассказал о себе, что он был расслабленным целый год, но потом, вспомнив о Тихвинской чудотворной иконе Пречистой, стал мысленно молиться ей и дал себе обет сходить на поклонение к пречистому образу: тотчас же он сделался здоровым и, нимало не медля, исполнил свое обещание.

В том же году некто Пимен, одержимый лютым демоном, был отправлен родственниками своими на Тихвин, связанный цепями, —

[1] Белозерская страна находилась при Белом озере, которое расположено в северо-восточном углу нынешней Новгородской губернии. Здесь было особое княжество, которое с половины XIV века принадлежало Московскому князю.

и когда они были еще на половине пути, он получил исцеление милосердием Пречистой: демон из него удалился, и он дошел вполне здоровым и с благоговением поклонился Целительнице своей. Это было 9 декабря.

Один человек, именем Кодрат, стал страдать болью головы, ослеп глазами, и не видел света целые полтора года; услышав же о чудотворной иконе Богоматери, находящейся близ Тихвина, усердно помолился и дал обет идти к ней на поклонение. И лишь только он произнес слова обета, мгновенно получил прозрение. Но отложив путешествие до другого времени, вскоре совсем забыл о своем обещании и не пошел воздать благодарение целебнице своей — Пречистой Деве Богородице. По прошествии десяти лет с того времени, как он прозрел, опять ослеп таким же образом, как раньше. Но несмотря на это, не вспомнил своего обещания, пока в сонном видении не получил вразумления. Ибо во сне он увидел некоего мужа, глаголющего ему:

— Иди на Тихвин поклониться образу Пречистой; если не пойдешь и обещания не исполнишь, прозрения глаз не получишь.

Восстав от сна, он вспомнил о своем обещании и познал свое прегрешение; немедленно он пошел в Тихвинскую обитель Богоматери, сопровождаемый проводником. Когда же приведен был к чудотворному образу Пречистой и от всего сердца помолился пред ним, то мгновенно получил исцеление милосердием Пресвятой Богородицы.

Некоему человеку, именем Иоанну, долгое время тяжело болевшему и уже приближавшемуся к смерти, явился в сонном видении святитель Христов Николай и сказал ему:

— Если хочешь получить здравие, дай обет Пресвятой Богородице пойти и поклониться чудотворному Ее образу, что на Тихвинке.

Человек тот, пробудившись, тотчас же начал со слезами молиться Пречистой и дал Ей обет поклониться Ее образу, — в то же мгновение он стал совершенно здоровым и отправился в обитель, исполняя обещание свое. Это было в 1596 году.

В том же году приведена была в обитель слепая женщина, именем Мария, десять лет не видавшая света; помолившись пред иконой Пресвятой Богородицы, она получила прозрение.

Другая женщина, именем Евдокия, жившая в пределах Онежского озера[1], будучи бесноватой и расслабленной и имея при этом еще и сухую руку, как только обещалась пойти к образу Пречистой на поклонение, тотчас исцелела в доме своем от бесноватости и расслабления: дух нечистый удалился из нее, и члены, прежде расслабленные, получили крепость и здравие; только рука ее оставалась неисцеленною, чтобы она не забыла о своем обещании. Когда же она пришла в Тихвинскую обитель и помолилась Божией Матери пред Ее образом, тогда и рука ее сделалась здоровою. Это было в 1603 году.

Хромой и слепой человек, именем Иоанн, дал обет пойти на поклонение к образу Пречистой и получил исцеление в своем доме: прозрел на глаза и ноги его выпрямились; тогда он пришел в Тихвинскую обитель воздать благодарение Пречистой в 1606 году 1 марта.

Точно так же и другие многие люди, одержимые различными недугами, как только полагали обещание пойти на поклонение к чудотворному образу Пресвятой Богородице, находящемуся на реке Тихвинке, тотчас же получали исцеления. «Мы знаем, — говорит Тихвинский летописец, — что от этого святого образа никогда не переставали твориться предивные чудеса и всегда изливались с верой приходящим, как от источника живая вода. Так многие слепые получили прозрение, бесноватые освободились от демонского мучения, глухие утешены были дарованием слуха, расслабленные утвердились в своих жилах, немые получали разрешение от уз, связующих язык, больные ногами вскочили, как олени; страдавшие головною болью исцелели. Даже и в дальних странах одержимые различными недугами, как скоро давали обеты пред чудною иконою, не лишены были скорой от нее помощи. Словом, каждый по нужде своей получал скорое пособие, как только с верою притекал под кров Богоматери.

В царствование благочестивого царя и великого князя Василия Иоанновича Шуйского[2] было, по грехам нашим, великое смятение в Русской земле, частью от внутренних междоусобий, частью от напа-

---

[1] *Онежское озеро* находится в пределах нынешней Олонецкой губернии на северо-востоке от Ладожского озера.

[2] *Василий Шуйский*, избранный боярами после свержения Лжедимитрия I, царствовал с 1606-го по 1610 год.

дений внешних врагов. Кровь русская лилась повсюду. Царствующий град Москва находился в руках порубежных иноверных людей, а Великим Новгородом со всею его областью владели варяги[1]. В это время и обитель Тихвинская находилась под властью варягов и терпела от них многие притеснения. Но вот, по милосердию Божию и всесильною помощью Царя небесного, разрозненные русские войска, собравшись в одно ополчение, отняли у иноверцев царствующий град Москву, и в нем воцарился благочестивый царь и великий князь Михаил Феодорович[2]. Он послал войска свои и в пределы Великого Новгорода против варягов, и здесь, при реке Устье, между русскими войсками и передовыми полками варягов произошла битва. Варяжские ратники были побеждены и ударились в бегство; царские войска настигли их на реке Тихвинке и частью перебили, частью захватили в плен.

Услышав о таком поражении варяжских ратников, воевода варяжский, сидевший в Великом Новгороде и имевший в нем многочисленные полки варяжские, исполнился великого гнева и ярости. Желая отомстить русским за это поражение, он послал полки свои, бывшие в Новгороде, к Тихвинской обители, чтобы вконец опустошить и разорить ее со всеми окрестными селениями. Услышав об этом, окрестные жители стеклись с женами и детьми под сень обители и вместе с иноками и немногими царскими ратниками укрылись за крепкими каменными стенами ее, затворившись там от варягов. При этом все они надеялись не столько на крепость стен, сколько на помощь и заступление Необоримой Стены и Покрова всех уповающих на Нее — Пресвятой Девы Богородицы.

Варяги не заставили себя долго ждать; подойдя к стенам обители, они обложили ее со всех сторон и стали нападать на нее. Затворившиеся в обители испытывали сильный страх, — и в то время как одни находились на стенах и сражались с варягами, другие, собравшись вместе с иноками в церкви, со слезами усердно молились Богу и Пречистой Богородице пред Ее чудотворною иконою, совершая всенощное бдение и испрашивая у Пречистой помощи православным христианам. И эта помощь не замедлила явиться им.

---

[1] *Варягами* здесь названы шведы.

[2] *Михаил Федорович Романов*, избранный в цари Земским собором от всей Руси, вступил на престол в 1613 году и царствовал до 1645 года.

В ту же ночь одна из женщин, по имени Мария, задремав во время моления, увидела в сонном видении преблагословенную Деву Богородицу, Которая, явившись ей, сказала:

— Скажи всем находящимся в обители; пусть они возьмут икону мою и обойдут с нею по стенам вокруг монастыря, и тогда они увидят над собой милость Божию.

Немедленно пробудившись от сна, женщина рассказала о видении всем, бывшим в церкви. Те исполнились радости и упования на помощь свыше и, взяв с молением чудотворный образ Пречистой, вознесли его на монастырскую стену; творя литию, они стали обходить вокруг обители и при этом со слезами взывали к Пречистой Богородице:

— Ты видишь, Царица небесная, беды рабов Твоих; избави же нас от обстоящих нас супостат и яви силу Твою, да разумеют все враги наши, что Ты, заступница наша, — с нами.

В тот же час напал на врагов страх великий: они пришли в смятение и все побежали от обители, хотя никто и не гнал их.

Но по прошествии некоторого времени варяги подступили к обители с еще большей силой и, обложив ее, снова повели осаду и делали многократные нападения на монастырь. В обители во время осады находилось немало людей обоего пола: при тесноте жизни и при совместном обитании мужчин и женщин, не все соблюдали приличную для святого места чистоту и разгорались страстью, подобно сену от огненной искры. Ввиду этого обитель постиг гнев Божий, и Господь оставил ее без Своей помощи. Тогда враги, окружавшие обитель, по Божию попущению, начали приходить все в большую и большую силу, между тем как защитники обители от постоянных сражений изнемогали. Уже отчаяние охватило всех бывших в обители, и они стали ожидать близкую гибель себе от осаждавших. С горьким рыданием все тогда притекли к чудотворному образу Пречистой и умиленно начали взывать перед ним:

— Ты видишь, Пречистая Дева Богородица, смирение наше! Со слезами притекаем мы к пречистому образу Твоему и смиренно умоляем: не остави, Пречистая, обитель Твою, которой Ты Сама положила начало здесь явлением чудотворной иконы Твоей! Ты видишь, Владычица, лютое нападение на нас врагов наших. Не остави же без

заступления нас, рабов Твоих, ибо мы ниоткуда не ждем себе помощи, кроме как от Тебя Единой.

В это время в обители находился служитель Соловецкого монастыря Мартиниан, муж благочестивый и богобоязненный. Пречистая явилась ему в видении, окруженная святыми — Николаем Чудотворцем, преподобным Варлаамом Хутынским и Зосимой Соловецким, и сказала:

— Моя помощь отступила от места этого из-за того, что многие осквернили его своими нечистыми деяниями.

В ужасе пробудился Мартиниан от сна и со слезами поведал о своем видении начальствовавшим в обители. Услышав рассказ соловецкого служителя, начальники немедленно разыскали всех людей, осквернявших обитель впадением во власть нечистой похоти, и изгнали их вон; потом очистили притвор церковный и начали умилостивлять Бога и Пресвятую Богородицу многими усердными молениями, проливая обильные слезы и испрашивая у Пречистой прощения и заступления, чтобы не быть им преданными в руки врагов. И человеколюбный Господь, по ходатайству Пречистой Матери Своей, переменил праведный гнев Свой на милость к погибающим, и с того времени осаждаемые стали крепнуть и приходить в силу, а их враги начали ослабевать. Наконец, собравшись с силами и надеясь на помощь Пречистой, осаждаемые неожиданно вышли из-за стены монастыря и, устремившись на врагов, мужественно вступили в битву с ними. Божественная помощь, но молитвам Пресвятой Богородицы, споспешествовала им, и Господь даровал им победу над врагами, ибо хотя их было и не много, они обратили в бегство многие тысячи врагов и некоторых из них захватили в плен.

Однако и после того варяги не оставили в покое святую обитель. Желая отплатить за свой позор, они, собрав еще большую силу, опять подошли к обители: обступив монастырь, они часто делали яростные приступы к стенам его и начали копать подземные рвы под стены. Тогда Пречистая в ночном видении снова явилась вышеупомянутому Мартиниану и сказала ему:

— Скажи начальникам, чтобы они отогнали свиней от дома Моего, ибо они всюду вокруг изрыли и уже подкопали порог дверей, ведущих к обители.

Такое же явление Пречистой было и другому человеку, находившемуся в обители, именем Григорию, и они оба — Мартиниан и Григорий — возвестили о словах Богородицы всем присутствовавшим в обители.

В ту же ночь Господь послал врагам страшное видение: они увидели идущих с Москвы множество вооруженных воинов, со многими светлыми хоругвями крестоносными. Думая, что это идут царские полки на помощь затворившимся в обители, варяги пришли в ужас и хотели бежать. Но, надеясь посредством своих подкопов нанести вред обители и стенам ее, они несколько задержались.

Между тем, осаждаемые, укрепленные видением, бывшим Мартиниану и Григорию, сотворив моление перед чудотворной иконой Богородицы, вышли из монастыря, как и прежде вооруженными, и устремились на своих врагов. Невидимая помощь свыше им споспешествовала и теперь, как то было раньше: помогая православным, Господь привел в смятение полки вражеские, и на них напал великий страх и трепет. В смятении они обратились в бегство и, в ужасе смешавшись, поражали друг друга, гонимые при этом не столько немногими видимыми воинами, сколько бесчисленными невидимыми ратниками. Тогда православные воины, видя врагов своих бегущими, прияли еще большее дерзновение и гнали их с новой силой, посекая их как стебли, а некоторых забирая в плен; тех же врагов, которые находились во рвах, вышедшее из обители воинство частью поразило мечами, частью засыпало в земле. Когда окончилась битва, то взятые в плен варяги рассказывали, что в прошедшую ночь они видели многочисленное воинство, пришедшее на помощь к обители, и что то же воинство вышло потом из-за стен монастыря и с великой силой погнало их. Слушая такой рассказ варягов, православные со слезами воздали благодарение Богу и Пречистой Матери Божией. Эта славная победа случилась в самый праздник Воздвижения Честного и животворящего Креста Господня, в 1614 году.

На следующий год воевода варяжский, сидевший в Великом Новгороде, пылая яростью против Тихвинской обители, у которой погибло столь великое множество его воинов, снова собрал сильное ополчение и, посылая его на Тихвин, повелел без всякой жалости разорить обитель до основания, икону же Пресвятой Богородицы

разрубить на части, а церковь Ее разбросать по камню. Весть о таком повелении его достигла Тихвинской обители. В великий страх пришли все бывшие тогда в ней и хотели было, взяв чудотворную икону Пресвятой Богородицы, бежать с нею в Москву. Но чудотворная икона оставалась на месте своем неподвижно, так что когда священники попытались поднять ее с места с молебным пением, то не могли этого сделать. Чудо вразумило малодушных, и они поняли, что Пречистой Деве Богородице намерение их оставить обитель неугодно. Возложив все упование свое на всесильную помощь Царицы небесной, все бывшие там затворились в обители и стали ждать пришествия врагов. Но скорая заступница православных и неусыпная хранительница обители Своей не допустила варягов даже дойти до обители и преградила им путь предивным видением. Варягам представилось, что многочисленное и хорошо вооруженное войско стремительно идет им навстречу, готовое вступить в битву. Не надеясь противостать такой непобедимой силе, они, объятые страхом, обратились в бегство, производя давку и попирая друг друга. С того времени варяги уже не дерзали более подступать к Тихвинской обители[1]. Так Пречистая Дева Богородица со славой и не один раз защищала обитель Свою от врагов, и не только обитель Свою Она изъяла из их рук, но и Великий Новгород со всеми пределами Она скоро освободила от варяжского ига и вручила православному царю Российскому. И по молитвам Ее наступили мир и тишина для всего Российского царства.

По окончании вышеописанных бедствий, когда обитель вместе со всею страною Русскою наслаждалась наступившим миром, угодно было Богу посетить ее, соблюденную от нападений варягов, огнем, чтобы вразумить и очистить от всяких скверн насельников ее. Это

[1] Спустя около года после такой чудесной победы прибыли в Тихвинский монастырь царские послы для заключения мира со шведами. Сняв список с чудотворной иконы Богоматери, послы отправились за 50 верст от монастыря в деревню Столбово, недалеко от города Ладоги, туда же прибыли и шведские послы. Здесь 10 февраля 1617 года был заключен Столбовский мир, причем главной порукой мира со стороны русских был принесенный ими список с чудотворной Тихвинской иконы. Этот список впоследствии был перенесен в Москву и поставлен в Успенском соборе, а затем вследствии усиленного прошения новгородцев, участвовавших в войне против шведов, отправлен был в Новгород и поставлен в Софийском соборе, где находится и теперь.

страшное посещение Божие было чудесным образом предсказано братии монастыря. Было это так.

В Тихвине проживал один нищий, по имени Никита, для угождения Богу приявший на себя подвиг юродства. И вот ему-то, не во сне, а наяву, явился преподобный Макарий Желтоводский и сказал:

— Пойди и передай игумену и братии, чтобы они со тщанием соблюдали воздержание, а наипаче не держали в обители ничего хмельного, так как пьянство бывает причиной всех зол. Сверх того, пусть не допускают в обитель, кроме как на службы церковные, людей, могущих возбуждать соблазны в братии, а в особенности женщин. Скажи им также, чтобы они усердно молились Богу и Пречистой Богородице, дабы отвратить от обители грозное наказание Божие огнем.

Тогда Никита, не знавший святого, вопросил его, кто он.

Явившийся ответил:

— Я — Макарий Желтоводский и пришел сюда к чудотворному образу Пречистой Богородицы.

Сказав это, он стал невидим. Никита же пошел к игумену и братии и рассказал им о бывшем ему видении. Но те не поверили ему и посмеялись над ним, как над юродивым. Прошло несколько дней — и вдруг от незначительной причины загорелась одна келия, пламя быстро разгорелось и охватило все здания, так что загорелась вся обитель. Пожар был столь сильный, что не только деревянные постройки превратились в пепел, но и многие каменные строения рассыпались от огня. Тогда познали иноки, что воистину преподобный Макарий Желтоводский являлся юродивому Никите и предостерегал их через него от грозящего им гнева Божия. Покаявшись, они стали соблюдать все то, что сказал преподобный, и с усердием молились Пречистой, испрашивая у Нее прощения грехам своим. И по милосердию Царицы небесной обитель, по прошествии некоторого времени, опять благолепно была возобновлена, и стоит невредимой доныне, процветая яко крин и прославляясь чудесами, творимыми от чудотворной иконы Пречистой. Ибо и ныне притекающие в монастырь с верой получают перед иконой просимое и принимают чудесные исцеления недугов своих[1].

---

[1] *Тихвинская икона* Богоматери есть одна из самых известных и почитаемых икон Ее в России. Тысячи народа ежегодно стекаются в Тихвин для поклонения

Нам нет необходимости говорить обо всех этих чудесах: они записаны в обители Пречистой во славу Господа Бога и Преблагословенной Его Матери.

Откуда чудотворная икона Пресвятой Богородицы была принесена на Тихвин, об этом нет достоверного известия. В древних рукописных книгах написано, что она пришла в Россию, по изволению Божию, из Греции, из Царьграда, в царствование Греческого императора Иоанна Палеолога[1], за семьдесят лет раньше взятия Царьграда турками[2]. Это видно было из следующих обстоятельств.

В то время, когда чудотворная икона Пресвятой Богородицы начала прославляться на Тихвине многими и великими чудесами, случилось некоторым новгородским купцам, мужам благочестивым, быть в царствующем граде Константинополе. Беседуя с ними, святейший патриарх Константинопольский вспомнил о чудотворной иконе, бывшей у них, которая куда-то скрылась и отошла из царствующего города, и спросил их:

— Не слыхали они что-либо о таковой иконе?

Они же рассказали ему следующее, подтверждая свой рассказ клятвенным заверением в истине всего рассказанного:

— Одна чудотворная икона Богоматери, — говорили они, — пришла в великую Русь по воздуху, — Бог весть откуда, — и являлась там в различных местах, в пределах Великого Новгорода, в расстоянии ста и восьмидесяти поприщ от него, переходя с места на место; наконец же она со славой явилась на реке Тихвине, где совершила дивные и неизреченные чудеса, — там она пребывает в церкви и ныне.

Услышав такой рассказ и уразумев, что эта икона, явившаяся на Тихвинке, и есть та самая, о которой он спрашивал, — патриарх на-

---

этому чудотворному образу. Русские князья и цари обогатили обитель своими вкладами и сами путешествовали на поклонение иконе. В обеих столицах, во многих городах и обителях и даже сельских приходских храмах имеются прославленные чудесами списки с этой иконы. В Тихвинской обители совершается двадцать четыре раза в год крестный ход по окрестностям монастыря с чудотворной иконой. Стоимость драгоценных украшений на иконе простирается до семидесяти тысяч рублей.

[1] Здесь разумеется *Иоанн V Палеолог*, царствовавший с 1379-го по 1391 год.

[2] Взятие Константинополя турками совершилось в 1453 году.

чал воздыхать из глубины сердца своего и подробнее расспрашивать о Тихвинской иконе. Потом и сам рассказал, как та же икона некогда преславно отошла из царствующего града по морю, направляясь туда, куда благоугодно было Богу, и как, по прошествии некоторого времени, она снова возвратилась в царствующий град, как от нее истекали многие чудеса и благодеяния верным, а также подавались, по молитвам перед нею, как крепкой помощницею, победы и одоления врагов.

— Но теперь, — говорил он, — вследствие нашей гордости, братоненавидения и других неправд, она, конечно, от нас снова отошла и уже более не возвратится.

Сказав все это с умилением, патриарх пошел вместе с новгородскими купцами в церковь и показал им место и ковчег, где стояла икона Пречистой Богородицы. Место то находилось, — если войти в церковь из западных дверей, — у правого столба храма; здесь была поставлена уже другая икона, но мерой меньшая, и горел неугасаемый светильник.

Услышав это и увидев, новгородские мужи сильно удивились и прославили Господа Бога и Его Пречистую Матерь, Которая совершала, при посредстве Своего пречистого образа, в различных странах многие чудеса. Долго они беседовали об иконе Пресвятой Богородицы с патриархом и рассказывали друг другу о чудесах, совершенных Матерью Божией: он — о тех, которые сотворены были в Греческой стране, они же — о тех, какие изумили Российскую землю. И сильно возрадовались российские мужи, услышав известие, какое они получили относительно чудотворной иконы Пречистой.

Когда же они отошли из Константинополя и достигли Русской земли, тогда от них во всей России стало известно слышанное ими в Царьграде, и вкратце были записаны и расспросы Вселенского патриарха о чудотворной иконе Богоматери и рассказ его о чудесах, истекавших от нее, и указание им того места, где икона стояла, находясь в Константинополе. С того времени все уверились, что этот святой образ есть не иной какой, но именно отошедший от Царьграда. Поэтому, по подобию Царьграда, в обители Тихвинской было устроено место для чудотворной иконы Пресвятой Богородицы у первого правого столба при вхождении в церковь из западных две-

рей, — здесь она и доныне стоит, совершая многие и неисповедимые чудеса.

А так как эта чудотворная икона Богородицы, что на Тихвине, называется некоторыми и Одигитрией и Римской, или Лидской, то уместно будет упомянуть здесь, что в Царьграде было две, особенно прославленные чудесами иконы, из которых одна называлась «Одигитрия», а другая — Римской или Лидской. Итак, «Одигитрия» — это одна икона, а Римская — другая. Об этих двух иконах вкратце расскажем здесь, чтобы всякий имел познание о них.

О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ **ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ**, именуемой «Одигитрия»

По прошествии некоторого времени после сошествия Святого Духа на апостолов, святой апостол и евангелист Лука, бывший искусным иконописцем, написал на доске начертание образа Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и принес его к Самой Пречистой Деве. Воззрев на изображение лика Своего на иконе, Пречистая воспомянула свое прежнее пророчество о Себе и сказала: *отныне будут ублажать Меня все роды* (Лк. 1, 48). Потом, указывая на икону, произнесла: благодать Моя с этой иконой да будет. И это слово Пресвятой Богородицы исполнилось в действительности: по благодати преблагословенной Девы от иконы той действительно истекали многоразличные и неизреченные чудеса и подавались исцеления недужным.

Впоследствии евангелист Лука отослал эту икону в Антиохию[1] к державному Феофилу, который был в числе уверовавших во Христа и для которого Лука написал свое Евангелие и книгу Деяний апостольских. В Антиохии икона была достойно почитаема не только Феофилом, но и всеми находившимися здесь христианами.

Прошло после того много лет, и святая икона была взята из Антиохии и перенесена сначала в Иерусалим, а потом в Константино-

[1] *Антиохия* — город в Сирии, на реке Оронте.

MP
ΘV
IC
XC

поль. Перенесение ее в эту столицу Греческого царства совершилось при таких обстоятельствах.

Царица Евдокия, супруга Византийского императора Феодосия Младшего[1], прибыв во Святую Землю для поклонения тамошним святыням, взяла написанную евангелистом Лукой икону Пресвятой Богородицы и отослала в дар царской сестре, блаженной Пульхерии, как о том написано в житии последней[2]. Пульхерия с радостью и любовью приняла чудотворную икону и поставила ее в церкви Пресвятой Богородицы, построенной ею во Влахерне[3]. С тех пор икона эта стала немалым украшением для царствующего града, ибо от нее изливалось много различных чудес и исцелений недужных. По прошествии некоторого времени икона была названа «Одигитрией», что значит: «Путеводительница». Такое название утвердилось за нею после того, как Сама Богородица явилась двум слепцам, привела их в Свою Влахернскую церковь к чудотворной иконе, где они, помолившись, получили прозрение.

В царствование Ираклия[4] на греческое царство одновременно напали персы и скифы. Воевода персидского царя Хозроя[5], Сарвар, и скифский князь подступили с многочисленным войском к самому Константинополю и обложили город, отрезав его от остального мира и готовясь нанести ему решительный удар. Тогда Константинопольский патриарх Сергий, взяв с особенным благоговением чудотворную икону «Одигитрия», а также ризу Пречистой Богородицы, стал обходить с ними и с другими священными иконами стены города и совершать молебное пение Господу Богу и Его Пречистой Матери. И по милости Божией, предстательством Пресвятой Богородицы, было даровано грекам чудесное избавление царствующего

---

[1] *Император Феодосий II Младший* царствовал с 408 по 450 год.

[2] Память святой царицы Пульхерии празднуется 10 сентября.

[3] *Влахерна* — местность в Константинополе, в западном углу города. Во времена процветания Византийской империи славилась по всему Востоку своими святынями; особенно известна была Влахерна по Богородичной церкви, построенной Львом Великим (457–474 гг.); при нем в эту церковь положены были честные ризы Пресвятой Богородицы, перенесенные из Палестины; здесь же хранились в златокованом ковчеге омофор Ее и часть пояса.

[4] *Император Ираклий* царствовал с 610 по 641 год.

[5] Имеется в виду *Хозрой II* из династии Соссанидов; царствовал с 590 по 621 год.

града их от варваров. Когда патриарх и духовенство, после усердного моления перед иконой Пречистой Девы, опустили ризу Богородицы в воды морского залива, то произошло волнение в море и потопило корабли подступивших врагов; вместе с тем пришли в смятение и те из нападавших, которые были на суше, и потому без особенного труда были прогнаны греческими войсками. В воспоминание этого предивного заступления Пречистой, проявленного над царствующим градом, установлено ежегодно совершать пение благодарственного акафиста в пятую субботу Великого поста.

Когда же наступило господство иконоборческой ереси и на иконы, а также на почитателей их было воздвигнуто нечестивыми царями гонение, тогда некоторые из православных духовного чина взяли тайно ночью из Влахернского храма икону «Одигитрия» и отнесли в обитель Пантократора[1]. Здесь они скрыли ее в стене церковной; затем, помолившись, возжгли перед образом лампаду и заградили его, чтобы он не был поруган иконоборцами.

Так чудотворная икона пробыла в течение многих лет, пока не погибли все покровители ереси. И когда в Церкви снова наступил мир и прекратилась противоборственная брань на святые иконы, то долго искали, где находится честная икона Пресвятой Богородицы, написанная евангелистом Лукой и названная впоследствии Одигитрией. Наконец, по Божию откровению, икону нашли сокрытой в стене церкви Пантократорова монастыря, причем увидели, что зажженная перед нею лампада не погасла. Все верные, узнав о таком обретении чудотворной иконы, исполнились великой радости и с молением и песнопением торжественно перенесли ее на прежнее место во Влахернском храме.

[1] То есть Господа Вседержителя; обитель находилась на окраине города.

О ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ Лидской или Римской

Святой верховный апостол Петр и святой апостол Иоанн Богослов, прежде чем отойти им, как прочим апостолам, в разные концы земли с проповедью Евангелия, сначала проповедовали Христа в ближайших к Иерусалиму окрестных городах. И когда они были в городе Лидде[1], который назывался потом Диосполем, и обратили в нем многих ко Христу, то создали там церковь во имя Пречистой Девы Богородицы. Обстоятельства благоприятствовали построению храма. В то время для церкви Христовой наступили мир и спокойствие, так как вскоре же после убиения первомученика Стефана[2] гонение на христиан прекратилось в Иудее. Этому способствовало то обстоятельство, что римский император Тиверий[3], который много слышал о Христе Господе нашем, повелел не преследовать христиан. Об этом спокойном для Христианской Церкви времени в книге Деяний апостольских говорится так: *церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем* (Деян. 9, 31). Создав церковь в Лидде, апостолы Петр и Иоанн отправились в Иерусалим и умоляли Пречистую Деву Богородицу прийти в Лидду посмотреть созданный во имя Ее храм, благословить его и освятить своим пришествием, чтобы моления в нем к Рожденному от Пречистой Богу доходили до Его престола. На такую просьбу апостолов Пречистая сказала: «С радостью возвращайтесь в Лидду: Я буду там с вами».

Придя снова в Лидду, они увидели в церкви на одном из каменных столбов, утверждающих здание, не рукописанный, но начертанный по Божиему изволению образ Пречистой, представляющий прекрасное изображение лика Ее и всех честных одежд, какие она носила обычно. Увидев это, апостолы поклонились этому чудотворному и нерукописному образу и воздали благодарение воплотивше-

---

[1] Город в Палестине, на северо-западе от Иерусалима, по дороге на Яффу.

[2] Память его празднуется 27 декабря.

[3] *Император Тиверий* царствовал с 14 по 37 год по Рождестве Христовом.

муся от Приснодевы Богу Слову. Потом пришла в Лидду и Пресвятая Богородица; увидев образ Свой, а также множество почитателей Своих, по вере во Христа Иисуса, Она возвеселилась духом и подала образу Своему благодать и силу чудотворения.

Прошло после того много лет, на престол римских кесарей вступил Юлиан Отступник[1], который воздвиг на Церковь Христову жестокое гонение. Зная о существовании в Лидде чудотворного образа Пречистой, он послал туда сродника своего, по имени тоже Юлиана, с повелением стереть тот образ. И тогда совершилось предивное чудо. По мере того как каменщики каменотесными орудиями старались стереть образ, — краски и штрихи проникали в глубь каменного столба, и изображение оставалось невредимым, несмотря на все старание каменотесов. Потрудившись долго и ничего не достигнув, они отошли, не будучи в состоянии изгладить священное изображение. Слух о таком дивном чуде распространился во все концы вселенной — и с этого времени множество верующих стало стекаться в Лидду на поклонение чудотворному образу Пречистой.

По прошествии еще многих лет отправился в Палестину, чтобы поклониться тамошним святыням, блаженный Герман, бывший впоследствии патриархом Константинопольским[2]. Побывав в Иерусалиме и поклонившись здесь гробу Господню и прочим святым местам, он прибыл затем и в Лидду. Здесь, поклонившись чудотворному образу Пресвятой Богородицы, он поручил одному иконописцу сделать на доске точный список иконы. Когда тот исполнил порученное ему, Герман принял от него этот список и, взяв икону с собой в Царьград, всегда имел ее у себя, как бесценное сокровище, и ежедневно совершал перед этой иконой моление. Затем, в царствование Артемия, названного Анастасием[3], он, по изволению Божию, избран был в патриархи царствующего града.

Но Лев Исаврянин[4], вступивший после Анастасия на престол царский и заявивший себя ревностным иконоборцем, воздвигнул

---

[1] *Юлиан Отступник* занимал престол с 361 по 363 год.

[2] Святой Герман занимал патриарший престол в Константинополе с 715 по 730 год.

[3] Разумеется *император Анастасий II*, царствовавший с 713 по 715 год.

[4] *Лев III Исаврянин* царствовал с 716 по 741 год.

гонение на православных и с бесчестием изгнал святейшего патриарха Германа с патриаршего престола. Изгоняемый из церкви и своего патриаршего дома, святой Герман взял с собой две святые иконы: одну — Христа Спасителя, а другую — ту самую икону Пресвятой Богородицы, которую иконописец списал для него с самописанной иконы в Лидде. Затем, прежде чем сесть на корабль и плыть в изгнание, он написал папе Римскому, святейшему Григорию[1], послание, в котором извещал о своем невинном изгнании и гонении на православных со стороны иконоборческого царя. Написав это послание, он сделал в крепкой доске иконы Спасителя отверстие и вложил туда послание запечатанным, обозначив время и час написания его. Потом, закрепив отверстие, он со слезами облобызал самую икону и при этом дважды сказал:

— Наставник! Наставник! Спаси Себя и нас!

Сказав это, он опустил икону в море, и она, плывя морем, в одни сутки достигла древнего Рима. В ту же ночь святейшему папе было извещение от Бога о скором пришествии к Риму образа Спасителя. Поэтому на другой день, как только воссияло солнце, папа, взяв с собой клир свой, сел в лодку и со свечами и кадилами поплыл рекой Тибром в море, для сретения иконы Господа Иисуса. Когда они достигли устья реки при впадении в море, то увидели икону, как бы шествующую по водам; исполнившись благоговейного трепета и радости духовной, они поклонились ей. При этом папа Григорий, обратившись к честному образу, произнес:

— Если Ты, Владыко, пришел к нам, недостойным, то молим Тебя: как Ты преславно шел по водам, так взойди и на наши руки, ибо мы, боясь своего недостоинства, не решаемся прикоснуться к Тебе.

Как только он произнес это, икона тотчас же поднялась вверх и, пролетев по воздуху, подобно птице, спустилась на руки святителя. Тот, со слезами облобызав и достодолжно почтив ее, — в сопровождении клира, с псалмопением понес ее в Рим и прошел с нею по городу, чтобы все могли видеть ту Божественную икону. Затем он поставил ее в великой церкви святого первоверховного апостола Петра. Здесь он вынул из иконы патриаршее послание, совершенно

[1] *Святой Григорий* занимал престол папы в Риме с 715 по 731 год.

не тронутое водой, и прочитав его, узнал о всем, соделанном в Константинополе, злочестивым царем-иконоборцем. Увидел из послания святейший папа и то, что икона приплыла к ним морем из Константинополя в течение всего одних суток, и, прославив Бога, поведал об этом всем присутствовавшим; тогда все стали величать непостижимую силу Божию. Скорбя по поводу господства на всем востоке иконоборческой ереси и об изгнании святейшего Германа, папа написал к нечестивому царю дерзновенное послание, обличая злочестие его. Икона же оставалась в Риме и от нее изливались здесь многие чудеса и подавались исцеления больным и недужным.

Между тем святейший Герман, видя, что иконоборцы стали подвергать иконы бесчестию и поруганию, рассекать их на части, бросать в огонь и ввергать в нечистоты, а с другой стороны, чувствуя приближение смерти, написал из места изгнания своего второе послание к первосвятителю римскому, и в этом послании извещал его о всех творимых на Востоке беззакониях. Затем вырезал в доске иконы Пресвятой Богородицы, написанной в Лидде, отверстие и вложил в него свое послание, отметив на нем время и час написания. Облобызав икону, святитель с горьким плачем произнес:

«Иди, Владычице, спасаясь не от Ирода в Египет[1], но от звероподобных иконоборцев в Рим: там православные соблюдут образ Твой и не дадут в руки нечестивых для поругания. Итак, пусть Твоя честная икона переплывет это большое морское пространство, несомая помощью и благодатью Твоею: ибо Ты носила на руках Своих Сотворившего небо, землю и море. Нас же, бедствующих за святые иконы, через которые мы воздаем честь и поклонение Тебе и Твоему Божественному Сыну, упокой в селениях праведников, в недре Авраамовом».

С такими словами святейший Герман с любовью облобызал икону и опустил ее в море.

И поплыла икона быстрее орлиного полета, и в одни сутки достигла Рима. В ту же ночь первосвятителю римскому было извещение от Бога о пришествии в Рим иконы Царицы небесной. Поэтому, восстав от сна, он со всем клиром отправился ей навстречу, как от-

---

[1] Разумеется *Ирод*, названный Великим, бывший царем Иудеи в год рождества Христова; спасаясь от замыслов его убить новорожденного царя Иудейского, Богоматерь вместе с Сыном Иисусом и обручником Иосифом бежали в Египет.

правлялись они раньше для сретения иконы Спасителя, плывя рекой Тибром со свечами и кадилами. Когда они достигли устья реки Тибра, то увидели икону Пресвятой Богородицы, плывущую к ним не плашмя, но прямо, как бы в стоячем положении, соответственно написанному на ней изображению. Папа простер руки к ней, и икона сама поднялась на воздух и опустилась в его руки. С великой радостью принял святейший папа икону и, облобызав ее, возвратился в Рим, удивляясь предивным чудесам Божиим. Потом он открыл сделанное патриархом Германом отверстие и, прочитав найденное там послание, уразумел, что лишь накануне икона была опущена в море и, таким образом, приплыла к ним в одни сутки. Поскорбев о святейшем Германе — этом великом светильнике Православной Церкви, угасавшем в изгнании, папа с честной иконой Пресвятой Богородицы совершил торжественное шествие по всему городу, как и с иконой Спасителя, а затем внес ее в церковь святого апостола Петра и поставил здесь в алтаре. С тех пор от иконы этой истекали в Риме различные чудеса и подавались недужным исцеления.

После того прошло еще несколько лет, в течение которых в Константинополе свирепствовали иконоборческие цари и патриархи. Но вот все они с бесчестием погибли — и на византийский престол вступил благоверный император Михаил[1], за малолетством которого государством управляла сначала благочестивая мать его — царица Феодора[2]. При них иконоборческая ересь была совершенно искоренена и наступило торжество Православия.

В это время икона Пресвятой Богородицы, взятая святейшим патриархом Германом на место заточения, а потом отплывшая оттуда в Рим и поставленная там в алтаре храма святого апостола Петра, начала на глазах у всех, бывших в храме, приходить в движение и колебаться, хотя никто из присутствовавших не двигал ее. Это повторялось неоднократно, то во время вечернего богослужения, то утреннего, а иногда и во время литургии. Жители Рима все пришли в ужас и немало дивились такому странному чуду. Первосвятителем Рим-

---

[1] *Император Михаил III* вступил на престол в 842 году, но начал управлять государством самостоятельно с 855 года; царствовал по 867 год.

[2] *Феодора*, жена императора Феофила (824–842 гг.), управляла государством, за малолетством сына своего Михаила, с 842 по 855 год.

ским был тогда святейший папа Сергий[1]; и вот однажды, когда он соборне, в сослужении многочисленного духовенства, совершал в храме апостола Петра богослужение, икона Пресвятой Богородицы вдруг опять пришла в сильное движение и колебание. Видя это, все присутствовавшие пришли в ужас и стали громко и усиленно вопиять: «Господи помилуй!»

И вот, поскольку они долго и усердно призывали милость Божию, колебания иконы прекратились. Но потом икона, снова придя в движение, поднялась с места, на котором она находилась, и вознеслась на воздух. Тогда все бывшие в храме столпились с восклицаниями в алтаре и стали простирать руки к иконе, чтобы принять ее, боясь, как бы она не упала на землю и не разбилась, — но не могли достигнуть желаемого, так как икона носилась по воздуху очень высоко. Медленно, как бы проходя через церковь, она двигалась к выходу из церкви, носимая невидимыми ангельскими руками. Святейший папа, со всем клиром и народом, в страхе и трепете последовали за иконой, созерцая предивное чудо. Достигнув Тибра, икона спустилась на воды его и поплыла по течению к морю. Весь народ и папа пошли по берегу и, смотря на отшествие иконы, провожали ее, проливая слезы. При этом святейший папа Сергий восклицал: «Увы нам, Царица и Госпожа наша, увы нам! Куда отходишь Ты от нас, Божественный Кивоте? Как некогда по водам пришла к нам святая икона Твоя, так теперь тем же путем она удаляется от нас. В страх и трепет повергает нас это дивное отшествие Твое: мы боимся, не постигнет ли и нас такое же гонение от иконоборцев или других беззаконников, какое было в Константинополе и из-за которого отплыла оттуда Твоя святая икона. Доколе же, Пречистая, не прекратятся бури и еретические волнения, возмущающие Церковь Христову?»

Это и многое другое говорил папа, провожая вместе с народом чудотворную икону, пока та не скрылась от них, подхваченная быстрым морским течением. После того святейший папа повелел записать происшедшее чудо в летописи, чтобы для всех последующих родов осталась память о нем.

Между тем святая икона, плывя морем, достигла Константинополя и пристала к гавани его близ царских палат. Случившиеся там благоверные мужи взяли ее и отнесли к благочестивой царице Фео-

[1] Разумеется *папа Сергий II* (с 844 по 847 год).

доре. Приняв святую икону и узнав, что ее нашли на морской пристани, Феодора сказала, что это, вероятно, одна из тех икон, которые иконоборцы, привязывая к камням, бросали в море: теперь веревки, которыми она была привязана, развязались или истлели, и вот икона выплыла на поверхность. Так вместе с царицей подумали и другие.

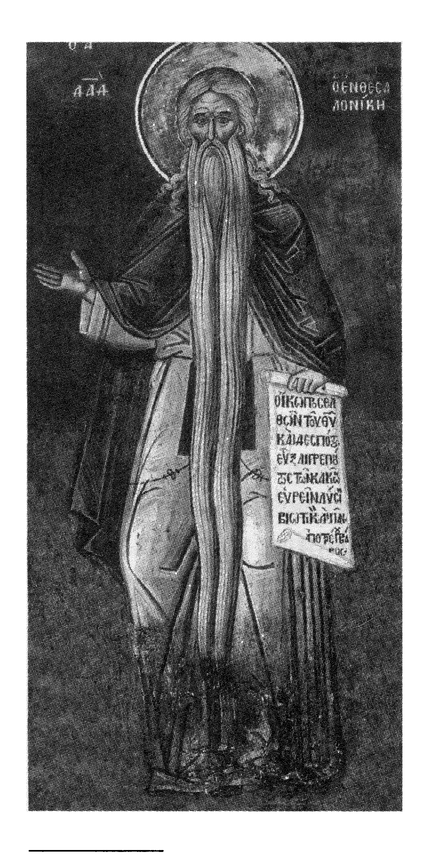
Вскоре после того от благоверного царя Михаила и от святейшего патриарха Мефодия были отправлены в Рим нарочитые послы из лиц духовного и светского звания с грамотами к папе, в которых он приглашался в Константинополь на собор для рассмотрения и осуждения иконоборческой ереси. Достигнув Рима и вручив папе грамоты, посланники привели первосвятителя римского и всех православных христиан в великую радость, ибо те увидели, что господство иконоборческой ереси кончилось. Потом они и сами были утешены, узнав здесь о великих чудесах, бывших от икон Спасителя и Божией Матери: как они во дни святейшего папы Григория — сначала одна, потом другая — приплыли морем в Рим, отправленные святейшим патриархом Германом, и как недавно икона Пресвятой Богородицы, сама поднявшись с места, на котором она была утверждена, снова отплыла из Рима. Записав все эти чудесные события, они отметили день отшествия иконы Пречистой Богородицы из Рима и потом, прибыв в Константинополь, рассказали обо всем слышанном царю, царице и патриарху Мефодию. Те вспомнили тогда о найденной на морской пристани иконе и подумали: «Не приплыла ли к нам эта икона из Рима?»

Скоро прибыли в Константинополь особые посланники от папы с поручением быть на соборе представителями римского епископа. Им показали икону Пресвятой Богородицы, обретенную на морском берегу, и они тотчас же узнали в ней тот самый чудотворный образ, который недавно отплыл от них. Поведав об этом всему народу, они привели всех в великую радость и изумление. После того посмотрели записи о дне отшествия иконы из Рима и увидели из них, что икона приплыла в Константинополь в одни сутки. Тогда патриарх со всем клиром, в присутствии царя и синклита, взяли чудотворную икону и, в сопровождении народа, торжественно перенесли ее в Халкопратию[1], где они поставили ее в церкви Пресвятой Богоро-

[1] *Халкопратия* — местность в Царьграде.

дицы, радуясь о ниспосланном от Бога чудесном даре. С того времени эта чудотворная икона Божией Матери названа была Римской, так как она приплыла в Константинополь из Рима.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ДАВИДА СОЛУНСКОГО

Блаженный Давид родился в стране восточной и, как светоносная звезда, осиял весь мир: упражняясь в воздержании с младых лет, он явился перед людьми как бы Ангелом во плоти. Поселившись близ города Солуни[1] в трех верстах от него, святой Давид построил себе палатку под миндальным деревом; тут, подобно птице доброгласной, он утешал всех притекающих к нему многополезными словами. Его ум всегда был устремлен в божественную высоту: благодаря этому, он обогатился даром чудотворения и сделался светозарным столпом Церкви, всех просвещающим своими чудесными знамениями. Мужественно перенося то стужу, то сильный зной, он сделался как бы бесстрастным. И так как он угасил в себе огонь плотских вожделений, то его

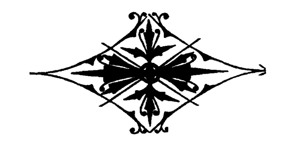
---

[1] *Солунь*, или *Фессалоники*, — весьма значительный, древний город Македонии, лежит в глубине большого Солунского, или Фермейского залива, составляющего часть Эгейского моря (Архипелага). В Солуни проповедовал христианство апостол Павел и основал общину, для которой им были написаны два послания. По своим торговым оборотам и богатству он был одним из самых важных городов Византийской империи. В настоящее время город этот, под именем Салоники, после Константинополя первый торговый город Европейской Турции, с весьма многочисленным населением.

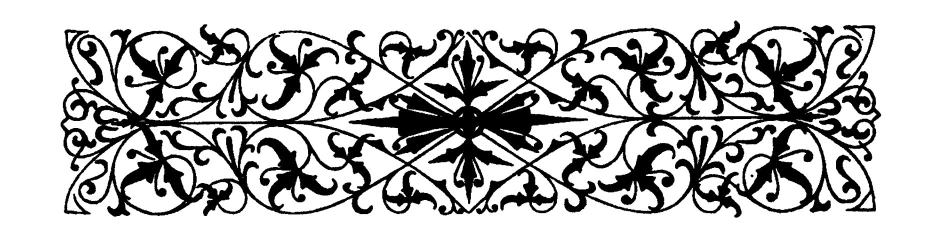
не мог опалить и огонь вещественный. Однажды он взял в руки разжженный уголь и, возложив на него фимиам, предстал перед царем и кадил на него, причем руки его нисколько не пострадали от огня. Увидев это, царь удивился и поклонился угоднику Божию в ноги. Вообще своею жизнью и творимыми чудесами святой Давид много изумлял людей, которые, взирая на святого, прославляли Бога, дивного во святых Своих. После долгой и славной жизни святой Давид с миром отошел к Богу[1], Которого возлюбил из млада.

В тот же день **память святого отца нашего Дионисия**, архиепископа **Суздальского**, скончавшегося в 1384 году.

[1] Скончался святой Давид около 540 года, в царствование Юстиниана и Феодоры.

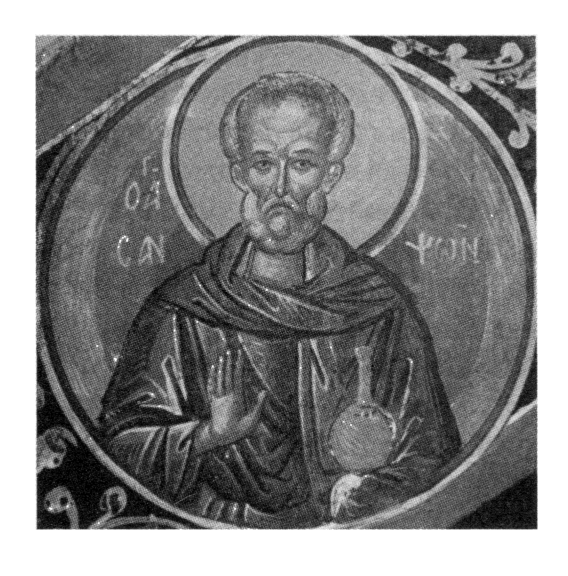

День двадцать седьмой

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
САМПСОНА СТРАННОПРИИМЦА

Великий Сампсон, слава о котором распространилась повсюду, родился в славном городе — древнем Риме; родители его были люди богатые и знатные и вели свое происхождение от царской крови. Прекрасно изучив всю мирскую мудрость, Сампсон обучился также и врачебному искусству, но не от нужды и не из-за корысти, — так как был вполне доволен и своим собственным богатством, — а отчасти из-за того, чтобы не быть праздным, отчасти же с той целью, чтобы чрез знание врачебной мудрости послужить, с помощью Божией, нищим. Многих, страдающих неисцельными болезнями, Сампсон силой своего искусства исцелял. При этом его врачебному искусству споспешествовала и благодать Божия, подающая исцеления, которая была ниспослана ему за его добродетельную жизнь и за веру к Богу. Помимо внешней мирской мудрости Сампсон обладал и разумением Божественных Писаний, много упражнялся в чтении священных книг и, возбуждаемый верою и надеждою, укреплялся в любви Христовой.

Когда преставились родители святого Сампсона и он сделался обладателем обширных имений, то святой не только не перестал совершать свои дела милосердия, безмездно врачуя неимущих, но даже стал обменивать свои временные и скорогибнущие богатства на негибнущие и вечные, последуя евангельскому слову (см.: Мф. 6, 20); при этом, щедро раздавая милостыню нищим, по заповеди Божией, — он обеими руками истощал свои богатства, стремясь удовле-

творить всякие нужды нищих и неимущих, желая чрез насыщение их тленного чрева стяжать себе нетленные сокровища. Так он делал во все дни жизни своей, потому что милосердие было свойственно уму от рождения, а чрез воспитание оно еще больше укрепилось в сердце его. Желая скромнее и проще проводить жизнь свою, Сампсон отпустил множество рабов своих на свободу, оставив себе одного — для необходимых услуг. И в самом деле, зачем ему было такое множество рабов, если он сам соделался истинным и искренним рабом Господним? Итак, он отрешился от всех богатств своих, коими был связан как своего рода узами, и довольствовался одною одеждою и одною веревкою для препоясания чресел своих. Желая же обогатить душу свою богатством духовным, он презрел мир и все, что в мире, и, подражая Христу, стал странником: оставив сродников своих и знакомых, он ушел из древнего Рима и поселился в одной пустыне, как некогда пророк Илия.

Но Бог, на пользу многим, привел верного раба Своего в Новый Рим, то есть в Константинополь; здесь, обретши себе некую храмину, святой Сампсон поселился в ней, упокоевая странников и нищих и всячески служа им. При этом святой Сампсон не только врачевал их с помощью своего врачебного искусства, но и старался угождать им пищею и постелью. Все это он совершал с таким усердием, что добродетель милосердия всем казалась соестественной ему. Как солнцу свойственно проливать лучи света, а огню естественно опалять все, что прикоснется к нему, так же точно усердие и любовь Сампсона к нищим, больным и странникам были как бы от природы свойственны ему. И Бог, Который не оставляет без Своего благословения дела милосердия к ближним, творимые ради Него, и Который принимает милостыню ближним, как жертву Себе Самому, — сообщил особенную силу заботам и трудам святого Сампсона на пользу

больным: все страдающие неисцельными болезнями, коих он принимал в дом свой, получали чудесное исцеление. Но святой данный ему от Бога дар чудотворения скрывал под видом врачебного искусства, так как отличался смирением и не хотел восприять от людей славы и почитания себе. Но не может светильник укрыться под спудом, равно как не может скрыться град, стоящий вверху горы; так и святой Сампсон, сияя светом добрых дел и вошедший на гору совершенного богоугождения, соделался всем известен. Прослышал про него и патриарх Константинопольский и, призвав его к себе, хиротонисал в пресвитеры, хотя святой и не желал того.

Слава о добродетелях святого и его необыкновенном искусстве врачевания дошла и до царских палат. Случилось это при таких обстоятельствах.

Император Юстиниан[1] впал в сильный недуг и жестоко страдал лютой неисцельной болезнью. Призвали врачей, но они, осмотрев царя, по обыкновению своему, начали спорить друг с другом и долгое время только подавали царю напрасную надежду своими речами, но в действительности не могли уврачевать болезнь царя или даже облегчить его страдания. Призвали из всех областей Греко-римской империи искусных врачей, но ни один не мог уврачевать царя от той жестокой болезни. Царь разгневался на них и повелел всех их прогнать от очей своих, а сам обратился к Источнику всяких исцелений и всей твари Создателю, Господу Богу: Ему одному он вручал жизнь свою, и от Него одного со слезами стал искать помощи себе. И не презрел Бог прилежного и слезного моления царя. Уснув на короткое время, он увидел в видении множество врачей, предстоявших ему и облеченных в светлые одежды. Потом некий светозарный юноша, приступив к нему, начал показывать ему каждого из врачей, говоря, кто какого сана и сколько ему лет; среди них он показал царю одного, смиренного лицом и с седыми волосами, облеченного в священнические одежды; указывая на него, светоносный юноша говорил царю: «Он, а не иной кто, исцелит тебя, царь, от твоей смертельной болезни».

Воспрянув ото сна, царь сильно обрадовался и возблагодарил Бога, Который подал ему благую надежду на выздоровление. Затем, припомнив образ виденного им во сне мужа, повелел снова при-

---

[1] Греко-римский *император Юстиниан* царствовал с 527 по 565 год.

звать к себе всех врачей. Когда они предстали перед ним, он долго смотрел на них, ища среди них виденного во сне мужа, и, не найдя такового, снова впал в печаль и начал скорбеть. Потом, не переставая надеяться на помощь Божию, снова повелел искать такого врача, какого он узрел в сонном видении. При этом, описав черты лица виденного им мужа, царь обещал щедро наградить того, кто поможет ему разыскать этого мужа. Многие искали описанного царем врача и не находили. Наконец, один из царских слуг, который был известен самому царю и находился в дружбе со святым Сампсоном, вспомнил о святом, что он, будучи врачом немощных, по чертам своего лица совершенно подобен описанному царем целителю. Об этом он сказал царю, и царь повелел с почетом привести святого к себе.

Когда святой вошел к царю, царь, узрев его, тотчас же познал, что этого мужа он, действительно, видел в сонном видении. Исполнившись радости, он быстро восстал с седалища своего и, подойдя к святому, обнял его и лобызал не только уста старца, но также главу и руки его, говоря при этом:

— Ты воистину, отче, тот, коего во сне явил мне Господь Бог, обещая через тебя подать мне здравие.

Сказав это, он отвел его в спальный покой свой и, сев рядом с ним, наслаждался лицезрением его; при этом руки святого он прилагал к глазам своим и со слезами лобызал их, надеясь получить от них исцеления.

Блаженный Сампсон при виде столь великого смирения царя опечалился и кротко сказал ему:

— Не делай этого, царь, не уничижай себя безмерным смирением, чтобы не ввести меня в грех гордости: тогда на тебя ляжет вина моего осуждения Праведным Судиею. В чем превосхожу я людей, будучи нищим и грешным, нуждаясь сам в милостивом снисхождении Господнем ко исцелению грехов моих? Только твоя превеликая вера, обращенная к Господу, и твое теплое упование на Его милосердие, приклонит Христа Царя небесного на милость и Он исцелит тебя: ибо Он может сотворить все, что хочет.

Сказав это, Сампсон коснулся рукой больного места на теле царя, делая вид, что он прилагает лекарства, и желая этим утаить данный ему от Бога дар чудесного исцеления. И лишь только он кос-

нулся больного места рукой, вдруг царь почувствовал облегчение от болезни, а потом скоро наступило у него и совершенное исцеление.

Получив совершенное здравие, царь сильно обрадовался не только своему выздоровлению, но и тому, что он сподобился увидеть столь великого богоугодного мужа. Потом, желая достойно возблагодарить святого, предлагал ему много золота и серебра. Но святой сказал царю:

— Я много, царь, имел золота, серебра и имений, но все это ради Христа оставил, чтобы получить вечные небесные блага. Но если хочешь оказать мне твое благоволение, то ради Бога и твоего спасения сделай вот что: устрой рядом с хижиной моей дом, где бы я мог успокаивать немощных и странников, которым я привык служить. Этим ты и себе исходатайствуешь от Бога вечное воздаяние, и мою старость утешишь.

Слушая такие слова святого, царь вменил эту просьбу его скорее в дар себе, чем в прошение, и повелел создать странноприимницу и больницу, как хотел преподобный. Когда же здание было окончено строением, царь приписал к нему различные имения на нужды успокаиваемых там странников и врачуемых больных.

После того, в продолжение многих лет, святой Сампсон предавался своему делу служения странникам и врачевания больных. Среди таких занятий достиг он глубокой старости: ослабев телом, он немного разболелся и приблизился к смерти. Когда же разлучалась душа его от тела, он оставался светел лицом и нимало не скорбел ввиду смерти, как обычно скорбят другие души, преисполненные плотскими и мирскими печалями, одержимые многими грехами, и потому боящиеся смерти.

Святой ведал, Кто призывает его, от каких трудов и к какому спокойному пристанищу и какие утехи ожидают там душу его блаженную, ибо всякий делатель достоин мзды своей (см.: Лк. 10, 7). Итак, богоугодная душа святого Сампсона отошла в небесные горные страны[1]; тело же его было с честью погребено в церкви святого мученика Мокия, от племени коего этот великий угодник Божий произошел по плотскому рождению, будучи духовным наследником добродетели святого мученика.

[1] Это было в 530 году.

Будучи великим угодником Божиим, святой прославился чудесами, творимыми им не только при жизни своей, но и по смерти. Некоторые из его посмертных чудес мы здесь и припомним.

Однажды был в Царьграде пожар, который начался от церкви святой Софии[1]. Пожар был столь силен, что никто из людей не мог ничего сделать, чтобы погасить его. Пламя быстро распространялось, и уже горело большинство роскошных палат и зданий, украшавших город. Огонь достиг и до странноприимницы преподобного Сампсона. Но окружив ее со всех сторон, пламя совершенно не касалось ее, и она стояла среди огня, как купина неопалимая. При этом многие видели преподобного Сампсона, который быстро обходил ограду странноприимницы и гневно отстранял от нее пламя пожара, — и огонь, как бы устрашившись перед лицом святого и повинуясь его велению, отступил от странноприимницы в другое место. Потом внезапно загремел гром и появилось на небе облако; немедленно после того полил сильный дождь, который, по молитвам святого, угасил весь пожар.

Святой подавал по смерти своей также и исцеление всяких болезней, как он подавал их при жизни своей.

Случилось как-то, что один знатный муж Феодорит, саном спафарий[2], сходя быстро ради некоей нужды по ступенькам лестницы своего дома, оступился и повредил сустав ноги своей. Нога неожиданно разболелась, и он слег в постель. В продолжение трех дней он не мог от сильных страданий ни вкушать пищу и питие, ни забыться сном, ни сказать что-либо — и был как немой. Но, сохранив при своих страданиях здравый ум, он мысленно прилежно молился Богу и угоднику Его, святому Сампсону, призывая его на помощь. По прошествии трех дней, при наступлении ночи, спафарий Феодорит увидел святого Сампсона, стоявшего у его ног; касаясь поврежденной ноги его, святой говорил:

— Встань, ибо ты уже больше не будешь болеть.

И сказав это, святой сделался невидим. Феодорит тотчас же почувствовал себя совершенно здоровым и радостно начал громко благодарить Бога и говорить:

---

[1] Соборный храм в Константинополе. При императоре Юстиниане он был заново перестроен. По прекраснейшей архитектуре и роскоши отделки он принадлежит к числу лучших зданий в мире.

[2] *Спафарий* — оруженосец; придворный чин.

— Воистину великий угодник Божий святой Сампсон!

Потом, осязав свою ногу и видя, что она стала совершенно здоровой, встал и начал ходить. А с наступлением утра пошел ко гробу преподобного и, сотворив перед ним благодарное поклонение, поведал всем бывшим там о дарованном ему исцелении.

Другой вельможа в Царьграде, по имени Лев, едучи на коне, стер о каменную стену свою ногу: открылась язва, и он тяжко захворал, причем с каждым днем болезнь становилась сильнее. Домашние советовали больному призвать врача, чтобы тот сделал ему кровопускание. И вот, когда приближалось наступление четвертого дня, в который должен был прийти врач к больному, было видение ночью прежде упомянутому Феодориту, который перед этим получил исцеление от своей болезни. Он увидел трех мужей, входивших в дом больного вельможи; в одном из них он узнал святого Сампсона, которого видел во время своей болезни, а относительно двух других подумал, что это бессребреные врачи Косма и Дамиан[1]. Феодорит спросил их:

— Куда вы идете?

Они же, с любовью воззрев на него, ответили:

— К вельможе Льву.

Феодорит на это сказал им:

— Знаете ли вы, владыки мои, что он страдает тяжкой болезнью, и в этот наступающий день к нему придут врачи, чтобы лечить у него поврежденную ногу.

Тогда святые сказали Феодориту:

— Да не будет того, — мы снова придем к нему в пяток и исцелим его.

Воспрянув от сна, Феодорит немедленно пошел к больному и рассказал ему о видении своем. Лев поверил словам его и не принял лекарей, но, возложив все упование свое на Бога, стал ждать пятка, непрестанно пребывая в молитве. И, действительно, когда наступил пяток, больная нога его вдруг получила исцеление и сделалась здоровой, как и другая, совершенно не нуждаясь в каком-либо врачевании. Почувствовав себя здравым, Лев немедленно пошел ко гробу преподобного Сампсона и воздал ему, вместе с явившимися с ним, благодарение.

[1] Память их совершается 1 июля.

Прославляя через многие чудеса угодника своего Сампсона, Бог прославил его и через истечение целебного мира от гроба преподобного, причем болящие всякими недугами, помазуясь этим миром, получали здравие. Целебное действие этого мира испытал на себе и вышеупомянутый вельможа Лев. Случилось ему, после исцеления от своей болезни, снова заболеть всем телом, и он лежал на одре болезни, как расслабленный, причем все члены его тела были недвижимы. Но когда его помазали по всему телу миром, истекающим от гроба преподобного, он тотчас же получил исцеление. В другой раз он заболел очами, но, помазав их миром от гроба святого Сампсона, снова получил здравие.

Воздавая за неоднократные исцеления, творимые ему преподобным, благодарения святому, вельможа Лев принял на себя попечение о странноприимнице его, в это время несколько оскудевшей, и в достаточной степени подавал ей на разные потребы от своих имений.

Не будет неуместным упомянуть здесь и о том, что в странноприимнице начальником был тогда некто Енесий, человек ленивый и к службе своей нерадивый, наблюдавший все нужды больных и странников небрежно. Однажды ночью преподобный Сампсон явился ему не во сне, но как бы наяву, и стал бить его жезлом, с гневом говоря ему: «Почему небрежен ты к службе своей и не заботишься о нуждах странников и больных?»

От биения Енесий заболел столь сильно, что у него отнялся голос и он стал нем: тело же его сделалось синим от ран, причиненных жезлом святого. Когда наутро многие стали приходить к нему, Енесий ничего не мог сказать им, а только показывал на тело свое, синее от биения, потом, взяв хартию и трость, написал в ней, как он был наказан от святого за свою лень и небрежение. Узнав о случившемся, вельможа Лев пришел к больному навестить его. Увидев же, что тело его совершенно синее от биения, он начал со слезами молиться преподобному Сампсону.

«Святой угодниче Божий, — так молился он, — ты знаешь мою веру и усердие к тебе, исполни же теперь молитву мою: вот перед тобой Енесий, которого ты наказал и который, написав на хартии случившееся с ним, поведал сам и грех свой, и твое вразумление ему. Исцели его от болезни, чтобы чудо твое получило большую известность для прославления имени Божия».

Когда вельможа Лев таким образом молился, язык Енесия разрешился и уста у него отверзлись, и он рассказал подробно обо всем бывшем с ним и с того времени совершенно исправился.

После того некоторые благоговейные мужи, посоветовавшись между собой, обратились к патриарху и просили его освятить странноприимницу и церковь. Так, действительно, и было сделано. Для успокоения же странников и принятия недужных были устроены при новопостроенной церкви иной дом и больница.

По прошествии некоторого времени строителем[1] странноприимницы был Евстратий, который тоже не радел о больных и странниках и к тому же был скуп. Однажды много дней он не давал больным елея и за это он был наказан Богом, разболевшись глазами. Один из друзей его, именем Лев, не тот, о котором мы говорили выше, но другой, носивший то же имя и служивший в странноприимнице, сказал ему:

— Отпусти для больных и странников в должной мере елея, и ты будешь здоров очами; если же не веришь словам моим, то я дам, в удостоверение сказанного мной, расписку.

Сказав это, он написал Евстратию следующее:

— Я, Лев, уповая на святого чудотворца Сампсона и утверждаясь несомненной верой на него, предоставляю себя поручником тебе в удостоверение того, что если ты дашь довольно елея для нищих и странников, то исцелеют от болезни глаза твои; ибо святой Сампсон испросит тебе здравие.

Приняв такую расписку и дав обещание отпустить в нужной мере елей для больных и странников, Евстратий в тот же день получил исцеление очей. Но так как он был скуп по своему нраву, то снова не стал давать елея. И вот однажды ночью явился ему преподобный Сампсон и с гневом сказал ему:

— Что ты испытываешь меня, пренебрегая моими вразумлениями?

Устрашенный этим видением, Евстратий с наступлением утра призвал друга своего Льва и дал ему множество елея, прося его, чтобы он помолился за него к святому Сампсону и испросил у святого угодника Божия прощение грехов его.

---

[1] *Строитель* — начальствующий инок.

Один из царских советников, именем Барда, человек знатный, заболел карбункулом, от которого образовались на груди его большие и неизлечимые язвы. Долго он претерпевал тяжкие страдания от своей болезни. Между тем наступил день памяти святого мученика Мокия[1]: врачи, бывшие при больном, и все домашние его ушли в церковь святого мученика на всенощное бдение; больной же лежал на одре, сильно печалясь о том, что не мог идти в церковь на праздник и поклониться чудотворному гробу преподобного Сампсона, находившемуся в той церкви святого мученика. В это время явился к нему некий благолепный старец и сказал ему:

— Встань!

Больной на это сказал:

— Как же я могу встать? Все члены тела моего ослабели от тяжкой болезни.

Но старец снова сказал:

— Говорю тебе — встань и иди в церковь святого мученика Мокия, которому ныне совершается празднество: там ты помолись у гроба святого Сампсона.

Сказав это, старец сделался невидим.

Больной же, ощутив вдруг крепость в членах своих, стал понемногу вставать с одра своего. В то же время он заметил, что боль от язв прекратилась. Когда же он отвязал от ран врачебные повязки и пластыри, то увидел, что язвы совершенно исцелели. Исполнившись радости, вельможа тот оделся в праздничные одежды и пошел в церковь. Увидев его неожиданно исцеленным, все бывшие в церкви удивились и прославили Бога.

В то время было в обычае, что, если кто впадет в какой-нибудь недуг, то он повелевал отнести себя в больницу святого Сампсона и там, по вере своей, получал здравие. Так, когда у одного пресвитера заболел раб водянкой, пресвитер отослал его в больницу святого Сампсона. Пробыв здесь несколько дней и не получив облегчения от своей болезни, раб возвратился в дом своего господина. Пресвитер, увидев его, сильно разгневался на него за неверие его и снова отослал его в больницу, повелел испросить себе мира, истекавшего от гроба святого и помазаться им. Раб пошел, переночевал в больнице святого Сампсона и возвратился оттуда здоровым. О том, как

[1] Память его совершается 11 мая.

он выздоровел, раб поведал следующее: «В эту ночь я видел во сне явившегося мне святого Сампсона; коснувшись рукой до моего чрева, он сказал мне: «Иди отсюда, ты уже здоров». Я тотчас же проснулся и почувствовал себя здоровым».

Такой же болезнью страдала жена церковного служителя Ирина. Она в сонном видении узрела святого Сампсона, пришедшего к ней вместе со святыми бессребрениками Космой и Дамианом, и прикоснувшегося к ней. После того она получила здравие.

Эти и многие иные совершались чудеса и подавались исцеления по молитвам преподобного Сампсона, чем прославился дивный во святых Своих Бог, Коему и от нас воссылается честь и слава, поклонение и благодарение, ныне и присно и во веки веков.

ПАМЯТЬ СВЯТОГО
СЕВИРА[1]

В стране Тудера[2] между двумя горами, в долине, называемой Интероклея, была церковь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. Пресвитером при ней был Севир, муж дивной и богоугодной жизни. Один из тамошних жителей, заболев и приблизившись к смерти, поспешно отправил послов к тому пресвитеру сказать ему, чтобы он скорее пришел к нему, исповедал бы его в содеянных грехах и разрешил от них пред отшествием к смерти. В это время Севир находился в своем винограднике, где он занимался обрезанием гроздьев. Выслушав просьбу посланных, он сказал им:

— Идите вы сначала одни, я скоро догоню вас.

Но потом, увидев, что еще много осталось собрать гроздьев, захотел еще немного подождать, чтобы собрать и то, что оставалось. Окончив свое дело, он отправился в путь к болящему. На пути встретили его бывшие у больного, которые сказали ему:

---

[1] Это повествование взято из книги святого Григория Двоеслова («Беседы», гл. 12).

[2] Местность эта находилась в Средней Италии, в провинции Валерии, между горами Реате и Аметериум.

— Почему, отче, ты медлил? Но больше не трудись, ибо человек тот уже умер.

Услышав это, пресвитер затрепетал от ужаса и горько начал плакать, нарицая себя убийцею умершего. Не переставая плакать, он достиг дома, где лежало тело умершего и со слезами пал на землю пред одром, рыдая и ударяясь головою о землю; при этом он, вслух всех, бывших там, винил себя в смерти того человека. Когда он рыдал так, умерший внезапно ожил. Увидев это, предстоявшие сильно удивились случившемуся чуду и возрадовались о воскресении умершего и от радости плакали. Потом они спросили:

— Где ты был? И каким образом душа твоя, разлучившаяся с телом, снова возвратилась в него?

Тот ответил:

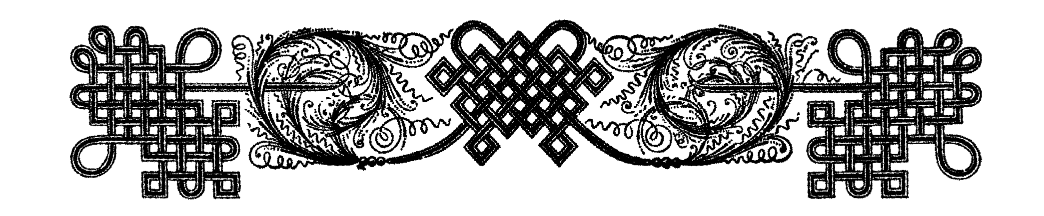
— Какие-то эфиопы[1], весьма страшные и гордые, из ноздрей и ушей которых исходил огонь, взяли меня и повлекли в некие темные места, исполненные ужаса и трепета. Но вдруг явился пресветлый юноша, который шел навстречу нам с другими светоносными мужами; обратившись к влекущим меня, он сказал им со властью: возвратите его, так как о нем плачет Севир пресвитер; ради слез этого мужа Господь снова дарует умершему жизнь в теле.

Услышав такой рассказ, Севир встал с земли с неизреченною радостью и воздал Богу благодарение. Затем, поучив воскресшего тому, как нужно принести покаяние Богу, он выслушал исповедь его, разрешив от грехов, причастил Божественных Тела и Крови Христовых. После того воскресший прожил еще семь дней, непрестанно молясь к Богу, в восьмой же день он с радостью преставился Ему.

Итак, познаем, как возлюбил Бог пресвитера Своего Севира; ибо Он не восхотел опечалить его, но скоро услышал молитву святого и сотворил согласно желанию его. Отсюда открывается также и то, что и пресвитер Севир от всей души возлюбил Господа Бога и в течение всей жизни своей поработал Ему усердно. Послужив Господу, он, по окончании своего земного подвига, предстал престолу Божественной славы, вместе с ликами святых, славящих Отца и Сына и Святого Духа, Единого в Троице Бога, Коему и от нас да будет слава вовеки. Аминь.

---

[1] *Эфиопами* часто называются в священных книгах мрачные духи злобы, которые противополагаются светлым ангельским силам.

День двадцать восьмой

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ЧЕСТНЫХ МОЩЕЙ СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ **КИРА и ИОАННА**

Святые страстотерпцы, Кир и Иоанн, пострадали за имя Христово 31 января[1], в царствование Диоклетиана[2], в городе Конопе, отстоящем от великого города Александрии на двенадцать поприщ. После их страдальческой кончины христиане тайно взяли их святые тела и похоронили их с честью. Целебные мощи святых мучеников были обретены по прошествии уже многого времени (со дня их мученической кончины); они были обретены именно тогда, когда правоверные христиане, победив идолослужителей еллинов, начали всюду созидать храмы без страха.

В особенности без страха начали строить храмы христиане со времени императора Феодосия Великого. Император Феодосий Великий[3], победивший западного царя Максима[4] со всеми его войсками по молитвам святых отцов, подвизавшихся в египетских пустынях, отправил к этим отцам нарочитых людей с просьбой о помощи. Из числа святых отцов, подвизавшихся в Египте, следует упомянуть об одном, по имени Сенуфий, прославившемся чудесами и пребывавшем в скиту. Относительно этого отца царь писал Феофилу, Александрийскому патриарху, прося послать Сенуфия к нему в Константинополь, дабы подкрепиться его благословением и молитвами в борьбе с противниками.

---

[1] Под этим числом помещено и житие их.

[2] Управлял восточной половиной Римской империи с 284 по 305 год.

[3] Царствовал с 379 по 395 год.

[4] Собственно претендента на царский престол.

Феофил, исполняя царское желание, отправился сам в скит к преподобному тому отцу Сенуфию и умолял его отправиться в Константинополь к царю Феодосию. Однако Сенуфий ни в каком случае не желал выйти из своей келии. Наконец, после усиленных просьб патриарха Сенуфий взял свою хламиду и жезл, поднял их кверху, обратившись к востоку; затем подняв очи свои к небу, сказал:

— Господи Боже сил! Со смирением молюсь Тебе, дай хламиде этой и жезлу ту силу, которую Ты по милосердию Своему дал бы мне, если бы я пошел туда.

Помолившись в таких словах, Сенуфий отдал хламиду и жезл патриарху, сказав:

— Пошли это к царю вместо меня и напиши ему, чтобы во время битвы он оделся в хламиду, взял жезл в руку и с дерзновением пошел бы вперед своего полка на врагов; и увидит он силу Божию.

Патриарх послал хламиду и жезл к царю и передал ему слова преподобного.

Царь, приняв посланное с верою и сделав все, согласно словам преподобного, одержал славную победу над врагами. В память этой победы, а также и в напоминание о преподобном Сенуфии жители города Александрии изваяли статую царя, стоящую на высоком подножии; на статуе царь был облечен в хламиду иноческую и имел жезл в руке; и каждый год жители города Александрии торжественно праздновали день той победы, воссылая благодарение Богу.

С этого именно времени, благодаря все большему и большему распространению христианства, верующие и начали строить храмы в Александрии и по всему Египту. И когда патриарх Феофил пожелал выстроить в Конопе большую церковь во имя святых апостолов, обретены были мощи святых чудотворцев Кира и Иоанна. Случилось это по кончине Феодосия, в царствование сына его Аркадия. О перенесении же тех мощей написано в житии Кирилла[1], патриарха Александрийского, следующее:

«На расстоянии двух поприщ от Конопа было место, именуемое Мануфин (раньше то было селение). Здесь находилось древнее капище, бывшее обиталищем демонов; место это внушало всем ужас, так как здесь обитали многие нечистые духи. Патриарх Феофил,

[1] См. житие его выше, 9 июня.

когда еще был в живых, хотел очистить то место от бесов и освятить для славословия Божия, но, отвлекаемый другими заботами и уже будучи близ конца дней своих, святой не успел привести в исполнение свое намерение. Святой Кирилл, приняв после Феофила Александрийскую кафедру, решил привести в исполнение намерение Феофила и усердно молился Богу, да подаст Он ему помощь свыше и силу для одоления и изгнания из Мануфина нечистых духов. И вот, явился ему в видении Ангел Господень, повелевая перенести в Мануфин честные мощи святых мучеников Кира и Иоанна, чтобы прогнать оттуда силу бесовскую. Святой Кирилл так и поступил, перенес в Мануфин мощи святых[1] и построил там во имя их церковь. Вскоре же после этого нечистые духи навсегда удалились оттуда, и место то стало источником исцелений, подаваемых от мощей мученических».

Необходимо вспомянуть здесь в кратких словах и о чудесах, совершенных святыми чудотворцами Киром и Иоанном.

При святейшем Евлогии, патриархе Александрийском[2], сын градоначальника Юлиана, по имени Аммоний, имел на шее своей некие болезненные прыщи, росшие внутрь, именуемые врачами скрофулами или струмами[3]; день ото дня увеличиваясь и назревая, сии прыщи весьма отяготили шею его и угрожали смертью; были призываемы многие искусные врачи, но больной не получил от них никакого облегчения. Этот отец с сыном, весьма опечалившись, оставил тех врачей и обратился за помощью к святым чудотворцам, Киру и Иоанну; он начал молиться со слезами при их честных мощах, прося их даровать здравие сыну его. Святые же, явившись в видении, повелели юноше прежде всего оставить заботы о богатстве и славе и, в знак смирения, вымести пыль из храма их; потом, сделав пластырь из воска, смешанного с хлебом, повелели обложить им шею и гортань больного. И как только все это было сделано, тотчас разрешились прыщи, и Аммоний получил здравие по молитвам святых безмездных врачей.

Спустя некоторое время тот же Аммоний, забыв увещания святых, возгордился и снова заболел другою болезнью, которая была ему наказанием за его преслушание. Он начал страдать желудком, при-

---

[1] Событие перенесения мощей святых угодников Божиих Кира и Иоанна последовало около 412 года.

[2] *Евлогий* патриаршествовал с 579 по 607 год.

[3] Вероятно, нечто в роде карбункулов или болезненных опухолей на коже.

чем болезнь его была столь тяжка, что, по причине ее, он совершенно не мог принимать ни пищи, ни пития; все, что он принимал устами, извергалось обратно. Тогда он снова обратился за помощью к известным врачам своим, святым страстотерпцам Киру и Иоанну и начал молиться им со слезами. Эти же святые, явившись ему в видении, сначала укорили его за гордость, потом повелели снять драгоценные одежды, облечься во вретище; затем, взяв водоносы, велели носить холодную воду недужным братиям и нищим для утоления жажды их. Когда Аммоний сделал все то добросовестно, тотчас явились ему святые и приказали, взяв елея от лампады их, также и воска от возжженных при раке их свеч, — сделать пластырь и приложить его к желудку своему. Сделав все это, Аммоний получил здравие.

Некий александриец, по имени Феодор, издавна ослепший на оба глаза, был приведен в Мануфин к церкви и к многоцелебным мощам святых страстотерпцев; он молился здесь с усердием об исцелении своем от слепоты. Ему явились святые в видении и повелели идти и умыться из источника, протекавшего близ храма их. Тот пошел, умылся и, когда отер полотенцем лицо свое, тотчас прозрел и почувствовал, что с глаз его отпали на полотенце бельма, как некая чешуя. Феодор возвратился с радостью к церкви, показывая всем на полотенце следы своей слепоты.

Другой муж, по имени Калос, соответственно своему имени и житием прекрасный[1], случайно упал с лестницы, раздробил голень ноги своей на многие части и страдал тяжко. Этот муж призывал на помощь многих врачей, но не мог получить от них никакой помощи. Тогда он обратился за помощью с твердой верой к безмездным врачам, Киру и Иоанну; помазав елеем от лампады их свою ногу, больной тотчас же получил исцеление.

Некто Исидор из Маиюмы[2] страдал болезнью печени, которая, начав гнить, обращалась в кровь, воспалялась и выплевывалась с кровью. Так как человек тот не мог получить облегчения ни от каких врачей, то обратился к многоцелебным мощам этих святых страстотерпцев. Святые явились ему и уже не в сонном видении, а явно, и

---

[1] *Калос* — с греческого (καλός) «прекрасный».

[2] *Маиюма* — портовый город Палестины, служивший гаванью для Газы, древнего города этой страны, находившегося недалеко от Иерусалима. Известен как место епископской деятельности святого Космы (память его — 12 октября).

дали ему вкусить часть лимона; принимая лимон из рук их, он не знал, от кого принимал: он думал, что это был кто-либо из числа народа, пришедшего на поклонение честным мощам мученическим. Когда больной съел данное ему, тотчас желудок его как бы возмутился и изблевал большого червя, угрызавшего печень его; святые же безмездные врачи стали невидимы. Исидор, став с того времени здравым, воздал благодарение Богу и Его святым угодникам.

Некто Мина, начальник города Филопона[1], страдал сильной лихорадкой; к этой болезни у него присоединилось еще затвердение желудка, так что прекратились его естественные отправления. Все лекарства, принимавшиеся больным в уста, не только не доставляли ему никакого облегчения, но еще более утруждали желудок его, оставаясь в нем. И страдал этот муж две седмицы; болезнь его была весьма люта, так что он отчаялся уже в помощи врачей. Вспомнив же о святых безмездных врачах Кире и Иоанне, Мина повелел нести себя с постелью в Мануфин к многоцелебным мощам их. В то время, как он, помолившись при мощах со слезами, задремал и уснул, явились ему святые и дали вкусить смокву. Пробудившись ото сна, он нашел смокву на постели, близ себя; он съел ее, и тотчас разрешилась болезнь желудка его и он стал здравым.

Другой Мина, легкий и скорый ногами своими, как древний Асаил[2], *как серна в поле* (2 Цар. 2, 18), столь сильно заболел ногами своими, что совершенно не мог ходить; и лежал он на постели долгое время, ибо ноги его весьма отекли. Мина приказал нести себя вместе с постелью ко святым чудотворцам Киру и Иоанну. И когда помазал свои ноги елеем от лампады, горевшей при честных мощах святых, тотчас встал здравым и мог ходить, ибо ноги его совершенно исцелились; за все это он возблагодарил Бога и святых угодников Его.

Женщина некая, по имени Феодора, однажды пив воду, проглотила маленькую жабу, не заметив ее; жаба же та во чреве ее начала расти. Первоначально жаба доставляла Феодоре небольшое страдание, ибо была сама мала; когда же та жаба выросла и сделалась большой, то стала причинять столь великую боль, что женщина та совер-

---

[1] Один из египетских городов.

[2] *Асаил* — сын сестры Давидовой Саруи, брат военачальника Иоава, — один из главных полководцев Давидовых.

шенно не имела покоя ни днем ни ночью, по причине своих лютых страданий. Она сильно кричала, бросалась на землю, но никто не мог помочь ей и даже никто не мог узнать, какая была у нее болезнь; многие думали, что ее мучил бес. Наконец привели ее к святым чудотворцам, Киру и Иоанну; они же, явившись ей ночью, повелели, прежде чем принимать пищу, выпить большое количество воды. Женщина сделала так; тотчас ее желудок заволновался, — она изблевала большую жабу и сделалась здравой. Все, видевшие это, удивились и прославили Бога и святых угодников Его.

После женщины Феодоры за помощью к святым обратился некий муж Феодор. Он случайно принял данную злыми людьми отраву и сильно страдал, не получая помощи от врачей. В то время как Феодор молился со слезами об исцелении своем, явились ему в видении святые и повелели съесть некое животное, по-гречески называемое скопендрой[1]. Пробудившись после видения, Феодор оградил себя знамением креста, ибо думал, что то было демонское привидение; потом снова начал молиться святым, прося у них исцеления. На другую ночь снова явились Феодору святые и приказали сделать то же самое; но он и на этот раз не возымел веры к святым, ибо то животное считалось ядовитым, а не целебным. И в третий раз было то же явление святых, но и на этот раз Феодор не послушал их, думая, что то было демонское обольщение. Наконец, на четвертую ночь святые явились Феодору уже не в сонном видении, а наяву; святые выразили соболезнование Феодору и сказали ему:

— Почему ты не веришь словам нашим? Встань же поскорее и иди к источнику нашему; там съешь то, что найдешь съедобным; то будет для тебя действительным врачевством.

Феодор, уверовав в истинность явления святых, отправился с рассветом дня на источник и нашел там небольшой огурец, лежавший на земле; Феодор взял его и вкусил с удовольствием; и когда он намеревался положить в уста свои последний кусок огурца, то заметил в нем последнюю часть животного, называемого сколопендром, — ибо животное то он уже съел почти все в огурце том; весьма испугавшись, он бросил на землю остаток огурца, после чего начал блевать и изблевал вместе с огурцом и тем животным всю бывшую в нем от-

---

[1] Нечто вроде ящерицы.

раву. После этого Феодор почувствовал себя вполне здоровым и, придя в церковь, поклонился с благодарение честным мощам своих исцелителей.

Некая женщина, по имени Мария, пришла из Вавилона в Мануфин, к мощам святых чудотворцев. Она привела с собой восьмилетнего сына, у которого, по коварству демонскому, был извлечен из уст язык; язык отрока имел в длину пядь[1], был гораздо более обыкновенного человеческого языка и имел весьма странный вид: был толст, черен, смраден, неприятен для всех, взиравших на него, и все время источал черные слюни. Отрок этот случайно упал при гробе святых на землю и ударился языком о мрамор, бывший там; тотчас язык его, освободившись от бесовского коварства, возвратился на свое место и принял обычный размер, и так исцелился отрок тот.

К мощам святых был принесен некто Евгений из Египта, страдавший водянкою; от этого недуга все тело его отекло, и живот был весьма вздут. Этому Евгению святые явились в видении, коснулись руками живота его и сказали:

— Евгений! Встань и возвратись здравым в дом твой.

Евгений, встав, тотчас освободился от всей тягости отека и получил полное здравие. Воспомянув эти немногие, из числа многих, чудеса святых бессребреников Кира и Иоанна, прославим Христа Бога, даровавшего им таковую благодать, славимого вечно со Отцом и Святым Духом. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО
ПАВЛА

Преподобный Павел происходил из города Коринфа[2], от родителей христиан; будучи воспитан в благочестии и с юности возлюбив Бога, он пришел в один из монастырей и принял здесь пострижение в монашество; он много потрудился в подвигах постнических и был опытным подвижником. На этого Павла вооружился

[1] Пядь равнялась четырем или пяти вершкам.

[2] *Коринф*, древнейший из городов Греции, находился в северной части древней Арголиды, на берегу Коринфского залива.

бес блуда; однажды ночью, в то время как преподобный Павел стоял на молитве, ему явился бес и сказал:

— Если не удовлетворишь своей похоти плотской хотя один раз, то жестоко вооружусь на тебя!

Павел же запретил бесу именем Иисуса Христа и прогнал его знамением крестным.

Потом бес научил некую женщину блудницу принести к преподобному младенца, недавно рожденного ею; положив этого младенца на одре преподобного, женщина та сказала ему:

— Я от тебя зачала и родила его.

Старец принял младенца с радостью. Еретики же, придя к старцу, связали ему руки назади и, привязав младенца к вые преподобного, водили его по городу с насмешками. Став посреди народа и дав знак рукой, Павел сказал:

— Послушайте, братия! Спросим младенца и пусть он скажет нам, кто его отец?

(Младенцу же от рождения было немного дней.) И сказал Павел младенцу:

— Скажи нам, кто твой отец?

Младенец, разодрав свои пеленки, показал рукой на некоего кузнеца и сказал:

— Вот это отец мой, а не Павел-монах.

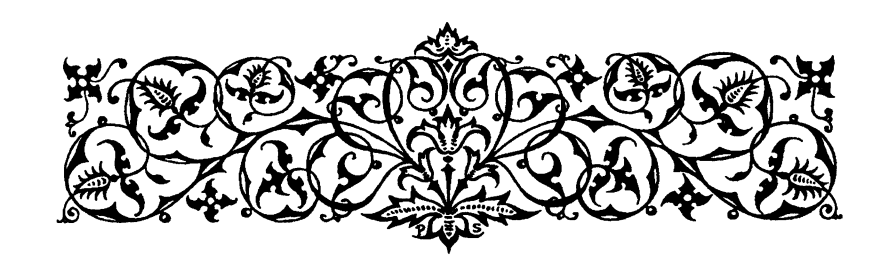
Люди, слышавшие это, поклонились старцу, прося у него прощения.

С этого времени Бог даровал преподобному дар врачевания. Павел возлагал руки на недужных и они получали здравие.

Прожив семьдесят с лишним лет, преподобный отошел ко Господу[1], Которому неленостно служил, и был причтен к лику святых; вместе с ними он прославляет Единого Бога в Троице, Которому и от нас воссылается слава вечно. Аминь.

В тот день **память преподобных отцов Сергия и Германа**, **Валаамских** чудотворцев, скончавшихся около 1353 года.

[1] Время кончины преподобного Павла неизвестно с точностью.

День двадцать девятый

ЖИТИЕ, ПОДВИГИ и СТРАДАНИЕ

СВЯТОГО СЛАВНОГО и ВСЕХВАЛЬНОГО ВЕРХОВНОГО АПОСТОЛА

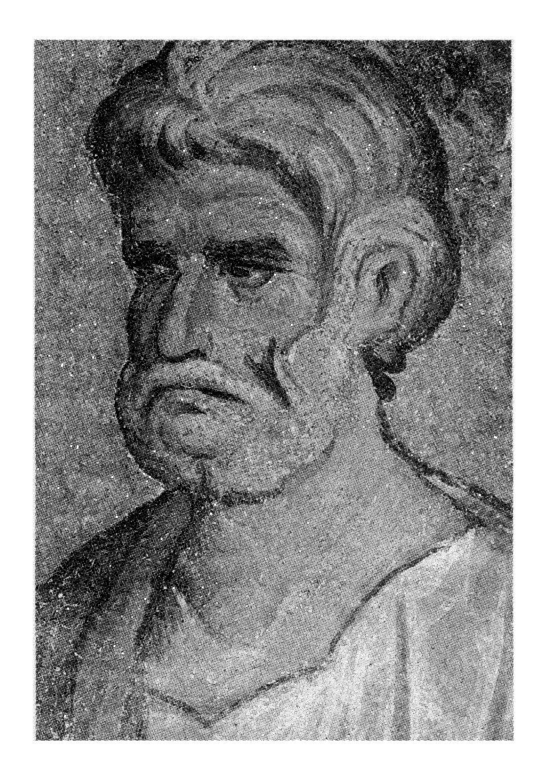
ПЕТРА

Брат первозванного апостола Андрея, святой апостол Петр, носивший до призвания Господом Иисусом Христом имя Симона, сын иудея Ионы из колена Симеонова, происходил из Вифсаиды, незначительного и малоизвестного галилейского городка в Палестине. Он взял себе в супружество дочь Аристовула, брата святого апостола Варнавы, и имел от нее детей: одного сына и одну дочь. Симон был человек бесхитростный и некнижный; проникнутый страхом Божиим, он соблюдал все заповеди Господа, «ходя пред Ним без порока во всех делех своих». Занятием Симона было рыболовство; этим трудом рук своих он, как человек бедный, снискивал пропитание для своего семейства, кормя жену, детей, тещу и престарелого отца своего Иону.

Брат же Симона Андрей, пренебрегая суетою мятежного мира, вступил на путь безбрачной жизни: он пошел на Иордан к святому Иоанну Крестителю, проповедовавшему о покаянии (см.: Мф. 3), и сделался его учеником. Слыша свидетельства учителя своего о Христе-Мессии и особенно слова его с указанием перстом на Господа: *вот Агнец Божий* (Ин. 1, 29–36), Андрей оставил Иоанна и вместе с другим Крестителевым учеником пошел во след Господа, вопрошая Его:

— Равви — где живешь?

— Пойдите и увидите, — отвечал им Спаситель.

Они пошли и увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот (Ин. 1, 38–39).

На следующее утро Андрей пришел к брату своему Симону и сказал ему:

— Мы нашли Мессию, Христа.

И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал:

— *Ты — Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значит: камень* (Петр)[1] (Ин. 1, 41–42).

И тотчас святой Петр возгорелся любовью к Господу, уверовав в Него как истинного Христа, посланного Богом на спасение мира. Но он все еще не покидал своего дома и не оставлял своего занятия, доставляя своим домашним необходимое для прожития; в этом ради престарелого отца помогал иногда Симону и брат его Андрей; так жили они до времени призвания Господом на апостольское служение.

Однажды, после заключения Иоанна Крестителя в темницу, Господь Иисус Христос проходил близ моря Галилейского (оно известно еще под именем моря Тивериадского или озера Геннисаретского) и, увидев Петра и Андрея, закидывающих сети в море, сказал им:

— Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков (см.: Мф. 4, 18–20).

Какими же именно ловцами Господь хотел сделать их — на это Он предуказал чудесной ловлей рыбы. Войдя в лодку Симона — Петра, Христос повелел ему закинуть сети, на что Петр отвечал:

— Наставник! Мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть.

---

[1] *Кифа* — слово сирское и значит камень; то же самое значит и греческое слово Петр («петра» — скала, камень).

Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась, что было прообразом духовной апостольской ловитвы — апостолам предстояло уловить многие народы на спасение мрежею Слова Божия. Увидев такое чудо, Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал:

— Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный.

Ужас объял его и всех бывших с ним от этого лова рыб, ими пойманных. В ответ Петру, призывавшему Господа удалиться от него, Спаситель, наоборот, призывает его следовать за Собой:

— Гряди за Мной — отныне будешь уловлять людей для жизни подобно тому, как ранее ловил рыб для смерти (ср.: Лк. 5, 1–11).

С этого времени святой апостол Петр следует за Христом, как и брат его Андрей и прочие только что призванные ученики. Господь любил апостола Петра за его простосердечие: он посетил бедный дом Симона, где исцелил прикосновением руки его тещу, лежавшую в горячке. А когда утром Господь, восстав, удалился на молитву в пустынное место, то Петр и бывшие с ним, не терпя и одного часа быть без Господа, пошли за Ним, старательно отыскивая любимого Учителя; и, найдя Его, сказали Ему:

— Все Тебя ищут, Господи (см.: Мк. 1, 30–31).

И не отлучался святой апостол Петр от Господа, но неотступно находился при Нем, наслаждаясь Его лицезрением и Его словами «сладчайшими паче меда». Он был очевидцем многих и великих чудес Господа, ясно указывавших на Христа как Сына Божия, в Которого и веровал без всякого сомнения. А как веровал *сердцем к праведности*, так и *устами исповедал ко спасению* (Рим. 10, 10). Когда Господь пришел в страны Кесарии Филипповой[1], то спрашивал учеников Своих:

— За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?

Они сказали:

— Одни — за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, а иные — за Иеремию или за одного из пророков.

Он говорит им:

— А вы за кого почитаете Меня?

---

[1] Город этот был расположен близ истоков Иордана; он обстроен сыном Ирода Филиппом в честь кесаря Тиверия — отсюда его и наименование.

Симон Петр ответил:

— Ты — Христос, Сын Бога живого.

Это истинное исповедание апостола Господь удостоил ублажения и обетования; Он сказал святому Петру:

— Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах[1].

Горевший теплою любовью к Господу, святой апостол Петр желал, чтобы никакое зло не коснулось Его; поэтому, когда Господь предсказывал о Своих страданиях, он прекословил Ему, говоря по неведению:

— Будь милостив в Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!

Хотя эти слова апостола и не были угодны Господу Иисусу, Который на то и пришел, чтобы Своим страданием искупить от погибели человеческий род, но тем не менее они внушены были усердной любовью к Господу; в них обнаружилось, кроме того, и незлобие апостола: услышав укоризненное слово Господа: «отойди от Меня, сатана![2] ты Мне соблазн», апостол не почувствовал гневного раздражения и не удалился от Христа Спасителя, но, с любовью выслушав порицание, еще с большим усердием следовал за Господом (см.: Мф. 16, 13–23). Однажды многие из учеников, не могшие вместить слов Господних[3], говорили о них:

— Какие странные слова! Кто может это слушать?

И затем отошли от Спасителя и уже не ходили с Ним. Тогда Господь Иисус сказал «двенадцати»:

— Не хотите ли и вы отойти?

---

[1] Здесь под камнем разумеется не апостол Петр, а вера, исповеданная им, или Сам Господь; обетование о даровании ключей Царства небесного Господь затем, по Своем воскресении, повторил и всем апостолам (Ин. 20, 21–23).

[2] *Сатана* — слово сирское, значит — *противник*; в тесном смысле так в Священном Писании именуется начальник злых духов (1 Сол. 2, 18); в более же широком значении слово сатана означает вообще противника воли Божией, хотя бы от некоторой простоты и неразумия, как это видим в настоящем случае со святым апостолом Петром.

[3] О Таинстве приобщения Плоти и Крови Христовых (Ин. 6, 53–58).

Симон Петр отвечал Ему:

— Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты — Христос, Сын Бога живого (см.: Ин. 6, 60–69).

Имея такую веру и такое усердие к Господу, святой апостол Петр дерзнул просить у Него дозволения прийти к Нему по воде[1]. Господь не возбранил этого. Тогда святой апостол Петр, выйдя из лодки, «пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу». Но не имея, до приятия Святого Духа, совершенной твердости в вере, он, «видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал:

— Господи! Спаси меня.

Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему:

— Маловерный, зачем ты усомнился? (см.: Мф. 14, 28–31).

Господь, избавивший святого апостола от потопления, избавил его и от маловерия, когда сказал ему[2]:

— Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя (см.: Лк. 22, 31–32).

Вместе с двумя другими учениками, Иаковом и Иоанном, святой апостол Петр удостоился видеть на Фаворе открытую им славу преображения Господня и своими ушами слышать глас Бога Отца, свыше пришедший к Господу Иисусу. Об этом святой апостол так упоминает в своем послании:

— Мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия. Ибо он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: «Это есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение». И этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе (2 Пет. 1, 16–18; ср.: Мф. 17; Мк. 9, 2 и далее, Лк. 9, 28 и далее).

Когда Господь приблизился к вольным страданиям Своим и крестной смерти, тогда святой апостол Петр обнаружил свою ревность по Господе не только словом, сказав: «Господи! с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти (см.: Лк. 22, 33)», — но и делом, извлекши меч и ударом его урезав ухо рабу архиерея Малху (см.: Ин. 18, 10). Хотя Бог по смотрению Своему и попустил апостолу

---

[1] Подобно тому как Сам Господь приближался к Своим ученикам по бушующим волнам Геннисаретского озера (Мф. 14, 22–27).

[2] За Тайной вечерей с учениками пред страданиями Своими.

Петру впасть в троекратное отречение от Христа Спасителя, Господа нашего, но он восстал и исправился чрез истинное раскаяние, соединенное с горькими рыданиями (см.: Мф. 26, 69–75). Святой Петр, первый из всех апостолов, сподобился увидеть воскресшего Господа Иисуса Христа, как говорит об этом святой евангелист Лука: *Господь истинно воскрес и явился Симону* (Лк. 24, 34); о том же пишет и святой апостол Павел: Христос *воскрес в третий день по Писанию и явился Кифе, потом двенадцати* (1 Кор. 15, 4–5). Узрев Господа, святой Петр исполнился невыразимой радости, прияв от Него и милостивое прощение своего греха. Троекратное отречение от Господа он окончательно изгладил троекратным исповеданием своей любви к Спасителю, отвечая ему на Его вопрос троекратный:

— Симон Ионин! Любишь ли ты Меня?

— Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя.

И Христос Спаситель восстановил Петра в апостольском достоинстве, соделав его пастырем словесных овец и вручив ему ключи Царства небесного (см.: Ин. 21, 15–17).

По вознесении Господа нашего Иисуса Христа святой Петр, как верховный среди апостолов, явился первым учителем и проповедником Слова Божия, приобретя одним часом Церкви Христовой до трех тысяч верующих душ (см.: Деян. 2, 14–41). При этом он обнаружил и великую чудодейственную силу. Входя со святым Иоанном в храм для молитвы, святой Петр увидел одного хромого от рождения человека, сидевшего при дверях храма, называемых Красными. Он, увидев Петра и Иоанна, просил у них милостыни. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали:

— Взгляни на нас.

И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Петр сказал:

— Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи.

И взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колена, и вскочив встал, и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача и хваля Бога.

Чрез это чудо и проповедь святого апостола Петра уверовало во Христа около пяти тысяч человек (см.: Деян. 3, 1–26; 4, 4). Жителей Иерусалима Ананию и жену его Сапфиру святой Петр умертвил сло-

вом за святотатство и ложь Святому Духу (см.: Деян. 5, 1–10). В Лидде[1] расслабленного Енея, восемь лет лежавшего на одре, он исцелил, сказав ему:

— Еней, исцеляет тебя Иисус Христос! (см.: Деян. 9, 32–34).

В Иоппии[2] он воскресил умершую девицу Тавифу (см.: Деян. 9, 36–42). И не только руки и слова его были чудодейственны, но даже и самая тень его подавала исцеления: *так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них* (Деян. 5, 15). — А когда царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви (в Иерусалиме), чтобы сделать им зло» и, убив мечом Иакова, брата Иоанна[3], схватил святого Петра и посадил в темницу, сковав двумя цепями, то Ангел Господень ночью разрешил его от оков и освободил от заключения (см.: Деян. 12, 1–10). Верховный апостол Петр первый открыл дверь веры язычникам, крестив в Кесарии[4] римского сотника Корнилия после видения ниспущенного с неба полотна, полного четвероногими и гадами, и — голоса, повелевающего Петру заколоть все это и есть и не почитать нечистым того, что Бог очистил; видение это было знамением обращения ко Христу язычников (см.: Деян. 10). Святой апостол Петр обличил Симона, волхва самаритянина, лицемерно принявшего крещение и хотевшего за деньги купить дар Святого Духа:

— Серебро твое, — сказал апостол волхву, — да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги: нет тебе в этой части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом;

---

[1] *Лидда* — город в Палестине, близ нынешней Рамлы, бывшей Аримафеи.

[2] *Иоппия* — один из древнейших городов Азии на северо-западном берегу Средиземного моря между Кесарией и Газой.

[3] *Иакова Зеведеева*, одного из двенадцати апостолов, родного брата евангелиста Иоанна. Святой Иаков первый из апостолов принял мученическую смерть в гонение Ирода Агриппы, царя иудейского, в 44 году по Рождестве Христовом. Память его — 30 апреля.

[4] Разумеется *Кесария Палестинская*, находившаяся на берегу Средиземного моря; город этот был восстановлен Иродом Великим, который назвал его Кесарией в честь кесаря Августа. Апостол Павел во время своих проповеднических путешествий несколько раз бывал здесь (Деян. 9, 29–30; 18, 28; 21, 8); два года пробыл здесь узником (Деян. 23, 33; 24, 27; 25, 4); здесь жил апостол Филипп (Деян. 21, 8); здесь умер Ирод Агриппа, пораженный Ангелом и изъеденный червями (Деян. 12, 19–33).

итак, покайся в грехе твоем и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысл сердца твоего, ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды (см.: Деян. 8, 18–23).

Здесь помянутые и другие деяния святого апостола Петра более подробно изложены во святом Евангелии и Книге Деяний святых апостолов, которые постоянно читаются в храмах в слух верующих. Поэтому не было нужды в видах краткости слова из этих книг Священного Писания брать подробно все, касающееся святого апостола Петра; книги эти хорошо должны быть известны православным христианам. О дальнейших же благовестнических подвигах и трудах святого апостола Петра, мало кому известных, святой Симеон Метафраст[1] говорит следующее.

Из Иерусалима[2] святой Петр пришел в Кесарию Стратонийскую[3], где поставил епископа из пресвитеров, следовавших с ним; исцелив многих в Сидоне[4] и поставив здесь епископа, он прибыл в Берит[5], и тут также поставив епископа; затем он пришел в Вивлы, и отсюда в Триполь Финикийский[6], где обитал у одного разумного мужа Марсона, которого и рукоположил во епископа верным этого города. Из Триполя он пришел в Орфосию; затем в Антраду, потом на остров Арадос, далее в Валанею, Пант и Лаодикию[7]; в последней он исцелил многих больных, изгнал от одержимых нечистых духов и собрал Церковь верных, дав им епископа. Из

---

[1] Церковный писатель X века.

[2] Главный город Палестины, ныне областной город Дамасского вилайета (генерал-губернаторства) в Сирии (в Турецкой империи) у ручья Кедрона на склонах трех отрогов иудейских гор Акра, Сион и Мориа. Иерусалим дорог всякому христианину как центр великих событий ветхозаветной и новозаветной истории, — как матерь церквей христианских, откуда слово благовестия пронеслось по всей вселенной.

[3] *Кесария Стратонийская* — одно и то же с Кесарией Палестинской.

[4] *Сидон* — город финикийский на берегу Средиземного моря, вдоль которого расположена и Финикия.

[5] *Верит*, или *Берит*, — финикийский город, славившийся в древности как рассадник просвещения и образованности; ныне Берит с именем Бейрут составляет главный город азиатско-турецкого вилайета (генерал-губернаторства) Сирии, являясь важным торговым центром.

[6] *Библос, Триполь* — города Финикии.

[7] *Лаодикия* — главный город Малоазийской области Фригии.

Лаодикии святой Петр пришел в Антиохию, город Сирии[1], где скрывался Симон-волхв от воинов, посланных римским императором Клавдием[2], чтобы его взять; узнав о пришествии святого апостола Петра, Симон убежал в города Иудеи. В Антиохии святой Петр исцелил многих недужных и после проповеди о Едином Боге в трех Лицах поставил епископов: Маркиана для Сиракуз в Сицилии[3] и Панкратия для Тавромении[4]. Из Антиохии святой Петр пришел в Тиниан Каппадокийский[5], отсюда посетил Анкиру Галатийскую[6], в которой воскресил мертвеца и устроил церковь, многих огласив и крестив и поставив им епископа. Оставив Анкиру, он направился в Синоп Понтийский[7], а отсюда пришел в Амасию, занимающую средину Понтийской земли. Затем, побывав в Гангре Пафлагонском[8], Клавдиополе Гонориадийском и Вифинийской[9] Никомидии, святой апостол остановился в Никее[10]. Намереваясь идти в Иерусалим на праздник Пасхи, он из Никеи повернул назад, — пришел в Писсинунт, а потом в Каппадокию и Сирию. Снова посетив Антиохию, он, наконец, достиг Иерусалима. Во дни его пребывания здесь к нему пришел, на третий год после своего обращения ко Христу, святой апостол Павел, как сам он сообщает об этом в послании Галатам:

— Спустя три года ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать (см.: Гал. 1, 18).

---

[1] *Сирия* — область азиатской Турции на восточном берегу Средиземного моря.

[2] *Клавдий* — император с 41 по 54 год.

[3] *Сицилия* — один из больших островов Средиземного моря, составляющий ныне часть Итальянского королевства.

[4] *Тавромения* — значительный город на восточном берегу Сицилии у горы Тавра — откуда его и название.

[5] *Каппадокия* — область Малой Азии на границе Армении и Киликии.

[6] *Галатия* — особая страна в Малой Азии, которая граничила на западе — с Фригией, на юге — с Ликаонией и Каппадокией, на востоке — с Понтом, на севере — с Вифинией и Пафлагонией.

[7] *Понт* — северо-восточная область Малой Азии.

[8] *Пафлагония* — суровая горная область в северной части Малой Азии.

[9] *Вифиния* — область Малой Азии, прилегающая с севера к Черному морю.

[10] *Никея* расположена в Вифинии (см. предыдущ. примеч.) на восточной конечности озера Аскании; одно время цветущий торговый город и даже резиденция царей. В истории Христианской Церкви замечательна тем, что в ней происходили I (в 325 году) и VII (в 787 году) Вселенские соборы.

Уставив за это время церковные законоположения, святой Павел отошел на дело, к которому был призван; святой же апостол Петр опять посетил Антиохию, где поставил епископа Еводия; прибыв, потом, в Синад, город Фригии[1], он удалился из него в Никомидию[2]; в ней он поставил епископа Прохора[3], который и по принятии епископства следовал за святым Иоанном Богословом. Придя из Никомидии в Илион, город Геллеспонтский[4], святой апостол поставил здесь епископом Корнилия сотника и возвратился в Иерусалим. Тут явился святому Петру в видении Господь Иисус Христос, говоря:

— Встань, Петр, и иди на Запад: настало время просветиться ему твоею проповедью; Я же пребуду с тобою.

В это время Симон-волхв[5] был уже взят искавшими его воинами и приведен в Рим[6], чтобы принять наказание по своим делам. Но он, омрачив волшебною хитростью умы многих, так обольстил их, что не только не понес наказания, а даже многими начал почитаться как бог. Этот предтеча сатаны настолько изумил своим волшебством самого кесаря Клавдия, что была изваяна статуя волхва и поставлена между двумя мостами на Тибре с такой надписью: «Симону, святому

---

[1] *Фригия* — область Малой Азии между Галатией к северу, Писидией и Памфилией к югу. Просвещена святым апостолом Павлом.

[2] *Никомидия* — город в Вифинии.

[3] *Святой Прохор* — ученик Иоанна Богослова со дня Успения Божией Матери. Память его — 28 июля.

[4] *Геллеспонтом* назывался пролив, отделявший фракийский Херсонес от Азии (Троада, Малая Фригия).

[5] По свидетельству святого Иустина мученика Симон-волхв, происходивший из самарянского селения Гитты или Титтона, учился философии в Александрии, а потом прославился как маг, выдавая себя за великую силу Божию. «В то время, по римским и греческим свидетельствам, в разных странах греко-римского мира являлось множество людей под названием магов, халдеев, математиков, заклинателей, которые выдавали себя за необыкновенных людей, и исцелением некоторых болезней, заговором, гаданьями, прорицательством, чародеяниями, шарлатанской таинственностью и разными ухищрениями так действовали на невежественные народные массы, что во множестве увлекали их за собою и слыли за нечто необыкновенное». К разряду подобных людей относится и Симон-волхв.

[6] *Рим* — главный город Римского государства, лежит в средней части Италии, в области Лациума, по обеим сторонам реки Тибра, при впадении ее в море.

богу». Об этом подробно пишут Иустин[1] и Ириней[2]. Мы же (говорит Симеон Метафраст) возвратимся к предстоящему нам слову. Великий Петр, возвестив братии о бывшем ему видении, простился с ними и, посещая церкви, снова прибыл в Антиохию, где застал святого апостола Павла. Здесь он поставил епископов: Урвана Тарсу[3], Епафродита Левкии Адриатийской, Апеллия, брата Поликарпа, Смирне[4] и Фигелла Ефесу[5]; о последнем говорят, что он, уклонившись с правого пути, вступил в общение с Симоном. Из Антиохии святой Петр пришел в Македонию[6], где тоже поставил епископов:

---

[1] Память его 1 июня.

[2] *Святой Ириней*, по его собственным словам, в юности слушал в Малой Азии святого Поликарпа, епископа Смирнского, и других учеников апостольских. С востока он был послан святым Поликарпом в Галлию для вспомоществования святому Пофину, епископу Лионскому, в проповедовании Христовой веры. Поставленный святым Пофином во пресвитера, святой Ириней во время гонения на христиан в Галлии в 177 году показал ревность свою по Христе; в следующем 178 году он был избран преемником мученически скончавшегося святого Пофина. В сане епископа он многих обратил ко Христу. Когда последователи гностика (еретика) Валентина стали распространять ересь своего учителя в Галии, святой Ириней боролся с ними и устно, и письменно. К этому времени должно отнести появление знаменитых книг его в «обличение лжеименному разуму». Около 196 года епископ Римский Виктор произнес отлучение на Восточные церкви за то, что последние не согласились с ним в вопросе о времени празднования Пасхи. Святой Ириней кроткими, но твердыми обличениями довел Виктора до примирения с Востоком. В 202 году в гонение Септимия Севера святой Ириней с многими из своей паствы отошел ко Господу. Из многочисленных сочинений святого Иринея одни известны только по названиям, от других же уцелели незначительные отрывки. В полном виде сохранилось обширное и более важное сочинение «Обличение и опровержение лжеименного знания», более известное под именем «Пять книг против ересей». Память святого Иринея — 23 августа.

[3] *Тарс* — некогда большой и населенный город на юго-востоке Малой Азии, главный в провинции Киликии, при р. Кидне, недалеко от Средиземного моря. И ныне он значительный и торговый город с сорока тысячами жителей.

[4] *Смирна* — город малоазийский в Лидии, на речке Мелесе.

[5] *Ефес* — приморский торговый и главный город малоазийской провинции Иоппии, он потом был центром деятельности апостола Иоанна Богослова; здесь был III Вселенский собор в 431 году; ныне Ефес — бедная турецкая деревня Аясалук.

[6] *Троада* — приморский город, откуда недалеко было переправиться морем в Европу. — Македония — приморская область, прилегавшая к Архипелагу с северозапада.

Олимпа филипписиям[1], Иасона солунянам[2] и коринфянам[3] Силу, которого нашел пребывающим у святого апостола Павла. Поставив в Патре епископом Иродиона, святой Петр отплыл в Сицилию и, придя в Тавромению, на короткое время остановился у Панкратия, красноречивейшего мужа; огласив и крестив здесь некоего Максима и поставив его епископом, он прибыл в Рим.

В Риме святой апостол Петр на площадях и в домах ежедневно проповедовал о Едином Боге — Отце всемогущем, и Едином Господе Иисусе Христе Сыне Божием, Боге истинном от Бога истинного и Едином Духе Святом, Господе животворящем; и многих он привлек к Христовой вере, избавив святым крещением от обольщения идолопоклонством. Видя все это, Симон-волхв не хотел молчать и таить своей злобы на святого Петра, — он почитал себе за посрамление проповедь апостола, которою ниспровергалась его слава; и начал волхв открыто препятствовать истинному учению апостола своими лживыми словами и делами, — без всякого стыда он прекословил святому Петру среди города. Волхв обольщал народ, возбуждая в нем странные мечты; он показывал предшествующие и последующие за ним привидения, о которых говорил народу, что это души умерших; показывал он и воскресших из мертвых, кланявшихся ему как богу; исцелял хромых, возвращая им способность ходить и скакать. Но все это было не действительность, а призрак, подобный баснословному Протею[4], видоизменявшемуся различным образом: то являвшемуся с двумя лицами, то, спустя не-

[1] Город *Филиппы*, к христианам которого святой апостол Павел написал послание, находился в Македонии, при реке Стримоне, невдалеке от Эгейского моря; был одним из знаменитейших городов этой области, почему писатель книги Деяний и называет его первым (16, 12); церковь в Филиппах была основана святым апостолом Павлом во время второго его апостольского путешествия.

[2] Город *Македонии*.

[3] *Коринф* — к западу от Афин, на перешейке, известнейший в древности по своей обширной торговле, резиденция тогда римского правителя.

[4] *Протей* — вещий морской старец, один из баснословных греческих богов, подвластных Посейдону, богу моря, пасший тюленьи стада богини Амфитриды. Местопребыванием его считался остров Форос или Корпафос, куда он выходил отдыхать из воды в тени прибрежных скал. Чтобы получить от него предсказание, его надо было поймать и удержать силою или хитростью, так как он принимал различные виды, часто ускользая таким образом от ожидавших от него предвестий.

многое время, превращавшемуся в козу, змея, птицу, то уподоблявшемуся огню, — словом, принимавшему на себя всякий вид для прельщения безумных. Но достаточно было великому апостолу Господню взглянуть на дела Симона и тотчас исчезали волхвования последнего.

О борьбе святого апостола Петра с Симоном-волхвом, кроме Метафраста, следующее сообщают Пролог и Великие Минеи-Четии.

Когда святой Петр пришел в Рим и узнал, что Симон, называя себя Христом, творит пред глазами народа великие чудеса, то, возгоревшись ревностью по истинном Боге, он отправился к дому Симона, у ворот которого нашел большую толпу людей; они возбраняли апостолу проникнуть внутрь дома. Тогда святой Петр сказал:

— Зачем препятствуете мне пройти к льстивому волхву?

— Он не волхв, — отвечали из толпы, — но сильный бог; он поставил у ворот своих сторожа, знающего помышления человеческие.

С этими словами святому апостолу указали на черного пса, лежавшего в воротах, заметив:

— Эта собака умерщвляет всех, думающих о Симоне неправду.

— Я истину о нем говорю, — сказал святой Петр, — Симон от беса.

Затем, приблизившись ко псу, апостол сказал:

— Иди и передай Симону: Петр, апостол Христов, хочет войти к тебе.

Пес пошел и человеческою речью передал Симону то, что приказал святой апостол Петр. Все, слышавшие, как говорил пес, ужасались. Симон, в свою очередь, послал того же пса со словами:

— Пусть войдет сюда Петр.

Когда святой апостол вошел в дом, Симон начал свое волхвование пред народом на глазах у святого Петра. Святой же апостол с помощью силы Христовой явил большие чудеса. Какие же именно? Из многих этих чудес следующее великое чудо вспоминает древний церковный историк грек Егезипп, живший около времени апостолов[1]. В Риме у одной благородной вдовы, из царского рода умер в

[1] *Егезипп* — автор «Достопамятностей», сочинения в пяти книгах, не дошедшего до нас. Сведения о его жизни и сочинении, очень отрывочные, дает отец

молодых летах сын; и безутешно плакала о нем его матерь; жалевшие ее вспомнили о мужах, явившихся в Риме, о Петре и Симоне-волхве, что они воскрешают мертвых; и вот одни призвали к умершему Петра, а другие — Симона. На погребение юноши собралось много людей знатных и народа. И сказал святой Петр Симону-волхву, величавшемуся пред всем народом своей силой:

— Кто из нас воскресит этого мертвеца, того учение должно быть признано как истинное.

Народ одобрил решение апостола. Симон же, надеясь на свою волшебную хитрость, обратился к народу:

— Если я воскрешу мертвого, — убьете ли вы Петра?

— Живого сожжем пред твоими глазами! — закричал народ.

Приступив к одру умершего, Симон начал свое волшебство и при содействии бесов достиг того, что мертвый двинул своей головой. И тотчас народ начал кричать, что юноша жив, — что он воскрес. Святого же Петра не медля хотели вести на сожжение. Апостол же, дав знак рукой, просил помолчать и, когда наступила тишина, сказал:

— Если юноша жив действительно, то пусть он встанет, и говорит, и ходит; пока же этого не увидите, не сомневайтесь, что Симон обольщает вас своим волшебством.

Симон долго ходил кругом одра, призывая бесовскую силу, но безуспешно; тогда он хотел бежать со стыда; народ же задержал его. А святой Петр, истинный чудотворец, воскресивший Тавифу и соделавший многие иные славные чудеса, став вдали, поднял к небу очи и руки и начал молиться:

— Господи Иисусе Христе, повелевший нам Твоим именем воскрешать мертвых, молю Тебя, оживотвори этого юношу, да познают предстоящие здесь, что Ты Бог истинный и нет иного, кроме

церковной истории Евсевий, епископ Кесарийский. Он сообщает, что Егезипп был христианин из евреев, живший во втором веке; совершал путешествие в Коринф и Рим, где прожил очень долго, встречаясь здесь со многими епископами и ведя с ними беседы по догматическим вопросам. Умер Егезипп в царствование Коммода (180–192 гг.). О содержании и характере сочинения Егезиппа трудно сказать что-либо определенное; можно только заметить, что, по всей вероятности, оно носило характер историко-обличительный, будучи направленным против гностических ересей.

Тебя, живущего и царствующего с Отцом и Святым Духом вовеки. Аминь.

После этой молитвы он воззвал к мертвецу:

— Юноша! Встань — тебя исцеляет и воскрешает Господь мой Иисус Христос.

И тотчас мертвый открыл глаза, поднялся и начал ходить и говорить.

Это повествование Егезиппа дополняет Маркелл Римлянин, сначала ученик Симона-волхва, впоследствии просвещенный апостолом Петром святою верою и святым крещением. В своем послании к святым мученикам Нерону и Архиллию Маркелл говорит о воскрешенном святым апостолом юноше:

Юноша, припав к ногам святого Петра, восклицал:

— Я видел Господа Иисуса, повелевающего Ангелам возвратить меня, по твоему молению, моей вдовствующей матери.

Тогда весь народ стал взывать:

— Един Бог и нет иного, кроме исповедуемого Петром!

Симон же волхв бежал, придав бесовскою силою своей голове вид собачьей; тем не менее народ схватил его, причем одни хотели его побить камнями, а другие сжечь. Но святой апостол Петр воспротивился этому, сказав:

— Наш Господь и Учитель не повелел воздавать за зло злом, — пустите его; пусть идет куда хочет: с него довольно стыда, поношения и убеждения в беспомощности своего волшебства.

Освобожденный Симон, — передает Маркелл, — пришел ко мне, предполагая, что я ничего не знаю о чудесном происшествии. Симон привязал к воротам моего дома железной цепью громадного пса и говорил мне:

— Посмотрю, — придет ли к тебе Петр по своему обыкновению.

И через час подошел к дверям святой Петр, отвязал пса, сказав ему:

— Поди скажи Симону-волхву: перестань прельщать бесовскою силою людей, за которых Христос пролил Свою Кровь.

Пес пошел и передал, как человек, Симону слова апостола. Услышав это (говорит Маркелл), я поспешил встретить святого Петра и принял его с честью в свой дом; Симона же и пса выгнал вон. Пес

же, не вредя никому другому, бросился на самого Симона и, схватив его зубами, повалил на землю. Увидев это из окна, святой Петр именем Христовым запретил псу касаться тела Симона. И пес, не трогая тела волхва, изорвал всю его одежду, так что он стал совершенно голым. При виде этого народ кричал на Симона, насмехаясь и браня его; а затем его выгнали вместе со псом из города. От такого срама и стыда Симон целый год не показывался в Риме, — пока преемник Клавдия Нерон[1], царь нечестивый, не услыхал от злых людей похвал злобному волхву; Нерон отыскал Симона, очень полюбил его и приблизил к себе как друга.

Пролог же и Великие Минеи, кроме того, говорят еще следующее о Симоне-волхве.

Симон-волхв приказал себя усечь мечом, обещаясь на третий день воскреснуть; вместо же себя он поставил под меч овна, придав ему вид человека; так овен и был усечен вместо волхва. Святой же Петр, отогнав бесовское наваждение, обличил ложь Симона: все увидели, что обезглавлен не Симон, а овен.

Об окончательной же победе святого Петра над волхвом, погубившей последнего, все согласно передают таким образом.

Не будучи в состоянии ни в чем победить святого апостола Петра и не вынося более стыда и посрамления, волхв обещался вознестись на небо. Собрав всех служивших ему бесов, Симон с лавровым венком на голове пришел на средину города Рима к одному высокому зданию; поднявшись на последнее, он начал с высоты здания гневно говорить народу:

— Так как вы, римляне, до сих пор пребываете в своем безумии и, оставив меня, следуете за Петром, то и я покидаю вас; уже не буду я защищать города, но повелю моим ангелам взять меня на ваших глазах на свои руки и вознесусь к отцу моему на небо, откуда ниспошлю на вас великие казни за то, что вы не послушали слов моих и не веровали моим делам.

Так сказав, волхв всплеснул руками и бросился в воздух; поддерживаемый бесами, он начал летать по воздуху, поднимаясь вверх. Люди же в сильном изумлении говорили друг другу:

— Это дело Божие — летать с плотью по воздуху!

---

[1] Император с 54 по 68 год.

Великий же апостол Петр начал громко, в услышание всех, молиться Богу:

— Господи Иисусе Христе, Боже мой! Обличи прелесть волхва этого, дабы не соблазнились верующие в Тебя!

А потом он воззвал:

— Вам, о, бесы! Повелеваю именем Бога моего: не носите его более, но оставьте его там, где он сейчас находится в воздухе.

И тотчас бесы, повинуясь запрещению апостола, покинули Симона в воздухе; и полетел окаянный волхв на землю, как некогда диавол, сверженный с неба долу, и, упав, разбился. Присутствовавший при этом народ долго восклицал:

— Велик Бог, проповедуемый Петром, и воистину нет иного Бога, кроме Него!

Упавший же волхв, хотя и сильно разбился, но, по Божию устроению, был еще жив, чтобы познать бессилие окаянных бесов и свое собственное, исполниться посрамления и уразуметь силу всемогущего Бога. С раздробленными членами лежал он на земле, испытывая невыразимые страдания, а наутро с мучением изверг свою нечистую душу, предав ее в руки бесов, чтобы отнести в ад к сатане, отцу их. Святой же Петр после низвержения Симона стал на возвышенном месте и, дав знак рукою к молчанию, начал учить народ познанию истинного Бога; и многих своим продолжительным словом обратил к христианской вере.

Царь Нерон, узнав о позорной кончине своего друга, чрезвычайно разгневался на святого Петра и хотел его убить. Но, как повествует святой Метафраст, яростный царь не тотчас, а лишь спустя несколько лет, исполнил свое злобное намерение относительно святого апостола Петра. По смерти Симона, волхва святой Петр пробыл в Риме недолго; обратив многих и крестив, утвердив церковь и поставив епископом Лина, он пошел из Рима в Тарракину[1], где Епафродита (другого, а не вышеупомянутого) поставил епископом.

Прибыв в Сирмию, город Испании, и рукоположив здесь во епископа Епенета, он удалился в Карфаген, в Африке, где посвятил во

---

[1] *Тарракина*, или *Тарракон*, — древнее иберийское поселение на восточном берегу Испании между Пиренеями и Ибером, у реки Тульциса.

епископа Крискента. Достигнув Египта, он поставил в нем епископов: Седмовратным Фивам — Руфа, Александрии — евангелиста Марка. Затем, по откровению, он был в Иерусалиме в день Успения Пречистой Девы Марии Богородицы, и снова возвратился в Египет. Пройдя Африку, он достиг Рима, отсюда пришел в Медиолан[1], и потом Фотикин, где поставил епископов и пресвитеров. Удалившись в Британию[2], он прожил здесь долгое время, привлекши многие народы к вере Христовой. В Британии святому апостолу Петру было явление Ангела, сказавшего ему:

— Петр! Приблизилось время твоего отшествия из этой жизни. Тебе должно идти в Рим, где, претерпев крестную смерть, ты получишь достойное воздаяние от Христа Господа.

Возблагодарив Бога, святой Петр после явления остался на несколько дней в Британии, утверждая церкви, поставляя епископов, пресвитеров и диаконов. В двенадцатый год правления Нерона он прибыл в Рим и поставил, как помощника в церковном управлении, епископом Климента, хотя последний и отказывался, не желая возлагать на себя такое иго. Вняв увещаниям апостола, Климент, как послушный сын, преклонил свою выю под Христов ярем и вместе с учителем своим и прочими священными мужами влек колесницу Слова Божия. И многие в Риме благородные и знатные мужи и жены просвещались верою и святым крещением. Были же у царя Нерона две жены замечательной красоты, которых он любил более всех прочих своих наложниц. Приняв святую веру, они решили вести целомудренную жизнь и не хотели повиноваться похотным желаниям царя. Он же, бесстыднейший и ненасытимый блудник, разгневался за это на всю церковь верных, а особенно на апостола Петра — виновника обращения ко Христу помянутых жен, начавших целомудренную жизнь, (вспомнил царь и смерть любимого друга Симона-волхва) и начал искать святого Петра для смертной казни. Вышеупомянутый церковный историк Егезипп сооб-

---

[1] Вероятно, находившийся в Галлии.

[2] Под именем *Британии* древние первоначально разумели все острова, лежавшие к северу от Галлии между Немецким морем и Атлантическим океаном. Британией назывался преимущественно самый большой из них, носивший туземное наименование Альбиона.

щает, что когда святого Петра искали для убиения, верные просили его, ради пользы многих, скрыться, — удалиться из Рима. Апостол никак не соглашался на это, желая лучше за Христа страдать и умереть; верующие же с плачем умоляли апостола сохранить жизнь свою, столь нужную святой Церкви, обуреваемой среди неверных волнами бед. Склонившись на слезные мольбы всего словесного стада, святой Петр дал обещание скрыться из города и в следующую ночь, простившись со всеми после соборного моления, удалился один. И когда он был у городских ворот, то увидел идущего уму навстречу в город Господа Иисуса Христа; поклонившись ему, святой Петр спросил:

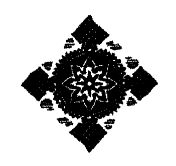
— Куда идешь, Господи?

— Иду в Рим, чтобы снова распяться, — ответил ему Господь и стал невидим.

Изумленный апостол понял, что Христос, страдающий в рабах Своих, как в Своих действительных членах, хочет и в его теле пострадать в Риме. Поэтому он опять возвратился к верным и был взят воинами на смерть. Святой Метафраст говорит, что святой Петр был взят не один, а с множеством верных, среди коих находились: Климент, Иродион, Олимп; их мучитель осудил на усекновение мечом, а святого апостола Петра — на распятие. Взяв осужденных, воины повели их на место казни; Климента, как родственника царского, они пощадили, отпустив на свободу; Иродиона же и Олимпа, пришедших в Рим с апостолом Петром, вместе с многими верующими убили мечом. Святой же Петр молил своих распинателей, чтобы распяли его вниз головой, почитая этим Господа своего, на кресте распявшегося волею, — он не хотел уподобляться Ему в образе распятия, желая под ноги Его преклонить свою голову. Так скончался великий апостол Господень, святой Петр, прославив Бога крестною смертью: терпя великую муку от гвоздей в руках и ногах, он предал непорочную душу свою в руки Божии 29 июня[1]. Ученик

[1] *Святой апостол Петр* скончался в 67 году по Рождестве Христовом в одно время со святым апостолом Павлом. Святой апостол Петр был погребен на Ватиканском холме, а святой апостол Павел близ Остийской дороги недалеко от Рима. По преданию Римской церкви, главы обоих апостолов хранятся в Латеранском соборе в Риме; тело же святого Петра почивает в Ватиканском соборе, а святого

его, святой Климент, испросив тело апостола, снял его со креста, спрятал и, созвав оставшихся верных и святителей, похоронил с честью; также предали честному погребению тела и пострадавших с ним Иродиона, Олимпа и прочих верных, славя Христа Бога, со Отцом и Святым Духом славимого вовеки. Аминь.

Павла —в загородной церкви его по Остийской дороге. — От святого апостола Петра святая Церковь имеет, как драгоценное наследие, два его соборные послания; из них первое написано около 65 года в Вавилоне, а второе незадолго до кончины в Риме. В этих посланиях святой апостол Петр убеждает христиан проводить жизнь строгую, святую и воздержную, достойную их высокого звания, предостерегая от увлечения соблазнами язычества от проповеди грядущих лжеучителей.

ЖИТИЕ, ПОДВИГИ И СТРАДАНИЕ

СВЯТОГО СЛАВНОГО И ВСЕХВАЛЬНОГО ВЕРХОВНОГО АПОСТОЛА

ПАВЛА

Святой апостол Павел, прежде апостольства называемый Савл[1], по происхождению был еврей, от племени Вениаминова; родился он в Тарсе киликийском, от родителей знатных, живших прежде в Риме, потом переселившихся в Тарс Киликийский[2], с почетным званием римских граждан, поэтому и Павел назывался римским гражданином. Он приходился сродником святому первомученику Стефану и (вероятно, вместе с ним) послан был родителями в Иерусалим для изучения Моисеева закона; там он был в числе учеников славного в Иерусалиме учителя Гамалиила. Товарищем по учению и другом его был Варнава, ставший потом апостолом Христовым. Савл основательно изучил закон отцов, сделался великим приверженцем его и присоединился к партии фарисеев (строгих ревнителей всего отечественного и наружно благочестивых).

---

[1] *Савл* — еврейское имя, значит «желанный»; «вымоленный»; Павел — имя римское, значит «малый». Некоторые ученые думают, что он был долгожданный, перворожденный сын и получил оба имени при самом рождении, как римский гражданин, по отцу. А святитель Димитрий Ростовский, следуя мнению святого Златоуста, Амвросия и других, думает, что Савл при самом крещении переименован был в Павла. В книге же Деяний апостольских нет никакого сведения, когда и по какой причине совершилась эта перемена имени.

[2] *Тарс* — некогда большой и населенный город на юго-востоке Малой Азии, главный в провинции Киликии, при реке Кинде, недалеко от Средиземного моря. И ныне он значительный и торговый город с сорока тысячами жителей.

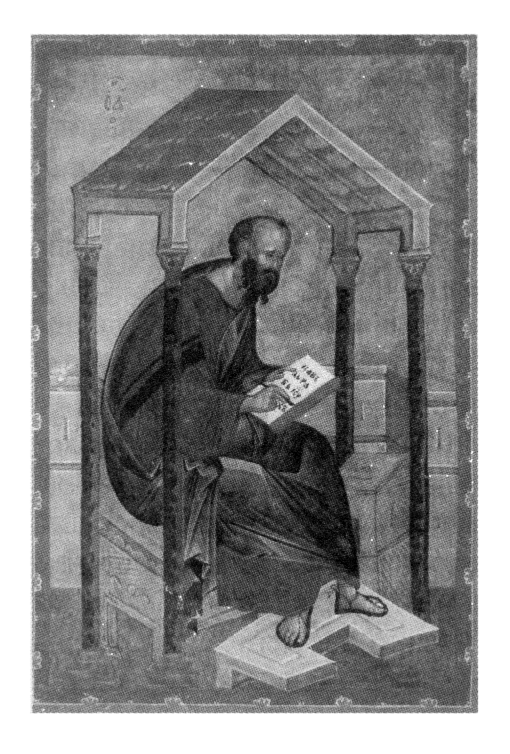
В то время в Иерусалиме и в окрестных городах и странах святые апостолы распространяли благовестие Христово; причем у них часто происходили долгие споры с фарисеями и саддукеями (отвергавшими предание и не верившими в бессмертие души) и со всеми книжниками и законоучителями иудейскими, которые постоянно ненавидели и преследовали проповедников Христовых. Ненавидел святых апостолов и Савл, и даже слушать не хотел той проповеди о Христе, издевался над Варнавой (уже ставшим апостолом Христовым), и произносил хулу на Господа Христа. А когда святой первомученик Стефан был побиваем камнями от иудеев, Савл не только не сожалел о родной ему крови, невинно проливаемой, но и одобрял убийство и сторожил одежды иудеев, поражавших Стефана. После того, испросив себе полномочие от архиереев и старейшин иудейских, он еще с большею яростью терзал Церковь (собрание верных), входя в дома и схватывая мужчин и женщин, отсылал их в темницы. Не удовлетворяясь гонением верных в Иерусалиме и продолжая дышать угрозами и убийством на учеников Господа, он отправился и в Дамаск[1], с письмами первосвященника к синагогам, чтобы и там, кого найдет из верующих во Христа, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим. Это происходило в царствование Тиверия[2].

Когда Савл приближался уже к Дамаску, вдруг осиял его свет с неба (так внезапно, сильно и ослепительно, что он упал на землю), и в то же мгновение услышал голос, говоривший ему: *Савл, Савл! что ты гонишь меня?*

---

[1] *Дамаск* — один из древнейших городов мира. Уже во времена царя Давида он был главным городом самостоятельного государства; еще до Рождества Христова подпал под власть римлян. Вера Христова утверждена была здесь рассеявшимися после убиения Стефана учениками Господа. Синагоги дамасские были подвластны иерусалимскому первосвященнику; в религиозные дела евреев гражданская власть не вмешивалась. В Дамаске и доселе указывают дом, где апостолу Павлу преподано было крещение, и место, откуда он был спущен по стене. В 1516 году Дамаск присоединен к Турецкой империи, и ныне весьма торговый и богатый город, с двухстами тысячами жителей. От Иерусалима он расположен к северо-востоку, в расстоянии около двухсот верст, в Сирии, при подошве Антиливана.

[2] *Тиверий* — римский император, с 14 по 37 год по Рождестве Христовом. При нем был распят Иисус Христос.

Он же, полный изумления, спросил: *Кто Ты, Господи?*

Господь же сказал: *Я Иисус, Которого ты гонишь, трудно тебе идти против рожна*[1].

Савл в трепете и ужасе спросил: *Господи, что повелишь мне делать?*

И Господь сказал: *Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать* (Деян. 9, 4–6).

В ужасе были и воины, шедшие с Савлом, и, пораженные необыкновенным светом, стояли в оцепенении: голос, говорящий к Савлу, они слышали, а никого не видели.

По повелению Господа, Савл встал с земли и с открытыми глазами своими ничего не видел: ослепли телесные его очи, но начали прозревать очи духовные.

Проводники и помощники Савла повели его за руку и привели в Дамаск; там он пробыл три дня, ничего не видя, и в чувстве раскаяния не ел и не пил, и только непрестанно молился, чтобы Господь открыл ему волю Свою.

В Дамаске же был святой апостол Анания[2], которому Господь, явясь в видении, повелел отыскать Савла, жившего в доме некоего мужа, по имени Иуды, и просветить телесные его очи прикосновением, а душевные — святым крещением.

Апостол отвечал: «Господи! Я слышал от многих об этом человеке, сколько зла сделал он святым Твоим[3] в Иерусалиме; и здесь

[1] *Идти против рожна* — народная пословица, выражающая тщету усилий противодействовать силе неодолимой, а тем более всемогущей, божественной.

[2] *Анания* — был христианином из иудеев, потом поставлен епископом в Дамаске и скончался мученически — побит камнями в Елевферополе (между Иерусалимом и Газою). — Память его — 1 октября.

[3] *Святым твоим* — так назывались в первое время христиане, по освящении их во Христа, по их непорочной жизни и любви взаимной.

имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое».

Но Господь сказал ему: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое»[1].

Святой Анания, отправясь по повелению Господню и отыскав Савла, возложил на него руки: и тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, вдруг он прозрел и, встав, принял крещение и исполнился Духа Святого, посвящающего его в апостольское служение, и переименован был из Савла в Павла, и немедленно начал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий[2].

И все слышавшие удивлялись (этой перемене в мыслях гонителя Церкви Христовой) и говорили:

— Не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя это? Да и сюда за тем пришел, чтобы вязать их и вести к первосвященникам? (см.: Деян. 9, 21).

А Савл более и более укреплялся в вере и приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, доказывая им, что это есть Христос (то есть обетованный Мессия). Иудеи наконец воспылали на него гневом, согласились убить его и сторожили у ворот городских день и ночь, чтобы он не убежал от них. Ученики же Христовы, бывшие в Дамаске с Ананием, узнав о совещании иудеев, решивших убить Павла, взяли его и ночью в корзине спустили из окна дома, примыкавшего к городской стене. Он же, выйдя из Дамаска, не тотчас направился к Иерусалиму, но прежде пошел в Аравию[3], как сам о том

---

[1] *Пред язычниками* — они поставлены на первом плане в знак того, что Павел будет проповедником преимущественно между ними. «Скажу ему» — слова Господа успокоительные для Анании; смысл их: иди, не опасайся: теперь никто из христиан не пострадает от Савла, напротив, он сам пострадает за имя Мое.

[2] *Возложил руки* — в знак сообщения ему благодати Господней еще до крещения: все, касающееся Павла, хотя совершалось чрез человека, но Сам Бог был совершителем всего. — «Чешуя отпала»: это было лишь внутреннее ощущение Павла; ему показалось, что как бы чешуя отпала от глаз его. Немедленная после того проповедь его в Дамаске показывает пламенный дух его и всецелое принятие веры во Христа.

[3] Подробности пребывания его в Аравии совершенно неизвестны. Вероятно, он предавался изучению Писания и готовился к новой деятельности, указанной ему Господом.

пишет в послании к Галатам: *Я не стал, тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром* (Гал. 1, 16–18).

Придя же в Иерусалим, Павел святой старался присоединиться к ученикам Господа, но те опасались этого, не веря, что и он уже ученик Господень. Святой же апостол Варнава, увидев его и убедившись в обращении его ко Христу, обрадовался и, взяв его за руку, привел к апостолам, и Павел рассказал им, как он на пути видел Господа, и что сказал ему Господь, и как он — Павел — в Дамаске смело проповедовал во имя Иисуса. И святые апостолы исполнились радости и прославили Господа Христа. Павел же святой и в Иерусалиме о имени Господа Иисуса состязался с иудеями и еллинистами[1] и доказывал им, что Иисус есть предсказанный пророками Христос.

Однажды, стоя в церкви и молясь, Павел неожиданно и непроизвольно пришел в исступление[2] и увидел Господа. Господь сказал ему: *Поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что [здесь] не примут твоего свидетельства о Мне.*

Павел же сказал: *Господи! им* (иудеям) *известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его* (Деян. 22, 19–20).

И сказал ему Господь: *Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам* (Деян. 22, 21).

После этого видения, Павел святой, хотя и желал еще несколько дней пробыть в Иерусалиме, утешаясь свиданием и беседою с апостолами, но не мог: иудеи, с коими он спорил о Христе, разъярились и хотели убить его. Узнав об этом, иерусалимские христиане проводили его в Кесарию[3] и оттуда морем отправили в Тарс (на его

---

[1] *Еллинистами* назывались иудеи, жившие в разных странах языческого мира и говорившие на распространенном тогда греческом языке.

[2] *Исступление* (иначе — *экстаз*) — необычайное состояние человека, не по воле его бывающее, когда в бодрственном его положении внешний мир как бы закрывается для его *телесных чувств*, а *внутреннему* чувству его открываются явления невидимого, духовного мира, какие Богу угодно даровать ему в видении; в таком состоянии был и апостол Петр, во время молитвы на кровле дома в Иоппии.

[3] *Кесария* — в древности название многих городов Римской империи. Здесь разумеется Кесария в Палестине, построенная Стратоном, в честь кесаря Октавия

родину), где он и пробыл некоторое время, проповедуя соотечественникам слово Божие.

Сюда же потом, по внушению Святого Духа, пришел Варнава и взял Павла с собою в Антиохию Сирийскую, зная о назначении его быть апостолом язычников; проповедуя здесь целый год в синагогах, они многих обратили ко Христу и назвали их христианами[1]. По прошествии же года оба святые апостолы, Варнава и Павел, возвратились в Иерусалим и рассказали святым апостолам то, что произвела благодать Божия в Антиохии, и весьма обрадовали Христову Церковь в Иерусалиме[2]. При этом они принесли обильную милостыню от доброхотных жертвователей в Антиохию, в пользу живших в Иудее братий нищих и убогих[3], так как в то время, в царствование Клавдия[4], был великий голод, предсказанный, по особенному откровению Святого Духа, святым Агавом, одним из семидесяти апостолов[5].

Выйдя из Иерусалима, Варнава и Павел опять пришли в Антиохию. Когда они пробыли здесь какое-то время в посте и молитвах,

---

Августа, при Средиземном море, верст около ста от Иерусалима, к северо-западу, бывшая местопребыванием римских правителей Иудеи; она была укреплена и украшена Иродом, некогда с превосходною гаванью; ныне — груда развалин. В Палестине была и другая Кесария, при подошве горы Ливана, построенная тетрархом Галилейским Филиппом в честь кесаря Тиверия и называвшаяся Кесарией Филипповой (в древности она называлась Вансей).

[1] Название *христиан* произошло не в среде последователей Господа, которые обыкновенно называли друг друга братьями, учениками, верующими; оно употреблялось сначала вне Церкви, и, вероятнее, всего, дано последователям Господа язычниками антиохийскими, которые, встречая очень значительное число верующих, перестали считать их за секту иудейскую и придали христианству самостоятельное значение.

[2] *Церковь в Иерусалиме*, то есть: общее богослужебное собрание христиан; церкви же, как здания, явились позднее. Святые апостолы Иасон и Сосипатр едва ли не первые воздвигли в Керкирейском острове (ныне Корфу, один из Ионических островов, близ Албании) прекрасную церковь во имя святого первомученика Стефана.

[3] Это было первое единение Церкви Христовой из язычников с церковью из иудеев, в которой торжественно выразилась братская любовь; вместе с тем, это было свидетельством великой благодати Божией, действующей в церкви из язычников.

[4] *Клавдий кесарь*, преемник Калигулы, занимал римский престол с 41 по 54 год по Рождестве Христовом; в продолжение этого времени голод не раз свирепствовал в разных областях Римской империи.

[5] Память святого Агава совершается 8 апреля и 4 января (собор 70 апостолов).

в служении Божественной литургии и в проповедании Слова Божия, благоугодно было Святому Духу послать их к язычникам на проповедь[1]. Дух Святой сказал к старейшинам в Антиохийском собрании: *Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их* (Деян. 13, 2).

Тогда пресвитер, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустил их[2].

По внушению Святого Духа, Варнава и Павел пришли в Селевкию[3] и оттуда отплыли на остров Кипр (на родину апостола Варнавы). Здесь, быв в Саламине[4], проповедовали слово Божие в синагогах иудейских и прошли весь остров даже до Пафа[5], где нашли они некоего Елима (волхва) лжепророка иудеянина, именем Вариисуса, который находился при тамошнем проконсуле Сергие Павле, муже разумном и, как видно, имел влияние на него. Проконсул, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать от них Слово Божие и внимал их проповеди. А Елима-волхв, противляясь им, старался отвратить проконсула от веры. Святой же Павел, исполнившись Духа Святого

---

[1] *Благоугодно было Духу Святому*, то есть в общем собрании Антиохийской церкви, когда происходило богослужение, с совершением Евхаристии, один или несколько пророков, участвовавших в богослужении, выразили внушение Святого Духа — отделить Варнаву и Савла на проповедь к язычникам. А может быть, и сами апостолы Варнава и Павел объяснили собранию призвание их, и собрание отпустило их. Таким образом здесь начинается первое апостольское путешествие святого Павла. Он приготовлен был к нему чрезвычайным откровением — *восхищением до третьего неба* (2 Кор. 12, 1–5). Святитель Иоанн Златоуст пишет: «Ум ли только и душа были восхищены, а тело оставалось мертвым? Или и тело было восхищено? Этого нельзя определить. Если не знает Павел, который был восхищен, то тем более не знаем мы». «Мир духовный, куда восхищен был Павел, как не подлежащий пространству, существует везде; а поэтому требуется только, чтобы в духе человека раскрылась способность к сообщению с ним, и он, оставаясь в теле без всякой перемены места, может быть на небе — в обществе Ангелов и блаженных душ» (Иннокентий Херсонский).

[2] Совершение при этом особого поста и молитвы показывало, что Церковь Иерусалимская признавала делом особой важности посольство Павла и Варнавы на проповедь язычникам.

[3] *Селевкия* — небольшой портовый город при реке Оронте, при впадении реки в море.

[4] *Саламин* — приморский город, где апостолы высадились.

[5] *Паф* — главный город острова Кипра, местопребывание правителя, находился на берегу, противоположном Саламину: очевидно, апостолы прошли чрез весь остров и, конечно, проповедовали о Христе.

и устремив взор на волхва, сказал: *О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого* (Деян. 13, 10–11). И вдруг напал на волхва мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого.

Тогда проконсул, увидев происшедшее, вполне уверовал, дивясь учению Господню. Уверовало с ним и много народа, и увеличивалось собрание верных.

Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию, что в Памфилии, из Пергии в Антиохию Писидийскую[1]. Здесь они проповедовали о Христе, и когда уже многих привели к вере, то завистливые иудеи подстрекнули начальных в городе людей, приверженных к язычеству, и с помощью их изгнали апостолов святых из города и окрестностей его.

Апостолы, отрясши здесь прах от ног своих, пошли в Иконию[2] и, пребывая там довольно времени, смело проповедовали и привели к вере великое множество иудеев и язычников не только проповедью, но и знамениями и чудесами, которые совершались руками их; там они обратили и святую деву Феклу[3] и уневестили ее Христу. А неверующие иудеи возбуждали язычников и начальников их воспротивиться апостолам и побить их камнями. Узнав об этом, апостолы удалились в ликаонские города — Листру и Дервию — и в окрестности их[4].

---

[1] *Антиохия Писидийская*, римская колония; в ней Павел и Варнава впервые проповедовали Евангелие язычникам. Ее необходимо отличать от Сирийской Антиохии или Селевкийской. Последняя основана за 300 лет до Рождества Христова при реке Оронте, в тридцати верстах от моря, Селевком Никатором, основателем царства Селевкидов, как одна из многочисленных греческих колоний; она быстро стала одним из обширных и знаменитых городов Сирии и столицей ее. В Церкви христианской она занимала второе место поле Иерусалима; предстоятели ее получили титул патриарха, теперь их резиденция в Дамаске. А сама Антиохия ныне бедный город турецкий — Антакия.

[2] *Икония* — на юго-восток от Антиохии Писидийской, в Малой Азии, при подошве горы Тавра; город, бывший некогда главным в Ликаонской епархии.

[3] Память ее — 24 сентября.

[4] *Ликаония* — область Малой Азии, соседняя с Писидией; Листра и Дервия — небольшие города в ней, на юго-востоке от Иконии.

Благовествуя в Листре, они исцелили некоего человека, который был хром от чрева матери своей и никогда не ходил; именем Христовым они воздвигли его на ноги, и он тотчас встал и стал ходить. Народ, увидев это чудо, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: *Боги в образе человеческом сошли к нам* (Деян. 14, 11).

И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием[1], и приведя волов и принеся венки, хотели принести апостолам жертвы. Но Варнава и Павел (услышав об этом) разодрали свои одежды и, подойдя к народу, громко говорили: *Мужи! что вы это делаете? И мы — подобные вам человеки* (Деян. 14, 15).

И предложили к ним слово о Едином Боге, Который сотворил небо, и землю, и море, и все, что в них, и посылает с неба дожди и времена плодоносные, и исполняет пищей и веселием сердца людей.

И говоря это, они едва убедили народ не приносить им жертвы.

В то время, как они пребывали в Листре и учили, пришли некоторые иудеи из Антиохии и Иконии и убеждали народ отстать от апостолов, дерзко говоря, что они не говорят ничего истинного, а все лгут, и еще на худшее возбудили легковерных, ибо Павла святого, как главного проповедника, побили камнями и вытащили за город, считая его уже умершим.

Он же (при помощи верующих), поднявшись, вошел опять в город, а на другой день удалился с Варнавою в Дервию. Проповедав Евангелие в этом городе и приобретши довольно учеников, они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников и умоляя их пребывать в вере. Рукоположив им пресвитеров к каждой церкви, они помолились, соблюдая пост, и предали их Господу, в Коего уверовали.

Потом, пройдя чрез Писидию, пришли в Памфилию, и проповедав слово Господне в Пергии, сошли в Атталию[2], а из нее отплыли в Антиохию Сирскую, откуда первоначально были посланы Духом Святым проповедовать язычникам слово Господне. И прибыв в Антиохию, собрали верных, и рассказали всем, что сотворил Бог с ними, и сколько народа языческого приведено ко Христу.

---

[1] *Зевс* и *Ермий* (иначе *Юпитер* и *Меркурий*) — имена языческих богов — главного и вестника воли его, иногда его сопровождавшего, покровителя торговли, посредника между людьми с богами.

[2] Ныне *Адалия*, прибрежный город в Памфилии, к юго-востоку от Пергии.

Спустя некоторое время между веровавшими иудеями и еллинистами в Антиохии возник спор относительно обрезания: одни говорили, что невозможно спастись без обрезания, другие считали обрезание тяжелым для себя делом. Поэтому оказалось нужным апостолу Павлу с Варнавою идти в Иерусалим к старейшим апостолам и пресвитерам — спросить у них мнения касательно обрезания и при этом известить их, что Бог отверз дверь веры язычникам; этой последней вестью они весьма обрадовали всю братию иерусалимскую.

В Иерусалиме, на соборном совещании, святые апостолы и пресвитеры совершенно устранили ветхозаветное обрезание, как ненужное при новой благодати, и заповедали только — воздерживаться от идоложертвенной пищи, от блудных дел и чтобы ничем не обижали ближнего, и с этим решением отпустили из Иерусалима в Антиохию Павла и Варнаву, а с ними Иуду и Силу.

Придя в Антиохию, апостолы пробыли там довольно времени и опять отправились к язычникам, разлучась друг от друга: Иуда возвратился в Иерусалим; Варнава, взяв с собой Марка, сродника своего, направился в Кипр; а Павел, избрав Силу, пошел в Сирию и Киликию, и проходя тамошние города, утверждал верных. Придя в Дервию и Листру, он обрезал в Листре Тимофея, ученика своего, чтобы только утолить ропот иудействующих христиан[1] и взял его с собою. Оттуда отправился во Фригию и Галатийскую страну, потом пришел в Мисию и думал было идти в Вифинию[2], но это не угодно было Духу Святому[3]. Ибо когда Павел находился с своими спутниками в Троаде[4], было ему ночью следующее видение: какой-то муж,

---

[1] *Тимофей* был сыном иудеянки (принявшей христианство) и язычника, и сам искренний христианин, одобряемый братиями; с его согласия Павел обрезал его, «ради иудеев», так как они ни за что бы не решились слушать слово Божие от необрезанного, которого отец притом был язычником.

[2] *Фригия* и *Галатия* — внутренние области Малой Азии; Мисия и Вифиния — северо-западные области в ней.

[3] Действия Духа не указаны дееписателем, были ли они внешние или внутренние, но апостолы ясно сознавали их, как непосредственные действия Духа Святого.

[4] *Троада* — приморский город, откуда недалеко было переправиться морем в Европу. — Македония — приморская область, прилегавшая к Архипелагу с северо-запада.

по виду македонянин, стал пред ним и умолял его, говоря: *Приди в Македонию и помоги нам* (Деян. 16, 9).

Из этого видения Павел понял, что Господь зовет его на проповедь в Македонию. И отплыв из Троады, прибыл на остров Самофраки, на другой день в Неаполь[1], оттуда в Филиппы, ближайший город Македонии, бывший колонией римлян. В Филиппах он прежде всего научил Христовой вере и крестил женщину Лидию, торговавшую багряницею (тканями и одеждами багряного или красного цвета); она упросила его поселиться с учениками своими в ее доме.

Однажды, когда Павел шел с учениками в собрание на молитву, встретила его какая-то служанка, одержимая нечистым духом прорицательным, которая прорицаниями доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и его спутниками, она кричала, говоря: *Сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения* (Деян. 16, 17).

Это она повторяла много дней.

Павел, вознегодовав[2], обратился к ней и, запретив духу именем Иисуса Христа, изгнал его из нее.

Тогда господа ее, видя, что потеряна надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повели их к начальникам города, говоря: *Сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять* (Деян. 16, 20–21).

Воеводы, сорвав с апостолов одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли их в темницу. Здесь, около полуночи, когда Павел и Сила молились, потряслась темница, отворились все ее двери, и узы ослабели. Увидев это, сторож темницы уверовал во Христа, привел апостолов в дом свой, там омыл раны их, немедленно крестился сам со всем домом своим и предложил им трапезу. И апостолы опять возвратились в темницу.

На другой день начальники города одумались, что они жестоко наказали невинных людей, и послали служителей в темницу с приказанием отпустить апостолов на свободу, — пусть идут, куда хотят.

---

[1] Приморский город *Фракии*, первый европейский город, ныне Кавана.

[2] Павел вознегодовал на это исповедание нечистого духа, не желая иметь опору своей проповеди со стороны врага Бога и человеков, как и Сам Господь не принимал исповедания демонов (Мк. 1, 24–25, 34; 3, 11–12 и др.).

Но Павел сказал к ним: *нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас* (Деян. 16, 37).

И посланные, возвратясь, пересказали слова Павла воеводам, воеводы испугались, что узники, коих они избили, оказались римскими гражданами; и придя к ним, упросили их выйти из темницы и из города. Они же, выйдя из темницы, пришли сначала в дом Лидии, у которой прежде жили, и обрадовали собравшихся там верных. Простившись с ними, отправились в Амфиполь и Аполлонию и оттуда в Солунь[1].

В Солуни, когда они уже многих приобрели благовестием, завистливые иудеи, собрав несколько негодных людей, устремились к дому Иасона, где пребывали апостолы Христовы. И не найдя там апостолов, схватили Иасона и некоторых братьев и повлекли их к начальникам города, клевеща на них, как на противников Кесаря, которые признают царем другого — именно Иисуса. И едва освободился Иасон от этой напасти.

А святые апостолы, успев скрыться от этих враждебных людей, ночью вышли из Солуни и пришли в Берию[2]; но и там злобная зависть иудейская не дала покоя святому Павлу; когда солунские иудеи узнали, что и в Берии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ и подстрекая его против Павла. Вынужден был апостол святой и оттуда уйти не из личной боязни смерти, но по настоянию братии, да сохранит жизнь свою, ради спасения многих, и братия отпустили его к морю. Спутников же своих — Силу и Тимофея — апостол оставил в Берии, чтобы утвердили в вере новообращенных, так как он знал, что иудеи только его одного головы ищут. Сам же он сел в корабль и отплыл в Афины[3].

---

[1] *Амфиполь* — главный город в первом округе Македонии, к юго-западу от Филипп; Аполлония — (ныне городок Ериссо) к юго-западу от Амфиполя, в северной части Афонского полуострова; Солунь (или Фессалоника) — главный город во втором округе Македонии, при заливе Эгейского моря, ныне важный торговый город Турции, складочное место Македонской торговли.

[2] *Берия* — город к юго-западу от Солуни.

[3] *Афины* — главный город Греции, средоточие тогдашней греческой науки, искусства и торговли. По преданию, основан около 1550 года до Рождества Христо-

В Афинах Павел возмутился духом при виде идолов, наполнявших город, и скорбел о погибели стольких душ. Он стал толковать в синагогах с иудеями и ежедневно на площадях с греками и философами их. Слушатели привели его в Ареопаг (так называлось место, где при идольском храме производился общественный суд). Привели же его туда отчасти для того, чтобы выслушать от него в бывшем собрании что-то новое, а отчасти и для того (как думает Златоуст святой), чтобы предать его суду, мукам и смерти, если услышать от него что-нибудь достойное казни.

Павел же святой, еще прежде увидев в городе какой-то жертвенник, на котором было написано: «неведомому богу», начал свою речь по этому поводу и стал проповедовать им Истинного Бога, доселе неведомого им, говоря: *Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам* (Деян. 17, 23).

И начал сказывать им о Боге — Создателе всего мира, и о покаянии, и о суде, и о воскресении мертвых.

Услышав о воскресении мертвых, одни из слушателей насмехались, а другие еще более об этом хотели услышать. И вышел Павел из собрания их не осужденный, как невиновный ни в чем: а Слово Божие, проповеданное им, было не без пользы для приобретения душ: ибо некоторые мужи, пристав к нему, уверовали во Христа; между ними был Дионисий Ареопагит[1] и некая знатная женщина, по имени Дамарь, и другие многие, и крестились.

Оставив Афины, Павел пришел в Коринф[2] и жил там у некоего иудеянина, по имени Акилы; сюда пришли к нему и Сила с Тимофеем из Македонии и вместе проповедовали о Христе. Был же Акила с своей женой Прискиллой ремеслом шатерник; Павлу было знакомо это ремесло, и он работал вместе с ними, и трудом своим приобретал пищу себе и спутникам, как сам об этом говорит в послании к Фессалоникийцам: *Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас* (2 Фес. 3, 8).

ва, в долгой жизни своей был столицей царства, республики, герцогства, в XV веке завоеван турками, в XIX веке освободился от них и стал столицей Греческого королевства.

[1] Память его — 3 октября.

[2] *Коринф* — к западу от Афин, на перешейке, известнейший в древности по своей обширной торговле, резиденция тогда римского правителя.

И опять: *Нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34).

А во всякую субботу убеждал в синагогах иудеев, доказывая, что Иисус есть Христос. Но так как они упорно противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал им: *Кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам* (Деян. 18, 6).

И когда он решил уйти из Коринфа, явился ему Господь в видении ночью, и сказал: *Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе* (Деян. 18, 9–10).

И оставался Павел в Коринфе год и шесть месяцев, поучая Слову Божию иудеев и греков, и многие уверовали и крестились, и сам начальник синагоги, Крисп, уверовал в Господа со всем домом своим и крестился. А некоторые из неуверовавших иудеев напали целой толпою на Павла и привели его пред судилище к проконсулу Галлиону (который был братом философа Сенеки[1]), но он отказался судить Павла, говоря: «Если бы от него была какая-нибудь обида или злой умысел, то я имел бы основание выслушать вас и судил бы его; а в споре вашем об учении и о законе вашем, не хочу быть судьей».

И прогнал их от судилища. После этого Павел святой, пробыв там еще довольно дней, простился с братиями и отплыл в Сирию с бывшими при нем. За ним последовали и Акила с Прискиллою, и на пути все остановились в Ефесе[2]. Там, проповедуя слово Господне, много чудес сотворил святой апостол Павел, и не только руки его являлись чудотворными, исцеляя одним прикосновением всякий недуг, но и платки его, и головные повязки, напитанные потом тела его, имели ту же чудотворную силу: ибо, будучи полагаемы на больных, тотчас исцеляли их и изгоняли нечистых духов от людей. Видя это, некоторые из скитающихся иудейских закли-

---

[1] *Сенека* родился в Испании, вскоре по Рождестве Христовом, прибыл в Рим, где приобрел известность как философ, сделался учителем императора Нерона, который потом приговорил его к смерти; Сенека открыл себе кровь и тем исполнил смертный приговор.

[2] *Ефес* — приморский торговый и главный город малоазийской провинции Ионии, он потом был центром деятельности апостола Иоанна Богослова; здесь был III Вселенский собор в 431 году; ныне Ефес — бедная турецкая деревня Аясалук.

нателей дерзали призывать имя Господа Иисуса над имеющими злых духов, говоря: «Заклинаем вас Иисусом, которого Павел проповедует». Но злой дух отвечал им: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?»

И бросался на них человек, в котором был злой дух, и одолев их, получал над ними такую силу, что бил их и ранил, так что они едва нагие могли убежать от руки бесноватого. Это сделалось известным всем ефесским иудеям и еллинам, и страх напал на всех их, и славимо было имя Господа Иисуса, и уверовали в Него многие. И даже из тех, которые занимались чародейством, очень многие, по принятии святой веры, собрали свои волшебные книги, и сосчитав цены их, нашли, что они стоили двадцать тысяч драхм[1], и всенародно сожгли все книги. Так сильно возрастало и возмогало слово Господне.

Павел же готовился идти в Иерусалим и говорил: *Побывав там, я должен видеть и Рим* (Деян. 19, 21).

Но в это время произошел немалый мятеж в Ефесе от сребреников, делавших модели храма Артемиды. По укрощении мятежа, Павел святой, пробыв в Ефесе три года, отправился в Македонию, оттуда пришел в Троаду, где пробыл семь дней.

В первый же день недели, когда верные собрались для преломления хлеба, Павел повел к ним долгую беседу, так как намеревался уйти от них в следующий день, и продолжал ее до полуночи в горнице, освещенной множеством светильников. Среди слушателей один юноша, именем Евтих, сидя на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись сонный, упал вниз, с третьего жилья (этажа), и его подняли без чувств. Святой Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: *Не тревожьтесь, ибо душа его в нем* (Деян. 20, 10).

И снова Павел взошел в горницу; привели юношу живого и немало утешились. Павел беседовал еще довольно, даже до рассвета, и, простившись с верующими, ушел оттуда.

Придя в Милит[2], Павел послал в Ефес — призвать к нему пресвитеров церковных, ибо сам не хотел зайти туда, чтобы не замед-

---

[1] *Драхма* — около двадцати копеек, следовательно, книг сожжено было на сумму до десяти тысяч рублей серебром.

[2] *Милит* — приморский город, к югу от Ефеса, некогда цветущий, основавший множество колоний, ныне простая деревня.

лить ему в пути, так как он спешил, чтобы в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме.

И когда пресвитеры ефесские собрались к апостолу, он произнес к ним поучительное слово и между прочим сказал: *Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею* (Деян. 20, 28). И предсказал им, что по отшествии его войдут к ним лютые волки, не щадящие стада. Сказал им о предстоящем путешествии: *И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса* (Деян. 20, 22–24). Потом он произнес: *И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы* (Деян. 20, 25).

Тогда немалый плач был у них. Падая на выю Павла, они целовали его, особенно скорбя от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля. Он же, дав всем последнее целование, пустился в путь.

И пройдя многие города и страны, как у берегов моря, так и на островах, и везде посетив и утвердив верных, пристал в Птолемаиде[1]; оттуда пришел в Кесарию Стратонову[2], и поселился в доме святого апостола Филиппа, одного из семи диаконов[3].

Сюда к святому Павлу пришел однажды пророк, именем Агав, и взяв пояс Павла, связал свои руки и ноги, и сказал: *Так говорит Дух*

---

[1] *Птолемаида* — древний приморский город на юге Финикии, в пределах Палестины, ныне Сен-жан-д'Акр, в 1799 году успешно выдержавший осаду Бонапарта.

[2] *Кесария* — в древности название многих городов Римской империи. Здесь разумеется Кесария в Палестине, построенная Стратоном, в честь кесаря Октавия Августа, при Средиземном море, верст около ста от Иерусалима, к северо-западу, бывшая местопребыванием римских правителей Иудеи; она была укреплена и украшена Иродом, некогда с превосходною гаванью; ныне — груда развалин. В Палестине была и другая Кесария, при подошве горы Ливана, построенная тетрархом Галилейским Филиппом в честь кесаря Тиверия и называвшаяся Кесарией Филипповой (в древности она называлась Вансей).

[3] *Апостол Филипп*, один из семи диаконов (избранный вместе с первомучеником Стефаном), проповедовал в Самарии, крестил на пути вельможу царицы Ефиопской, имел в Кесарии свой дом и семейство. Память его — 11 сентября.

Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников (Деян. 21, 11).

Когда братия услышали это, то стали со слезами просить Павла, чтобы он не ходил в Иерусалим; но Павел в ответ сказал им: *Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса* (Деян. 21, 13).

И замолчали братия, сказавши: «Да будет воля Господня!»

После этого святой апостол Павел пошел в Иерусалим с учениками своими (в числе коих был и Трофим ефесянин, из язычников обратившийся ко Христу) и радушно был принят святым Иаковом апостолом, братом Господним, и всем собранием верных[1].

В это время пришли из Асии[2] в Иерусалим на праздник Пятидесятницы иудеи, которые постоянно были врагами Павла и везде возбуждали против него мятеж. Увидев Павла в городе и с ним Трофима ефесянина, они пожаловались на Павла первосвященникам иудейским и книжникам и старцам, что он разоряет закон Моисеев, не велит обрезываться, везде проповедует распятого Иисуса, и друг друга подстрекали против Павла, чтобы схватить его. А когда они увидели святого Павла в праздник в храме Соломоновом, то вдруг придумали клевету на него, возмутили весь народ и бросились возложить на него руки, крича: «Мужи Израильские, помогите! Это тот человек, который повсюду учит против народа, закона и места этого (храма), наконец и язычников ввел во храм и осквернил святое место это» (они думали, что Павел и Трофима ввел во храм).

При этих криках весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; мятежники, схватив Павла, повлекли его вон из храма,

---

[1] *Иаков*, брат Господень, старший сын Иосифа Обручника, от первой его жены; он сопутствовал Иосифу и Пресвятой Деве Марии с младенцем Иисусом в бегстве их во Египет; по воскресении Своем, Господь удостоил его особенного личного явления Своего (1 Кор. 15, 7); по вознесении Христовом, он поставлен был от верховных апостолов первым епископом иерусалимской церкви, быв предназначен к тому Самим Господом, и по духовной жизни своей пользовался высоким уважением самих апостолов, председательствовал на апостольском соборе и, всю жизнь проведя в Иерусалиме, приобрел даже от неверующих название «Праведного». — Память его — 23 октября.

[2] *Асия* — так назывались западные провинции Малой Азии — Мисия, Лидия, Кария, то есть все западное побережье Средиземного моря, состоявшее под управлением проконсула.

и поспешно затворили двери: они хотели убить Павла, но не в храме, чтобы не осквернить святого места.

В это время до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился. Он, немедленно собрав воинов и сотников, поспешил ко храму; мятежники, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла. Тогда тысяченачальник взял его и велел сковать двумя железными цепями; потом стал допрашивать, кто он и что сделал?

Народ же кричал к тысяченачальнику, чтобы он предал смерти Павла. Но вследствие шума и разнородного говора в народе, начальник нисколько не мог дознаться, в чем именно виноват Павел, и повелел отвести его в крепость. Множество же народа последовало за начальником и воинами, крича, да будет убит Павел. Когда дошли до высшего крыльца, ведущего в крепость, Павел просил тысяченачальника, чтобы он позволил ему сказать несколько слов к народу, тот позволил. И Павел, остановясь на ступенях, обратился к народу и громко заговорил по-еврейски, говоря: *Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами* (Деян. 22, 1).

И начал рассказывать им о своей прежней ревности по закону Моисея, и как на пути в Дамаск он был осиян небесным светом, и как видел Господа, посылавшего его к язычникам.

Но народ, не желая более его слушать, стал кричать, обращаясь к тысяченачальнику: «Истреби от земли такого! Ибо ему не должно жить!»

Крича таким образом, они метали одежды и бросали пыль на воздух, увлекаясь яростью, и настаивали убить Павла.

Тысяченачальник приказал ввести его в крепость и распорядился было бичевать его, чтобы выпытать от него: за какую вину так озлобился на него народ? Но когда привязали Павла к столбу ремнями, он сказал стоявшему при нем сотнику:

— *Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?* (Деян. 22, 25).

Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря:

— Смотри, что ты хочешь делать! Этот человек — римский гражданин.

Тогда тысяченачальник подошел к Павлу и спросил:

— Скажи мне, ты римский гражданин?

Он сказал:

— Да.

Тысяченачальник смущенно проговорил:

— Я за большие деньги приобрел это гражданство.

И тотчас освободил его от оков.

На другой день тысяченачальник повелел прийти первосвященникам и всему синедриону и поставил пред ними Павла святого.

Павел, устремив взор на синедрион, сказал:

— *Мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до этого дня* (Деян. 23, 1).

Первосвященник же Анания при этих словах приказал стоявшим пред ним бить Павла по устам.

Тогда Павел сказал ему:

— Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня[1] (см.: Деян. 23, 3).

Заметив же, что в собрании одна часть саддукеев, а другая, фарисеев, Павел возгласил, говоря:

---

[1] Суровый упрек апостола Павла объясняется тем, что он или не узнал первосвященника, по слабости своего зрения, или тем, что пред ним был не прежний первосвященник, известный ему когда-то. Обличив явную и неосновательную дерзость, Павел поступил по примеру Иисуса Христа, Который так же обличил несправедливость ударившего Его прежде осуждения. Сейчас нами сказано было о слабости зрения апостола Павла, — действительно, это был недуг, на который он часто жаловался, это было, вероятно, то *жало в плоть* (2 Кор. 12, 7), от которого он страдал. Воспалительное состояние глаз Господь оставил на апостоле, как неизгладимый знак Своего чудесного явления ему на пути в Дамаск; Павел сам говорил, что лишился зрения от внезапной славы света того, так что с открытыми глазами он никого не видел, и если потом зрение ему было даровано, все же слабость в нем могла остаться: полуденное путешествие под жгучим сирийским солнцем, блеск света, превзошедшего даже этот полуденный свет, и слепота, постигшая апостола, — могли произвести воспаление и ослабление его глаз; его пребывание в пустыне и Дамаске, где многие страдают глазами, могло поддерживать эту слабость зрения, а порою и усиливало ее. Слова Павла в послании к Галатам: *вы не презрели искушения моего во плоти моей и не возгнушались им... Свидетельствую о вас, что если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне* (Гал. 4, 14–15) — достаточно ясно намекают на повреждение зрения, которое имело по временам свои припадки и сопровождалось головною болью. Вот почему, высказав упрек обидевшему его первосвященнику, Павел имел основание оправдываться, что он не мог рассмотреть, что его обидчик — первосвященник.

— Мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят (см.: Деян. 23, 6).

Когда он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось: ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа, а фарисеи признают и то и другое. Поднялся большой крик. Фарисеи говорили:

— Ничего худого мы не находим в сем человеке.

Саддукеи же утверждали противное, и великая распря продолжалась.

Тысяченачальник, опасаясь, чтобы собрание не растерзало Павла, приказал воинам взять его из среды их и отвести в крепость.

В следующую ночь святому Павлу явился Господь и сказал:

— Дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме (см.: Деян. 23, 11).

С наступлением дня некоторые из ожесточенных иудеев собрались на совещание и поклялись не есть и не пить до тех пор, пока не убьют Павла. И оказалось более сорока душ, произнесших такое заклятие. Узнав об этом, тысяченачальник отослал Павла с большим отрядом вооруженных воинов в Кесарию, к правителю Филиппу.

Проведав об этом, первосвященник Анания со старейшими членами синедриона отправились и сами в Кесарию и клеветали правителю на Павла, хулили его пред правителем и усильно домогались смерти его, но ни в чем не успели, ибо не найдено было в нем никакой вины, достойной смерти. Однако же правитель, желая доставить удовольствие иудеям, оставил Павла в узах.

Прошло два года. На место Филиппа правителем поступил Порций Фест. Архиереи просили его, чтобы он отослал Павла в Иерусалим. А это затеяли они со злым умыслом: на дороге они надеялись убить апостола Христова. И когда Фест спросил Павла, хочет ли он идти в Иерусалим на суд, Павел отвечал: *Я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева* (Деян. 25, 10–11).

Тогда Фест, поговорив с советниками, отвечал Павлу:

— Ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.

Спустя несколько дней в Кесарию пришел царь Агриппа[1] поздравить Феста и, узнав о Павле, пожелал его видеть. И когда Павел, представ царю Агриппе и правителю Фесту, подробно рассказал им о Христе Господе и о том, как он уверовал в Него, царь Агриппа сказал ему:

— Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином.

Павел же отвечал:

— Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз (см.: Деян. 26, 29).

После этих слов царь, правитель и бывшие с ними встали; отойдяв сторону, совещались между собою и решили:

— Этот человек не сделал ничего достойного смерти или уз.

Агриппа же сказал Фесту:

— Можно было бы освободить его, если бы он не потребовал суда у кесаря.

Таким образом решили отправить Павла в Рим к кесарю и отдали его и некоторых других узников сотнику царского полка, именем Юлию; а он, приняв узников и Павла, посадил их на корабль, и все пустились в плавание.

Плавание их было весьма небезопасно, вследствие противных ветров; когда же они подплыли к острову Криту и вошли в место, называемое «хорошие пристани», Павел святой, провидя будущее, советовал перезимовать там с кораблем; но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла. Когда они отплыли на средину моря, поднялся против их ветер бурный, сделалось великое волнение и пал такой туман, что целых четырнадцать дней они не видели ни солнца днем, ни звезд ночью, и даже не знали, в каком они месте, потому что их носило волнами, и они в отчаянии не ели во все эти дни и уже ожидали смерти. На корабле же было двести семьдесят шесть человек. Павел, став посреди их, утешал их, говоря:

— *Мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда. Теперь же убеждаю вас*

---

[1] *Царь Агриппа* — это был Агриппа II, сын Ирода Агриппы I, последний царь из фамилии Иродов, владетель некоторых областей в Сирии.

ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою. Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано (Деян. 27, 21–25).

И уговаривал Павел всех принять пищу, говоря:

— *Это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы* (Деян. 27, 36).

Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога пред всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу.

Когда же настал день, увидели землю, но не узнавали, что это за сторона, и направили корабль к берегу. Приближаясь к нему, корабль попал на косу и сел на мель; нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн. Воины совещались между собою перебить всех узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал; но сотник, желая спасти Павла, удержал их от этого намерения и велел умеющим плавать — первым броситься и выйти на берег; а на них смотря, и другие стали плавать, одни на досках, другие — на чем пришлось из корабельных вещей, и все вышли на землю здоровыми и спаслись из моря.

Тогда узнали, что остров этот называется Мелит[1]. Жители его, иноплеменники, оказали им немалое человеколюбие, ибо, по причине бывшего дождя и холода, они разложили огонь, чтобы обогрелись промокшие на море.

Между тем Павел набрал множество хвороста и клал на огонь; в это время ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его. Когда иноплеменники увидели висящую на руке его змею, они говорили друг другу:

— Верно, этот человек убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить.

Но Павел, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. Они было ожидали, что у него будет воспаление или он внезапно упадет мертвым, но ожидая долго и видя, что с ним не случилось никакой беды, переменили мысли и говорили, что он — Бог.

---

[1] *Мелит* — нынешняя Мальта, остров на юг от Сицилии; на Мальте и до сих пор существует предание о пребывании там апостола Павла.

Начальник того острова, именем Публий, принял спасенных от моря в дом свой и три дня дружелюбно угощал их. Отец его в это время лежал, страдая горячкою и болью в животе. Павел вошел к нему, помолился ко Господу и, возложив руки свои на больного, исцелил его. После этого события и прочие на острове больные приходили к святому апостолу и были исцеляемы.

Через три месяца все спасшиеся от моря с апостолом отплыли отсюда, уже на другом корабле и приплыли в Сиракузы[1], оттуда в Ригию[2], потом, в Путеолы[3] и, наконец, достигли Рима. И когда братия, бывшие в Риме, узнали о приходе Павла, то вышли навстречу ему даже до Аппиевой площади[4] и трех гостиниц[5]. Увидев их, Павел утешился духом и возблагодарил Бога.

В Риме же сотник, сопровождавший узников из Иерусалима, передал их военачальнику, а Павлу позволил жить особо с воином, стерегущим его.

И жил Павел в Риме целых два года, и принимал всех приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе нашем Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно.

До сих пор о житии и трудах Павловых из книги Деяний апостольских, написанной святым Лукой; о прочих же трудах и страданиях его сам он рассказывает во втором послании к Коринфянам следующим образом (в сравнении с другими, он был): *более в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях* (2 Кор. 11, 23–26).

Измерив широту и долготу земли хождением, а моря плаванием, апостол Павел изведал и высоту небесную, будучи восхищен до третьего неба. Ибо Господь, утешая Своего апостола в многоболезненных трудах, подъемлемых ради Его святого имени, показал ему

---

[1] *Сиракузы* — приморский город на юго-восточном берегу Сицилии, в восемнадцати милях от Мальты.

[2] *Ригия* — ныне Реджио, в Южной Италии, против Мессины, на северо-восточном берегу Сицилии.

[3] *Путеолы* — ныне *Пуццоло*, приморский город близ Неаполя.

[4] *Аппиева площадь* — небольшой городок, около семидесяти верст от Рима.

[5] *Три гостиницы* — местечко в пятнадцати верстах от Рима.

небесное блаженство, которого око никогда не видело, и слышал он там неизреченные глаголы, которых человеку нельзя пересказать.

Как же совершил апостол святой прочие подвиги своего жития и деятельности, повествует Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской, историк церковных событий[1].

После двух лет узничества в Риме, святой Павел был отпущен на свободу, как ни в чем неповинный, и проповедовал слово Божие то в Риме, то в других западных странах.

А святой Симеон Метафраст[2] пишет, что после римских уз еще несколько лет трудился апостол в благовестии Христовом: выйдя из Рима, он прошел Испанию, Галлию и всю Италию, просвещая язычников светом веры и от прелести идольской обращая ко Христу. Когда он был в Испании, одна благородная и богатая женщина, услышав о проповеди апостольской о Христе, пожелала видеть самого апостола Павла и уговорила своего мужа Проба, да умолит апостола святого прийти в дом их, чтобы они могли радушно угостить его. И когда Павел святой вошел в дом их, она взглянула на лицо его и увидела на челе написанные золотом слова: «Павел Христов апостол». И увидев это (чего никто другой не мог видеть), она пала к ногам апостола с радостью и страхом, исповедуя Христа истинным Богом и прося святого крещения. И первая она приняла крещение (имя ей Ксантиппа), потом и муж ее Проб, и весь дом их, и начальник города Филофей, и многие другие там крестились.

Пройдя все эти страны на Западе, озарив их светом святой веры, и провидев приближающуюся страдальческую свою кончину, святой апостол опять возвратился в Рим, откуда писал к ученику своему Тимофею святому, говоря: *Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный* (2 Тим. 9, 6–8).

О времени страдания святого апостола Павла неодинаковы изве-

---

[1] *Евсевий Памфил* — епископ Кесарии Палестинской (268–340 гг.), церковный историк, близко стоявший ко многим великим событиям своего времени.

[2] *Симеон Метафраст* — собиратель и составитель житий святых, секретарь императора Константина VII; скончался около 940 года.

стия у церковных историографов. Никифор Каллист[1] во второй книге своей истории, в тридцать шестой главе, пишет, что святой Павел пострадал в один год и в один день со святым апостолом Петром, за волхва Симона, которого одолеть он помогал Петру. Другие же сказывают, что спустя целый год по смерти Петра пострадал Павел 29 июня, в который за год пред этим был распят святой Петр. Причиной смерти Павла приводят то, что он проповедью Христовой увещевал девиц и женщин к целомудренной чистой жизни. Впрочем, в этих известиях нет большого разногласия: ибо в житии Петра святого (по Симеону Метафрасту) говорится, что Петр святой пострадал не тотчас после погибели Симона-волхва, а по прошествии нескольких лет, из-за двух любимых Нероном наложниц, которых апостол Петр обратил ко Христу и научил жить целомудренно. А так как и Павел святой жил в Риме и окрестных странах в то же время, когда и Петр, что легко могло быть и то и другое, то есть что Павел святой помогал Петру святому и на Симона волхва, во время первого своего пребывания в Риме, и придя в Рим во второй раз, опять с Петром святым единодушно служил спасению людей, наставляя мужчин и женщин целомудренной чистой жизни. И таким образом святые апостолы возбудили ярость нечестивого и развратной жизнью жившего царя Нерона[2], который, осудив их обоих на смерть, казнил Петра, как иностранца, распятием, а Павла, как римского гражданина (которого нельзя было предать бесчестной смерти), усечением главы, если не в один и тот же год, то в один и тот же день. Когда усечена была честная глава Павлова, от раны истекла кровь с молоком. Верные же, взяв святое тело его, положили в одном месте со святым Петром.

Так скончался избранный сосуд Христов, учитель народов, всемирный проповедник, самовидец небесных высот и райских доброт, предмет удивления Ангелов и человеков, великий подвижник и

[1] *Никифор Каллист* — греческий церковный историк; особенно замечательна его «Церковная История» в двадцати трех книгах, из которых до нас дошли первые восемнадцать, а из остальных только отрывки; скончался в 1350 году.

[2] *Нерон* — римский император с 54 по 68 год, запятнал себя своею жестокостью даже по отношению к самым близким своим родным и в особенности по отношению к христианам. Вместе с тем он был покровителем ученых, поэтов, певцов и сам участвовал в Олимпийских играх. Тщеславный, развратный, необузданный, он возбудил против себя заговор и принужден был умертвить себя.

страдалец, претерпевший и на своем теле язвы Господа своего, святой верховный апостол Павел, и вторично, уже кроме тела, вознесен до третьего неба и предстал Троичному Свету, вместе с другом и сотрудником своим, святым верховным апостолом Петром[1], перейдя из Церкви Воинствующей в Церковь торжествующую, при радостном благодарении, гласе и восклицании празднующих, и ныне они славят Отца и Сына и Святого Духа, единого в Троице Бога, Которому и от нас грешных воссылается честь, слава, поклонение и благодарение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] *Святой апостол Павел* оставил нам в своих посланиях имена и других сотрудников своих. Они с такой любовью помогали ему, и сам он так был доволен ими, что в очерке жизни его следует упомянуть хотя о некоторых из них, о которых он сам с благодарностью вспоминает. Так, например, он называет *Луку*, по всем Церквам похваляемого за Евангелие и притом избранного от церквей, сопутствовать Павлу для благотворения (2 Кор. 8, 18–19), *Тимофея*, который подобно апостолу трудился для дела Господня, и Павел не имел никого равно усердного. Тимофей служит ему в благовествовании как сын отцу (1 Кор. 16, 10; Флп. 2, 19–29); называет *Тихика*, как возлюбленного брата и верного в Господе служителя, способного доставить сердечное утешение (Еф. 6, 21–22); *Прискиллу* и *Акиллу*, сотрудников своих во Христе Иисусе (Рим. 16, 3); *Епафраса*, возлюбленного сотрудника своего и верного служителя Христова (Кол. 1, 7); *Аристарха*, *Марка*, *Иуста*, сотрудников для Царствия Божия и как свою отраду (Кол. 4, 10–11); *Тита*, истинного сына по общей вере, которому Павел поручал довершить в Крите неоконченное, который утешал его и своим прибытием, и радостью, и расположенностью к верующим: «это мой товарищ и сотрудник» (Тит. 1, 4–5; 2 Кор. 7, 6, 13, 15; 8, 23); *Сосфена*, бывшего потом епископом в Колофоне (1 Кор. 1, 1). Вспомним, наконец, Силу, который вместе с Тимофеем остался в Берии среди всех опасностей, лишь бы утвердить братию в вере, согласно желанию апостола Павла (Деян. 17, 13–15). И много их было даже по имени не названных, и только по делам любви своей памятных.

День тридцатый

Собор святых славных и всехвальных двенадцати апостолов: Петра (житие 29 июня), **Андрея** (4 ноября), **Иакова Зеведеева** (30 апреля), **Иоанна** (26 сентября), **Филиппа** (14 ноября), **Варфоломея** (11 июня), **Фомы** (6 октября), **Матфея** (16 ноября), **Иакова Алфеева** (9 октября), **Иуды** (Фаддея) (19 июня), **Симона Зилота** (10 апреля) и **Матфея** (9 августа).

Праздник весьма древний. Свидетельства о нем встречаются уже в IV веке.

В тот же день **память преподобного Петра**, царевича Ордынского, **Ростовского** чудотворца († 29 июня 1290 года).

АЛФАВИТ СВЯТЫХ,

жития и память которых помещены в этой книге

* Звездочка, поставленная около имени святого, означает, что в книге помещено его изображение.

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТИ

Старинные меры длины и денежные единицы

Аршин — мера длины. В XVI–XVII вв. в России делился на 4 четверти и был равен 72 см; при Петре I был установлен = 16 вершкам = 71,120 см = 0,7112 м. Размер аршина в различных странах от 65,2 см до 112 см.

Верста — русская путевая мера длины. В древней русской литературе применяли поприще в том же смысле, что и верста (750 сажень). В XVIII — нач. XX вв. 1 Верста = 500 сажень = 1500 аршин = 1,06680 км.

Вершок — старая русская мера длины. В XVI – нач. XX вв. 1 вершок = 4,4450 см.

Драхма — древнегреческая весовая и денежная единица. В Древней Греции драхма являлась денежной единицей равнялась 1/100 мины, делилась на 6 оболов, 600 драхм составляли 1 талант. Вес драхмы в разных частях Греции был разным. Наиболее распространенной была аттическая драхма равная 4,25 г.

Златник — первая русская золотая монета, обращавшаяся в Киевской Руси в конце X века, масса около 4,2 г.

Золотник — старая русская мера веса (массы). В XVIII в. принято деление на 96 долей, размер остался тем же, 4,26575 г. Золотник применяли при определении пробы драгоценных металлов.

Литра — 1) Древ. сицилийская весовая ед., первонач. равна 1/240 таланта (109,15 г), позднее 1/120 таланта (218,3 г), а с IV в. до н.э. — монета. 2) Византийский фунт — 327,45 г.

Локоть — древняя единица длины. Первоначально локоть определяли как расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца среднего (или большого) пальца вытянутой руки (либо сжатого кулака). В древние времена в Вавилоне и Египте царский локоть был равен 0,555 м, народный локоть — 0,45 м, в Сирии локоть был равен 0,370 м, в Риме — 0,4434 м. В России локоть был равен около 51 см, в XVI–XVII вв. — 48 см. В XVIII в. локоть выходит из употребления.

Миля — единица длины. В Древнем Риме милю определяли как «тысячу двойных шагов вооруженного римского воина (легионера)». Она равнялась 1481 м. В России применяли милю, равную 7 верстам или 7467,60 м.

Поприще — мера расстояния. Состояло из тысячи больших шагов, а в каждом таком шаге считается пять стоп. Локтей в поприще 2000; оно равно приблизительно 690 сажень.

Сажень — старая русская мера длины. В XI–XIII вв. сажень содержала 3 локтя и равнялось около 152 см. Это была так называемая прямая сажень, определявшаяся размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. В XIV в. эта сажень постепенно заменяется мерной (маховой) саженью, которая равнялась 2,5 аршина или 180 см. Применяли также сажень косую (великую), равную 248 см (определялась расстоянием от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой по диагонали), и сажень без чети, равную 197 см. В XVIII в. в качестве основной выделяется казенная (косая) сажень, равная 3 аршинам или 216 см. В XVIII — нач. XX вв. 1 сажень = 3 аршинам = 2 полусажени = 48 вершков = 12 четвертям = 100 соткам = 2,13360 м.

Стадий, стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

Фут (буквально — ступня) — единица длины. В России фут начали применять в XVIII в., он равнялся 1/7 сажени или 0,30480 м.

